

**МИФЫ, ПРЕДАНИЯ
И СКАЗКИ
ФИДЖИЙЦЕВ**

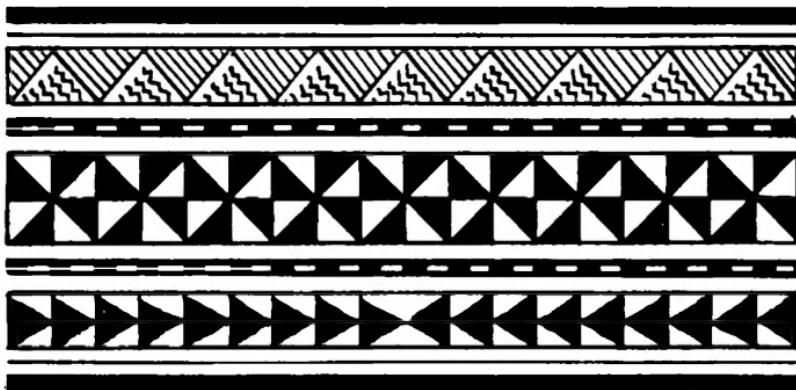

**СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

**МИФЫ,
ПРЕДАНИЯ
И СКАЗКИ
ФИДЖИЙЦЕВ**

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОСКВА 1989

ББК 82.33(83Фи)
М68

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

И. С. БРАГИНСКИЙ, Г. А. ЗОГРАФ, Е. М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
С. Ю. НЕКЛЮДОВ (отв. секретарь), Е. С. НОВИК,
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель),
Б. Л. РИФТИН, С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Составление, перевод с английского, французского
и восточнофиджийского языков,
вступительная статья и примечания
М. С. ПОЛИНСКОЙ

*Утверждено к печати редакцией
серии «Сказки и мифы народов Востока»*

М 4703050000-006
013(02)-89 116-89

ББК 82.33(83Фи)

ISBN 5-02-016560-3

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1989

© Скан и обработка: glarus63

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Фиджийцы любят книги, особенно толстые, даже если они написаны на непонятном им языке.

Б. Земан

Фиджийская вселенная — триста двадцать два острова, на ста пятидесяти из которых живут люди, — протянулась от 15 до 22° южной широты и от 177° западной долготы до 175° восточной. Центр этого крупнейшего архипелага Океании — два больших острова, Вануа-леву и Вити-леву, или Большой Фиджи, «с его террасами, одна над другою, с самого прибрежья до внутренних высот зеленеющий, прекрасный, покрытый плодами и цветами» [5, с. 252]. На Вити-леву находится столица современного государства Фиджи — Сува. Первая часть названия главного острова — Вити — дала имя всему архипелагу; оно знакомо европейцам ХХ в. по рекламам духов и апельсинов, керамики и ароматического масла, плетеных сумочек и авиалиний. Фиджи — это исказенное тонганское */fisi/*, в свою очередь передающее на тонганский лад фиджийское */viti/fiū/*. Этимология названия окончательно пяясна. Можно полагать, что оно происходит от **vei-ti*, озпащающего «[множество] из одного корня», т. е. множество людей одного происхождения. Возможна и иная этимология — «клубни ямса». Народная традиция толкует имя Вити по-другому. Когда на Вити-леву прибыл на легендарной лодке великий герой Луту-на-сомбасомба, он высадился у западного берега и по горным тропам двинулся на восток острова. Его люди, оставшиеся на западе и наблюдавшие за его продвижением, видели, как он с легкостью гнет и ломает огромные деревья на своем пути. Отсюда и пошло название Большого Фиджи: ведь *viti* значит «гнуть и ломать» [39, с. 169].

Уже не один век живущие на островах архипелага люди называют свою родину именем Фиджи, противопоставляя себя соседям — полинезийцам с Тонга, Самоа, Футуна, Тувалу, Токелау, меланезийцам с Новых Гебрид и Новой Каледонии, микронезийцам с островов Гилберта (Кирибати). По карте можно легко уви-

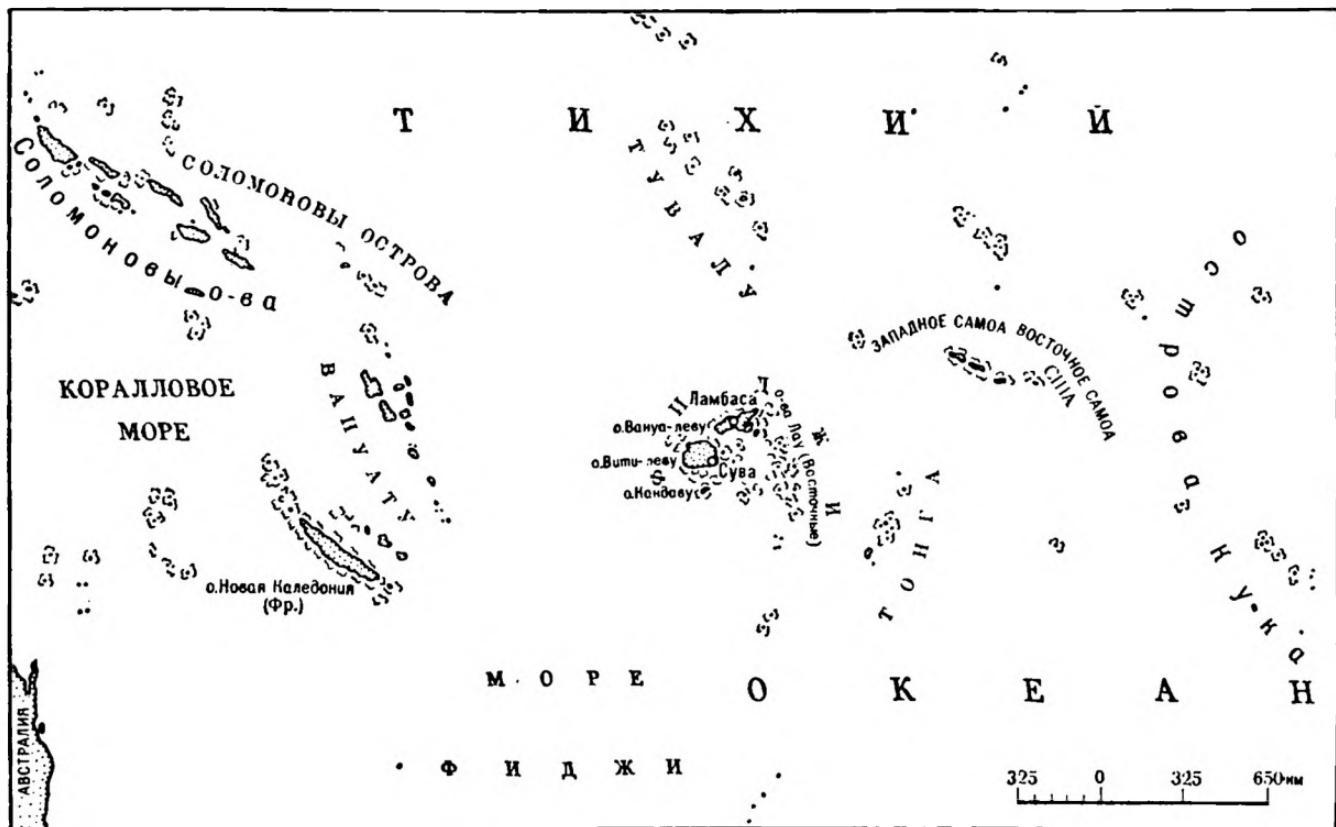
деть, что острова Фиджи лежат почти в самом центре Океании, на границе Меланезии и Полинезии, и неудивительно, что через них проходят многие традиционные морские пути.

На западе архипелага расположены острова Ясава; восточная его окраина — острова Лау (называемые также Восточными). Между Лау и «пупом» Фиджи — Вити-леву и Вануа-леву, — в море Коро, лежат семь крупных вулканических островов, образующих группу Лома-и-вити (букв. «середина Фиджи»). У восточного берега Вити-леву крохотным пятнышком примостился остров Мбау, который, несмотря на свои небольшие размеры, играл в истории Фиджи весьма значительную роль.

Большинство обитаемых островов Фиджи вулканического происхождения; меньшую часть составляют низкие острова — коралловые атоллы. Вулканические острова очень гористые, и в фиджийских мифах есть даже свое объяснение на этот счет (№ 2), главный остров архипелага перерезан с севера на юг горной цепью (в течение длительного времени расположение этих гор оказывало влияние на историю Фиджи и фиджийцев). По вулканическим островам протекают реки, среди них судоходные — Рева, Сингатока, Панга, Ндрекети, Ваи-ману. Долины рек издревле были густо населены.

Фауна тропических островов Океании, в том числе Фиджи, небогата: из сухопутных животных жители издавна знали только свиней, крыс и различных рукокрылых. Птицы, морские животные и рыбы более многообразны, но и их число не может сравниться с числом растений. Тропические леса Фиджи — замечательная лаборатория для ботаника. Уже в прошлом веке это богатство было по достоинству оценено известным естествоиспытателем Б. Земаном, составившим классический труд о фиджийской флоре [82]. И в XX в. плоды хлебного дерева, кокосовой пальмы, такие традиционные океанийские культуры, как таро, ямс, сахарный тростник, бананы, занимают почетное место в кухне фиджийцев. Впрочем, мы еще не выяснили, кого называть фиджийцами.

В современном государстве Фиджи кроме меланезийцев-фиджийцев живут также индийцы, составлявшие основной приток рабочей силы на островные плантации с конца прошлого века по 1916 г. (в настоящее время их число превышает численность автохтонов архипелага), китайцы (в основном в районе Мба), ротуманцы (остров Ротума административно относится к Фиджи), европейцы (в начале 80-х годов XX в. их было около пяти тысяч), тонганцы, самоанцы. Все они граждане Фиджи и, строго говоря, могут именовать себя фиджийцами. Условимся, однако, что речь пойдет о фиджийцах в политическом, а в этническом смысле. В современном государстве Фиджи их около 310 тысяч (оценка начала 80-х годов).

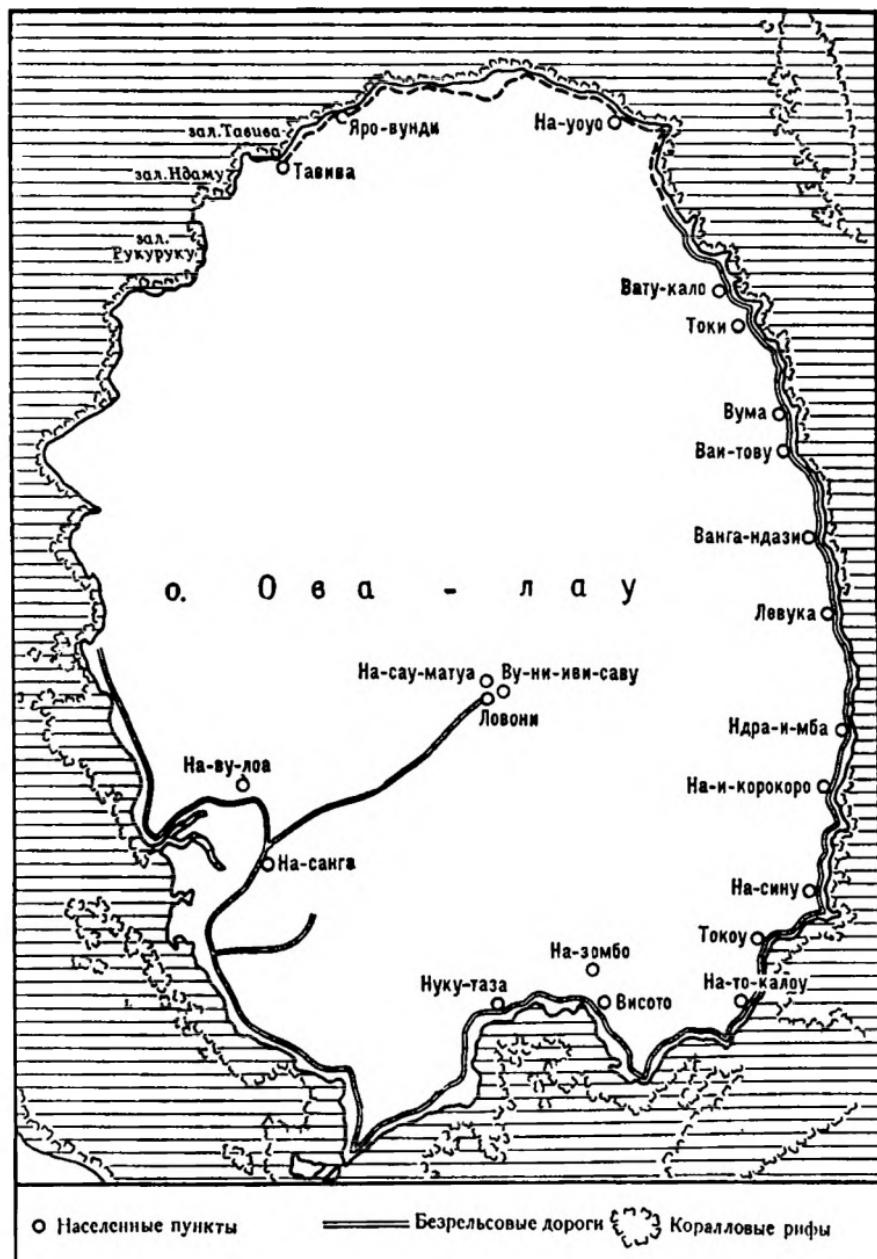

Океания. Центральная часть

Каким представляется фиджиец современному европейцу? Скорее всего никаким, а если в сознании и возникает образ, то это что-то среднее между папуасом и африканским негром. Фиджицы, отвечающие такому представлению, действительно существуют — широколицые, темнокожие, курчавые, с плоскими носами и толстыми губами. Они первыми привлекли внимание мореплавателей XVIII — начала XIX в., уже успевших до этого познакомиться с высокими, довольно светлокожими полинезийцами. Вот что пишет о фиджицах Ж.-С. Дюмон-Дюрвиль: «В дикарях Вити-Левских виден был сполна весь тип Меланезийский. С плоскими лицами... с курчавыми волосами, с выдающимися скулами, с толстыми губами, с бронзовою, даже черною кожею явились нам эти дикари» [5, с. 256]. И еще: «Туземцы Вити принадлежат Меланезийскому типу, и должно сказать, что они составляют в нем одну из лучших пород. Высокие, складные, проворные, мускулистые, они несклонны, как полинезийцы, к тучности... К верхушке головы лицо у них шире, нос широкий, большой, сплюснутый, рот огромный, губы толстые, зубы белые, брови густые, но всего больше отличает их кожа цвета сажи и курчавые волосы, что придает им вид мрачный и свирепый» [5, с. 306].

Но на множестве фиджийских островов есть место и для людей иного облика. На востоке, где фиджицы особенно интенсивно смешивались с полинезийцами и где существовали полинезийские колонии, тип, нарисованный Дюрвиллем, сосуществовал с чисто полинезийским. На западе, ближе к Меланезии, фиджицы новокaledонского антропологического типа, весьма точно описанного Дюрвиллем (ср. [13, с. 43]), уступали место еще более темнокожим и низкорослым своим собратьям. Различия можно было наблюдать и в облике жителей одного большого острова: у побережий преобладали высокие люди, с кожей светло-коричневого оттенка, с крупным скуластым лицом, прямым длинным носом, с волнистыми и даже с прямыми волосами, похожие на полинезийцев; во внутриостровных районах, среди фиджийских горцев, было больше людей среднего и даже низкого роста, с более темной кожей и курчавыми волосами. Ассимиляция и метисация нашего времени стерла многие различия, но окончательно они не исчезли¹.

Если все же пытаться устанавливать какие-то барьеры, то главная граница лежит по горам, рассекающим остров Вити-леву пополам. На запад от этой границы расположена «более меланезийская» зона, на восток — зона интенсивного полинезийского влияния. Существенно, что многие ранние исследователи Фиджи работали именно на востоке, и это не могло не сказаться на их трактовке антропологического типа и культурной принадлежности фиджицев. Но об этом ниже.

Антропологическое разнообразие сопровождается языковыми различиями внутри архипелага. Фиджийских «наречий» — если говорить старым языком — насчитывается, по разным оценкам, от восемнадцати до сорока (ср. [35, с. 193—194; 69, с. 406; 73, с. 34; 80; 81]), причем некоторые различаются настолько, что их скорее

следует считать отдельными языками (обобщающая книга об их истории [38] так и называется — «История фиджийских языков»). Сейчас стало практически общепринятым выделять западный и восточный фиджийские языки, каждый из которых делится, в свою очередь, на диалекты.

На антропологическую и языковую неоднородность населения Фиджи одним из первых обратил внимание Горацио Хейл, замечательный ученый, побывавший в Южных морях в составе Американской научной экспедиции 1844—1846 гг. Хейл был склонен считать фиджийцев меланезийцами, но указывал на заметное их сходство с полинезийскими народами. Сильному смешению черт двух регионов способствовало, по его мнению, пограничное положение Фиджи — на пути из «меланезийцев в полинезийцы». Сомнения Хейла относительно статуса Фиджи нашли отражение в составленной им карте океанийских народов и их миграций. Все острова Тихого океана разнесены по четырем кругам — полинезийскому, меланезийскому, микронезийскому, малайскому, Фиджи же не входят ни в один из этих кругов. Со временем Хейла ведет свое начало традиция описания фиджийцев как мелано-полинеазийцев (ср. [17, с. 88; 18, с. 40]) или как «меланезированных полинезийцев» (У. Хауэллз).

В современной науке принято относить фиджийцев к меланезийцам — с оговоркой, что они по языку и антропологическому типу делятся на две группы, из которых восточная подверглась значительному полинезийскому влиянию.

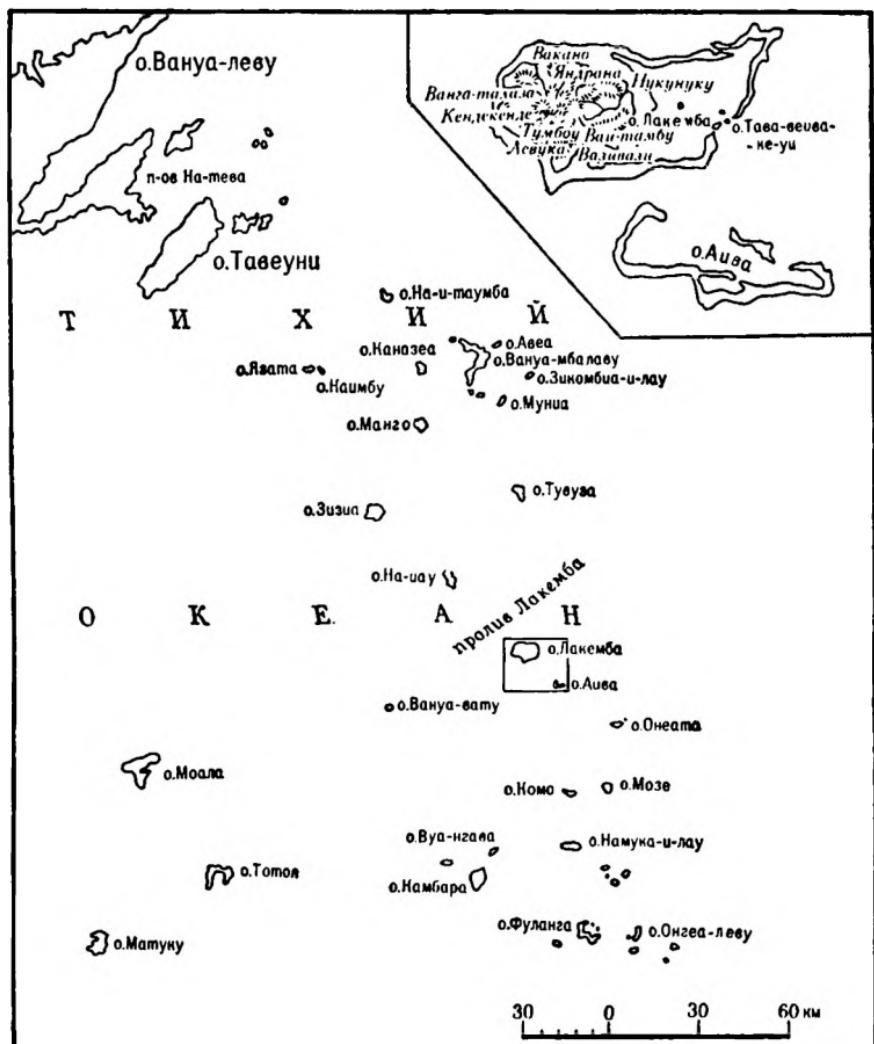
Противопоставление западных и восточных фиджийцев сложилось, по крайней мере, в силу двух причин. Первая — наличие естественной границы между востоком и западом в виде гор на Вити-леву. Вторая и главная причина — заселение островов несколькими миграциями. Здесь необходимо обратиться к археологии и к отчасти подтверждающей ее устной традиции.

По данным археологов, первоначально фиджийские острова были заселены носителями культуры керамики лапита (см. [1, с. 272—274; 12, с. 6—7]). На северо-восточном берегу Вити-леву обнаружена стоянка Нату-нуку, на южном берегу — стоянка Синга-тока. Первый памятник датируется примерно 1290 г. до н. э., второй — 500 г. до н. э. Реликты фазы лапита на Фиджи очень немногочисленны (керамика, тесла, раковинные браслеты), и судить по ним о чем-либо трудно. Вполне вероятно, что оба памятника — остатки временных, сезонных стоянок, на которых располагались охотники за морскими черепахами. В Синга-тока обнаружены также раковинные ножи, тесла нескольких типов, кости неизвестных животных и рыб. Общее знание культуры лапита позволяет с иссомненностью судить о том, что Фиджи были заселены с запада, что носители культуры владели навыками морского пла-

вания и пользовались лодками с балансиром. Говорили они на австронезийском языке.

Из многочисленных гипотез о социальном статусе открывателей новых островов наиболее вероятными кажутся две. Гончары лапита могли быть колонистами и торговцами, намеренно пустившимися «на поиски новых территорий и новых рынков в районе расселения земледельческих обществ... Меланезии» [1, с. 281]. Вторая возможность, которую нельзя сбрасывать со счетов, состоит в том, что гончары лапита были молодыми воинами, сама социальная роль которых предписывала им пускаться в далекие путешествия или плавания в поисках нового места, подобно тому как делали это скифские юноши или до сих пор делают юноши некоторых африканских племен (гипотеза о такой «скрытой инициации» у древних австронезийцев высказана в недавнее время в ряде устных сообщений С. В. Кулландой). Какое бы из предположений ни оказалось впоследствии верным, несомненно, что носители куль-

Острова Лау (Восточные)

туры лапита были помимо всего прочего прекрасными мореходами. Вероятно, у них уже были двойные лодки, способные перевозить большие грузы (далние межостровные перевозки товаров составляли характерную черту хозяйства лапита). Аргонавты солнечного восхода, как назвал этих мореплавателей П. Бак (Te Rangi Hiroa), хорошо ориентировались в океане по звездам; их знания мореходства переходили из поколения в поколение. Именно высокое искусство мореплавания позволило гончарам лапита оставить Юго-Восточную Азию, в которой и зародилась их культура, и за менее чем тысячелетний срок покорить себе боль-

шую часть Океании. Огромная волна миграции докатилась до запада нынешней Полинезии, но к середине первого тысячелетия до н. э. стихла: «Все силы уходили на основание новых обществ на больших, ранее не заселенных островных группах» [1, с. 281], и в их числе Фиджи.

По-видимому, за первоначальным заселением больших островов последовало долгое и непростое их освоение, причем отдельные группы первопоселенцев были скорее всего разобщены. Естественно, что селились гончары лапита в первую очередь на побережьях, в долинах рек.

Напрашивается вопрос о том, были ли мореходы из Юго-Восточной Азии первыми людьми на Фиджи? Скорее всего ответ на этот вопрос будет утвердительным, хотя на этот счет имеются разные мнения [1, с. 280—281]. Существует гипотеза (см., например, [30, с. 2; 31, с. 57]) о том, что носители лапита вытеснили (или отеснили) с фиджийских земель низкорослых курчавых людей, чья культура не могла соперничать с новой. Темнокожие карлики, по мнению сторонников этой гипотезы, были предками современных папуасов. Однако, во-первых, находки последних лет все больше помогают оставить иллюзии о папуасском примитивизме [41; 101], а во-вторых, никаких указаний на то, что папуасы добрались до Фиджи, нет, разве что фиджийские сказки о пугливых малютках луве-ни-ваи (ср. № 46), крошках-вели [23, с. 88] или народце на-лека (букв. «низкий, низкорослый»), навсегда исчезнувшем с лица Фиджи. В таком случае, впрочем, можно считать папуасов предками современных гавайцев, обожающих рассказы о крошках-менехуне [18, с. 506, 638], или лилипутов — предками всех тех, у кого есть сказки об эльфах... К тому же, как мы увидим, машина времени фиджийских мифов не быстроходна и добирается лишь до относительно недавних событий нового времени. Трудно поверить, чтобы устная традиция оказалась настолько избирательной, чтобы сохранить рассказы о папуасах, живших на Фиджи задолго до новой эры (и затем перейти сразу к делам нашего тысячелетия), и настолько прочной, чтобы вообще закрепить их. Возможно, рассказы о на-лека соотносятся с более поздним временем (наступлением третьей археологической фазы), но и тогда низкий рост местных жителей, встречающихся на берегу с вновь прибывшими и тотчас обращающимися в бегство, не стоит принимать на веру: перед нами обычный прием фольклорного преуменьшения.

Носители культуры лапита оказали наибольшее влияние на формирование восточных фиджийцев. В истоках их культуры была настолько близка западнополинезийской, что это даже дало основания для предположений о заселении Фиджи не с запада, откуда распространились гончары лапита, а с Тонга или Самоа. (Впрочем, здесь отрывочная или устная традиция оказывается на стороне

современных археологов: по некоторым преданиям, на востоке Фиджи, в частности на фиджийской Ultima Thule — островах Оно,— до прихода тонганцев жили «бронзовые люди» [50, с. 45]).

В первой половине — середине I тысячелетия до н. э. на Фиджи появились меланезийские группы с запада². Если гончары лапиташли северо-западным путем, то эти группы, вероятнее всего, двигались южнее и на Фиджи попали с Новой Кaledонии (это лишь гипотеза, окончательно пока не доказанная). Эта волна иммигрантов принесла на Фиджи культуру штампованной керамики и керамики с отпечатками лопатки (керамики, орнаментированной штампом и ударами специальной резной лопатки, см. [1, с. 287—289]). По-видимому, гончары-«штамповщики» прибыли примерно в те же районы, что и гончары лапита, на побережьях частично смешались с ними, а кроме того, заселили и часть внутренних районов на больших островах. Стоянок, на которых есть штампованная керамика и керамика с отпечатками лопатки, на Фиджи немало, и, возможно, меланезийцы — носители этой культуры были более многочисленны, чем их предшественники-«лапитоиды». Один из представительных памятников — поселок На-вату на севере Вити-леву. В На-вату (ранний слой датируется 50 г. до н. э.) обнаружена не только характерная керамика, но также тесла, украшения, куриные кости. Обнаруженные в памятниках свиные кости указывают либо на охоту за кабанами, либо на начало одомашнивания свиней, а находки человеческих костей связываются с уже возникшей практикой ритуального каннибализма.

Носители керамики с отпечатками лопатки уже умели ловить рыбу не только на крючок, но и сетью (на стоянках найдены каменные грузила для сетей), делали кокосовое масло и, вероятно, учились культивировать *Aleurites toloba* и *Parinarium laurinum* (оба эти растения составляют важные компоненты в изготовлении кокосового масла). В этой фазе появляются культивируемые бананы, развивается плетение.

По-видимому, отношения между гончарами лапита и носителями второй керамики складывались сравнительно бесконфликтно: группы продолжали существовать в относительной изоляции друг от друга и под фиджийским небом места еще хватало (хотя надо сказать, что такую идиллическую картину рисует нам скорее наше незнание, чем реальность). По языку первопоселенцы-«лапитоиды» и новые мигранты были, вероятно, относительно близки; с гончарами лапита и гончарами-«штамповщиками» и связывается формирование двух близкородственных языков, восточного и западного фиджийского (весьма рано распавшихся на диалекты).

Идиллическому существованию по обе стороны гор на Вити-леву положили конец новопоселенцы II тысячелетия, так называемые носители керамики с прочерченным орнаментом. Первые

памятники керамики с прочерченным орнаментом, третьей после керамики лапита и штампованной керамики, обнаружены Э. Гиффордом в Вунда (ошибочная русская транслитерация — Вуда) на западе Вити-леву; они датируются 1100 г. н. э. Новая культура попала на Фиджи, всего вероятнее, с Новых Гебрид и Новой Британии. Носители этой культуры кормились рыболовством и земледелием, держали свиней, домашнюю птицу, занимались собирательством, умели выделять тапу, набивали ее (по-видимому, до них набивка тапы на Фиджи не была известна). Закругленные с углов основания своих жилищ, достигавших метра в высоту, они обкладывали тесанным камнем. Им, несомненно, была известна практика ритуального каннибализма.

С наступлением нового периода на Фиджи появляется настоящая лавина крепостей, равнинных и горных (ср. описание горной крепости Вату-лаза [18, с. 208]; см. также [1, с. 290—292]), построенных из камня, дерева, или земляных. Новая волна меланезийцев не смела с островов прежних жителей, но — бесчисленные укрепления тому свидетельство — принесла с собой постоянную тревогу, нарушила относительный покой старожилов, усилила вражду между ними самими...

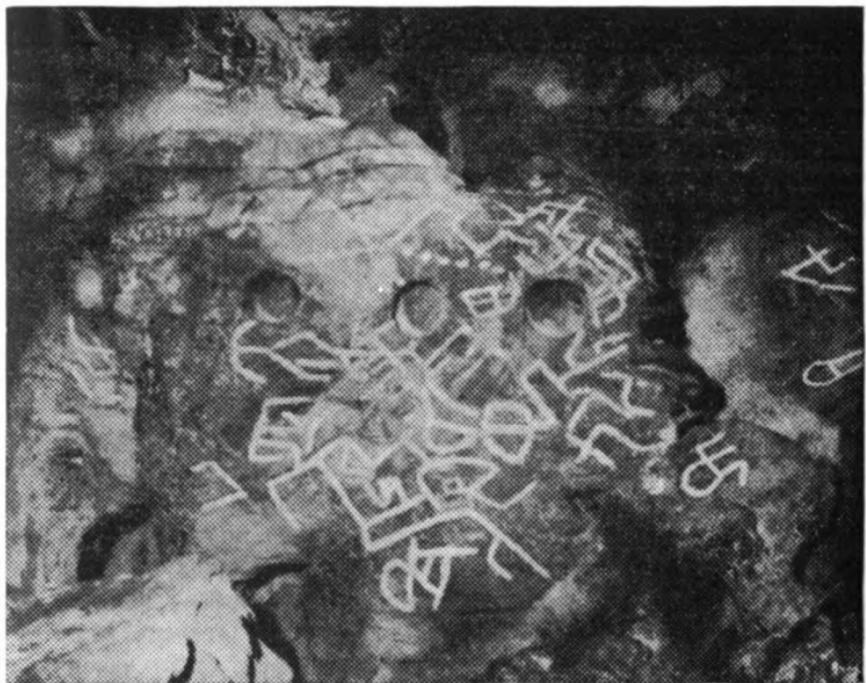
Фиджийские предания и мифы молчат о далеком времени керамики лапита и штампованной керамики, что, впрочем, неудивительно. Наступление же третьего периода и появление на островах меланезийцев новой эры описывается в них весьма красноречиво. Еще в XIX в. это побудило учёных искать в преданиях и мифах не одни только «бессмысленные рассказы» [100, с. 48]: Джон Уотерхаус предполагал, что они могут «пролить немало света на происхождение фиджийцев» [97, с. 268]; оставалось дождаться археологов XX в. Первым соотнес мифологию с археологией выдающийся этнограф, археолог и историк культуры Э. Гиффорд, занимавшийся раскопками и сбором материала на Вити-леву в середине — второй половине 40-х годов [39; 40].

Беглого знакомства с фиджийским миром духов достаточно, чтобы узнати о великом Нденгей — духе, боже, великане, словом, фиджийском Зевсе, сотворившем людей и являющемуся им в облике змеи (символика змеи для Фиджи естественна потому, что на многих островах, в частности на Вити-леву, исстари водились дре-весные боа, *Engyurus bibronii*). Нденгей живет в самом сердце гор Кау-вандра на северо-востоке Большого Вити. Мудрый, как и подобает змею, он ведает жизнью человека, ему покорны землетрясения (он повернется в своей пещере — и земля содрогается), огонь и, по некоторым представлениям, затяжные ливни. Нденгей творит людей как живых существ и как членов социума — во многих местностях обряды инициации юношей посвящаются ему (помимо всего прочего в культе Нденгей, как и в культе других

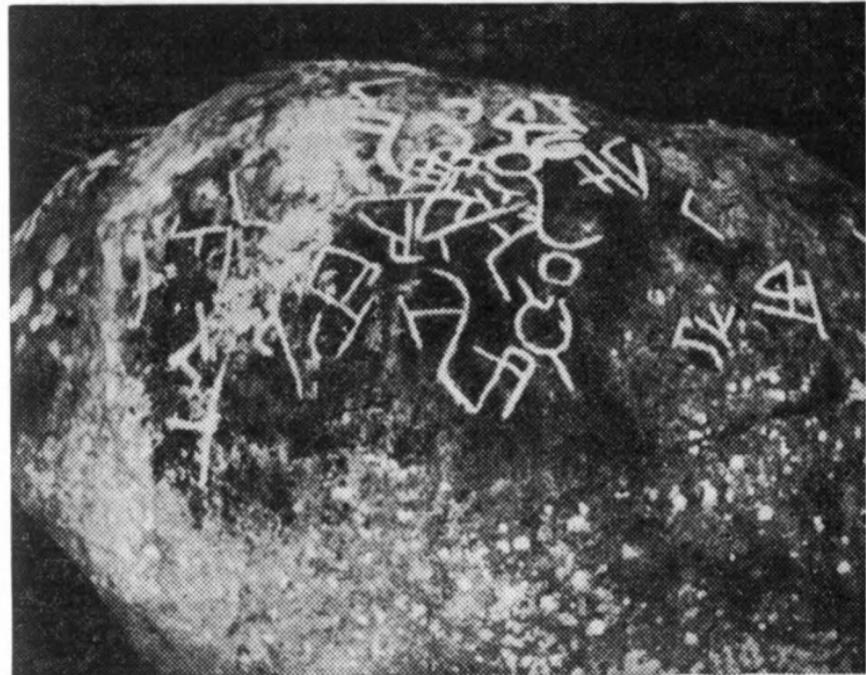
фиджийских духов, обладающих способностью принимать образ змеи или морского угря, очевидна фаллическая символика). Нденгеи подвластна и потусторонняя инициация — то своеобразное посвящение, которое должен пройти дух после смерти человека. Смерть — дело духов «того света», находящегося где-то под водой: духи называют имя того, кто должен умереть, и отправляют за ним посланного (см. о смерти Туи Оно в № 118). Через горы Каувандра проходит тропа духов умерших Туа-ле-ита (букв. «дорога в край предков»), тянущаяся с востока на запад (ср. № 52)³. Когда дух умершего, дрожа от страха и священного восторга, достигает предела Нденгеи, его ждет вторая смерть (*эмбазимба*, букв. «раздавливание», ср. в связи с этим распространенный ска зочный образ «толкучих гор», предваряющих вход в землю мертвых, — образ, параллельный образам потусторонних стражей). Эта вторая смерть подвластна Нденгеи, и, лишь представ перед великим змеем, дух умершего может попасть в Мбуроту или Мбулу — Землю Духов [23, с. 287] (см. № 49—51, 63, 64).

К великому Нденгеи, жившему всегда, не сотворенному никем, возводят свое происхождение многие фиджийцы. На Вити-леву, по данным Э. Гиффорда, к Нденгеи восходит семьдесят четыре предельно крупные родственные группы (яусы, подробнее см. ниже) [39, с. 176; 40]. В мифах и легендах предки их живут у склонов гор Каувандра, и эта жизнь очень напоминает привычный океанийский рай, где пищи и питья вдоволь, работа легка и приятна, а миропорядок банально справедлив. (Изгнание людей из этого рая разгневанным Нденгеи — отдельный сюжет, к которому мы еще вернемся.) Легендарные предки семидесяти четырех групп, ведомые Нденгеи, прибыли, как говорит предание, в край Каувандра с запада Вити-леву. Естественным развитием представлений о Нденгеи как о великом духе, создавшем людей и покорившем первоначальный хаос, оказывается и ипая, по-видимому позднейшая, версия: Нденгеи не прибывает ниоткуда, а во «времена сновидений» рождается от двух больших камней на северо-западе Вити-леву (в середине прошлого века два таких больших камня, лежащих в тоннели неподалеку от склона Каувандра, показывали Б. Земану; камни были табу [83, с. 91]).

Заселение северной половины Вити-леву — от Вунда на северо-западе до Каувандра на северо-востоке — связывается в фиджийской традиции и с другим именем — легендарного морехода, открывателя Фиджи Луту-на-сомбасомба, приплывшего к берегу Вунда с запада на легендарной лодке Кау-ни-тони. (Э. Гиффорд сравнивает эту лодку с «Мейффлаузром», доставившим в 1620 г. к берегам Америки основателей современных Соединенных Штатов.) Луту-на-сомбасомба представляется скорее предком, чем духом-демиургом, скорее человеком-героем или полудухом, чем настоя-

Камень с острова Сава-и-лау (вверху) и из Ндаку-ни-мба

Камень с острова Сава-и-лау (вверху) и из Ндаку-ни-мба

щим «большим» духом. Отчасти подтверждение тому в «неизначальности» Луту-на-сомбасомба: на судне, с неотвратимостью несущем его к берегам Фиджи, он везет каменные таблички (или один большой валун) с таинственными знаками — это мудрость его предков, а может быть, история его рода. Каменные реликвии, по-фиджийски *вбла*, которыми так дорожит Луту-на-сомбасомба, пропадают во время бури (ср. № 83). (Рисунки на камне — граффити неясного происхождения, обнаружены на Фиджи по крайней мере в двух местах — на острове Сава-и-лау в группе островов Ясава и в местности Ндаку-ни-мба на Вануа-леву, см. рис. на с. 17. Нашедший эти изображения А. Воуген [96] связывал их с индийским или китайским влиянием, а Р. Рейвен-харт, полагаясь на легенды, видел в камне из пещеры на Сава-и-лау пиктографическую генеалогию Луту-на-сомбасомба [74, с. 109 и сл.]. Отсутствие какой-либо композиции и явно пиктографический характер значков заставляют предположить, что это, вероятнее всего, индивидуальные знаки благоприятствования, паносившиеся даже в разное время: отдельные люди фиксировали с помощью этих знаков знаменательные события своей жизни или благие пожелания.)

Луту-на-сомбасомба и Нденгеи, несомненно, были связаны в сознании фиджийца: в установлении соотношения между ними была какая-то необходимость. По одним легендам, Нденгеи оказывается па Фиджи много раньше Луту; по другим, он — советник Луту-на-сомбасомба, т. е. дух существенно ниже его рангом (есть, впрочем, и компромиссная версия о том, что великий змей Нденгеи и Нденгеи, приплывший с Луту-на-сомбасомба на лодке Кау-ни-тони, не имеют между собой ничего общего [39, с. 176]); но третьим, он и Луту прибывают на Фиджи одновременно, но разными путями и, естественно, находятся в непрестанном соперничестве. Приплывают по океану на Вити-леву и другие родонаучальники фиджийцев, например Нгиза-тамбуа (см. № 85), предок явусы ноэмалу. Но даже если собрать все явусы, возводящие свое происхождение к предкам, приплывшим на Фиджи с других земель, то останется много иных, чьи предки, как окажется, жили на Фиджи всегда. Так, Э. Гиффорд противопоставляет семьдесят четыре явусы, спустившиеся с фиджийского Синая, пятистам восьмидесяти девяты, не возводящим свое происхождение к духам горы Кау-вандра [39; 40]. Заманчиво думать, что если и не все, то хотя бы большинство из тех, кто жил на Фиджи всегда, и есть низкорослые на-лека, вэли и другие крошечные герои, оттесненные завоевателями и оставшиеся только в легендах. Но ведь легенды о Нденгеи, Луту-на-сомбасомба, Нгиза-тамбуа принадлежат их потомкам, именно тем, кто настаивает на происхождении от легендарных предков. Отчего же не возвеличить своих героев (и

лодки у них длины невероятной, и сила у них необычна: деревья гнут одной рукой, и воины они непобедимые) и не принизить — в прямом смысле слова — тех, кто противопоставлен им? Желание отнюдь не сугубо фиджийское — общечеловеческое: гипербола вообще несложный, но беспрогрызный прием сознания и творчества — чтобы сделать нечто необычным, достаточно по-просту увеличить его размеры.

Итак, новые меланезийцы обосновались в первую очередь на востоке; кое-где на западе они оттеснили старожилов в горы (ср. [24, с. 44], где указывается, что меланезийцы западной части Вити-леву, несомненно, были первыми на Фиджи). После появления носителей керамики с прочерченным орнаментом жизнь на островах в течение нескольких столетий развивалась по своим внутренним законам, и поэтому заранее обречена на проигрыш в фиджийском обществе и фиджийской культуре только черты, привнесенные извне. Предания и легенды рассказывают о многочисленных усобицах, заговорах, осадах и штурмах крепостей; может быть, хотя бы часть из них — отголосок тех времен, когда фиджийская река жизни бурлила, петляла и уходила вспять. Но предания неизвестны, и следует честно признать, что о Фиджи до колонизации, т. е. до конца XVIII в., известно очень мало.

По-видимому, незадолго до колонизации, до начала исторического времени, на Фиджи встретились местные меланезийцы и полинезийцы с Тонга и Самоа, приплывшие на запад в поисках новых земель и новых сфер влияния. Встреча на своеобразной этнической границе, какой являются Фиджи, дала поразительный результат — фиджийскую материальную культуру нового времени, превосходящую культуру западных меланезийцев, а в чем-то и культуру полинезийцев (быстро перепяя у восточных соседей умение строить лодки и дома, фиджийцы превзошли их в этом искусстве).

* * *

Эпоха великих географических открытий лишь слегка задела Фиджи, проплыв мимо кораблем Тасмана и затем предав острова забвению на полтора века...

В 1642 г. генерал-губернатор Голландской Ост-Индии, авантюристический и изобретательный Антон Ван-Димен⁴, поручает способному и уже хорошо зарекомендовавшему себя Абелю Янсзону Тасману возглавить экспедицию по исследованию южной части Тихого океана. Австралия, влекущая к себе умы *Terra australis incognita*, уже была открыта Виллемом Янцем (Япсоном) в 1606 г., но о ее размерах, очертаниях берегов, природе, населении ничего не было известно.

14 августа 1642 г. из порта Батавия (ныне Джакарта) выходят корабли Тасмана — «Хемскерк» и «Земан». Вместе с ним в плавание отправляется его опытный штурман Франс Якоб Вискер. В феврале 1643 г. Тасман, еще полный впечатлений от увиденных островов Тонга, обнаруживает в своем движении на запад острова Йау и называет их островами Принца Вильгельма (Виллема).

Путь, последовавший за этим, был усеян рифами, подводными камнями, мелями — их Тасман назвал Мелями Хемскерка, — и мореплавателям было не до впечатлений. В большом напряжении экспедиция миновала риф На-нуку, прошла мимо острова Тавеуни, преодолела опасный пролив между островом Вануа-леву и островами Нуку-мбасапга, Нуку-мбалати, Нуку-се-ману и проследовала дальше на запад. После того как опасные мели и рифы были позади, Тасман записал в своем путевом журнале: «Главный штурман [Вискер] полагает, что Острова эти, где были еще вчера, что это Острова, означенные на большой карте на юго-запад от Гоорновых Островов» (цит. по [86, с. 174]). По-видимому, штурман мог соотнести эти острова только с Эспириту-Санто и соседними (открытыми де Киросом в 1606 г.), так как на карте Гесселя Герритса (1628), которой пользовался Тасман и о которой идет речь, они показаны к юго-западу от островов Хорн. Карты, оставленные Тасманом, очень точно отражают положение островов Фиджи, мимо которых шли его суда. Однако ничего о самих островах великий голландский мореплаватель не рассказывает: скверная погода и трудности пути заслонили от него какую-либо экзотику, да и интерес к каким-то мелким островам у человека, поглощенного великими мыслями об Австралии, естественно, был весьма невелик.

До конца XVIII в. ничем не примечательные острова Принца Виллема оставались незамеченными. В 1774 г. на картах мореплавателей появилось новое название — остров Черепах (остров Тартл). Так назвал остров Ватоа капитан Джеймс Кук, открывший его во время своего второго путешествия.

«Суббота, 2 июля [1774 г.]. В полдень увидели с марса землю; направились к ней.

Воскресенье, 3 июля. В 4 часа п. п. обнаружили, что открытая нами земля является маленьким островом, который простирается от NW $\frac{1}{2}$ до NWtN...

На одном из рифов, которые тянулись от острова, мы увидели четырех или пятерых туземцев, и примерно втрое большее их число собралось на берегу. Когда [наша] шлюпка стала приближаться, люди, находившиеся на рифе, ушли оттуда и присоединились к другим, и мы приметили, что, когда шлюпка пристала к берегу, все они ушли в лес.

...Штурман на веслах подошел к берегу, желая переговорить с местными жителями, которых собралось там не более двадцати, и вооружены они были дубинами и копьями; но как только он ступил на берег, все они убежали. Он оставил на берегу несколько медалей и гвоздей, а также нож; все это они, несомненно, напили потом, ибо некоторых из них мы после видели у того места, где эти предметы были оставлены.

Близ рифа замечены были черепахи, и по этой причине я назвал остров [островом] Тартл (Черепаховым). Остров лежит в широте 19°48' S и в долготе 178°2' W. Он покрыт лесом из кокосовых пальм, но слишком мал, чтобы иметь большое население, ибо в длину он не более лиги... а ширина его вдвое меньше. Он окружен коралловыми рифами, которые местами выдаются в море на две мили. Некоторые обстоятельства показывают, что здесь туземцы понятливые люди и что с ними можно было бы наладить отношения, однако с марта мы обнаружили много бурунов на SSW, и я гораздо больше желал обследовать их до наступления ночи, чем тратить остаток дня на столь незначительный остров...

Мы подняли шлюпки и направились к бурунам» [3, с. 389—390].

Во время своего третьего путешествия Кук узнал от тонганцев, с которыми общался много больше, названия других фиджийских островов: Тувана-и-ра, Тувана-и-золо, Онгеа, Мозе, Вангава, Моала, Вити (т. е. Вити-леву), Мбау.

Прошло еще немного времени. В 1788 г. британское судно «Баунти», возглавляемое лейтенантом Уильямом Блаем, отправляется на Таити за хлебными плодами. Молодой командир еще не знает, что его имени суждено сменить имя принца Вильгельма в названии океанийских островов. В 1789 г., по возвращении с Таити, на судне вспыхивает мятеж. Причина его, по мнению Блай, такова: «Пираты... абсолютно уверились в том, что среди отахеитян (таитян.— М. П.) жизнь их будет много счастливее, чем могла бы быть в Англии. К этому прибавились и небезызвестные их связи с женским полом... [Таитянские] вожди настолько полюбили наших, что даже нарочно подстрекали их оставаться... и сулили им большие богатства» (цит. по [63, с. 93, 99]).

Каковы бы ни были истинные причины бунта, Блай и кучка его людей выброшены с корабля и оказываются в небольшой шлюпке. (Вопреки традиции приключенческого жанра, пообещаем сразу, что шлюпка в конце концов благополучно достигнет Тимора.) Мятежники гонят корабль назад на Таити, а Блай, по словам Дюмон-Дюрвиля, «бедствующий и лишенный начальства над своим кораблем... ищет в утлой шлюпке гостеприимного берега» [5, с. 249]. Кажется, таким гостеприимным берегом обещает стать берег тонганского острова Тофуа. Его жители показывают Блай,

где лежат острова Фиджи, и он сопоставляет это с тем, что слышал об островах на западе за двенадцать лет до этого, во время своего плавания с капитаном Куком (для Кука это плавание было третьим). Гостеприимство тонганцев очень скоро иссякает, и Блай срочно покинуть Тофуа. Вот что он пишет в своем дневнике:

«3 мая 1789 г. Я держал курс на WtStW, ибо ранее слышал от жителей островов Дружбы (распространенное в XVIII—XIX вв. название Тонга.—М. П.), что в том направлении есть земля.

4 мая. Сегодня открыл остров на WtStW, 4 или 5 лиг от меня. Я находился в $18^{\circ}58'$ ю. ш., $182^{\circ}16'$ в. д.

6 мая... Открыл еще десять островов.

7 мая. Открыл новые острова. К полудню был в $16^{\circ}33'$ ю. ш., $178^{\circ}34'$ в. д. В это время за мной погнались две большие пироги» [63, с. 82—83]; см. также [31, с. 34].

В этом своем вынужденном путешествии Блай открыл острова Нгау, На-и-раи, Вити-леву, Коро и прилежащие мелкие островки, а затем острова Ясава. Блай прошел между Вити-леву и Вануа-леву (см. также [85, с. 158—159]).

В 1792 г. Блай, уже в чине капитана, отчасти повторил свой маршрут на судне «Провиденс». На этот раз ему удалось открыть также острова Онеата, Моала, Язата и Лакемба. Жителей последнего острова Блаю довелось видеть, хотя ни на один остров он не зашел. По описанию Блая, у одного фиджийца, увиденного им у берегов Лакемба, волосы были «заплетены в хвосты, умащенные черным салом, у другого волосы были короткие и словно пережженные. У одного человека на груди была прекрасная переливающаяся раковина» (цит. по [85, с. 171—172]). Они держали в руках обычные гарпуны для рыбы, и палицы у них были точно как тонганские. Фиджийцы плыли на лодке с балансиром.

О Нгау Блай замечает, что это прекрасный цветущий остров, с ухоженными кокосовыми рощами. Жители острова махали ему с берега белой тапой, и он заметил, что они носят на голове некое подобие белых тюрбанов. Блай обратил внимание на курчавые волосы туземцев и неестественно черный цвет кожи многих. Последний он справедливо связал с обычаем чернения кожи, известным ему по Тонга, тем более что «в тех пирогах, отплывших от острова... были туземцы с цветом кожи более светлым, чем у отахитяп» (цит. по [85, с. 172]).

Возможно, что до второго путешествия Блая острова Фиджи были увидены Оливером⁵ — офицером, плывшим на судне «Пандора» под водительством капитана Эдварда Эдвардса и отделившимся от капитана после мятежа,— но здесь можно лишь строить догадки (см. [85, с. 163—165]). Скорее всего Оливер побывал на

острове Матуку и, по-видимому, был встречен весьма гостеприимно. Если все это так и если мятежники пробыли на Матуку, как думают, больше месяца [31, с. 34], то Оливер и его люди должны быть первыми европейцами, посетившими Фиджи и вошедшими в контакт с фиджийцами (в исторической традиции принято считать, что первым европейцем, прожившим на Фиджи длительное время — около года,— был американский моряк У. Локерби, или Локербай, остававшийся на Вануа-леву в 1808—1809 гг. [8, с. 15]).

За Блаем и Оливером последовало несколько выдающихся путешественников. «В 1793 году Дандркасто собрал несколько подробностей о землях Витийских и мимоходом взглянул на Куков Батоа [Батоа]. Вскоре потом плавал здесь стороною капитан Майлленд⁶ и назвал архипелаг землями Свободы. Наконец явился капитан Барбер⁷... и заглянул в западные купы. Но ни тот ни другой не сказали о выводах своих плаваний» [5, с. 276]. Капитан Барбер первым подошел к Вити-леву и Ясава с запада и был встречен туземцами плохо: они пытались напасть на его корабль. Такой прием явно должен был отбить у капитана и его коллег охоту к дальнейшим поискам, что, как мы увидим ниже, и случилось.

В 1797 г. Джеймсу Уилсону, плывшему на известном судне «Дафф», довелось открыть северные острова Лау. Один из островов он назвал именем сэра Чарлза Мидлтона⁸ — это современный Вануа-мбалаву. Уилсон проплыval также мимо островов Онгеа, Фуланга и других, но не зашел на них. Плавание его было очень трудным: невидимые мели, рифы, буруны. Океан был коварно спокоен, и моряки узнавали об очередной мели или рифе, лишь натолкнувшись на них. Поэтому о заходе на острова не было и речи. Уилсон, впрочем, даже пытался пристать к берегу Зикомбия, но это ему не удалось. Назвав Зикомбия островом Прощания, Уилсон простился с мыслью о знакомстве с местной природой и островитянами и поспешил уплыть в более удачные воды. Он догадался о том, что виденные им острова — именно те, которые уже открывались Тасману и Блаю.

В декабре 1799 г. американское судно «Эни энд Хоуп», ведомое капитаном С. Бентли, подошло к берегам острова Кандаву, обошло с юго-запада остров Вити-леву и миновало остров Малоло.

Возникает естественный вопрос: почему большинство капитанов не хотело высаживаться на островах? Причин, вероятно, несколько. Немалую роль играло то, что подходы ко многим островам непросты, усеяны мелями, грозят неизвестными рифами. Нельзя сказать, чтобы капитаны были нелюбопытны: они были практичны и осторожны да к тому же каждый видел перед собой великие цели глобальных открытий в Южных морях (об этом прямо говорит, например, Дж. Кук). Конечно, к этому прибавлялась и

суеверная вера в устрашающий «общий характер меланезийских племен» (Дюмон-Дюрвиль). Складыванию этого суеверия помогли даже такие выдающиеся люди, как Дж. Кук, Л. Бугенвиль, Ф. Картерет, Ф. Морелль. Капитаны либо оставляли леденящие душу (и весьма преувеличенные!) описания воинственных и кровожадных туземцев, либо сравнивали их с более гостеприимными (а скорее с раньше узнавшими европейцев) полинезийцами — от сравнения всегда выигрывали последние (по замечанию Ч. Уилкса, различие между меланезийцем и полинезийцем такое же, как «между мужланом и дворянином» [99, с. 58—59]). Интерес к жизни островитян еще не пробудился, коммерческая эра, о которой пойдет речь ниже, была впереди, миссионеры, которым суждено было рассказать туземцам о Добре и Благе, если и родились, то были еще младенцами. В конце же XVIII в. вполне приемлемой казалась перспектива очищения островов от туземцев. «Их истребят — преобразовать их невозможно. Племена медноцветные, уже привученные теперь к нашему оружию... завоюют все эти земли, и постепенно исчезнет перед ними тип негритианский» [5, с. 243]. Из XVIII в. оказалось не слишком далеко до XX, который, впрочем, не оставил места и для «медноцветных племен».

Однако далеко не все думали так, как английский знаток Океании Пендалтон, цитируемый Дюрвилем. «Все еще можно было надеяться, хоть на что-нибудь не совсем-то обыкновенное... Почем знать, что случай, этот шалун, могущий более всяких расчетов человеческих, не вмешается в дело, не обманет предусмотрительности... благородного капитана» [5, с. 243].

Случай ли, фортуна, фиджийские всемогущие духи или сама природа действительно оказались сильнее благородства и предусмотрительности. Осторожный *fin de siècle* окончился. За ним шел жаждущий приключений и острых ощущений молодой век, которому было естественно презирать страхи «старой обезьяны XVIII столетия» (А. С. Пушкин). Эпоха открытий сменилась временем освоения, одиночество затерянных в океане фиджийцев кончилось — наступило историческое время, время контактов. На смену поистине древнегреческому гедонизму островитян шло в корне иное мировоззрение, и, пожалуй, в первую голову местные жители столкнулись не с романтиками, проплывавшими мимо, а с прагматиками, превратившими мир в оргию, богатство — в свалку, существовавший до них порядок — в комедию.

Случай, круто изменивший судьбу Фиджи и фиджийцев, предстал в виде кораблекрушения. В первое десятилетие XIX в. у берегов фиджийских островов погибло, вероятно, около десятка судов. Матросы принесли на Фиджи неизвестные до того времени орудия, огнестрельное оружие, алкоголь и обычные болезни европейских и азиатских портов. Болезни, избегнуть которых не смог,

наверное, ни один остров в Океании, унесли с Фиджи за XIX в. невероятное число людей — точно оценить это число трудно, но на некоторых островах население сократилось в несколько раз.

Не только фиджийцы узнавали европейцев: те с поспешностью и жадностью осваивали острова и их богатства. В начале XIX в. моряки, спасшиеся от кораблекрушения, открыли для себя, что на побережьях фиджийских островов растет сандаловое дерево.

Сандаловое (сандаловое) дерево — фиджийское яси — поднимается по сухим склонам гор и холмов, паразитируя на корневищах бамбука, на корнях и ветвях пальм или крепких лесных деревьев. Наверное, правильнее говорить о нем в прошедшем времени, потому что сандаловый бум почти истребил его (об этом пишет не только Х. Риченда Парэм [68, с. 139], по и, задолго до нее, Б. Земан [82, с. 22, 421]). Дерево оказалось обречено из-за своей ароматной древесины. Задолго до европейцев сандал оценили, и стали приплывать за ним па Фиджи тонганцы. Они выменивали на дерево тапу, плетеные циновки-паруса, зубы кашалота, резные палицы. Когда тонганцы — раньше фиджийцев — познакомились с диковинами белого человека, в обмен за сандаловое дерево пошли железные гвозди, стекло и стеклянные бусы, топоры, пилы, зеркальца. Европейский же сандаловый бум был вызван к жизни тем, что «колоды сандальные имели дорогую цену в Китае, потому что обитатели Небесной Империи считают за весьма важное иметь самое великолепное домовище для бренных своих останков» [5, с. 277]. Прилавки купцов Юго-Восточной Азии были открыты, и потому сандаловое дерево отчетливо пахло для белого человека золотом.

Больше всего сандаловых деревьев росло па юго-западе Вануа-леву; туда-то и устремились предпримчивые торговцы. Первые из них встретили на Вануа-леву радушный прием: «доброе и гостеприимное обхождение» островитян пришлось по душе капитану Ф. Дору, побывавшему на Вануа-леву с судном «Дженни» в 1808 г. А в 1812 г. местное население было уже очень враждебно. Причины такой враждебности были прекрасно поняты Ж. Дюмоном-Дюрвилем (записки которого вообще поражают необычным для своего времени сочувствием аборигенам). «Во все времена провозглашали их (фиджийцев. — М. П.) вероломными и свирепыми... Но... уделим часть и преувеличению в рассказах европейских проходцев, всего более кричавших о зверстве дикарей Вити. Если бы и дикари могли, в свою очередь, изложить свои жалобы, может быть, открылось бы, что вина была взаимная; варварство островитян... нередко бывало только возмщением. Спекулянты, с пушками и ружьями бродящие по морям, вообще природы не мягкой и не кроткой, и если они не едят людей, то без дальнего

зазрения совести любят обмануть и расплатиться потом пулями и картечами» [5, с. 306—307].

Но Дюрвиль был одинок в своем мнении, а по Европе начала XIX в. уже посыпался слух о невероятной кровожадности и жестокости всех туземцев Меланезии без исключения. Доброе и доверчивое отношение к европейцам, если таковое и встречалось, тотчас расценивалось как исключение из уже незыблемого правила.

Сандаловый бум длился всего десять лет: сандаловое дерево растет очень долго, и фиджийское изобилие истощилось очень скоро. Но на побережьях больших островов уже узнали звучный язык мушкетов и пушек, вкус виски и притягательность богатства, жажду безмерной власти и изощренную способность покупать и обманывать людей, какой не было раньше. Вожди уже не хотели довольствоваться тем почетом, какой им оказывали прежде: «громкие права» и безграничная власть были слишком заманчивы. Вместе с чудесами белого человека пришел и новый страх: тот, кто раньше не мог или не смел ударить врага палицей, теперь, завладев удивительным мушкетом белых (не зря первое фиджийское название ружей и пистолетов — *ндаакаи-на-тамата* «лук, стреляющий в человека»), нападет издалека, останется незамеченным.

Справедливости ради следует отметить, что не все европейцы приплывали на Фиджи с единственной целью разорить тропический рай. Принять последовательность «открыватели — торговцы — миссионеры» (о миссионерах речь пойдет дальше) соблазнительно, но это было бы слишком грубым упрощением. На карте Тихого океана было еще довольно белых пятен.

В 1820 г. на Фиджи прибыли суда «Восток» и «Мирный» под водительством знаменитого русского мореплавателя Ф. Ф. Беллинсгаузена (1778—1852)⁹. Беллинсгаузен открыл острова Тувана-и-ра и Тувана-и-золо и назвал их островами Симонова и Михайлова. «17 августа. С полуночи я начал держать на один градус ближе к параллели, чтобы простирать плавание между путями капитана Кука и Лаперуза, в надежде пойти по сему направлению какие-либо острова. 19 августа. В полдень 19-го были в широте 21°7'20" южной, долготе 178°25'34" западной. В начале третьего часа с салинга закричали, что на WtN $\frac{1}{2}$ виден берег; я пошел прямо к оному... Вскоре с салинга увидели еще другой берег на WtN.

Приближаясь к сим двум малым островам, мы рассмотрели, что один от другого на SW и NO 78° в шести с половиной милях, поросли кокосовыми деревьями, каждый окружен особым коралловым рифом, о который бурун с шумом разбивался. Восточнейший из сих островов в широте 21°1'35" южной, долготе 178°40'13" западной, длиною в одну милю, ширину в половину длины, в

окружности две с половиной мили, окружен коральпым рифом к WNW и OSO на милю от берега, к SW и NO на одну треть мили, так что коральные гряды в окружности пять с половиной миль.

Я назвал сей остров по имени бывшего с наминского искусного художника в живописи г-на Михайлова. Другой остров в широте $21^{\circ}2'55''$ южной, долготе $178^{\circ}46'23''$ западной, величиною почти равен острову Михайлова, также окружен коральною мелью, с восточной, северной и западной сторон на полмили, а к SSO на четверть мили от берега; вся сия коральная мель в окружности пять и три четверти мили, также покрыта сребристою пеной, происходящею от разбивающегося буруна. Сей остров назвал я по имени господина Симонова, ординарного профессора Казанского университета. Оба острова, т. е. Михайлова и Симонова... покрыты кокосовыми деревьями. Жителей пет. Вероятно, с Оно приезжают... [сюда] за кокосовыми орехами» [2, с. 317—318, 324].

Желанием Беллинсгаузена было, чтобы наука и искусство всегда были вместе, а потому именам ученого и художника надлежало встретиться в названиях двух лежащих неподалеку друг от друга островов, и, хотя названия не закрепились, имена Симонова и Михайлова навсегда остались связаны друг с другом и с именем их капитана.

Затем Беллинсгаузен высадился на острове Оно и оставил живое и, по-видимому, довольно точное описание острова и его жителей. «22 августа... Остров Оно состоит из нескольких малых гористых островов, из которых самый большой длиною две и три четверти, шириной одна и три четверти мили. Все они, так сказать, окружены коральною стеной, которая местами сплошная сверх воды, а к северу местами открыта, и с сей стороны выходили лодки.

Направление коральной стены на NOrN и SWtS, длина 7 миль. Середина оной в широте $20^{\circ}39'$ южной, долготе $178^{\circ}40'$ западной. Пологие места на сих островах обработаны и обросли разными деревьями, в том числе кокосовыми» [2, с. 323].

«21 августа... В 2 часа пополудни, приближаясь к берегу [Оно], увидели мы на вершине горы большие пушистые деревья, в тени которых находилось селение. Домы снаружи похожи на отаитские, но несколько ниже. Почти все близлежащие острова казались обработанными и должны быть плодоносны.

Жители во многом подобны отаитянам; головы убирают весьма тщательно следующим образом: все волосы разделяют на несколько пучков, которые перевязывают тонким снурком у корня, потом концы сих пучков с тщанием причесывают, и тогда головы их похожи на парики; некоторые островитяне насыпают на волосы желтую краску; у других были таким образом причесаны одни только передние волосы, а задние и виски висели завитые в мел-

кие кудри. У многих воткнуты гребни, сделанные из крепкого дерева или черепахи, и черепаховые шпильки в фут длиною, которые вложены были в волосы с одного боку горизонтально. Сию шпильку употребляют островитяне, когда в голове зачешется, дабы не смять прекрасной прически. Шеи по большей части украшены очищенными перламутровыми ракушками, тесьмами из человеческих волос, на которых нанизаны мелкие ракушки, и ожерельями, выделанными из ракушек, наподобие стекляруса. В правое ухо вкладывают цилиндрический кусок раковины толщиною в один с четвертью дюйм, длиною в два с половиной или три дюйма, отчего правое ухо казалось много длиннее левого. На руках выше локтей носят кольца, выделанные из больших раковин. Таковой убор головы и прочие украшения придают им, конечно, необыкновенный, но довольно красивый вид. У многих я заметил только по четыре пальца на руке, а мизинца не было, отнимают оный в память о смерти самого ближнего родственника.

Мы вообще нашли, что островитяне веселого нрава, откровенны, честны, доверчивы и скоро располагаются к дружеству. Нет сомнения, что они храбры и воинственны, ибо сему служат доказательством многие раны на теле и множество военного оружия, которое мы выменяли.

В последнем путешествии капитана Кука упоминается, что он слышал на острове Тонгатабу, что на три дня ходу к NWtW находится остров Фейсе (так Беллинсгаузен передает тонганское произношение Фиджи.—М. П.), которого жители весьма воинственны и храбры. Капитан Кук видел двух островитян с острова Фейсе и говорит о сих островитянах: „У них одно ухо висело почти до плеча, они искусны в рукоделиях, и остров, ими обитаемый, весьма плодороден“. Я нисколько не сомневаюсь, что остров, при котором мы находились, точно Фейсе, ибо все сказанное об оном сообразно тому, что мы нашли, кроме только, что острова сии называют Оно и они управляемы королем, коего имя Фио, и имя сие переходит от отца к сыну, а потому и неудивительно, что жители Тонгатабу самый остров Оно называют Фио» [2, с. 320—321].

За Беллинсгаузеном последовали другие экспедиции, в том числе Ж. С. Дюмош-Дюрвиля на «Астролябии» (1827). Его описание Фиджи свидетельствует о песомпенном даре видения главного, остром и самостоятельном уме. Фиджийцы Вити-леву и Лакемба очень похожи на аборигенов, описанных Ф. Беллинсгаузеном. «У всех гостей наших мочки ушей были с пребольшими отверстиями. На шее у них надеты были ожерелья, и браслеты на руках, из ракушек. Оружие составляли луки, стрелы, копья, и особенно маленькие дубинки, из дерева весьма крепкого, в 12—18 дюймов длиною, с круглою шишкою, весьма тяжелою, украшенные притом человеческими зубами. ...Высокие и довольно

складные, они показывали тщательность в своей головной прическе; волосы были у них расчесаны, завиты, намазаны и засыпаны белым, красным, серым и черным порошком, по произволу... Одежда витийцев... ограничивается широкою полосою ткани, вроде полинезийского маро. ...Вся затейливость туалета их состоит в прическе головы, которую опи... украшают на сто манеров. Кроме обыкновенного татуажа, известного в Полинезии (накалывания кожи), многие производят здесь татуаж особенный... состоящий в рельефном возвышении. Это делается глубокими насечками, от чего на коже остаются рубцы» [5, с. 256—257, 308].

Даже в оценке характера фиджийцев Беллинсгаузен и Дюрвиль оказываются в небанальном согласии друг с другом: фиджийцы «в обмепах... показали себя честными, кроткими и склонными к сговорчивости. На вопросы... они отвечали столь ясно, сколько могли, затрудняясь только иногда и стараясь войти в порядок идей, для них новый» [5, с. 257]. Редкая для своего времени оценка каннибалов, наводивших ужас не на одного белого. Кстати, и самим страшным обычаям меланезийцев находится разумное объяснение: «Надобно, однажды, полагать, что на Вити придается людесству нечто религиозное, ибо Смит (англичанин, ставший в начале XIX в. свидетелем человеческих жертвоприношений и чуть не попавший в число жертв.— М. П.)... говорит, что трупы сначала были при нем переданы жрецам, которые приготовили их» [5, с. 307].

Между плаваниями Блайя, Уилсона и экспедициями Беллинсгаузена и Дюмон-Дюрвиля произошло важное событие: в 1814 г. в Лондоне вышла первая карта островов Фиджи, составленная Арроусмитом. Карта обобщала данные Блайя, Уилсона и сведения, полученные от торговцев сандаловым деревом. Следующим по времени картографическим событием стал двухтомный «Атлас Южного моря» И. Ф. Крузенштерна, опубликованный в 1823—1826 гг. Он содержал не только карты, но и некоторые сведения по истории и физической географии островов. Но, как замечает Дюмон-Дюрвиль, уже пользовавшийся «Атласом», «Крузенштерн, в гидрографическом очерке, который составил он в 1824 году, принужден был прибегать к материалам неисправным и недостоверным» [5, с. 277—278].

Торговцы «сандаловым золотом» предпочитали молчать о своих географических открытиях до тех пор, пока не стало ясно, что сандаловая лихорадка кончилась. Вероятно, это отчасти объясняет и то, что детальные географические исследования Фиджи также были предприняты сравнительно поздно: первое плавание с этой целью осуществил английский капитан Чарльз Уилкс в 1840 г., второе — капитан Генри Денэм в 1855—1856 гг. Сандаловая кампания в какой-то мере повлияла и на то, что люди иного рода,

не торговцы — представители благотворительных обществ, миссионеры, работавшие в этой части Океании с конца XVIII в., — узнали о жизни фиджийцев и задумались над нею относительно поздно, лишь во второй половине 20-х годов XIX в. Время было упущенено, перемена в жизни островов очень велика: «После множества мало ведомых событий — кровавая ненависть началась... с обеих сторон (со стороны европейцев и местных жителей.— М. П.) и подала повод к свирепому мщению со стороны туземцев» [5, с. 278]. Миссионерам надо было пройти не только сквозь стену язычества, но и сквозь куда более плотную стену недоверия и вражды. Для этого нужны были люди недюжинного характера и силы духа. Они нашлись, но и среди них было мало таких, кто с пониманием и уважением относился бы к прошлому фиджийцев, их мировосприятию.

В 1826 г. два таитянина, вероучители Лондонского миссионерского общества, Ханеа и Атаи, были направлены на Фиджи, но осели на Тонга. В 1830 г. английский миссионер Джон Уильямс послал их на Лакемба, а оттуда они вскоре переехали на Онеата. Первые миссионеры-англичане, Уильям Кросс и Дэвид Каргилл, оказались на Лакемба в 1835 г. В начале своей деятельности они, правда, больше преуспели среди тамошних тонганцев, чем среди фиджийцев. Говорили они тогда только по-тонгански. Позже они выучились и фиджийскому, а затем выработали для этого языка свою орфографию. Первая, самодельная, фиджийская книга — четыре страницы Евангелия от Матфея — была напечатана Кроссом и Каргиллом на Вавау (Тонга). Фиджийцы, независимо от возраста, рвались учиться грамоте. Сначала недостаток книг компенсировался рукописными упражнениями, но вскоре стал сильно сказываться. В конце 1838 г. на Фиджи прибыли миссионеры Джон Хант, Джеймс Калверт и Томас Джеггар и привезли с собой маленький типографский станок, а в феврале 1839 г. появилась первая настоящая книга — перевод на восточнофиджийский язык первой части катехизиса.

Влияние миссионеров на фиджийцев было отнюдь не однозначным. В нем было много хорошего — начать с того, что миссионерам островитяне обязаны знанием заповеди «не убий»: с появлением миссий культура на островах вышла на новый свой виток, когда добро перестало осознаваться исключительно как благо и выгода для себя. Миссионеры приносили фиджийцам и практическую, если угодно, пользу, постоянно стараясь облегчить их повседневный труд. Но были у этого влияния и отрицательные стороны: многие миссионеры ничуть не отличались от прочих европейцев в пренебрежении к традициям и представлениям фиджийцев. Кстати, немногочисленность зафиксированных пами фиджийских сказок, мифов, преданий тоже следствие подоб-

ного отношения. Фольклорных текстов, записанных в это время по-фиджийски, практически нет: миссионеры учили автохтонные языки лишь для того, чтобы переводить Священное писание и произносить проповеди. Но отнюдь не затем, чтобы записывать «варварский лепет» (Т. Калверт) и «первобытные суеверия» (Т. Уильямс). К тому времени, когда необходимость подобных записей была осознана — а это случилось существенно позже, чем, например, в Полинезии, — многое оказалось утраченным и забытым.

Мысль о том, что далеко не все европейское — благо, посещала умы уже в прошлом веке. В конце 50-х его годов на Фиджи сталкиваются два европейца, полковник У. Дж. Смайз, представитель Великобритании на Фиджи (книга, написанная его женой, наблюдательной и сентиментальной Сарой Смайз [87], послужила одним из источников этого сборника), и уже известный нам выдающийся ботаник Б. Земан. Первый считал, что миссионеры приносят фиджийцам по преимуществу вред, второй был всецело за европеизацию фиджийской культуры. Земан оказался если не прав, то прозорлив: аккультурация фиджийцев зашла в нашем веке очень далеко. Этому, впрочем, способствовал и сам ход фиджийской истории.

* * *

Жизнь, в которую вводит нас фиджийский фольклор, — во многом в прошлом, и не только потому, что действие мифов происходит в эпические времена, а действие легенд — во времена героев, но и потому еще, что окружение, составлявшее естественный фон почти любого рассказа, очень изменилось. На картах XX в. нет многих географических названий, реальных и ничем не достопримечательных для рассказчиков предыдущего века, изменилась жизнь в фиджийских поселках — утварь, одежда, бесповоротно вытесненные всем европейским, даже пища: скажем, лет двести назад на Фиджи еще не знали маниоки, а теперь это королева фиджийской кухни. Атрибуты новой жизни не замедлили войти и в фольклор: достаточно посмотреть рассказы о том, как газета прославляет подвиги сиетура или как врагам сиетура приходит предупреждающее письмо-вызов. И все же пространство фольклора, собранного в этой книге, — это повседневность, окружавшая фиджийцев прошлого; наша задача — попытаться увидеть ее такой, какой она стала перед европейцами, еще не знаяшими электричества и телефона.

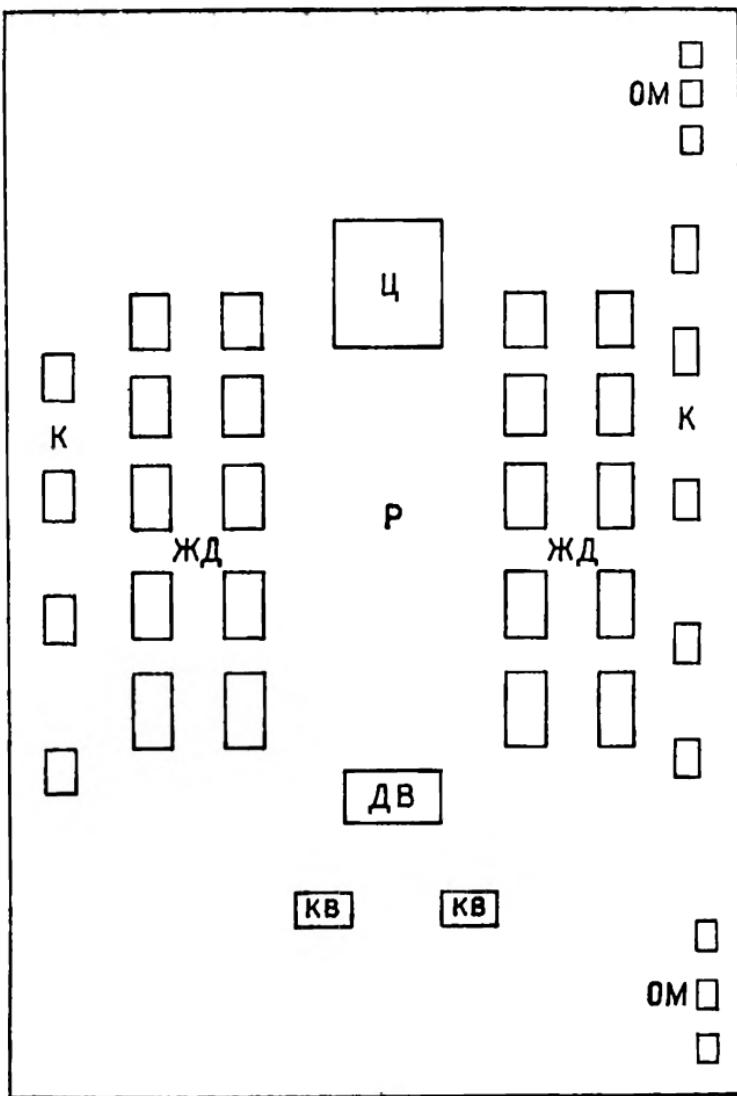
Традиция, заложенная белыми первопроходцами Океании, гласит, что жизнь на тропических островах, и на Фиджи в частности, приятна и безбедна. Фиджи действительно область прекрасной, плодоносной природы, не отягощенной ни малярией, ни ины-

ми «радостями» тропиков. Даже человеку, родившемуся на другом тропическом острове, кажется на первый взгляд, что Фиджи — лучшее из земных мест (тонганцы именно так описывали Фиджи Чарлзу Уилксу и его товарищам [99, с. 31—34]). Но все же это в большой мере — красивая иллюзия. Среди прекрасной природы живут люди, чего-то ждут от исе и друг от друга — так возникает несовершенство мира, даже если этот мир — тропический рай.

С корабля, а теперь и с самолета Фиджи — это горы, желтые пляжи и яркие леса, обступающие поселки. Фиджийский поселок выглядит большим прямоугольником в раме деревьев и кустарников. По периметру этого прямоугольника стоят дома, которые, пока это возможно, не должны загораживать один другой. За домами располагаются кухонные домики (обычно у каждого жилого дома свой) и хранилища для клубней, немного напоминающие русские избушки на курьих ножках.

Вероятно, к фиджийцам неприменимо напрямую английское «мой дом — моя крепость», но все, кто изучал жизнь фиджийского поселка, обращали внимание, насколько она сконцентрирована в доме, как мало событий — за исключением естественных, заданных традиционным порядком вещей — протекает вне дома [19, с. 8; 36, с. 15—20; 74, с. 99; 79, с. 13—21]. Это вполне понятно: стены дома охраняют человека от бесчисленных сверхъестественных сил, окружающих его повсюду, способных воплощаться в природе, других людях, камнях, в том, что сделано руками человека. И в собственном доме силы эти могут завладеть им, по все же это для них куда труднее.

Дом фиджийца начинается с земляного или каменного основания — яву. Это прямоугольная платформа, на вулканических островах из утрамбованного грунта, на низких, коралловых — из песка, гальки, камней. Площадь яву больше площади дома в основании, и дом стоит на яву, как на постаменте. Торцы яву обложены тесанными каменными плитами или деревянными жердями. До наших дней высота яву — особый знак: она лучше всяких слов говорит о положении хозяина дома в обществе. Чем выше яву, тем знатнее, богаче, важнее живущие в доме. На этот счет есть свои пословицы, не требующие комментария: «У кого яву высоко, тому многое можно»; «У кого яву низко, тот и молчи»; «На моем яву уж земля улеглась, а твоего еще не было». Словом, яву — больше, чем просто слой земли, делающий дом более неприступным: понятие яву для фиджийца так же символично, как понятие родного порога или очага для носителя средиземноморской культуры. Компонент яву — входит в слова для таких значимых понятий, как родина предков, прародина (явуту «[место, где] стояло яву») и родственная группа (явуса, букв. «единство; стая»).

План фиджийского поселка:

Р — рара, Ц — церковь, ДВ — дом воинства, ЖД — жилые дома,
 К — кухонные дома, КВ — кухонные дома при доме воинства,
 ОМ — отхожие места

Дом повторяет форму яву: он прямоугольный в плане, и эта прямоугольная конструкция с удивительным постоянством преобладает повсеместно на Фиджи. Каркас дома образован четырьмя боковыми несущими столбами (в восточной части Фиджи, под влиянием полинезийцев, более популярны дома с дополнительными опорными столбами в центре дома), на которых закреплены

в стык поперечные балки, поддерживающие четырехскатную крышу. Такой каркас на самом деле может поставить любой фиджиец: умение строить дома — часть традиционного мужского знания. Но заполнить каркас, выложить листьями тростника и кокоса крышу — уже искусство, и умелый кровельщик до сих пор в большом почете. Жители отдельных местностей традиционно славились умением сооружать яву и дома, так что когда вождь из другого края просит сиетура сладить ему дом (№ 102), он выбирает особо искусных мастеров.

Строительство дома — сакральное действие, перед которым падо испрашивать разрешения и помочи духов и которое надо совершать как обряд. Под опорными столбами дома зарывали подношения духу — зубы кашалота, таро, ямс, свинину. При строительстве дома, предназначенного вождю, под каждым несущим столбом заживо погребали человека (скелеты людей обнаружены археологами) [1, с. 301]. В океанийской культуре не принято называть жертвы их подлинными именами: все сакральное требует скрытия имени, поэтому для названия людей, погребаемых при закладке дома, имелся свой эвфемизм. Они назывались *вакасомбу-ни-ндуру*, что примерно значит «опускающие, ставящие [себя] под опорным столбом», причем *вакасомбу-* (букв. «спуск в яму») практически синонимично слову *мадраи*, названию фиджийского хлеба (игра слов основана здесь на том, что мадраи представляет собой вязкую массу из заквашенных бананов, которые для ферментации укладываются вертикально в герметично закрытое подземное хранилище). Позднее правило основания дома «на костях» дало обычай захоронения покойников под домом [23, с. 35], и миссионеры потратили много сил на то, чтобы бороться с этой практикой.

Иногда между опорными столбами дома делается «изгородь» из сухих стеблей бамбука или тростника, расстояние между которыми может быть различным — от локтя до ладони (ср. рассказ, в котором муж узнает об измене жены по волосам ее любовника, зацепившимся за тростниковый стебель, — № 132). Если бамбук или тростник ставится близко, их связывают затем толстой плетеной веревкой. Чаще же «стены» дома делаются из очень толстых, плотного плетения циновок; в отличие от полинезийцев — авторов этой конструкции — фиджийские строители закрепляли эти циновки, а не делали их съемными (ср. [12, с. 9—10, 151]).

Фиджийский дом имеет две-четыре двери. Дверь в короткой стене — для своих; это может быть даже не дверь, а узкий проем, через который входят в дом родные и друзья, вносят пищу (в упомянутом рассказе о супружеской измене любовник к тому же входит и выходит через проем в короткой стене, противоположной фасаду, что усугубляет его вину перед хозяином). В большую дверь

в одной из длинных стен дома входят гости, обязанные оказывать знати почета живущим в доме. Если гость хочет подчеркнуть свое уважение к хозяевам, он садится на пол у самой стены. Почетный гость всегда сидит в центре дома, рядом с центральным опорным столбом или под центральной несущей балкой. Земляной пол дома плотно устлан циновками. Дом обязательно разгорожен изнутри (роль перегородок выполняют подвешенные под крышей циновки), особый покой отведен для сна. (Традиционно фиджийцы спали на возвышении, сделанном из сухих стеблей, листьев, на которые положены циновки. Еще в середине нашего века нередки были случаи, когда в покое для сна ставилась кровать, а хозяева спали рядом, на ворохе циновок. Голову во время сна клади на деревянный подголовник, нередко украшенный резьбой.) В углу дома, а иногда в его центре устраивают очаг — земляную печь. Дым из печи помогает отгонять москитов — бич большинства тропических островов (иногда налеты москитов мучили целые поселки, не давая людям уснуть по ночам). В печи готовят пищу, заворачивая ее в листья таро или банана.

Кроме запекания продуктов в земляной печи фиджийцы издавна знали варение и тущение. Приготовление пищи на пару было возможно благодаря глиняной посуде. Знание гончарства, отличавшее фиджийцев от восточных соседей, сразу бросилось в глаза европейцам; ср. у Дюрвиля: «Между утварью, какую видели мы в лодках, заметили мы несколько грубых горшков, явно туземной работы. Эта ветвь изделий, вероятно, перенесена сюда западными соседями, ибо полинезийцы, гораздо более образованные, и даже соседи Вити, жители Тонга, не знают вовсе глиняной посуды» [5 с. 255—256]¹⁰. Глиняный горшок для приготовления пищи, похожий на большую амфору без ручек, наполняют пищой, наливают туда немного воды, затыкают скрученными в коническую пробку банановыми листьями и укладывают под углом на особые камни-опоры, между которыми разводят открытый огонь.

Гончарство (на современном Фиджи преобладает керамика с отпечатками лопатки) — чисто женское ремесло. По одной легенде, первой мастерицей гончарного дела была дочь Нденгей, по другой — гончарство стало известно благодаря мастерам с запада; наконец, есть версия, по которой новые жители Фиджи (мужчины!), приплывшие на лодке Кау-ни-тони, хитростью узнали секреты гончарства от па-лека, а потом все перепутали и сказали, что гончарами могут быть только женщины. Эта версия очень похожа на рассказ о том, почему татуировку на Фиджи носят только женщины (№ 20); похожие истории есть и у полинезийцев (ср. [12, с. 140—142]). В большинстве местностей Фиджи татуировка действительно была привилегией женщин (нанесение татуиров-

ки на тело девушки имело такой же смысл, как обрезание у юношей: это было знаком начала недетской жизни; считалось, что татуировка делает женщину привлекательной для мужчин), хотя же Дюрвиль и Уилкс описывают мужскую татуировку (см. выше и ср. [99, с. 57—58]).

Еще одно чисто женское ремесло — выделка тапы, знаменитой материи из луба, которой славятся многие острова Океании. Фиджийцы (точнее, фиджийки) делают тапу из коры бумажной шелковицы (*Broussonetia papyrifera*). Дерево срубают тогда, когда его ствол достигает в диаметре около 5—7 см. Кору со срубленного дерева сдирают снизу вверх как можно более длинными полосами — лучше всего, если полоса не разрывается до самой верхушки дерева — в этом случае она может достигать до трёх метров длины. Содраные ленты коры очищают от верхнего, зеленого слоя, погружают в воду, скребут острой раковиной и размачивают. Вымоченный луб выкладывают на прочное широкое бревно, причем берут сразу две полосы луба и кладут одну на другую. Их отбивают деревянной колотушкой. Две лубяные ленты при этом «склачиваются» в одну, а колотушка, сок коры и вода, которой все время обрызгивают луб, делают это соединение абсолютно прочным. Длина отбитых полос тапы уменьшается обычно втрое-вчетверо, так что в результате получаются полосы или квадраты меньше метра. Готовую тапу, которая, в зависимости от отбивки, может быть очень тонкой или достаточно плотной, высушивают и белят на солнце, а затем обычно набивают. Для набивки к доске прикрепляют раковины или кусочки бамбука (размером в мизинец). На такие дощечки кладут тапу, а сверху натирают природным красителем: он удерживается только там, где тапа касается выступающих суставов бамбука или выпуклости раковин. Получается характерный геометрический рисунок.

Из тапы делали особо тонкие циновки (эти циповки входили в выкуп за невесту, подношение духу, в дары, которыми следовало загладить какой-то дурной поступок) и набедренные повязки для мужчин, которые Дюмон-Дюрвиль вполне справедливо сравнил с полинезийскими (на востоке Фиджи даже название этих набедренных повязок, *маро*, в ряде диалектов *мало*, совпадает с полинезийским). Высокооставленные фиджийцы к поясу пабедренной повязки привязывали длинные, передко до земли, полосы некрашеной тапы — такой же отличительный знак их высокого положения, как ожерелье из зубов кашалота или белый головной убор наподобие тюрбана.

Женщины в большинстве мест на Фиджи тапу не носили (причина этого табу неизвестна) и, как положено женщинам, бдительно следили друг за другом, чтобы никто не нарушал запрет. Традиционный женский «костюм» — лику. Пояс лику сплести из

коры гибискуса, а от этой плетеной ленты спереди спускаются наподобие передника полоски коры, образующие частую бахрому. Как ношение маро означало, что хозяин его — взрослый мужчина, так и ношение лику было знаком взрослой женщины. Для особых случаев имелись специальные маро и лику; такие «торжественные» лику берут с собой сестры в рассказе о самоубийстве из-за любви (№ 131).

Мы уже читали у Дюрвиля о необычайном внимании фиджийцев к прическам; идеальной для взрослого (прежде всего для знатного) человека была прическа, в наше время облетевшая свет под названием афро: курчавые волосы ее владельца образуют большой аккуратный шар. Девушки укладывали волосы в шар, а кроме того, носили по бокам ниспадающие локоны — знак чистоты и невинности. По традиции волосы или чернили, или с помощью извести делали белесыми, или соком драцены окрашивали в красный цвет. Если естественный шар казался знатному хозяину недостаточно элегантным, прибегали к парику. (Кстати, искусные цирюльники — всегда только мужчины — были на Фиджи в не меньшем почете, чем мастера-плотники или кровельщики.) Головные уборы из материи, о которых уже шла речь, были привилегией мужчин, причем различались в зависимости от их статуса — вожди, жрецы, военачальники носили разные головные уборы и надевали их не всегда, а лишь в особых случаях.

Длинные шпильки и гребни, замеченные Беллингаузеном, Дюрвилем, Уилксом, действительно очень помогали чесать голову и бороться со вшами, но капитаны не знали еще одного их предназначения — гребни играли роль оберега, их тщательно хранили, опасаясь гнева духов и колдовства. Подарить гребень — значит подтвердить свою любовь (ср. № 132 и приложение, с. 415).

Вернемся к разделению занятий у фиджийцев. Мы видели, что женщины по традиции занимались (и занимаются) гончарством, выделкой таны. Ловля рыбы на рифе и сбор продуктов моря тоже женское дело, мужчины только закидывают сети и ставят садки для рыбы. Плетением мужчины не брезговали, но все же и это по преимуществу женское занятие. «Мужчины же воюют, обрабатывают поля, строят дома, делают лодки...» [5, с. 310].

Нет нужды объяснять, что такое лодка для людей, живущих у океана и имеющих к тому же судоходные реки на островах (по данным археологов, речное судоходство было известно фиджийцам с I тысячелетия). Выгодная природная среда, наличие крупных островов и малые расстояния между большинством островов архипелага, по-видимому, позволили фиджийцам не прибегать к частым дальним плаваниям, и к началу европейской колонизации они значительно уступали своим полинезийским соседям в знании цавигации. В конце XVIII в. капитан П. Диллон писал,

что «ни один туземец с Фиджи, насколько известно, никогда не достигал Тонга, кроме как в тонганской же пироге, да и обратно на родной остров не решался плыть, кроме как под руководством и оцекою тонганцев» (цит. по [84, с. 200]). Однако в каботажном плавании фиджийцы были весьма умелы; особенных же высот достигли они в строительстве лодок. Искусство их славилось далеко за пределами родных островов, и в XVIII—XIX вв. тонганцы и самоанцы специально заказывали лодки для своих вождей на Фиджи или приплывали туда, чтобы строить лодки вместе с тамошними мастерами. Фиджийские ванга, по справедливому замечанию П. Беллвуда [1, с. 324—325], соединили быстроходность и техническое совершенство микропазийских лодок с впечатляющей полинезийских судов. «Лодки размером с лагуну» (П. Диллон), «пироги-великаны» (Ж.-С. Дюмон-Дюрвиль), «лодка длиной в сто футов, с балансиром неописуемых размеров, украшенная двумя тысячами пятьюстами раковинами *Surgesa ovula*» (Ч. Уилкс) — вот впечатления потрясенных европейцев, которые и сами приплывали в Южные моря отнюдь не в утлых членоках: их суда фиджийцы называли «лодками величиной с землю» (*ванга-вануа*). Самые прославленные фиджийские лодки — друа, быстроходные двухкорпусные суда (гча «два») с наветренным корпусом короче подветренного (это усовершенствование, внесенное фиджийскими мастерами в полинезийский катамаран, сообщало друа особую маневренность). На большей палубе друа располагался домик, где спала команда и хранились съестные припасы. Под углом к палубе ставилась мачта с распорами и на ней в специальном гнезде укреплялся характерный треугольный парус (паруса же у фиджийцев ценились привозные, с Самоа или с Тонга). Мачта, которая пробивает землю на всем острове, гнездо для паруса, которое служит смотровой площадкой,— характерные атрибуты фиджийских рассказов о богатырях (ср. здесь № 14, 95, 99).

Создание лодки — цепь сложных мужских ритуалов, дублирующих акты творения. Они начинаются с выбора дерева и принесения даров духам. Очень важный момент — перенос дерева для лодки из леса к месту строительства (лодки было положено строить на берегу, под специальным павесом) и затем первый спуск готовой лодки на воду. Характерная черта ритуалов, связанных с созданием лодки,— особая, большая, чем в иных случаях, запиленность образов, иссомпленно связанных с потребностью скрытия имен и названий. Здесь фиджийцы достигают подлинно скальдических высот. Лодка нередко называется «звевящей (грохочущей) тропой» (помимо всего прочего здесь заключен намек на то, что дерево для лодки должно быть прочным и сухим). Другой типичный образ древесины для лодки или самой лодки — нос,

penis или экскременты собаки (ср. здесь № 124), т. е. нечто, что должно по идеи быть противно любому духу, а значит, должно отвратить всякое злонамеренное существо от будущего творения рук человеческих. Если в дереве, выбранном для лодки, уже есть какая-то злая сила, то произнесение заговоров поможет изгнать и ее. Ср. заговор, распеваемый при перетаскивании дерева, который в начале нашего века записал на Вити-леву (в Рева) Э. Ружье [78, с. 474]. Около пятидесяти мужчин несут дерево (для того, чтобы поднять и протащить бревно, такого количества рук не требуется, поэтому очевидно, что эта многочисленная группа собирается с тем, чтобы отвратить возможные злые выходки потусторонних сил). Впереди идет запевающий и нараспев выкрикивает:

Вот собачий член!
Вот собачий член!
Вот собачий член!

(Вариант: Отверните акулу! — т. е. отвратите от дерева или лодки злых духов, принимающих облик акулы.)

Мастера, которые тащат дерево, должны все время отвечать запевающему возгласами: если наступает молчание, процессия останавливается. Затем запевающий произносит:

Ловите муравья,
Ловите муравья —

и, поддерживаемый возгласами своих спутников, продолжает:

Держите муравья с чужой земли!

Ср. вариант, записанный А. Хокартом на о-вах Лау [52, с. 109]:

Эйе, эйе, тяжело дерево веси!
Лодка табу идет на воду!
Эйе, эйе, собачий корень!

Помимо сакрализованного строительства домов и судов традиционным, освященным ритуалом мужским делом было изготовление лали — фиджийских барабанов. Лали делаются из твердых пород дерева (*Callophyllum inophyllum*, *Terminalia catappa*, *Afzelia bijuga*). Форма лали повторяет форму ствола (лежащий на земле барабап напоминает полено, длина которого обычно около двух метров, диаметр до метра). По всей длине лали прорезана канавка, а под ней выдолблено углубление, служащее резонатором. Концы лали скруглены внутрь, что также служит для улучшения звука барабана. Стучат по лали ладонями, обычно отбивая ритм попеременно правой и левой рукой. Ниже приводится запись нескольких ритмов, сделанная в начале нашего века на Вити-леву и островах Лау У. Дином [30, с. 199—206].

Ритмы для одного лали

Характерный фиджийский ритм (лали-ни-бити)

Правая рука

Левая рука

Похоронный ритм (лали-ни-тарата)

Правая рука

Левая рука

Ритм, отбиваемый при закладке дома (лали-ни-мбуре)

Правая рука

Левая рука

Ритмы для двух лали

Ритм, отбиваемый в знак осады крепости (лали-ни-камба-коро)

1 Правая рука

Левая рука

2 Правая рука

Левая рука

Ритм, отбиваемый при поднесении духу или высокому гостю
зубов кашалота (лали-ни-тамбуа, дукб.
„барабан зуба кашалота“)

1 Правая рука

Левая рука

2 Правая рука

Левая рука

Ритмы, отбиваемые на лали, всегда имели ритуальное, сакральное значение: ни для любовных песен, ни даже для личных заклинаний, обращенных к духам, лали служить не мог. Нередко барабану, как и лодке, давалось имя, и это имя подлежало обсереганию, сокрытию. Иными словами, лали — принадлежность некоторого социума, общее сокровище, потеря которого означает утрату расположения духов, удачи, маны. Захват чужого лали во время войны равносителен ужасному глумлению над врагом (ср. № 57).

Коль скоро речь зашла о «вражде племен», нельзя не сказать, что воинский кодекс у фиджийцев существенно отличается от среднеевропейского, и без понимания этой разницы нельзя до конца постичь суть и исход многих поединков. Усобицы — излюбленная тема всякого фольклора, и фиджийская традиция не исключение. Но здесь мы сталкиваемся с непривычными представлениями о подвиге, героизме и даже победе. Они основываются на идее внутренней силы, вездесущей сверхъестественной энергии, имеющейся во всем, в нас и вокруг нас. Ману, эту положительную сверхъестественную силу, заключенную в духах, людях, предметах, можно получить и умножить, захватив тело врага, его оружие и сокровища (зубы кашалота, священные камни), его женщин, лодку. Пока все это находится на земле врага, пусть даже поверженного, мана, заключенная в трофеях, может быть обращена против победителя, а потому нужно не только захватить как можно больше, но и поскорее перенести это в свой край, под бдительное око своих духов, естественно задобренных дарами (традиционная концовка героических историй сиетура, в том числе и приведенных в этой книге, — вознращение победителей к Ингоинго-а-вануа с дарами, ср. № 94 — 101). Еще лучше, если мана переходит непосредственно в человека, отсюда практика ритуального каннибализма. Место захваченным богатствам — в доме вождя, общинном мужском доме (большой дом, легко заметный в ряду других домов тем, что его основание не выдается из-под стен) или в доме духа (мбуре-калоу, мбуре-ниту), к описанию которого мы еще вернемся. Если нечто, принадлежащее врагу, нельзя забрать с его земли — например, его дом, дом его духа, его участки и огороды, — это надо уничтожить, и тем самым его мана убудет. Вот почему таким важным оказалось сожжение домов — подчас военные действия, к великому изумлению белых, ограничивались тем, что противник дожидался, пока все жители вражеского поселка уйдут на работы, и просто предавал огню пустые дома. Иначе говоря, все подчинялось своеобразному закону сохранения маны: если у одного убыло, у другого может прибыть, а значит, нанесение материального ущерба врагу весьма существенно. Враг сам мог выбирать: рисковать и расстаться с жизнью

или отделаться данью, дарами (соро), подчеркивающими осознаваемое им поражение. Из всего этого не следует, однако, что войны велись исключительно ради трофеев: мана возвышается молвой, и потому многое делалось и для того, чтобы повсеместно расходился слух о непобедимости таких-то воинов. Потери во всякой войне обоюдны, а потому достаточно измучить врага продолжительной осадой и затем уйти, так и не взяв его крепости: молва довершит дело оружия.

В сказках и мифах фиджийцы воюют палицами, вырезанными из ствола железного дерева. Тяжелая длинная палица с шишковидным утолщением на конце (малома) — освященное духами оружие, лишиться которого значит в значительной мере лишиться маны. Длинная, изогнутая на конце палица (тока) — непременный атрибут обряда, совершающего перед домом духа, на святилище накануне военного похода. Короткие, с луковичной головкой палицы ула (улу) служат для метания и не менее удобны, чем дротики, которые делают из стебля тростника, бамбука или из закрученного побега маранты с насаженным на него каменным или деревянным наконечником (впрочем, дротики, так же как лук со стрелами, важнее в игре или в состязании, чем в бою). Оружие, не менее грозное, чем палица, — топор или просто тяжелый камень: метание таких камней было особым искусством, особенно при обороне укрепления от наступающих врагов.

Значимость военных действий выдвигала на первые роли в фиджийском обществе фигуру военачальника. Мы не знаем, когда сложилась на Фиджи структура общества, с которым столкнулись первые европейцы, но ясно, что ко времени их появления у туземцев четко различалась ритуальная власть роко-туи и власть военачальников-вождей, называвшихся ву-ни-валу, что буквально означает «начало войны». Это различие хорошо прослеживается в легендах и героических рассказах сиетура (см. здесь № 94—97), противопоставляющих высокого вождя На-улу-матуа (в его образе есть также черты героя-предка) и вождя-военачальника Вусо-ни-лаве. Фиджийский вождь-военачальник сочетал в себе черты западномеланезийского «бигмена» (ср. [1, с. 97—99, 111]), достигающего высокого положения благодаря выдающимся личным качествам, и полинезийского выборного вождя-правителя (сай). Вожди высшего ранга — роко-туи или просто туи [рохо «поклониться, почитать», отсюда «высокий вождь (т. е. тот, кого почитают)», туи «вождь, повелитель»] — совершенно не похожи на вождей западной Меланезии. Несомненно, если сопоставить ву-ни-валу с «большими людьми», то роко-туи можно сравнить со старейшинами, однако большие они напоминают полинезийских наследственных вождей, дорожащих своей генеалогией подчас больше, чем реальной властью. Генеалогии фиджийских вождей более лапи-

дарны, чем полинезийские, и обычно запоминание их — дело самих вождей (а не их окружения, как в Полинезии), поэтому им отводится мало места в фольклоре. Тем не менее в генеалогиях есть все необходимые сведения, позволяющие судить о знатности их обладателя. Э. Гиффорд [39, с. 173] приводит показательную в этом отношении генеалогию вождя «всех Вити-леву» — Туи На-вити-леву, записанную им от Рату Эсидра в 1947 г.

Сып великого Нденгеи, дух Туи Кау-вандра (вождь, повелевавший горой Кау-вандра), женился на Роко-на-вати, женщине-духе, обладавшей властью над Кау-вандра. Их единственный сын Рату, тоже дух, женился на женщине-духе, имя которой не сохранилось. От них появился на свет первый человек, которого звали Ната-идера. У Ната-идера было два сына, На-идува и Мбануве. На-идува, живший в На-мотуту, также имел двух сыновей, На-теру и Ундреундре. У них обоих было много детей. Старшим сыном На-теру был За-вару, у которого был сын Мболомбolo, а у того — сын Ра-вуло. Этот Ра-вуло и был отцом Рату Эсидра, унаследовавшего от него титул Туи На-вити-леву.

Тут следует сделать одну оговорку. Генеалогии, почести, сравнимые с теми, что оказывают духам, строгое соблюдение иерархии — все это было существенным на побережьях больших островов и на самых восточных островах, приближенных к Полинезии. На западе Фиджи и у большинства фиджийских горцев нарисованная здесь структура общества еще только возникала: устройство их мира было более патриархальным. Во главе общины стоял вождь, сочетавший выдающиеся личные качества с пеплохой генеалогией; вождь должен был принимать решения и о войне, и о мире, причем обычно он советовался с другими заслужившими уважения жителями поселка. Различие в устройстве общества у горных и прибрежных фиджийцев прекрасно уловил в прошлом веке А. Уэбб. «В манерах своих племена очень разны. Те, что живут в лесистых местностях Навитиеву (Вити-леву.— М. П.), имеют свою аристократию, очень почитают своих вождей, а последние строжайше следят за соблюдением этикета. Те же, что живут по реке Сингатока и обитают в безлесных местах Навоса, те много более демократичны и уделяют мало внимания вождям, если таковые у них вообще и имеются» (цит. по [89, с. 6]).

Первоначально туи, вероятно, возглавляли крупную родственную группу, в которой многие решения принимались коллегиально, и власть шла к ним постепенно. Но здесь, в суждениях о фиджийской социальной структуре, мы вступаем на зыбкую почву догадок. Устройство фиджийского общества описано, в общем-то, неплохо и, вероятно, изменилось меньше, чем может показаться. Дело скорее в том, что с развитием этнографии произошел существенный переворот в умах тех, кто призван судить об устройстве

общества, а от этого и многие факты стали казаться совершенно иными. Видимо, самое большое, что можно сделать сейчас, — это построить корректное описание основных единиц общества, не пытаясь сразу классифицировать их.

В мифах о Нденгей, равно как и во многих других рассказах, собранных в этой книге, часто появляется слово *явуса*. *Явуса*, пожалуй, важнейшая структурная единица традиционного фиджийского общества. Свое место в социуме и в мире в целом фиджиец числит и мерит прежде всего принадлежностью к явусе и лишь потом к Фиджи как к земле. Естественно, что мифы и легенды, действие которых весьма точно локализуется в пространстве (для Океании вообще очень характерна привязка к месту, а точнее — к определенной местности на острове), и даже сказки, с их более неопределенной пространственной локализацией, выводят на сцену не фиджийцев вообще, а но-и-коро, нозо, онгеа, ноэмалу, ту-ни-ката, ву-на-нгуму и многие другие явусы.

В разное время разными школами этнографов явуса определялась как племя, народ, клан, род или родовое подразделение, патрилинейный линидж [1, с. 110; 19, с. 25—27; 24, с. 25; 37, с. 10—15; 49; 66; 67; 74, с. 99, 110 и сл.; 79]. Воздержимся пока от терминологических обобщений и посмотрим, что же такое явуса. Мы уже видели, что буквальное значение слова — «стая, множество». Члены одной явусы считают себя потомками одного тварного существа — *ву* (букв. «основа; корень; начало»), глагол *ву* имеет значение «начинать(ся)». (Для океанийской картины мира в равной мере существенны представление о мировом древе — а значит, и мысль о возникновении из одного источника, росте, развитии — и представление об основании мира, основе миропорядка; это второе представление находит выход в мифологеме опорного кампя, скалы-прапородительницы и пр.; ср. [12, с. 103—108; 302—304; 43].) *Ву* может быть духом, полудухом, легендарным героем и даже ничем не прославленным предком. Сам он восходит к нетварному сверхъестественному существу — калоу-ву «духу начала» (обычно калоу-ву — отец предка [44; 48]), однако калоу-ву не рассматривается как предок — подвиг основания явусы приписывается именно *ву*, и очень важным в этом акте творения является закрепление за явусой определенного локуса, из которого «все и попло». Как правило, генеалогия явусы отсутствует: вероятно, существует сам факт наличия предка и духа, покровительствующего умножению членов явусы и процветанию земель (для членов явусы было обязательным приносить своему калоу-ву плоды первого урожая). Члены явусы посещают определенные места поклонения: так, для потомков тех, кто спустился с Кау-вандра, горы эти должны оставаться своего рода Меккой. Явуса обычно имеет несколько священных скал, тотемное растение (ср. здесь № 88) и

тотемное животное, а также тотемную пищу. Фиджийский «тотемизм» привлекает внимание, о нем немало написано [48; 64; 65; 89, с. 6—12], однако на деле он не играет сколько-нибудь значительной роли. Нередко в имя явусы входит название тотемного растения или животного, ассоциируемого с калоу-бу (растение, животное — временное вместилище духа), например у иу-ча-игуму тотем — акация игуму (*Acacia richii*), у мбау — одноименное дерево (*Sapota* sp.), у на-ремба — ремба, фиджийский ястреб (*Astur fasciatus*), хотя есть и явусы, названия которых отличны от названий тотемов (у на-мбоу-мбузо древесный тотем — мако (*Trichospermum richii*), тотемное животное голубь (*Dacula latrans*), по-фиджийски *conge*: ср. другие примеры в [64, с. 402—405]). Тотемные растения и тотемные животные — вместилища калоу-бу¹¹, — служили объектом поклонения, гадательным источником, оберегом во время несчастий. Внимание же к растениям и животным, составляющим тотемную пищу (Марзан называет их вторичными тотемами), несомненно, связано с алиментарными культурами, вообще очень популярными на тропических островах, где изобилие более кажущееся, чем реальное. «Вторичные» тотемы (представления о них сохранились лучше всего) составляют не избегаемую пищу, а высший деликатес, который с гордостью подают на торжественном пиру всем своим и высоким, особо отмеченным гостям.

Еще одной отличительной приметой явусы был единый для всех ее членов призыв к войне: это клич, буквально «зов на войну» (*vakazaузау-ни-валу*, где *валу* «состояние войны»). Его оглашали гонцы, составлявшие в фиджийском обществе особое сословие (ср. [46]). Необходимость в глашатаях подводит нас к еще одному признаку явусы. Явуса не является — или, по крайней мере, не являлась к началу контактов с европейцами — территориально локализованной единицей. Члены явусы могли жить в одном поселке, на одной компактной территории, но могли быть и рассеяны по разным местностям, даже по разным островам. Соответственно явуса не являлась и не является (вопреки утверждению в [25, с. 180 и сл.]) строго экзогамной единицей: тенденция к экзогамии есть, но это отнюдь не жесткий закон социума.

Сознание принадлежности к явусе можно сравнить с сознанием принадлежности пароду, находящемуся или находившемуся когда-то в диаспоре. Есть нечто, что отличает членов явусы от других людей, и это нечто — почитаемый дух, «любовь к отеческим гробам», обряды и установления — не меняется от того, живут ли все члены явусы рядом или разделены. Не будучи обязательно локализованной единицей, явуса не может играть ключевую роль в землевладении, которое на Фиджи было и остается коллективным, и в распределении земель. Роль эту выполняет

меньшая социальная группировка, подразделение явусы — матангали¹².

Вернемся к мифам о явусах, происходивших от Иденгей, Лутуна-сомбасомба, Нгиза-тамбуа. Предок имел огромную семью¹³ — от нее и пошла явуса. Семья естественным образом росла, многочисленные сыновья предка мужали и становились во главе своих семей. Из семьи каждого сына и складывалось отдельное матангали. По одной легенде, у покорителя Фиджи Лутуна-сомбасомба было четыре сына. Они были обычными людьми. Старшего звали На-улу-матуа, Великий вождь, второго звали Мбати, Воин, третьего — Мбете, Жрец, четвертого Мата-ни-вануа, Гонец. От них, утверждает легенда, и пошло правило: в каждой явусе должно быть матангали-на-улу-матуа, группа, восходящая к старшему сыну предка (из этой матангали обычно и выбирают вождя всей явусы), матангали-мбати — матангали воинов, матангали-мбете, откуда происходят жрецы, и матангали-мата-ни-вануа. Такое членение матангали в идеальной форме отображает и структуру развитого фиджийского общества: вожди — восначальники — жрецы — глашатаи. За пределами иерархии находились советники вождей — ту-ни-тонга (букв. «уставовление чужеземца»). Как и во многих океанийских обществах, советники при вождях нередко действительно были чужеземцами, а потому и стояли как бы вне социума. Они не имели генеалогий, не могли претендовать на знатность и благородство, но отсутствие таковых словно бы уравновешивалось заморским происхождением. Вероятно, нет пророка в своем отечестве. Наконец, в самом низу иерархии находились простолюдины-общинники — каиси¹⁴, составлявшие, естественно, наиболее многочисленный слой общества.

Помимо права на определение угодья (участки для возделывания таро, ямса, бананов, других важных культур, кокосовые рощи, места для выпаривания соли, места рыбной ловли и сбора продуктов моря) матангали имеет также четко фиксированное право на определенную территорию в поселке. Сам поселок располагается либо на земле одного матангали, либо на границе земель нескольких таких групп. Владение землей, распределение и перераспределение богатств, а значит, в значительной мере, судьба индивида — дело матангали. Члены матангали связаны более тесными, чем члены явусы, узами обрядов, регулирующих весь жизненный цикл. Члены одного матангали должны следовать одним запретам на определенные виды пищи (алиментарные табу), имеют один боевой клич (ваказаузау-ни-раву, букв. «призыв к схватке», т. е. не зов на войну, как у членов одной явусы, а именно клич, зовущий в реальный бой). В прошлом члены матангали были объединены также обязанностью преподносить вождю определенной местности своеобразную дань — определенное мясное или рыб-

ное блюдо, которое сами они могли есть только в присутствии вождя.

Матангали имело свое святилище — особую площадку, в центре которой на непропорционально высоком возвышении располагался дом богов — мбуре-калоу, или мбуре-ниту¹⁵. По мнению Чарлза Уилкса, это «самая удивительная и привлекающая взгляд постройка... установленная на высокой насыпи, обнесенной забором или обложенной камнем. В основании *мбуре* примерно вдвое меньше, чем в высоту» [99, с. 49]. Каркас мбуре делался из часто поставленных бамбуковых стеблей, сплетенных вместе веревкой, и издали, с высокого, вдвое-втрое выше самого дома, холма, мбуре казался хитро сплетенным домиком из сказки. При строительстве мбуре-калоу особое искусство состояло в том, чтобы скрыть входы в него: через недоступные глазу человека проемы в мбуре должен был входить его хозяин, который, скрываясь в доме, отвечал на вопросы покорного ему жреца (ср. «низовое», профанированное описание этого ритуала в сказке о фиджийце и кошке, № 129). Из-под крыши мбуре-калоу выводились па полметра-метр с каждой стороны поперечные несущие балки, и на этих выступающих частях развешивали драгоценные подношения духу — зубы кашалота, раковины каури, человеческие волосы и черепа. Дома богов, несомненно, вершина художественного осмыслиения фиджийцами, чье искусство в целом явно нефигуративно, священного и бессознательного («боги не изображаются никакими вещественными предметами, но строят для них молельни, или святые дома... в которых делаются приношения свищами, бананами, тканями и пр...» [5, с. 309]).

Матангали несло ответственность за своевременное введение индивида в члены социума, т. е. отправление обряда инициации. Юноши проходили инициацию в тринадцать-пятнадцать лет. В этом возрасте они подвергались обрезанию (в ряде районов инцизии)¹⁶ и меняли имя. Инициацию проходил не один человек, а одновременно группа подростков. Инициации мог предшествовать период затворничества или «изгнания» в лес. Затем в общепринятом доме выделяли особый покой, собирали там юношей и на глазах у женщин бамбуковым ножом производилиющую операцию, которую надлежало перенести без стона и крика. После этого юноши получали «взрослые» имена, которые обычно сами выбирали себе заранее. В ряде мест, например на Вануа-леву, весь обряд инициации так и назывался *вакатояза* — «имя положение».

Все действия в ритуале — обрезание, остановка крови куском белой тонкой тапы, смена имени — сопровождались «комментарием», который распевали женщины, бывшие одновременно и зрителями и судьями. Так, характерным для смены имени было меке следующего рода:

Передавайте имя!
Передавайте имя!
Довольно был он («детское имя»),
Теперь пусть будет («взрослое имя»).

По завершении обряда неофиты должны были в течение определенного времени соблюдать ряд табу, и в частности избегать своих близких [22; 23, с. 177—178]. Инициация, несомненно, рассматривалась как ритуал, дублирующий акт творения: матаангали создавали нового человека, с этого момента пешего на себе определенные обязательства.

Матаангали, как и явуса, имеет свое название, передко восходящее к имени легендарного предка, отпрыска ву. В отличие от явусы матаангали характеризуется экзогамией. До колонизации явуса, по-видимому, не подчинялась единому вождю. Во главе же матаангали стоял, как и ныне, выборный вождь — туранга-ни-матаангали «предводитель матаангали». Его статус действительно напоминает положение западномеланезийского «бигмена» (об отличии фиджийских туранга от полинезийских вождей, облеченные властью уже в силу своей генеалогии, см. [47]). Туранга избирается из подразделения матаангали, восходящего к первенцу его общего предка¹⁷. Если матаангали можно охарактеризовать как патрилинейный линидж, то подразделения матаангали — патрилинейные большие семьи во главе со старейшиной или выборным вождем, подчиняющимся вождю матаангали. На востоке Фиджи эти группировки называются токатока (букв. «местоположение»), на западе и в ряде горных районов больших островов — (м)бито (букв. «отрезанный кусок») и вувале (от ву-вале «основа дома»). Больше-семейная община — важнейшая хозяйственная единица, члены которой тесно связаны между собой расселением (обычно большая семья занимает несколько стоящих рядом домов с общими кухонными домами и хранилищами), правами собственности и разделением повседневного труда.

На описанное здесь иерархическое деление социума накладывалось деление на экзогамные половины. Отец и сын должны были относиться к разным половинам; таким образом, принадлежность мужчины к половине отсчитывалась по его деду с отцовской линии. Значение альтернативных поколений не совсем ясно; А. Хокарт связывает их наличие с культом тотемных животных и растений [49; 53], однако это мало что объясняет. Система альтернативных поколений связана с другим существенным аспектом устройства фиджийского общества.

В описаниях фиджийского родства всегда подчеркивалась роль кросскузенных браков: мужчина ищет себе жену среди дочерей дяди по матери или тетки по отцу. Это правило хорошо объясня-

ется экзогамией матангали; в патрилинейной структуре типа фиджийской жена будет непременно относиться к другому матангали, чем муж. Предпочтение, отдаваемое фиджийцами бракам с мужчинами — кузенами по материнской линии, а не с женщинами — кузинами по отцовской, в соединении с выдержанной ирокезской системой родства (отцовская и материнская линии противопоставлены, а прямые и коллатеральные родственники не разграничены [6, с. 129]), позволяет понять и обычай васу (вазу)¹⁸, суть которого состоит в приоритете, отдаваемом дядей племяннику по материнской линии. С легкой руки Р. Кодрингтона («хорошо известно, что на Фиджи *вазу*, сын сестры, имеет преимущественные права на все, чем владеет его дядя по материнской линии» [26, с. 34]) вазу заслужил среди этнографов неоправданную популярность — неоправданную потому, что, скажем, на западе архипелага подобных приоритетов вообще не было (кстати, здесь не было и восточно-фиджийского правила избегания братом сестры, несомненно связанного с вазу)¹⁹.

С течением времени на Фиджи обрели право гражданства территориальные группировки; первым здесь, вероятно, был поселок (коро). Коро складывается из одного или нескольких матангали и является в полной мере продуктом истории — миграций, усобиц, передачи земель в качестве дани или выкупа (соро) и т. д. Коро может быть средоточием нескольких матангали, относящихся к разным явусам. (Естественно, что поселок не является при этом экзогамной единицей.)

В социальной структуре, основывающейся на членении социума на большие семьи, матангали и явусы, для человека естественно было числить себя членом таковых, хозяином определенной местности, а потому неудивительно, что большинство фиджийских мифов творения — по крайней мере относительно ранних — рассказывают о происхождении данной родственной группы, а не всех фиджийцев «в целом» [70, с. 88]. Мифы, описывающие рождение первого человека и одновременное заселение всего острова, имели хождение только на малых островах, например на острове Ясава [74, с. 128], на небольших островах в восточной части архипелага [95; ср. также здесь № 10].

Явуса или матангали, в меньшей мере коро регулировали не только обряды инициации, но и все существенные ритуалы, значение которых выходило за рамки того, что в нашей культуре принято называть «узким семейным кругом». Церемониями сопровождались смена вождя, появление высокого гостя, принесение даров и жертвы духам; рождение, свадьба, смерть, похороны, уход на войну и возвращение с нее. Две существенные для всякого фиджийца реалии были неотъемлемым атрибутом общих ритуалов. Это тамбуа — зуб кашалота — и янгона, более известная в Европе

под полинезийским названием кава. Тамбуа, ценившиеся и как таковые, несомненно, имели на Фиджи значение, превышавшее их истинную, номинальную, если угодно, ценность. Тамбуа могли быть платой за жизнь, за любую важную услугу, выкупом за невесту, даром любви и знаком симпатии. Накопление зубов кашалота было одной из значимых жизненных целей, и случалось, что счастливый их обладатель сгибался под тяжестью ожерелья из двух сотен тамбуа, каждый из которых весит 300—400 г [31, с. 9]. Из зубов кашалота вырезали также фигурки духов (одна такая фигурка — изображение близнечного духа, обладающего властью над здоровьем человека и изобилием его полей, воспроизведена на с. 51).

Янгона в фиджийских мифах и легендах еще популярнее, чем тамбуа (ср. здесь № 22, 115). Готовят напиток из подсущенного корня *Piper methysticum*. Корень разбивают особым деревянным молотом и дробят на мелкие кусочки. Затем женщины (на западе Фиджи юноши) жуют эти кусочки (современная фиджийская практика ипая: корень дикого перца дробят, измельчая, или перемалывают, словно кофе), получившую массу смешивают с водой и процеживают через волокна гибискуса — и янгона, «пьяное вино Океании» (Э. Эдвардс), готова. Она наливается в большую чашу на четырех опорах-«ногах» (на западе такие чаши были глиняными, на востоке, под полинезийским влиянием, их делали из древесины веши и даже называли полинезийским словом таноа). Высокие вожди имели свои чаши-кубки для янгоны, а людям более низкого положения чашей служила выдолбленная половина кокосового ореха. При раздаче чаш неукоснительно соблюдается социальная иерархия; первая чаша — духу, вторая — высокому вождю, ответственному за совершение ритуалов, затем — военачальнику и т. д. Разные духи покровительствуют янгоне: чаще всего это хтонические существа: духи леса и вод (Луве-ни-ваи, «дети воды»), устрашающие в своей красоте и силе сестры (о них говорится в песнях янгоны, приведенных в этом сборнике), хтонические старухи вроде хозяйки гор Кау-вандра — предшественницы Нденгей (см. о ней [70, с. 85], где воспроизведено ее деревянное изображение). Церемония янгоны отнюдь не увеселительное предприятие, каковым его иногда изображают, а сложный социальный и сакральный ритуал. После того как опорожнены чаши с янгоной, произносятся пожелания: участник церемонии (прежде всего гость) хвалит напиток и говорит, чего он желает, — но не другим, как это принято в европейских тостах, а себе. Похвала и пожелание тем лучше, чем они зашифрованнее: образы, подчас не проще кеппингов скандинавской поэзии. Янгопа — «ураган небес», «голубой небесный дождь», сахарный тростник — «вода в запруде», кокос — «озеро ветра» (одним из источников «кеппингов» являются фиджийские загадки, примеры которых читатель найдет в Прило-

жении). Но вернемся от ритуалов к обществу, создавшему и соблюдавшему их.

Мы уже видели: неспокойная фиджийская фортуна перерисовывала в своих причудах карты островов, перемещала явусы, меняла по произволу коро. Желание обрести некую устойчивость — вот что, вероятно, побуждало фиджийцев переступать через рамки явус и границы коро. К концу XVIII в. на побережьях больших островов и на некоторых восточных островах стали возникать вануа (букв. «земля») — по первоначальной сути своей территориальные группировки нескольких явус или матангали, признающие своим вождем и военачальником вождя одной из явус (матангали). Само название группировки, в семантике которого происходит переход от значения «обитающей земли» к значению «объединения общин», не случайно (для соответствующего австронезийского термина, *Banuwa, этот переход весьма типичен, см. [7, с. 25]). С развитием вануа и еще более крупных территориальных объединений — мата-ниту — возрастает роль традиционных для фиджийского общества связей — тауву, подробно описанных А. Хокартом [45; 48; 49]. Коротко, тауву — это общность духовных и социально значимых ценностей, проявляющаяся в общности ритуала, поклонении одному калоу-ву, взаимных социальных обязательствах. Фиджийцу дороги и важны истории о том, как его явуса сошлась в «побратимстве» с другой; такие рассказы есть и в этом сборнике (№ 72—78, 81, 89—91).

Естественное движение фиджийского общества вело к росту вождеской власти. К XIX в., принесшему фиджийцам большие перемены, на крупных островах, ждавших политического объединения, в полной мере сложился институт централизованной власти вождей [1, с. 110; 8, с. 15]. Европейцы, оказавшиеся на Фиджи, быстро узнавали, что на островах с трепетом произносят имена главных вождеств: Рева и Верата на Вити-леву; Мбау — на островке подле Большого Вити; За-кау-идрове, или Сомосомо, цитадель вождей острова Тавеуни; Мазуата и Мбуа на Ваиуа-леву.

Фигурка из ауба кашалота, изображающая близнечного духа

Рева и Верата считались древнейшими и благороднейшими вождествами, но в начале прошлого века мощь их шла к закату. Закау-ндрофе и Лакемба были опорой тонганцев, и здесь необходимо отступление, посвященное этому народу.

Тонганцы (как и самоанцы) были известны на Фиджи давно, и спорадические контакты между двумя важнейшими архипелагами, вероятно, развертывались в течение всего II тысячелетия²⁰ (см. также выше). К концу XVIII в. контакты участились [31, с. 6, 85—92; 32, с. 15—21] и на востоке Фиджи появились постоянные тонганские поселения. Тонганские вожди, жадные до власти, стали искать на Фиджи сфер влияния и в первой половине XIX в. преуспели в этом. Влияние их на фиджийском востоке сказалось и на материальной и на духовной культуре исконных жителей, а потому оговорка, сделанная нами в начале этой статьи о фольклоре фиджийцев, в одном отношении неверна: фольклор востока Фиджи подчас неотделим от тонганского, и читатель найдет здесь немало тонганских рассказов, пересаженных на фиджийскую почву (это в первую очередь относится к текстам, записанным Л. Файсоном [36]), и исторических преданий о появлении тонганцев на островах Лау.

Тонганцы несли с собой страх. Они были лучшими воинами, их единство — более строгим, чем у фиджийцев, их угроза — реальной. К середине XIX в. тонганцы, возглавляемые Маафу, сыном первого короля Тонга, Георга I Тупоу, ловко пользовались жгучими разногласиями фиджийских вождей.

Фиджийцам нужно было единство, и тут главным вождеством стало Мбау отчасти в силу своего неокраинного, а значит, относительно нейтрального географического положения. Близость к сандаловым богатствам и к большим островам ускорила приток на Мбау европейского оружия. К середине XIX в. несравненное величие Мбау было уже данностью²¹, но покоя вождям островка не было: их власти на Фиджи мешали другие вождества, и всего более тонганцы. Хитроумный Зако-мбау, тогдашний вождь Мбау, довольно скоро понял, что военное счастье переменчиво и что надо искать союзников. Оставалось выбрать меньшее из двух зол — европейцев или непостоянных фиджийцев, и в 1854 г. решение было принято: Зако-мбау наконец крестился — к большой радости давно осаждавших его миссионеров — и обратился к Англии с предложением принять Фиджи под свое господство (апгличане помимо всего прочего должны были спасти Фиджи от американцев, пытавшихся в это время подчинить себе остров). Но, по мнению уже появлявшегося на этих страницах полковника Смайза, архипелаг не представлял для Англии большого интереса, и в 1861 г. фиджийское предложение было отклонено. Ничего не оставалось, как идти своим путем. В 1855 г. Зако-мбау уже одержал

запоминающую победу над Маафу, сумевшим привлечь под свои знамена не только тонганцев, но и некоторых фиджийцев,— и все же будущее казалось повелителю Мбау не слишком светлым. Его ждали все возможные трудности — политические, военные, финансовые, только обострившиеся после создания в 1871 г. автономного королевства Фиджи.

В 1874 г. Туи Вити Зако-мбау снова обратился к Англии. Ситуация за это время существенно изменилась. К началу 70-х годов англичане оценили и удобство стратегического положения Фиджи в Тихом океане, и перспективы экономического развития островов. Времени на раздумья им уже не оставалось: не менее отчетливо, чем англичане, представляли себе выгоды, скрытые в этих землях, представители германских компаний. Кроме того, внушил серьезные опасения размах крупной австралийской монополии «Колониэл шугар рифайнинг компани», наступавшей на многие океанийские острова. Разворачивание промышленности требовало дешевой рабочей силы, и к началу 70-х годов XIX в. на Фиджи на плантациях европейцев работало уже более тысячи рабочих-океанийцев, ввезенных с других островов (к 1874 г. их число достигло двух тысяч). Тогдашний глава английского кабинета министров Б. Дизраэли, серьезно обеспокоенный англо-германским соперничеством и не сомневавшийся ни минуты в необходимости расширения территории, решил действовать без промедления. 10 октября 1874 г. было подписано соглашение о передаче суверенитета Фиджи Великобритании.

«Мы, король Фиджи, вместе с прочими высокими вождями Фиджи, сим по доброй своей воле передаем нашу страну, Фиджи, Ее Британскому Величеству, Королеве Великобритании и Ирландии. Ей доверяемся мы и полагаем всецело, что будет она править Фиджи со справедливостью и с рвением, чтобы продолжали мы жить в мире и процветании» (цит. по [27, с. 5]). В Англии тех времен был очень популярен рассказ о том, что фиджийские вожди, увидев в каютах-компании одного из военных кораблей, стоявших у берегов Вити-леву, бронзовое изображение королевы Виктории, решили, что отдают свои острова во власть темнокожей женщины-вождя, так похожей на их собственных женщин.

Первым, временным, губернатором Фиджи стал Г. Робинсон, а в 1875 г. его сменил А. Гордон, бывший не только политиком и администратором, но и ценителем фольклора, который он записывал и на вверенных ему островах [42]. Гордон разделил Фиджи на провинции и округа и создал систему местного управления, пытаясь сохранить при этом некоторые устои традиционного фиджийского общества.

В современном государстве Фиджи восходящая к Гордону система округов и провинций сохранила, однако сами единицы ук-

рупнепы. Независимое государство Фиджи делится на четыре округа, которые, в свою очередь, состоят из провинций (явуса), общее число которых пятиадцать. В каждой провинции выделяются районы (тикина), делящиеся на поселки (коро). Соотношение современных округов и провинций таково:

Округ	Провинции в составе округа
Центральный	Тан-леву, На-ита-сири, Рева, Серуа, На-моси
Восточный	Лау, Лома-и-вити, Кандаву, Ротума
Северный	Мбау, Мазуата, За-кау-идрове
Западный	Мба, На-идропга / На-воса, Ра

Фиджи оставались колонией на протяжении 96 лет. Независимость архипелага была провозглашена 10 октября 1970 г. О новейшей истории Фиджи см. [8; 13, с. 290—307]. Эта история началась более ста лет назад, и почти все это время народная культура оставалась в тени, заслоненная цивилизацией с ее более материальным видением бытия. Необходимость преемственности исконной традиции только начинает ощущаться фиджийцами, и, может быть, впереди — нелегкое возрождение забытого прошлого.

* * *

Эпоха, когда «цивилизованный наблюдатель с готовностью признает, что дикарь смотрит на вещи по-детски и живет абсурдными представлениями» [26, с. 248], сменилась более романтическим временем, когда во всех памятниках духовной культуры виделась история. В фиджийском фольклоре не только искали хронологию миграций — его членили как археологический памятник на пласти: слой первобытного тотемизма, слой анимистических представлений, начатки концепции божества [31, с. 10; 42; 60; 86, с. 117 и сл.]. Вслед за этим несколько потребительским взглядом на фольклор явилось желание изучать устную традицию «в себе и для себя».

Многие фиджийские рассказы, будь то поэтический речитатив или проза, сакрального характера (подобные рассказы на востоке Фиджи называются туку-ни, на западе — кваликвали). В традиционном фиджийском обществе туку-ни (кваликвали) передавались только во время ритуала на церемониальной площадке, у святилища. Потребность в сюжетном, развлекательном или потешном повествовании удовлетворялась рассказами иного рода (их общефиджийское название тала-ноа; кое-где на западе они называются мбири), которые могли быть уместны и у стены дома, и у очага, и на берегу после купания. Но герои туку-ни — кваликвали переходят в тала-ноа и становятся в них полноправными хозяевами, пусть лишаясь при этом мифологического ореола тайны (ср. [14,

с. 120] о постоянстве персонажей в разных фиджийских жанрах). Любимыми персонажами, как это кажется теперь, были для фиджийцев герои и «свои» духи.

Центральные персонажи этой книги, фиджийские духи, между собой весьма различны; не стоит особого труда подвергнуть критике само слово «дух» в применении к тем многочисленным океанийским представлениям, которые стоят за ним. Здесь и дух-душа, и призрак, и воплощение духа, и дух природы, и божество, и «идол». Все фиджийские духи (их общее восточнофиджийское название — *nitu*, ср. полинезийское *autu* [12, с. 332]) также делятся на духов, восходящих к живым или жившим вне эпического времени людям (на востоке они называются калоу-яло, на западе яниту-яло), и духов, предшествовавших человеку, живших еще в эпическое время (калоу-ву на востоке, яниту-ву или япиту-кора на западе). Все же основания для объединения всех этих понятий в одном слове *nitu* есть: духи, призраки, божества, полудухи, видения и др. противопоставлены как носители сверхъестественного естественному, и в первую очередь человеку.

Казалось бы, среди духов есть свои лучшие и избранные, есть более слабые и ничтожные. Змей-дух Нденгей — разве не ему быть духом духов, вождем среди равных: но Нденгей не всегда удается сладить со своими сыновьями (№ 2) и подчас даже с обычными людьми (позже с чужеземным Иеговой, ср. № 6). Все духи (ву) подвержены человеческим слабостям — жадны, завистливы, славстолюбивы, порой злопамятны, капризны и тщеславны, любят властвовать беззастенчиво. Человеку не дано судить их; но, зная их слабости, он может подчас угодить им — и добиться того, чего надлежит ждать от духа. В чем-то отношения человека и духа похожи на обоядно выгодную сделку: «ход природных событий в какой-то мере... изменчив и ...можно уговорить или побудить сверхъестественные существа для нашей пользы вывести его из русла, в котором он обычно протекает» (Дж. Дж. Фрэзер). Человек почитает духа, и это льстит тщеславию сверхъестественного существа, так часто оказывающегося несамодостаточным: порой кажется, что величия духа просто не было бы без человека, воздающего этому духу должное. Восторг и почтение, трепет и понимание зависимости человека от сверхъестественного — эти чувства должны найти непременное воплощение — в мбуре для духа, в подарках ему (так, удачливые воины Сиетура никогда не забывают принести трофеи Ингоинго-а-вануа). Сознание австронезийца, от Индонезии и Филиппин до острова Пасхи, непременно искало материального воплощения социальных и сакральных знаков; фиджийцы здесь не исключение. На духа, с благосклонностью принимающего дары человека, налагались обязательства, и, если он не выполнял их, человек, сообщая ему через жреца о своем недовольстве, мог вызвать

его на схватку (Т. Калверт [100, с. 301] с удивлением сообщает о том, какое понимание вызвал у фиджийцев сюжет о единоборстве бога с Иакомом, ср. Бытие 32, 24—32), но чаще всего оставлял духа и искал другого, более сильного. В конце концов, «чудо...— не более как необычно сильное проявление обычной способности» (Дж. Дж. Фрэзер).

Духи привязаны к определенной местности, и дух, сильный па Вити-леву, ничтожен перед духами Лакемба на их земле. Духи в змеином обличье, из породы Нденгеи, могут сотрясать землю, вести войну, давать и забирать урожай. Таков сам Нденгеи, таков правитель края духов Рату-маи-мбулу, Господин из Мбулу (см. № 62), также являющийся в образе змея. Змей — знак благородства (недаром это тотем вождей Мбау), плодородия, воинской силы.

Океанские волны подвластны духам моря, являющимся в образе другого сау-ванга, столь же известного, как змея,— акулы. Этот образ нередко принимает Ндаку-ванга, повелитель волн, дух мореплавателей и рыболовов. Родина Ндаку-ванга — огромная пещера на острове Мбенау, и потому больше всего должны почитать и ублажать его жители За-кау-ндрофе и На-тева. Если дух доволен, то когда люди выходят в открытый океан в сумерках и ночь, он освещает им волны. Свечение на воде — его знак, и поэтому его второе имя Ндау-зина, Дающий Свет (под этим именем он известен на Левука и Кандаву). Фольклорная традиция приписывает Ндаку-ванга и необычную любовь ко всем красивым женщинам, так что это дух, покровительствующий к тому же измене. Если Нденгеи — фиджийский Юпитер, то Ндау-зина уместнее всего сравнять со скандинавским королем трикстеров Локи.

Устрашающий дух — хранитель тропы умерших Туа-ле-ита, о которой уже шла речь. Этот дух известен под именем Драву-яло, Побивающий Духов. Могучая сила и змеиная ловкость приводят под его покровительство воинов; вообще путь, которым следует дух умершего, полон таких злоключений и опасностей, что кажется, только очень смелому при жизни воину удается достичь цели — предела духов.

Могучие духи миропорядка, как Нденгеи, духи войны, такие, как мбауанский всевидящий Занга-валу или четырехгрудая Рандини-мбуре-друа (Госпожа Двух Мбуре), почитаемая на Вануа-леву, духи урожая вроде Са-валу или Камбуя с Вити-леву, духи рыболовства (Ндаку-ванга, Ву-и-мбенга) и их меньшие братья, носящие множество имен (впрочем, иногда ничего, кроме этих имен, о них неизвестно [97, с. 361—421]), — все эти духи, по немому согласию, делят между собой фиджийскую ойкумену. В членении мира духов отчетливо проступает понимание трех естественных, незыблемых потребностей — «отправления сакральных действий,

войной деятельности и экономики, иерархизованная гармония которых необходима для жизни общества» [4, с. 25].

Духи являются человеку в обличье живых существ — людей и священных животных, среди которых на первом месте, конечно, альбиносы. Духи вселяются в деревья, камни и в лучшие творения рук человека — палицы, дома, гробни, корзины. И здесь важно, что все эти вместилища духов не заменяют их, не становятся кумиром: дух не живет там постоянно, он приходит и уходит, оказывается где-то рядом, может заговорить с человеком и тут же надолго оставить все его окружение. Подобная идея духа особенно чужда европейским представлениям, равно как чуждо им и фиджийское понятие духа человека. Дух (яло), в отличие от души в христианском смысле, не живет в теле человека: он всегда рядом, может время от времени входить в тело, но он существует отдельно от него. На время сна и болезни дух уходит далеко, но потом возвращается (недаром яло « дух, желание, намерение », а ялояло « тень, отражение, двойник »). По смерти же он навсегда уходит прочь от человека, рядом с которым прошел жизнь.

Подобная идея духа закономерно влечет за собой почитание гомеопатической магии. Фиджийский мир населен скверными духами, чем-то похожими на колдуны. Избежать зла можно, если делать то, что делать должно, так, как должно, и не делать того, что не следует (табу). Табу, реализующееся в системе разнообразных запретов, есть все священное, но противопоставляется оно не профаническому, а человеческому. Иными словами, табу — сверхчеловеческие установки, которые человек обязан соблюдать, но может оспаривать, если чувствует в себе достаточную силу.

Сажая кокос или панданус, надо обязательно закрывать глаза — иначе человек ослепнет. Срезав клубни ямса, человек должен тут же убрать нож, которым снимал их: иначе ямс пропадет, а нож навсегда затупится. Нельзя показывать пальцем на кокосовую пальму: она лишится плодов, а палец отсохнет. Если показать пальцем на морскую черепаху или на стаю рыб, добыча тут же уйдет под воду. Нельзя спрашивать у рыболовов, куда они идут, — вернутся без улова. Нельзя становиться на циновку, пока опа не готова, — вся работа пропадет. Нельзя касаться не только самого вождя, но и его вещей и, главное, его оружия: палица и топор потеряют силу, оказавшись в чужих руках. К тому же мана вождя столь велика, что страшна для простого человека.

Особенно жесткие запреты, естественно, регламентировали жизнь тех, кто держал в своих руках материальные и духовные богатства содиума. Вожди, военачальники, жрецы, чей удел может показаться таким завидным, были связаны огромным числом табу, от соблюдения которых зависела не только собственная судьба. И значит, для них становилось особо значимым как соблюде-

ние «негативных предписаний», так и накопление положительной силы, лежащей в основе вещей,— маны. Известно, например, что для сохранения и усиления маны, заключенной в палице великого Зако-мбау (эта палица, как и положено, имела имя — Аи-тутуви-ни-ра-нанди-и-мбау «Прикрытие для Госпожи Мбау»), священное оружие следовало натирать кровью убитых врагов. Потребность маны, как мы уже говорили, поддерживала и практику каннибализма. Этот «фиджийский ужас» (Ч. Уилкс) вызвал, пожалуй, больше всего кривотолков и даже дал на одно время название архипелагу — островам Каннибалов.

Нельзя понять суть каннибализма, если не принимать во внимание деление мира на «своих» и всех прочих. Круг «своих» задается прежде всего родством, затем локусом, историей, данной клятвой. Взаимные обязательства в пределах «своих» крепки, и их нарушение есть нарушение табу (сказочные сюжеты, связанные с нарушением таких табу, многочисленны и любими фиджийцами; ср., например, нарушение жестоким Туи Тонга запретов на съедение «своих» — за это нарушение мстит ему Талинго, № 118). Что же касается всех «других», за пределами круга «своих», то к ним обязательства неприменимы. Соответственно эти чужие могут быть принесены в жертву на каннибалистическом пиру. Главным источником фиджийского людоедства всегда были убитые (реже пленные) воины врага, и, кстати, ужаснейшим оскорблением, дающим повод к началу войны, было: «Я тебя съем». Съесть врага — значит одержать над ним гораздо большую победу, чем разорить его поля или даже предать огню его владения. Второй источник каннибализма — чужие с покоренных земель, посылаемые вождям-победителям как должная дань, вместе с ямсом, таро, свининой, тапой. Из чужих, подвластных победителям, как правило, выбирались жертвы, приносимые при закладке дома, строительстве лодок и др. И наконец, третий, редчайший (и ценимый очень высоко) источник пищи для пира каннибалов — чужой носитель сверхъестественного начала. Возможность каннибализма подобного рода объясняется уже называвшейся здесь привычкой для Океании идеей единоборства человека и сверхчеловека. Отсюда — пугавшая европейцев страсть к мясу белого человека: в таком человеке скрыта особая, великая мана, обрести которую очень важно.

Мясо человека запекали в земляной печи. Как правило, для этого имелась особая печь, часто располагавшаяся за домами, в той части поселка, которая наиболее удалена от берега. Молодые люди, чьим делом было готовить кушанье, привязывали тело убитого к длинной толстой жерди лицом вниз, жердь взваливали на плечи и несли к очагу. Перенос тела сопровождался пением и возгласами, подобными тем, которые сопутствовали переносу бре-

вен или готовой лодки (см. выше). Б. Томсон приводит пример такого текста [94, с. 107]. «Ведущий» монотонно пел:

Неси меня благодарно,
Неси меня благодарно!
Меня положат в земляную печь
[Твоей] земли, чтоб ее разжечь.
Тащи меня к себе!
Тащи меня к себе!
Тащи меня к себе!
Тащи меня к себе,
Кожу с меня снимешь! —

и носильщики постоянно отвечали ему громкими возгласами. Так же как и в случае с лодкой, процессия замирала, как только песня прерывалась.

Традиционно фиджийцы брали всю пищу руками, но мбокола (общее название человеческого мяса; исходное значение слова, по-видимому, «сытная пища») всегда ели большими длиннозубыми деревянными вилками, которые составляли семейную реликвию, тщательно хранились, передавались по наследству и, так же как лодки и палицы, имели имена. Первым полагалось есть туловище [36, с. 164—165]. Голову жертвы зарывали в землю: по океанийским представлениям, наибольшая мана заключается именно в голове (ср. в связи с этим непропорционально большие головы многих статуй на различных островах), и никому, даже самому высокому вождю, она не под силу. Сердце и язык как вместилище особой, сверхъестественной силы съедал вождь.

Каннибализм, идея маны вообще и значение множества табу, определявших жизнь фиджийца, — все это было настолько само собой разумеющимся, что едва ли могло составить сюжет мифа или сказки. Этиологических текстов подобного рода крайне мало, так же как мало и мифов творения в собственном смысле: космогония и антропология явно разработаны у фиджийцев меньше, чем история, граничащая с доисторией, или героические события. Неудивительно, что культурные герои больше напоминают богатырей — но просвещающих земли, а триумфально покоряющих их себе. Кажется, что в рассказах о них важнее не то, чему они научили людей, а то, сколько одержали побед (исторический жанр) или нарушили запретов (волшебная сказка), про которые вовсе и не стоит знать, откуда они пошли. И все же у читателя не должно сложиться впечатление, что фиджийской мифологии вообще чужды космогонические мотивы. Отчасти они остаются в этой книге «за кадром» — поскольку здесь представлен именно повествовательный, прозаический фольклор.

Потребность же в эпическом и героическом, в высоком и тай-

ном, в художественно-прекрасном в полной мере нашла свое выражение в фиджийском меке. Это особое сочетание песни, танца и зрелища, сопровождаемое хлопаньем в ладоши, звуками лали или деревянных и бамбуковых гонгов.

По форме меке можно разделить на две группы — меке-речитативы, сопоставимые, пожалуй, с европейским верлибром (число слогов в строке таких меке относительно свободно), и ассонансные меке, с определенным числом слогов в строке и зозвучием (неполной рифмой) конечных слов в соседних или перекрестно связанных строках либо в серии строк. Страна в меке осознается как цельнооформленная единица в значительной мере потому, что все произведение исполняется под четкий ритм лали. Две техники могут сосуществовать в одном произведении, пример тому — приведенные в Приложении меке «Коро-и-тама», «Песнь янгоны». Ср. несколько строк из меке «Коро-и-тама», показывающих технику первого рода (речитатив):

Sa ráwa mai nódá turágari;
Ói kéda me da mái viribái.
Era bósc na turágá ni Rawári,
O Máta-i-tíni me sa lá'ki máte
(цит. по [97, с. 427]).

Приемы второго рода иллюстрирует «Меке Малоло» (см. его перевод в Приложении):

Méke Malólo

Cabáki vóu o kéle i Malólo
Liga vúkelúlu éra sa sóko
Vódo mái ká na búli Malólo
Láki ráica nóna ni véikoro
Matáka o láki kéle ki kóto
Eráu le rúa tíko e vulóko
Kái múa, eratóu sa vódo
Súa níu éra gáli na tóko
Gúnu óti éra sa sóko.

Что касается содержания, то первоначально, по-видимому, наибольшая роль принадлежала эпическим меке, образцы которых приведены в [42; 78]. Постепенно меке расширили свою функцию, став, с одной стороны, отзвуком ритуала, обряда и подчинив, с другой стороны, торжественность занимательности (ср. примеры в [78]). Эпический песенный фольклор с его зашифрованными мифологическими мотивами был легко вытеснен более понятными меке о подвигах известных героев или меке со сказочно-фантастическими и бытовыми элементами, обычно имеющими прозаические корреляты. Вероятно, такое возобладание конкретики и сказоч-

ной фантастики в фольклоре обычно для обществ с неразвитой эзотерической традицией. Нетрудно догадаться к тому же, что при варварском отношении большинства белых к традиционной фиджийской духовной культуре, пронесенном почти через весь XIX в., мифологические циклы о сотворении мира и человека должны были утратиться в первую очередь, открыться европейцам — в последнюю. Кстати, многие из меке мифологического содержания практически непереводимы, а часть из них непонятна даже для самих аборигенов. При сохранении таких меке в ритуале происходило то, что хорошо описано у Б. Н. Путилова: «Конкретный смысл... для новых исполнителей утрачивался, но знание его оказывалось и неизбывательным, поскольку были известны... общее значение и связь с танцем и ритуалом» [15, с. 9].

Некоторые сюжеты соответствующих циклов явно заимствованы в позднейшее время у тонганцев, например сюжеты в № 29; какие-то линии возникают и в поэтическом фольклоре с введением христианства (ср. показательный в этом отношении прозаический текст о Нденгеи и Иегове, № 6).

В этой книге корпус меке не представлен (исключение составляют малые меке, приведенные выше, и относительно легко интерпретируемые меке «бытовых» жанров, данные кое-где в прозаическом тексте, а также в Приложении). Исследование фиджийских меке вообще — занятие довольно сложное, так как между разными районами архипелага имеются здесь значимые различия, и, может быть, еще не поздно понять их.

Прозаические тексты, из которых до нас дошли в основном рутинные тала-поа (см. выше о различии туку-ни и тала-поа), скучно сохранили те фольклорные линии, которые можно было бы возводить к культуре гончаров лапита; скорее эти линии скрыты в отдельных именах, доставшихся фиджийцам от их дальних предков, например в названиях звездного неба. Гончары лапита называли плеяды «маленькими глазами небес» или «гроздьями плодов», сравнивали Южный крест с птицей, улетающей от двух охотников, которые замахнулись на нее камнями, созвездие Быка — с гроздью плодов, Пояс Ориона — с плетеным четырехугольным опахалом или корзиной (ср. 12, с. 53—57, 297). Гиады представлялись им характерным треугольным парусом — известным на всех океанийских островах, — Большое Магелланово Облако они называли «домом изобилия» (который можно сравнить, пожалуй, с лукиановским Островом Блаженных), Малое — «домом голода и засухи» (появление этого «облака» на небе в ясную ночь — знак предстоящего неурожая); созвездие Южной Короны казалось им очагом, в котором разведен огонь. Пятна на Луне они сравнивали со стариком, плетущим длинную веревку, — лунным лучом спускается она на землю и если оборвется, оборвется с цей и жизнь людей,—

и со старухой, склонившейся над очагом (очень похожий мотив, в котором представление о старице — хозяине жизни — и старухе — покровительнице очага — объединены в образе «старицы на луне», имеется у рапапуйцев, см. [11, с. 76—78]). Современные океанийцы, в том числе фиджийцы, сохранили эти и другие названия небесных светил, по которым можно строить догадки о древнейших мифологических представлениях.

Наибольшее развитие фиджийский фольклор, несомненно, получил с появлением на островах «традиции Нденгей и Луту-на-сомбасомба». Анализ мифов и легенд, вычленение тех или иных линий, затрудняется, конечно, и наложением позднейших влияний — спачала западнополинезийского, сказавшегося на духовной культуре фиджийского востока, затем европейского.

Если не принимать во внимание относительно недавнюю христианизацию фиджийцев, то следует признать, что их религия и сопутствующая ей мифология не переживали сколько-нибудь серьезных изменений. Непрерывность религиозной традиции и неразделенность (если угодно, недостаточная противопоставленность) сакрального и профанического объясняют естественную для мифологии Океании, и Фиджи в частности, недифференцированность фольклорных жанров. Выделять в фиджийском фольклоре мифы творения в противопоставлении мифам о предках или легенды в противопоставлении преданиям означает совершать насилие над материалом, подходя к нему с меркой европейского канона. Вероятно, более целесообразно согласиться, что в фиджийской прозаической традиции различаются тексты этиологического характера (по В. Я. Проппу), с их эпическим восприятием времени и сочетанием достоверного и фантастического (ср. [14, с. 122]); тексты исторического жанра, локализованные в пространстве и времени — на границе доистории и истории или в пределах последней; мифологические рассказы о духах (ср. [10, с. 174—176]), очень разнородные и особенно варьирующие от местности к местности. Конечно, даже претендующее на радикальность противопоставление исторического и неисторического, этиологического и неэтиологического «выручает» не во всех случаях: и в исторических рассказах велика доля вымысла (ср. № 94—100), а в рассказах о духах и исторических повествованиях нередки этиологические концовки (скажем, для рассказов о духах особенно характерно данное как бы попутно, невзначай объяснение некоторого конкретного обычая или причины, по которой две явины навсегда связаны друг с другом). Перечисленные здесь жанры дополняются также сказками, причем большинство из них совсем не такого типа, к какому мы привыкли: они с трудом поддаются систематизации, и приложение к ним традиционных жанровых определений весьма условно. (Что касается «малых жанров — пословиц, поговорок,— то

здесь они не рассматриваются; некоторые фиджийские загадки даны в Приложении.)

Естественная для всякой низовой фольклорной линии потребность в рассказах о мире ином, чем мир человека, по тем не менее доступном и не страшном (т. е. в историях о животных, возникающих помимо всего прочего при «вырождении» вполне серьезных рассказов, содержащих тотемные представления), — эта потребность могла быть удовлетворена в Океании либо рассказами о немногочисленных животных, либо рассказами о растениях. В действительности и те и другие чрезвычайно однообразны (ср. также [18, с. 147, 201, 202, 308—311, 397; 12, с. 287—293]) и носят прежде всего дидактический характер. Их несколько оживляют характерные этиологические концовки, но и они довольно монотонны. Исторические рассказы много живее; они, видимо, больше привлекали древнего фиджийца, чем «тотемные» рассказы, и именно обращение к истории позволило фиджийскому фольклору создать действительно значительные произведения, с прекрасным сплетением «мифической» правды и «конкретно-«этнографичной» фантастики» (Е. М. Мелетинский).

В фиджийском фольклоре, естественно, есть и универсальные мотивы (путешествие в край мертвых, чудесная жена, отец, уничтожающий своих детей, волшебные помощники и т. д.), есть мотивы общеокеанийские или универсальные, получившие особую, общеокеанийскую трактовку («дитя Солнца», «дух-акула», «лодка духов», «альбинос-табу» и «женщина-альбинос», «животное-людоед» и «врага животных» и др.). Если сравнивать фиджийскую традицию с фольклором остальной Меланезии (ср. его анализ в [18, с. 11—18; 70, с. 85—101]), то обращает на себя внимание скорее не повторение, а отсутствие некоторых традиционных меланезийских и микронезийских сюжетов. На Фиджи не представлен (или не дошел до наших дней — эту оговорку следует иметь в виду и в дальнейшем) мифологический цикл рассказов о бедном сиротке; почти нет здесь историй о великанах-людоедах и многоголовых духах. О фиджийском потустороннем мире, спрятанном под водой, известно гораздо меньше, чем о «том свете» других океанийских мифологий, и кажется, что он не очень-то занимает людей. Из края духов не возвращаются (а в мифологиях Полинезии и Западной Меланезии этот мотив очень популярен), да и попасть туда, как мы видели, не так-то просто.

Даже герой-проказник Мауи, любимый персонаж океанийской мифологии, появляется в фиджийском фольклоре под явно поздним полинезийским влиянием и словно бы не «приживается» здесь (ср. № 10 и особенно № 118, где Мата-ндуа в чем-то похож на западномелапезийского Мауи, а в чем-то на его тонганского двойника — Рванолицего Муни [12, с. 225—229, 322]).

Итак, если во всей остальной Меланезии «центр цивилизации... мифов» [18, с. 14] — культурные герои (как правило, близнецы), а в Полинезии к ним прибавляются и высшие духи, духи-боги, то на Фиджи стержнем повествовательного фольклора оказываются рассказы о духах,— нередко лишенные не только эпического начала, но и *esprit*, угодного европейцу,— и исторические рассказы.

Стилистика, в которой выдержаны эти рассказы, более наивна, чем стилистика развитых мифологических систем, и подчас эта естественность в сочетании с редкими для повествовательного фольклора зашифрованными смыслами и мотивами²² (круг таких «криптограмм» значительно расширяется, например, в полинезийском прозаическом фольклоре) наводит на мысль о неуклюжей простоте. Мысль неверна: «непохожий» не значит «низкий», а «наивный» не значит «глупый». В чем-то, например в шокировавшем европейцев прошлого века отношении к человеческой жизни, смерти, сексу, фиджийская традиция спокойнее, честнее, прямее и естественнее эвфемистичной среднеевропейской, и, чтобы оценить это, надо на время оставить привычный взгляд на вещи. «Совершенно очевидно, что "язык" фольклора неотделим от "языка" данной культуры в целом и является частным выражением последнего... „Язык“ фольклора со всеми его слагаемыми — сюжетикой, функциональными связями, структурной соотнесенностью с бытом, естественным языком, музыкальным, хореографическим, образностью, стилистикой — ...погружен в ...мир культуры, в ...многосоставной культурный контекст ...вырастает из него и им объясняется, да и сам его в какой-то степени объясняет (разрядка наша.— М. П.)» [15, с. 8].

Если не отказаться от привычных идей, то останутся непонятными уже упоминавшиеся здесь представления о духе (не душе!) человека, существующем как бы вовне человека. (С этими представлениями связана вполне естественная мысль, что дух может уйти от одряхлевшего человека еще до физической смерти последнего; именно это стояло за распространенным на Фиджи обычаем удушения, реже погребения заживо стариков, обычно по просьбе самих этих стариков; ср. № 118, где Таусере и Се-ни-рева просят Мата-ндуа даровать им смерть; см. также [31, с. 22; 99, с. 220 и сл.]) Дух человека противопоставляется не телу, а самому человеку и, будучи невидимым, ощущается тем не менее как существо вполне материальное. Недаром фиджийский эквивалент нашего «не падай духом» буквально звучит как «пусть твой дух не становится маленьким, не уменьшается» (ср. в ряде мест в переводе «пусть твой дух не умаляется»). Более материальным, чем привычно для нас, оказывается и представление о сердце, притом что многие образы, связанные с сердцем, похожи на европейские. Скажем, если сердце «горит» или «загорается», это не метафора: в

восприятии фиджийца в сердце при этом вспыхивает настоящий, материальный огонь, который потом гаснет.

Без понимания того, что такое в традиционном фиджийском обществе обряд посвящения, трудно оценить глубинный смысл часто повторяющегося сюжета об изгнании людей с гор Кау-вандра (см. здесь № 2, 3). Пока дети (или подчиненные) Нденгеи были малы и в прямом смысле и в переносном (т. е. были ему покорны), он держал их при себе. Когда же они прошли обращение в мир взрослых — убив чудесного помощника Нденгеи, сладкопевца Туру-кава,— им надлежит уйти и искать себе новый край. На первый взгляд удивительно, что Нденгеи, умеющий жестоко карать за пичтожную провинность, ни в одной из версий этого сюжета (ни в дохристианских, ни в испытавших библейское влияние) не убивает виновных. Тайна в том, что они, пройдя посвящение, становятся равны ему, и самое большее, что он может сделать,— это изгнать их прочь.

Особый взгляд на вещи необходим и для восприятия смешного: «этнография юмора» едва ли не самая показательная черта всякого народа, отличающая его от других. Сказки-анекдоты о свинье и собаке, крысе и собаке, фиджийский вариант сказки о лисе и журавле (№ 125), едва ли способные вызвать улыбку у тех, кто смеется над приключениями Мики-Мауса, для фиджийцев, даже в наши дни, потешнее любых комиксов.

Архитектоника фиджийского рассказа обычно повторяет ход событий, не обгоняя их; впрочем, в начале текста нередко говорится, чем он должен кончиться. Для многих фиджийских текстов, поэтических и прозаических, как это справедливо замечено Б. Н. Путиловым [14], характерны формульная повторяемость и параллелизм. К этому можно добавить общеокеанийскую тенденцию к избеганию имен персонажей — будучи введен в текст под некоторым именем, герой дальше, насколько возможно, называется «он», «этот», «тот» (ср. [12, с. 26]) — и склонность аутентичных текстов к тривиальному предварению прямой речи словом «сказал» или «ответил», а не более изящным синонимом. (Надо заметить, что и восприятие стилистического однообразия у пародов Океании далеко отстоит от европейского.) Здесь, впрочем, мы подходим к новой теме.

* * *

Фиджийский фольклор записан досадно плохо и бессистемно, много хуже, чем фольклор других островов Океании. Этому трудно найти какое-то одно строгое объяснение; причин было несколько. Здесь и быстрая аккультурация фиджийцев, и чисто «потребительское» отношение первых европейцев, даже самых честных и образованных, к их языку (фиджийских текстов религиозного содер-

жания, переведенных европейцами в прошлом веке и в начале нашего, предстаточно, ср. [88, с. 206—211]), и необозримость архипелага для фольклориста-подвижника. Эти и, возможно, другие причины привели к тому, что фиджийский фольклор оказался записан в основном на европейских языках, и в первую очередь по-английски, что, естественно, и затрудняет его изучение, и делает любые заключения о нем неокончательными. Многие переводы беллетризованы, что еще более удаляет нас от исходного материала. Поэтому к текстам, собранным в этой книге, следует относиться как к показательным более всего в отношении сюжетики, в меньшей мере в отношении структурных особенностей и, наконец, как к недостаточно достоверным в отношении стилистики фиджийского фольклора (для прозаических текстов, видимо, уже безвозвратно утраченной).

Отсутствие сколько-нибудь системного, профессионального взгляда на фиджийский фольклор привело к тому, что какие-то сюжеты, интересные с европейской точки зрения, похожие на привычные и, наконец, просто насыщенные событиями, фиксировались, а какие-то оставались в полном погружении. Результат такой работы — картина фиджийского фольклора, доставшаяся XX в., с многочисленными лакунами и неожиданно большим числом вариантов некоторых сюжетов (в особенности это касается сюжетов о Нденгеи, меньше — о Ндау-зина): европейцы следовали одним стереотипам и к тому же шли друг за другом географически. Здесь мы открываем в анализе фиджийского фольклора еще одну трудность. До середины XX в. Фиджи рассматривалась как единое культурное целое (простая мысль о том, что обобщения, сделанные в одной части архипелага, могут и не распространяться на все острова, впервые сформулирована в [89, с. 3 и сл.]). Во многих старых описаниях Фиджи не уточняется, где именно зафиксированы те или иные сюжеты, какую местность описывает автор. Даже если не реконструировать все это, очевидно, что большинство исследователей Фиджи работали преимущественно на востоке архипелага. Наилучшим образом изучены два крупнейших острова и остров Лау, наименее известна культура запада Вити-леву и островов Ясава. Культура побережий долгое время оставалась единственno знакомой европейцам: необходимость изучения горных обществ пришла позже (ср. [23] — книгу, революционную для своего времени).

Сказанное объясняет причину, побудившую составителя этой книги обращаться не только к собственно фольклорным источникам, но и к разного рода описаниям — географическим и этнографическим, любительским и профессиональным, которые содержат круг фиджийских сюжетов. Именно этим объясняется нередкое соседство в книге сюжетных рассказов, построенных по всем пра-

вилам океанийского нарратива, и повествований с сухой информацией, явно трансформированных. Конечно, нередко истории изложены лапидарно, без деталей, европеизированы, манера повествования стилизована и напоминает плохую имитацию простодушного примитива, наконец, в большинстве случаев текст записан в переводе или пересказе, но сюжетный дефицит наших знаний о фиджийском фольклоре такой текст все же восполняет.

Фиксация фиджийского фольклора имеет уже свою историю; здесь можно выделить несколько естественных поколений, каждое из которых имело свою установку. Первое поколение — это фольклористы по случаю: путешественники вроде Ж.-С. Дюрвиля (см. [5]), Чарлза Уилкса (см. [99]), ранние веслеянские миссионеры, как Т. Уильямс (см. [100]), или глава фиджийской миссии с 1848 г. Дж. Уотерхаус (см. [97]), простодушие туристы вроде жены полковника Смайза (см. выше и [87]) и даже ученые-естественники, например Б. Земан [83]. Нередко они относились к материалу, попавшему им в руки, очень серьезно, но передко же корректно зафиксировать его им мешали поспешность, недостаточное знание языка или предрассудок.

Интерес к неевропейской духовной культуре, ознаменовавшей последнюю треть прошлого — начало этого века, ввел в жизнь следующее поколение, фольклористов по убеждению. Запись фиджийской устной традиции была для них отдельным (хотя и не единственным) самостоятельным предприятием, включенным в более широкий контекст исследования фиджийской культуры. К сожалению, время этого поколения исследователей настало тогда, когда многое в фиджийской духовной культуре было уже утрачено или стало совершенно непонятным. Среди фольклористов по убеждению были замечательно проницательные, тонкие, духовно терпимые люди. В их числе английские администраторы: А. Брустер — английский комиссар провинций Северная Золо и Восточная Золо, проживший на Фиджи около сорока лет (с 80-х годов прошлого века до 20-х годов нынешнего); губернатор Фиджи А. Гордон (ср. [42]); комиссар фиджийского суда, а затем глава фиджийского секретариата внутренних дел Б. Томсон, который провел на Фиджи в общей сложности около десяти лет (в конце XIX — начале XX в.) и, что особенно важно, побывал в разных частях архипелага. К старшим в этом поколении относится веслеянский миссионер Лоример Файсон, знаток Тонга и Фиджи, обладавший несомненным художественным вкусом, отличавшимся изяществом стиля (последнее, впрочем, нельзя считать одним лишь благом: записи Файсона [36] несколько беллетризованы) и хорошо знаящий тонгапский²³ и восточнофиджийский языки. Тексты, приведенные Файсоном в [36], интересны помимо всего прочего потому, что в них нефиджийские, хотя и генетически близкие, мотивы (мотивы тонганского

фольклора) переплетаются с собственно фиджийскими²⁴. Информантами Файсона были фиджийские вожди: Туи Онеата, вождь Лакемба Тали-а-и-тумбоу, уроженец Мбау Соко-ту-ки-веи (последний тем более интересен, что передал Файсону «очень тонганский» рассказ о Мата-ндуа, № 118) и другие²⁵. В конце прошлого — начале этого века на Вити-леву работали также католические миссионеры, в их числе П. де Марзан и Э. Ружье, хорошо знавшие язык и, что особенно ценно, записывавшие тексты на языке (ср. [78]); работа де Марзана «Предания фиджийской старины» (*Marzan J. de. Ai tukutuku ni gauna makawa vakaviti. Fiji, Nailili, 1902*), к сожалению, так и осталась для нас недоступной; не удалось учесть при составлении этого сборника и французских переводов фиджийского фольклора, приведенных в: *Rochereau [s. n.]. Légendes canaques. Une page de mythologie fidjéenne. Les missions catholiques. 1915, t. 47, c. 407—419*.

Современники политиков и миссионеров — ученые Э. Джексон [57], Дж. Дэвидсон [28], А. Йоске, первый европеец, составивший аккуратное описание святилищ наинга (см. [59], № 21 и комментарий к нему), энциклопедист-полинезист Э. Трейдженер, также не оставшийся равнодушным к фиджийской духовной культуре (Трейдженера, впрочем, больше интересовало именно сопоставление ее с полинезийской традицией). К этой же группе примыкает естествоиспытатель Т. (Сен-)Джонстон, живший на островах Лау в конце XIX — начале XX в. Не чуждый романтики, наделенный поэтическим видением мира, Джонсон написал увлекательную книгу о лауанской устной традиции [90]: в этой книге представлены, пусть в несколько беллортизированной форме, переводы услышанных им мифов, преданий, сказок и высказана значительная в наши дни мысль о том, что в лауанской традиции хорошо прослеживаются две идущие рядом, параллельно, линии — линия мифологических рассказов о духах и линия исторических повествований.

За поколением фольклористов по убеждению — а им мы обязаны весьма многим в нашем современном знании фиджийского духа — явились профессиональные этнографы, этнопсихологи, историки культуры. Наиболее талантливой фигурой здесь, несомненно, был Артур М. Хокарт, человек с «петривиальным и часто предсказуемым мышлением» (Р. Нидэм [56, с. VII]), посвятивший Фиджи большую часть своей жизни (первая работа Хокарта о Фиджи [43] вышла в 1911 г., когда двадцативосьмилетний Хокарт был директором фиджийской школы дляaborигенов; интерес к Фиджи он сохранил до самой смерти). Однако этнограф и историк культуры преобладал в Хокарте над фольклористом, и анализ фольклорных мотивов как части общего мифологического мировидения всегда был для него задачей более первостепенной, чем детальная фиксация частных текстов. Хокарт работал в разных

точках Фиджи; очень интересно сравнить сюжеты, записанные Файсоном, с теми, которые уже после него нашел на островах Лау Хокарт: его работа [52] открывает в мифологии лауанцев более глубокий слой, с меньшим числом тонганских заимствований, гораздо более сходный по сюжетике с мифологией центра Фиджи.

Одновременно с Хокартом на Фиджи работал У. Дин, преданный любивший острова и многое сделавший для сохранения традиционной культуры. Дину, близко знавшему фиджийцев и знакомому с океанийцами других островов, а стало быть, умевшему сравнивать, принадлежит фраза: «Фиджиец — образец хороших манер» [30, с. 72]. Хокарту и Дину во многом конгениален Э. Гиффорд, начавший работу на Фиджи позже их: в 20-е годы он работал в Полинезии, на Тонга.

Сторонниками несколько другого, внешне более формального направления этнографии, восходящего к американским ученым Францу Боасу и Алфреду Креберу, были Лора Томсон и Бьюэл Квейн. Путь Томсон на Фиджи несколько отличался от проторенного; обычно исследователи попадали туда, пройдя замысловатую школу Полинезии (или попадали на острова архипелага прямо из Европы), и Фиджи казались им образцом ясности и простоты. В опыте Томсон островам Фиджи предшествовал Гуам, а в опыте Квейна — некоторая полевая работа в резервациях американских индейцев, и это облегчало им беспристрастный взгляд на Фиджи. Томсон отчасти повторила маршруты Файсона, Сен-Джонстона, Хокарта, побывав на Лау, однако, в отличие от всех них, сосредоточилась на южных островах этой группы [91]. В фольклорном отношении работы Томсон [91; 92], так же как и несколько более поздние и уже предельно четко локализованные описания У. Геддеса [37] и М. Салиниза [79], не информативны, но прекрасно воссоздают общий культурный контекст, о значимости которого уже шла речь выше.

Иную стратегию избрал Б. Квейн, не только подробно описавший быт фиджийского поселка (и тем предваривший во многом работы Салиниза и Рейвен-Харта [74]) [72], но и создавший антологию фольклора явусы сиетура [71] (название явусы, которое можно толковать как «[обращающие в] бегство вождей», дало название всей книге Квейна). Сиетура расселены на западе Вануа-леву, многие — в отдаленных от побережья районах. Все тексты [71] записаны в поселке На-муа-воинвои (провинция Мбуа). Как и многие другие жители Мбуа, сиетура из На-муа-воинвои (а во время полевой работы Квейна там жило около ста человек) возводят себя к благородным воинам легендарного вождества Сиетура, покорившим все земли. Время их славы, о котором и говорят все рассказы их потомков, было, увы, недолгим: против Сиетура поднялись соседние вождества, начались усобицы. Сиетура оказались рассеяны

по свету — так появились в Мбуа их дочерние вождества. Каждое было равно поселку, и всех их объединяла память о великих предках, но все они были заняты только собой.

Выбор Квейна определялся в большой мере именно тем, что влияние европейцев на такие поселки-вождества, расположенные в глубине острова, было меньшим, чем на поселки побережья. В середине XIX в. на побережье появились тонганцы, принесшие с собой веселейство. Горцы же узнали об этом лишь тогда, когда побережье было полностью покорено,— и приняли веселейство мирно, как нечто само собой разумеющееся.

Квейн хорошо знал фиджийский, и тексты в [71], с подробными пояснениями, записанными со слов информантов, надежны и стилистически показательны, хотя, конечно, они много выиграли бы при подаче в оригинал, а не в английском переводе. Некоторые прозайческие тексты Квейна даны в русском переложении в [18], остальные приведены здесь. Длинные меke (Квейн называл их гимнами и песнями), данные в [71], первичны по отношению к прозаическим рассказам, представляющим собой по большей части эзегезы более непонятных поэтических. Анализу героического эпоса сиетура посвящена специальная работа [14].

За поколением от Гордона до Квейна, т. е. за этнографами, обращавшимися к фольклору, пришли лингвисты. Изучению и описанию фиджийских языков повезло больше, чем исследованиям фольклора. Первые результаты лингвистической работы относятся к 1850 г., когда вышли в свет словарь и миссионерская грамматика Д. Хейзлвуда (*Hazelwood D. A Feejeean and English dictionary: with examples of common and peculiar modes of expression, and uses of words... Vewa, Wesleyan mission press, 1850*; он же. *A compendious grammar of the Feejeean language; with examples of native idioms. Vewa, Wesleyan mission press, 1850*). Хейзлвуд работал с восточно-фиджийским диалектом, близким мбауанскому. Словарь грешил многими неточностями, но тем не менее выдержал два переиздания (в 1872 и 1914 гг.). Следующим по времени был прекрасный словарь Нейрета (*Neyret J. Fijian-English and English-Fijian dictionary. 4 vols. Cawaci, 1935*), очень быстро ставший библиографической редкостью. За ним последовал словарь А. Капелла (*Capell A. A new Fijian dictionary. Sydney, 1941*), согласованный с новой грамматикой (*Churchward C. M. A new Fijian grammar. Sydney, 1941*); эти работы не утратили своего значения до нашего времени. (Новый фиджийский словарь уже давно готовится к изданию, но пока в свет не вышел.)²⁶

Языковое разнообразие Фиджи привлекло должное внимание лингвистов, и в первую очередь компаративистов; в недавнее время фиджийские языки стали объектом лингвистической типологии. Фольклор и даже фольклорные тексты для большинства линг-

вистов не представляют интереса — некоторым исключением явился Б. Бигз, две работы которого, выполненные в 50-е годы, стали источником этого сборника [20; 21]. Интенсивные лингвистические исследования (их пионером стал А. Капелл; подлинной разработки они достигли к 60—80-м годам; ср. [69] и одну из лучших компаративных работ в австронезистике [38]) позволили выяснить различия между восточным и западным фиджийскими языками. Основные различия лежат в области лексики и грамматики (ср. [38, с. 80 и сл.; 69, с. 418—428]) и в любом переводе будут неочевидны. Имеется, однако, и фонетическое несходство, которое по мере возможности было учтено здесь. Эти различия наблюдаются только в отношении согласных звуков: незначительными диалектными особенностями в произношении гласных можно пренебречь. Восточнофиджийскому [ŋ] (в ряде диалектов [γ]) соответствует западнофиджийский звук [ŋʷ], восточнофиджийскому [k] — западный [kʷ]. Восточнофиджийское произношение препозализованных очень четкое: [ʷb], [ʷd], [ʷg] или [ndg] — в зависимости от диалекта (записи соответственно b, d, g); ср. топонимы Мбау, Кау-вандра, р. Ндрекети. В западном фиджийском и в восточнофиджийском диалекте островов Лау препозализация практически отсутствует, и перечисленным звукам соответствуют [v], [b] (по диалектам) и [f] (на Лау); [t] или реже [d]; [g]. Нетипичный для других фиджийских диалектов звук [f], имеющийся в диалекте Лау, явно обязан своим существованием влиянию тонганского языка; ср. в № 118 имени Кало-фанга, Фаха. В последнем имени фигурирует и специфичный для Лау [h] — мбауанский эквивалент имени Фаха — Васа. В этом же диалекте, также под тонганским влиянием, распространяются начальное [a] и [aŋ], очень редкие в других фиджийских диалектах; ср. в № 118 Анга-тону. В большинстве диалектов свистящий звук произносится глохно [s], но в некоторых диалектах нагорий реализуется как [z].

Приведенные звуковые особенности позволяют указать и на отличие транслитерации, принятой в этом сборнике, от транслитерации в предшествующих изданиях на русском языке (ср. [8; 18, с. 194—206]). Все различия объясняются стремлением приблизить русскую транслитерацию к реальному произношению, а именно:

звук [ʷb] передается как *mb*, а не как *b*;

звук [ʷd] — как *nd*, а не как *d*;

звук [ʷg] — как *nr*, *ndr* и как *r* в зависимости от того, на каком диалекте был исходный текст (там, где это установить невозможно, в этом и в других случаях дается нормативное мбауанское произношение);

звук [ŋg] передается как *ng*, а не как *k* (неадекватная запись его как *k* объясняется тем, что в латинской орфографии он часто передается как *q*);

звук [η] — как *нг*, а не как *г*;

звук [ð], похожий на звонкий межзубный английский [ð], передается как *з*²⁷ (аналогично тому, как передается в русской традиции и английский [γ], например *Rutherford* («Резерфорд»);

иначальный звук [i] в сочетании с последующим гласным записывается как *и* + знак гласного, например *ситетура*, а не *съетура*; сочетание этого звука в начальной позиции с [a] передается как *я*, например *явуса*.

Конечно, подобная система передачи фиджийских звуков средствами русского языка также не свободна от недостатков: в ней не удается передать противопоставление [ηк] и [η] (оба передаются через *нг*) и, отметим попутно, противопоставление [v] и [w] (оба звука передаются как *в*).

Большинство имен собственных в фольклорном тексте значимо; остается значимой и внутренняя форма многих фиджийских топонимов, поэтому в сборнике принято покомпонентное членение всех таких имен. В конце книги читатель найдет указатель значимых собственных имен с их толкованиями. Элементы *туи*, *ра*, *роко* даются в дефисном написании, если они уже слились с именем в единый комплекс, например *Ра-вово*, и в раздельном написании, если они обозначают титул, гонорифическое обращение и тому подобное, например *Туи Тонга*.

Возможно, читателя удивит частая повторяемость в именах элементов *на-* и *ни-*. Фиджийское *на* — определенный артикль, который сопровождает все имена собственные. С некоторыми он слился (ср. варианты *На-кау-вандра* и *Кау-вандра*, но обязательное и уже неотделимое *на-* в *Нату-нуку*, из *На-ту-пуку*). *Ни-* — показатель притяжательного отношения, сопоставимый по функции с показателем русского родительного падежа, ср. *луве-ни-ваи*, букв. «дети-род.-вода».

Для более правильного прочтения фиджийских имен следует знать также, что ударение в большинстве слов приходится па предпоследний слог. В многокомпонентных словах правило предпоследнего слога действует для каждого компонента.

В сборнике несколько изменен способ подачи реалий. Из всей Океании русский читатель лучше всего знаком, вероятно, с Полинезией, например с такими «полинезийскими» атрибутами, как кава, капоэ. Первому из этих полинезийских слов соответствует фиджийское *yagona*, которое и дается здесь в русской транслитерации. О неудачности слова *каноэ* для обозначения океанийских лодок см. [12, с. 10]; как эквивалент фиджийского *waqa* здесь принимается «лодка», а *гва* либо транслитерируется (друа), либо переводится как «двойная лодка» (второй способ представляется менее удачным, и читатель, наверное, согласится с этим, взглянув на изображение друа, приведенное в [1, с. 325]). Что касается слов

табу и тапа, то это уже европеизмы, и они даются здесь в форме действительно восходящей к полинезийским языкам (на востоке Фиджи слово тапа встречается, в большинстве же диалектов центра и запада архипелага его эквивалент *маси*, также используемый в переводе, ср. глоссарий). Фиджийское произношение первого слова — *тамбу*, и в этом виде оно встречается в топонимах, например *Тонга-тамбу*. Названия родственных группировок (явус, матангали) записываются со строчной буквы (например, *на-леле*, *на-и-зомбозомбо*), и это, в частности, позволяет отличить их от нередко тождественных названий местностей, поселков и пр. (ср. *ситетура* [януса] и *Ситетура* [вождество, местность, поселок], соотв. *люди* (из) *ситетура* и *люди Ситетура*).

Собранные в этой книге тексты переведены с восточнофиджийского и европейских языков; фольклорных текстов на западнофиджийском нам не встретилось. Все заглавия, данные переводчиком, приводятся в квадратных скобках.

Фиджийский фольклор — в особенности это относится к традиции западной половины архипелага — еще ждет своих исследователей и, увы, реставраторов. Духовный мир фиджийцев — часть мифологического мировосприятия всех людей земли, и, если эта книга прибавит кому-то убежденности, что в деле изучения человечества нет ничего лишнего, ее задача будет выполнена. Итак, в путь, читатель: «чужестранец смиренно предлагает тебе в пищу свое сердце»²⁸...

М. С. Полинская

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Противопоставление восточных и западных фиджийцев по антропологическому типу молчаливо признается большинством исследователей, однако специально оно пока не изучалось.

² Уже в конце XIX в. сложилось устойчивое мнение о том, что эту миграцию составили именно меланезийцы, плывущие с запада. Исключением был только А. Брустер, автор обширного труда о фиджийских горцах, полагавший, что новые иммигранты были полинезийцами и попали на Фиджи с востока [23, с. 287]. Впрочем, он сам подтверждал свою гипотезу лишь тем, что прибывшие, согласно устной традиции, были очень рослыми людьми.

³ Фиджийский край мертвых — подземный (подводный) мир, в который духи умерших попадают, двигаясь с востока на запад и затем бросаясь в воду на западной оконечности соответствующего острова (на каждом острове по традиции считали такое священное место: например, на Вити-леву — Вунда, на Вануа-леву — На-и-зомбозомбо [87, с. 104], на Лакемба — мыс близ Ваига-талаза и т. д.). Тропа духов на большинстве островов Центральной и Восточной Океании пролегает именно с востока на запад, уводя дух в том направлении, откуда с реальной исторической прародины некогда прибыли предки автохтонов.

⁴ Именем Ван-Димена была названа Тасмания, открытая в 1643 г. (Вандименова Земля, или Земля Ван-Димена). Как Земля Ван-Димена она была известна на картах до 1853 г., пока в 250-летие со дня рождения Абеля Тасмана (1603–1659) в названии острова не было увековечено имя его первооткрывателя.

⁵ Об Оливере известно крайне мало, и даже его имя до нас не дошло.

⁶ Уолтер Майлленд, английский капитан, плавал в Южных морях в 1793–1794 гг.

⁷ Генри Барбер, капитан английского судна «Артур», плавал в Южных морях в 1794 г.

⁸ Сэр Чарлз Мидлтон (1726–1813) — лорд Адмиралтейства, приложивший много сил для обеспечения победы англичан в Трафальгарском сражении 1805 г.

⁹ «Мирным» командовал другой известный мореплаватель — М. П. Лазарев.

¹⁰ Ни на одном из островов Полинезии нет всех необходимых сырьевых компонентов для развития гончарства. Из-за этого, вероятно, утратили навыки своего ремесла на Самоа и Тонга добравшиеся туда гончары лапита (ср. [1, с. 280 и сл.]).

¹¹ Излюбленные тотемные животные — акула, змея, фиджийский зимородок, сова, летучая лисица, черный муравей, коктепиль (насекомое с неприятным резким запахом, известное в этнографических описаниях под фиджийским названием м б у р о н г о), полурыл, более известный под фиджийским названием — с и с е. Растения, служащие вместе с тем духами, чаще всего отличаются особым цветом (светлое таро, светлые хлебные деревья; красные разновидности драцены и бананы с плодами, дающими красноватый сок) или необычными размерами (фиджийцы охотно насылали духами колоссальные пальмы, большие побеги Piper methysticum и др.). Вместе с тем дух может быть и человек. Важное значение в традиционном фиджийском обществе имело избегание названия того растения, животного или имени того человека, в котором находится дух: сокрытие имени — сокрытие темы [37, с. 38].

¹² Термин матангали распространен на Фиджи широко, но не повсеместно. На юге и юго-западе архипелага в его значении используется термин явуса. (М. Салинз, работавший на острове Моала, говорит о двух употреблениях слова явуса — в значении собственно явусы и в значении матангали; на Моала, однако, имелся и альтернативный термин матангали [79; 1, с. 106]). В ряде местностей Фиджи, напротив, отсутствует наименование явуса, в значении которого используется матангали (ср. [48, с. 737]). Вероятно, различия в наименованиях, происходящие из большого диалектного разнообразия на Фиджи, сказались и на неодинаковой трактовке матангали и явусы европейскими исследователями, изучавшими социальное устройство в разных районах архипелага. Здесь дается «усредненная» терминология, согласующаяся с нормативным словоупотреблением (принятым в мбауанском фиджийском) и с той картиной мира, которая стоит за большинством текстов нашего сборника. При всем разнообразии наименований социальная структура на Фиджи довольно однотипна: крупная нелокализованная и не строго экзогамная родственно-когнитивная группа (явуса) → локализованная экзогамная группа с общим правом на землю (матангали) → большая семья → малая семья.

¹³ Огромная семья с большим числом жен и наложниц — неизменный атрибут сверхъестественных существ и знатных, благородных, а главное, богатых людей. «От десяти до ста жен позволяет иметь пачальникам, — замечает в начале прошлого века Дюрвиль, — смотря по богатству их» [5, с. 308]. Положение женщин в фиджийском обществе никогда не было сколько-нибудь завидным: они цепились как рабочая сила, причем ставились ниже, чем, скажем, свиньи и даже домашняя птица, — приобрести жену было легче. Работая на своего мужа, они умножали его престиж и богатство. Для всякого фиджийца ясно, что предок был богат и знатен, а стало быть, у него было много жен и ничего удивительного в том, что у него столько сыновей, тоже нет.

¹⁴ Буквальное значение каиси — «человечишко». Описания каиси как рабов, встречающиеся в некоторых заметках прошлого века, неверны: рабы, если таковые и имелись, всегда были взятыми в плен воинами врага.

¹⁵ По-видимому, исходно, когда поселки были относительно небольшими, мбуре-калоу располагался в одном ряду с жилыми домами и общиным мужским домом (как это долго сохранялось у жителей внутренних районов Фиджи). С ростом поселков и с ростом потребности в их охране от врага мбуре-калоу стали окружать жилыми домами. Если в поселке жили члены одного матангили, дом духов располагался рядом с площадью (рара), на которую выходит дом вождя и на которой происходят все важные общественные события. С превращением поселка в собрание нескольких матангили святилище и рара стали разделяться: святилище с домом духов свое для каждого матангили, в то время как рара обычно служит всему поселку. Это открытая площадь для встреч, приема новых людей, состязаний, свободного времяпрепровождения и т. д.

¹⁶ По-видимому, при обрезании духам посвящалась не сама крайняя плоть, а выходящая кровь. А. Брустер сообщает в связи с этим, что один человек мог подвергаться частичному обрезанию несколько раз [22, с. 359].

¹⁷ Пост туранга сохранился до нашего времени, но сейчас обязанности вождей (и соответственно почет, воздаваемый им) сводятся к минимуму: в современном фиджийском обществе основную роль играют административные функционеры, назначаемые правительством.

¹⁸ Восточнофиджийское *vasu* обозначает сыпа любой из прямых или коллатеральных родственниц («сестер») в поколении мужчины-это. В западной части Фиджи, где ирокезская система родства представлена не в таком «идеальном» виде, как на востоке, соответствующего термина вообще не было.

¹⁹ Впечатления европейцев о том, что значимо в жизни аборигенов, а что нет, вообще следует принимать с большой осторожностью: чужому нередко кажется интересным не повседневное, а именно необычное, но неизменно значительное. Например, описываемые в некоторых рассказах этой книги «экстравагантные» культуры нанга реально играли в жизни фиджийцев далеко не ведущую роль.

²⁰ В тонганском фольклоре фиджийцы упоминаются редко. Там, где такие упоминания есть, они далеки от доброжелательности — кажется, что тонганцам непременно надо утвердить свое превосходство, материальное или моральное, над западными соседями (ср. [12, с. 222, 321, 322]). На других островах Полинезии, на-

пример на Самоа, устная традиция более благосклонна к фиджийцам. На первый взгляд в легендах Самоа и других полинезийских островов есть упоминания и о межостровных плаваниях фиджийцев, но здесь немаловажно, что полинезийское *fisi/fiti/hiti* и т. п. означает «далекий; не из числа своих, чужой», т. е. необязательно соотносится с реальной географической принадлежностью.

²¹ В это время уже начинает складываться нормативный фиджийский язык на основе диалекта острова Мбау (так называемый мбауанский стандарт, ставший в наши дни, наравне с английским, официальным языком Фиджи).

²² Зашифрованные образы многочисленнее в меке, заговорах, «речах о янгоне» (см. выше). Многие же из завуалированных смыслов, встречающихся в прозе, достаточно прозрачны (ср. выше о вакасомбу-ни-идувандру и см. подобные этому образы у Л. Файсона [36, с. XV—XLIV]).

²³ Данные Файсона по тонганской системе родства, полученные им из первых рук, использованы, например, в [6, с. 123].

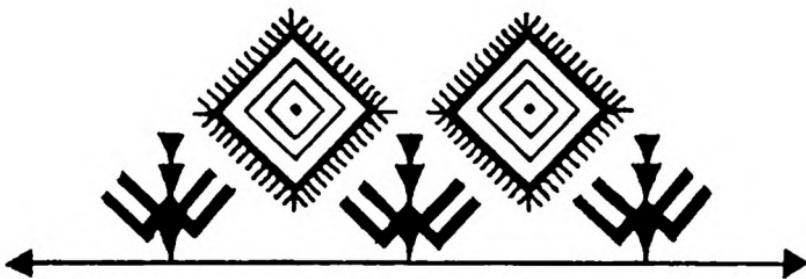
²⁴ Фольклорные тексты, происхождение которых объясняется относительно поздними доисторическими контактами фиджийцев с тонганцами, собраны в кн.: *Parham H. B. R. Fijian legends based on early intercourse between Fiji and Tonga*. Suva, 1931. К сожалению, при составлении этого сборника книга осталась для нас недоступной.

²⁵ У Файсона записан также один рассказ тонганского вождя Маафу [36, с. 139—161], который здесь не приводится; мы сочли также нужным опустить несомненно тонганские (хотя и записанные от фиджийцев) рассказы о похождениях Мауи и о Лонго-поа (последний очень напоминает популярные тонганские истории о Каэ, Лонго-поа и говорящем дереве, ср. [12, с. 234—238]).

²⁶ Подробнее об истории изучения фиджийских языков см. [80; 81].

²⁷ Фиджийская орфография, разработка которой усложнялась бескураживающим диалектным разнообразием, долгое время оставалась неустойчивой. Звуку [ð], передававшемуся как с, th, dh, d, dz, особенно «не повезло» и в латинской и в русской транслитерации. По-русски он передавался как ч, к (в соответствии с произвольным чтением лат. с), т, тх, д. Скажем, имя вождя-короля Зако-мбау представляло перед русским читателем как Такомбау, Тхакобау, Чакомбау, Какобау, Какомбау (ср. Беликов В. И. Некоторые проблемы практической транскрипции с языков Океании.—Советский национальный Тихоокеанский комитет АН СССР. Информационные сообщения. 1977. № 3 (38), с. 35).

²⁸ Страна из маорийской песни, цитируется по кн.: *Луомала К. Голос ветра. Полинезийские мифы и песни*. М., 1976, с. 41.

этиологические мифы

МИФЫ О НДЕНГЕИ

1. [Нденгеи и его сыновья]

Отцом Нденгеи был Манду, қалоу-ву. Мать Нденгеи — Таронга, женщина из На-тока-и-мало, что в горах Каувандра. Нденгеи жил себе в пещере, а тут приплыла лодка Кау-ни-тони, на ней — другой Нденгеи и с ним Лутуна-сомбасомба¹. Пристала к берегу она в На-и-урууруванга, неподалеку от Ндрау-ни-иви, что в Ра. А в тех местах главным духом был Сари-леву. Он отвел тех, кто приплыл к этой лодке, на Кау-вандра, и они поставили там дом. Назвали его Ндуи-восавоса. Оттуда до Фиджи рассеялись люди, и каждый говорил на своем наречии. А жители Савату пошли не оттуда: они происходят от первого Нденгеи.

Первый Нденгеи взял в жены госпожу Лемба-на-занги, дочь благородного Веро, вождя из На-и-лува. У Нденгеи и Лемба-на-занги было десять сыновей: На-и-сема-ни-вити-леву, основатель На-мотуту; И-ваи; коротышка Лека; Ра-сува-ки; Туна-мбанга, у которого был такой длинный член, что его носили в ста корзинах; Ванга-мбаламбала, дух, живущий на мысе На-зи-лау; Мбака-ндроти; дух На-вату; Куру-лова, дух, повелевающий громом и тучами; Зози, дух с отвернутой верхней губой, и Мбонги-лека, которому все ночи коротки.

Нденгеи увидел, сколько у него сыновей, и, чтобы они не ссорились друг с другом, послал их в разные концы Вити-леву. На-и-сема-ни-вити-леву отправился в На-мотуту, И-ваи — в Зоко-ва, Лека — в Ван-лека, Ра-сува-ки — в Сува-ни, что близ На-во-лау, Туна-мбанга — в Мбуре-се. Ванга-мбаламбала поселился на мысе На-зи-лау, Мбака-ндроти — в На-вату, Куру-лова — в Тонго-вере, поселке между Ндрау-ни-иви и мысом На-зи-лау; Зози осел в На-рава, а Мбонги-лека — в Вату-ураура.

2. [Нденгей и его сыновья]

Когда-то земля была совершенно бесформенной. И вот однажды Нденгей послал своего сына Роко-ма-уту¹ придать ей надлежащий вид. Там, где одежды Роко-ма-уту волочились за ним по земле, получились песчаные берега. А там, где сын великого духа подбирал их на ходу, появились каменистые пляжи и мангры².

А старшему сыну Нденгей, Рокола, было положено стать плотником³. Однажды, когда он готовил дерево для лодки — а она предназначалась великому духу, — в то самое место в лесу пришла за хворостом Мбуи-веси. Это была женщина- дух. В нее попал сучок дерева, срубленного Рокола, и она понесла. Венный срок она родила близнецов, сросшихся спинами. Их назвали На-кау-самба-риа и Зири-кау-моли⁴. Рокола очень полюбил их и усыновил. Он сделал для них деревянные луки и стрелы.

Однажды — мальчики к тому времени уже подросли — Уто, другой сын Нденгей, послал их за листьями. Пепел из этих листьев был нужен для окраски волос. И тогда же Уто научил мальчиков добывать огонь: надо потереть одну о другую деревянные палочки, и между ними родится искра⁵. А до этого люди не знали огня и ели все сырое.

Итак, мальчики занялись добыванием огня, но тут увидели Туру-кава⁶. А это была священная птица, и служила она священному духу. Туру-кава надлежало каждое утро будить Нденгей. Один из братьев, большой про-казник, предложил поймать птицу. Он прицелился в нее из лука⁷ и сказал:

— Я только попробую.

Второй брат чувствовал, что затевается скверное дело, и стал отговаривать его. Но несчастье свершилось: стрела попала в птицу, и та упала замертво. Мальчишки оципали ее, и ветер тотчас разнес все перья по склонам священной горы. Как они ни старались, перья собрать им не удалось.

А птицу они похоронили.

На следующее утро все были в страшном волнении: птица исчезла. Нденгей велел Уто отыскать ее во что бы то ни стало. Тело ее откопали у входа в дом Рокола. Рокола и все его люди в страхе бежали в На-саро — поселок, лежащий у основания великой горы. Нденгей наслал на этот поселок своих воинов. Они потребовали выдать преступников. Жители поселка отказались, и тогда вои-

ны Нденгеи напали на их поселок. Но он устоял, взять его приступом не удалось. Тогда великий Нденгеи наслал на него потоки воды, затопившие дома. Всех, кто был в поселке, смыло водой. Близнецов Рокола спас, посадив на вершину дерева. Это дерево понесло водой и выбросило к На-кело. У На-кело мощные потоки воды налетели и разделили близнецов, а ведь до тех пор они были соединены спинами.

В На-тавеа, что на землях На-ита-сири, духи, упесенные водами потопа, оставили все свои орудия. Вот почему жители На-ита-сири столь искусны в строительстве лодок. А губки из кокосовых волокон и ронго, особые циновки для младенцев мастера сохранили у себя. Оттого-то у плотников, служащих высоким вождям, такие большие семьи.

Там, где лодки плотников подходили к берегу, поднимались деревья, это были веси. На всех фиджийских островах веси — священное дерево.

На Мбау, на Кандаву, на всех других островах осели те плотники. Но больше всего их оказалось в Рева. С тех пор и славятся жители Рева своим плотницким мастерством.

3. Как фиджийцы научились строить лодки

В старые времена наши предки поклонялись горе Кау-вандра и боялись этого места. Там было святилище Нденгеи, Великого Змея. Великий Змей жил там, и все ему поклонялись.

И в те времена Мбау еще не был главным краем на Фиджи. Не было тогда среди нас и мастеров, умеющих строить лодки: наши отцы еще не знали этого искусства. Жили тогда скверно, каждая явуса сама по себе, ведь не было лодок, чтобы переплыть от берега к берегу, от острова к острову. И тогда Великий Змей пожалел их: выбрал людей, назвал их строителями лодок и научил плотницкому искусству. И дал им полную власть над Вити-леву. Они были великим народом, главным, а мбауанцы значили совсем мало. Сделаться же великими тем плотникам было вовсе просто: они одни на всех островах Фиджи знали искусство строить лодки. Кто только не приходил к ним из разных мест, издалека, умоляя взять в услужение, чтобы научиться делать чудесные суда, что переносят людей далеко по воде. И вот со временем мастера стали гордыми и надменными и стали часто ослу-

шиваться Великого Змея. Но он терпел это, потому что любил их.

А жил он в горе Кау-вандра, что на Вити-леву. Всю же землю, что была вокруг, он отдал избранным им мастерам. На вершине холма поставили они свой поселок, и никакой враг не мог проникнуть к ним туда. А их дух часто приходил к ним, и говорил с ними, и учил их множеству вещей, так что они были мудрее других. То были счастливые дни, они жили тогда в мире и довольстве.

По вечерам Великий Змей уходил в пещеру, что в горе Кау-вандра, и ложился спать. Он закрывал глаза, становилось темно, и тогда люди говорили: «Пришла ночь». Когда он поворачивался во сне, земля содрогалась, и тогда люди говорили: «Землетрясение!». А на заре, когда он открывал глаза, темнота улетала прочь, и жившие там говорили: «Утро!».

Жил там прекрасный черный голубь, чьим делом было будить Змея по утрам. Он спал всегда на вершине башни, что рос прямо у входа в пещеру Великого Змея. И оттуда его «кру-кру-кру-кру» всегда извещало Змея, что пора ночи уходить и дню подниматься над землей. И Змей вставал, а голубь звал строителей лодок, кричал им на всю долину:

— Вставайте, дети мои, пора трудиться, уже утро!

И за это Рокола, вождь мастеров, и брат его Кау-салемба-риа ненавидели голубя: они стали горды и ленивы и говорили:

— На что нам вечно работать и работать?! Работа — удел рабов, а мы вожди, великие и могучие! Пусть и работают наши бесчисленные рабы, а мы — мы будем жить праздно. Нам надо убить голубя. Пусть рассердится Великий Змей, пустяк. Мы можем сразиться с ним, ведь нас много и мы сильны, а он один, хоть он и дух.

И вот они взяли луки и стрелы и подкрались к башне, на вершине которой спал голубь. И Рокола сказал брату:

— Я выстрелю первым. Если я промахнусь, ты стреляй.

А брат ответил:

— Хорошо, стреляй же. Я готов.

Рокола выстрелил, стрела попала в грудь голубю, он упал замертво на землю, а братья убежали к себе.

Великий Змей проснулся и удивился, что не слышит голоса голубя. Вышел из пещеры, поднял глаза на башни и сказал:

— Ох, ленивец, сегодня мне приходится будить тебя. Но где же ты? — он вдруг заметил, что голубя не было на той ветке, где тот обычно сидел.

И тут он увидел его на земле, со стрелой в груди. Ужасно было его горе, но и гнев его был ужасен. И он узнал стрелу Рокола и закричал на всю долину страшным голосом:

— Горе тебе, Рокола, и всем вам, строители лодок! Горе вам, неблагодарным, вам, убийцам моего голубя! Теперь я отниму у вас все могущество и отдам детям Мбау. А вас я раскидаю по всему Фиджи и сделаю слугами у мбауанцев!

Но строители лодок прокричали в ответ:

— Мы не боимся тебя, Великий Змей! Нас много, а ты один, хоть ты и дух. Выходи, будем сражаться. Тебе достанется так же, как твоему голубю. И мы не боимся тебя, Великий Змей, хоть ты и дух!

И они стали строить укрепление — крепкий, широкий, высокий вал. А в это время Великий Змей сидел на горе Кау-вандра и насмехался над ними, крича:

— Стройте, стройте свои укрепления! Возносите их до неба, ведь враг ваш — дух.

А они тоже насмехались над ним, потому что верили в свои силы и в свои укрепления.

Когда строительство укрепления было закончено, Рокола крикнул:

— Готово, выходи на битву, чтобы наши дети сказали потом: «Наши отцы съели Великого Змея, духа, жившего на горе Кау-вандра!»¹

И дух поднялся в страшном гневе и метнул свою палицу в небо. Облака раскололись на части и излили на землю бешеный поток дождя. Много дней шел дождь — не тот дождь, что обычно падает на землю, но великое и ужасное излияние вод. И океанские воды тоже поднялись и нахлынули на землю, и все это было ужасно. Все выше шли волны и наконец снесли укрепление, воздвигнутое строителями лодок, и весь их поселок вместе с людьми. Рокола, а с ним и множество других утонули. Но много было таких, что смогли уплыть на стволах деревьев, на плотах, на лодках, носившихся в разные стороны по тем водам. Потом же эти спасшиеся обрели землю — кто там, кто здесь, на вершинах гор, а другие все еще оставались на воде и стали просить о спасении и помощи у тех, кому удалось бежать, прежде чем поток настиг их. И вот, когда вода вернулась на свое место, их взяли к себе в доли-

ну жители каждого предела, и они стали служить вождям и строить им лодки, как и поныне.

А баньяи, где сиживал голубь, унесло великим потоком на Вату-леле. В те времена Вату-леле был всего лишь рифом, как теперь — Вату, рифом без всякой земли. Но к корням баньяна пристало столько глины, что Вату-леле стал островом; люди пришли туда и живут там с тех пор.

4. [Дела Нденгеи]

Нденгеи особенно любил жителей Малоло. Как-то на островах наступила ужасная жара. Океан был совершенно спокоен, без единого ветерка, и повсюду стоял палящий зной. Одних только жителей Малоло Нденгеи пожалел: он простер над ними огромное облако, и его тень укрыла их. И до сих пор живут они под тенью и прохладой этого облака.

* * *

О рифы Ракираки волны разбивались с ужасным шумом, и этот шум очень досаждал Нденгеи. Наконец он послал туда Уто, приказав ему утишить волны. С тех пор и наступила тишина на рифах Ракираки: волны по-прежнему налетают на них, но разбиваются там совершенно беззвучно.

* * *

У входа в пещеру Нденгеи жили летучие мыши. Они всегда поднимали там ужасный шум и очень надоели великому духу. Он послал На-нгаи, своего сына, велел ему прогнать наглецов прочь или заставить их молчать. И по сей день летучие мыши в том месте никогда не издают ни звука.

* * *

Гончары, сидя за своей работой, поднимали оглушительный шум и очень сердили Нденгеи. Наконец они так надоели ему, что он взял и ногой отшвырнул прочь земли, на которых они сидели. Из земель этих получились острова. Вот как появились на свете острова Малаке, На-нану и еще другие. На всех на них люди занимаются гончарным делом. А в Ракираки вовсе не знают гончарства.

* * *

По почам птицы в На-зи-лау всегда поднимали такой гомон, что не давали Нденгеи спокойно спать. Он послал к ним своего сына, На-нгаи, и тот велел им поискать какое-нибудь другое место для почлега. Вот почему птицы улетают оттуда с закатом, а возвращаются только после восхода солнца.

5. [Как Нденгеи перестал есть человечье мясо]

В прежние времена Нденгеи всегда приносили в дар человечье мясо. В каждой корзине с клубнями и травами лежало печеное тело мужчины или женщины. Порою даже вожди убивали своих простых жен¹, чтобы отнести в дар Нденгеи. Но однажды Нденгеи принесли корзину, в которой лежало тело человека, запеченного живьем. Его даже не прирезали, даже не связали. Руки и ноги его свешивались по краям корзины, и от этого зрелища Нденгеи стало до того противно, что он приказал приносить ему только свинину², а человечьего мяса больше не приносить никогда.

6. [Сотворение мира]

В старые времена было два бога, Иегова и Нденгеи. Однажды они поспорили. Нденгеи сказал;

— Иегова, ты должен подчиниться мне.

А Иегова сказал:

— Нденгеи, ты должен служить мне. Разве ты не знаешь, что я великий вождь и господин небес?

На это Нденгеи сказал:

— Это ты-то, Иегова, считаешь себя великим духом?

Иегова сказал:

— Как, это ты, Нденгеи, считаешь себя великим духом? Где же твоя власть? Если есть она у тебя — сотвори человека.

Нденгеи взял ком земли, стал его мять, и получился вроде бы человек.

А Иегова сказал:

— Вели ему встать.

Нденгеи приказал кому земли, из которого он вылепил человека:

— Вставай!

Но человек, сделанный из земли, даже не шелохнулся.

Итак, Нденгеи все сделал. Закончив работу, он сказал:

— Что ж, Иегова, если великий дух — ты, так сотвори сам из земли человека.

Иегова взял ком земли, стал его мять и вылепил мужчину и женщину.

Когда он закончил, Нденгеи сказал:

— Теперь вели им встать.

Иегова подумал: «Что сделать, чтобы получился живой человек? Я дам ему дух и живое дыхание».

Он наклонился к своим созданиям, и дух его вошел сначала в мужчину, потом в женщину, а после этого он вдохнул в них жизнь. Нденгеи же сказал снова:

— Вели им встать.

Иегова приказал земляным человечкам:

— Встаньте! — И они поднялись.

Иегова сказал:

— Какой же ты дух Нденгеи? Если ты великий дух — вели своим человечкам встать. Ты только что видел, как я из одной лишь глины и земли сотворил человека.

<...> Люди вскоре умножились, а Иегова изгнал Нденгеи из своего предела. Людям Иегова сказал:

— Постройте дом, высокий-высокий, чтобы крыша его касалась небес. Он будет вашим входом в небо, и за это вы получите вечную жизнь.

Они поставили высокий дом, и каждому из них было сказано украсить его тем, что он умеет делать лучше всего. Так и было сделано, и люди дали названия всему тому, что принесли в этот дом, — так появилось множество языков. Все было закончено, и Иегова велел им устроить пир, какой всегда надлежит созывать по завершении дома. Они приготовили ямс, таро, бананы — все это росло в их краю.

Затем Иегова сказал:

— Будет очень хорошо, если каждый из вас отправится в мир и вы заселите разные земли.

И они ушли оттуда¹. Каждый взял с собою ямс, таро и бананы. Кто-то из тех людей взял себе имя по названию ямса, кто-то назвался так, чтобы в его имени было название таро, кто-то — так, чтобы в его имени было название бананов, взятых в дорогу. Все стали именовать себя по названию тех клубней или плодов, которые они взяли с собой, когда великий дух послал их в разные земли. Место, из которого все они ушли, называется Рай.

Прибыли они на назначенные им земли, населили их,

размножились. Вату-сила поселились в Вандра-на-синга, но-и-коро осели в На-игатангата. Сначала прибыли простые люди, а уже за ними вошли ².

7. [Первые люди на земле]

Однажды маленькая птичка свила гнездо близ жилища Нденгеи. Вскоре она снесла два яичка, и они до того понравились духу, что он решил сам их насиживать. И вот в положенное время из яиц вылупились два человечка, мальчик и девочка. Осторожно спустил их Нденгеи вниз и посадил под высоким веши, прислонив их к столбу по разные стороны. Так они сидели там, пока не выросли, пока не превратились в детей лет шести. А тогда мальчик огляделся вокруг, увидел девочку и сказал ей:

— Нденгеи сотворил нас, чтобы мы заселили эту землю.

Детям захотелось есть, и Нденгеи сотворил для них бананы, ямс и таро: все это стало расти вокруг них. Они попробовали бананы — вкусно, попробовали ямс и таро — и не смогли есть. Но великий дух научил их пользоваться огнем, научил запекать пищу. Так они жили, потом стали мужем и женой и народили много детей. Так и стала населена эта земля.

8. [Нденгеи]

Когда-то Нденгеи высадился на берегу в Ракираки. Там он принял облик человека, украшенного лучшим маси¹, к тому же украшенного точно так, как украшают себя тамошние жители. Из Ракираки он двинулся на Мбенга. Там ему не понравилось: берега там слишком скалистые. Но людям Мбенга он все же явился. Оттуда он пустился на Кандаву. Но и тамошний край ему не понравился: тогда он решил поселиться в Рева. А в Рева явился к нему другой великий дух — Ва-друа. Нденгеи оставил этот край ему, и за это Ва-друа отдал ему право выбирать в каждом кушанье все лучшее, самое вкусное. Черепашьи и свиные головы — всегда для Нденгеи, вот почему они табу.

Из Рева великий Нденгеи отправился в Верата. Там он и остался навсегда. Это он делает жителей Верата непобедимыми в любом бою². Никому еще не удавалось покорить этот край.

ПРОЧИЕ ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ МИФЫ

9. [Происхождение людей]

Все люди появились на свет от одной лишь супружеской пары. Первым родился Вити. Нрава он был дурного, злого; кожа у него была совсем темная. За свой скверный нрав он не получил почти никакой одежды. Потом родился Тонга. Он был лучше, добрее; кожа у него была по-светлее, и одежды ему досталось побольше. Последним появился Папаланги¹. Поступки его были хороши, кожа у него была белая-белая, и одежды ему досталось вдоволь.

Первые на свете муж и жена заселили острова, и тут на земли пролился страшный ливень. Вода залила все, даже самые высокие горы. Но когда их верхушки еще не совсем скрылись под водой, появились две двойные лодки, обе невероятных размеров. Одна была лодка Рокора, духа, что покровительствует плотникам, другая — лодка Рокола, главного мастера при нем². Лодки эти подобрали немногих людей, тех, кого вода еще не поглотила. На палубе лодок они переждали страшный поток, а потом снова сошли на свои острова. Всего их спаслось восемь человек, и они вернулись на землю Мбенга, туда, где впервые ступил на Фиджи Нденгей. Вот почему вожди Мбенга выше всех других вождей. Они покорны одному только небу; их так и называют — Нгали-идува-маи-ки-ланги³.

10. [Откуда пошли фиджийцы]

Фиджийцы — люди из пиоткуда, опи пиоткуда не приплывали, а все жили и жили на Большом Вануа¹. Первые люди выросли из листьев таро, поднялись между ними и так выросли. И до сих пор большое таро с белыми пят-

нами на листьях — табу для людей Вануа-леву: ведь они происходят от него.

А острова наши тоже были вечно. Всегда был в океане Большой Вануа, и всегда — Большой Вити, и всегда — Сомосомо². Потом уже из камней, что упали с высокого неба, выросли и навсегда остались в океане другие острова.

В подводном краю, неведомом человеку, жила женщина-дух. Однажды она понесла и, когда пришли ее сроки, родила не детей — землю. Так появились острова на севере. И еще от великой праматери земель пошли рифы, обступающие мореходов повсюду, грозящие им смертью.

А потом Мауи отправился в далекие воды на своей замечательной лодке. Плыл он, плыл, закинул сеть и вытащил землю. Так появились острова Тонга³. Фиджийские же земли древнее их, они извечны.

11. [На-кау-ки-ланги, или Как люди расселились по всем островам Фиджи]

Возле На-саву, что на Вануа-леву, есть место, где когда-то люди строили высокую башню. Им хотелось все понять про звезды и узнать, живет ли кто-нибудь на Луне.

Сначала они поставили огромную насыпь, а потом — высокий деревянный дом. Он уже почти достиг пика, но тут нижние опоры рухнули, и плотников раскидало по всем островам и уголкам Фиджи.

12. [Почему люди смертны]

Однажды Крыса и Луна заспорили между собой о том, должны ли умирать люди, живущие на земле. Луна хотела, чтобы они были бессмертны — как она сама. А Крыса сказала:

— Нет, пусть у людей будут дети, и пусть они наследуют им. Люди должны умирать в свой черед, оставляя за собой детей — как я.

А людям вовсе не хотелось умирать. И они возненавидели Крысу за то, что по ее вине они стали смертными.

13. Мбе-рева-лаки

Был некогда дух по имени Мбе-рева-лаки. Он был духом острова Камбара. Однажды он отправился в Олон, поселок на Вити-леву,— решил попросить там земли для своего маленького острова. Ему дали земли и еще дали дерево — это было веси,— и он решил, что дома оно послужит ему палкой-копалкой. Итак, он отнес все, что получил, на свой остров и пошел в Олон за новым грузом. Взял его и опять отправился на Камбара. Приблизился к своему острову и видит: люди решили испечь землю, которую он уже принес! На рифе заметил он дымок, вьющийся из печи¹. Ужасно разгневался он и как швырнет свою ношу на землю Камбара! Вот так получилось, что все, что он нес, упало комьями, а не оказалось ровно расстелено по острову. Вот почему остров Камбара такой неровный и каменистый, и вот почему на нем растет столько веси.

14. [Мазанга]

В старые времена лодка Ронго-ванга стояла у берега в заливе Мбуа. Главным в этой лодке был благородный вождь Роко-уа¹. Это была не обычная лодка, а чудесная. Однажды было велено ставить мачту: лодка должна была отплывать. Но и духам не всегда все удается: так вышло, что мачта не стала на место, соскользнула и упала со всего маху. Наверху у нее была вилка для главных фалов, и сидела эта вилка в тысяче саженей от основания. Этой-то вилкой и врезалась мачта в склоны гор Мбуо-мбузо. Прорезала ущелье в Мазанга, пробила проход Мболеи, что за Ракираки, высекла расселину в Ваи-ливалива, что на реке Ваи-ни-мбука².

Гребцов все это не устрашило, они вновь подняли великую мачту и на этот раз поставили ее как должно. Но в вилке мачты застряла целая глыба — та, что оказалась выдрана из гор в Мазанга. Когда мачту наконец поставили, эта глыба отлетела, упала в залив Мбуа и появился остров³. Есть он и в наши дни. Земля, камни, деревья на нем — точно как в Мазанга.

15. [Как появилась рыба ява]

На Тонга жила женщина-дух, красивее которой никто никогда не видел. Она полюбила духа из Лау-зала, что в За-кау-идрове. Как-то она решила подарить ему рыбы, но не обычной, а лучшей, какую только можно отыскать на свете. Рыбой этой была ява, и водилась она у одного из маленьких тонганских островов, подвластного той красавице.

Итак, она взяла плотного плетения корзинку, положила туда пять или шесть отборных ява и пустилась в далекий путь в Лау-зала. А по дороге рыбы в корзинке крутились, вертелись и наконец сумели найти в дне маленькую дырочку. Вождь тех ява сказал:

— Братья, помогите мне расширить этот ход. Может, нам удастся выскользнуть в море, и тогда мы вернемся на Тонга.

Рыбы начали биться, толкаться, рвать плетение, и наконец корзина с треском подалась. Все ява выпали из нее. В это время женщина летела над Масомо — над сушей, а не над волнами. Все ее рыбки упали на траву и остались лежать, задыхаясь.

А красавица с Тонга полетела дальше, ни о чем не подозревая. Только прибыв в Лау-зала, увидела она, что в корзинке у нее одна глина, листья да несколько рыбьих чешуек. Дух Лау-зала решил, что она нарочно его дурачит, рассердился и вовсе не принял ее.

Грустно ей было, очень грустно, и в слезах полетела она домой на Тонга. Почти все ее слезы упали в океан, но когда она пролетала над Масомо, в траву, где лежали ява, тоже упало несколько слезинок. Их было мало, так что водоема не получилось, зато вышло болотце. И по сей день ява ловят там на болоте. А в Лау-зала до сих пор видны рыбьи чешуйки — они выпали тогда из ее корзины.

16. [Ява]

Однажды дух из Лау-зала¹ (а кое-кто говорит, что это был не он, а Матанги²) отправился на Тонга. Там он увидел рыб, что назывались ява, — за ними присматривали тонганские тупуа. Жили ява в болотах, а едой им служил ил.

Духу из Лау-зала пришлось украсть двух рыбок: доб-

ром тонганцы не хотели их ему давать. Итак, он взял самца и самку, завернул в лист таро и пустился прочь. А про себя он приговаривал: «Отказали мне в рыбе, отказали, а я все равно увез!» Очень он был доволен.

По дороге домой он остановился у того берега Вануамбалаву, что был обращен к поселку Мавана. Одна старуха из Мавана спросила его:

— Господин из Лау-зала, что это у тебя за сверток?

Он сказал:

— Вода для питья.

Она стала просить:

— Дай мне напиться.

Он же в ответ:

— Не дам.

Тогда она вырвала из земли закрученный лист драцены и проткнула им сверток; разорвала лист таро, рыбки выпали на землю, вода вся вылилась. Он зажал порванный лист в кулаке, но там уж один ил остался. А он и не знал об этом.

Когда в Лау-зала он разжал руку, то нашел в листе таро только ил — ни воды, ни рыбок не было.

— Увы,— сказал он,— рыбки мои пронали!

Вот почему у берегов и в водоемах Лау-зала сплошной ил, а ява водится только у берегов Мавана. И жители Мавана ловят ее.

17. Как у самоанцев появились свиньи

В старые времена на Самоа не было ни свиней, ни домашней птицы. Не было их и на Тонга, и мы, фиджийцы, не ели их, потому что у нас их тоже не было. Тогда мы ели только плоды земли и рыбу, пойманную у самого берега, и нам хотелось мяса, так что мы убивали людей, чтобы есть их мясо и быть сытыми.

Но вышло, что на Самоа совсем не осталось рыбы. Отчего это произошло, наши предки не знали; но говорят, что в воды Самоа приплыло ужасное чудовище и пожрало всех рыб, а рыбы, оставшиеся в живых, испугались и уплыли в другие места. И самоанцы стали терпеть ужасные мучения из-за того, что ели лишь плоды земли, и желудки их всегда вопрошали: «О, что же, что же мы будем есть сегодня?»

В том краю жил вождь, великий и могучий. Когда голод стал совершенно невыносимым, он припаялся посыпать

своих людей за маленькими детьми. Они забирали детей по одному, а вождь ел их, и сердца его людей исполнялись горечи. Они говорили друг другу:

— Что же делать? Мы скоро исчезнем совсем, он всех нас съест! — И в каждом доме плакали.

А в поселке того вождя жил человек по имени Каи-лу-фа-хе-туунга-у, его жена, Фаэ-и-цуака¹, и их дети — Первый, Второй, Третий, Четвертый, Пятый, Шестой, Седьмой и Восьмой,— всего их было восемь, и оттого говорили, что дом Каи-лу-фа-хе полон.

И пришла его очередь посыпать ребенка к столу вождя; посланные вождя принесли Каи-лу-фа-хе зуб кашалота и положили перед ним с такими словами²:

— Мы забираем одного из твоих детей, его съест вождь.

Тяжело стало на сердце у Каи-лу-фа-хе и его жены, и они горько заплакали. Но посланным сказали:

— Так сказал вождь, так и будет,— и стали готовить свое дитя к смерти.

Готовить стали Седьмого. Седьмого выбрали потому, что Восьмого, младшего, мать любила больше всех и не в силах была с ним расстаться. Они натерли тело седьмого ребенка маслом, причесали его, заплетя его длинные локоны в косы на затылке, руку его они обернули полоской белой некрашеной тапы. Много раз горестно расцеловали они его — и отдали посланным.

Потом они сели, склонили головы, и в сердцах их была одна горечь. Ни слова не говорили они, но сидели в горе и в молчании, думая о своем навек потерянном сыне. И когда они так сидели, женщина нашупала что-то рукой, взглянула и увидела, что это свисток ее погибшего сына.

Она взяла его и сказала:

— Вот его свисток,— и с горестным воплем оба упали и заплакали.

А в их доме жил дух — он жил под потолком дома. Звали его Хоаинга³, и каждый вечер они клали для него пищу на полку под потолком. Обычно он днем спал, а ночью охранял дом и его хозяев от злых духов, от врагов, что всегда норовят ночью пробраться в дом. Они никогда не видели его, хотя часто заглядывали наверх за чем-нибудь. Но иногда, просыпаясь ночью, они прислушивались и слышали, как он жует свою пищу и причмокивает при этом. А закончив есть, он тихо ударял в ладоши и негромко пел:

И ямс хороши, и вкусно таро,
Хороша рыба из соленого моря,
Хороша любовь Каи-лу-фа-хе-туунга-у,
Хороша стряпня Фаэ-и-пуака.

В тот самый день дух спал себе под потолком, но был разбужен плачем супругов и спросил:

— Что это? Что такое? Отчего вы так плачете?

Услышав его голос, они очень испугались, потому что впервые узили, как он громко говорит. Они замолкли и даже не могли ответить.

Тогда дух постучал по днищу своей полки и сказал:

— Слышишь меня, Каи-лу-фа-хе, слышишь, его жена? Слышите? Отчего вы так плачете? Отвечайте!

И они перестали бояться, почувствовав, что он их друг. Женщина ответила:

— Мы горюем, господин, о своем сыне, о нашем Седьмом, о том, что так часто носил тебе пищу.

— Что с ним? — спросил дух в волнении. — Не болен ли он? Или, может, он упал с дерева? Или какое другое зло приключилось с ним?

— О горе, — отвечал муж, — хуже! Вождь съел его. А теперь мы живем в страхе, потому что скоро опять к нам придут. О несчастные мы родители!

— Зачем только я рожала детей?! — плакала жена. — Что хорошего теперь в том, что у меня, несчастной, есть они?! Восемь их было, теперь уже семья, а скоро дом вовсе опустеет, потому что неутолим голод вождя.

Так горевали и стонали они, а сверху тоже послышался плач, потому что духу стало жаль их.

— Не плачьте, — сказал он, — не надо, не плачь Каи-лу-фа-хе, не плачь, жена Каи-лу-фа-хе. Я спасу ваших детей. Сегодня ночью произойдет удивительное. Так что не бойтесь, ведь я ваш дух.

Тут Каи-лу-фа-хе возрадовался и сказал:

— Не бойся, жена, — Хоанга поможет нам, и наши дети останутся жить.

Но жена не успокаивалась.

— Горе, — всхлипывала она, — горе, что делать! Они все умрут, их съедят, и никому уже не спасти их. — И она плакала еще горше.

Тут наверху раздался шорох и шум, и их слуха достиг сердитый голос духа:

— Чьи это были слона?! — спросил он грозно. — Не я ли хитроумный Хоанга? Уже нет съеденного вождем ре-

бенка, и его нам не спасти. Но живущие останутся жить. Не я ли обещал вам это?

Женщина не смела больше плакать, но ее сердце горевало по-прежнему; она не верила словам духа. Когда спустилась тьма, они положили духу на полку еду и легли с детьми спать. Но вдруг среди ночи у женщины начались ужасные боли, и она разбудила мужа, говоря:

— Вставай, вставай, пойди за повитухой.

Он же рассмеялся и сказал:

— Это сон, жена.— Они оба ведь были уже стары, и даже их младший ребенок успел вырасти. Но женщина стала кричать сильнее и умоляла его пойти за повитухой. Наконец он пошел, но ему было стыдно, и он сказал:

— Теперь все станут надо мной смеяться.

Он долго бродил, не решаясь выполнить просьбу жены. Вдруг ему вспомнились слова духа: «Сегодня ночью случится удивительное»,— и тогда он решил: «Пусть так, быть может, это оно и есть. Действительно, что может быть удивительнее — ведь и я стар, и моя жена». Тогда наконец он решился пойти к дому повитухи и стал просить ее скорее пойти помочь его жене. Тут повитуха и ее муж стали смеяться над ним и издеваться, но он сказал:

— Прослушайте меня,— и рассказал им все, что случилось. А потом сказал:

— Идем же, идем к моей жене; кто знает, что собирается сделать Хоанга?

Услыхав это, повитуха сказала: «Пойдем»,— и они вдвоем пошли в ночи. Тихонько войдя в дом, они услышали, как дух поет под потолком. Вот что он пел:

Нет горше горя Фаэ-и-пуака,
Но большим, чем горе,
Ее будет радость.
Смех слезы сменяет,
И не горьки те слезы.
Пусть умер один,
Семь других остаются —
Первый, Второй,
Третий, Четвертый,
Пятый, Шестой,
Восьмой остаются.

Повитуха запла за перегородку, а Каи-лу-фа-хе с детьми остался ждать. Немного погодя он вдруг услышал странный визг, писк и крик повитухи:

— Мне страшно! Ой, что за щеки, что за ноги, что за

длинные носы! Кто это, Хоанга? Я боюсь, мне очень страшно!

Тут дух наверху рассмеялся и сказал:

— Не бойся, помощница женщины, это то, что я обещал несчастным супругам. Теперь их дети будут жить. Встань, Каи-лу-фа-хе, сооруди маленький загончик в своем доме — это для тех существ, что я сейчас дал тебе. Их называют «свиньи». Они станут большими и толстыми, и они будут пищей вождя, а дети твои останутся жить. Эти существа еще и плодятся невероятно, так что не жалей их, не держи их всех при себе, а отдай несколько свиней чужеземцам, плывущим в другие края. Пусть они возьмут свиней к себе и едят их, а не друг друга, иначе людоедство погубит их всех.

Так сказал дух, и Каи-лу-фа-хе послушался. Он построил загон для свиней, где они жили, пока не выросли, пока не стали толстыми и здоровыми. А тогда он построил для них большой загон снаружи, где они стали невероятно плодиться — как и предсказал дух. Велика была радость вождя, когда Каи-лу-фа-хе принес ему первую свинью и вождь попробовал ее. Каи-лу-фа-хе же сказал:

— Это наше подношение; пусть же останутся жить наши дети.

Велика была радость всех самоанцев, и они говорили:

— Дух послал нам сразу два блага. И дети наши не будут более гибнуть в земляной печи, и голоду теперь настал конец. Действительно верны слова о том, что дом Каи-лу-фа-хе полон. Пусть же процветает Каи-лу-фа-хе, пусть процветает его жена Фаэ-и-пуака! Ведь это они спасли нас — нас и наших детей.

И еще Каи-лу-фа-хе исполнил наказ духа и дал свиней чужестранцам. Когда на Самоа в поисках панциря чудесной черепахи приплыли тонганцы, он дал им свиней и они отвезли их своему вождю. А когда они приплыли еще раз, он дал им еще, и они взяли их с собой, когда бежали на Фиджи, солгав вождю о куске панциря той черепахи ⁴.

Вот так у самоанцев появились первые свиньи.

18. [Как фиджийцы стали есть человечье мясо]

В прежние времена на Вити-леву жило множество людей. Они не знали вражды, и на всем острове был только мир. Но вот на Фиджи приплыли чужеземцы. И они па-

учили фиджийцев делу войны. Людей же тогда еще не ели.

Однажды, когда после битвы один поселок был предан огню, этот огонь опалил лежавшие там тела погибших. И запах горелого мяса достиг великого вождя. Он приказал своим людям поскорее убрать смердящие тела прочь. Когда они принялись за дело, один из них обжег себе палец — и, конечно, стал его сосать, чтобы умерить боль. Новый вкус понравился ему, и он потихоньку попробовал немного человечьего мяса. И это ему тоже понравилось; тогда он рассказал обо всем своим. С тех пор и пошел обычай есть человечье мясо.

19. [Как фиджийцы стали людоедами]

Когда-то, в прежнее время, мир был на этой земле. Мы почитали духов и никогда не воевали друг с другом. Но потом великое горе пришло на Фиджи: ничего не родилось на этой несчастной земле. И люди стали есть листья и кору деревьев. Больше же ничего не было.

И вот в это ужасное время встретились в зарослях деревьев двое несчастных, голодных людей. Один из них сказал:

— Что ты делаешь здесь?

Второй отвечал ему:

— Ищу хоть чего-нибудь поесть. Я уже едва хожу, и голод терзает меня безмерно.

И тогда первый сказал:

— И меня. Раз так, делать нечего, убей меня и съешь.

Тот отказался, но едва представилась возможность, схватил палицу и поразил своего спутника — а на самом деле он все время только этого и ждал.

Так он узнал, что человечье мясо недурно на вкус, и пошел к своим и рассказал им об этом. И тогда они тоже попробовали человечины, и им она понравилась. Так завелся у них этот обычай. Сначала они скрывали свою новую страсть и убивали только женщин и детей из соседних поселков. Тогда и появилась нужда строить укрепления, обносить поселки валом. А уж потом пошли войны и за ними — настоящее людоедство.

20. [Почему на Фиджи татуировка у женщин, а на Тонга у мужчин]

В старые времена властитель Тонга отправил на Фиджи несколько своих людей: им надлежало узнать, правда ли — а такое доносили великому вождю, — что на Фиджи татуируют именно женщин.

И вот посланные достигли островка Олгеа, что на востоке Фиджи, и стали там расспрашивать местного жителя. Долго не могли втолковать ему, что им нужно, и все повторяли одно слово, «нгия», что значит «татуировка».

Наконец фиджиец понял их и ответил:

— Нгия на аleva. Татуировка — женщине.

А тонганцам был дан приказ допросить первого встречного. Так они и сделали. И едва получили ответ, как пустились в обратный путь. А чтобы запомнить ответ, все время твердили его вслух. Так было, пока они шли вдоль берега, в спокойных водах; когда же они вышли в пролив, волны стали сильнее, и пришлось им думать о своей лодке, а не о тех словах. Вот тогда-то они и перестали повторять их. Когда же спохватились, стали вспоминать слова и кто-то сказал:

— Нгия на тангANE. Татуировка — мужчине.

А ведь надо было сказать «нгия на аleva», что значит «татуировка — женщине».

Но никто не заметил ошибки, и так они достигли берегов Тонга. Там сказали все вождю, и он воскликнул:

— О, значит не женщинам, а мужчинам надлежит носить татуировку! Что ж, тогда я сейчас же сделаю себе ее.

С тех пор и пошло, что на Фиджи татуируют женщин, а на Тонга мужчин. И еще с тех пор морской проход у берегов Онгеа называется Нгия-на-тангANE.

А первой женщиной на Фиджи, что сделала татуировку, была дочь великого Ндепгей, благородная госпожа Вила-и-васа¹.

21. Откуда пошли обряды наинга

В старые времена прибыли сюда два человека, Висина и Рукуруку. Они приплыли по океану. Это они научили фиджийцев почитать наинга.

Когда они плыли сюда, то миновали острова Ясава и пристали к берегу местности Витонго, что на северо-запа-

де Вити-леву. Первым приплыл туда Висина и сразу погрузился в глубокий сон; так он спал, пока не приплыл туда же Рукуруку.

Там, где лежал Висина, выросла потом куркума, и преданные ему люди, совершая свои обряды, патирали свои тела кашицей из корня куркумы.

А там, где пристал к берегу Рукуруку, поднялось свечное дерево. И когда преданные Рукуруку люди отправляются на святилище, они раскрашивают свои тела черной краской, что получается из плодов этого дерева.

Итак, Висина и Рукуруку встретились и решили:

— Пойдем к вождю Витонго и скажем ему, чтобы разделил между нами своих людей. Мы научим их песням, танцам, обрядам — ведь для того и прибыли мы на Вити-леву.

И они пришли к вождю, сказали ему это, и он согласился:

— Хорошо, берите себе моих людей и учите их обрядам нанга, ведь так, говорите вы, называется то, что вы читите.

Висина и Рукуруку взяли себе в услужение многих, и потом каждый разделил своих людей. Вот как они сделали. Старикам, которых назвали вере, надлежало быть жрецами; молодым, сильным мужчинам — их назвали ву-ни-лоло — надлежало быть воинами, а еще там были совсем юные, их называли вила-боу¹. И потомки тех научили всему своих детей, и те дети — своих детей, и так из поколения в поколение переходила священная мудрость.

Люди, следующие всему положенному от Висина, знают свои обряды и соблюдают их. Те же, кто почитает Рукуруку, хранят свои обряды². Если же они выдадут свои тайны другим, их ждет пытка, или смерть, или безумие.

И каждый год на великом торжестве — на со-леву-вила-боу³ — открываются новичкам секреты нанга. И никогда не смеют одни ничего открыть другим. А еще каждый год из юношей, поклоняющихся Висина, выбирают нескольких, и они идут служить Рукуруку. А юноши, следующие Рукуруку, выбирают нескольких, чтобы шли служить Висина. Торжества же, посвященные Висина, чередуются с теми, что устраиваются для Рукуруку.

Для обрядов нанга воздвигаются святилища. На каждом таком святилище ставят по четыре каменных жертвенника. Первое же было поставлено в Витонго, это было святилище для Висина. От него уже пошло все дальше.

22. [Как в На-тева установился обычай пить янгону]

На Тонга говорят, что сначала каву узнали у них; но мы-то знаем, что впервые их кава была приготовлена и испита на Фиджи. И когда члены явусы тинитини¹ отправились на Тонга, они взяли с собой каву. А там кавы тогда не было...

В За-кау-ндрофе был когда-то благородный и знатный господин по имени Янгона. Говорят, он был вождем На-тева. А еще раньше в На-тева были сау, и еще была самая знатная явуса, называвшаяся игоне-сау².

Ночью все спали. Вот день встает,
Небесной тропою войны проходит,
Идут за корнем янгоны, идут и сюда приносят.
У входа в наш дом оставляют.
Путники спят еще в дальнем покое.

Янгона скончался совершенно неожиданно, молодым, в цвете сил. И очень горевали все:

— Что же это, отчего же таким молодым умер наш вождь?

Когда тело его погребли, было решено четыре ночи охранять то место: думали, что вождь погиб от злого колдовства... А по прошествии четырех дней дух покидает мертвое тело, тело отпускает этот дух прочь. И бывает, что с этим духом удается поговорить³... Когда же спросили у духа Янгоны, отчего умер вождь, дух сказал, что колдовства тут не было. Это духи предков назначили ему умереть в самой середине жизни. И еще благородный Янгона сказал, что на могиле его поднимутся два растения. У того, что вырастет справа, будут большие темные листья.

— Его надлежит назвать моим именем, янгона. А слева вырастет другое, и употреблять их надо вместе. То, что слева,— сахарный тростник. Побег янгоны поднимается на большую высоту. Тогда-то и надо вырвать его из земли с корнем, разжевать этот корень, прощедить и пить. А росток янгоны следует посадить снова — он будет всегда напоминать вам обо мне.

Вскоре обещанные растения поднялись на могиле Янгоны... Он же явился ночью к своим и сказал им, что на могилу придет крыса, опьянеет от янгоны, а потом разведет хмель сахарным тростником. Так и случилось.

А потом Янгона вселился в тамонного идау-ни-вузу и научил его песне, которую теперь всегда поют, когда разливают и пьют янгону.

Пусть будут очищены корни и пусть
На ветках лежат лангакали.
Моя таноа раскрыта небу,
Янгона готова, палита в таноа,
Янгона священная ценится круто,
К небу стремится, спешит к горизонту.
День выводит землю из ночи,
Время приходит, двоих называют ⁴:
Пора идти за светлым побегом.
Сюда несите, кладите у дома,
Кладите у входа в дом этот спящий.
Я просыпаюсь и вижу их ношу.
Зовут госпожу выходить из дома.
Вся земля уже в солнечном свете.
Пора раскрываться чудесному корню,
Священному корню, что напоит нас;
Могучей силой он изольется,
Током, что пенится и играет.
Теченью дождя он подобен,
Каплям дождя он подобен.
Вот к янгоне, доставленной нами ⁵,
Прикасается старший ⁶:
В руки беру, чтоб земля содрогнулась.
Готовят люди корень янгоны.
Чистую воду сюда несите,
Омойте ею стенки таноа.
Старший молитву свою произносит,
Каждый край земли называя ⁷.
На землю брошу пучок волокон ⁸,
А все садятся и хлопают тихо.
Сегодня готовят янгону для сау,
Не должно шуметь сегодня.
Стихает шелест ладоней...
Процедят янгону — хлопают снова.
Готова янгона, и ждут на циновке
Чаши: каждому подана будет.
Кто разнесет эти чаши с янгоной?
Две госпожи, обходящие остров,
Спутницы, нам подадут янгону.
Нгануя чаши возьмет с янгоной,
Чистую воду — Се-ни-кумба.
В спокойствии медленном поднимаясь,
Две госпожи встают и выходят,
Идут на ту половину дома,
Где правитель земли восседает.

Садитесь: янгона процежена будет.
Стучат в ладоши — готовят янгону,
Стучат в ладоши, дробно и скоро.
Вот жрец знак подает.

23. [Дух-держатель острова Мбенга]

Однажды главный дух Мбенга путешествовал, приняв обличье угря¹. Один человек увидел этого угря и решил поймать его себе на ужин. А угорь спрятался. Человек тот стал копать, копал, копал и наконец добрался до изгороди. Он сказал:

— Огораживайся сколько хочешь, все равно я до тебя доберусь.

И правда, вскоре он почти добрался до тупуа. Тот стал умолять о пощаде. Человек спросил:

— Чем ты расплатишься со мной?

Тупуа в ответ:

— Женщинами.

Человек отказался:

— Нет.

— Тогда пищей; ее будет столько, сколько пожелаешь, а сажать тебе ничего не придется.

— Нет.

Наконец дух послал ему власть над огнем. Он выпустил изо рта пену и намазал ею кожу этого человека — так тот получил силу управлять огнем.

Вот почему жители Мбенга умеют разводить такие большие костры и могут входить в огонь и выходить из него невредимыми. А кроме них этого никому не дано.

24. Как фиджийцы узнали обычай вилавила-рево

Один вождь, это был Туи Нгуалита¹, отправился на остров Моли-ваи. Там он увидел у берега небольшую ямку, в которой, видно, водились уги, и принялся раскапывать ее. Запустил туда руку, но не мог ничего найти. Как он ни старался, ничего у него не выходило; он все искал и искал и наконец нашупал кусок таны. Отбросив его, он снова сунул руку в углубление и ухватил еще кусок тапы. В оба эти куска явно заворачивали младенца. Тут Туи Нгуалита воскликнул:

— Да это, верно, пещера младенцев! Ну да ничего, пусть это хоть дитя, хоть дух, хоть какое-то неведомое

существо,— я все равно возьму его к себе, и это будет моим памбу².

Он принялся раскапывать ямку с удвоенной силой и наконец, расширив ее, коснулся человеческой руки. Еще немного — и у него под рукой оказалась чья-то голова и шея. Тогда он крепко схватил этого человека за руку и вытащил его. Тот, кого он извлек из света, поприветствовал его, как подобает приветствовать вождя, и сказал:

— О благородный Туи Нгуалита, мой благородный вождь, пощади меня, и я буду твоим духом во всех сражениях. Я сам вождь, и мне подчиняются жители Моли-ваи. Я — Туи Моли-ваи.

На это Туи Нгуалита отвечал ему:

— Я из явусы иви-ла-на-ката. У нас было страшное сражение, и в нем уцелел я один. Живу я на Мбенга, и это такой маленький остров, что в помочь мне никто не нужен.

Тот снова стал умолять его:

— Возьми меня в свои духи, покровительствующие мечанию дротика.

— Я лучший из метателей дротика и побиваю на состязании всех, кто борется со мной.

— Давай я буду охранять твои богатства.

— Нет, мне достает того, что я получаю с Кандаву,— они посылают мне тапу.

— Давай я буду помогать тебе в твоих плаваниях.

— Я живу на суще, и дерево Ву-ни-драу дает мне все, что нужно, и я ненавижу выходить в открытый океан в лодке. А в поселке моем стоит огромный камень, и люди называют его лодкой жителей Савау³.

Тот снова принялся молить вождя:

— Я буду твоим покровителем в любовных делах, и все женщины Мбенга станут твоими.

Туи Нгуалита отвечал:

— Мне достаточно одной женщины, ведь я не великий вождь.

— Позволь мне еще одно сказать тебе,— попросил Туи Моли-ваи.

— Говори!

— Если у тебя в селении много масаве⁴, пусть приготовят все и запекут нас в этом масаве, а через четыре дня откроют печь и выпнут нас.

На следующее утро они пошли туда. Люди приготовили огромную печь, в которую им надлежало войти.

Когда все было сделано, Туи Моли-ваи вошел в печь первым и позвал Туи Нгуалита. Тот сказал:

— Может, ты обманываешь меня, и я погибну в этой печи.

— Нет! — сказал Туи Моли-ваи. — Неужели ты думаешь, что я отшлаку смертью за жизнь, которую ты готов сохранить мне?

И Туи Игуалита послушался, спустился в печь, встал на раскаленные камни — и они совершенно не обожгли его ног. Тогда он сказал:

— Туи Моли-ваи, твоя жизнь спасена. Но лучше нам не оставаться в этой печи так долго, ведь кому из моих будет дело до того, сколько времени провел я здесь.

На это Туи Моли-ваи сказал:

— Твои потомки будут жить повсюду на Фиджи и Тонга, и мои обещания для них тоже сохранят свою силу: все они будут ходить по огню и входить с легкостью в земляные печи.

И вскоре жители Воло⁵ приготовили огромную земляную печь с масаве, он с легкостью вошел в нее, и все были потрясены этим.

25. [Тапа вождей]

Однажды дух отдал человеку с Матуку змея. В нем воплощается дух-предок вождей этой земли. И еще дух взял тапу, завязал ее и сказал:

— Это знак вождя. Возьми этого змея. Облекая вождя властью, повязывай на его руке тапу.

Благородные люди Матуку исполнили этот наказ. С тех пор, нарекая вождя Туи Ярои¹, его руку повыше локтя обвязывают тапой. Тапу оставляют на руке четыре дня и ночи. Потом ее стягивают с руки, а узел завязывают еще туже. Это — игату-ни-вануа, тапа, охраняющая землю и людей². Хранят эту тапу в особом ящичке. Когда вождь умирает, ее хоронят вместе с ним.

* * *

Вожди острова Матуку жили прежде в Левука-и-нда-ку. И вот как-то один простолюдин, человек совсем не благородный, подстрелил петуха, что всегда будил главного вождя в поселке³. Подстрелил, а петух сумел пролететь еще немало и все же добрался до поселка своего вождя. Простолюдин же шел за ним следом. Вождь позвал человека в дом, и тот стал требовать за раненого петуха канат с лодки вождя — канат этот там лежал. А в канате

был дух-змей. Вождь отдал канат и сказал тому человеку, что в канате скрыт дух, предок благородных вождей Маттуку. Вокруг каната вождь обернул полоску тапы и сказал:

— Это тапа, достойная вождя. Если гы возьмешь змея к себе, а люди в твоем поселке решат наречь кого-то вождем — завяжи на руке этого вождя, повыше локтя, мою тапу.

А простолюдин пошел к себе, оставил змея на окраине своего поселка и совсем о нем забыл.

Как-то проходил там молодой вождь; змей сказал ему:

— Глупец этот каиси! Принес меня сюда и оставил. Возьми он меня к себе в поселок — был бы вождем. А теперь забери-ка ты меня отсюда.

Родные этого юноши приготовили великий пир, сделали янгону. Было решено избрать вождя, туи. Избрали первого Туи Ярои и руку его, повыше локтя, обвязали той тапой.

Вот откуда пошел обычай повязывать тапу на руке нового Туи Ярои. Четыре дня ходит он так, а потом тапу снимают, не развязывая — стаскивают с руки, затягивают узел и прячут в ящичек. Это нгату-ни-вануа, тапа земли.

26. [Почему в Тару-куа нет воды]

Вот какую историю рассказывают в Тару-куа. Однажды тупуа, живущие в поселках острова Лакемба, отправились в Кенденкенде — хотели украсть там воды. У каждого в руках было по сосуду. Подошли они к источнику, смотрят — духа Тумбоу, хозяина этого источника, нигде не видно, стали набирать воду в свои бутыли. Только набрали — тут он и появился!

Рассерженный, дух Тумбоу погнался за воришками. Среди них был и дух из Тару-куа. Он бежал очень быстро и все радовался, что ему все же удалось утащить воды. Но на бегу он споткнулся о камень и упал. Бутыль его отлетела в сторону, раскололась, и вся вода из нее вытекла. Вот почему в Тару-куа по сей день нет питьевой воды.

А другие духи вылили украденную воду у себя, и с тех пор на острове Лакемба стало много источников.

27. [Почему на Онеата летают москиты]

Ва-куликули, дух-предок Онеата, спал. Пришел дух-предок людей острова Камбара, по имени Мбе-рева-лаки, разбудил его и спросил:

— Хочешь получить моих мошек?

Дух Онеата спросил:

— Каких мошек?

Дух с Камбара отвечал:

— Тех, что подают сигнал тревоги.

Дух Онеата сказал:

— Неси их сюда.

И дух с Камбара пошел за ними, поймал, упрятал в сверток, сделанный из бананового листа.

А дух Онеата пошел к себе на болото и оттуда принес духу Камбара своих кекева¹.

Не успел дух Онеата развернуть банановый лист, как все москиты вылетели. Он опять лег спать, но спать опи ему не давали, кусали не переставая. Он поднялся и воскликнул:

— Дух Камбара — мошенник и лжец!

Бросился за ним и сказал ему те же слова:

— Ты мошенник и лжец!

— Почему? — спросил тот.

— А потому, — сказал дух с Онеата, — что ты обманул меня, отдав мне своих мошек! Это москиты! Где мои кекева!

Дух Камбара в ответ:

— Иди ищи их!

И дух с Онеата пошел искать, но ничего не нашел. Вот так москиты остались на Онеата. И еще по сей день на тамошнем болоте полно раковин кекева, но опи все пустые: сами моллюски на Камбара.

28. Как на Онеата появились москиты

В старые времена па Онеата не было москитов. Счастливые то были времена. Ибо тогда и мы сами не страдали от их укусов, и наши женщины были счастливы: им не приходилось, как нынче, отбивать луб¹, чтобы делать ширмы². Более того, тогда у нас были кеокео, замечательные кеокео³. Их было столько, что весь берег был усеян ими. Отцы наши ели их каждый день и были сыты. А теперь можно обшарить весь остров, но не найти ни одной.

А произошло все зло из-за глупости духа Фа-куликули, что был в старые времена духом острова Онеата и жил среди покорных ему людей как вождь.

Он был великий домосед. Да в те дни и странствий-то не было, ведь не было лодок. Но когда Великий Змей навлек потоп на явусу мата-и-сау⁴, за то что они убили Туру-кава, его голубку⁵, тогда кое-кому из мата-и-сау удалось доплыть до острова Камбара.

Двенадцать их было, упливших на Камбара; все они привязались к большому дереву, и оно-то и вынесло их по воде. Десять выжило, двоих сгубили в море акулы. И вот эти люди высадились на Камбара и стали просить вождей пощадить их, и вожди оставили их у себя плотниками. Так появились у нас, на наветренных островах, лодки.

А в то время жителей Камбара очень кусали москиты. Ни днем ни ночью не было от них покоя. И стук раздавался без конца в каждом доме — это женщины отбивали луб, чтобы потом сделать из него шторы. И руки у них боялись и мыли от работы. И у них не было кеокео, замечательных раковин. А теперь, в Вуа-игава, у внутреннего озера, водится множество кеокео, потому что нет москитов, что тревожили бы их сон. А все пошло благодаря мудрости их духа Ту-вара, что жил на Камбара и правил тамошними жителями.

Ту-вара был мудрым и хитрым. И велика была его радость, когда корабелы приились к его земле и рассказали ему, какие замечательные лодки они умеют делать — такие, что в них люди переплывают моря и никакая буря им не страшна. В его сердце вошла большая радость: он понял, какая польза будет ему от плаваний; к тому же он знал, что в краю его полно леса. И он сразу отправил тех десятерых работать и дал им пищу, и дома, и жен, чтобы они не горевали о потерянном, о своем прекрасном пределе, который поглотили волны, и о своем исчезнувшем на-всегда поселке.

Эти люди осели на Камбара, обзавелись женами, а потом и детьми и работали каждый день: строили двойные лодки для Ту-вара.

Более двух лет строили они эти лодки. Тогда па Фиджи не было ни ножей, ни резаков, ни тесел, ни буравов, ни пил. Тяжкой была работа, ведь у них не было ничего, кроме острых камней. Бревна они обугливали огнем с той стороны, где надо было тесать, снимали обугленное дерево каменным топором, снова обжигали. И чтобы получилась всего одна доска, надо было делать так по многу раз.

А когда хотели просверлить какое-нибудь отверстие, брали острую раковину и тлеющую головешку⁶.

Но вот наконец первая лодка была сложена и поставлена у берега. Велико было веселье на Камбара, и богатый пир был устроен для мастеров. Но Ту-вара все не мог дождаться, когда же он выплынет в море, и все торопил и торопил их с работой.

Наконец, когда все было готово — мачта, парус, канаты, черпаки, весла, — словом все, что должно быть в лодке, — он взошел на борт, взял своих десятерых мастеров и еще много своих людей, и отплыл с хоропим ветром.

А все, кто был на борту, запели радостную песню. Те же, кто остался, бежали вдоль берега и кричали им вслед.

Но когда лодка вышла в открытое море, начала трястись и качаться на волнах, веселая песня быстро сменилась стонами. И все, кто цел, растянулись на палубе: никому не удавалось даже поднять голову.

— Как ужасно, — стонал Ту-вара, — что это, мастера?! Откуда эта ужасная напасть? Где мой дух? Мне страшно! Вы негодяи!

Но корабелы только рассмеялись в ответ.

— Не бойся, вождь, — сказали они. — Подожди немножко, и вся эта напасть пройдет. Так всегда бывает, когда выходишь в море.

И Ту-вара успокоился, а лодка быстро плавясь вперед, и вот уже показался Онеата.

Тогда седобородый Малани, старший из мастеров, сказал:

— Впереди земля. Хочешь ли ты направиться туда или ты хочешь ильть дальше?

— Туда, только туда, — простонал Ту-вара, — мне бы только скорее добраться до берега.

И вот они поплыли на Онеата, а там все испугались и спрятались в лесу: жители Онеата впервые увидели лодку и приняли ее за огромное морское чудовище, приплывшее, чтобы съесть их. Когда чужестранцы высадились на берег, все было пусто. И Ту-вара растянулся на циновках в доме вождя и сказал:

— Теперь я знаю, что жив.

Когда же жители Онеата выглянули из своих укрытий и увидели, что приплыли обычные люди, такие же, как они сами, и что от них не будет вреда, тогда ушел от них страх. А услышав рассказ чужестранцев, они осмелились спуститься к лодке.

Много дней провел Ту-вара на Онеата, в мире и друж-

бе с духом того острова. Камбарапам же не хотелось упывать из столь чудесного края, где ночью не пили их кровь москиты и где каждый день они могли досытъ есть кеокео. А когда все же настало им время плыть в обратный путь, они взяли с собой духа с острова Онеата, чтобы он увидел их край и чтобы они могли отблагодарить его за доброту, с которой встречали их на Онеата.

И вот два духа отплыли в одной лодке, и обоим пришлось мучиться в открытом море, хотя ветерок был совсем слабый, такой, что солнце опускалось в воду, а они уже достигли Камбара. Вышли они на берег и пошли в дом вождя, а их уже ждало пиршество: люди издалека заметили их, приготовились к встрече.

Когда же они насытились и опорожнили чаши с кавой, дух с Онеата начал зевать: ему очень хотелось спать.

— Идем, — сказал Ту-вара и повел его за плетеные шторы.

— Что это?! — воскликнул гость, увидев большие и красивые шторы. — Что за прекрасная материя! У нас такой нет! Но скажи, зачем вы подвешиваете ее под потолком дома? К чему она, Ту-вара?

— К чему, — повторил тот, — к чему? Это очень нужная вещь. Она... она скрывает меня от чужих глаз, когда я сплю. Вот зачем я укрепил ее здесь, посередине дома. Она хороша и тогда, когда дует сильный и холодный ветер. Но идем же спать, а утром я покажу тебе наше селение.

Так сказал Ту-вара, потому что стыдился москитов. Он же знал, что их нет на Онеата, и он хотел скрыть позор своей земли. Вот он и солгал.

Как только стемнело, дом наполнился москитами, и дух с Онеата сразу услышал их жужжание за шторой.

— Что это? — вскричал он. — Что за сладостный звук?

«Что сказать ему?» — думал в замешательстве Ту-вара. Ничего не удалось ему придумать, поэтому он притворился, что спит.

— Эй, Ту-вара! — закричал дух с Онеата, толкая его. — Проснись и скажи мне, что это за прекрасные звуки!

— Что? Что? Что случилось? — спросил Ту-вара, зевая.

— Что это за нежные звуки? Я слышу что-то сладостное и успокаивающее!

— Нежные звуки? А, да, жужжание! Но это всего лишь москиты.

— А что это за москиты?

— Маленькие букашки, что летают почью и жужжат.

Я держу их, чтобы они усыпляли меня,— сказал хитрый Ту-вара.

— Это просто сокровище! — закричал второй дух.— Горе мне, у меня нет их на Онеата! Отдай мне их, Ту-вара.

— Отдать тебе москитов! Я не могу. Меня не простят мои люди. Они возненавидят меня. Ужасна будет наша жизнь, если на Камбара не станет москигов.

— Ну, дай мне хоть немного,— умолял его дух.— Дай немного, а часть оставь себе, и у обоих у нас они будут.

— Это невозможно,— отвечал хитрец.— Они обожают друг друга. Если я отошлю часть, остальные тоже покинут меня. Мне горько отказывать тебе, Фа-куликули, но делать нечего. А теперь давай спать, я все сказал.

— Нет, нет,— закричал глупец, чуть не плача,— не отказывай мне, умоляю тебя! Отдай мне мэскитов, я возьму их с собой. И, услышав ночью их песню, мы будем думать о тебе и говорить своим детям: «Велик и добр Ту-вара».

— Это в самом деле было бы прекрасно,— сказал дух Камбара.— Я буду совершенно счастлив, если ты сможешь вспоминать меня с любовью. Но что скажу я своим? Как смирию их гнев, когда они набросятся на меня со словами: «Наш дух взял и отдал ни за что наших любимых москитов?»

«Ни за что» он сказал, понизив голос.

— Как ни за что?! — вскричал второй дух.— Нет, нет, не так: все, что у меня есть,— твое. Назови все что угодно из того, что ты видел на моей земле, и оно — твое. Только пусть станут моими эти букашки, что так сладко поют.

— Ну хорошо. Но я не для себя прошу. Я бы с радостью отдал тебе все свое. Но мои люди! Ты знаешь этих смертных, этих людей, знаешь, до чего они жадны. Но что же на твоей земле могло бы понравиться им? По правде, я не знаю ничего такого. Ах, да. У нас же есть кеокео. Это подойдет. Это то, что им нужно. Им бы только наполнить желудок, и делай с пими что хочешь. Отдай мне кеокео, и москиты твои!

— Охотно, охотно! Решено, Ту-вара. А теперь подними штору, чтобы я мог их увидеть.

— Что ты! — вскричал Ту-вара в великом испуге. Ведь если бы москиты влетели и укусили духа, он бы тут же отказался их взять.— Что ты! Не подымай, ни за что не подымай шторы! Эти букашки скромны и робки. Они не выносят, чтобы на них смотрели. Потому они и прячутся днем, а ночью поют свою песню.

— О, о! — воскликнул глупец. — Удивительные вещи я слышу. Пусть штора остается опущенной.

— А теперь давай спать, — сказал Ту-вара, — уже поздно. А завтра утром мы отплывем вместе с москитами.

И они смолкли, но оба не спали. Тот, что с Онеата, всю ночь слушал песню москитов, а Ту-вара радовался про себя, как он хитро поступил. И все же он боялся, что глупый дух поймет все прежде, чем отдаст ему кеокео. «Надо помешать ему рано встать, — думал Ту-вара, — а не то он увидит, как они летают в доме».

А Фа-куликули, едва забрезжил рассвет, начал беспокоиться:

— Вставай, Ту-вара, вставай, — настаивал он, — давай мне москитов и поплывем!

— Тише, тише, — отвечал Ту-вара, позевывая. — Что ты за непоседа! Ты не дал мне спать ночью, теперь хочешь поднять меня до рассвета. Лежи спокойно, Фа-куликули. Подожди еще немного. Сейчас как раз время, когда москиты собираются все вместе, чтобы лететь в пещеру, где они спят до наступления ночи. А если ты сейчас выйдешь, ты обеспокоишь их и они будут летать тут и там и мы не сможем их поймать.

— Да, это будет плохо, — сказал тот, что с Онеата. — Будем лежать тихо и ждать, пока они не успут.

Но успокоиться он не мог никак. Он совершенно измучил Ту-вара, потому что все время ворочался и спрашивал: «Они уже уснули, а, Ту-вара?» или: «Они уже точно все в пещере?» И такими глупыми словами он без конца тревожил духа, властовавшего над Камбара. Тот был уже в страшном гневе и наверняка ударил бы Фа-куликули палицей, если бы не надежда па кеокео. И потому он сдерживал себя и успокаивал глупца до наступления дня.

Наконец он сказал:

— Теперь они все уснули. Вставай, мой друг, идем.

Как он сумел собрать москитов — неизвестно. Наши отцы говорили, что он собрал их в большую корзину, выложенную изнутри материей и закрытую такими циновками, сквозь плетение которых ни один москит не смог бы пробраться. И когда эта корзина была доставлена в лодку, они подняли парус, поплыли, прошли пролив, вышли в открытое море и отправились к Онеата.

Очень скверно было им обоим в море. Но в этот раз обоим не было до этого дела: тот, что с Онеата, думал о сладкоголосых певцах, а Ту-вара — о том, как ловко изба-

вился от них, и еще больше о кеокео. Оттого оба были готовы страдать в море.

Солнце было еще высоко в небе, когда они спустили парус на Онеата. Дух — хозяин Онеата выпрыгнул из лодки на берег, крича:

— Сюда, люди, сюда, все сюда, посмотрите, что я привез. Дай мне корзину, Ту-вара, чтобы я мог обрадовать своих людей.

— Нет же,— ответил коварный Ту-вара.— Мокситы очень преданные существа, я же тебе говорил. Если ты выпустишь их, пока я здесь, они не оставят лодку. Ведь они любят, любят меня! Дай же мне кеокео, друг мой, и я уплыву, а корзину оставлю тебе. И если ты действительно мудр, то не будешь открывать корзину, пока я не выйду в открытое море, иначе мокситы полетят за мной и покинут тебя.

— Верно,— согласился глупец.— Верно ты говоришь, Ту-вара. Ты очень мудр, и ты предусматриваешь все. Эй, кеокео, что в море, что на берегу, что на камнях! Эй, ко мне, ваш хозяин зовет вас!

И вот с камней, из вод океана, с берега приползло по песку великое множество кеокео. И мастера-корабелы побросали их в лодку, а наши отцы им помогали, и вот уже лодка вся заполнилась, и кеокео грудой лежали на палубе. Ни одной раковины не осталось на песке.

— Прощай же, Ту-вара,— сказал Фа-куликули.— Дай мне корзину и плыви. Теперь уже все мои кеокео у тебя.

И Ту-вара отдал корзину, а корабелы подняли свой большой парус, и вот уже лодка быстро вошла в пролив. А жители Онеата столпились около корзины и наперебой расспрашивали своего духа, что же в ней.

— Должно быть, это что-то удивительное, иначе бы наш господин ни за что бы не расстался с кеокео,— говорили они.

— Ждите,— отвечал он, самодовольно улыбаясь.

И как только лодка вышла за риф, он развязал корзину и поднял циновку, которой она была закрыта.

— Вот наше сокровище! — закричал глупый дух.

И тут поднялся рой, целая туча мокситов, злых и свирепых. А Ту-вара слышал крики и вопли паших отцов, когда ужасные букашки налетели па них.

— Это запели свою сладостную песнь маленькие певцы Фа-куликули,— сказал он, когда его перестал душить смех.— Много глупцов встречал я среди обычных смерт-

ных людей, но не знаю ни одного, кто был бы глупее духа с Онеата.

А несчастный дух чего только не делал, чтобы избавиться от напасти, за которую так дорого заплатил. Но все было напрасно, москиты же расплодились невероятно. Их ночная песня, такая приятная для него тогда, в первый раз, на Камбара, теперь казалась ему хуже клича врага в бою.

И чего он только не придумывал, чтобы вернуть кеокео. Но мог ли он тягаться с Ту-вара! Однажды, спустя годы, когда у него уже была своя лодка, он приплыл ночью на Камбара, чтобы забрать кеокео. Встав на берегу, он громко позвал:

— Эй, кеокео, что в море, что на берегу, что на камнях! Эй, ко мпе, ваш хозяин зовет вас!

Но никто не появился. Кеокео словно бы и не слышали его. Услышал же его — Ту-вара: он еще издалека заметил его приближение и спрятался, поджидая духа. Тихонько подкрался он сзади и ударил его по голове палицей с криком:

— Ах ты, злонамеренный дух! Хочешь украсть моих кеокео?

И тот с воплями вернулся к своей лодке.

29. Как на Фиджи появились тонганцы

Вот рассказ о том, как тонганцы появились на Фиджи. В былое время один самоанец отправился на лодке ловить рыбу; пока он рыбачил, поднялась страшная буря, вынесла его в далекие воды и чуть не потопила его лодку.

Когда солнце зашло и земля вдали стала темным пятном, он сказал себе: «Что зря убивать силы, вычерпывая воду? В этом нет смысла. Лучше уж утонуть, погибнуть». Он перестал выливать воду за борт, и лодка быстро наполнилась, но когда она уже готова была потонуть, огромная волна вдруг подхватила ее и ударила о скалу. Этот человек уцепился за скалу. Лодку уже унесло прочь, и она развалилась на куски.

И вот самоанец, чье имя было Лека-папи¹, стал взбираться по скале. Он поднимался все выше, но не мог найти ни жилья, ни еды, ни питья — только в расщелинах скалы ему попадалось то тут, то там немногого воды. И вот так взбирался он много дней, и силы уже покидали его.

Вот не стало видно земли с той ужасной высоты, на которую он взобрался; днем он видел только солнце,

ночью — луну и звезды, облака были у него под ногами. А он все карабкался вверх, и все не было видно вершины той огромной черной скалы. Но он продолжал свой путь наверх, пока наконец, среди ночи, силы не оставили его, и он упал без чувств.

Очнувшись, он огляделся и увидел, что попал в прекрасный край. Там сияло солнце и было множество деревьев и ароматных цветов. Но нигде не было кокосов, и он не увидел ни одного человека. И он горько заплакал, вспомнив о доме и друзьях, которых больше никогда не увидит.

А попал он на небо. Туи-ланги услышал его плач и спросил:

— Несчастный! О чём ты плачешь?

— Я плачу, — отвечал тот, — потому что я чужой в чужом kraю. Мой край — Самоа, и я знаю, что больше никогда его не увижу.

И Туи-ланги пожалел его и сказал:

— Не горюй, ты снова увидишь свою землю, и жену, и детей, и друзей. Видишь эту черепаху? Садись ей на спину, и она доставит тебя в целости на Самоа. Но помни только, что, когда она поплынет туда, ты должен закрыть лицо руками и не открывать, не поднимать его, доколе черепаха не достигнет берега. Помни об этом, потому что, если ты нарушишь мой приказ, великая и ужасная беда ждет тебя. А когда ты вернешься на свою землю, не забудь дать черепахе кокос и циновку из кокосовых листьев — ту, что зовется тамба-кау²: тогда мы сможем посадить у себя кокос и научимся плести циновки из его листьев. Иди же, черепаха ждет.

Лека-пай поблагодарил Туи-ланги и обещал помнить его слова. Прикрыв руками лицо, взобрался он на спину черепахи, и она тут же бросилась в океанские воды — они упали туда с громким всплеском и сразу стали погружаться все глубже и глубже в пучину. Лека-пай уже начал задыхаться без воздуха, но он помнил слова Туи-ланги и держал руки на глазах, не отводя их.

Тут черепаха вновь всплыла и быстро-быстро попеслась по волнам с Лека-пай на спине. Глаза его по-прежнему были закрыты руками: он боялся умереть, открыв их. Множество голосов слышал он, но не открывал лица. Его звали акулы, крича:

— Эй! Мы, акулы, плывем съесть тебя!

Но он не открывал глаз. Промчался мимо ветер, проплывшев ему в самое ухо:

— Я могуч и силен, сейчас я сдую тебя в море!

Ревели под ним волны:

— Сейчас мы поглотим тебя!

Дельфин, который коварнее всех рыб, выпрыгнул из волны, поднялся высоко над водой и крикнул:

— Вон плывет лодка с твоей земли, с Самоа! Это твои друзья ищут тебя!

Но все же Лека-пай держал глаза закрытыми, помня, что сказал ему Туи-ланги.

Всю ночь мчались они по волнам. Наутро пролетела мимо огромная птица.

— Лека-пай, эй, Лека-пай! Взгляни, уже видно Самоа! — кричала она.

Но он не смотрел.

Вот ноги его ударились о землю, а черепаха поползла по берегу. И тут он взглянул и увидел, что вернулся в свой край. Он соскочил па землю и побежал к своим, которые приветствовали его словно воскресшего из мертвых и плачали над ним — ведь вернулся тот, кого уже давно оплакивали как погибшего.

И так вышло, что в окружении детей, жены и друзей он забыл о черепахе. Все пробирались к нему, целовали, плакали, спрашивали о чем-то. Нескоро вспомнил он о черепахе, а потом и о циновке, и о кокосе, обещанных Туи-ланги. Побежал он вниз, к берегу, а черепахи уже не было; она устала от ожидания и голода и немного отплыла в сторону, вдоль рифа (наверное, как отсюда до Нукунуку): хотела поискать хоть водорослей в пищу. А там люди увидели ее, бросили в нее копье и так убили.

В страхе побежал Лека-пай по берегу, ища черепаху. Добежал до того места, где стояли рыбачьи лодки, и увидел ее мертвую па песке. А люди уже готовили землянную печь, чтобы приготовить из мяса черепахи еду.

Тут он исполнился печали; велико было его горе, и он сказал:

— Что вы натворили?! Ужасное, страшное деяние! Вы убили моего друга: эта черепаха принесла меня сюда через весь океан. Что теперь делать? Как я теперь пошлю Туи-ланги дары?! О горе, горе! О я, несчастный!

Тут все стали плакать с ним. Наконец Лека-пай сказал:

— Нет смысла плакать. Гасите огонь в печи; мы углубим ее — получится могила, и мы похороним черепаху. О ужасный день!

И они вырыли могилу — такую глубокую, какой не бы-

ло никогда прежде. Пять дней рыли они ее, и пришлось спустить туда высокую кокосовую пальму — она служила им лестницей, и по этой лестнице они поднимали наверх вынутую землю. А на шестой день они положили в эту могилу черепаху, а вместе с ней дары, о которых просил Туи-ланги, — циновку и кокос.

Туи-ланги же все это время очень беспокоился, отчего не возвращается черепаха, что должна уже была доставить Лека-пай на Самоа. И он послал кулика узнать, в чем дело. Кулик этот прибыл на Самоа как раз тогда, когда люди закапывали могилу. Камнем упала птица в гущу толпы, коснулась крыльями головы одного мальчика, Лава-и-паки, и полетела обратно к Туи-ланги.

С тех пор этот Лава-и-паки оставался ребенком. Прошло то поколение, и следующее, и третье, а он все был таким же, как в тот день, когда черепаху погребли в глубокой могиле, а кулик коснулся своими крыльями его головы. Другие дети все выросли, поседели, умерли, прошли и их дети, и их внуки, а Лава-и-паки все был мальчиком. Так минуло много лет; и самоанцы забыли, где зарыта черепаха. Из всех он один лишь знал это, но молчал.

А потом, в иные дни, достигла эта история ушей Туи Тонга, и он сказал своим:

— Плывите на Самоа и привезите мне оттуда панцирь той черепахи, чтобы из него сделать рыболовные крючки, как их делали наши деды. Вам-то хороши и те панцири, что в нашей земле, мне же, великому вождю, должно иметь крючок из панциря небесной черепахи.

И отплыла оттуда большая лодка, полная людей. Постланец Туи Тонга передал его слова самоанцам, а те только засмеялись и сказали:

— Глупая это история, и зря вы плыли сюда. Нет ни одного среди нас, кто бы знал, где похоронена черепаха. Как же пайти ее панцирь?

И тонганцы вернулись к себе, доложив обо всем Туи Тонга. Ужасен был тогда его гнев, и он сказал:

— О непослушные! Не смейте даже спускать парус с мачты, не думайте нести его на берег! Поднимайте парус вновь! И везите мне панцирь! Неужели вы хотите умереть?!

И в горе и страхе они уплыли снова.

Когда они опять приплыли на Самоа, все люди собрались и стали спрашивать у стариков, где могила той черепахи, что прибыла когда-то с неба. Но никто не знал.

Знали только, что их отцы рассказывали, как черепаха доставила Лека-пана на землю с небес. А где ее могила, не знал никто. И тогда Лава-и-паки, тот, что всегда молчал, встал и сказал:

— Не бойтесь, вожди и знатные люди с Тонга! Я покажу вам могилу черепахи, я как раз был там, когда ее хоронили.

А они только рассердились и закричали:

— Чьи это слова? Вы что, привели этого юнца сюда, чтобы насмехаться над нами? Седоголовые не помнят, а этот наглец-мальчишка, настоящее дитя, говорит, что видел, как хоронили черепаху! Что это, как он смеет?!

Но самоанцы сказали:

— Мы не знаем, дитя он или нет. Он не из нашего поколения. Когда старики были мальчишками, он был мальчиком среди них. И отцы наши говорили, что при них было тоже самое. Послушаем же его слова, потому что до сих пор он молчал.

Услышав это, тонганцы изумились и примолкли; а мальчик сказал:

— Идемте же к могиле черепахи.

И он привел их туда и сказал:

— Здесь зарыта эта черепаха. Копайте, и добудете ее панцирь.

И они копали до захода солнца, но ничего не нашли и в гневе закричали:

— Он обманщик! Он смеется над нами! Где же этот панцирь, который мы должны принести Туи Тонга, чтобы оставаться в живых?

А Лава-и-паки рассмеялся и сказал, повернувшись к своим:

— До чего же глупы эти тонганцы! Дважды приплывают они со своей земли за панцирем, а теперь у них нет терпения раскопать могилу! Наши предки рыли эту могилу пять дней, а вы хотите получить панцирь сегодня. Копайте еще четыре дня и тогда найдете.

И они продолжали копать и к вечеру пятого дня нашли панцирь и кости черепахи. Велика была их радость, и они сказали:

— Теперь мы останемся в живых.

И они поплыли назад па Тонга, везя с собой панцирь. Двенадцать его частей они отдали Туи Тонга, а тринадцатый кусок оставили себе. Вождь же рассердился и сказал:

— Двенадцать здесь. Где тринадцатый кусок? Вы ви-

дите, одного не хватает, не получается вместе целого панциря!

А они сказали:

— Да, господин, их было тринадцать. Но самоанцы сказали нам: «Возьмите двенадцать вождю, а тринадцатый оставьте нам». Мы же ответили: «Нет, нам нужен весь панцирь». А они разгневались и сказали нам: «Забирайте двенадцать и убирайтесь. Вы что, хотите, чтобы мы вас убили?» И мы испугались — ведь их было так много. Так что тринадцатый кусок у них.

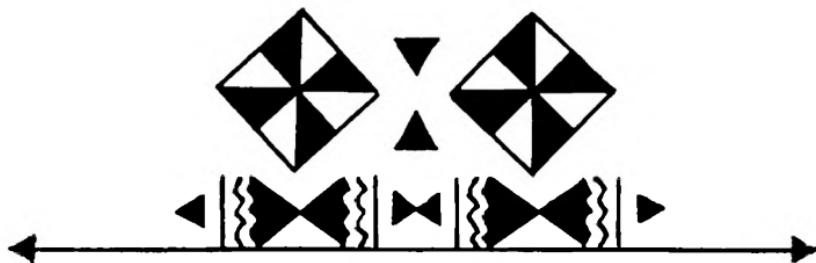
Но Туи Тонга весь вспыхнул от гнева и вскричал:

— Возвращайтесь сейчас же и привезите мне тот кусок панциря, что оставили там!

И они отплыли вновь в ужасном страхе. А когда вышли в открытое море, стали решать: «Что делать? На Самоа нам возвращаться нельзя. А если мы вернемся домой, нас убьет Туи Тонга. Пусть же ветер несет нашу лодку — может, прибьет ее к какому-нибудь берегу, и мы останемся там. О ужасный день! И зачем мы спрятали тринадцатый кусок и не отдали его нашему господину?»

И они поплыли туда, куда гнал их ветер, что дул тогда. Когда же он утих, они не стали никуда гнать свое судно, а решили ждать другого ветра. И так все время плыли с попутным ветром. И вот, спустя много дней, приплыли на остров Кандаву. А Кандаву тогда был под властью людей из Рева, а вождь Рева взял их к себе, дал им земли в своем kraю. Их дети живут там по сей день. Они поклонялись панцирю черепахи, до тех пор пока не пришла на наши острова вера белых людей.

Вот так на Фиджи появились тонганцы.

**мифологические
Рассказы
о духах**

ДУХИ И ИХ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

30. [Украшения Тока-и-рамбе]

Однажды Тока-и-рамбе¹ пошел купаться в На-ву-тока. Он снял с себя все украшения — гребень, ожерелье из китовых зубов. А тут пришел дух За-кау-ндрое² и все унес. Тока-и-рамбе увидел это и заплакал: ведь обладание этими богатствами означало власть над людьми.

К Тока-и-рамбе вышел Туи Вуту³. Он спросил:

— Что с тобою случилось?

Тока-и-рамбе отвечал:

— Дух отнял у меня украшения. Если ты можешь одолеть его — беги за пим!

Туи Вуту пустился в погоню и настиг духа. Было это не то в Муа-и-риси, что близ На-санга-лау, не то в Вапгаталаца. Туи Вуту остановил его со словами:

— Эй, это ты унес украшения!

— Да.

— Ты должен их вернуть. Выбирай, как мы будем сражаться, на палицах или на копьях?

На это дух из За-кау-ндрое сказал:

— Да гай не будем сражаться. Лучше попробуем дотянуться до неба — посмотрим, кто из нас выше.

Туи Вуту согласился:

— Что ж, начнем с тебя.

Дух — звали его На-тава-сара — поднялся, выпрямился во весь рост и достал до неба. Ему даже пришлось наклонить голову.

Туи Вуту спросил:

— Ну как, готово?

— Да.

— Теперь моя очередь.

Туи Вуту выпрямился, тотчас достал до неба, изогнулся всем телом и завернулся кольцом — так, что еще раз достал до неба. Да еще голову пришлось пригнуть!

Увидев это, дух из За-кау-ндрофе сказал:

— Ты победил. Забирай украшения. Я отправляюсь в За-кау-ндрофе.

Туи Вуту взял украшения, вернулся к Тока-и-рамбе — тот все еще купался в На-ву-тока — и отдал их ему.

Тока-и-рамбе сказал:

— Ты оказался смельчаком. Другие духи будут теперь подчиняться тебе и идти за тобой в сражение.

Множество духов, идущих за Туи Вуту, — все из явусы ту-варе⁴. Они всегда первые и в сражении, и в метании дротика.

31. [О духе с острова Яндуя]

Однажды от берегов Ясава отплыло двадцать лодок, груженных кокосами. А кокосы посвящаются духам моря, тем, что всегда являются человеку в облике акулы. Люди ужасно оскорбили духов тем, что сорвали их кокосы для себя. И вот акулы помчались за лодками. Девятнадцать лодок они погубили: ведь все, кто плыл на этих лодках, несли перед ними вину. Одного только человека оставили они в живых и забрали к себе, в свой предел¹. Ему было велено все время стучать колотушкой. Шум, который он поднимал, был похож на тот, какой бывает, когда волокна на кокосовом орехе разделяют по одному. Из этих волокон потом плетут веревки.

Говорят, что и по сей день в отдалении слышен стук колотушки: это трудится, без устали и передышки, тот несчастный.

32. [Кау и Воувоу]

Кау из Дрекети был известен тем, что соблазнял всех женщин, проходивших мимо него. И вот однажды благородный господин Воувоу из На-и-вуке попросил своего духа-предка превратить его, Воувоу, в женщину. Он лег в воду, тут к нему приплыл угорь и преобразил его¹. И тогда еще с одной женщиной из того поселка они отправились в Дрекети, обменяться подарками с тамошними жителями.

Кау же имел привычку выслеживать женщины, когда те

купались². Итак, увидел он Воувоу во время купания, и в нем разгорелось желание. Вечером они встретились на рара во время танца, обменялись табаком, и Кау сказал, что хорошо бы им лечь вместе. Воувоу все отказывался и отказывался. А Кау уже не в силах был побороть желание. И вот он сказал, что готов жениться.

Прошло несколько дней, и Кау неожиданно пришел в дом, где остановился благородный Воувоу. Вождь этот, а он по-прежнему был в облике женщины, сидел и плел циновку³. Кау принял ласкать Воувоу, и казалось, что Воувоу тоже сгорает от желания. А тем временем Воувоу стал потихоньку возбуждать свой член. Когда Кау собрался овладеть предметом своих желаний, их члены встретились. Пристыженный Кау бросился бежать. Воувоу пустился за ним следом, поймал его и стал требовать сопития. Кау все думал отмолчаться, и тогда Воувоу схватил его член, стал возбуждать его и так довершил дело. Кау убежал к себе, посрамленный, и с тех пор больше никогда не соблазнял женщин.

33. [Туту-матуа]

Однажды Туту-матуа был на Тотоя. Увидел он, как какая-то женщина собирает на рифе моллюсков и ловит рыбу. Тотчас член его поднялся и стал твердым, как железное дерево. Он увидел эту женщину — а она была совершенно голая, — увидел ее срамное место, и тотчас член его поднялся, а к тому же он стал похлопывать себя по мошонке. Женщина как раз пошла в его сторону. Но овладеть ею ему не удалось: его член ударил по скале и пробил камень насквозь — и по сей день в том камне есть отверстие.

Потом Туту-матуа увидел женщину, лежавшую в лодке. Все повторилось сначала, но тут уж он овладел женщиной. А после она упала в воду и умерла¹.

34. [Ндау-зина]

Ндау-зина — дух поблескивающего света¹. В темную ночь можно заметить, как слабый огонек движется между островом Малата и большой землей². Порой он поднимается и опускается по холмам Малата, потом снова появляется над узким проливом³, потом оседает в расселине, подле

ключа с горячей водой. Это огонек Ндау-зина, которого зовут еще Туту-матуа. Горе девушкам, встречающимся с ним, когда он отправляется в путешествие! Он очень злонамеренный дух. До сих пор все помнят, как дурно поступил Ндау-зина с дочерью Туи Яро⁴. Он явился к ней, когда она отбивала луб на берегу ручья в Корокоро-коти⁵. Тогда все местные мужчины в гневе бросились преследовать Ндау-зина, хотели убить его, а он бросился прочь, убежал от них и, перелетев через океанские волны, попал на Моала. Много разного случилось с ним там, но однажды с ним самим дурно поступила одна девушка из поселка На-соки. Он убежал на свой родной остров⁶ и остался там навсегда. Как-то, правда, он собрался на остров Муниа, но, попав туда, рассердил Коро-имбо⁷ и был изгнан. Да, Ндау-зина — злой дух, злонамеренный.

Однажды Ндау-зина сумел одолеть главного духа Муалеву. Они случайно встретились на берегу — то место называется На-леле, — и Ндау-зина втянул того духа в состязание. Принялись метать копья. Целились они в то место, где на наш остров смотрит остров Малата. А тогда все это была одна земля. Было решено, что тот, кто окажется лучшим в метании копья, станет вождем на все времена. Трижды каждый из них метал свое копье, и на третьей попытке Ндау-зина метнул его с такой силой, что расколол перешеек, соединявший две земли. Так земля Малата стала островом.

35. [О духе с На-иау и духе с Вануа-вату]

Раз собрались духи на совет и решили запастись водой. Только один тупуа с На-иау не стал ничего делать. Воду он не стал набирать. А тупуа с Вануа-вату наполнил водой две бутыли, повесил их на дерево и пошел копать себе канавку, чтобы в ней всегда была вода. Когда он копал, мимо проходил тупуа с На-иау. Он попросил:

— Дай мне немного воды.

А тупуа с Вануа-вату был глухой. Он ничего не услышал и продолжал копать. Тот, с На-иау, снова попросил:

— Дай-ка мне воды, всего одну бутыль.

А тот тупуа ничего не услышал. Тупуа На-иау увидел, что дух занят своей работой, схватил его сосуды и пустился к себе на На-иау.

А тупуа с Вануа-вату кончил копать, пошел за своими бутылями и увидел, что их нет. Он посмотрел и заметил

убегающего тупуа с На-иау; тот уже был на полпути между Вануа-вату и На-иау. Он схватил камень и швырнул его в духа. Камнем пробило бутыли, и вся вода вылилась; и на На-иау она продолжала капать. Вот почему на На-иау так много маленьких источников и ручейков. А тот камень раскололся надвое, и одна его половина упала на На-иау.

36. [Аива]

Из разных мест приходили в Кендекенде тупуа за водой. Многие тупуа рыли канавы и рвы, вели воду в свои поселки. А один дух набрал воду в свернутый лист таро, унес ее и помчался в сторону Тару-куа. На берегу он зацепился за корень казуарипы и упал. Вода вся вылилась. Он поднялся и побежал на берег. Там он повстречал духа из Вазивази, и между ними завязался спор об Аива. Тупуа из Тару-куа схватил камень, метнул его в остров и расколол его. Сопернику он сказал:

— Иди посмотри, что с островом. Если земля раскололась, он мой.

Тупуа из Вазивази пошел посмотреть. Оказалось, остров раскололся на две части, большую и маленькую. А камень, брошенный тупуа из Тару-куа, лежал посередине. Так он лежит и по сей день. Меньшая часть Аива принадлежит Вазивази, большая — Тару-куа.

37. [Аива]

Некогда жил в поселке Левука один дух. Он часто бывал на острове Аива: это была его земля. Вот как-то отправился он туда, а по пути встретил тупуа из Тару-куа.

Тупуа из Тару-куа спросил:

— Куда направляешься?

Дух из Левука сказал:

— На Аива.

На это дух из Тару-куа сказал:

— Не твоя это земля, не твоя.

Так они заспорили. Дух из Левука все повторял:

— Моя земля, моя, не твоя.

Спорили они, спорили, и наконец тот, что был из Тару-куа, швырнул в остров камень и расколол надвое. Тут он сказал:

— Тебе подветренная часть, мне — наветренная.
Но та часть, что предназначалась сперва людям из
Левука¹, перешла потом к главному вождю².

38. [Как дух похитил воду с Моала]

Еще до того, как тонганцы пришли на Лау¹, взяли их силой и остались навсегда, они порой появлялись на здешних землях. Случалось это, если ветер сбивал их лодки с курса и нес сюда. Иногда их убивали, а иногда — когда в лодке их было много и они были вооружены — принимали как гостей. Потом они уплывали к себе с попутным ветром. Вот так однажды прибыла тонганская лодка на Моала.

Когда тонганцы стали собираться в обратный путь, вождь Моала решил отдать в жены тонганскому вождю свою дочь. Звали ее Роко-вака-ола. Роко-вака-ола была очень хороша собой; она нравилась Кумбу-ни-вануа, духу Моала. Девушка плакала и умоляла отца не отправлять ее на Тонга, но в сердце у вождя Моала жил страх, он побаивался тонганца, так что делать было нечего.

Так Роко-вака-ола оказалась на острове Тунгуга². Муж построил ей чудесный дом и во всем ей потакал. Но ей все равно не было счастья, и, оставаясь одна, она часто плакала. Однажды Кумбу-ни-вануа услышал, как она плачет, прилетел на Тонга и спросил, что тревожит ее. Она же сказала:

— Возьми меня домой на Моала. Мне не нравится этот край. Земля здесь сухая и бесплодная, здесь голодно и даже нет питьевой воды.

На Тунгуга, как и на многих островах Лау, пресной воды не было. А на Моала всегда были чистые ручьи.

Кумбу-ни-вануа сказал:

— Я не могу взять тебя с собой на Моала. Но я принесу тебе воды и, может быть, таро.

При этих словах она взглянула на него и улыбнулась. Кумбу-ни-вануа понял, что медлить с этим нельзя.

Он полетел назад на Моала, там сразу направился в местность Матамата-калоу, что близ поселка За-кова. Взял большой лист таро, свернул его и наполнил водой из тамошнего родника. С этой ношей полетел он па Тонга и оставил все у дома Роко-вака-олы. Она вышла утром из дома и видит — у самой двери бежит ключ, чистый, проз-

рачный, холодный. А у самой воды, там, где Кумбу-ни-вануа положил свой лист, выросло таро.

Роко-вака-ола обрадовалась. На том ее горести и кончились.

39. [Мбати-ни-игака]

Однажды на Лакемба был страшный голод. Дух-предок Лакемба отправился в Кендекенде. Там пришлось ему есть толченые угли, больше ничего не было. А тем временем Мбати-ни-игака в Вама-луту лакомился плодами хлебного дерева. Голодный дух учゅял это и выследил Мбати-ни-игака. Выследил и прогнал прочь. И до сих пор его следы видны там — он ведь спасался бегством. Спасаясь, он бросился в море, и на том месте получилась глубокая яма.

А дом Мбати-ни-игака называется Домом трав, Вале-зо.

40. [Дух в облике акулы]

Обряды посвящения длились четыре дня и четыре ночи. А потом властитель Вуна пошел купаться. Стоило ему войти в водоем, как на ноге у него вырос плавник. Он зашел в воду чуть глубже, и тут на спине у него тоже вырос длинный плавник. И на груди появился плавник!

А его жена смотрела на него с берега, и он крикнул ей:
— Прощай! Ухожу!

Так, приняв образ акулы, отправился он в Вату-и-ма и там устроил себе пещеру. В ней он и живет, и поутру люди там произносят ему торжественные слова приветствия.

Когда здесь появилась новая вера, решили поставить в том месте дом. Но на следующий день все его опорные столбы рухнули.

41. Танову

На скале, что на берегу острова Оно, по сей день виден след огромной ступни. А напротив той скалы, на прибрежном утесе острова Каидаву виден отпечаток такой же невероятной ступни.

Говорят, в незапамятные времена на этих камнях оставил свой след Танову, вождь, приведший сюда за собой

много новых людей. И еще говорят, что пролив между Оно и Кандаву был сначала слишком мал для Танову: ему никак не удавалось зачерпнуть в том проливе воды своим огромным киту. Вот тогда-то он и уперся одной ногой о скалу на берегу Оно, другую поставил на прибрежную скалу Кандаву — и раздвинул острова. Тогда-то и удалось ему набрать воды из пролива в достатке.

Раз пришел он к новому, широкому проливу, стал зачерпывать воду, а в тот день была сильная буря, и в его бутыль попала лодка. А в лодке сидели воины из Назомбозомбо, что на Вануа-леву. Танову даже не заметил этого. Прошло время, и к нему прибыл хозяин лодки: волнуясь о судьбе своих воинов, он искал и искал их повсюду. Тут великий дух вспомнил, что недавно, когда он набирал воду из пролива, в его киту попал какой-то мусор. Он открыл бутыль — и тут же посыпалась изнутри голоса, гул, а когда они заглянули внутрь, то увидели, как по поверхности воды ходит туда-сюда лодка! ¹

* * *

Когда-то остров Оно был ровным и плоским, а на острове Кандаву искони стояла гора На-мбу-ке-леву². Там жил некогда дух, которому вся гора и была подвластна. Звали его Таутау-мо-лау. Танову очень завидовал этому духу. Он решил построить укрепление и на своем острове. Взвести его надлежало на высоком холме. Так и было сделано. Холм этот носит имя Нгила-и-тангане. А появился он так.

У Танову было две жены. Они неустанно состязались друг с другом, бесконечно друг другу завидовали. Ревность и соперничество побудили их как-то накопать немало земли — с тех самых пор и возникли глубокие овраги возле На-мбоу-валу. Из этой земли и была создана большая насыпь. А на ней стояло укрепление Нгила-и-ялева. Оно было еще выше, чем Нгила-и-тангане. Старый Танову был разгневан тем, что его жены так вознеслись в своем хвастовстве друг перед другом; одним пинком спиб он верхушку их холма! И решил сам насыпать холм, а землю для этого отнять у своего вечного соперника, духа с На-мбу-ке-леву. Воинов своих он расставил неподалеку от Вамбеба: они должны были ждать его возвращения. Сделав так, он ринулся к горе того духа и там принялся собирать землю с самого гребня. А укладывал он ее в свою корзину.

За этим занятием и заметил его Таутау-мо-лау и тот-

час со всех ног бросился к своей горе. Танову тоже заметил противника и пробормотал: «Са вура май кока», — что на диалекте острова Оно значит «Вот он идет». И до недавнего времени слова эти были запретными на Оно, произносить их было никак нельзя. Только очень злой и плохой человек, злонамеренный человек, мог при приближении идущего сказать: «Са вура май кока».

Итак, Танову увидел соперника, схватил свою корзину с землей и побежал прочь. А Таутау-мо-лау — за ним! Так бежали они, бежали то по большому рифу, то с южной стороны Кандаву, то по тропе духов. А вместе с Таутау-мо-лау пустился в погоню дух по имени Тавуки, а потом еще один дух, звали его Яле. Бежали они, бежали, бежали, путь их петлял, и немало земли высыпалось из корзины Танову. Так появились островки, что рассеяны по всей лагуне Кандаву.

Погоня докатилась до На-и-нгоро, а уж оттуда Танову пришлось бежать в Соло. Но от На-и-нгоро за ним бежал вслед один только Таутау-мо-лау, потому что Яле и Тавуки обессилели от погони и отстали.

Танову мчался вперед, корзина тряслась у него в руках, земля из нее сыпалась во все стороны. Так появился прекрасный остров Ндра-вуни и многие чудесные островки, что лежат к северу и к востоку от Оно. Фиджийцы верили раньше, что островки эти — родина морских черепах.

Но всему приходит конец, и вот уже Танову достиг кромки рифа. В Соло он почувствовал, что суша уходит у него из-под ног, и страх перед волнами пролива Кандаву овладел им. Он понял, что пора идти в наступление. Бросившись на своего преследователя, он закричал громовым голосом:

— Вперед, сыны Оно!³

И они все тоже бросились на Кандаву. Теперь уже Танову обратился в преследователя. Корзину же свою он оставил в Соло: так появилось там кольцо рифа. А скала там стоит и поныне.

Итак, битва на Кандаву началась. Они погнали Таутау-мо-лау к заливу близ Тилива. Наверное, ужасным было то зрелище: дух великой горы спрятался от своего неутомимого преследователя за какими-то камнями. А Танову стал на скалистом уступе — там тоже остались его следы и отпечаток его копья, упиравшегося в скалу, — угрожая оттуда врагу. Наконец он метнул копье, а мастерство его было известно всем, и копье воткнулось в землю на мысе, там, где прятался Таутау-мо-лау. Так герой с Оно побе-

дил, и с горы На-мбу-ке-леву принесли ему в дар богатое угощенье. Там были мандраи-вунди и свинина. А жители На-мбу-ке-леву славятся своими мандраи-вунди. Готовое кушанье режут на большие куски, а когда подносят мандраи-вунди вождю, куски эти кладут один на другой.

Часть того подношения так и не достигла земель Танову. Она осталась в Мало-ван, что на полу пути к Оно. Там до сих пор запечатлено то подношение в камне. А на вершине пирамиды из кусков мандраи-вунди лежит запечатанный поросенок, превратившийся в круглый валун. И место это так и называется — Соло-мандран-вунди. У фиджийцев же в ходу одна шутка: если нет мясного, они начинают подтрунивать друг над другом, говоря: «Сходи в Соло-мандран-вунди, там много свинины».

А часть тех даров все же достигла Оно и запечатлелась в камне близ Нуку-оло.

На самом берегу Оно, на вершине утеса, стоит большой камень. Это Танову. А внизу, под водой, скрываются еще два больших камня. Это жены духа. Ни одно дерево не смеет подняться между Танову и его женами, и не смеет загородить вид, что открывается произительному взгляду великого духа.

42. [Ра-сики-лау]

В старые времена на острове Зикомбия жил дух по имени Ра-сики-лау, Благородный Господин Сики-лау. Когда он шел, горы у него под ногами дрожали, а голова задевала за кроны самых высоких пальм. И в наши дни жители Зикомбии, лежа в жаркую ночь на берегу, слышат подчас, как дрожит земля, — значит, где-то неподалеку проходит Ра-сики-лау.

Ра-сики-лау спал с женщины-духом. Никогда не было никого прекраснее этой благородной госпожи. Приплыла она к ним с севера, родной край ее был так далеко, что никто и не знает его названия. Прошло время, у Ра-сики-лау и этой благородной госпожи родилось двое сыновей. Это были мальчики чудесной красоты и могучей силы. До того сильны они были, что им ничего не стоило выдрать мамакара¹ из земли с корнем и сделать себе из него палицу. Никому из нынешних людей такое не под силу. Если же они затевали игру в ловитки, то становились на разных концах острова, друг против друга, и кидались камнями — ведь в те дни еще не было ндава, которыми играют нынеш-

ние мальчишки². И Ра-сики-лау гордился своими сыновьями.

Но вот однажды мальчики поймали какую-то рыбу и стали спорить, кому из них она достанется. Обида и злость друг на друга все росла и росла, и наконец один из братьев схватил большой камень и в гневе швырнул в брата. Тут началось! Как стали они кидаться камнями, как за-свистали в воздухе огромные булыжники, а им — хоть бы что! Огромные камни, что летели издалека, о головы братьев раскалывались, словно косточки. С тех пор и пошла поговорка «Твердый, точно лбы сыновей, рожденных от Ра-сики-лау».

А в это время как раз появился сам Ра-сики-лау. Стоя в зарослях, он видел все, и в нем стал расти страх. Ведь он думал так: «Раз мои сыновья так сильны — а они еще совсем дети,— им ничего не стоит одолеть меня. Они вырастут и прогонят меня с моего же острова». При этой мысли он бросился к мальчикам, схватил их за волосы, столкнул лбами — и они упали замертво³.

Вот так случилось. Дух его исполнился тревоги, и он пошел к жене и сказал:

— Горе! Произошло ужасное: наши дети затеяли играть камнями, распалились и уложили друг друга замертво, убили друг друга страшными булыжниками.

Тяжким было горе бедной матери, и ничто не могло утешить ее. Много дней сидела она в доме и выходила только затем, чтобы взглянуть на могилы своих мальчиков. И Ра-сики-лау горевал, видя это, но все же молчал о содеянном.

На острове Муниа, что через лагуну, жил дух Коро-имбо⁴. Он проведал о горестях Ра-сики-лау и приплыл повидать его. С собой он привез разные подарки. Когда он высадился на берег, то увидел мамакара. Он впервые увидел их на Зикомбии: на Муниа таких деревьев не было. И он сказал:

— О, в тени этого дерева можно чудесно отдохнуть. А уж лучшей древесины я никогда не видел.

Ему очень захотелось, чтобы мамакара росли у него на острове. И вот что он придумал. Вечером, после ужина, он сказал Ра-сики-лау:

— О Туи Зикомбии,— а ведь Ра-сики-лау называли и этим именем,— никогда бы не произошло с тобой несчастья, если бы на твоем острове росли и плодоносили ндава. Ведь тогда твои дети кидались бы не камнями, а мягкими плодами — так и играют все остальные детишки. А те-

шерь, даже если рождаются у тебя новые дети, все повторится так, как уже случилось.

Тот отвечал:

— Все правильно, Коро-имбо, но что же мне делать?
На моем острове нет ндава, и взять мне их неоткуда.

Коро-имбо сказал:

— Дух мой клонится под тяжестью грустных мыслей о тебе, Туи Зикомбия. У меня есть ндава, и я подарю их тебе. А ты отдашь мне свои мамакара — я заберу их на Муниа.

Ра-сики-лау сказал:

— Хорошо, пусть так и будет.

И они обменялись деревьями, а чтобы скрепить совершенное дело, подготовили чашу янгоны.

Но и ндава не принесли Ра-сики-лау счастья: ничто не могло утешить его жену. Вскоре она умерла. А Коро-имбо сразу понял, что лишился замечательных деревьев. По сей день сидит он пригорюнившись над своими мамакара. Путнику, идущему мимо рощи мамакара в долинах Муниа, то там, то здесь слышен подчас горестный вздох Коро-имбо.

Никогда больше не поднимались ндава на острове Муниа, и никогда больше не вырастали с тех пор мамакара на острове Зикомбия.

43. [Роко-уа]

Некогда в Рева был великий дух. Звали его Ра-вово-ни-за-кау-нгава¹. Он водил дружбу с Ваи-руа, духом ветров из Ваи-руа². Жил Ра-вово-ни-за-кау-нгава один и уже давно подумывал о том, чтобы обзавестись женой. Наконец он решился и сказал другу:

— Снарядим лодку и поплынем в край Роко-уа, духа На-и-зомбозомбо³. Уведем от него женщин для себя.

Тот спросил:

— Когда отплываем?

Ра-вово-ни-за-кау-нгава в ответ:

— Отплывем мы ясным днем. Я не какой-нибудь там трус, чтобы прятаться и делать то, что задумал, ночью.

Все было приготовлено, друзья подняли парус и к заходу солнца пристали к берегу На-и-зомбозомбо. Стали ждать там, ждали день, два, три, но, против всех фиджийских правил, никто не выходил к ним и ничего не приносил⁴. Может, Роко-уа разгадал их замысел и запретил сво-

им приносить к лодке кушапья? Но в доме у него не все были так негостеприимны, как он. У него была дочь, красавица На-и-онга-мбуи. От нее исходил такой чудесный, такой сладкий и сильный запах, что, если ветер дул с востока, он, этот запах, летел с ним, и его чувствовал каждый человек на западе, а если ветер дул с запада, то запах летел вместе с ним на восток. Из-за этого дивного запаха и из-за чудесной красоты девушки все юноши были в нее влюблены.

Так вот, На-и-онга-мбуи велела одной из прислуживавших ей женщин приготовить ямса и отнести к лодке, а еще сказать, что хозяйка ее при первой возможности придет к незнакомцам. А чтобы доказать свою любовь, она велела всем женщинам На-и-зомбозомбо выйти днем ловить рыбу. Это было исполнено, рыба испечена, сама На-и-онга-мбуи взяла ее и почью отнесла духу, приплывшему из Рева.

Ра-вово-ни-за-кау-игава был в таком восхищении от нее, что согласился отплыть тотчас же. Но она уговорила его подождать до следующей ночи, и тогда одной из молодых женщин, живших при Роко-уа,— ее звали На-и-миламила — удастся бежать с ними. На-и-миламила была родом из На-и-зомбозомбо, но Роко-уа взял ее в жены против ее воли. Сам он тоже ее не любил и держал лишь затем, чтобы она чесала ему голову, искала в пей или убирала его кудри. Вот почему ее звали На-и-миламила. Грустно ей было жить, вот она и говорилась с дочерью мужа о побеге. А теперь настало время готовиться к нему.

Наступила условленная почь, и На-и-миламила была готова и бежала к лодке. Она взошла на палубу, и дух спросил:

— Кто ты?

Она отвечала:

— Я жена Роко-уа,— и еще сказала: — Собирайтесь и поскорее. Муж может сразу погнаться за мной. А что до На-и-онга-мбуи, то она вот-вот будет здесь.

И тут же послышался всплеск. На-и-миламила воскликнула:

— Она! Скорее!

В тот же миг лодка отплыла, увозя Ра-вово-ни-за-кау-игава, его друга и тех двух женщин.

На следующее утро Роко-уа узнал о побеге и решил преследовать их. Снарядили Ба-туту-лали — имя этой лодки происходило от имени огромного барабана⁵. А был этот барабан так звучно, что на всем Фиджи было слышно. На

палубу лодки положили палицу и копья Роко-уа. Они были такие большие, что понадобилось десять человек, чтобы их поднять.

Вскоре Роко-уа достиг Нуку-и-лаилаи. Взял копье, положил его, как мост, и сошел по нему на берег. Потом взял в руки копье и палицу и стал бродить в раздумье. И решил он так: «Плохо, если меня сразу узнают. Надо изменить обличье. В кого же мне обратиться? В собаку или, может, в борова? Стану боровом — не подпустят к дому. Стану собакой — заставят приносить брошенные кости. Все плохо. Превращусь-ка я в женщину».

Он пошел дальше по берегу и встретил старицу. Она несла корзину со свежим таро и с запеченными клубнями⁶. С ней и поменялся он обличьями — а она ни о чем не догадалась. Поменялся обличьем, спросил, куда она идет, узнал, где дом духа Рева, взял у нее корзинку, палицу с копьем оставил на берегу и пошел дальше. И он настолько изменил себя, что даже дочь его не узнала. Когда он был уже у входа, она спросила:

— Кто это?

Роко-уа, изменив голос, ответил:

— Я принесла кушанья из Мо-ни-са.

На-и-онга-мбуи сказала:

— Входи, старица, садись.

Роко-уа вошел и сел, да так, как все женщины садятся, чтобы не быть узнанным.

На-и-онга-мбуа спросила:

— Сегодня пойдешь назад?

Дух в обличье старухи отвечал:

— Нет, сегодня идти не за чем.

И еще Роко-уа сказал, что в доме душновато, а поэтому, может, им погулять и искупаться. Обе женщины, На-и-онга-мбуи и На-и-миламила, согласились. Дошли они до того места на берегу, где Роко-уа оставил палицу и копье. Там он припаял свое обычное обличье и воскликнул:

— Вы, низкие, знайте, кто я — я Роко-уа, ваш господин и повелитель!

Схватил их за руки, отволок в лодку и уплыл к себе.

А дух Рева увидел, что женщины нет, и опять вместе с другом поплыл к берегам На-и-зомбозомбо. Только он не менял своего облика, а потому люди Роко-уа мигом узнали его, втащили его лодку на берег, а его вместе с другом схватили и погнали в поле пасти свиней⁷. Долго жили они тяжело и горько, но вот однажды на Вануа-леву устроили большое торжество. Роко-уа и все его люди тоже отпра-

вились туда. Все сошли на берег, а дух из Рева и его друг остались охранять две большие лодки, на которых Роко-уа и все его люди приплыли к берегам Вануа-леву.

А двое несчастных понравились всем тамошним женщинам, и те все время приносили им пищу и подарки. И все же Ра-вово-ни-за-кау-нгава было больно и горько. Он взял большой корень янгоны и, посвящая его великим духам Рева, спросил:

— Неужели никто из великих духов Рева не сжалится над нами?

И тотчас в его друга вошел большой дух, так что Вайруа весь задрожал. Дух, вошедший в него, спросил:

— Чего ты хочешь?

— Урагана, и такого, чтобы враги мои потеряли всякий разум.

Дух сказал:

— Хорошо, ураган будет,— и с этими словами покинул их.

И вот торжества кончились. Роко-уа и его люди собрались плыть домой, в На-и-зомбозомбо. Но не успели они поднять парус, как налетел северный ветер, принес с собой шквал, едва не разбил их лодки и до смерти напугал их всех. И все же им удалось достичь На-и-зомбозомбо. Там дух из Рева стал просить восточного ветра, чтобы уплыть к себе. Люди Роко-уа вышли на берег, а женщин оставили, чтобы те вынесли из лодки все подарки и провизию. Тут-то и поднялся желанный ветер, унес лодку и домчал ее со всеми богатствами до Рева. Их раздали тамошним жителям.

Но Роко-уа не был еще побежден. Лодки его умчались, но у него еще оставалась лодка Ра-вово-ни-за-кау-нгава: ее отняли у духа, когда он во второй раз приплыл в На-и-зомбозомбо. Тотчас спустили эту лодку на воду и бросились в погоню. Приплыли к берегу Нуку-и-лаилаи, Роко-уа взял копье и сделал из него себе мост — так же как в прошлый раз. Вышел он на берег, и тут палица выскользнула у него из рук. Раздался такой страшный шум, что весь Вити-леву проснулся. На-и-миламила тоже услышала этот шум и сказала мужу:

— Будь пачеку. Роко-уа идет сюда. Я слышала, как ударила о землю его палица. Роко-уа может принять любое обличье, какое ни захочет. Может стать свиньей, собакой, женщиной. Может даже приказать скале разойтись и впустить его в сердцевину. Так что берегись, будь пачеку.

А Роко-уа тем временем повстречал на дороге девушку из На-идои. Она несла в дом к духу Рева раков, крабов, таро. Он тотчас принял ее облик, а она — его. Только она ничего об этом не знала.

Роко-уа с корзинкой подошел к дому духа, и На-и-онга-мбуи спросила:

— Кто это?

Роко-уа ответил:

— Я из На-идои, принесла кушанья для твоего мужа.

Посланную пригласили в дом. А когда она садилась, то села совсем не так, как принято сидеть у фиджийских женщин. К тому же руки и ноги у нее были очень большие. На-и-онга-мбуи щепнула об этом мужу.

Ра-вово-ни-за-кау-нгава потихоньку вышел из дома, собрал своих людей, еще раз рассказал им о всех бесчинствах Роко-уа, а потом сказал, что Роко-уа теперь у них в руках. Люди же, вспоминая, как Роко-уа поступил с Ра-вово-ни-за-кау-нгава, всегда приходили в страшный гнев. Они схватили оружие, ворвались в дом и потребовали выдать им девицу из На-идои.

На-и-онга-мбуи сказала:

— Вот она сидит, — показала на отца, и тут же страшный удар свалил Роко-уа наземь. Забили они его до смерти. Так настал конец Роко-уа.

44. [Нга-ни-вату]

Дух Роко-уа¹ отдал свою сестру в жены духу по имени Кова. Супруги жили необыкновенно счастливо, но счастье это продолжалось совсем недолго. Однажды эта благородная госпожа пошла вместе с мужем на риф ловить рыбу — и тут прилетела огромная птица, схватила ее и унесла под крылом. Птицу, что унесла благородную Туту-ва-зивази, одни называют Нга-ни-вату, другие — Нгуту-леи.

Несчастный Кова поспешил к брату жены, к благородному Роко-уа, и стал просить его о помощи. В знак почтения он преподнес ему корень янгоны.

Спустили на воду большую лодку и отплыли искать госпожу. Лодка принесла их к острову, где жили женщины-духи. Ни одного мужчины нет на этом острове, а женщины проводят время в развлечениях и состязаниях. Роко-уа захотел остаться там и сказал Кова:

— Не стоит больше искать Туту-вазивази. Посмотри, сколько здесь прекрасных женщин! И к тому же здесь очень много каури.

Но верному и безутешному мужу не было дела до этих прекрасных женщин, и он сказал:

— Нет, нет, Роко-уа, не надо оставаться здесь. Мы должны найти Туту-вазивази.

Братья приплыли на Ясава, стали спрашивать, не видал ли кто Нга-ни-вату. Их послали к Сава-и-лау, но птицы в пещере не оказалось. Они стали осматривать местность и нашли мизинец Туту-вазивази. Кова взял его себе в память о жене: он понял, что штица съела ее. Совсем немного времени прошло, и появилась птица. Братья сразу заметили ее приближение: ведь тень птицы, как туман, скрыла все солнце. В клюве у птицы было пять огромных черепах, в когтях — десять китов, и едва она достигла своей пещеры, как принялась за еду. Братьев же она не заметила. Роко-уа хотел ударить ее копьем, но Кова остановил его и стал звать на помошь трех других духов: он просил их послать сильный ветер. Поднялся ужасный ветер, распушил хвост страшной птицы, и тут-то Роко-уа всадил ей копье прямо в зад. Копье было очень длинное, но и его не хватило, чтобы проткнуть всю эту тварь: оно так и застряло в ее туще. Из ее крыла выбрали перо, чтобы сделать новый парус для лодки, но перо оказалось слишком тяжелое. Взяли перо поменьше и укрепили его как парус. А перед тем как отплывать в свой край, они швырнули тело этой птицы в океан, и тогда он разлился так широко, что достиг основания небес².

45. На-улу-ваву

В Коро-мба-санга жил один дух, звали его На-улу-ваву. Как-то вечером ему захотелось пабрать соленой воды. Он снял с крюка свой сосуд, пошел в Ву-и-нанди и хотел опустить его там в воду. А сосуд никак не погружался в пее. Тогда На-улу-ваву попытался пабрать воды в Рамби, но и там ничего не вышло. Так, переходя с одного места на другое, он добрался до моря, что между Сувой и островом Кандаву, и только там сосуд его наконец ушел под воду.

А как раз тогда мимо проплывала лодка Ронго-ванга. Длиною она была триста саженей. Лодка вошла в сосуд На-улу-ваву, да еще и повернулась внутри. Он же пошел домой и там опять повесил сосуд на крюк.

Вышел он из дома по большой нужде, и на подтирку взял листья огромной казуарини, которую разом вырвал из земли. Эту казуарину он швырнул прочь, и она упала

в На-и-зомбозомбо. Тамошние жители выдолбили из нее лодку, но спустить эту лодку на воду не могли. Роко-уа позвал две тысячи человек с Мбуа, но все равно ничего не получилось. Тут как раз На-улу-ваву пошел прогуляться в На-и-зомбозомбо; Роко-уа пожаловался ему, что им никак не удается спустить новую лодку на воду. На-улу-ваву же разом стащил ее с берега.

И они пошли в дом Роко-уа, и Роко-уа спросил у На-улу-ваву, не видел ли он его лодки, Ронго-ванга. На это На-улу-ваву отвечал, что недавно какой-то мусор и впрямь попал в его сосуд с водой. Тогда тридцать человек пошли к нему в Коро-мба-санга, там На-улу-ваву опорожнил сосуд, и Ронго-ванга вышла на свободу. Те тридцать человек сели в нее и поплыли в На-и-зомбозомбо.

46. [Луве-ни-ваи]

Луве-ни-ваи ведут свое происхождение от Нденгеи. И от него пошли идава, это он дал их нам. Говорят, он создал мир. Луве-ни-ваи — его потомки. Вот их имена: Матути, На-зири-кау-моли, На-кау-самба-риа, и есть еще другие, дети и слуги Нденгеи.

По утрам Нденгеи просыпался от крика своего петуха; Туру-кава звали петуха, будившего Нденгеи. Дух, бывший во главе всех плотников, — его звали Рокола — убил этого петуха, застрелил его из лука. Нденгеи, не услышав утром привычного кукареканья, впал в ужасный гнев. А узнав все, послал на землю ливень. С горы На-кау-вандра упали на землю потоки воды, унесли всех плотников, унесли самого Рокола. И, умирая, Рокола сказал только:

— Вы всегда будете помнить меня.

А кое-кто из мастеров спасся и достиг На-ита-сири. Кто-то оказался в Рева, и по сей день живут плотники в На-ндоро-каву. Они увезли с собой землю с горы На-кау-вандра. А про На-зири-кау-моли и На-кау-самба-риа говорят, что они уплыли в край, где живут светлокожие люди. Вот почему там столько всего разного умеют делать. Но и там теперь нет мастеров: они решили вернуться на Фиджи.

А Луве-ни-ваи живут в лесу; посвященные уходят к ним и месяц живут при них, обучаясь таинствам. Луве-ни-ваи входят в них. Человек, в которого входит Луве-ни-ваи, — его брат.

Приобщившись тайн, люди устраивают на святилище

праздник в честь Луве-ни-ваи. У Луве-ни-ваи служат люди из нескольких явус. Одна явуса — мата-ни-кау, и еще там есть явуса тава-воно. А люди из явусы мата-ни-ниу кладут на святилище кокос, садятся и поют:

Мата-ни-ниу кокос раскроют,
Кокос раскроют и прочь уйдут.

Так повторяют они несколько раз, а потом прокалывают кокос, и из него брызжет молоко. Они же поют:

Капли кокос роняет:
Плачет начало жизни¹.

А еще там есть такие, кого зовут ялева². Когда Туи Тумбоу³ первый раз приветствовал Луве-ни-ваи, он был ялева. Ялева готовят угощение, накрывают его банановым листом... Они раздают угощение людям, а калоу-рере⁴ поют:

Поспеет сейчас угощенье.
Хозяйка Луны⁵ готовит.
Готовит, чтоб потчевать Вуя⁶.

А последними приходят из явусы вёли. Вели — это молодые, юноши⁷. Они выходят на рара и поют так:

Явуса вели — порода летящих.
Коури пусто, входы закрыты⁸.

47. [На-нгай]

Однажды Нденгей послал На-нгай¹ в один лесок неподалеку. Надо было прогнать оттуда летучих мышей. На-нгай свалил железное дерево и сделал себе из него палицу — это была улу². Стал бросаться этой улу в летучих мышах. Так вот он гнал их прочь. А в один из бросков его улу улетела к мысу На-и-зомбозомбо, что на Вануа-леву. Он пошел по волнам за улу и увидел, что она плавает у самого мыса. Взял свою улу и решил:

— С ней-то и выйду я на здешний берег.

Эти слова услышал дух из Вуя. Он поспешил к своим друзьям и сказал им:

— Сюда идет один. Он хочет втащить на берег огромное дерево!

Все духи отправились посмотреть на незнакомца. Они были уверены, что ничего у него не выйдет, что дерево втащить на берег ему не удастся и тут-то они нападут на

него и убьют. Но На-нгаи без всяского труда ступил на берег со своим оружием в руке!

Пораженные этим зрелищем, восхищенные силой незнакомца, духи устроили ему пышный прием. На прощание же они обещали На-нгаи собрать в будущем множество богатств ему в дар. С этим и вернулся На-нгаи к себе.

В условленное время он вернулся в На-и-зомбозомбо. Духи подготовили ему горы пищи. Но к их изумлению, гость мигом покончил с ней. Итак, им не удалось накормить его досыта. И тогда они решили убить пленасытного гостя. Решили хитростью завлечь его в один дом, чтобы там и убить. А он не доверился им и сумел остаться в другом доме. Наутро они поняли, что перед ними великий цук, бросились к нему с мольбой, стали просить о покровительстве. Принесли ему приготовленные дары: циновки, ароматное дерево, плоды, рыболовные сети, калебасы, женское платье и украшения.

Он же одарил их в ответ. Сначала велел им поставить загон для свиней, а когда все было сделано, снял с руки повязку и вынул из нее целых сто свиней! Всех он посадил в этот загон.

В ухе На-нгаи носил украшение — кусочек тапы. Он потянул за эту тапу, потянул еще, еще, еще и еще — вот уже на земле ворохом лежали сотни саженей тапы с прекрасным рисунком.

Все это он подарил потрясенным духам. И еще они условились с На-нгаи, что вскоре навестят его в его краю.

Когда в положенное время они прибыли к На-нгаи, оказалось, что съесть приготовленное угощение им не под силу. Их хозяин оставил их у себя, а с вождем их поступили так, как они хотели поступить с ним: заманил его в один дом, и тот погиб. Наутро духи узнали, что остались без вождя. Они хорошо помнили, как сами собирались поступить с На-нгаи, а потому поспешно удалились.

И по сей день жители Вуя, попадая в Ракираки, уходят оттуда со всей поспешностью.

48. [Улу-пока]

В старые времена на Оно (и, говорят, еще на Лакемба) почитали духа по имени Улу-пока. Дух этот внушал людям страх и трепет, видели они его очень редко. У духа этого была только голова, и она перекатывалась по земле, просто катилась по земле, когда он шел.

Говорят, когда-то духи затеяли между собой сражение. Улу-пока — а это был злой дух — пал в том сражении. Голову ему отрубили и выбросили ее прочь.

Как бы то ни было, люди видели только его голову. Появление головы знаменует болезнь или даже смерть.

Обычно Улу-пока появляется в сумерках. Сидит человек у себя в доме, смотрит на улицу, и вдруг жуткое чувство охватывает его. Тут на рата выкатывается Улу-пока, подкатывается к порогу, со страшной гримасой влетает в дом. И уже уйти человеку нельзя, надо сидеть и ждать. Улу-пока кусает его за палец ноги и исчезает.

И еще Улу-пока любит забираться в большие корзины. Бывает, что никакого ветра нет, а какая-нибудь корзина катится себе по траве. Значит, в нее забрался Улу-пока.

ЗЕМЛЯ ДУХОВ И ПУТЕШЕСТВИЯ ТУДА

49. [Туи-лику]

В прежние времена на Оно нередки были засухи и жителям Мато-кано приходилось очень трудно. Одно только спасало их в час беды — богатый и плодородный остров Тувана. Лежит этот остров неподалеку от края духов, и они не оставляют Тувана своей благосклонностью¹.

Однажды жители Мато-кано отплыли туда на большой лодке, чтобы насобирать кокосов и много всякого другого съестного. Были там и мужчины, и женщины. Приплыли они на Тувана к заходу солнца: от Оно до Тувана надо плыть целый день, это не близко. Приплыли, наскоро набрали плодов, приготовили ужин и легли спать. Для сна там стоял у них шалаш. А место это называется Мбу-тони.

Наутро они проснулись и видят: за ночь поднялся сильный ветер. Стали думать, брать ли в обратный путь женщин или оставить их здесь на несколько дней. Медлить же было никак нельзя: в Мато-кано люди изнывали от голода, и потому мужчинам надлежало возвращаться на Оно без промедления.

Был среди них один человек, великий любитель приключений. Звали его Туи-лику. Женщинам он нравился своей красотой; мужчин же он часто обманывал, и они его недолюбливали. Когда разговор об отплытии начался, он встал и сказал, что пойдет собирать плоды. А на самом деле он задумал вот что: спрятаться в зарослях и отстать от своих. Прошло какое-то время, и он увидел, как лодку нагрузили припасами и стали поднимать парус. Тут он схватил корзину, набросал в нее всякого мусора, скорлупы кокосовых орехов и всякого другого, набил ее доверху, взвалил на плечо и к лодке! Но он хоть и бежал, да так, чтобы лодка все же успела отойти от берега. Приблизился он к берегу и увидел, что лодка уже отплыла. Прочь уп-

ливали все — и мужчины, и женщины. Он принял их звать:

— Вернитесь, вернитесь! — но в ответ капитан той лодки только засмеялся и насмешливо помахал ему. Видно, они разгадали его умысел и сами решили бросить его одного.

Лодка все удалялась, а он стоял и смотрел. Только когда она совсем скрылась из виду, пошел он к тому шалашу. И стало ему совсем не весело. Он долго сидел в шалаше, потом собрал себе еды, приготовил, поужинал и лег спать.

Проснулся он от голосов. Было совсем темно, ничего не видно, и он решил: люди вернулись за ним. Стал он их звать, спрашивать, зачем они с ним так обошлись, а в ответ услышал один только смех. Он прислушался к разговору, и говор тех людей показался ему чужим. Он страшно испугался и решил выглянуть из шалаша — подсмотреть, кто там. Только он чуть высунулся, как услышал голос:

— Туи-лику, а Туи-лику!

Он отвечал:

— Я здесь, благородный господин.

Голос сказал:

— Мы пришли за тобой,— и тут же невидимые руки схватили его и выволокли из шалаша.

В это время молодой месяц только выходил в небо. Тут уж он перепугался не на шутку, потому что понял — он попал к духам Тувана. Главный среди них — имя его неизвестно, но все зовут его Ндаку-пузи, человек со спиной, изогнутой, как у кошки, ведь это маленький горбун,— схватил его с ужасной силой и смеясь перебросил кому-то другому, тот подкинул его вверх, поймал, подскочили остальные, стали подбрасывать его, как орех, подбрасывать и ловить. Всю ночь играли они с ним, как детишкы играют с ндава², и к утру он был чуть жив. Но перед рассветом тот главный дух сказал ему:

— Мы тебя убивать не будем. Иди выспись, а потом мы опять придем за тобой.

Духи пустились прочь³, а несчастный Туи-лику поплелся в свой шалаш, что в Мбу-тони. Горе сразило его, но все же он уснул, а проснувшись и поев, немного успокоился и даже придумал, как обмануть духов. Ведь он был человек хитроумный. Итак, под вечер он собрал гору хвороста, сложил из него вал вокруг шалаша и поджег. Такой огонь разгорелся, что он спокойно лег спать, решив что даже духам не под силу через него пройти.

Проснулся он от визгливого смеха. О горе! Вокруг были головешки: духи притащили соленой воды в свернутых банановых листьях и притушили огонь. Туи-лику попытался бежать, да куда там — Ндаку-пузи схватил его за ногу, кинул кому-то еще, и опять они играли с ним до самого рассвета.

Весь день думал Туи-лику, как быть, и наконец придумал. Решил забраться на самую высокую кокосовую пальму и проспать там ночь — спать ему хотелось ужасно. Наступила ночь, и опять его разбудил смех. Только на этот раз духи никак не могли его найти; с верхушки пальмы ему было хорошо видно, как они бегали туда-сюда по берегу. Но вот одному захотелось пить, и он полез на ту самую пальму за кокосом. Все выше и выше он поднимался, все страшнее становилось Туи-лику. Наконец дух забрался на самый верх и увидел там Туи-лику — тот лежал весь скорчившись. Дух завопил, схватил несчастного и кинул своим прямо вниз! И опять они затеяли с ним прежнюю игру.

К утру он опять был чуть жив, а к тому же опять не выспался. Обессиленный, он добрался до Мбу-тони и проспал до полудня. Напился молока кокосовых орехов, выжал кокосовое масло, натер им синяки и ссадины. Приготовил себе земляную печь, поел и стал думать, как же быть дальше. «Да, — думал он, — прятаться от них на суше бесполезно: они меня где угодно достанут. Может, раз они духи, им не удастся забраться под воду?»

И вот он повалил высоченную кокосовую пальму — она росла у самого берега. Верхушка пальмы оказалась далеко в волнах, и волны тихонько покачивали ее. Он прошел по стволу, спрятался в листьях и уснул. Наступила четвертая ночь, и он думал, что теперь-то отдохнет и выпенится.

Голоса разбудили его только в полночь. На этот раз духи и не думали смеяться, нет, они очень сердились. Видно, им пришлось обыскать весь остров, и они уже стали думать, что Туи-лику уплыл прочь. Но все же Ндаку-пузи удалось заметить свежий пень. Он побежал по стволу и схватил Туи-лику за волосы. Как ликовали духи! Как горевал Туи-лику! Он-то думал, что они не умеют переходить волны. Одно только было хорошо: до рассвета оставалось недолго, а значит, и ему недолго было мучиться.

Наутро он передохнул, споткнувшись кокосовым маслом и стал думать, как быть дальше. На земле, на дереве и в воде он уже прятался, надо было придумать что-то

еще. Тут он заметил на берегу крабов каяки и тотчас понял: надо зарыться в песок, так, как зарываются в него каяки. «Тогда они точно меня не найдут», — подумал он.

И вот под вечер он зарылся в песок, только крохотную дырочку оставил, чтобы дышать.

Наступила ночь, духи стали его искать, искали, искали и не нашли. Наконец им надоело искать, и тут главный среди них сказал:

— Что ж, может, нам насобирать себе каяки для ночной трапезы?

И они принялись пробовать песок палкой, чтобы нащупать ходы, вырытые каяки. Именно так ищут каяки на приманку. Шли, шли по берегу, и так главный из духов добрался до того места, где спрятался Туи-лику.

— О! Какой огромный попался! — воскликнул он и вытащил из песка за нос Туи-лику.

На этот раз духи не стали подкидывать его. Они принялись носиться по берегу, а его тащили за собой. Раз за разом обегали они остров и волокли за собой бедного человека то по песку, то по воде. Он уж думал, что не выживет. Но наконец-то пришло утро, и духи с дикими криками швырнули его на пол шалаша в Мбу-тони.

Туи-лику проспал почти весь день, а когда проснулся, поел и стал думать, как теперь быть. Он сказал себе: «Я больше ничего не могу сделать. Прятаться мне больше негде. Хоть бы наши приплыли сюда из Мато-кано». И тут он пошел и срезал пять банановых побегов — една он вспомнил о своих, как у него появилась новая мысль. Он сделал так: срезал длинные побеги, в рост человека, разложил в шалаше на циновках и накрыл. Казалось, это люди лежат и спят. Сам он тоже лег спать.

Стемнело, и, как обычно, послышались те голоса. Но едва духи подошли к шалашу, как он услышал голос одного из них:

— Ой, они вернулись!

Тотчас духи пустились прочь, и издали раздавался только их шепот.

Потом они опять подкрались к шалашу. А голоса они изменили и стали петь, как женщины. Никогда еще на Тувана не раздавалось таких прекрасных песен. Цели они, пели, и наконец Туи-лику не выдержал, привстал с циновки, чтобы лучше их слышать. Тут же дух, прятавшийся у входа, сказал:

— Точно! Это Туи-лику. А остальные просто не люди,

иначе бы они обязательно проснулись. Это все его выдумки!

Духи ворвались в шалаш, схватили его и давай перебрасывать с одного конца острова на другой. Швыряли, швыряли, и к утру он даже двигаться не мог. Когда духи ушли, он сказал себе: «Еще одна ночь, и Туи-лику не будет». Повернулся на бок, заснул и спал до полудня. Приснувшись, поел и стал натирать свои ушибы маслом. Тело у него ныло, голова все время клонилась, а глаза закрывались от усталости.

Вдруг перед ним возник Линга-идуа, один из знатных вождей Мбуроту, покровитель Мато-кано⁴. Он спросил:

— В чем дело, Туи-лику, почему ты такой сонный, что тебя печалит?

Туи-лику ответил:

— Вся беда от здешних духов, мой благородный господин.

Он рассказал духу обо всем, что с ним было. Узнав об этом, Линга-идуа очень рассердился. Он пошел к себе — основание его дома сохранилось и по сей день; по нему видно, что дом этот был достоин духа. В доме у него был великий барабан, называвшийся Сангасанга-вале⁵. Он забил в этот барабан, и тотчас духи Тувана прибежали и уселись там в круг. Линга-идуа принялся бранить их, укорять и приказал им никогда больше не подходить к Туи-лику. Духи молча качали головами, пучками рвали траву и всем своим видом показывали раскаяние. Наконец Линга-идуа отпустил их, позвал Туи-лику и разрешил ему жить в своем большом доме, пока не приплывет какая-нибудь лодка из Мато-кано. Духи больше не будут беспокоить его.

— Я же отправляюсь в Мбуроту, — сказал Линга-идуа.

Тут Туи-лику набрался храбрости и попросил взять его с собой.

Линга-идуа сказал:

— Если твой дух пойдет со мной, он не сможет возвратиться в это тело. Ни одному человеку не удавалось еще вернуться из Мбуроту.

Но Туи-лику продолжал его упрашивать, и наконец Линга-идуа согласился. Он велел Туи-лику идти за ним след в след и вообще делать все в точности, как он, иначе на землю ему уже не вернуться.

Они сошли на берег, который лизали волны.

— Набежит белая волна — стой и жди, ничего не делай. Набежит черная волна — стой и жди, ничего не делай.

лай. Набежит красная волна — прыгай в нее, красная волна и доставит нас в Мбуроту⁶.

И он стал звать:

— Скорее сюда, плавучее веси, скорее сюда, плавучее веси!⁷

На Оно в те времена вожди плавали только в лодках из веси; простые же люди плавали в лодках, выдолбленных из ствола кокосовой пальмы⁸.

Налетела красная волна, и они оба впрыгнули в нее. Но только дух Туи-лику уплыл с Линга-ндуа в Мбуроту, а тело его волнами вынесло на берег. Место, где все это было, называется Ву-ни-ката-вату.

* * *

Итак, они достигли Мбуроту и вошли в поселок. Жили там знатные духи, и все дома были очень хорошие, все было очень красивое. Они пошли к общему дому, где сидел правитель Мбуроту со своими вождями. Правитель был отец Линга-ндуа. Он сказал:

— Приветствую тебя, Линга-ндуа. Мы рады твоему возвращению с земли людей.

Линга-ндуа сказал:

— Приветствую тебя, мой благородный господин,— и добавил: — С земли со мной прибыл мой товарищ. Он ждет у входа.

Линга-ндуа велел Туи-лику подождать, чтобы узнать сначала решение вождя.

Вождь сказал:

— Пусть войдет.

А в это время жители Мбуроту принесли дары Линга-ндуа по случаю его возвращения домой. Они все принесли по два молодых кокоса на одном черенке, как положено на Лау. Были там красивые кокосы и еще другие замечательные кокосы, желтые, каких Туи-лику никогда раньше не видел.

Затем приготовили янгону и стали ее пить. Все было сделано так, как подобает в Мбуроту. Пиршество окончилось, и Туи-лику тихонько подтолкнул Линга-ндуа и шепнул ему на ухо, что должен кое о чем его попросить. Ему очень захотелось взять этих кокосов на землю и посадить там. Линга-ндуа обратился к правителью Мбуроту и сказал:

— Мой господин, позволь моему мата-ни-вануа взять этих кокосов и посадить в своем краю.

— Хорошо,— сказал вождь,— пусть Туи-лику возьмет их.

Линга-идуа разрешил Туи-лику пройтись по поселку, но сказал, что нельзя заходить ни в один дом, какая бы красавая девушка ни завлекала его туда. Иначе он никогда не вернется на землю.

Итак, Туи-лику повидал все тамошние чудеса, побывал на пиру в доме вождя и вернулся с Линга-идуа на Тувана. Там, в местности Мата-ни-ваи, он посадил те желтые кокосы. И по сей день растут они там.

Прошел день на земле, и они снова отправились в Мбуроту. На этот раз Туи-лику унес оттуда кокос лека⁹. Пальмы лека не выше ребенка, а кокосов дают очень много.

И еще два раза плавали они в Мбуроту. Один раз Туи-лику взял там штичку мити, что так любит виться у кокосовых пальм, а в другой раз — семена пгаи-кула. Лека и пгаи-кула он тоже посадил в Мата-ни-ваи.

Но когда они вернулись из четвертого своего плавания в Мбуроту, Туи-лику увидел, что кулик клюет оставленное им тело. Одного глаза уже не было, кулик его выклевал. С гневом и горечью Туи-лику сказал:

— О горе, я не пойду в это тело! — Он был гордый человек, гордый и тщеславный.

Но Линга-идуа сказал:

— Ты должен. Так оставаться ты не можешь.

Пришлось Туи-лику вернуться в это тело. А вскоре туда приплыла лодка из Мато-кано, и он вернулся домой.

С того времени все стали называть его Мата-идуа, Одноглазый.

А кулики на Тувана по сей день кличут:

— Туи-лику, Туи-лику!

50. [Туи-лику]

Раз Туи Опо отплыл на Тувана. Женщины и Туи-лику тоже отправились туда. Побыли немного на Тувана, а потом было решено возвращаться на Оно. Но женщинам Туи Опо приказал остаться на Тувана. Туи-лику услышал это и спрятался в зарослях. Вождь Мато-кано заметил, что Туи-лику убежал, и увез женщин домой в своей лодке. Так Туи-лику остался один.

Пришла ночь, он лег спать, но тут пришли духи, извадяли его в грязи и стали подкидывать вверх. На рассвете они оставили его, но с заходом солнца вернулись. Туи-лику решил спрятаться в песок, но духи взяли каждый по большой палке и нашли его в песке. Потащили его к берегу, стали топить и подкидывать. И так до рассвета.

Туи-лику не на шутку задумался, как же ему спастись. Наступила ночь, и он решил спрятаться в верхушке кокосовой пальмы. Опять явились духи, стали искать его — в песке, на земле, в иле, на конец, на деревьях. Нашли, стащили вниз и стали катать по земле, как бревно. Мучили до света, а потом убежали.

Туи-лику стал думать, что же делать, думал, думал, а тут пришел Линга-идуа. Его называют еще Туту-матуа¹. Он спросил Туи-лику:

— Что поделываешь, о чем задумался?

Туи-лику сказал:

— Благородный господин, я погиб. Духи мучают меня.

Скажи, куда ты идешь?

Линга-идуа отвечал:

— В Мбуроту. А почему ты спрашиваешь?

Туи-лику спросил:

— А что, если я пойду с тобой?

— Идем, если не боишься, — ответил Линга-идуа.

Туи-лику сказал:

— Я попробую. На Тувана я все равно уже не могу оставаться.

И они отправились в Мбуроту. Шли они по тропинке на рифе — она до сих пор еще видна. Линга-идуа сказал:

— Следи за волнами, разбивающимися о риф. Одна за другой налетят три волны. Первая — черная, вторая — белая, третья — красная. В нее мы и должны вирьгнуть.

Они нырнули в красную волну и сразу оказались в Мбуроту, в доме Линга-идуа. В том доме была тьма женщин, которых Линга-идуа увел с земли.

А Линга-идуа велел Туи-лику взять с Тувана три плода кура.

Итак, они оказались в Мбуроту, и тут Линга-идуа сказал:

— Мы пробудем здесь три дня и три ночи. В первый день съешь первый кура, во второй — второй, в третий — третий. Никакой здешней пищи не ешь, иначе умрешь.

А через три дня Линга-идуа сказал Туи-лику, что пора возвращаться на Тувана. С собой он взял один кокос, из волокон которого плетут бечеву, и еще один малый, совсем маленький кокос, и еще побег краснолистной драцены, и еще один благородный кокос, и еще побег красного соусови. Теперь все они растут на Тувана. Когда Линга-Идуа и Туи-лику прибыли на Тувана из Мбуроту, они посадили все эти растения, и те прижились.

На земле Линга-идуа сказал:

— Я ухожу. Ты же возвращайся на Опо. Никому не рассказывай, где ты был: стоит тебе проговориться об этом, как ты окажешься в Мбуроту навсегда.

Прошло много времени, и Туи-лику решил, что он может рассказать, где он побывал. Он велел своим припести тапу и циновки, расстелить их и принялся рассказывать о Мбуроту. С последними словами этого рассказа он умер.

А на Тувана так появились кокосы. Оттуда же они попали на Опо.

51. [Мбулу]

Говорят, одному человеку из Драво удалось побывать в Мбулу и вернуться на землю. Когда его дух пришел в Мбулу, тамошние духи были заняты. Они собрались на пир и на состязания. Он увидел сложенные горой самые разные сокровища, увидел множество пищи — все кушанья были там, даже самые изысканные. Все духи, а их было видимо-невидимо, собрались, одетые в лучшие свои одежды, увешанные прекрасными украшениями.

Потрясенный, этот человек из Драво застыл у дороги. Он попался на глаза одному веселому духу, тот спросил:

— Откуда ты?

— Из Драво, благородный господин.

— Возвращайся к себе, нам сейчас не до тебя.

И дух умершего вернулся на землю как раз вовремя, потому что тело, оставленное им, только собирались хоронить. Он рассказал обо всем, а через несколько дней умер. Тогда его и похоронили.

52. [Туа-ле-ита]

Когда человек умирает, его дух отправляется к Нденгей, но не всем духам удается достичь предела Нденгей. По дороге, в проливе Моту-рики их поджидает ужасный великан с топором в руках. Неустанно сторожит он путь, ведущий к Нденгей. На всякого, кто проходит мимо него, он бросается, и горе тому, кого он ранит топором. Раненый дух не осмелится уже предстать перед Нденгей и навсегда остается бродить в горах. Вот почему близ Кау-вандра столько духов.

Но есть и такие, кому удается совладать с великаном. Один великий вождь умер, его похоронили как должно,

положили ему в могилу его ружье. Дух его достиг пролива Моту-рики, зарядил ружье, решил побороться с великаном. Тот тоже все увидал. Стал ждать, когда пуля пролетит, чтобы уклониться от нее. Ружье выстрелило, великан отклонился, а дух в это самое время бросился прочь и непредсказуемым добрался до самого Ндепгей.

53. [Самби]

Люди из Сава-ики были в гостях на острове Ова-лау. Один из них, Ра-вово, увидел там красавицу по имени Тина-ни-вату — о ее красоте было известно повсеместно на Фиджи. Он стал ухаживать за ней, и она принимала это благосклонно. Влюбленные решили тайком бежать; так пгауанцы вернулись к себе с невестой.

Увидев Тину, отец Ра-вово — его звали Такала — влюбился в нее без памяти и отнял ее у сына.

Тина-ни-вату очень полюбилась Такала, а все его жены возненавидели ее за это.

Однажды ночью женщины зажгли факелы и пошли на берег¹. Тина-ни-вату отстала от них. Море стало подниматься, и она поспешила к тому месту, где стояли лодки: пора было отплывать домой. Но, прибыв туда, где должны были быть ее спутницы, она поняла, что ее обманули. Женщины укрепили на глубине длинные шесты, а к ним привязали свои огни. Она стала звать — никто не отзывался. Сперва она решила, что над ней просто подшучивают, но потом попяля: они нарочно уплыли, а ее оставили на съедение акулам. Догадавшись об этом, несчастная принялась громоздить один на другой камни, чтобы забраться на них и переждать до отлива. Тяжким был ее труд, но смерть была страшней. Наконец все было готово, и она уселилась на верхний камень, стала дожидаться утра.

На рассвете туда пришел незнакомец с копьем в руке. Он вышел ловить рыбу. Тина испугалась смертельно: он заметил ее. Но заговорить с ней он не посмел — так изумила его красота этой женщины.

А был это дух. Он взял ее с собой в Мбуроту. Она уцепилась за его пояс, закрыла глаза, он нырнул головой вниз, и вскоре они оказались в чудесном краю.

В этом краю ей было очень, очень хорошо. Прошло время, у нее родился сын от того духа. Его назвали Самби. Ножки у ее мальчика были искалеченные.

Самби вырос очень непокорным и своенравным. Духи

не любили его — за то, что он родился от простой земной женщины. А сам он узнал о том, что мать его невысокого происхождения, лишь став взрослым. Узнав это, он решил отправиться в На-иау-куму. С ним вместе отправилось туда сорок духов. Все они приняли черепашье обличье: так им было легче доплыть до нужного места².

Когда все они прибыли туда, Самби оставил своих и поспешил в поселок. А пока его спутники выходили на берег, многое из даров растерялось. С собой же у них были белые раковины каури, совсем маленькие³.

Вот почему только в На-иау-куму на Ова-лау есть такие раковины. Чтобы получить их, надо ублажить Самби⁴, и тогда он разрешит собрать раковины на рифе.

ДУХИ И ЛЮДИ

54. [Кои-драу-на-марама]

В Виони, на Нгау, жили две женщины-тупуа. Возвращаясь с рыбной ловли¹, они имели обыкновение красть у людей бананы. Жители Виони, не досчитавшись своих побегов, решили подкараулить вора. И вот однажды ночью они выследили этих двоих и даже узнали, куда те уходят от людей. А уходили они под землю, и вход в их предел закрывал побег тростника².

Наутро люди из той явусы собрали всех на Нгау, чтобы поймать тех женщин. В условленное время пошли к той подземной пещере. Начали копать, шаг за шагом повторяя извины подземной дороги. Они немало потрудились, когда вдруг услышали голос:

— Остановитесь, не ходите дальше. Вот воздаяние вам за труд.

Тут перед их глазами появилась совершенно белая женщина. Они схватили ее и с торжественными возгласами отвели в Виони. Она стала женой вождя.

В положенный срок у нее родился сын. Но она совершенно не занималась им, не смотрела за ним вовсе. Однажды, когда люди стали укорять ее, она ответила им грубо и зло. Они в ответ стали попрекать ее тем, что она не из их числа,— и тут она, на глазах у всех, ушла под землю.

Снова собрались все у входа в подземелье и — такова была воля жителей Виони — снова принялись раскапывать подземную дорогу. Долго копали они и вдруг услышали страшный шум. Шум этот подняли те две женщины-тупуа. А потом, рассерженные, тупуа пустились прочь из негостеприимного края.

Прошли годы, и тупуа вернулись в Виони. Они вселились в двух местных женщин, и те стали служить им.

Всех одиночных путников тупуа безжалостно убивали. Люди стали бояться их, и никто уже не отваживался путешествовать в одиночку.

55. [Тава-ки-тиини]

Тава-ки-тиини — сын Ко-и-драу-на-марама¹. Раз его мать пошла ловить раков, а он висел у нее за спиной. Он упал, а она и не заметила. Так мать потеряла сына.

Мальчика подобрала старушка из Виони, она его и усыновила. Когда же он вырос, то сказал своей приемной матери, что уходит искать себе другой край. Оделся надлежащим образом, собрался в путь и сказал старухе, чтобы не смела смотреть ему вслед, иначе ее ждет наказание. С тем и ушел.

А старушка, как ни боялась наказания, не могла превозмочь любопытства и решилась взглянуть ему вслед. Только взглянула — и мигом окривела. А от нее пошло это к ее детям и внукам. Все поколения понесли наказание и несут его по сей день.

А у дома этого духа растет камелия: на ее листьях лежал малютка у старушки, когда она его подобрала.

56. [Камбуя]

Как-то одна женщина из Камбуя попала на риф ловить рыбу. Там она нашла камень, и он ей поправился: таким камнем удобно было бы прижимать к земле циновки, когда плетешь. Она взяла этот камень и спрятала неподалеку от берега.

Наутро она пришла к тому месту, а камня нет. Он укатился довольно далеко. И к тому же по следу, что тянулся между кустами, было видно: укатился сам! Она нашла его, вымыла и унесла домой. Села плести циновку, а камень положила как вес. Она плела и плела, а камень перекатывался вслед за ней, словно понимал, что от него требуется. Сначала она решила, что это все оттого, что она тянет циновку на себя. Но оказалось, что это не так. Да и камень был слишком велик, чтобы перекатываться от какого-то подергивания. Тут она и поняла, что это не обычный камень. Она поспешила к мужу и все ему рассказала. Он согласился с ней — камень не простой! Пошел к нему и стал его спрашивать:

— Кто ты? Что ты?

— Я тупуа, дух войны. Если я останусь у вас, в сражении вам всегда будет сопутствовать удача.

Спрашивавший отправился к своим и рассказал об этом в поселке. Все мужчины собрались поклониться камню. А через два дня уложили одного из своих врагов. Три или четыре дня прошло, и они убили еще одного. И вот уже всем стало известно об их силе. И все говорили:

— Это их новый тупуа, Камбуя.

Узнали об этом и в Рева. Пошли за тем камнем, чтобы перенести его в главную деревню. Но унести его удалось совсем недалеко: дух, сидевший в камне, сделал его невероятно тяжелым. За четыре дня его смогли перенести всего на четыре мили.

Неподалеку от Рева носильщики положили Камбуя под идава. На камень упал один плод с того дерева, и тупуа сказал:

— С этого дня пусть плодоносит идава в Тавуя и пусть стоят бесплодными идава в Рева.

Вот почему идава растут только в Тавуя.

57. [Сангасанга-вале]

В старые времена, во времена наших предков, люди много враждовали. Не стихали войны и на Опо. Все жили тогда в крепостях, поставленных на холмах, и никто не знал покоя. Но настал день, когда победителями стали жители Мато-кано. Вся земля попала под власть Туи Мато-кано. На Опо наступил мир. Только все смотрели с тоской на непелища домов, на обгорелые деревья, на разрушенные лодки и всякие другие утраченные богатства. Во время сражения погиб и великий барабан Мато-кано¹.

Оно — скучная земля, деревень здесь мало. Не растет здесь веши, дерево с замечательной древесиной, такое нужное для жителей островов Лау. Большое расстояние надо проплыть, чтобы получить лодки из веши, плошки из веши и все другое, что делают из веши наши братья на Камбара. Камбара далеко отсюда, путь на Камбара полон опасностей, а потому обычно рыбакские лодки делают на Оно из выдолбленного ствола кокосовой пальмы. Для далеких же плаваний пригодны только лодки из веши, они и служат жителям островов Лау быстроходными крепкими судами.

Однажды Туи Мато-кано собрал своих людей и велел им приготовить побольше лубяной материи, приготовить

тонкие циновки, какими славится Оно,— словом, приготовить все для со-леву жителям Камбара.

Плавание на Камбара оказалось спокойным, и духи были благосклонны к людям. На Камбара жители Мато-кано получили четыре лодки из веси, множество утвари и огромный новый барабан. Никогда до тех пор не было барабана, подобного ему. Он был сделан из лучшего красного веси², был гладким, как отшлифованный камень, а высотой был в половину человеческого роста. Звук из него шел непревзойденный: ничего лучше Туи Мато-кано никогда не слышал.

[Они погостили на Камбара, и] Туи Мато-кано сказал:

— Вот наш ветер, северный. Надо спешить домой.

Устроили прощальный пир, нагрузили лодки, и с рассветом жители Мато-кано отплыли на Оно.

Но к вечеру поднялся тока-вуки³, напугавший всех. Волны налетали одна за другой на лодки, неустанно мелькали черпаки. Так было всю ночь. А ветер все поднимался, волны становились все страшней. Туи Мато-кано крикнул:

— Поднесите Линга-иду яигоны! Без него нам не уцелеть!⁴

Однорукий Линга-иду был духом Мато-кано; тогда люди еще не знали веры в Христа.

Туи Мато-кано поклялся, что если они доберутся до Оно, то устроят для духа такой пир, преподнесут ему такие дары, каких раньше никто и не видывал. Тут волны стали спадать, ураган утих и задул добрый ветер. Наутро они уже видели вдали вершины гор Оно.

Так невредимые пришли они домой. Когда в Мато-кано увидели все, что было привезено с Камбара, все обрадовались. А Туи Мато-кано забыл про свое обещание. Забот у него было немало, и он сразу занялся своими ямсовыми полями.

Линга-иду же ждал и ждал обещанного пира, и гнев его все рос. Наконец он решил проучить Туи Мато-кано. И вот что он сделал.

Однажды вечером сидели люди на рара, отдохнули после дневных трудов. В это время из зарослей хлебных деревьев вышел незнакомый юноша. Глаза его горели гневным огнем, шел он прямо, один, ничего не боясь — ни один безоружный путник не войдет так в незнакомый поселок.

Ни слова не говоря, незнакомец подошел к огромному барабану — тот стоял у дома Туи Мато-кано. И тут Туи

Мато-кано увидел, что у незнакомца нет одной руки. Тяжко стало вождю, и он опустил голову в страхе, поняв, что перед ним Линга-идуа. А Линга-идуа обвел взглядом примолкших людей, громко рассмеялся и взлетел. Когда он летел, все видели у него в руке тень барабана с Камбара.

Наконец к людям вернулось мужество, они собрались с силами, осмотрелись. Барабан стоял на месте, и ничего, кажется, не было. Туи Мато-кано встряхнулся и сказал:

— Да, видно, я спал. И плохой же сон мне приснился! Надо устроить пир для Линга-идуа, недаром мне пришло это на ум.

Он подозревал одного человека и велел ему пробить в великий барабан — люди должны собраться и решить, что нужно для пира. Тот человек подошел к барабану, взял в руки тяжелые палочки и ударил ими по барабану. Ни звука не раздалось! Он посмотрел на палочки, на барабан и ударил снова. Опять ни звука. В страхе бросил он колотушки и пустился наутек. Туи Мато-кано очень рассердился и крикнул:

— Делай что тебе говорят, глупец! — сам же подошел к барабану и ударил по нему. Снова ни звука!

В молчании сел Туи Мато-кано у барабана, и все люди молча ждали. Стало ясно, что приходил к ним сам Линга-идуа. Все молчали, и тут с Тувана, где жил Линга-идуа, раздался слабый звук. Это стучал дух их барабана, и в его стуке была насмешка.

С тех пор барабан Мато-кано молчал. Тихой ночью часто можно было слышать голос его духа на Тувана. Этот голос означал, что Линга-идуа собирает к себе духов. Жители Мато-кано назвали свой барабан Сангасанга-вале, потому что вся их работа пропала даром.

58. [Духи Вакано]

В прежние времена в Вакано жило много людей. Один человек из Вакано женился на женщине из Тумбоу, но не жил с ней, а спал с разными другими женщинами. Она рассердилась на него и вернулась к себе в Тумбоу. Тогда вожди отдали такой приказ: жители Вакано должны вскопать целое поле под таро.

И те пришли в Тумбоу, и каждый нес на плече выкорчеванный из земли каштан. Они побросали их на землю, и получилась гора выше, чем дом вождя. А когда они

кончили копать, опять пришли в Тумбоу, теперь за положенным угощением¹. Но им приготовили не угощение: их ждала груда камней, покрытая парусами. Две женщины из Вакано ощупали всю эту груду, поняли, что под парусами — камни, и одна сказала:

— Горе, горе! Где та лодка, на которую мы должны взойти сегодня?²

Тут [люди Тумбоу] налетели на них с палицами и всех уложили; только тем двум женщинам удалось спастись.

Они убежали оттуда и поселились на Вату-сососо. За гибель своих они мстили тамошним людям так: ловили маленьких детей и запекали их в печи. А потом они решили отплыть на Туву-за, сели в лодку, но с места так и не сдвинулись: каждая гребла в свою сторону. Тогда они отволокли свою лодку на заболоченные поля Вакано и поставили ее там. А самих их вскоре постигла смерть. Болота, что лежат там, принадлежат им. Дием они готовят землю под таро, ночью крадут спелые клубни в Тумбоу, в Яндрана, где-нибудь еще, несут к себе и сажают. А утром они уже готовят печь.

59. [Госпожа Маи-ланги]

Однажды один старик трудился на своем участке — у него там рос батат; теперь на этом участке кладбище. А с неба упала на этот участок Нди-маи-ланги. Упала и сразу превратилась в ящерицу.

Старик увидел это и сказал:

— Ящерицу, упавшую с неба, я запеку и съем.

Ящерица же сказала:

— Посмотрим еще, кто кого запечет!

Старик схватил ее и пошел готовить печь.

Ящерица стала уговаривать его:

— Не губи меня, я буду сопутствовать тебе в плаваниях.

Старик в ответ:

— Я сам себе кормчий.

Она тогда:

— Не губи меня, я буду твоей покровительницей, и ты всегда будешь жить в достатке.

Старик в ответ:

— Если мы с тобой станем сравнивать свои богатства, ты увидишь, я выйду победителем.

Она тогда:

— Не губи меня, я буду сопутствовать тебе в сражении.

Старик в ответ:

— В сражении! Да я только что одолел тебя.

Она снова:

— И все же я буду помогать тебе в сражении.

И он согласился; сказал:

— Хорошо, будь так,— и с этими словами отпустил ящерицу.

С тех пор люди Ломалома никогда не вступали в битву; все делали люди Уру-оне, непобедимые в сражении. А вожди Ломалома приходили потом на пир и ели мясо убитых.

60. [Маи-ланги]

Госпожа Маи-ланги— женщина-дух, очень привязанная к молодым людям, особенно к молодым красавцам. Но для любого юноши день встречи с госпожой Маи-ланги страшен, потому что она тотчас завладевает его духом — ловит его точно так, как женщины в прилив ловят в свои сети рыбешку. Любой, кто хоть раз попадет под власть ее объятий, обречен чахнуть от любви к ней. В конце концов он умирает от этой любви, и тогда его дух оказывается в ее власти. А уж с этого времени доля его совсем тяжела.

Впервые она появилась в наших краях так.

Однажды все мужчины Уру-оне по обыкновению занимались своим таро на орошаемых уступах, что на севере острова. Женщины как раз пришли к ним с едой. Вдруг откуда-то сверху, с неба, раздался шум, и там на верху показалось что-то маленькое, размером с песчинку. Песчинка стала расти, приближалась к ним, росла, росла, и наконец все увидели, что на землю спускается женщина-дух. Она упала прямо в ручей, протекающий внизу, под уступами, на которых растет таро. Называется этот ручей На-келекеле. Она выскочила на берег и громко прокричала:

— Я цела и невредима. Я упала с неба — ау луту маи ланги.

С этими словами она исчезла, но все видели, как большая серая крыса побежала по тропинке, ведущей к Идаку, что в глубине острова. От слов, сказанных ею, и пошло ее имя — А-иди-маи-ланги, Госпожа С Неба¹.

На следующий день в Унду — а это часть Ндаку — люди опять видели крысу, и она заговаривала с ними. Так они поняли, что это госпожа Маи-ланги, и ужас охватил их. С тех самых пор она и обосновалась в Унду — дом ее там. Когда она хочет покорить желанного ей мужчину, появляется перед ним в облике прекрасной, благородной госпожи. Если же встречает женщину или мужчину, не нужного ей, никак не приукрашает свой вид, является старухой, мерзкой и ужасной. Возле своего дома она не терпит шума, так что, проходя мимо него, все должны говорить шепотом.

Однажды жители Уру-оне возвращались к себе с огромным деревянным барабаном: они вытесали его в Ндаку. Дошли с этим барабаном до Унду, а там решили, что не стоит тащить его к себе, пока еще кто-нибудь не придет на помощь. И оставили барабан там на ночь. Мимо проходила девочка, звали ее Сулиа-мели. Из озорства подняла она колотушки и ударила ими по барабану. На шум из дерева тотчас появилась старуха — это была госпожа Маи-ланги, — схватила девочку и сломала ей ногу. А вскоре Сулиа умерла.

Чаще же всего госпожа Маи-ланги является в образе прекрасной девушки, и ее лицо всегда обрамлено томби. Именно так появилась она перед Эмоси, местным священником. В этот день он шел по дороге в Ндаку. Она предложила ему сулуку (она всегда так завлекает мужчин), и он ее взял, но курить не стал. И только потому он остался в живых, а ведь он очень болел тогда — оттого что прикоснулся к подарку госпожи Маи-ланги. С тех пор и до наших дней юноши, идущие по дороге между Уру-оне и Ндаку, не принимают сулук от незнакомых девушек.

Другим юношем, повстречавшим госпожу Маи-ланги и оставшимся в живых, был Семеса из Уру-оне. Однажды он вместе с другими юношами лег спать в мужском доме. А ночью оказалось, что его перенесли на вершину горы Ндела-и-рара-муа. Перенесен он был в собственной циновке², в которую поплотнее завернулся от мошки. Перед первыми петухами он открыл глаза и — о ужас! — увидел над собой звездное небо. Великие дары принес его отец к дому Серой Крысы, пытаясь узнать, что же она задумала сделать с Семеса. В ответ услышал он только одно:

— Семеса свободен. Пусть остается в живых.

Так до конца и непонятно, что же это значило. Обычно госпожа Маи-ланги очень сурова и внушиает страх.

Нередко она забирает духи маленьких детей, уносит их

в своей корзинке, плетенной из пальмовых листьев. Унесет дух, и малютка начинает хворать. Если дух не убежит от госпожи Маи-ланги, не вернется домой, ребеночек умрет.

Туи-мерике, глухонемой с острова Онеата, очень нехорош собой, и ему госпожа Маи-ланги явилась в облике старухи. Ему удалось убежать от нее, и он жив до сих пор. А было это так. Однажды вечером он петоропливо ехал на пони из Ломалома в Муа-леву, и вдруг из-за дерева у самого Уру-оне вышла гадкая старуха и крикнула:

— Эй, куда путь держишь?!

Тут пони стал ужасно брыкаться и весь покрылся испариной — от страха. Туи-мерике понял, что перед ним дух, ни слова не ответил старухе, ударил по бокам пони пятками и галопом помчался прочь. Очень быстро он скакал, но так же быстро мчалась за ним по тропинке старуха: понял он это по страшному шуму. А когда обернулся, то увидел в ужасе, что весь этот грохот — точно топот тяжелых конских копыт — раздавался оттого, что на бегу ее обвисшие груди били по земле. Из последних сил перелетела его лошаденка через мост у границы Муа-леву, и тут госпожа Маи-ланги остановилась³. А вслед ему она крикнула:

— Смотри, Туи-мерике, только твоя прыть спасла тебя сегодня!

И еще был человек по имени Иосефа, он тоже видел госпожу Маи-ланги, но совсем не пострадал от нее. А все потому, что не она застала его врасплох по своему обыкновению, а он ее. Дорога, идущая вдоль берега, у Ватукалове очень круто поворачивает. Там-то и застиг Иосефа госпожу Маи-ланги. Он вышел из-за поворота, а она сидела прямо на земле, задумавшись. Язык у нее болтался наружу, а он длинный, локтя четыре, и, словно, змея, завивался по земле. Заметив его, она вскрикнула, со скоростью молнии бросилась в воду, проплыла, наверное, саженей сто и вышла на сушу у берега гораздо ниже.

Если же вместилищем ее становится крыса, любой может смотреть на нее. А своим людям, жителям Уру-оне, она даже помогает и дает силу. И по сей день перед состязанием в метании дротика они должны принести ей корень янгоны. Дары свои складывают у пия старого капитана — в этом каштане и жила прежде старая крыса. Но теперь ее редко можно увидеть — ведь А-паи-тиа, последний Туи Уру-оне, приказал срубить каштан и росшее рядом дерево макосои. А в старые времена так было при-

нято: воздавая госпоже Ман-ланги должные почести, люди смиренно склонялись перед норой под тем каштаном. Затем жрецы — они происходили всегда из явусы на-иви-киламо — брали хворост и зажигали его. Тут-то и появлялась большая серая крыса, выбегала наверх по стволу каштана, перескакивала на ветку макосои. Сидя на ветке, она отвечала на вопросы, обращенные к ней. А потом она спускалась, жрецы натирали ее маслом и угождали ей, подавая лучшие куски всех кушаний.

Серая крыса всегда появлялась в знак того, что кто-то из явусы на-уто — а это в Уру-оне явуса вождей — должен умереть. Но настало такое время, когда очень много смертей нашло на эту явусу. И Туи Уру-оне решил, что сумеет остановить эту вереницу смертей, если убьет крысу. Он взял с собой несколько своих, пошел в Ндаку и срубил те два дерева. Но крысе удалось бежать, и изредка она появляется до сих пор. Сам же Туи Уру-оне вскоре умер⁴.

61. [Лева-ту-момо]

Один человек, по имени Эпери, жил в поселке На-ваивваи, что в Мба. Но он оставил жену и детей, отправился жить в Вамбули. Прошло какое-то время; он собрался на праздник в Нало-тава, а по дороге туда ему пришлось пройти родной поселок, На-ваивваи. Было уже темно, и он решил остаться там на ночь. Стал искать, где же ему заночевать. Дома в поселке стояли пустые, ведь все уже ушли на то торжество. И вот он решил улечься в большом мбито. Стало уже совсем темно, и он развел огонь во всех очагах. Очень одиноко ему там было, и он стал разговаривать сам с собой — сперва задавал себе вопросы, а потом сам на них отвечал. Вдруг слышит: спараги кто-то кашлянул. Он спросил:

— Кто там?

А это была Лева-ту-момо, женщина- дух. Она и говорит:

— Вы что там, уже спите?

Энери в ответ:

— Нет, еще не спим.

Потом сделал вид, что разговаривает с кем-то внутри мбито¹, и говорит:

— Не спи, не спи, еще рано.

Тут Лева-ту-момо вошла в дом. Вошла, взяла его за руку и некоторое время молчала. Совсем молчала, только

смотрела на него. Очень она была страшная: глаза впалые, щеки в жутких морщинах, нос острый, нижняя губа выпячена, подбородка почти нет и верхней губы совсем не видно. Волосы у нее были длинные, до колен, а сама она была совсем мала. Вот так смотрела она на него, смотрела, а потом обглодала на нем все мясо, одни кости оставила и кожу. Так он умер.

62. [Рату-маи-мбулу и Коро-ика]

Коро-ика, вождь, живущий в Соко на Мбау, похвалялся, что не верит в силу Рату-маи-мбулу. А этот дух воплотился тогда в змее, лежавшем в небольшой пещере, что не подалеку оттуда. И вот Коро-ика решил отправиться туда, чтобы доподлинно узнать, дух Рату-маи-мбулу или нет.

Коро-ика сел один, никого с собой не взяв, в лодочку, нагрузил ее мелкой рыбешкой и отплыл к берегам той местности, где, как говорили, жил дух. Приплыл туда и увидел, как из пещеры выползает змей.

Он спросил его:

— Благородный господин, не ты ли великий дух Рату-маи-мбулу?

Змей отвечал:

— Нет, я его сын.

Вождь одарил его рыбой и попросил позвать отца. Тут появился другой змей — это был внук Рату-маи-мбулу. Коро-ика одарил рыбой и его тоже попросил вызвать Маимбулу.

Наконец появился такой огромный, такой благородный по всем повадкам змей, что стало ясно — это и есть великий дух.

Коро-ика обратился к нему:

— Благородный господин, вот, я принес тебе немногого рыбы.

Дух-змей принял подношение и отправился к себе. Перед самым входом в пещеру его настигла стрела Коро-ика. Сам Коро-ика тотчас спрятался, но вслед ему полетел голос духа:

— Змеи и только змеи! Змеи и только змеи!

Коро-ика прибыл к себе и, успокоившись, велел подавать еду. Принесли кушанья, собрались выкладывать их, но тут голодный вождь услышал крики ужаса: в горшках было полно змей!

Коро-ика схватил сосуд с водой и воскликнул:

— Хоть воды напиться! — по вместо воды оттуда полезли змеи!

Ни еды, ни питья; ничего не оставалось, как лечь спать. Только он разложил циновку и приготовился лечь, как на нее поползли бесчисленные змеи.

Он бросился прочь, побежал в поселок и, проходя мимо святилища, услышал, как жрец говорит:

— Один человек ранил духа!

Теперь жителей поселка ожидало наказание.

Коро-ника ничего не оставалось, как приготовить соро. Он вернулся к себе, собрал дары, и тогда лишь был прощен.

63. [Сина-те-ланги]

В старые времена, когда в Кенденкенде еще был поселок, там жил Тун Лакемба. У правителя острова Лакемба и госпожи острова Лакемба была дочь Сина-те-ланги. Она уже выросла, стала девушкой. Ей надлежало все время прятаться в доме. В ее честь устраивали пир, приносили ей дары¹.

Однажды госпожа острова Лакемба сказала своим женщинам, что надо идти ловить рыбу в На-идава. А циновки и материю она выложила на солнце. Отправляясь со своими за рыбой, она наказала дочери:

— Сина-те-ланги, следи за циновками. Я выложила их на солнце. Смотри не усни, а то начнется дождь, и все намокнет.

Сина-те-ланги сказала:

— Не волнуйся, ступай спокойно.

Но вскоре она уснула. В это время начался ливень, залил все циновки, вынес их на берег, а оттуда течением их прибило к берегу На-идава. Там их увидела госпожа Лакемба. Она сразу дала приказ возвращаться. Они поднялись в Кенденкенде, а Сина-те-ланги спит себе! Мать ударила ее и прогнала прочь.

Сина-те-ланги рассердилась и оскорбилась; в слезах пошла она прочь, шла, шла вдоль берега и дошла до Ванга-талаза. Там набрала кокосов, связала их вместе — получился плот. На нем поспыла она на запад. Никакой провизии у нее не было — одни кокосы.

Плыла она, плыла, и вот уже Лакемба скрылся из виду. Она легла и долго лежала. Вдруг прилетела огромная птица, заслонившая солнце. Сина-те-ланги решила

сначала, что это туча, а потом поглядела вверх и увидела, что это огромная птица. Сина поднялась на ноги, а тут птица бросилась вниз и чуть не проглотила девушки! Но Сина успела зарыться в ее перья и уцепилась за них.

Птица взмыла вверх и все пыталась схватить девушку, уже на лету. Но ничего у нее не выходило, и она снова стала снижаться. Когда они оказались над Лелеу-виа — это недалеко от Мбау, — Сина-те-ланги увидела большой лес и репнилась на прыжок. Она думала только об одном: как уйти от ужасной птицы. И вот она разжала пальцы и упала в самую гущу леса. А кроны деревьев скрыли ее от птицы, как изгородь. Птица попробовала спуститься за девушкой, но ничего не вышло, и она улетела. А девушка, поняв, что птица улетела, спокойно пошла на берег купаться.

В те времена на Мбау жили люди мбу-тони и люди левука. Знатные же мбауанцы жили в поселке на большом острове², в Кумбуна.

Один старик из числа левука отправился ловить рыбу. Сын его был еще мальчиком, и он отправился наловить рыбы для него. И вот отец с сыном приплыли к берегу острова Томбе-руа. Вышли на берег, пошли в лес и там увидели Сину-те-ланги. А кожа у нее была цвета спелого апельсина. Старик же был совсем черным. Он увидел девушку, репнил, что это дух, и сказал:

— Ты из духов, не из людей!

А она в ответ:

— Ты — из духов, не из людей.

Тогда он спросил:

— Откуда ты?

Она отвечала:

— С Лакемба.

Старик спросил:

— Где это, Лакемба?

Она отвечала:

— Ближе к тому краю земли, где восходит солнце.

Он спросил:

— А где твоя лодка?

Она отвечала:

— Моя лодка — кокос. Я убежала из дома в обиде и гневе, связала вместе кокосовые орехи и уплыла на них. Потом прилетел ястреб, уселся на мой плот, а я уцепилась за его перья. Он полетел дальше, я с ним. Он потом снизился над этим лесом, и я соскочила на землю.

И старик сказал:

— Идем с нами.

Отец и сын взяли ее с собой и вернулись на Мбау.

Они решили спрятать ее, чтобы никто из знатных мбауанцев не видел, а то заберут к себе. И вот, когда подплыли к берегам Мбау, спустили парус и завернули девушку в него. А было уже темно. Старик наказал сыну молчать.

Итак, он взял сверток и понес его к себе в дом, а там положил на полку под потолком. Жена спросила:

— А где корзина с рыбой?

Старик сказал:

— Осталась в лодке.

— А что же ты так торопился с парусом?

Старик ответил:

— Дождь собирается, вот я и торопился, чтобы парус не промок. А ты сходи за корзиной.

Старуха пошла за уловом, а старик быстро залез на полку и развязал веревки, стягивавшие парус, чтобы гостье было свободней. Но жене он ничего не сказал.

Они сели есть, а когда поели, он поставил то, что не доел, на полку со словами:

— Пусть холодная еда стоит здесь.

И она тоже поела.

Так он кормил ее.

Однажды на Мбау поймали большую рыбу — это была сауга — и надолго запаслись ее мясом. А из ее ребер дети сделали себе луки.

Некоторое время спустя одна женщина из числа левука взяла своего внука и отправилась с ним на большой остров, в поселок Кумбуна. А с собой она взяла мясо той самой рыбы. Пошли же они торговаться.

Пришли в дом одного знатного человека, и тут ребенок заплакал от голода. Бабка спросила:

— Чего же ты хочешь?

Малыш сказал:

— Где та наша рыба?

Бабушка достала из корзины кусок рыбы и дала ребенку. Он стал есть, и это заметил знатный хозяин дома. Он подумал: «Что это он ест? Не рыбу ли?» — и спросил у бабки:

— Что это ест твой внук?

— Рыбу, благородный господин.

— И кажется, не маленькую!

Старуха хотела отпереться, но у нее ничего не получилось. Тот знатный человек стал спрашивать:

— Из чего это у мальчика сделан лук?

Ему подали кусок рыбы и лук, и он сказал:

— О, да вы поймали огромную рыбу!

Женщина и ребенок ушли, а знатные люди Кумбуна собрались на совет и стали думать, как поступить. Наконец их вождь сказал:

— Люди левука должны заплатить за это.

Посланный отправился к людям левука и сказал, что они должны привезти вождям дары в знак раскаяния. Старшие из левука собрались и стали думать, чем же им платить. А тот старик пошел к гостье с Лакемба и спросил:

— Мы сможем добраться до твоей родной земли?

— Да,— сказала она.

Тогда старик собрал людей мбу-тони и людей левука и сказал им:

— Готовьте лодки.

Домик на палубе его лодки поделили на две части. В одной он спрятал Сину-те-ланги — принес ее туда рано утром, завернув в луб, чтобы никто не видел, и сказал всем, что эта часть домика — табу и что там живет дух.

— Никто не должен заходить туда,— сказал он,— там живет дух, который помогает нам в плавании.

Когда же они вышли в открытый океан, старик все время спрашивал Сину-те-ланги, как им плыть. Своим же он только и говорил, что с ними плывет дух. Никто не знал, что плывет с ними обыкновенный человек. Лишь отец с сыном знали это.

Плыли они, плыли и достигли берегов Левука, что на острове Ова-лау. Тут они хотели остановиться и наделать горшков из тамошней глины, но старик, прятавший в домике девушку, сказал:

— Поплывем на Коро.

Они достигли Коро, и люди мбу-тони стали говорить:

— Мбау далеко отсюда, останемся здесь!

Старик спросил Сину:

— Далеко ли до твоей земли?

Она сказала:

— Да, Лакемба гораздо дальше на восток.

Тогда они подняли парус и поплыли дальше. А мбу-тони остались на Коро. Так что люди левука плыли теперь одни.

Они приплыли в Сомосомо, что на Тавеуни, и стали говорить:

— Останемся здесь, вылепим горшки из здешней глины.

Но старик сказал:

— Поплывем на Лау-зала.

Они же все воскликнули:

— Старик точно не в себе! Тянет нас на Лау-зала.

Приплыли на Лау-зала, старик поднялся на гору и увидел внизу острова На-и-таумба и Язата. Он сказал своим:

— Поплывем вон к той земле.

Они поплыли дальше и достигли острова На-и-таумба. Оттуда поплыли прямо к острову Каназеа.

Старик отвернул занавес, за которым пряталась знатная госпожа, и спросил:

— Вон там твоя земля?

Она сказала:

— Нет, земля Туи Лакемба — Зизиа.

Он спросил:

— Где же этот остров Зизиа?

— Дальше, там,— отвечала она.

Тут как раз вдали показался берег Зизиа.

Старик опять пошел и сказал:

— Там показалась какая-то земля.

— Это начинается мой край,— сказала она.— Это и есть остров Зизиа.

И старик приказал:

— Идем к берегу.

Они пристали к берегу, все пошли на землю. На палубе остались только старик и девушка. Он позвал ее из укрытия, и она сказала:

— Да, это уже земля правителя Лакемба.

Он велел ей:

— Собирайся.

Она надела свою юбочку, и они пошли к дому тамошнего вождя. А жена вождя увидела их и сказала:

— Госпожа, что идет с тобой, похожа на благородную Сину-те-ланги.

Старик сказал:

— Это она и есть.

Тут женщины заплакали, затянули плач, как по умершей.

А все приплывшие со стариком уже были в поселке. Они сказали:

— Кто-то умер!

Им ответили:

— Никто не умер. Это плачут над госпожой, которую вы привезли с собой.

Те удивились:

— С нами никого не было.

Но жители поселка сказали:

— С вами была госпожа, о которой горевали все на Лакемба.

И люди левука сказали:

— Какой скрытный оказался старик!

Местные жители приготовили для гостей дары — раскрашенную тапу в сто саженей длиной и мотки плетеной веревки. Построили дом и сложили в нем все это, чтобы жители Левука забрали дары на обратном пути. Пока же люди левука отплыли на На-иау. Там им тоже приготовили дары и тоже сложили в отдельном доме.

Когда они спустили паруса у берегов На-иау, лодка, на которой пряталась Сина-те-ланги, первой пристала к берегу. А у них был такой обычай: люди, чья лодка первой пристанет к берегу чужого острова, становятся ндау³ этого острова. Лодка с Синой-те-ланги на борту первой пристала к берегам Лакемба, так что плывшие в ней стали ндау Лакемба. И по сей день называют их Ндау-ни-лакемба.

Итак, они поплыли дальше и пристали к берегу в На-иау-тока. Решили идти в Кендекенде. Почернили лица, надели тюрбаны. А на Лакемба днем в тюрбане мог ходить только сау и его люди. Жители Тумбоу же надевали тюрбаны по ночам.

По пути в Кендекенде они прошли мимо местных жителей, возделывавших таро. Те стали спрашивать:

— Что за люди идут днем в тюрбанах? Откуда вы?

Гости отвечали:

— С Мбау.

— А где это, Мбау? — спросили люди Лакемба и вместе с неизвестными пошли в Кендекенде.

Мать и отец девушки от горя ничего не брали в рот с того дня, как она пропала. Тут явились люди левука и сказали:

— Мы привезли Сину-те-ланги!

Жители Кендекенде обрадовались, сказали вождю, он поднял глаза и увидел, что дочь его жива! Теперь он мог есть⁴.

От самого берега до Кендекенде расстелили тапу, чтобы ноги Сины-те-ланги не касались земли. Устроили пир на весь остров.

Туи Лакемба сказал:

— Все прекрасно. Сина-те-ланги нашлась. Сина-те-ланги вышла замуж за человека левука.

Но тут старик сказал:

— Она не жена нам, она наша дочь. Пусть она выйдет замуж на Лакемба.

— Хорошо.

Гости поплыли на Мбау. Взяли дары, приготовленные им на На-иау; взяли дары на Зизиа. И поплыли прямо на Мбау; а все богатства надлежало отдать мбауанцам. Расплатившись с мбауанцами, они вернулись на Лакемба. В На-ву-тока поставили они поселок, а свое святилище назвали На-вата-ни-таваке — в память о святилище на Мбау.

Узнав, что с наветренной стороны есть еще острова, они поплыли разведывать их. Так побывали они на Комо, Намука, Фуланга, Онгеа. Оттуда поплыли на Ватоа — это был самый дальний из известных островов: Оно тогда еще не знали. На Ватоа они совершили обряд⁵.

А там было пустое дерево эвуэву, и в стволе его жили духи Матанги⁶. Когда люди левука стали танцевать, духи выгляднули из дерева, чтобы посмотреть на танец. И всякий раз, когда они выглядывали, танец сбивался, и у людей ничего не выходило.

Закончился танец; было решено: «Споем свою песнь, а завтра отправимся на Лакемба». Люди запели, а духи опять выгляднули из дерева, и песня сбилась.

А один старик сидел у самого логова духов и плел веревку. Вот на землю упала тень духов⁷, и так он их заметил. Заметив духов, он взял готовую веревку, сделал на конце большую петлю, укрепил веревку на суку того дерева и сказал своим:

— Пойте, пойте дальше. А если я скажу «тащите», тяните поскорее за эту веревку.

Люди запели, и духи снова выгляднули. Старик крикнул: «Тащите!» — и людям удалось поймать духов. Матанги оказались крепко связаны.

Старик сказал:

— Несите их сюда, сейчас мы их убьем. Это они мешали нашему танцу.

Духи взмолились:

— Не губите нас!

Люди согласились пощадить их, если они помогут в плавании и покажут неизвестные земли. Матанги обещали показать людям остров Оно, и те их пощадили.

Положили их в лодку, ногами к носу, головой к корме.

И вот поплыли на Оно. А Оно раньше был совсем близко к Ватоа. Но во время того плавания Матанги все даль-

ше и дальше отпихивали его ногами, чтобы его не было видно. Так он оказался вдали от Ватоа.

Матанги все дальше и дальше отодвигали Оно; наконец старик, поймавший их на Ватоа, заметил это. Он сказал своим:

— Мы не попадем на Оно, если не положим их ногами к корме. Поверните их.

Повернули, и лодка достигла Оно. Они пристали к берегу и исполнили танец в Мато-кано. Это был танец копий, и в волосы их вождя было вдето перо⁸. Пока они танцевали, духи прорыли подземный ход. Кончался он на святилище. Только собрались жители Оно на святилище, чтобы петь,— танцоры, пройдя этим ходом, оказались среди них.

Жители Оно решили:

— О, да это духи, выходящие из-под земли!

Многие бежали прочь, но кое-кто остался.

А потом люди левука стали спрашивать духов:

— Есть еще тайные земли?

Духи отвечали:

— Тувана-и-золо, Тувана-и-ра.

Тогда отплыли на Тувана. Пристали к берегам Тувана; старшие пошли посмотреть остров, а в лодке остались только дети. Матанги сказали им:

— Развяжите нас, мы научим вас новому танцу.

Дети постарше стали говорить:

— Нет, нет, нельзя их развязывать.

Но духи все же уговорили детей, и те их освободили.

Матанги забрались на самую верхушку мачты и зачели.

Тувана-и-золо, Тувана-и-ра,

На-сали — посередине.

Мбуроту⁹ совсем не виден для глаз,

Отец и мать его прячут.

Распевая, они стали приплясывать и потоцили лодку. Дети¹⁰ все погибли, а духи скрылись. И по сей день слышен детский плач в том месте, где затонула лодка: это плачут духи детей. В безветренную погоду их хорошо слышно. И еще по сей день в Левука о непослушном ребенке говорят так: «Вот кто выпустил Матанги». Вообще же дети левука очень непослушные, и им что ни говори — все бесполезно.

А те старшие вернулись на Лакемба и живут там теперь.

64. Как люди лифука оказались на Лакемба

Мы, дети лифука, живущие на Лакемба, не настоящие жители Лакемба. Наши отцы жили на Мбау, и это была их земля, пока не пришла какая-то явуса с Вити-леву. И боролись они много дней, и пришел в смятение дух наших отцов. Тогда они вскричали: «Орро!»¹ — и сказали тем, чужим:

— Оставьте нас в живых, мы будем служить вам.

На это те вожди ответили:

— Вы будете жить и станете нашими рыбаками.

И так сделались наши отцы рыбаками у мбауанцев. Это было в старые-старые времена, когда нас было много и мы жили все вместе в своем kraю. Было у нас там два рода — мбу-тони, жившие вдоль берега, и люди лифука, жившие в глубине острова. Вот почему их называют горцами². И то были хорошие дни, потому что люди с Мбау были добры к нам. Они были большие, высокие, настоящие вожди, и вели себя как подобает вождям. Мы любили их и всегда воевали на их стороне и побеждали везде, и стала наша земля великой и могучей. Во всех поселках па берегу боялись пас, все приносили нам дары и считали своими властителями. Зло же все пошло из-за огромной рыбы — из-за одной огромной рыбы вспыхнула вражда между нами и мбауанцами; так были изгнаны мы из своего kraя — земли отцов — и оказались разбросаны повсюду на Фиджи. И вот как это вышло. Некоторые из наших пошли на риф ловить рыбу и пронзили копьем одну рыбину — такую огромную и длинную, какой раньше и не видали. Никто даже не знает, как она называется — известно только, какая она была огромная. И она была очень вкусная.

Наши сказали:

— Зачем нам пести эту рыбу к нашим господам, детям Мбау? Лучше мы съедим ее сами и будем молчать об этом, чтобы не стало ничего известно и не вышло из этого зла.

И они съели рыбу, и все молчали об этом, даже женщины, и так это оставалось неизвестным. Но один мальчик взял ребро той рыбы и сделал из него себе лук: ребро было длинным, прочным и очень подходило для дуги лука. А мать этого мальчика — ее звали На-мбуна — положила в корзину наживку, и они вдвоем пошли на риф ловить рыбу³. Мбауанцы тоже оказались там. Они увидели, как мальчик стрелял в рыбу из лука, и сказали:

— Что за лук! Что за белизна! Как он сняет на солнце!

Они позвали мальчика:

— Эй, мальчик! Покажи-ка нам свой лук! Э, да это не дерево! Но ведь это и не человеческая кость. Из чего ты его сделал, скажи-ка!

Он же отвечал:

— Господа мои, это кость огромной рыбы.

Те воскликнули:

— Огромной рыбы! Что это за рыба? Кто поймал ее, когда и где? И что с ней потом сделали?

— Мы поймали,— отвечал мальчик.— Мы поймали и съели там у себя. Вот, смотрите, у моей матери, у На-мбуны, в корзине лежит наживка, на которую ее ловили.

Тут мбауанцы разгневались — велик был их гнев — и сказали:

— Убьем этих наглецов и сожжем их селение!

И они приготовились к бою, а наши люди в страхе укрылись в своих жилищах, и весь поселок огласился стонами, и они говорили:

— О горе, увы, увы! О, эта огромная рыба, и зачем только мы съели ее — вместо того чтобы отдать нашим повелителям, нашим господам мбауанцам?! А теперь мы все умрем, мы уже мертвые, уже мбокола!

Наконец мбауанцы напали на них. Но только испустили они свой боевой клич, как из моря стала медленно подниматься огромная волна: все выше поднималась она, пока те шли, а лишь остановились — и она остановилась. И они стояли раздумывая, что же это. И вошел дух в их жреца, тот упал на землю, содрогаясь⁴, а все собрались вокруг него, чтобы узнать волю духа. И дух приказал им:

— Оставьте их в живых, и лифука, и мбу-тони. Пусть живут, только гоните их прочь из этого края. Пусть они готовят свои лодки и, когда все будет собрано, поднимают паруса: я уведу их туда, где моей волей им предназначено теперь жить.

Тогда сказали мбауанцы:

— Пусть живут.

Наши же люди стали готовиться к отплытию.

А на Лакемба в это время было вот что. Там для вождя готовили огромный кусок тапы. Его разложили на траве под солнцем — рисунка на нем тогда еще не было⁵.

Однажды вождь решил пойти искупаться и сказал своей дочери, госпоже Ланги⁶:

— Я иду купаться, ты же сторожи тапу. Если пойдет дождь, сразу собери ее и беги с ней в дом.

Вождь ушел, а его дочь посмотрела на небо, посмотрела во все стороны — на север, на юг, на запад, на восток, — нигде не было ни облачка, и тогда она решила: «Не будет никакого дождя, пойду-ка я посилю в тени».

Нока она спала, небо почернело, а когда она проснулась, тана была совершенно испорчена дождем. Вернувшись с купания, отец очень рассердился и вскричал:

— Что же это? Бездельница! Соня!

И он принялся колотить ее, бил, пока не устала рука, а потом выгнал из дома. Рыдая, она пошла на берег, собрала много спелых кокосов, соединила их все вместе — получилась высокая гора. Эта гора кокосов была даже выше уровня прилива. Девушка взобралась на нее и стала ждать прилива — а тогда на рифе было сухо. Когда же пришел прилив, ее вынесло ветром в море на этой горе кокосов. Ветер дул не очень сильно и нес ее к Ра, а она сидела и плакала о своем отце, о друзьях, о покинутом доме.

Два дня несло ее по волнам, а потом сна заметила огромную птицу, летящую в отдалении. Девушка испугалась и спряталась между кокосами. Тут птица подлетела к ней и уселилась на кокосы, огромная и страшная. А девушка решила: «Если я останусь здесь, то я погибну в волнах океана. Уцеплюсь-ка я лучше за эту птицу — она донесет меня до какой-нибудь земли». Она уцепилась за одно из перьев на груди огромной птицы, птица же вскоре взмыла вверх и полетела с нею к Ра, а кокосы остались на волнах. Они летели всю ночь, а перед самым рассветом оказались над островом Камба и приземлились там. А в те дни на Камба никто не жил; остров был пуст, и только наши отцы, бывало, приплывали к Мбау вечером, ставили садки, а утром возвращались снимать их. Когда госпожа Ланги почувствовала себя на земле, она отцепилась от пера той птицы, и птица улетела, оставив ее одну на пустом острове.

Когда пемного поднялось солнце, старик, вождь наших, приплыл с Мбау в своей лодке снимать садки. Идя по берегу, он встретил госпожу Ланги, увидел ее и испугался: она была высокая и красивая, настоящая дочь вождя, и выглядела совсем не так, как люди, родившиеся на Ра. И он вскричал:

— О, кто ты?! Ты дух? Не губи меня.

Она же отвечала:

— Это ты дух, а я — смертная девушка.

И спросил ее старик, кто она и откуда; она рассказала ему все:

— Я дочь Туи На-иау, чей предел — остров Лакемба. И еще многие земли подчиняются ему.

— Лакемба? — переспросил старый вождь. — Где это, Лакемба?

— Далеко, там где восходит солнце. — И опа рассказала ему, как дождем испортило драгоценную тапу, и как она не спасла гнева вождя и уплыла на груде кокосовых орехов и уже готовилась погибнуть в пучине океана, и как огромная птица принесла ее на Камба. Старик изумился и сказал:

— Действительно, духи послали мне тебя. Я отвезу тебя к твоему отцу, к вождю твоего острова Лакемба: я тоже вождь, и вождь горцев. Мбауанцы, повелевавшие нами, разгневались на нас, и их вождь решил, что мы должны уплыть прочь и сами искать себе пристанище. А теперь я верну тебя твоему отцу и тем расположу его к себе, и тогда он даст мне и моим людям землю. Но знай, что на Мбау я должен спрятать тебя и скрывать, пока мы не соберемся в путь. Тебе надо будет скрываться от всех в моем доме. Если же хоть кто-нибудь увидит тебя, услышит твой голос — ты сразу умрешь, ведь по облику твоему и выговору в тебе сразу узнают чужую.

И вот он отплыл с ней на Мбау и, когда уже был близко, спустил парус, завернул ее в него и так отнес к себе, а там положил сверток под потолком дома. И еще он стал торопить своих людей с работой, боясь, как бы ее не нашли, и каждый день потихоньку носил ей еду и питье. Она же лежала тихо много дней, пока наконец лодки не были окончательно готовы к плаванию. Тогда он перенес ее на борт и поставил высокую ограду вокруг домика на палубе лодки — так что никто не мог заглянуть в этот домик. Так он держал ее там, а своим людям говорил, что один из духов согласился плыть с ними — но заглядывать туда им нельзя, иначе дух разгневается и будет горевать. И опи боялись и не смели смотреть туда, а если проходили мимо ограды, то становились на колени и ползли, чтобы только не увидеть случайно духа и не погибнуть. А старый вождь каждый день брал лучшую часть пищи и нес госпоже Ланги, так что она жила в довольстве. Ветер был попутный, и уже на второй день все лодки благополучно достигли острова Коро, и там люди мбу-тони сказали:

— Это хорошая земля. Мы останемся здесь и дальше не поплывем.

И они остались, стали там рыбачить и живут на Коропей день.

Так плыли наши отцы, и кто находил себе земли там, кто — тут; оставшиеся же прибыли наконец на Вануалеву. И они сказали старому вождю:

— Почему мы должны бесконечно плыть? Чем плоха эта земля? Останемся здесь, зачем умирать в открытом море?

Но старик сказал:

— Нет. Мы не останемся, а поплывем дальше. Нас ждут лучшие земли.

Но и его дух был неспокоен; ночью он пошел к госпоже Ланги и спросил:

— Где же твоя земля? Мы плывем уже много дней, а ее все нет.

Она же ответила:

— Не бойся, не горюй. Она уже совсем близко. Если ты согласишься плыть дальше, то еще до рассвета увидишь остров. Называется он Фиафия и лежит уже на границе наших земель.

И они поплыли вперед; ветер был благоприятен и принес их к Фиафии еще до наступления ночи. В ту ночь они еще спали на палубе, а утром уже сошли на берег. Старый вождь сошел последним, ведя за собой госпожу Ланги, — ведь они были уже в пределе ее отца. Они встретили на берегу женщин острова с сетями в руках — те шли на риф ловить рыбу. Среди них была одна старуха, долго жившая на Лакемба и хорошо знавшая госпожу Ланги. Увидев ее в окружении детей лифука, она удивилась: «До чего похожа эта госпожа на госпожу Ланги! Точно она!» И она пошла к женщинам лифука и спросила у них:

— Не госпожа ли Ланги прибыла с вами, не та ли, чью смерть мы оплакивали столько дней?

А они ответили ей с презрением:

— Что нам до вас и до вашей госпожи! Никого из ваших мы не брали с собой. С нами плыл лишь один дух, но он еще не сошел с лодки.

Но старуха уже успела подойти к девушке и узнала ее и упала перед нею, целуя ее ноги, рыдая:

— Это наша, наша дорогая госпожа, наша госпожа! Она жива, она жива! Жива та, о ком мы столько горевали! Она вернулась!

И она побежала в свой поселок с криком:

— Наша госпожа не погибла! Она жива, она вернулась к нам, наша дорогая госпожа Ланги!

И тут все, и вожди, и простые общинники, бросились к берегу. Велика была их радость: они видели свою госпожу живой и здоровой. И еще больше велика была их благодарность людям лифука за ее спасение. И они привнесли им богатые дары, и построили им дом, и наполнили его богатством. Этот дом должен был стоять и ждать их.

А наши отцы наутро вновь подняли парус и поплыли на На-иау, где, как и на Фиафии, люди их одарили щедрыми дарами. Одну только ночь провели они на На-иау, а затем, с благоприятным ветром, отплыли на Лакемба; около Ванга-талаза они спустили парус и послали пятерых сообщить о себе. И эти пятеро шли по поселку — на головах у них были тюрбаны, и говорили, вели себя они словно вожди. А люди Лакемба, работавшие на полях, увидели их и стали спрашивать друг друга:

— Что за незнакомцы? Откуда они? Какие у них громкие голоса! Что за тюрбаны у них! Это, видно, вожди из земли вождей!

И они последовали за ними в поселок. Когда все пятеро достигли города, они спросили:

— Где дом вождя? — и пошли прямо туда, чтобы сообщить ему о прибывших. А вождь спал, скрытый шторами от москитов, и все женщины в доме молчали, боясь разбудить его. Эти же пятеро громко спросили:

— Где Туи На-иау?

Женщины шепотом ответили:

— Он спит.

— Тогда разбудите его, — сказали эти пятеро. Но женщины боялись. Однако вождя разбудил их разговор, он вышел и сел перед ними и спросил, откуда они и кто.

— Откуда вы, благородные вожди?

Они отвечали:

— С острова Ра.

— С острова Ра! Остров Ра? Где же это?

— Мы с Мбау, — отвечали они.

— Мбау... А где это?

Тогда они рассказали ему о своем крае.

— Как хороша теперь наша жизнь, — сказал Туи На-иау. — Мы, жители Лакемба, всегда думали, что единственные на свете, а теперь узнаем, что есть и другие пределы, есть край среди островов Ра, что называется Мбау. Волиству мир больше, чем мы думаем.

— Мир, о благородный господин,— сказали люди лифука,— еще больше. Кроме твоих владений и Мбау есть еще Вити-леву, который столь огромен, что все его берега даже при попутном ветре не увидеть и в четыре дня. Еще есть остров Вануа-леву, великая и населенная земля, а за ним есть острова Ясава, но они невелики. Там кончается земля, и все что дальше — вода. Мы, лифука, когда жили на Мбау, думали, что нет никакой иной земли. А теперь мы повидали все, пока плыли к тебе, и знаем наверняка, что мир очень велик.

Вождь был изумлен и сказал:

— О, как это дивно, о! Я слышу необыкновенные вещи. Вы очень мудры и знаете гораздо больше, чем знали наши отцы. Но что же привело вас ко мне?

Тут поднялся вождь-оратор и произнес речь, рассказав о том, как отплыли они с Мбау, как плыли по океану, и о том, что они привезли с собою госпожу Ланги — и теперь вместе с ним будут радоваться и ликовать.

Но дух вождя не принял радости, и вождь сказал лишь:

— Не говорите так, о вожди, мои гости,— вы говорите неправду, ибо уже давно отпировали в память той, что погибла. Уже глаза наши успели высохнуть от слез, пролитых по моей дочери. А теперь вы вдруг говорите, что привезли ее с собой. Зачем такие слова, зачем тревожите вы мой дух?

Отцы же сказали ему так:

— Не сомневайся ни на миг — мы говорим правду. Да и зачем нам было бы идти к тебе с ложью, ведь всегда легче сказать правду. Если же нет с нами твоей дочери, пусть мы умрем.

И тогда наконец проникли их слова в сердце вождя, и он вскричал:

— О благородные гости, вы духи, духи! О Мбулу, земля духов, неужели ты возвращаешь мне дочь? Но где она? Неужели вы и вправду привезли ее с собой?

— Она здесь,— отвечали те.— Наши лодки стоят на якоре в Вапга-талаза, и мы пришли к тебе узнать, когда привести твою дочь в твой благородный поселок — сегодня, завтра или в другой угодный тебе день?

Тут вождь исполнился радости и сказал:

— Не сегодня и не завтра, о вожди. Прошу вас подождать четыре дня, чтобы мы все подготовили для вас и встретили вас пиром и подарками, как и следует встречать вас, великих вождей, посланных нам духами.

И наши отцы сказали:

— Хорошо, твои слова прекрасны. Мы будем ждать. А сейчас мы возвращаемся к своим лодкам.

И вот на пятый день, во время отлива, они перетащили свои лодки из Ванга-талаца в поселок вождя. С ними была Ланги, и они воспевали духа Роко-уа⁷. А все жители Лакемба собрались на берегу, ожидая прибытия своей госпожи. Все, у кого были лодки, впрыгнули в них, по двое в каждой. Получилась длинная вереница лодок вдоль берега, и, соединив руки, они образовали живую дорогу, по которой надлежало пройти госпоже Ланги. А еще к берегу принесли кусок тамошней материи и погрузили край в воду. Когда же она пошла, стали развертывать тапу — это был путь госпожи Ланги⁸. И по ней провели ее от берега до поселка с великими почестями.

А сзади шли дети лифука, исполняя пляску с копьями и распевая гимны.

Великим был тогда праздник, и наши отцы получили великие дары. И земля им тоже была дана, где они построили поселок Лифука, — в нем и живем мы поныне. И доброй была их дружба с жителями Лакемба, но недолго это длилось, и они стали копить зло друг на друга, и между ними разгорелась война. А было это так.

Нас было много, а земли — мало. И наши отцы решили так: «Снарядим большую лодку, сядем в нее с детьми и женами и поплыем вперед — может быть, наши духи наделят нас землей где-нибудь на наветренных островах». И они пустились в плавание и так приплыли на Онеата, где исполнили пляску копий. Оттуда поплыли они на Ватоа и там тоже исполнили пляску с копьями. Но земля там им не понравилась, а дальше они ничего не увидели, хоть и взобрались на самую высокую гору. И они решили: «Это конец земли. За этой землей — лишь вода. Вернемся же в лодки и поплыем назад на Лакемба». Но вышло так, что, пока они плясали, двое духов, живших в дупле одного дерева, услышали гром копий, топот ног и гимны другим духам. И они спросили:

— Что это? Что это такое?

Они подняли головы, чтоб взглянуть на незнакомцев. А в той лодке плыл один из людей лифука, который не сошел на берег, потому что был поражен проказой. Он увидел двух духов, выглядывающих из ствола дерева, и громко позвал своих:

— Сюда, сюда, скорее!

Но они не шли, а он все звал, пока не разозлил своих.

Несколько юношей побежали к берегу и стали ругать его за то, что он мешает им петь и танцевать. А он все повторял: «Сюда, скорее сюда» — и сказал им, что только что видел двух духов. Тогда они сказали:

— Скорее высвободи мачту!

Все вместе они сняли мачту с лодки и с пею в руках подползли к тому дереву и спрятались за ним. Потом сделали веревочную петлю, прикрепили ее к той мачте и подняли мачту с петлей перед деревом. А всем своим опи подали знак продолжать пляску и пение. И те продолжали, а как только духи выглянули из дупла, юноши затянули петлю и поймали их в нее. Тут бросились вперед все лифука, потрясая палицами, с криком:

— Вы подсматривали за нами и должны теперь умереть!

На это духи сказали:

— Оставьте нас жить, и мы станем вашими духами, будем жить в ваших домах.

Но наши отцы были непреклонны:

— Нет, нам не нужны духи в наших домах. Вы должны погибнуть.

— Оставьте нас жить, и мы будем духами ваших плаваний!

— Нет! Мы и так плывем, куда пожелаем. Нам не нужны духи плавания. Вы должны умереть.

— Оставьте нас жить, и мы будем духами ваших сражений.

— Нет, мы горцы, мы сами — вожди сражений. Если мы голодны, мы убиваем врагов. Мы воюем своею мощью, и наши враги не бегут — летят перед нами. Нам не нужны духи сражений. Вы должны умереть.

— Оставьте нас жить, и мы покажем вам землю, где вы сможете поселиться, — сказали духи, горько рыдая.

— Землю? Что это за земля?

— Она называется Оно, — отвечали духи. — Это большая и прекрасная земля. Смотрите, ветер сейчас хороший. Подымайте парус и поплывем туда. Вечером уже вы будете привязывать свои лодки у берега Оно.

И сказали наши отцы:

— Хорошо. Доставьте нас на Оно, и мы даруем вам жизнь. А сейчас мы должны связать вас — так и отнесем вас в нашу лодку. А если вы солгали нам, мы вас съедим.

Связали они обоих духов и положили в лодку, ногами к той земле, куда плыли (так велели духи). Но лучше было, если бы они не прислушались к их лживым сло-

вам, тогда Опо был бы сейчас гораздо ближе к Лакемба.

Ветер был хорошим, и, проплыв совсем немного времени, они увидели землю — землю Оно. Их сердца исполнились радости, и они сказали:

— Вот наконец-то мы нашли место, где и поселимся.

Но как только они приблизились к земле, та снова удалилась от них, и они плыли, плыли и плыли, а земля все была далеко. Тогда старик-прокаженный подполз к духам и увидел, что они, едва лодка приближается к берегу, отталкивают землю ногами; от этого-то земля и удалялась. Вот почему теперь Оно так далеко от Лакемба.

И он рассказал об этом остальным; горек был их гнев, и они даже стали бить духов палицами, так что те вскричали:

— Не убивайте нас, только поверните паоборот, и мы не будем больше отталкивать землю!

И те повернули духов ногами к корме лодки и теперь уже быстро достигли земли. Их лодка встала в проливе. Они пошли на берег, оставив на борту детей и наказав им:

— Следите за этими коварными существами. Стерегите их зорко, не то они сотворят новое зло, а уж тогда мы и вас заставим вкусить кнута.

И вот они сошли на берег, исполнив пляску копий и воспев своих духов; люди с Оно взяли их за руки и приветствовали их и, услышав их рассказ, дали им землю. И они живут там поныне.

Но когда старшие сошли на берег, двое духов начали молить детей развязать их, говоря:

— О дети вождей, развязите нас, и мы научим вас чудесной песне — новой, красивой.

И дети решили развязать их. Так решили все, кроме одного мальчика, у которого были ум и дух взрослого человека. Он все кричал:

— Нет, нет! Не развязывайте их. Неужели вы успели забыть родительское слово? Нас ждет за это кнут!

Но они отвечали:

— Нет, мы развязем, распустим их путы, чтобы узнати новую песню.

Так они развязали им ноги, отпустили их головы. И тогда духи сказали:

— Вы сидите на палубе, а мы взберемся на мачту и оттуда споем вам эту прекрасную песню.

Дети уселись на палубе, а духи взобрались на мачту и запели.

Виден Тувана, пред нами Тувана,
Виден На-сали, виден прекрасно,
Что до Мбуроту, мы спрячем его!

Все это были имена маленьких островков, тех, что видны с мачты лодки, стоящей в бухте Опо. Кроме Мбуроту, который никому не удалось найти.

Так они пели, а дети хлопали в ладоши и говорили:
— Хорошая, очень хорошая песня!

Но все это время злодеи давили вниз на мачту со всей силой, и так им удалось вогнать лодку под воду — все дети утонули. Когда взрослые лифука пришли на берег, их лодка уже затонула — они нашли только мертвые тела своих детей: волны носили их туда-сюда. Долго плакали, горевали они тогда: им пришлось хоронить своих детей у берега. И в наше время, ночью, когда сияет луна, над бухтой Оно можно услышать голоса утонувших детей. Они всегда поют одно и то же:

Виден Тувана, пред нами Тувана,
Виден На-сали, виден прекрасно,
Что до Мбуроту, мы спрячем его!

65. [Вожди Лакемба]

В старые времена на Лакемба было три вождя: в На-санга-лау, в Нукунуку и в Тумбоу. Они правили повозь, но все же считалось, что всех выше вождь На-санга-лау.

Как-то поймали у берегов На-санга-лау большую рыбу. Называется такая рыба санга. Хвост отрезали и выбросили, а головную часть вытащили на берег¹. Стали готовить печь. А в это время тупуа, помогавший жителям Тумбоу, пришел, утащил ту рыбью голову и унес. В На-санга-лау сразу это заметили, пустились вслед за духом и отняли голову. Отнесли ее в один дом, подвесили под крышей, а одного старика поставили сторожить. Но дух из Тумбоу сумел обмануть его. Он пришел в тот дом и говорит:

— Печь готова, пора нести голову.

Старик в ответ:

— Вот она, висит под потолком.

И дух из Тумбоу унес ее к себе в поселок. А вскоре люди из На-санга-лау послали за ней.

Старик сказал посланным:

— Ее уже взяли, понесли к вам.

Те стали спрашивать:

— Кто взял?

Старик ответил:

— Какой-то юноша.

Те сразу догадались, что это опять был дух Тумбоу, и бросились за ним. Догнали его в На-мба-нгеле, что на границе местностей, принадлежавших одна Тумбоу, другая — На-санга-лау. Дух из Тумбоу сказал:

— Если вы переступите границу, окажетесь в моем kraю — убью вас².

Пришлось им остановиться там. А дух привнес рыбу к себе, приготовил ее и позвал своих:

— Идите есть, жители Тумбоу! Теперь нет никого знатнее, благороднее, нет никого выше нас на всем острове!

В ту же ночь дух На-санга-лау пришел в Тумбоу с огромным камнем: он хотел закрыть им морской проход, ведущий в На-ндава. Но дух Тумбоу успел положить на его пути лианы. Тот, из На-санга-лау, явился, запутался в мотке лиан, упал и погиб, придавленный своим же камнем. А дух Тумбоу взял тот камень и закрыл им проход к берегу На-санга-лау. Вот почему у берегов На-санга-лау сплошной риф и нет никакого морского прохода.

Так Тумбоу стал главным поселком на Лакемба. Головы всех санга приносят сюда.

Поселок На-санга-лау назывался раньше На-сеу-вау, по из-за той истории имя его стало На-санга-лау.

66. [Маи-мбула и Коли]

В стародавние времена на склоне горы, обращенном к берегу, у которого садится солнце, стояло два поселка¹. Назывались они На-ву-ваи и Ва-тика. Жители поселков все время враждовали. Так было долго. А однажды жители На-ву-ваи незаметно подкрались к вражескому поселку и уложили всех, кто жил в Ва-тика. В живых остались лишь некоторые из явусы на-и-мбили — они в это время ловили рыбу на рифе. Спасла же их птица, и был это ястреб: сначала он долго кружился над подожженными домами, а потом слетел к на-и-мбили и своим горестным клекотом навел их взгляды на дым, что шел с горы. Вот почему эта птица — калоу-ву людей, принадлежащих к явусе на-и-мбили.

Прошло время, и жители На-ву-ваи спустились с горы в долину близ берега. С собой они увели и тех на-и-мби-

ли, что остались в живых. Там в долине поставили новый поселок и назвали его тоже На-ву-ваи. А позже этот поселок стал называться Маи-мбула в честь благородного и знатного Маи-мбула. На самом деле этот Маи-мбула был духом поселка Ланга-теа, что на некотором расстоянии оттуда. А вот рассказ о том, почему На-ву-ваи стал называться Маи-мбула.

Благородный и знатный Коли из явусы вала-кева был человеком суровым, гневливым и вспыльчивым. Зато уж силы он был недюжинной и мастерски владел любым оружием. Люди очень боялись его: ведь в гневе он мог убить любого. Не раз темной ночью, когда Коли спал, у очага велись шепотом страшные речи. Но никто не решался напасть на него.

А одна женщина до того замучила своего мужа разговорами об этом, что он набрался решимости и вместе с товарищами отправился в Ланга-теа спросить совета у духа Маи-мбула. Дом духа стоял в Ланга-теа.

В то самое время жители Ланга-теа ставили духу новый дом и как раз вбивали опорные столбы. Множество людей собралось для этого.

Тут пришли и те смельчаки из На-ву-ваи. Страшно им было — и замысленное тяготило их, и духа они боялись. Как и положено, они несли духу корень янгоны. Приготовили ему по всем правилам чашу янгоны, склонились на колени и вылили янгону под основание столба. Они прошли у духа помохи в борьбе с Коли. Дома же они никому ничего не сказали.

В ту же ночь к высокородному Коли пришли дурные сны, и его стал одолевать жар. Наутро стало ясно, что недуг его тяжел, а через три дня он умер. Перед самой смертью он открыл глаза, поднялся на постели и крикнул:

— Я знаю, Маи-мбула, это ты навел на меня хворь!

С этими словами он и умер. Его похоронили по всем правилам². Наконец-то жители На-ву-ваи вздохнули с облегчением и стали радоваться жизни. Они вернулись к заботам и почти совсем забыли про страшного Коли.

Настало время мбонги-драу³, и они совершили все обряды, подобающие памяти великого вождя. Уже почти все было закончено, и тут прибежал мальчик и сказал, что одну из больших лодок вот-вот унесут волны. Несколько молодых людей отправились туда посмотреть, что случилось. А лодки были укреплены у берега в местности Нукунку, что на полдороге к Ланга-теа.

Они успели вовремя, закрепили лодку и сели на бере-

гу отдохнуть, глядя на спокойные воды. Вдруг в зарослях за их спиной послышался шорох. Они обернулись. О ужас! На поляну вышел Коли, готовый к сражению, раскрашенный и вооруженный для боя, со своей огромной палицей на плече. А па дороге, ведущей из Ланга-теа, показался Маи-мбула, тоже с палицей на плече. Те люди почитали его как своего духа, потому задрожали от страха при виде его.

Коли крикнул хриплым голосом:

— Куда идешь, Маи-мбула?!

Он гневно ударил палицей по земле — земля задрожала — и сказал:

— Сегодня ночью ты умрешь.

Благородный Маи-мбула подошел поближе и сказал с усмешкой:

— Что это за малавка здесь? Кто смеет так говорить со мной?

Коли еще больше разъярился, бросился на духа, и началась схватка. Палицы их встречались — гром гремел, тела, натертые маслом, мелькали — молния блистала. Долгой была эта схватка, и люди из На-ву-ваи в ужасе взирали на нее.

Наконец раздался страшный треск, и Маи-мбула упал на одно колено. Обеими руками он поднял свою палицу над головой, чтобы хоть немного закрыться от ударов Коли, и взмолился о пощаде. Стал упрашивать Коли пощадить его — и тогда он, Маи-мбула, будет покровительствовать жителям На-ву-ваи, будет помогать им в сражениях. Пусть только Коли сохранит ему жизнь, отпустит его домой в Ланга-теа!

Дух благородного и знатного Коли отвечал на это:

— Нет. Я постановляю, чтобы ты отправлялся в На-ву-ваи. Ты станешь их духом, и жить ты тоже должен там. Поселок их теперь будет называться Маи-мбула, и все будут знать, что таков мой приказ.

Пришлось Маи-мбула согласиться на это. Вот почему поселок носит имя Мамбула. Во времена же наших предков его называли Маи-мбула.

А высокородный Коли с громким смехом повернулся лицом к На-ву-ваи и тотчас исчез. Когда же люди, сидевшие на берегу, посмотрели в сторону Маи-мбула, то увидели, что его тоже нет.

В те времена Ланга-теа делился на три квартала; назывались они Тару-куа-лека, Ярови и Са-вана. Благородный господин Маи-мбула покинул Ланга-теа, а значит,

надо было избрать Туи Зизиа. Вождем стал благородный Са-лато из явусы ву-ни-сеа. Но он недолго назывался Туи Зизиа. Два вождя из Ярови, Мата-се-лиа и Лали-нга-воки, сговорились и убили его. Тогда Мата-се-лиа стал называться Туи Зизиа. Этому Мата-се-лиа было хорошо известно, сколь велик Коли. Знал Мата-се-лиа и о том, как Коли победил Маи-мбула. Мата-се-лиа признавал Коли первым среди духов, чтил его, подносил ему дары. Так Коли был признан главным калоу. И не только жители Мамбула стали чтить его как калоу-леву⁴.

Мата-се-лиа пал в великой битве на острове На-иау — в той схватке люди Зизиа встретились с людьми Лакемба. Но об этом сражении — иной рассказ. Когда Мата-се-лиа погиб, другой вождь, Лали-нга-воки, стал называться Туи Зизиа. Лали-нга-воки тоже погиб в скором времени. Имя следующего Туи Зизиа забылось. А погиб он так.

Когда-то в Ланга-теа прибыли люди из явусы мбу-тони, пришли они с со-леву. Многие взяли в жены женщин из Ланга-теа и осели в тех местах. Они построили себе поселок и назвали его Мбу-тони. Со временем они стали во всем завидовать людям из Ланга-теа. Так родилась вражда. И вот эти, из числа мбу-тони, замыслили злое. Послали к Туи Зизиа гонца, тот передал, что люди из явусы мбу-тони хотят прийти в Ланга-теа с дарами, устроить меke. Наступил условленный день, они пришли, устроили меke. А Туи Зизиа во время меke всегда сидел на камне и смотрел на поющих. И точно так же наблюдал он за метанием дротика. В тот день он тоже там сидел.

Итак, те мбу-тони вышли на рара, стали перед тем камнем, начали меke. Это была очень красивая песня о палицах ндакаи⁵. В самой середине меke — все вокруг кричали: «Винака, винака!»⁶ — вождь гостей подал знак, бросился на Туи Зизиа, на других тамошних вождей, его люди за ним, и всех уложили. С тех пор это место называется На-веси-ндакаи, так зовут его по сей день.

Ни одного Туи Зизиа не было с тех пор, все боялись называться Туи Зизиа — ведь этот титул знаменовал несчастье. А потом спросили жреца, служившего благородному господину Маи-мбула, и жрец сказал, что не в имени Туи Зизиа зло, а в камне, на котором сидели все Туи Зизиа. Этот камень был табу — так постановил сам Маимбула. Тогда этот камень поставили торчком, и никто не смел притронуться к нему. Известно, что, если кто прикоснется к этому камню, у того рука отсохнет или покроется язвами, а тогда уже и смерть близка.

67. [Туй-ндела-и-нгау]

Однажды в На-муа-на-и-ра устроили празднества и состязания. А два человека из числа живших там отказались идти на состязание: они держали зло против кого-то из своих. Женам этих двоих было очень неприятно, и они сказали, что мужья могут делать что хотят, а они все же отправятся на праздник. Итак, женщины набрали цветов, украсились гирляндами, нарядились соответственно случаю и в положенное время ушли смотреть состязание.

Мужьям их было очень одипоко — они ведь остались вдвоем. Решили устроить себе пир. Наготовили клубней и пошли в заросли искать крабов, чтобы украсить ими свой пир. В поисках крабов увидели они человека огромного роста и приятной наружности. Он выходил из леса, шел к берегу. Итак, он вышел на берег и собрался купаться. Но как! Обращаясь к своим рукам, ногам, к своему телу, приказывал он им идти купаться.

— Руки! Идите купаться,— и вот уже руки отделились от тела и послушались приказа.

— Ноги! Идите купаться,— и вот уже ноги отделились от тела и вошли в воду.

Когда этот человек весь так искупался, голова отделилась от тела и вошла в дерево, в сину. А все члены его, искупавшись, тотчас возвращались на место.

С изумлением взирали на это те два человека. Пораженные, они сказали друг другу:

— Дух! Настоящий дух!

Когда же голова вернулась на прежнее место, великан пошел обратно в лес.

Те двое в почтении и восторге последовали за ним.

Он взошел на самую высокую гору острова — они за ним. А там он вошел в большое дерево и скрылся в нем. Те двое, пометив сухими стеблями его убежище, вернулись к себе. По дороге они только и говорили что об увиденном и еще о том, как бы им получить покровительство нового духа.

На следующий день они взяли большой корень япгоны и вернулись к тому дереву, в котором укрылся дух. Обратились к духу, сказали, что принесли ему в дар этот корень, что просят его покровительства и благосклонности. Вскоре он предстал перед ними. Взволнованные, они продолжали сидеть и все хлопали в ладоши: так они приветствовали духа. Он же спросил, что привело их к нему. Один из них, посмелее, отвечал, что они видели, как он

купался. Теперь же они просят его усыновить их и быть их покровителем. Дух тотчас согласился и велел им готовить янгону. Когда она была готова, дух выпил из поднесенной ему чаши, поднял глаза на верхушку своего дерева и крикнул:

— Кто там наверху? Мне нужна копалка, чтобы вырыть земляную печь!

В ужасе увидели те люди, как с неба слетела копалка и тотчас выкопала яму для печи.

А дух приказал спустить ему с неба камни для этой печи. Тотчас слетели с неба камни и улеглись в печи как положено.

Дух приказал сбросить ему дрова. Спустились и дрова, загорелись и стали нагревать камни.

Когда же печь была готова, он спросил у тех двоих:

— Кто из вас войдет в эту печь, чтобы накормить меня собой?

Тяжело было им выбирать, но они знали, что если не повинуются, то точно погибнут. Тот, что посмелее, сказал:

— Я, мой господин.

Великан велел ему:

— Прыгай!

И тот со слезами на глазах спрыгнул в печь.

Дух приказал прислать ему с неба листья; они упали вниз рекой и покрыли того несчастного целиком. Снова подоспела копалка и накрыла все это раскаленными камнями и дерном¹.

А тот, второй, стоял неподвижно и ни слова не мог вымолвить от ужаса.

Прошло немного времени, и дух сказал, что все готово. Приказано было прислать все необходимое, чтобы открыть печь. Спустилась копалка, убрала дерн, каменья, листья. А под ними оказалось не печеное человечье мясо, а множество чудесных циновок! А под ними — прекрасной набивки луб! А под ним — тот человек, целый и невредимый. И еще дух щедро одарил тех двоих, так что они ушли домой, нагруженные богатой пошой. Дома же они спрятали эти дары.

Утром следующего дня они пошли ловить рыбу, наловили четыре корзины и отнесли к тому дереву. Выложили всю рыбу у дерева и сказали духу, что это — ему в дар. С тем и ушли.

А на следующий день, не одевшись как подобает, пошли они на то состязание — оно еще не кончилось. Все увидели их неподобающий наряд и стали ругать, обзы-

вать, дразнить. Те же двое побродили вокруг святилища, а потом один из них вышел на середину рата. В толпе стали кричать:

— Прочь, прочь, подлый человечишко²! — но тут он сказал:

— Мы хотим устроить пир, достойный вождя.

Все замерли, потрясенные, и уже никак нельзя было прогнать его. Он крикнул:

— Кто там наверху? Мне нужна копалка, чтобы вырыть земляную печь!

С неба слетела копалка — точно так же, как спускалась она раньше по приказу духа, — и вырыла яму для печи.

Тот человек делал все так, как его дух, и вскоре все было готово. Тогда он спросил своего товарища:

— Кто из нас войдет в эту печь, чтобы накормить собой вождя?

Тот, второй — а он до этого ничего не делал, только смотрел — сказал:

— Я.

Итак, он спрыгнул в яму, а по приказу его друга с неба спустилось все необходимое, чтобы закрыть печь. Когда все было сделано, этот человек сказал:

— Я пойду искупаюсь, а к началу пира вернусь.

Итак, он ушел к себе, умылся, натерся маслом и оделся в красивые одежды — получил он их тоже с небес, так же как и все остальное.

Когда он вернулся к печи, все уже ждали в большом нетерпении. Снова возвзвал он к духу, и печь чудесным образом открылась. Все увидели циновки, множество циновок! Одну за другой вынимали их из печи, складывали, и так получилась целая гора.

За циновками последовала лубяная материя с чудесной набивкой. И ее оказалось великое множество. А из-под нее выпрыгнул тот человек, целый и невредимый. Он был богато украшен, на ногах и руках у него были браслеты из раковин каури.

Все циновки и луб из печи отнесли в дар вождю. Затем эти два человека пошли к себе. Их жены отправились за ними. И еще много женщин устремилось в их дома, но те, прежние, жены прогнали их с криками:

— Вон! Прочь отсюда! Нам здесь не надо многоженства!

И все люди, как один, решили:

— Туи-и-дела-и-нгау — великий дух!

ДУХИ-ПРЕДКИ

68. Ра-маси-леву

Дух, помогающий явусе на-вату,— Ра-маси-леву из Верата¹. Он зовется еще и Роко-ма-уту². Покровительствует он делам войны. Но он не всегда был духом, родился он человеком. Жил он тогда на западе³. Рассказывают, что там жило много его братьев, а он был самым младшим.

В старые времена люди ловили для него рыбу особой, священной сетью, и за это он давал им победу в войне. Улов подносили ему и на Мбау, и в Сомосомо, и на Вануа-леву. И перед рыбной ловлей тоже вожди приносили духам зубы кашалота. Два зуба несли Ту-ни-ндау⁴, покровителю рыбаков,— и первый из этих зубов назывался танги-зи-вону⁵, а второй имел имя и-узу-ни-лава⁶. Если удавалось поймать потом черепаху, женщины произносили параспев такое нделе:

Все это от меня, все это от меня.

Спеши скорей сюда, скорей спеши сюда⁷.

Женщины пели нделе и кидали камнями в тех мужчин, что несли пойманную черепаху. А знатные женщины кидали в них не камни, а тамбуа. Когда же черепаху вносили на святилище, Ра-маси-леву входил в жреца. Жрец весь дрожал и всегда просил, чтобы принесли соленой воды⁸. Тогда начинали готовить янгону, чтобы Ра-маси-леву мог утолить свою страшную жажду, а к янгоне запекали черепашье мясо. Только в одной явусе едят черепашье мясо, это явуса на-и-зомбо. И только в людей из на-и-зомбо вселяется Ра-маси-леву.

Святилище Ра-маси-леву — на острове На-вату; а еще он может воплощаться в капле⁹.

69. [Рамба]

Однажды Рамба, предок людей ву-ни-эву, оказался близ На-и-зомбозомбо. Там он увидел старуху, прародительницу жителей Ваи-леву. Там, в Ваи-леву, у нее была земляная печь, готовился в ней маниоковый хлеб¹. Она, нагнувшись, хлопотала над печью, и он увидел ее срамное место. Увидел и велел своим детям принести молодые побеги — этими побегами надлежало хлестать его член, чтобы поскорее возбудить его.

Так они и сделали, член его поднялся и начал вытягиваться, извиваясь, как змея. Достиг скалистой кручи, пробил ее, и так появилась там долина. А дети продолжали хлестать ветками его член у самого корня. Наконец он достиг цели и овладел старухой, вошел в нее. Дети продолжали возбуждать его член, он поднимался все выше, и вот уже старуха оказалась между небом и землей, так высоко, что вся земля ей была видна. Дети же трудились неустанно, и из их пота сложились тамошние реки и ручьи.

Когда все было кончено, старуха упала вниз — долетела до острова Яндуа. И по сей день люди из Ваи-леву и люди Яндуа связаны: они тауву.

70. [Зуриаки]

У Зуриаки, родоначальницы людей из Таваки, было такое огромное влагалище, что никто не мог удовлетворить ее. Ее прислужницы пытались ушить его, но немногого добились.

О Зуриаки просыпал предок людей из Ндонго-туки. Он решил посетить ее. Он пошел по горам, а его член люди его везли вдоль самого берега на десяти плотах.

Итак, они прибыли, и люди стали возбуждать его. Наконец он овладел Зуриаки, и, когда входил в нее, швы, сделанные ее женщинами, разошлись, стежок за стежком. Его люди продолжали возбуждать его, член его поднимался все выше, и вот уже женщина оказалась между небом и землей. А когда все было кончено, она отлетела прочь и упала на полпути между Яндуа и островами Ясава. На том месте, где она упала, стоит теперь скала Алева-калоу. А в Таваки с тех самых пор нет больше духа-предка.

71. [Как жители На-каи стали знатными людьми]

Раз один человек из Ярои отправился в горы охотиться за летучими мышами. Стрела его улетела в Нгесиа. Он пошел ее искать. Оказалось, она попала на могилу. Когда он вытащил ее из земли, перед ним вырос дух¹. У этого духа была голова как у сухопутной змеи, а тело морской змеи. Это был дух Маси-ни-вануа². Он приказал человеку:

— Пойдешь со мной.

Тот сказал:

— Пойдем этой дорогой.

Напуган он был безмерно, а потому решил идти в Нгалика-руа.

Когда человек и дух достигли Ярои, человек сказал:

— Подожди меня здесь, я только скажу в поселке, что пойду с тобой.

А вообще-то тот человек был из Ява. Но от страха он все забыл.

То место, где дух остался ждать, называется Ван-ни-маси. Там осталось от змея несколько оврагов, потому что сначала дух-змей собирался в Ява, а потом повернул на дорогу Мбуто-и-ярои, что ведет в На-каи. Итак, он отправился потом по этой дороге. Там, где он ложился отдохнуть, теперь убежища разных духов. А потом он достиг долины На-зо-вадра и лег там. Предки нынешних людей из На-каи нашли его там. И с тех пор они приобрели знатность, ведь это они нашли духа-змея.

72. [На-токалау и Унду]

В старые времена в На-токалау не было воды. Однажды тупуа, живший в На-токалау, спустился на Тотоя и отправился по острову в поисках воды. Нигде ее не было, и так он дошел до берега Унду. Там поднялся в глубь острова и увидел, что дух, живущий в Унду, возделывает таро на своем участке.

Дух На-токалау решил не показываться духу Упду, а подглядеть, где у того вода: тогда ее можно будет украсть. Незаметно прокрался он вдоль участка и нашел бутыль с водой. Он схватил ее и убежал прочь. Воду из бутыли он вылил у основания высокой скалы — там теперь большой источник. А в Унду с тех пор вовсе не стало воды.

Когда духи все же встретились, тупуа из Унду сказал:

— Что ж, раз моя вода досталась тебе, бери ее, но мне давай таро.

Так жители На-токалау и Унду стали тауву. Они воруют у других таро и много всего другого. А еще люди На-токалау могут не спроситься брать в Унду кокосы, сахарный тростник и бананы.

73. [Мбау, Вуна, Сомосомо]

Из всех, кто прибывает на Мбау, больше всего униженый доводится на долю тех, кто приплывает с Сомосомо. А все из-за глупого духа. Дух Сомосомо — звали его Нгураи — решил однажды отправиться на Мбау. Вату-мудре дал ему ствол бамбука, чтобы плыть на нем, как на плоту, и взялся направлять Нгураи, потому что пути на Мбау дух не знал. Нгураи вошел в крысу, взял с собой свою палицу и отправился в плавание. Миновал по указке Вату-мудре несколько островов — не будь Вату-мудре, он обязательно зашел бы на них, — а потом наконец с его помощью достиг цели. И Вату-мудре указывал ему, куда плыть, хотя сам был очень далеко. Когда Нгураи наконец достиг Мбау, ему было совсем худо: от слабости он уже не мог держаться на своем плоту, упал с него, и волны несли его куда хотели. Так его несло волнами, а подобравша его одна женщина с Мбау. Она отнесла его в дом вождя и посадила подле очага. Четыре дня не мог он отогреться и все дрожал.

Тем временем на Мбау прибыл дух из Вуна. Дух Мбау принял его со всеми подобающими почестями. Он еще хотел, чтобы из Вуна платили дань Мбау, но ничего у него не вышло.

Наступило время отправляться домой. Холодный и голодный, вернулся дух в облике крысы на За-кау-ндрофе. Горько ему было — и оттого, как он оказался на Мбау, и оттого, как его там приняли. А дух из Вуна вернулся к себе радостный и довольный, сытый и богато украшенный.

Прошло время, и дух с Мбау — звали его Маи-соро-ниака — отправился к духу Вуна. Теперь дух Вуна стал требовать, чтобы с Мбау доставляли ему дань. А как раз перед этим он навошил дорогу, по которой должен был прибыть дух, сделал ее совсем скользкой; тот дух рассердился, пошел на него с кулаками, хотел наказать его за оскорбление — и растянулся на земле. Тут-то дух Вуна снова сказал, чего хочет, и пришлось поверженному духу согласиться. Условились, что Мбау будет нгали для Вуна, но не будет приносить ему урожай и другие дары. Вот почему

жители Мбау всегда почтительны с людьми Вуна, а те ведут себя с ними как господа.

Если же лодка с Сомосомо приплывает на Мбау, парус на ней надлежит спустить еще далеко от берега. Гребцы же должны сидеть на веслах: всякий, кто осмелится встать, заплатит за это жизнью. А уже у самого берега надлежит прокричать тама:

Ндуо! Во!
Ндуо! Во!

На Мбау приплывшие должны пробыть четыре дня на улице, и лишь потом им можно попасть в дом. И в дом они должны вползать, а не входить: так они подражают крысе, что вся тряслась от холода. Проползаут немного, скажут дрожащим голосом тама, ползут дальше. По истечении четырех дней на Мбау им уже можно ходить по острову и носить хорошую одежду. Но все же ходят они пригнувшись, и руки у них все время сложены на груди.

Мбауанец, встречая такого человека, спрашивает:

— Ну что, свободен ли Нгураи?

А тот отвечает:

— Да, благородный господин, Нгураи уже освободился.

74. [За-кау-ндрофе и Мбау]

За-кау-ндрофе стоит ниже Мбау, жители За-кау-ндрофе должны почитать мбауанцев, и вот почему это так.

Когда люди За-кау-ндрофе заплывают на своем пути к берегам Мбау за остров Вива, они обязательно должны грести стоя, сидеть им нельзя ни за что. А вот жители Вуна, когда и плывут па Мбау, всегда гребут сидя.

Когда жители За-кау-ндрофе приплывают на Мбау, они должны три дня спать вне дома. И если просыпаются они среди ночи, должны кричать приветственно: «О, о!». Только па четвертый день разрешают им войти в дом. И входят они, скрестив руки на груди. А все это из-за их духа, Нгураи.

Однажды Нгураи воплотился в крысе и пустился в плавание по волнам. Плыла та крыса в сторону Мбау. А другой дух остался в краях За-кау-ндрофе. Так вот, крыса уже собралась выходить на берег острова Коро, но тут тот дух как крикнет ей из За-кау-ндрофе:

— Вперед, вперед!

Крыса поплыла дальше и хотела сделать остановку на Ова-лау, но тут ей опять крикнули из За-кау-ндрофе:

— Вперед, вперед!

Крыса поплыла дальше, достигла Моту-рики, а там все повторилось. Так крыса добралась до Мбау и свалилась на берегу, уже совсем без сил!

В это время на берег спустилась одна старушка из явусы ма-сау — пришла набрать соленой воды. Она-то и подобрала бедную крысу, положила ее отогреваться рядом с земляной печью. А крыса до того замерзла, что не могла согреться целых четыре дня.

Вот почему и по сей день жители За-кау-ндрофе, попадая на Мбау, спят там совсем мало, а когда просыпаются среди ночи, должны кричать приветственно: «О, о!».

75. [Как поспорили духи, повелевавшие Мбау и Вуна]

Дух, имевший власть над Мбау, отправился раз в За-кау-ндрофе; на плече он нес свою палицу. По дороге дух Мбау поскользнулся на банановой кожуре и упал.

Тут подоспел дух Вуна и сказал:

— Теперь ты будешь служить мне.

Но дух Мбау ответил:

— Нет, потому что палица моя при мне¹.

И все же с тех пор Мбау подчиняется Вуна.

76. [Намука и Мбау]

Са-и-на-ванга, живший на холме Зау-мборо, оказался раз в Мбеная. Там он выбрал себе лодку — из тех, что стояли у берега, — и отплыл на Коро. Оттуда поплыл на Мбау. Пристал к берегу у дома, где жил дух войны, но никому не стал показываться. Три дня и три ночи провел он без движения, так ему было холодно. Только через три дня и три ночи смог пошевелиться. И тут же принялся грабить и разорять Мбау: срывал с деревьев хлебные плоды, выдирал из земли клубни таро, убивал свиней и кур.

Мбауанцы спросили:

— Что это за человек, откуда?

Он в ответ:

— Из За-кау-ндрофе.

Но они сказали:

— Не может быть, ты не из За-кау-ндрое.

Тогда только он признался:

— Я с Намука, с горы Зау-мборо.

Как только он сказал это, его позвали в дом вождя, и с тех пор Мбау, За-кау-ндрое и Намука стали вануа-вата¹. Если мбауанцы прибывают к берегам Намука, они не поднимают флаг. Они, только они одни подносят соро господам Мби, двум женам духа Намука. Если же люди Намука прибывают на Мбау, они должны вести себя очень тихо, до тех пор пока не поднесут мбауанцам своего и-севусеву со словами:

— Сохраните нам жизнь, не губите нас.

И на Мбау тоже положено воздавать дары благородным Мби; а уже потом можно резать кур и забивать свиней.

77. [Вандаму и Ванда]

Однажды Вандаму отправился на поиски ямса; ему хотелось посадить его у себя. Ванда взял несколько клубней, испек, завернул и так отдал Вандаму. Вандаму потом открыл сверток, смотрит — а ямс уже запечен.

Вскоре Ванда пошел просить бананов. Дух местности На-ндаранга — это и был Вандаму — сходил в лес и привнес несколько ростков дикого банана. Ванда посадил их у себя, а когда они выросли, увидел, что это не настоящие бананы.

И по сей день, когда потомки Вандаму приходят к потомкам Ванда, их угождают тем самым ямсом, который Ванда запек для Вандаму.

78. [Как явуса туну-лоа и явуса На-нге-леву стали тауву]

Однажды Нгала, дух, покровительствовавший явусе туну-лоа, решил забраться на [чужую] кокосовую пальму. Залезть на нее он хотел украдкой, чтобы никто не видел. А у Мата-валу, духа явусы па-нге-леву, было восемь глаз, так что он заметил Нгала. Заметил, рассердился на него и прогнал его прочь. А еще вслед ему стал бросать скорлупки кокосов. Из этой скорлупы и получились рифы между Туну-лоа и На-нге-леву.

Вот как люди из явусы туну-лоа и люди из явусы на-нгэ-леву стали тауву. Ведь их духи-предки обижали друг друга, а один даже хотел обокрасть другого.

79. [Мазуата и Зикомбия]

Людей с Зикомбия привел в Мазуата змей по имени Нга-лулувалу. Сам же Нга-лулувалу попал в Мазуата так. Он отправился на поиск мест, где отбивают кокосовые волокна¹. Но пе они ему были нужны: он знал, что в таких местах можно будет охотиться на морских черепах². Если он прибывал куда-нибудь, но не слышал стука колотушек, знал: черепах здесь не поймать. Так бродил он по разным краям и наконец достиг Мазуата. Услышав, как отбивают местные жители кокосовые волокна, он понял: здесь ловятся черепахи. Он пошел вдоль ручья и пришел к водоему, где действительно плавали черепахи³. Оттуда он пошел к дому вождя Лингау-леву. Вождь позвал его:

— Входи в дом.

Нга-лулувалу вошел в дом через заднюю дверь, сразу забрался под крышу дома.

Лингау-леву сказал:

— Некому нарвать листвьев, чтобы было на чем разложить заквашенные плоды.

Дух тут же вышел, забрался на хлебное дерево, живо нарвал листвьев и бросил их к основанию дома. Вот почему люди Зикомбия всегда едят черепашье мясо, сидя у основания дома. А перед этим они с громкими криками срывают кокосы и складывают там. А жители Мазуата приходят, режут кур, а потом вместе с хозяевами рвут кокосы.

Зикомбия и Мазуата — нгали-веи-тамба-ни⁴, но Мазуата более благородное. А все потому, что Нга-лулувалу забрался тогда на хлебное дерево, чтобы нарвать с него листвьев. Вот его земля и стала менее благородной от этого. Останься он тогда под крышей дома, оба края были бы теперь равны по благородству.

80. О духах-предках на-мборо

Благородный и знатный господин Моко-лоалоа и благородный, знатный господин Моко-вутувутуа, предки нынешних на-мборо, были братьями¹. В прежние времена жили они в своем kraю, в поселке Сили-а-ндрау, что па

реке Ваи-ни-мала. Стоял этот поселок в том месте, где в реку вливается ручей Ваи-ни-янгу.

Раз братья решили развлечься, принялись сооружать себе лодку из стеблей и листьев таро. Когда река поднялась от пролившихся на землю дождей, они спустили эту лодку на воду. И тут Моко-вутувутуа в лодке унесло потоком. А его брат остался совсем один.

Моко-вутувутуа был младшим из братьев.

Река понесла лодку, вынесла к устью, оттуда выбросила в открытый океан; а потом лодку прибило к берегу местности Левука, что на острове Ова-лау. Там Моко-вутувутуа встретил духа тех мест. Дух был в облике птицы. Моко-вутувутуа с почтением поклонился благородному и знатному господину и сказал:

— Благородный предок, пожалей меня, не губи.

Тот отвечал:

— Жизнь твоя в безопасности: неужели я, твой предок, стану губить тебя! Это по моей воле принесло тебя сюда. Теперь мы будем жить вместе.

Так он и остался там. Прошло шесть дней, устроили пышный пир, а потом Моко-вутувутуа стал умолять духа:

— Благородный господин, будь благосклонен к моим мольбам, позволь мне вернуться в Ваи-ни-мала к брату.

Тот отвечал:

— Ваи-ни-мала далеко отсюда. Но хорошо, я доставлю тебя туда. Садись ко мне на спину. Мы отправимся сейчас же.

Он поднялся в воздух, долетел до устья великой реки Рева, а оттуда пустился дальше — полетел над местностями в глубине острова. С каждым взмахом его крыльев падали и отлетали прочь вершины гор и холмов. Так возникли размытые водой плоские берега этой реки. И так же возникли широкие долины На-ита-сири. Когда они пролетали над теми местами, дух спросил:

— Малыш, можешь ли ты разобрать, где мы?

И Моко-вутувутуа сказал:

— Могу. Мы еще далеко от дома.

Они полетели дальше над рекой, и с каждым взмахом крыльев прибрежные местности становились ровными и плоскими. Остались стоять только те горы, которых не коснулись крылья духа. Так долетели они до слияния Ваи-ни-мала и Ваи-лоа — это в местности Унду. Пролетая там, дух снова спросил:

— Малыш, понимаешь ли ты, где мы?

И Моко-вутувутуа сказал:

— Мы уже совсем близко.

Вот уже увидели они Сили-а-ндрау, где жил второй брат — Моко-лоалоа. И они отдыхали семь дней.

А по прошествии этих семи дней старший, Моко-лоалоа, сказал младшему:

— Послушай, брат, послушай, Моко-вутувутуа! Давай убъем духа и съедим его.

Младший стал возражать:

— Нет, нет, он спас мне жизнь, он принес меня сюда. Если ты обидишь его, я не останусь жить с тобой.

Но старший был непоколебим в своем злом умысле. Когда настала ночь и благородный гость уснул, Моко-лоалоа взял веревку, сплетенную из кокосовых волокон, прочно закрепил все дверные проемы и поджег дом!

Дух проснулся, увидел, что огонь уже подбирается к нему, и понял, что спасения нет. Он позвал тех:

— Дети, что вы делаете? Пощадите меня, и тогда ваш поселок будет всем известен как место, где стоит гробница Нденгей! Вся земля, отсюда и до истоков Вай-ни-мала, будет вашей, вы сможете пить из любого родника на ней.

Но они остались неумолимы. Огонь все ближе подбирался к несчастному, и он сказал:

— Услышьте меня, прошу вас, очень прошу вас! Смерть уже подошла ко мне. Пощадите меня, и я сделаю вас великими вождями Вай-ни-мала — все будут подчиняться вам. Если же не согласитесь, наведу на вас проклятие, и уж тогда никто из на-мборо никогда не станет вождем! Вы всегда будете служить чужим господам, будете у них в услужении, и никто из вас никогда не посмеет пить из истока Вай-ни-мала. Я умираю на вашей земле, а вы не хотите спасти меня — так, как спас я одного из вас, когда волны выбросили его, отчаявшегося и измученного, на берег Левука...

Так он погиб. Моко-вутувутуа оставил своего брата, Моко-лоалоа, и с тех пор у на-мборо никогда не было ни своего вождя, ни своего предела. На земли на-мборо постоянно приходили чужие господа, и им-то на-мборо и должны были служить.

81. [Почему жители Камбара связаны с жителями Олои]

Когда-то обитатели Камбара жили в Олои на Вити-леву. Но потом им пришлось покинуть родные места. Вел их дух Мбе-рева-лаки¹ — он был тогда их вождем. Под его

водительством они и достигли Камбара, обосновались на острове, а гору назвали Олон — в память о родном пределе.

С собой у них была священная земля: она должна была дать плодородие их новым полям. Еще у них было с собой священное дерево². Так получилось, что земли этой осталось мало. Может, обряд мбули-вануа прошел неблагополучно³, а может, первый урожай оказался нехорош.

Послали назад гонцов — принести еще земли. А тем временем тот, первый, запас земли опалили: то ли выжигали рядом с нею лес, то ли по небрежению вырыли в этой священной земле яму для печи. Как бы то ни было, задели эту землю огнем. Вождь был в страшном гневе.

С тех самых пор земля Камбара скудна и неплодородна.

82. Почему вожди Лакемба называются Туи На-иау

Великим вождем был правитель Лакемба, великим вождем был он среди духов прошлого. А по матери он был смертным; он был сыном Туи-ланги, вождя небес, а мать его, тонганка, звалась щедрой и доброй. И родился он на Тонга.

Когда он подрос, он никогда не ходил с другими детьми, а всегда держался в стороне. Мать стала спрашивать его, почему он так поступает.

— Отчего, сын мой,— спросила она,— ты гуляешь весь день один? Отчего не играешь с другими детьми на рара? Это и в самом деле нехорошо, сынок, ведь они зовут тебя гордецом, считают надменным и ненавидят. А когда ты станешь мужчиной, никто не пойдет за тобой бороться с врагом.

Тогда мальчик взглянул ей в глаза.

— Скажи мне, матушка, скажи, кто мой отец. У всех мальчиков есть любящие отцы. Даже у маленького горбuna Туа-пико есть отец. Я сам видел, как он в самом разгаре игры в сражение с врагом, когда мальчишки уже волокли по земле тела побежденных противников, вдруг опрометью бросился к человеку, что шел с корзиной ямса со своего участка. И кричал: «Отец, отец!» И тот остановился, поставил корзину, улыбнулся Туа-пико, обнял, поцеловал его, посадил к себе на плечо и стал танцевать.

А Туа-пико радостно смеялся. И другие мальчики — у них у всех есть отцы, что учат их метать копье и дротик, биться с палицей в руках, быть готовым к бою. Меня же некому учить.

Тут мальчик усмехнулся, глаза его сверкнули, и он тихо сказал сам себе: «Но я и сам научусь. Еще немногого — и они увидят, чье копье быстрее взовьется в воздух и чья палица лучше всех раскроит череп врага».

А в сердце матери вошло беспокойство: она боялась скрывать от него имя отца, но и открыть его тоже боялась — ведь тогда мальчик покинул бы ее. И она заплакала, горе ее было велико.

— Да, сын,— сказала она,— у тебя тоже есть отец. И отец моего сына не таков, как все эти отцы, обычные люди. Но я боюсь, боюсь раскрыть тебе его имя, иначе ты покинешь меня, оставишь здесь одну! Не оставляй, не оставляй же меня! Я так тебя люблю. Если ты уйдешь, я умру.

И она горько заплакала, а сын только ухмыльнулся и тихо, спокойно сказал:

— Скажи мне его имя, или я убью тебя.

И тогда она сказала, и тут же он ушел, а она осталась горевать одна.

Весь день шагал он, смеясь про себя, и дорожным посохом из железного дерева сбивал головки цветов. И они падали, а он говорил: «Так я буду сбивать головы моих врагов». Ночью же он воткнул посох в землю и лег спать рядом. Он спал до утра, а утром увидел вот что: его посох вырос в великолое, могучее дерево, вершина же его была в облаках. И он взобрался на дерево, а когда оказался выше облаков, увидел, что дерево уходит в небо. А в те времена небо было куда ближе к земле, чем теперь. И он взбирался и взбирался, и наконец достиг неба, и громко закричал:

— Я здесь, Туи-ланги, я здесь, отец!

Туи-ланги услышал это и гневно спросил:

— Кто это?

А в тот день на небе состоялось сражение, и ему пришлось бежать от врагов, и потому духу его было горько.

— Я — мальчик, равный по силе взрослому мужчине, я твой сын с Тонга,— ответил тот. (В те дни его называли только так, это потом он стал называться Туи-лакемба.)

— Иди сюда, я рассмотрю тебя! — прорычал Туи-лан-

ги.— Да ты еще мал! Отчего же ты не подождал, пока вырастешь? Возвращайся-ка к матери. Здесь нужны мужчины, а не мальчики, как ты. Мы здесь сражаемся.

И небесные воины, сидевшие вокруг Туи-ланги, рассмеялись.

Мальчик не ответил на это ни слова; усмехнувшись по обыкновению, с горящими глазами, он подошел к одному огромному жителю небес — смех его звучал громче других — и нанес ему кулаком такой удар по голове, что тот упал чуть не замертво.

Тут разом оборвался смех: все были потрясены силой и отвагой мальчика. А Туи-ланги необычайно обрадовался, и захлопал в ладоши, и закричал:

— Отлично! Прекрасно, мальчик! Великий удар! Возьми вот эту палицу и ударь его снова.

А в это время верзила уже поднялся и сидел, потирая то глаза, то голову. И мальчик взял палицу и нанес свой страшный удар этому человеку: палица наполовину вошла в проломленный череп верзилы. Потом мальчик бросил ее к ногам отца и сказал:

— А теперь я, пожалуй пойду к матери. Ведь вам здесь нужны мужчины, а не дети вроде меня.

— Ты останешься с нами! — вскричал Туи-ланги, хватая его за руку. — Ты останешься с нами. Эй, люди, подготовьте печи! Сегодня вечером мы будем пировать с моим сыном, а завтра мы разобьем наших врагов.

И мальчик сел рядом с отцом и принялся вырезать себе палицу из железного дерева.

А рано утром следующего дня к ним в поселок пришли враги и прокричали:

— Выходи, Туи-ланги, мы голодны! Выходи, мы съедим тебя!

Тут поднялся мальчик и сказал своим:

— Пусть никто не идет за мной следом. Все оставайтесь здесь.

Он взял в руки палицу, которую сам сделал себе, и кинулся в гущу врагов, и размахивал палицей направо и налево, и убивал врагов каждым ударом. Наконец все они обратились в бегство, а он сел на гору мертвых тел и позвал своих:

— Идите и унесите прочь все эти мертвые тела!

Тут вышли все, запели песню смерти и уволокли прочь тела врагов, всего их было сорок два. А лали выступкивал идеруа¹ так громко, что во всей этой местности было слышно.

И еще четыре раза после этого — а значит, всего пять раз — истреблял мальчик врагов отца, и те пали духом, и пришли с дарами мира к Туи-ланги, и сказали так:

— Пожалей нас, оставь нам жизнь.

И так он расправился с врагами и возымел власть над всем небом. А мальчик остался с отцом и вырос в высокого, могучего юношу. И уж никто не смел смеяться над ним с того дня, как он взобрался на небо по железному дереву и убил того верзилу.

Но после того как все враги склонились перед Туи-ланги и стали служить ему, не с кем больше было драться. И сын Туи-ланги стал тосковать; ему некого было больше убивать. И вот он сказал отцу:

— Я вернусь на землю и буду искать себе там жену.

И Туи-ланги ответил:

— Верно, сын мой. Иди на землю и оттуда возьми себе жену.

Он поцеловал сына и заплакал. Но на самом деле он был рад отпустить его на землю, потому что боялся его.

А то железное дерево уже было спасено могучим потоком, и сын Туи-ланги не мог спуститься по нему на землю. И все же он спустился на Фиджи; это была местность под названием Мбенга. И никто не знает, как он спустился. А люди Мбенга говорят, что еще с ним было двое великанов со светлыми лицами. Мы не знаем, помогали они ему или нет, а знаем только, что он сначала оказался на Мбенга. А там духи того края созвали своих и стали бороться против него; он же сразил их своим могучим ударом и взял себе их землю и разделил на две части. Одну отдал своим светлокожим спутникам, другую — вождю Рева. И так он шел от острова к острову, сокрушая духов везде и всюду, заставляя их приносить ему дары мира. Так было на всех островах, и на Мбау, и на Вити-леву, вдали от берега. Так было, пока не дошел он до горы Кау-вандра, где жил Великий Змей². С ним он не стал драться. Ибо Великий Змей вышел встретить его и сказал:

— Зачем пам драться с тобой, Небесный Воин? Вот, смотри, есть у меня дочь, девушка с прекрасными глазами. Лучше тебе, чем драться со мной, жениться на ней.

И эти слова были приятны Небесному Воину, и он женился на дочери Великого Змея. (А Небесным Воином его прозвали люди Мбенга.)

Потом он отправился на Мбау, потом во все пределы Вануа-леву и всех там победил, всех сделал своими слу-

гами. Так он и Великий Змей стали главными духами на Фиджи. И наконец прибыл он на наветренные острова и ночью высадился на Лакемба. А утром его увидела на берегу старуха, шедшая за соленой водой.

— Привет тебе, незнакомец,— сказала она.— Откуда ты?

— Отведи меня в селение,— сказал он,— в дом вождя. И она повела его по тропинке и привела туда.

А тогда главным поселком Лакемба — таким, как теперь Тупоу,— был Фатифати. И в каждом поселке был свой дух; он жил с людьми. Все эти духи и правили краем. Но они враждовали друг с другом и оттого всегда воевали, а вслед за ними воевали и люди.

В Тупоу правил тогда дух Рату-маи-на-коро³. Когда он узнал о прибытии Небесного Воина, он сказал:

— Пусть придет ко мне.

И они сели вместе в доме вождя, и Небесный Воин рассказал ему о своих битвах и о том, как он покорил всех на Фиджи, кроме Великого Змея, а на его дочери женился. И вот тот дух ответил:

— Хорошо, что ты пришел, и рассказ твой хороший. А теперь давай есть. Мне стыдно, но мне нечего поставить перед тобой. Все унесли в Фатифати. Только бананы поспели. Вот они. Давай сорвем их и съедим.

— Не беспокойся,— сказал Небесный Воин. — Я сорву бананы для нас обоих.

Но когда жители того поселка увидели, что он полез за бананами, они закричали:

— Эй ты, что ты делаешь?! Эти бананы — табу, еще не были посланы первые плоды нашим господам в Фатифати!

Тут Небесный Воин усмехнулся и глаза его блеснули.

— Я не знаю никаких господ из Фатифати,— сказал он,— а знаю только, что я очень хочу есть.

И он срезал те бананы, а люди закричали, бросились на него. Он же сразил их ударом своего ужасного кулака, двоих убил и многих ранил. А живые убежали от него, оставив мертвых лежать. Он же взял бананы и тела тех двоих, убитых им, и бросил их к ногам Рату-маи-на-коро со словами:

— Вот и еда. Давай же есть.

И то же сделал он на другой день в На-санга-лау и снова принес в Тупоу к Рату-маи-на-коро бананы и тела убитых им людей. Потом он отправился в Вакано, а там его ждали с мирными дарами, и так сделали во всех се-

лениях, кроме Фатифати. И этот поселок он разрушил ужасно. Тогда все вожди пришли в Тупоу и принесли дары и молили о прощении. Оттого Тупоу и стал главным поселком на Лакемба, и теперь тоже так.

И сказал так Рату-маи-на-коро:

— Если я буду править, о Небесный Воин, это будет неверно. Ты один сумел покорить этот край, тебе и править им.

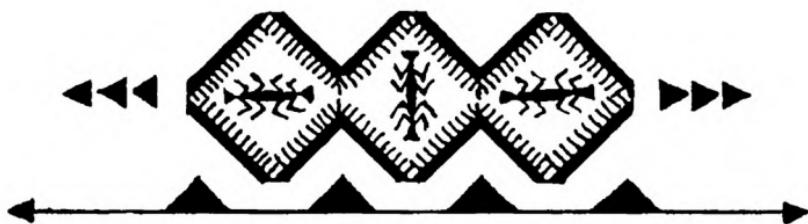
И Небесный Воин остался в Тупоу и правил всем. Он послал за своей женой, Госпожой С Прекрасными Глазами. Она же родила ему сына, Тали-ай-тупоу.

Так Небесный Воин стал Господином Лакемба. Сначала он был мальчиком, равным по силе мужчине, потом Небесным Воином и, наконец, Господином Лакемба.

Много лет правил он. Когда же его сын вырос, он отдал ему власть, а сам отправился на Тонга и там всех покорил. И наконец вернулся на небо к своему отцу Туи-ланги. И с тех пор жил там, а ему все поклонялись.

А отцы наши говорили, что, если кто-нибудь на земле назовется именем Господин Лакемба, он, Небесный Воин, спустится с небес и раскроит тому череп своим ужасным кулаком.

Вот отчего наш титул Туи На-иау.

**предания
исторические
Рассказы**

83. [Происхождение предков]

В давнее время в краю, что далеко на востоке, жили три великих вождя, Луту-на-сомбасомба, Нденгеи и Ванзала-на-вануа¹. Самым великим из них был Луту-на-сомбасомба. Однажды на совете они решили построить лодку, чтобы со своими женами, детьми, с прислуживающими им людьми и со всем своим окружением пуститься в плавание на поиски какой-нибудь далекой земли, в которой, может, они обретут свой предел и заживут в нем. И они послали гонца к вождю по имени Рокола с приказом построить такую лодку. Рокола же передал всем своим приказ высоких вождей, и его люди — а они были мастерами-плотниками — сладили лодку и назвали ее Кау-ни-тони².

Когда же лодка была готова, высокие вожди заготовили впрок пищу, собрали все, что надлежало взять в лодку, и сели в нее. И многие другие люди с семьями тоже снарядили свои лодки, чтобы плыть за теми. На Кау-ни-тони же поплыли Луту-на-сомбасомба, его жена, шестеро детей, и они везли с собой каменный ларец вождя — там хранилось разное, его вола-сии-ни-заказака и еще надписи, сделанные им, и разные другие надписи³. И с ним плыли Нденгеи и Ван-зала-на-вануа и другие, в общем множество мужчин и женщин. И вождь Рокола со своей семьей тоже поплыл за ними.

Много дней плыли они, но вот достигли земли, и она показалась многим хорошей; они пристали к ее берегам и остались там. А остальные поплыли дальше. Может быть, земля, на которой остались те, что были из их числа, — Новая Гвинея. Но другие поплыли дальше, и вот показалась новая земля, и были такие, что направили свои лодки к берегу и остались там. Может быть, это была Новая Британия. Так они встречали на своем пути разные земли, на которых решали осесть то одни, то другие из их числа, и вот уже осталось совсем мало лодок — только Кау-ни-тони и еще несколько. Они же плыли вперед по бескрайнему

океану, и на их пути все не было никакой земли. Но вот почернело небо, и лодки разбросало по океану надвигавшейся бурей. Это была не просто буря, а страшное бедствие: на них несся ветер вуароро, его еще зовут вихрем раву-и-ра⁴. И этот вихрь ударил изо всех сил по Кау-ни-тони, так что все в ней исполнились ужаса и не ждали уже ничего, кроме скорой смерти.

В темноте все лодки рассеялись по океану, люди потеряли друг друга из виду; Кау-ни-тони же плыла все дальше на восток, несомая страшным ветром. Ужасная буря длилась тридцать дней и ночей, и все эти дни и ночи лодка неслась по ветру, и на ее пути не было ни клочка суши. Те надписи, что вез с собой Луту-на-сомбасомба, упали за борт и сгинули в океане. На тридцатую ночь нос лодки ударился о камень, она приостановилась, тут же утихла буря; они увидели перед собой землю и поняли, что спасены.

Наутро они вышли на берег и поставили там навесы от непогоды. Местность же эта с тех пор называется Вунда⁵, потому что там был поставлен первый поселок. И все ликовали, что спаслись от ужасной бури, обрушившейся на них.

И вот такая песня была сложена об этом:

Ндау-ни-восавоса⁶ взглядом море окинул,
Видит: рождается страшная буря.
Волны ужасные со свистом мчатся,
Кау-ни-тони бьют и колотят.
Страшные волны с грохотом рвутся
У самого борта Кау-ни-тони.
Смертным плачем плачет
Луту-на-сомбасомба:
Не будет людей за мною,
Нет моей шкатулки,
Сгинули мои вόла,
Мы же уснем в сомовой бухте...

И все время, пока они пребывали в Вунда, вождь Луту-на-сомбасомба не знал покоя: он думал только о своих вола, сгинувших в пучине. И он послал своих юношей искать их — ведь он считал, что без них его потомки вырастут невеждами. Юноши подняли парус и поплыли на запад; вскоре они увидели острова, очень удивились, и между ними вспыхнул спор: одни говорили, что это те самые острова, на которых остались люди, плывшие с ними еще до начала бури, другие же говорили:

— Нет, этого не может быть, те острова совсем далеко. И те острова, что встретились им, были названы Ясава⁷, отсюда Ясава.

Долго скитались они по океану в поисках вола, по ничего не нашли. Тогда главный на Кау-ни-тони, а звали его Ванга-мбаламбала, взял слово и сказал, что им надлежит вернуться в Вунда и доложить своему господину, вождю Луту-на-сомбасомба, что его вола не удалось найти нигде.

А они все уже были измучены бесконечным плаванием туда-сюда; и к тому же тогда у них не было попутного ветра. Один из них, его звали Мбека-ни-тангатанга, забрался на мачту, посмотреть, что их ждет, и заметил, что с запада надвигается порыв ветра.

Когда ветер достиг их, Ванга-мбаламбала, главный мореход, приказал поставить большой парус, и они поплыли к Вунда. Но они не знали наверняка, где Вунда. И вот лодка их пристала у какого-то берега, они сошли на землю, изумились ее богатству и сказали:

— Останемся здесь хоть на время — тико-манда-ла-эке, — а потом поплывем дальше, чтобы найти землю, где ждет нас Луту-на-сомбасомба, и сказать ему, что его вола нигде нет.

Но Ванга-мбаламбала сказал, что им надлежит плыть дальше без передышки, а уж потом можно будет вернуться жить в этот край, который будет назван Манда-ла-эке⁸. И они сложили песню, повествующую о том, как они нашли этот край; но имя его было слишком длинным и не ложилось в песню, и тогда они сократили его — получилось Малаке. И так же из Яса-ява получилось Ясава. Вот какую песню сложили они:

Слова Луту-на-сомбасомба:
Меньшие мои, собирайтесь,
Парус Кау-ни-тони спускайте.
Должны вы найти мои вола.
Свои паруса спускайте.
[.]

Их волны забрали. Не видно
Земли, принимающей лодки,
Но вдруг показалась Ясава,
Лег ветер и стала лодка.
Забрался на мачту Мбека,
Сидит в ожидании ветра.
Чувствует: движется воздух.

На западе небо свежеет.
Сказал Ванга-мбаламбала:
К земле мы лодку направим.

Подняли большой парус,
С криком назад посмотрели.

Рубим с брызгами волны,
Вмиг достигли Малаке,
К берегу лодку,
Сами — на берег.

Всю обошли ту землю,
Земля хороша и приятна,
С этим вернулись к лодке,
А дует уже токалау,
На запад плыть невозможно,
И солнце садится в проливе.

И они оставили берег Малаке и помчали свою лодку дальше; на большой земле⁹ они увидели у самого берега Нденгей: он шел исследовать тот край. Они рассказали ему о чудесном береге, Вунда. Плыть им надлежало на запад. Нденгей взошел в лодку, и они все поплыли на запад, к берегу Вунда.

Когда же они поведали Луту-на-сомбасомба о том, что его вола погибли навсегда, его охватило ужасное горе, и все его тело размягчилось, утратило силу: таким горем было поражено его сердце из-за сгинувших в пучине вола.

Нденгей, увидев это, приказал всем сниматься со своих мест, чтобы плыть в прекрасный край, который он уже видел, иначе старый вождь умрет, так и не узнав, что это за прекрасная земля. И вождю Рокола было велено построить еще лодок, чтобы сопровождать Кау-ни-тони в плавании на восток. Как только новые лодки были готовы, их спустили на воду и поставили у берега, направив носом к той земле, к которой надлежало плыть. А все, что у них было, они унесли в глубь острова; и первый дом там был поставлен для Луту-на-сомбасомба. Опорными столбами и стропилами этого дома стали стволы панданусов. В этом доме жил их вождь; он и назвал всю эту местность На-каувандра¹⁰ в память о первом поставленном там доме, построенном из стволов пандануса. И с тех пор это место называется Кау-вандра.

84. [О предках на-и-корокоро]

Наш предок, Нгадри-кау, пришел сюда ¹ прямо со склона На-кау-вандра. Пришел он в Суэсуз — от этого старинного поселка и до сих пор сохранился след у реки ². А его дети заложили много поселков: Драву-валу, На-мадра, Матасо, Нукунуку, Якита, Яле, На-каса-лека.

А потом появились На-вуату и Друэ ³, это уже нгали.

Предки, что основали На-малата, На-муана, На-вуату и Друэ, — все приплыли с Нгадри-кау, на его лодке. А вскоре появилась и другая лодка. Называлась она Волау-ланги ⁴, и вел ее Туи Нуку-нава. Плыла она к берегам Тавуки.

85. [Происхождение явусы ноэмалу]

Люди ноэмалу происходят от великого Нгиза-тамбуа. Вместе со своими людьми — их было много — он высадился в давние времена на южном берегу Большого Фиджи. Неподалеку от того места лежит остров Серуа. Нгиза-тамбуа и его люди прибыли из края, который называется Эмалу ¹.

Высадились они на Вити-леву, пошли в глубь острова вдоль реки На-вуа, дошли до плоскогорий Муа-ни-вату, а оттуда спустились вниз и добрались до Ваи-ни-моси. Там Нгиза-тамбуа и решил поселиться. В жены себе он взял местных женщин, и все, кто пошел от него, называют себя ноэмалу, что значит «жители Эмалу». Один из сыновей Нгиза-тамбуа стал у них вождем и был наречен Роко Туи Вуна ².

86. [Явуса ву-на-нгуму и ее дерево]

Люди явусы ву-на-нгуму и люди явусы на-ваза-кена оставили склоны Кау-вандра ¹ и отправились жить на берегу Ваи-на-и-лу-ва — это приток Ваи-ни-мбука. Эти две явусы были связаны — они были тауву, — поклонялись одному дереву и жили в добром согласии. И по сей день в той местности сохранилось основание их общинного дома и следы их святилища, Лово-пи-ванге ².

Их дерево — нгуму, или ваивай: нгуму еще называется ваивай ³. У них росло там два этих дерева. Одному поклонялись обе явусы, а другое служило Вуки-на-вануа, вождю на-ваза-кена; из него получали черную краску, кото-

рой и раскрашивался вождь⁴. Из-за этого дерева и вышел спор.

В явусе ву-на-нгуму хотели заполучить это дерево только в свое пользование. И вот они украли нгуму у вождя Вуки-на-вануа. Он собрался выкраситься в черный цвет, а своего нгуму не нашел. А еще больше он изумился, когда узнал, что его нгуму теперь в руках людей ву-на-нгуму. Он послал своих людей к их вождю Ндела-и-ву-на-нгуму, и они сказали тому, чтобы он вернул дерево. Но посланных не стали и слушать, так что дерево осталось у ву-на-нгуму. С этого и пошла вражда между явусами, и, хоть они и были связаны кровным родством, войны избежать не удалось. Два вождя увидели, что делать нечего, и решили расстаться, разойтись в разные стороны. Расставаясь, один взял себе красную траву, другой — зеленую. Красная трава осталась расти у на-ваза-кена, зеленую взяли с собой ву-на-нгуму. Вот почему столько красной травы растет у берегов Ваи-на-и-лува и так мало ее в Ваини-мала.

Итак, люди ву-па-нгуму собрались, взяли похищенное ими дерево и отправились в путь. Они шли по холмам и горам, пока не достигли местности, что называлась Лева. Там они остановились, но нгуму сажать не стали. Потом они миновали склоны горы Тома и попали в край, что раскинулся между На-ваи и На-ндрау. Там, на холме На-левка, решено было остаться навсегда. Там они посадили то захваченное нгуму, и с тех пор нгуму всегда там растут.

Совсем немного прожили они там, но Ндела-и-ву-на-нгуму и все его люди поняли, что жить им в этом краю не слишком хорошо. Осмотрелись, подумали и решили спуститься к Ваи-лоа. Выкопали из земли свое нгуму, снялись с места и пустились в путь. Спустились к Ваи-лоа. Там ву-на-нгуму встретили людей из явусы на-вута. На-вута жили неподалеку от ву-на-нгуму в На-и-лува. А теперь на-вута живут в На-ндрау. А с прежнего места их прогнал дух Ндила-нгила-и-лоу. Когда это случилось, люди на-вута решили уйти в глубь острова, поселиться на краю леса. Так они и стали жить в том краю, где лесные заросли кончаются, а пустошь только начинается. Это их предел.

А ву-на-нгуму спустились к Ваи-лоа совсем рядом с Узу-и-та-вута, это приток Ваини-мала. Там ву-на-нгуму решили остановиться, но Ндела-и-ву-на-нгуму не разрешил сажать там их заветное дерево. Было решено перейти Вап-ни-мала. Они перешли Вап-ни-мала, но никак не

могли пойти, где же им посадить игуму: везде была только голая и пустынная местность, нигде не было ни единого человека. Дошли до устья Ваи-наму, и тут вождь увидел невысокий холм. Ему понравилось там, и он сказал:

— Вот здесь мы посадим папе игуму. Здесь будет наш поселок.

Называется это место На-куруккуру-рака-тини. Здесь-то и растет священное, необычное игуму. А речка там называется Ваи-наму — на языке отцов и а м у означало «ямс». А все дело в том, что у берегов этой речки они посадили кеу—ямс, который всегда растили люди этой явусы. А большая река называется Ваи-ни-мала потому, что куски ямса, которые закладываются в земляную печь, назывались на языке отцов м а л а⁵.

В тех местах и остались навсегда люди ву-на-игуму. И где бы ни оказывались люди из этой явусы, старшие всегда живут там, где растет их священное дерево.

87. [Жители Язата и журавль]

Рассказывают, что однажды какие-то люди с острова Язата проплывали в лодке под уступами скал с подветренной стороны Вануа-мбалаву. Когда они достигли вод, разделяющих Язата и Малата, то услышали где-то рядом звуки торжества: явно кому-то воздавали большие почести, кричали тама¹. Они тотчас бросили весла, перестали гребсти и склонились ниц, чтобы тоже выказать свое уважение перед высоким вождем, а что вождь этот высокого рода и знатен, им было ясно. И тут они поняли, что приняли за звуки торжества крик журавлей. А в это время за скалами ловили рыбу какие-то жители Малата. Они решили сделать вид, что это им воздают почести гребцы с Язата. С тех пор и пошла шутка о том, что жители Язата — кайси для жителей Малата².

88. [Мами]

Одна женщина — жила она на На-иау — сидела как-то днем и плела циновку. За ухом у нее была заткнута острыя раковина, чтобы разрезать листья на полоски. Проработала она до самого отлива, а потом пошла на берег собирать разных моллюсков. Нашла вураи¹, но есть вураи было не с чем. Она стала с раковиной в руке по

колено в воде и сказала себе: «Достать бы хоть мами!» Мами — это такие бананы. Но на На-иау был дух по имени Мами, дух-предок в облике акулы. Он услышал эти слова, рассердился и проглотил женщину. Целая и невредимая оказалась она в брюхе акулы. Тут она вспомнила о раковине, заткнутой у нее за ухом. Этой раковиной она перерезала акуле горло. Обезумев от боли, акула влетела в устье Рева. В Нозо она застряла. Одна женщина как раз пришла туда за водой, увидела мертвую акулу и пошла сказать своим, что можно запастись мясом. Те пришли, собрались свежевать ее, и тут женщина изнутри подала голос. Они осторожно разрезали акулу и выпустили женщину. Она пошла с ними в деревню. А акулье мясо съели.

На этой женщине женился вождь Нозо. Она родила ему сына, которого назвали Ву. Мальчик был совсем маленьkim и никак не рос. Когда он играл с другими детьми, то всегда обижал их, бил, и не было ни одного большого мальчика, который бы превзошел его в силе. Дети росли, а он все оставался маленьkim². Так шло поколение за поколением, и он обижал и мучил все новых и новых детей. И когда он доводил детей до слез, они говорили ему:

— Ты не наш! Ты сын женщины, которую вынули из брюха акулы.

Слова эти не нравились Ву, и как-то он спросил свою мать, так ли это. Она сказала:

— Все так. Когда-то меня проглотила акула.

В слезах отправился мальчик к Туи Нозо, стал просить отца, чтобы тот дал ему лодку, лодку для далекого плавания. Он собрался плыть на родину матери. Набрал в дорогу воды, налил ее в сложенный лист большого таро и этот сосуд укрепил под балансиром. Поднял парус и уплыл один, держась за край паруса. Воду свою он пить не смог, потому что для этого надо было вставать на балансир, а тогда лодка сразу уходила под воду.

Целую ночь он плыл и достиг На-иау. Пристал он к берегу в местности, что называется Туву-кеи. Там его лодка села на мель. Рассерженный, он стряхнул воду с балансира на берег. Там и теперь сохранился водоем: вода в нем хороша и для питья, и для купания.

Одна тамошняя женщина пришла на берег за рыбой. Она и отвела его в поселок. Он рассказал, кто он и кто его мать. Так они узнали, что она жива. И еще он рассказал им, как она стала женой Туи Нозо. Все обрадова-

лись ему, приготовили богатые подарки для него, дары для Туи Нозо и отправили с юношней.

Вот как Нозо и На-иау стали тауву.

89. Как Нозо и На-иау, что в Лау, стали тауву

Однажды рыбаки из Нозо отправились на промысел в На-си-лаи, что у берегов Рева: там им нежданно-негаданно попалась акула: видно, волны вынесли ее на берег. Они стали вскрывать ей брюхо, а там — девушка, еще живая. Они удивились сверх всякой меры, стали спрашивать, откуда она.

Та отвечала:

— Я с На-иау,— но объяснить, где это, не смогла.

Вождь-оратор Нозо взял ее в жены, и она родила ему сына. Назвали мальчика Вуву. Потом этот Вуву сделался калоу-ву жителей Нозо. Вот так люди Нозо и люди На-иау стали тауву.

90. На-иви и онгеа

Некогда люди из явусы на-иви стали нгали тех, кто принадлежит к явусе онгеа. А случилось это так.

Однажды благородный господин Тали-ай, вождь с островов Лау, отправился к берегам острова Оно. Пока он плыл, на лодку налетел ужасный шквал. В лодке же с Тали-ай плыл благородный вождь Зову. Он один вычерпал воду, что залила лодку, и так всех спас. За это Тали-ай отдал ему поселки острова Онгеа, отдал Тару-куа, отдал Ломати, что на Камбара. Все это была плата за спасенную жизнь.

91. Тувоу из На-нгатангата

У Унго-нева, отважного героя но-и-коро, были не только сыновья, но и две дочери. Именно эти две девушки и породнили явусы но-и-коро и вату-сила. Старшую звали Тувоу из На-нгатангата — так назывался поселок ее отца, — младшую — Лева-тини.

Однажды старшая дочь пришла к отцу и сказала:

— Отец, я отправляюсь к благородному Томба-яве-ни, повелителю Вандра-на-синга, вождю вату-сила. Я хочу быть его женой.

Отец отвечал:

— Хорошо, дитя мое, но помни, что по дороге тебе придется проходить место, где живет злой и скверный человек, соблазнитель женщин.

Тувоу оделась в черное маси, взяла свою палицу и отправилась в Вандра-на-синга. Вот она миновала Тала-тавула, взошла на холм Малуа и вышла к Нумбу-таутау, где и жил, на самой скале, Туи-заразара-сала, соблазнитель женщин. Он позвал ее:

— Заходи, входи в мой дом. Переночуй у меня, а я пошлю старуху за пищей для нас.

Тувоу стала отказываться, он — настаивать, наконец она согласилась остаться. Старуха принесла им клубней, Туи-заразара-сала забил свинью; когда все было готово, они уселись пировать. А потом пошли спать.

Когда дыхание Тувоу стало ровным и спокойным, Туи-заразара-сала решил проверить, насколько крепок ее сон. Он выбежал из дома и завопил:

— Ой, горе, Яла-тина в огне, и все люди там перессырились друг с другом!

Девушка услышала его и велела ему скорее идти в Яла-тина, чтобы спасти хоть немного черного маси, которым поселок Яла-тина издавна славился.

Он же просто вошел в дом. Вскоре дыхание Тувоу опять стало ровным и спокойным, и тогда он снова выбежал из дома и завопил:

— Ой, ой, горе, Монгондро горит, и люди уже принялись убивать друг друга!

Девушка же велела ему спешить туда и попытаться спасти хоть что-нибудь.

А он снова вошел в дом и, когда Тувоу опять задышала ровно и спокойно, [выбежал] и вскричал в третий раз; вот что он прокричал:

— В Ра люди жгут дома друг друга!

Но никакого ответа не было: девушка крепко спала. И тогда Туи-заразара-сала лег с ней.

Она проснулась на рассвете, отказалась от всех его даров и пустилась дальше в путь. Сошла с холма, оказалась в поселке На-веи-яраки, а оттуда прямая дорога на Вандра-на-синга.

Когда вату-сила, жившие в том поселке, увидели ее, они сказали:

— Приветствуем тебя, Тувоу из На-нгатангата! Что ты делаешь здесь?

Она отвечала:

— Я пришла к вам, чтобы стать женой Томба-яве-ни, господина Вандра-на-синга.

Они послали за Томба-яве-ни, тот спустился к ним с палицей на плече и сказал:

— Приветствуя тебя, Тувоу, зачем пришла ты сюда?

Она же отвечала:

— Затем, чтобы стать твоей женой.

На это он сказал:

— Хорошо, идем же; идем купаться.

И они пошли к водоему — к тому, что образован речкой Рири-на-ика и что совсем рядом с поселком На-мауруро. Пришли они туда, и Томба-яве-ни сказал Тувоу:

— Ныряй и подними камень, что лежит на самом дне.

Она нырнула, дергала, тянула, толкала тот камень, но так и не смогла сдвинуть его с места. Еще и еще ныряла она, но так ничего у нее не получилось. Наконец Томба-яве-ни сказал:

— Выходи, пойдем домой.

Они вернулись в Вандра-на-синга. А там росла красная кокосовая пальма, не обычна, а чудесная. Он велел девушке забраться на нее. Мигом оказалась она на самом верху, и он сказал:

— Потряси-ка кокосы, попробуй, есть ли в них уже молоко.

Она трижды проверила кокосы; наконец он спросил ее, каковы они, и она сказала, что из них уже можно пить. Тогда он велел ей сосчитать их. Она стала считать:

Вот один, один кокос на красной пальме,
Вот второй, второй кокос на красной пальме,
И еще один кокос на красной пальме,
И еще один кокос на красной пальме,
И еще один кокос на красной пальме,
Вот уже шестой кокос на красной пальме,
Вот седьмой кокос на красной пальме,
И восьмой кокос на красной пальме,
Вот кокос девятый с красной пальмы,
А десятый — Туи-заразара-сала,
Что гостей встречает у дороги.

— Спускайся, — приказал Томба-яве-ни.

Она спустилась, и он сказал ей:

— Ты согрешила, когда шла сюда, ко мне, по дороге ко мне рассталась со своей невинностью. Поэтому-то и не удалось тебе поднять тот большой камень, что лежит на

дне Рири-на-ика. А когда ты стала считать кокосы, то выдала имя своего возлюбленного.

И Томба-яве-ни поразил ее своей палицей, она называлась Ндрау-са. А вырезана эта прославленная палица была из ствола целого дерева, с корнем вырванного из земли.

[...] Тогда Лева-тини пришла к отцу и сказала:

— Отец, отпусти меня к благородному Томба-яве-ни, повелителю Вандра-на-синга. Я стану его женой. Ведь Тувоу погибла только потому, что согрешила с Туи-заразара-сала, когда шла в Вандра-на-синга.

И отец разрешил ей идти к Томба-яве-ни; так отправилась она в путь.

Она пошла той же дорогой, что до этого ее сестра, шла, шла и дошла до Нумбу-таутау, где встретила недоброго Туи-заразара-сала. Он позвал ее:

— Заходи, входи в мой дом. Переночуй у меня, а я сейчас пошлю старуху за пищей для нас.

Лева-тини стала отказываться, он — настаивать, наконец она согласилась остаться. Старуха принесла им клубней, Туи-заразара-сала забил свинью; когда все было готово, они уселись пировать. А потом все пошли спать.

Когда дыхание Левы-тини стало ровным и спокойным, Туи-заразара-сала решил проверить, насколько крепок ее сон. Он выбежал из дома и завопил:

— Ой, горе, Яла-тина в огне, и все люди там перессырились друг с другом!

Девушка услышала его и велела ему спешить в Яла-тина, чтобы спасти хоть немного черного маси, которым Яла-тина издавна славился.

Он же просто вошел в дом. Вскоре дыхание Левы-тини опять стало ровным и спокойным, и тогда он снова выбежал из дома и завопил:

— Ой, ой, горе, Монгондро горит, и люди уже принялись убивать друг друга!

Девушка же велела ему спешить туда и попытаться спасти хоть что-нибудь.

И он снова вошел в дом и, когда Лева-тини опять задышала ровно и спокойно, выбежал наружу и закричал в третий раз; вот что он прокричал:

— В Ра люди жгут друг друга!

Девушка же велела ему спешить в Ра и спасти там хоть что-нибудь.

Так ему и не удалось дождаться, пока она заснет. И вот уже запели птицы, засветился рассвет, и Туи-за-

разара-сала понял, что девушка оказалась хитрее его. Велик был его гнев, велико было его недовольство, а Леватини только посмеивалась над ним. Она попросила у него чего-нибудь поесть, он же отказался кормить ее завтраком и велел ей пойти и поискать себе еды самой.

А она сказала:

— Что ты так сердишься? Сам же не спал всю ночь, сам носился, как безумный. Теперь винить некого.

Она позавтракала, пустилась в путь и счастливо достигла Вандра-на-синга.

Когда вату-сила, жившие в том поселке, увидели ее, они сказали:

— Приветствуем тебя, Лева-тини из На-нгатангата! Что ты делаешь здесь?

Она отвечала:

— Я пришла к вам, чтобы стать женой Томба-яве-ни, господина Вандра-на-синга.

Они послали за Томба-яве-ни, он спустился к ним со своей палицей, с Ндрау-са, на плече и сказал:

— Приветствую тебя, Лева-тини, зачем пришла ты сюда?

Она же отвечала:

— Затем, чтобы стать твоей женой.

Он повел ее к тому же водоему и велел ей поднять со дна большой камень. Она сразу исполнила его приказ. Камень тот до сих пор лежит на том месте, и значит, все это правда.

Затем пошли они в поселок, и он приказал ей забраться на чудесную кокосовую пальму. Тотчас исполнила она его приказ, а он тогда приказал ей сосчитать кокосы на верхушке пальмы. Она стала считать:

Вот один, один кокос на красной пальме,
Вот второй, второй кокос на красной пальме,
И еще один кокос на красной пальме,
И еще один кокос на красной пальме,
И еще один кокос на красной пальме,
Вот уже шестой кокос на красной пальме,
Вот седьмой кокос на красной пальме,
И восьмой кокос на красной пальме,
Вот кокос девятый с красной пальмы,
А десятый — то Томба-яве-ни!

Сосчитав кокосы, она спустилась с дерева и пошла с Томба-яве-ни. Он повел ее в дом.

В положенный срок она родила ему сына, которого назвали Сау-ки-ята. Когда тот вырос, женился на женщине с острова Коро, по имени Лева-яниту. У них тоже родился сын, ставший потом большим вождем Вуна. Этот Туи Вуна женился на Левеи-баву, и у них родилось два сына; старшего назвали Кулу-на-ндакау, младшего — Катаката-и-мосо. Кулу-на-ндакау женился на женщине из явусы нар-ясо, звали эту женщину Куру-мунду. Она родила ему двух сыновей, На-ви-ндулу и Катаката-и-мосо. Этот Катаката-и-мосо и есть нынешний правитель у вату-сила.

Вот почему явуса вату-сила и явуса по-и-коро — ветви одного дерева, тауву.

92. [Ра-соло]

Ра-соло родился в изгнании. Его отцу Ниу-мата-валу некогда повезло: его не оказалось в За-кау-ндрофе, когда люди из явусы нгома, что с Лакемба, убили его отца, старика Ндела-и-вунга-леи. Случилось это во время пиршества в честь На-иау. После этого Ниу-мата-валу не решился оставаться на На-иау или на Лакемба и поселился на острове Тотоя. Там и родился Ра-соло. Матерью его была Тадрау, дочь вождя из поселка Кетеи.

Прошло время, и Ниу-мата-валу снарядил вереницу лодок, приплыл на Лакемба и победил нгома. После этой победы он был провозглашен сау. А когда он умер, сау стал его старший сын Улу-и-лакемба. У этого Улу-и-лакемба была жена, юная красавица по имени Туи-сала. Он беспрестанно ревновал ее. Однажды Ра-соло с братьями пришел в дом Улу-и-лакемба, а в это время Туи-сала как раз натирала куркумой своего ребенка — так полагается¹. Шутя, она бросила немного пыльцы на Ра-соло, и у того на щеке остался желтый след. А тут появился Улу-и-лакемба, увидел след на щеке брата и весь загорелся от гнева: заподозрил брата в дурном. Тотчас прогнал он Ра-соло и других братьев с Лакемба — оставил только одного, Мата-валу, ведь тот был еще совсем дитя.

Сперва Ра-соло отправился на остров Тотоя и осел там на несколько лет. Точно так же поступил прежде его отец. Там женился он на Лая-фита, и у них родился сын Малани. Это мой дед.

Шло время, и в нем росло желание вернуться на На-иау. И вот близ Ндра-ву-валу свалил он огромное веси, сделал из него большую лодку и со всеми своими людьми

отплыл на ней на На-иау. Но пока он плыл, ветер отнес его к острову Моала. Неделю-другую пробыл он там, а оттуда уже попал на На-иау. Там же все возликовали, увидев его. Совсем немного дней прошло, и пришел к нему Мата-валу — к тому времени он уже вырос. Мата-валу сказал, что гнев и ненависть так и остались жить в Улу-и-лакемба.

В Мауми, в старом укрепленном поселке, что на вершине скалы на На-иау, росло дерево вуа-ни-рева². Оно поднималось прямо из расселины в той скале. Росло оно высоко — на полпути от основания скалы к вершине. Однажды в жреца, служившего в храме, вошел дух и сказал:

— Ра-соло станет Туи На-иау, если сможет целым и невредимым прыгнуть на толстую ветку того дерева.

Много людей собралось посмотреть на это: никто не верил, что можно сделать такое и уцелеть. А Ра-соло все же смог, и удивлению собравшихся не было границ. С тех пор как совершил Ра-соло этот дивный прыжок, наша явуса и стала называться явусой вуа-ни-рева. И по сей день она зовется так.

Итак, Ра-соло был наречен Туи На-иау, как и подобает: ведь его отцы происходили от первого Туи На-иау — от сына Туи На-ва-сара с Моала. Этот первый Туи и основал на На-иау поселок Маули. А ведь Идела-и-вуинга-леи был сыном Игила-и-со, а тот — сыном Но-линни. Отец же Но-линни, Кало-ни-ялева, был сыном высокого вождя по имени На-ва-сара.

Но все равно Ра-соло не знал покоя, и духу его было тяжело. Ведь настоящий его дом был на Лакемба, а Улу-и-лакемба, как и прежде, не пускал его на остров. Ра-соло и Мата-валу стали думать, как им быть, и решили отправиться на Вапуа-мбалаву, просить помощи у Ра-ву-ни-са, вождя Ломалома. К тому же названный брат этих двоих, Коли-матуа-каи-косо, был васу вождю Ломалома.

В те времена Лакемба был могучим островом, и никто не решался пойти против него войной. Люди на Вапуа-мбалаву были посмелее других: ведь их остров лежит довольно далеко от Лакемба, уже на полу пути к За-кау-ндроне. (И сам Ра-ву-ни-са не слишком боялся Лакемба. Он даже обманывал вождей Лакемба, хитроумно посмеивался над ними: сообщал им, что могучие вожди За-кау-ндроне собираются идти на них войной, а значит, надо собраться на общий совет. И вожди Лакемба шли к нему, приносили богатые дары.)

Итак, они прибыли в Ломалома и остановились там у Ра-ву-ни-са. Место это называется На-ка-ни-ван. Они ждали, потому что поднялась буря и много дней штормило. А когда океан утих, дул не их ветер, и потом опять начало штормить. Всего же четыре месяца они пробыли у Ра-ву-ни-са. Ра-соло был огорчен тем, что им так долго пришлось ждать. И он обещал отдать свою сестру Сивоки в жены Ра-ву-ни-са. Тогда и сам Ра-ву-ни-са станет ему более верным союзником. И он отправился в За-кау-ндрофе за сестрой. (Она была совсем молода, но уже вдова вождя из За-кау-ндрофе.)

Ра-ву-ни-са возликовал, увидев ее, и пообещал помочь Ра-соло. Но тут как раз жители Муа-леву принесли Ра-ву-ни-са хворост — они в то время служили ему — и стали играть для него меке. Сивоки с первого взгляда влюбилась в одного из них. Звали его Туи-ле-куту, и он был красивец. До того он ей понравился, что в ту же ночь она бежала с ним. Бежали они в горы: боялись гнева Раву-ни-са.

А Ра-ву-ни-са не стал сердиться на Ра-соло, но и помочь ему отказался. И снова пришлось Ра-соло отплыть на На-иау.

Совсем немного пробыл он на На-иау, и вдруг к нему пришло известие: вожди Лакемба объединились и убили Улу-и-лакемба. К этому времени он уже превратился в дряхлого старика, а прежде все его боялись. Теперь кое-кто из Лакемба хотел провозгласить сау сына Улу-и-лакемба, Ра-ни-виа. Другие же говорили, что надо послать за Ра-соло.

Люди стали ссориться и враждовать, и тогда люди из явусы левука (а ведь они не уроженцы этой земли, много лет назад они прибыли сюда с Вити-леву) собрались на свой совет и хитростью погубили многих — и одних, и других. Так вышло, что несколько лет люди левука правили на Лакемба.

Но однажды собрались трое людей, без которых нельзя обойтись при наречении сау, — Ра-маси, Туи Тумбоу и Нарева-идаму³, — собрались и решили тайком отплыть на На-иау, привезти оттуда Ра-соло и сделать его вождем Лакемба. Лупной ночью сели они в лодочку у берега На-санга-лау и отплыли на На-иау за Ра-соло. Поднесли ему зуб кашалота и сказали:

— О Туи На-иау, мы пришли за тобой, чтобы ты стал нашим вождем на Лакемба.

Ра-соло же был тогда совсем стар и весьма умудрен жизнью. Он сказал:

— Зачем же мне сейчас плыть на Лакемба? Не время, нет, не время. Подождем, соберем побольше воинов и тогда победим всех левука.

С этим вернулись они на Лакемба, а Ра-соло остался у себя. Дважды плавали они за ним на На-иау. И лишь при третьей встрече Ра-соло сказал им:

— Вот теперь настало время. Отправимся на Лакемба, и ни одного из явусы левука там не останется.

Множество лодок было у них. А в бою их должен был вести Мата-валу. Они заготовили большое количество еды в плавание. Перед отплытием же Ра-соло был наречен сау Лакемба. А совершалось это так.

С древности Лакемба делился на две половины (пощло это с тех пор, как был рассеян по острову поселок Нделла-ни-коро, основанный духом Туи Лакемба). Половины эти назывались На-токелау и Ву-ира⁴. При наречении сау готовили янгону. Затем тамошний ра-маси — а ра-маси был всегда Туи На-санга-лау, потому что На-санга-лау главный поселок в На-токелау, — обвязывал правую руку вождя повыше локтя белой тапой⁵. В это время Туи Тумбоу брал его за левую руку и обвязывал ее точно так же. А па-рева-идаму надевал на голову сау убор из тончайшей тапы.

Итак, они прибыли на Лакемба, высадились на пустынном берегу между На-санга-лау и Яндрана и, вместо того чтобы не спеша пройти прибрежной дорогой, торопливо пробрались через весь остров по холмам и великой горе. Один из людей левука увидел в проем своего дома, что стоял в Коро-вуса, что-то белое. Белое пятнышко мелькнуло вдали за склоном горы. Он сказал своим:

— Смотрите, что это там? — но они лишь ответили:

— А, да это ветер шевелит листья деревьев, и тебе видна листва у самого основания.

В это время они пили янгону, и никакого дела до этого им не было. А видели они совсем не листья, а белые ма-си отважных воинов. Только они не знали этого. Мата-валу же со своими людьми подошел к их поселку с тыла, окружил и убил почти всех левука. Лишь немногим удалось бежать на дикий и пустой остров Аива, а оттуда — на Онеата. Там они и укрылись. Нынешние левука — потомки тех, кто сумел бежать тогда на Онеата.

На этом закончились скитания Ра-соло. В мире дожил он до глубокой старости на Лакемба и был похоронен в Коро-вуса.

Такова история Ра-соло; он был первым, кто называл-

ся и Туи На-иау, и сау. А жители На-иау до сих пор считают, что их Туи На-иау никогда не покидал острова. Вот как они объясняют это.

Жители Лакемба — так говорят на На-иау — очень хотели, чтобы Туи На-иау поскорее отплыл с ними на Лакемба. Они приплывали на На-иау с дарами, кушаньями, резными деревянными чашами, ямсом и замечательными циновками с Оно. С На-иау же они возвращались, одаренные игнату, вяленой рыбой, кокосовым маслом. Все упłyвали с дарами, и только двое братьев, Нгила-и-со и другой, чье имя забылось, не брали на На-иау ничего. Они-то и пошли к Туи На-иау, они и попросили его отплыть с ними на Лакемба и быть их вождем — это, сказали они, и станет их долей при разделе даров. Туи На-иау же не стал их слушать, а велел им взять корзину земли с На-иау: это, мол, будет знаком, заменяющим Туи На-иау.

Те согласились. Вернулись на Лакемба, высадились в На-ву-тока и спрятали там эту священную землю⁶. Там же устроили они святилище. Потом пошли в поселок и рассказали всем, будто бы им удалось захватить Туи На-иау, но только он не станет показываться людям — он слишком табу для этого, — а поселится в своем доме на святилище.

93. [Птица, поедавшая людей]

Когда-то на скале, что у берега Ясава-и-лау, жила огромная птица. Звали ее Ясава-и-лау, от ее имени и пошло название острова. Птица эта с легкостью долетала до Вити-леву. Там она хватала всякого, кто попадался ей, несла к себе и съедала. На Вити-леву все страшно боялись ее. Но отчаяние их было сильнее страха, и все же они отыскали ее скалу и убили ужасную птицу. Особенно отличились тогда воины Рева, и с тех пор слава их не меркнет.

94. [Сражение в На-мборо-кула]

Однажды Вусо-ни-лаве сказал Мире-ласе-куле:

— Ты оставайся дома, а я пойду готовить землю под таро.

Он взял свою палку-копалку и поспешил к Кавула. Там он принялся раскапывать землю, готовить участок

для будущего таро. Работал до самого вечера, ночью лег спать, а на рассвете вновь принял за работу.

А утром того же дня Мира-ласе-кула пошла ловить рыбу. Она уже была на рифе, а тут спустился туда Серумата-ндука, вождь из На-мборо-кула. Так на рифе они встретились, и он спросил:

— Откуда ты, благородная госпожа?

— Я из Сиетура, я жена Вусо-ни-лаве.

Он же сказал на это:

— Хорошо. Идем в На-мборо-кула. Мой дом стоит там без всякой охраны¹.

Мира-ласе-кула отвечала ему:

— Нет, нельзя, ведь я жена Вусо-ни-лаве!

Серумата-ндука сказал:

— Я никогда, никогда не слыхал о таком. Это что же, один из тех, что живут в Сиетура?

С этими словами он схватил Миру-ласе-кулу за руку, взвалил на плечо и силой поволок в На-мборо-кула.

А Ингоинго-а-вануа видел все это, сидя у себя в На-ву-ни-вануа.

Так вот, этот вождь повел Миру-ласе-кулу к себе в На-мборо-кула. А Ингоинго-а-вануа стал звать А-кело-питетамбуа:

— Иди, иди сюда!

А-кело-ни-тамбуа пришел, и великий дух сказал ему:

— Спеши в Сиетура и скажи Вусо-ни-лаве, что Миру-ласе-кулу похитили. Вождь Серумата-ндука из На-мборо-кула увел ее к себе. Если не застанешь Вусо-ни-лаве, скажи все это главному вождю².

А-кело-ни-тамбуа поспешил в поселок; там он встал на святилище и стал звать Вусо-ни-лаве. Тут пришел главный вождь, и А-кело спросил его:

— Где Вусо-ни-лаве?

Тот отвечал:

— Два дня назад он отбыл в Кавула, пе знаю, вернется сегодня или нет.

Тогда А-кело-ни-тамбуа сказал:

— Значит, ты скажешь ему все, с чем послал меня сюда Ингоинго-а-вануа. А сказал он так: «Миру-ласе-кулу похитили. Вождь Серумата-ндука из На-мборо-кула увел ее к себе».

С этими словами А-кело-ни-тамбуа ушел прочь.

А На-улу-матуа поспешил в На-ялояло-друа, дом Вусо-ни-лаве; там был Кали-ни-вутунава. На-улу-матуа вскричал:

— Здесь только что был А-кело-ни-тамбуа! Он приходил сказать, что Миру-ласе-кулу похитили: Серу-матандука из На-мборо-кула увел ее к себе. Вусо-ни-лаве вернется сегодня вечером. Не говори ему об этом сразу. Пусть он сначала поужинает, а уж потом ты ему все расскажешь, чтоб не тревожить его.

Вечером в На-ялояло-друа появился Вусо-ни-лаве. Приготовили кушанье, собрались ужинать, и тут он спросил:

— Кали-ни-вутунава, где Мира-ласе -кула?

Кали-ни-вутунава в ответ:

— Не знаю, может, пошла за хворостом.

Наконец они отужинали. Еще какое-то время прошло, и тут Кали-ни-вутунава сказал:

— Днем здесь был А-кело-ни-тамбуа; он сказал На-улу-матуа, что Миру-ласе-кулу похитили: вождь Серу-матандука из На-мборо-кула увел ее к себе. И все это видел Ингоинго-а-вануа.

Вусо-ни-лаве подскочил — да так, что пробил крышу дома: голова показалась на улице! И он приказал Кали-ни-вутунава:

— Иди и поговори с главным вождем. Спроси его, пойдем ли мы войной на На-мборо-кула.

Главный вождь сказал:

— На На-мборо-кула? До сего дня никому не удавалось победить ту землю! Скажи Вусо-ни-лаве, что я очень прошу не ходить на них войной.

Так сказал он, и Кали-ни-вутунава отправился к Вусо-ни-лаве и передал ему эти слова. Вусо-ни-лаве же ответил:

— Это было в прежние времена. Передай вождю: пусть все люди Сиетура спешат к На-мборо-кула, пусть ставят там укрепление. Я один поражу всех — и людей из Сиетура, и жителей На-мборо-кула.

И Кали-ни-вутунава снова пошел к вождю:

— Вот наш ответ: пусть все люди Сиетура спешат к На-мборо-кула, пусть ставят там укрепление вместе с жителями На-мборо-кула. Ничего хорошего их там не ждет, вот наши слова.

Кали-ни-вутунава вернулся к Вусо-ни-лаве, и тот сказал ему:

— Готовься к сражению, одевайся по-боевому. Сегодня ночью мы отправимся в На-мборо-кула.

Быстро вышли они из дома, пустились немедля по тропинке и уже скоро оказались рядом с На-мборо-кула.

— Остановимся здесь, здесь и приготовимся к битве. Кали-ни-вутунава весь кипел от ненависти к врагу:

— Помни, Вусо-ни-лаве, помни, что мы с тобой происходим от одного человека, хоть матери у нас и разные; мы восходим к На-улу-матуа, и если ты умрешь под На-мборо-кула, значит, я умру вместе с тобой.

С этими словами Кали-ни-вутунава сел, а Вусо-ни-лаве вскочил и так обратился к нему:

— С самой юности я всегда был в сражениях, всегда воевал. Нет ни одной земли, перед жителями которой я склонил бы голову! Сегодня я разрушу На-мборо-кула, и только дикие куры будут кудахтать в зарослях, что поднимутся на святилище этого поселка!

С этими словами Вусо-ни-лаве сел и быстрым шепотом сказал Кали-ни-вутунава ³:

— Сейчас мы с тобой разойдемся. Ты подберешься к На-мборо-кула с главной дороги, я — со стороны гор.

И они тут же поспешили в разные стороны. Вусо-ни-лаве поспешил в горы, чтобы оттуда напасть на поселок.

А жители, услышав его, решили:

— Гром гремит над горами. Видно, сегодня будет дождь.

Они ведь не знали, что это гремит, готовясь к битве, Вусо-ни-лаве.

А Кали-ни-вутунава поспешил на берег. Оттуда он бросился на частокол, защищавший поселок, пробил его головой и влетел в На-мборо-кула.

Прошел первый день сражения в На-мборо-кула, встал в своем доме вождь На-мборо-кула, вышел на порог и увидел Вусо-ни-лаве. Он напрямик спросил Вусо-ни-лаве:

— Откуда пришли вы на нас?

Вусо-ни-лаве отвечал:

— Ты еще спрашиваешь? Разве ты не знаешь? Позавчера я прибыл сюда из Сиетура. Оттуда ты привел к себе одну женщину. Разве ты не готов теперь сражаться?

Вождь сказал:

— Я всегда был вождем в На-мборо-кула и до сего дня не склонил головы ни перед кем.

На это Вусо-ни-лаве заметил:

— Ты говоришь о былом. А сейчас перед тобой Вусо-ни-лаве, и нет того, кто был бы равен ему в бою.

Вождь ответил:

— Что же, жди меня здесь.

Мигом он вышел из дома в боевом облачении, вынес свое копье и прокричал:

— Вон там уходит на ночь солнце; с ним уйдешь сегодня и ты!

А Вусо-ни-лаве сказал:

— Будь я каким-нибудь юнцом из Сиетура, может, тогда речи твои не были бы так безумны.

Вождь На-мборо-кула метнул копье в Вусо-ни-лаве, копье ударило Вусо в грудь и отлетело обратно, попав в того, кто посыпал его!

А Вусо-пи-лаве вскричал:

— О Ингоинго-а-вануа, если я дорог тебе, позволь мне не доводить дело до палицы: дай мне схватить его голыми руками⁴!

И он бросился к опорному столбу дома вождя, а уже оттуда налетел на самого вождя, схватил его, развязал его ожерелье и им стянул руки и ноги пленника. А тут подоспел Кали-ни-вутунава, и Вусо-ни-лаве крикнул:

— Иди в дом, приведи Миру-ласе-кулу, и тогда мы вернемся в Сиетура.

Кали-ни-вутунава вывел Миру-ласе-кулу из дома, и Вусо-ни-лаве приказал:

— Поджигай поселок.

Так загорелся тот поселок, а опи поспешили в Сиетура. Прибыли в Сиетура, младший повел Миру-ласе-кулу в На-ялояло-друа, а Вусо-ни-лаве взвалил на плечи захваченные им богатства и бросил их перед домом Ингоинго-а-вануа:

— Вот разная старая снедь, мой дар духу по возвращении из На-мборо-кула.

И Ингоинго-а-вануа сказал:

— Нет равных тебе, Вусо-ни-лаве, точно нет: ты никогда не забываешь обо мне в сражении.

Ингоинго встал, выхватил из горы подношений руку вождя На-мборо-кула, за руку вытащил все тело, вырвал ногти, высосал все, что было в нем, и пустую оболочку мертвого тела бросил прочь.

Так закончилось сражение в На-мборо-кула.

95. [Сражение между Сиетура и Нуку-зере-вука]

Жил в Сиетура вождь. Звали его Мба-ни-сину. Однажды вспомнилось ему былое, печто, случившееся очень давно, еще когда он был молодым. И он стал беспокоен, не мог ни минуты усидеть в своем доме, то выбегал из него, то вбегал в него снова, то опять выбегал и вбегал, носился

туда-сюда. Увидев все это, его сын протрубил сигнал, и тут же там собрались все люди Сиетура. И сын вождя стал просить, чтобы кто-нибудь узнал у Мба-ни-сину, что случилось. Вусо-ни-лаве подступил к нему, и Мба-ни-сину сказал:

— Я вдруг вспомнил одну старую историю, вспомнил, что случилось с нами, когда мы были в Нуку-зере-вука. Мы отправились туда исполнить меке, а они не подготовили нам ничего. И тогда На-улу-матуа привел сто их женщин к нашим лодкам, и мы легли спать с этими женщинами. А люди из Нуку-зере-вука исполнились гнева, бросились на наши лодки, оторвали ноги нашим гребцам, изорвали наши паруса. Беспомощные, остались мы лежать в лодках, и лишь у немногих хватило сил доплыть до Сиетура. Не знаю, хватит ли вам, нынешним, храбости потянуться силой с людьми из Нуку-зере-вука.

Тут Вусо-ни-лаве вскричал:

— Довольно! Люди Сиетура могут расходиться!

И они вернулись в свой поселок; Вусо-ни-лаве спросил:

— Кто не побоится отправиться к Вороворо-друа и Мусу-на-нгила-друа, не побоится сказать им, что послезавтра я приплыву в их край требовать ответа за то, как они поступили с нашими отцами?

Никто не вышел, никто не ответил на слова Вусо-ни-лаве.

Наконец заговорил Тази-ни-лау:

— Я, я не побоюсь сделать это. Все другие думают о своих детях, женах, о своих старших. У меня же пет ни отца, ни матери.

На этом они расстались; Тази-ни-лау пошел к себе, опоясался крашеной тапой, надел плетеный пояс, надел на руки воинские украшения, взял топорик, копье и поспешил па берег. Лодка его плавилась Зинги-ни-вула. Он спустил ее па воду и сказал про себя, обращаясь к великому Ингоинго-а-вануа: «Помоги мне, о Ипгоинго, попли мне сильный ветер, чтобы еще до наступления почти я смог пристать к берегу Нуку-зере-вука».

И великий Ингоинго-а-вануа дал ему хороший ветер — еще до темноты Тази-ни-лау пристал к берегу Нуку-зере-вука. Но ведь ему, здоровому и крепкому мужчине, ни за что не удалось бы войти в поселок целым и невредимым. И он сказал: «Помоги мне, великий господин Ипгоинго-а-вануа, измени мой облик, чтобы я мог выйти па берег».

И он изменился, превратился в женщину; теперь ему легко было выйти на берег.

Он вышел на берег и поспешил в поселок. Вороворо-друа заметил, что кто-то идет: «Откуда эта женщина, что идет к нам?»

Он позвал ее:

— Иди в дом.

И женщина вошла в его дом; они стали беседовать, долго говорили, а потом Вороворо-друа сказал:

— Побудь здесь, а я пока выйду.

Он вышел, а женщина нашла у него коробочку, открыла ее, увидела там перо и клочок бумаги. Она тотчас написала: «Через две ночи здесь будет Вусо-ни-лаве. Он придет и потребует ответа за то зло, что причинили здесь его предкам». Она написала и сложила листок. Потом приготовили кушанье, и женщины Нуку-зере-вука принесли его гостье; когда поели, все женщины ушли. Остались только две знатные госпожи, сестры вождей Вороворо-друа и Мусу-на-игила-друа. Гостья сказала им:

— Позвольте мне, благородные госпожи, пройтись по Нуку-зере-вука, осмотреть поселок.

И они пошли гулять по поселку. Ходили, ходили, и вот та женщина говорит:

— У меня есть одно письмо — я нашла его на берегу. На нем написаны имена Вороворо-друа и Мусу-на-игила-друа.

Благородные дамы воскликнули:

— О! Это ведь их поселок! А мы — их сестры.

— Что ж, тогда отдайте им это письмо.

Одна из тех женщин схватила письмо и отнесла его Мусу-на-игила-друа. Он прочел его и вскричал:

— Кто такой Вусо-ни-лаве, что он не знает о непобедимости Нуку-зере-вука? Нет такой земли, перед жителями которой мы склонили бы голову!

А знатная госпожа вернулась к тем двоим, и гостья спросила:

— Что это за письмо? Узнала ли ты, о чем оно?

Знатная госпожа ответила:

— Через два дня сюда прибудет Вусо-ни-лаве требовать ответа за то, что мы сделали с его предками.

Гостья сказала:

— Я боюсь, боюсь, меня могут убить.

Но те две госпожи отвечали:

— Не бойся, ведь ты же в Нуку-зере-вука.

Они пошли на берег. Благородные хозяйки сказали гостье:

— Видишь вон тот мыс? Там живет дух нашего пред-

ка. Его зовут Велу-тамата. Стоит ему плонуть, как появляется тьма людей.

Они пошли по берегу и увидели на воде лодку. Те две госпожи сказали:

— Это лодка нашего предка.

И они не знали, что это Зинги-ни-вула, лодка Тази-ни-лау.

Гостья стала просить их:

— Пожалуйста, отведите меня к тому месту, где живет ваш предок.

И они сели в ту лодку. Тут гостья сказала:

— Я сама управлюсь с парусом, сама поведу лодку. А вы сидите, отдыхайте.

Так они отплыли. Та женщина из Сиетура сказала:

— Помоги мне, благородный Ингоинго-а-вануа, дай мне хорошего ветра, чтобы достичь На-мбоу-валу до захода солнца.

А две благородные и знатные женщины уснули и не знали, куда плывут, не знали, что направляются в На-мбоу-валу. Проснувшись же, они сказали:

— Мы сбились с пути, уплыли далеко от дома. Это уже не Нуку-зере-вука! Мы приплыли к каким-то чужим берегам!

И они тотчас пристали к берегу — это было в местности Ндама. А та женщина из Сиетура, сойдя на берег, преобразилась, приняла облик мужчины — это был Тази-ни-лау. И он сказал тем двум женщинам, сидевшим в лодке:

— Выходите, пойдем в поселок.

Они вышли на берег, и все трое поспешили в Сиетура.

А с того дня как Тази-ни-лау отплыл, Вусо-ни-лаве не заходил в свой дом, все сидел на святилище. Так он сидел, пока не дождался возвращения Тази-ни-лау с теми двумя женщинами.

Подошли они, и Вусо-ни-лаве сказал:

— Идите в дом.

Они вошли, а Тази-ни-лау тут же выскочил из дома и тех двух знатных женщин закрыл, запер. Сам же он пошел к Вусо-ни-лаве. И Вусо-ни-лаве спросил:

— Ну что же, достиг ли ты Нуку-зере-вука?

И Тази-ни-лау отвечал:

— Да, достиг; эти знатные женщины — сестры Вороворо-друа и Мусу-на-пгила-друа.

Тотчас же протрубыли сигнал. Собрались все люди Сиетура, и Вусо-ни-лаве сказал:

— Сегодня надлежит приготовить все, что положено: провизию, дрова, питьевую воду и все воинское снаряжение — копья, палицы, топоры, ружья. Завтра мы отплываем в Нуку-зере-вука.

А в Нуку-зере-вука вожди собрались на совет. И Мусу-на-нгила-друа сказал:

— Я выйду в море и буду там поджидать людей из Сиетура. Я думаю, они будут плыть сюда двенадцать месяцев. А когда пройдет двенадцать месяцев, они будут здесь, в Нуку-зере-вука¹.

И принесли корзину с палицами вождя.

Люди Сиетура приготовили к отплытию свои лодки, их было двенадцать. И они поплыли к берегам Нуку-зере-вука. Но когда они подплыли совсем близко к Мусу-на-нгила-друа, лодки их вдруг встали — так, словно их неподвижно укрепили на якорях. Все двенадцать лодок стояли без движения. Прошла неделя, а лодки стоят! Месяц прошел, за ним — второй, третий, шесть месяцев простояли они неподвижно, восемь, десять, двенадцать!

И вот Вусо-ни-лаве сказал:

— Пусть с каждой лодки дадут мне по зубу кашалота. Всего должно быть двенадцать зубов.

И ему принесли двенадцать тамбуза. Он взял их и бросил в воду. Тут же в Сиетура открылись двери того дома, где сидели взаперти две знатные госпожи из Нуку-зере-вука, и тут же лодки сдвинулись с места и поплыли вперед к Нуку-зере-вука.

А Мусу-на-нгила-друа вернулся к себе и сказал Вороворо-друа:

— Пора спускаться на берег: люди из Сиетура вот-вот пристанут здесь!

И Вороворо-друа поспешил на берег дожидаться людей из Сиетура. Вот уже подплыла и пристала к берегу лодка А-кело-ни-тамбуза. Протянул Вороворо-друа руку, схватил эту двойную лодку, всю ее изломал! Гребцы уплыли прочь, а Вороворо-друа съел их лодку.

Затем подплыла лодка благородного Лива-ни-вула, пристала к берегу, и Вороворо ее тоже схватил, сломал и съел. Гребцы же уплыли прочь и так спаслись. Следом подплыла лодка Тази-ни-лау. Вороворо-друа крикнул:

— Приветствую тебя, На-улу-матуа!

Тази-ни-лау отвечал:

— Ты не за того меня принял. Я только что был здесь у вас. И не пытайся поступить со мной так, как ты поступил с А-кело-ни-тамбуза и с Лива-ни-вулом!

Вороворо протянул руку, чтобы схватить эту лодку, а Тази-ни-лау схватил его за руку и оттолкнул лодку от того места. И они стали бороться, сначала один в лодке, второй на берегу, потом оба оказались на берегу. Целую рощу кокосовых пальм вырвали они из земли! Снова вернулись к воде, боролись, боролись, пока не упали с рифа в волны.

А в это время остальные лодки пристали к берегу. И Кали-ни-вутунава вскричал:

— Вусо-ни-лаве, сегодня Тази-ни-лау будет убит!

Тогда Вусо-ни-лаве стал к борту своей лодки и рукой принялся шарить под водой, ища Тази-ни-лау и Воровородруа. Искал, искал и наконец нашел, схватил за руки и втащил к себе в лодку. Тази-ни-лау он спрятал за спиной, а Воровородруа схватил за ноги и подбросил высоко в небо. Затем сказал:

— Высокородный Ингоинго-а-вануа, пусть погибнет Нуку-зере-вука, пусть ничего не останется здесь, кроме голой земли.

И тут люди Сиетура бросились на берег.

А Мусу-на-нгила-друа не знал, что Воровородруа погиб. Две недели минуло, и вот он решил: «Пойду на помощь Воровородруа».

Он взял свое копье — называлось его копье А-мото-нимба-на-мбула — и поспешил туда, где шло сражение между людьми Нуку-зере-вука и Сиетура. Разом метнул он свое копье в людей Сиетура. Пронзил им сразу двести человек. Он поднял их на этом копье, а потом стряхнул с него, как мусор. Все двести человек полегли перед ним на земле.

Снова бросился он в гущу сражения, еще двести человек из Сиетура пронзил своим копьем. Он поднял их на этом копье и стряхнул с него, как мусор. И все двести человек полегли перед ним на земле. Снова бросился он вперед с копьем, еще двести человек пронзил им! На этот раз ему удалось ранить Кали-ни-вутунава в ногу; с плачем поспешил тот к своей лодке и сказал:

— Вусо-ни-лаве, довольно тебе пить янгопу! Посмотри, сколько времени прошло, уже год гибнут люди Сиетура!

На это Вусо-ни-лаве сказал:

— Хорошо, идем! Мы идем сражаться, чтобы помочь нашим людям из Сиетура.

Но он даже на ногах стоять не мог, столько уже выпил. Еще год прошел, и тогда только он сказал своим:

— Развяжите трос, что держит у берега нашу лодку,

и я смогу им обвязаться, а тогда пойду на помощь людям Сиетура!

И они обвязали этим тросом его запястья и лодыжки; он сказал:

— Вложите мне в руки топор.— И еще сказал:

— Бросьте меня в воду.

Только оказался он в воде — и вот уже у берега. Но еще до того как появилась над водой его голова, он выломал кусок дна в лагуне и швырнул его в глубь острова. А там снесло все кокосовые пальмы. И еще в Нуку-зере-вуха попадали все дома.

Люди в поселке решили:

— Наверное, надвигается ураган!

Они же не знали, что на них идет Вусо-ни-лаве, самый сильный из людей Сиетура. А это Вуса-ни-лаве спешил на Нуку-зере-вуха. Там он сразу же встретился с Мусу-на-нгила-друа, самым сильным в Нуку-зере-вуха. Мусу-на-нгила-друа сказал:

— В этого человека полетит мое копье!

Так он сказал, но Вусо-ни-лаве даже не взглянул на него: глаза его были устремлены на второе небо. И вот Мусу-на-нгила-друа метнул копье; оно полетело в Вусо-ни-лаве, попало ему в лоб, но тут же отскочило: ему не пробить было этого силача. Тогда Мусу-на-нгила-друа побежал к себе, вынес из дома две корзины кашалотовых зубов, склонился перед Вусо-ни-лаве и сказал:

— Вот мои подношения, пощади только меня и всех людей из Нуку-зере-вуха. Нет нужды нам бороться, ведь сестры наши — в Сиетура.

И Вусо-ни-лаве сказал:

— Расходитесь, люди Сиетура. Пора садиться в лодки, поплынем обратно.

А Мусу-на-нгила-друа пошел с ними. Они тотчас же погрузились и поплыли к Сиетура. И вот уже они на берегу Сиетура. Вусо-ни-лаве и люди Сиетура и с ними Мусу-на-нгила-друа. Вусо-ни-лаве и Мусу-на-нгила-друа отправились к благородному и великому Ингоинго-а-вапуа. Вусо-ни-лаве прокричал:

— Я принес пищу в знак своего счастливого возвращения: я ходил воиной на Нуку-зере-вуха!

Л Ингоинго-а-вапуа ответил:

— Я не могу есть этого человека, мясо его отравлено. Уходи, Вусо-ни-лаве, возвращайся в поселок.

Они пустились в обратный путь, но тут Ингоинго крикнул им вслед:

— Мусу-на-нгила-друа! Вернись, выпей то, что осталось от снадобья Вусо-ни-лаве.

Мусу-на-нгила-друа подхватил сосуд со снадобьем и все выпил. Тут Ингоинго-а-вануа сказал:

— Теперь иди сюда. Подними правую руку и ударь по длинной стене моего дома.

И вот уже эта стена полетела в волны. А Ингоинго-а-вануа сказал:

— Хорошо. Теперь иди к Вусо-ни-лаве. Иди и оставайся жить в его поселке².

Так они стали жить вместе. Мусу-на-нгила-друа так и не вернулся к себе в Нуку-зере-вука. Он навсегда остался в Сиетуре.

96. [Вусо-ни-лаве и вожди из Вату-ндири-ндунга]

О На-улу-матуа. Однажды он позвал к себе Вусо-ни-лаве. Тот сразу пошел, вошел в Коро-ни-ява-кула; На-улу-матуа сказал:

— Я звал тебя. Полгода назад промчался над нами страшный ураган, и с тех пор я куска в рот не брал, а все из-за того бананового побега, что привезли мне с Ротума. Ведь он прижился и должен был дать двенадцать гроздьев. А ветер принес сюда ураган и погубил все бананы. И вот мое слово: ступай, отыщи хозяина этого ветра и доставь его в Сиетуре.

Вусо-ни-лаве сказал: «Хорошо», быстро вышел из дома вождя и пошел к себе. Взял свою поющую раковину и затрубил в нее. Мигом собрались люди Сиетура, и Вусо-ни-лаве сказал:

— Я только что был в Коро-ни-ява-кула, у На-улу-матуа. Он сказал мне, что мы должны отыскать хозяина одного из ветров. И все дело здесь в том банановом побеге, что привезли нам с Ротума. Побег этот должен был дать двенадцать гроздьев. А он погиб. Если мы найдем хозяина ветра, нам надо доставить его в Сиетуре. Я сказал все. А теперь отправляйтесь и поскорее собирайтесь в путь. Утром мы отплываем.

И все люди Сиетура поспешили по своим домам.

Наутро все они были готовы, погрузились на Вата-ни-руве-кула¹ и отплыли.

Целый месяц плыли они, но никакой земли не было видно. И весь второй месяц плыли они в открытом океане. Третий месяц прошел, и тогда Вусо-ни-лаве сказал Вадруа-воно-кула²:

— Ты должен высмотреть землю. Уже третий месяц нашего плавания прошел, а суши не видно.

Ва-друа-воно-кула оделся торжественным образом³ и, так одевшись, забрался на верх мачты, где был закреплен главный парус⁴. И оттуда стал смотреть вдаль. Наконец он сказал:

— Я еще вижу Сиетура, это совсем недалеко. Я вижу наши дома.

Еще неделя прошла, и вот он увидел что-то маленькое, размером с лимон. И сказал:

— Вусо-ни-лаве, я что-то заметил, но пока не пойму, что это. Пройдет еще недели две, и я смогу сказать, земля это или просто лодка.

И они поплыли дальше, плыли долго, две недели прошло, и Ва-друа-воно-кула сказал:

— Вусо-ни-лаве, теперь я вижу, что это не земля, а лодка.

Вусо-ни-лаве спросил:

— Близко она или еще далеко?

И тот ответил:

— Пройдет еще неделя, и все, кто плывет в нашей лодке, увидят ее.

Прошла неделя, и вот та лодка показалась. Ва-друа-воно-кула сказал:

— Разверните тапу тумана⁵.

Развернули, ветер домчал край тапы до той двойной лодки. Тогда Ва-друа-воно-кула сказал:

— Если ты готов помочь мне, о Ингоинго-а-вануа, приди! Пусть тапа послужит мне мостом, и по этому мосту я попаду прямо на ту двойную лодку.

С этими словами он быстро встал и пошел по голубой тапе и так оказался на той двойной лодке. А там он тоже уселся на мачте, в том месте, где закрепляется главный парус.

Неделю просидел он там, а потом сказал:

— Помоги мне, благородный Ингоинго-а-вануа, помоги мне изменить обличье, тогда я спущусь на палубу.

И тут же облик его изменился; он принял вид ящерицы. Так спустился он вниз, поспешил к домику на палубе, пробрался в него и замер там на стene. А в это время вождь Линди-а-мбука встал и сказал Ндунгу-ни-веси-кула:

— Скажи всем, что мы должны собраться на совет. Тотчас протрубил сигнал, и все собрались.

И Линди-а-мбука сказал Ндунгу-ни-веси-кула:

— Все наши здесь.

Тогда заговорил Ндунгу-ни-веси-кула:

— О нашем плавании речь. Никто из нас не знает, зачем год назад поднялся ураган, что помог нам в нашем плавании. А плывем мы к одному поселку. Название его всем известно, и все вы слышали его. Наши старшие не раз рассказывали нам о Сиетуре. Нет ни одной земли, перед людьми которой склонили бы голову люди Сиетура. Мне известны имена самых сильных из них, это Вусо-ни-лаве и Кали-ни-вутунава. Их предок — Ингоинго-а-вануа. И вот вам мой приказ: все люди Сиетура должны быть взяты в плен и стать рабами в Вати-ндири-ндунига.

Так он сказал и на этом закончился совет. Линди же встал, взял свою метелку и принялся подметать в палубном домике. А тут ящерица, сидевшая на стене домика, протянула лапку, схватилась за метелку и стала ее вырывать у вождя из рук. Так они боролись, метелка вся растрепалась, и у вождя в руках остался один только ее черенок. Этим-то черенком он и замахнулся на ящерицу, но она перескочила на мачту и быстро забралась наверх. А там наверху ящерица приняла человеческий облик. Вадруа-воно-кула со всей поспешностью двинулся назад на Вата-ни-руве-кула, к людям Сиетура.

Вусо-ни-лаве спросил его:

— Что там? С чем вернулся ты с той лодки?

Ва-друа-воно-кула отвечал:

— Я вернулся оттуда, это большая лодка, пазывается она Вокити-вуравура, и эта лодка из Вати-ндири-ндунига. На ней два вождя, Линди-а-мбука и Ндунгу-ни-веси-кула. На совете они говорили о Сиетуре: они хотят разрушить наш поселок, а всех нас, мужчин Сиетура, сделать рабами в Вати-ндири-ндунига.

Вусо-ни-лаве впал в сильный гнев и спросил:

— Далеко ли от нас эта лодка?

Впередсмотрящий ответил:

— Пройдет неделя, и все вы увидите ее.

Прошла неделя, и люди Сиетура увидели нечто, по высоте подобное горе в На-и-вака.

А на той двойной лодке оба вождя восклинули:

— О! Откуда плывет эта лодка, что затеряна в открытом море, подобно банановому черенку ⁶?

И вот наконец лодки сошлись. Вусо-ни-лаве тут же перескочил на лодку врага и затеял там сражение. Прошла неделя, и наконец он добрался до того места, где сидели те два вождя. Ндунгу-ни-веси-кула крикнул ему:

— Эй, поосторожнее, господин Соко-и-васа⁷!

Вусо-ни-лаве отвечал:

— На-улу-матуа остался в Сиетура. А я — Вусо-ни-лаве, сильнейший из людей Сиетура.

На это Ндунгу-ни-веси-кула сказал:

— Хорошо, сейчас я выйду сразиться с тобой.

Он схватил копье, метнул его в Вусо-ни-лаве — и промахнулся. Тут Вусо-ни-лаве решил: «Если я брошусь на него с топором, все будут говорить потом, что он настоящий воин; придется мне бороться с ним голыми руками»⁸.

И Вусо схватил врага за плечи и подбросил его высоко к небу. А когда тот упал, Вусо-ни-лаве так ударил его ногой по голове, что пяткой прошиб палубу!

А в это время все остальные люди Сиетура подоспели к этой огромной лодке, Вокити-вуравура, и мигом перебрались на нее. Тут вступили они в сражение с командой. Вусо-ни-лаве же крикнул:

— Уже неделю сражаюсь я здесь, а многие из плывущих еще живы!

Еще две недели прошло, и наконец они уложили всех, а тех двух вождей схватили. Вожди стали спрашивать:

— Где ваша земля, как зовут вас?

Вусо-ни-лаве отвечал:

— Я, я из Сиетура. Наш На-улу-матуа получил с Ротума банановые побеги, и они должны были дать двенадцать грозьев бананов. И, помня об этом, мы отправились искать хозяина того урагана, что налетел на нас год назад.

Тут заговорил Ндунгу-ни-веси-кула:

— Нет никого, кроме нас, кто владел бы этим ветром: это был ветер, подгонявший нашу лодку.

На это Вусо-ни-лаве сказал:

— Хорошо. Я доставлю вас в Сиетура, к На-улу-матуа, и он решит, умереть вам или жить.

И те два вождя сказали:

— Мы не можем ничего теперь желать, ведь все наши погибли.

Вата-ни-руве-кула погрузили на большую лодку и направились прямо к берегам Сиетура.

Прошло три недели, и вот они пристали к берегу. Вусо-ни-лаве сошел с лодки вместе с теми вождями, и все трое подошли к Коро-ни-ява-кула. Вусо-ни-лаве сказал:

— На-улу-матуа, вот они, хозяева того ветра, что пригнал сюда ураган и погубил твои бананы.

На-улу-матуа сказал:

— Хорошо. Иди же в На-ву-ни-вануа, скажи благородному Ингоинго-а-вануа, чтобы он судил по-своему.

Вусо-ни-лаве поспешил в На-ву-ни-вануа и рассказал обо всем Ингоинго-а-вануа. Тот сказал:

— Хорошо. Пусть оба вождя явятся сюда.

Вусо-ни-лаве вернулся за теми вождями, и все трое поспешили в На-ву-ни-вануа. Там они вошли в дом Ингоинго-а-вануа и приветствовали его. Ингоинго же сказал, обращаясь к Вусо-ни-лаве:

— Я знаю, что ты лучший из моих. После каждого сражения ты приносишь мне дары.

А тем двум вождям он сказал:

— Ложитесь здесь и спите.

Они тотчас уснули. А Ингоинго-а-вануа поднялся, как бы поцеловал их и высосал все их внутренности через отверстия глаз. Пустые оболочки их тел он швырнул прочь, к росшему там лемба⁹.

Вусо-ни-лаве же вернулся к себе, и все люди Сиетура разошлись по домам.

97. [О состязании между жителями Сиетура и На-ву-ни-вануа]

О Вусо-ни-лаве-дра¹. Раз отправился он в На-ву-ни-вануа, дошел почти до самого дома благородного господина Ингоинго-а-вануа. Забрался на дерево лемба, на самую вершину, и уселся там. Оттуда увидел, как дети На-ву-ни-вануа состязаются в метании дротиков. Увидев это, он слез с дерева и поспешил к себе, в Сиетура. Пошел на раба, сел там и стал плакать. В это время Вусо-ни-лаве возвращался со своих участков. Он подошел, увидел плачущего и спросил:

— О чём ты плачешь? Может, кто-то тебя обидел?

Мальчик сказал:

— Я пошел в На-ву-ни-вануа, там взобрался на лемба, на самую его вершину. А оттуда увидел юношей На-ву-ни-вануа, видел, как они состязаются в метании дротика.

Вусо-ни-лаве спросил:

— И что же? Ты тоже хочешь метать дротик?

— Да, я тоже хочу.

На это Вусо-ни-лаве сказал:

— Хорошо, идем домой.

Дома же он взял свою поющую раковину и протрубыл сигнал. Тут же собрались люди Сиетура, и он сказал им:

— Мы идем валить веси. Дерево это растет в Лили-ки-на-ува.

Они все отправились по домам — за топорами; взяли топоры и поспешили в Лили-ки-на-ува. Там повалили это дерево и измерили его. Оно оказалось двенадцати саженей в длину. Они сняли с него все ветки, сделали поперечины, чтобы легче было нести, приладили их к очищенному стволу и все это взвалили на две длинные жерди. На плечах принесли они бревно в поселок и только там опустили на землю². Вусо-ни-лаве сказал:

— Теперь надо поставить навес для работы.

Построили навес, и Вусо-ни-лаве сказал своим:

— Вчера Вусо-ни-лаве-дра был в На-ву-ни-вануа и видел, как тамошние юноши состязались в метании дротика. Так вот, я хочу сказать вам: мы бросим вызов тем, что из На-ву-ни-вануа. Вот лежит бревно, из которого я сделаю древко своего дротика. И вы все должны приготовить наконечники для своих дротиков. Если у кого-то нет наконечника или не из чего его сделать, пусть сейчас же отправляется на поиски.

Все разошлись, а Вусо-ни-лаве пошел к Мата-и-драса. Мата-и-драса вышел ему навстречу и услышал такие слова:

— Иди и займись тем бревном, что лежит под навесом, — из него должно получиться древко для моего дротика.

Мата-и-драса тотчас отправился под навес и принялся выпрямлять бревно. Через три дня все было сделано, прямое древко дротика готово. Тогда Мата-и-драса пошел к Вусо-ни-лаве и сказал:

— Древко для твоего дротика готово.

Вусо-ни-лаве сказал: «Хорошо» — и отправился к Кали-ни-вутунава. Вошел в его дом и так обратился к нему:

— Я пришел сказать тебе, что Вусо-ни-лаве-дра хочет состязаться с чужими в метании дротика. И уже готово древко для моего дротика — из ствола веси. Отправимся же состязаться с теми, что из На-ву-ни-вануа. Я прибыл к тебе с просьбой: иди в На-ву-ни-вануа, к высокородному Ингоинго-а-вануа, и передай ему все это в полной тайне. Никто в На-ву-ни-вануа не должен видеть тебя, особенно же избегай А-кело-ни-тамбуа. Ты сам должен решить, когда тебе идти. А прежде пойдешь ко мне, и я дам тебе десять зубов кашалота — это будет дар духу со святыми Сиетурой.

И Кали-ни-вутунава сказал:

— Хорошо.

Наступила ночь; уснули все в Сиетура, уснули все в На-ву-ни-вануа. Тогда только Кали-ни-вутунава вышел из дома, поспешил к дому Вусо-ни-лаве, позвал того. Вусо-ни-лаве проснулся, и Кали-ни-вутунава сказал:

— Я отправляюсь в На-ву-ни-вануа, сейчас самое время: все спят в Сиетура, и все спят в На-ву-ни-вануа.

Вусо-ни-лаве дал ему десять зубов кашалота, и Кали-ни-вутунава поспешил в На-ву-ни-вануа. Там он встал на камень зовущих³, что у самого порога предка. Высокородный Ингоинго-а-вануа проснулся и спросил:

— Кто стоит перед моим порогом?

Кали-ни-вутунава ответил:

— О предок, это я.

Ингоинго-а-вануа спросил:

— Чего ты хочешь? Ведь сейчас глубокая ночь на земле⁴.

На это Кали-ни-вутунава сказал:

— Говори тише, иначе люди в На-ву-ни-вануа сразу услышат.

И Ингоинго велел:

— Войди в дом и расскажи мне, что за напасть пригнала тебя сюда такой глубокой ночью.

С поспешностью вошел Кали-ни-вутунава в дом и разложил перед духом десять тамбуа с такими словами:

— Да, я пришел сюда ночью. Вусо-ни-лаве послал меня к тебе сказать, что мы, люди Сиетура, хотим состязаться с жителями На-ву-ни-вануа в метании дротика. И вот десять зубов кашалота — подношение от нас, с тем чтобы мы могли петь победную песнь, возвращаясь в Сиетура.

Так был принесен духу этот дар, и он принял его:

— Я принимаю эти тамбуа от вас. Люди На-ву-ни-вануа будут посрамлены.

И еще Ингоинго-а-вануа сказал:

— Мы выйдем вместе. Ты отправишься в Сиетура, я же спрячусь в лесу, чтобы А-кело-ни-тамбуа не видел меня⁵.

Кали-ни-вутунава поспешил в свой поселок и вскоре оказался в доме Вусо-ни-лаве. И он так рассказал обо всем Вусо-ни-лаве:

— Я только что был в На-ву-ни-вануа. Высокородный Ингоинго-а-вануа принял наши дары. И он поспешил в заросли за нашими участками, чтобы А-кело-ни-тамбуа не видел его.

Наступило утро, Вусо-ни-лаве позвал своего глаша-

тая⁶, Тама-ни-ломбуа, и Вусо-ни-лаве принял наставление его:

— Иди в На-ву-ни-вануа и скажи А-кело-ни-тамбуа, что послезавтра мы будем состязаться с тамошними жителями в метании дротика.

Тама-ни-ломбуа поспешил к А-кело-ни-тамбуа:

— Меня прислал Вусо-ни-лаве. Я пришел звать людей На-ву-ни-вануа сразиться с людьми Сиетура в метании дротика.

А-кело-ни-тамбуа ответил:

— Хорошо. Я согласен.

Посланный отправился обратно и обо всем рассказал Вусо-ни-лаве. Тот же приказал:

— Мужчины Сиетура, все сюда!

Все тут же собрались, и он сказал:

— Состязание назначено на послезавтра. Пусть же каждый в Сиетура приготовит по сто кусков пищи в земляной печи и пусть каждый испечет свиную тушу для торжества. А каждая женщина в Сиетура пусть приготовит по циповке в дар людям из На-ву-ни-вануа.

Так он сказал, и все разошлись. А-кело-ни-тамбуа позвал своих:

— Мужчины На-ву-ни-вануа, все сюда!

Тут же собрались в доме А-кело-ни-тамбуа. Он сказал:

— Здесь был посланный из Сиетура, он вызвал нас на состязание в метании дротиков, что начнется послезавтра...

Он рассказал им все и добавил:

— Теперь пора искать древки для дротиков.

Все они поспешили в Кавула, собрались там, но тут А-кело-ни-тамбуа сказал:

— Возвращаемся в На-ву-ни-вануа. Всякого, кто идет против своего предка, ждет несчастье. Если мы проиграем людям Сиетура, я готов сразить Игоинго-а-вануа⁷!

Так он сказал, и жители На-ву-ни-вануа вернулись к себе.

А высокородный Игоинго-а-вануа слышал слова А-кело-ни-тамбуа, да-да. И он вернулся в На-ву-ни-вануа, стал ждать тамошних жителей.

И А-кело-ни-тамбуа тогда сказал:

— Мы не проиграем людям Сиетура.

На земле настала ночь, и А-кело-ни-тамбуа сказал:

— Мы должны оказаться в Сиетура на рара еще до рассвета. Все идите и готовьтесь выступать. Возьмите ташу, опояшьтесь украшенными поясами. Лица зачерните. Приготовьте наконечники дротиков⁸.

Глубокая ночь пришла на землю, и А-кело-ни-тамбуа сказал:

— Пора. Отправляемся в Сиетура.

Все, кто был в На-ву-ни-вануа, вышли и поспешили в Сиетура. Вот они уже на краю рара, вот уже слышен их воинский клич: «Суру комбело-о-о-о и-и-и!», вот они уже на самом рара!

Наконец и в Сиетура все проснулись, выскочили из своих домов, услышали приказ Вусо-ни-лаве:

— Собирайтесь на рара. Настал день состязания.

Сам Вусо-ни-лаве схватил наконечник своего дротика, поспешил под навес, взял там готовое древко, насадил на него наконечник и направился на рара. Там уже собирались люди Сиетура. А-кело-ни-тамбуа сказал:

— Ты, Вусо-ни-лаве, вы, герои Сиетура, начинайте. Мы же, гости из На-ву-ни-вануа, будем удачливее вас.

И Вусо-ни-лаве приказал:

— Приготовьтесь, люди Сиетура!

Они все выпустили свои дротики. Вусо-ни-лаве метал последним. Его дротик ударился о землю в Кавула, отлетел дальше, ударился о землю на Нга-лоа, полетел дальше и наконец вошел в землю на Ротума.

Те, из На-ву-ни-вануа, сказали:

— Он долетел до Ротума! Никому из На-ву-ни-вануа не превзойти Вусо-ни-лаве в броске.

Но А-кело-ни-тамбуа сказал:

— Ротума совсем близко. Мой дротик упадет дальше.

И А-кело-ни-тамбуа отдал приказ:

— Люди На-ву-ни-вануа, приготовьтесь! Сегодня мы победим.

И все они послали вперед свои дротики. Последним метнул дротик А-кело-ни-тамбуа. Дротик коснулся земли в Кавула, отлетел прочь, пролетел, не опускаясь, над Нга-лоа, долетел до самого дальнего мыса Ротума и только там вошел в землю! Так он пролетел дальше дротика Вусо-ни-лаве.

И А-кело-ни-тамбуа вскричал:

— Сегодня мы будем петь победную песнь!

И они все запели, а потом взяли землю с рара Сиетура, унесли ее к себе в На-ву-ни-вануа и там зарыли у основания дома А-кело-ни-тамбуа. И А-кело-ни-тамбуа сказал:

— Лежи здесь, и пусть поднимется над тобой вечнозеленая роща⁹.

Земля осталась там и так лежит по сей день. Сиетура даже не пытались вернуть ту землю со своего рара; так

она и лежит в На-ву-ни-вануа. И все кушанья, что они приготовили, пропали зря: ведь они потерпели поражение в состязании. А победили тогда люди из На-ву-ни-вануа. Только тем, кто победил, можно устраивать пир, и только победители могут одаривать пищей людей из Сиетура. А что до побежденных, их кушанья не годятся для пира — да, да, те кушанья, что были заранее приготовлены в Сиетура, все пропали.

98. [Занги-кула]

Целый год огромный хряк грабил все в Сиетура и вокруг¹. Голод и нужда пришли в поселок. И вот Вусо-ни-лаве решил: «Пойду-ка поищу собак. Сначала пойду в На-ви-ндаму. Там живет один человек, у него, наверное, собак пятьсот. И чтобы прокормить их, он должен всегда держать наготове полные земляные печи».

Вусо-ни-лаве взял с собой десять зубов кашалота и поспешил с ними в Коро-ни-ява-кула, в дом На-улу-матуа. Вошел в дом, положил дары перед На-улу-матуа и сказал:

— Я пришел к тебе потому, что уже год ужасный хряк опустошает наши земли, и все в Сиетура страдают от голода и нужды. Я пришел сказать тебе, что отправляюсь в На-ви-ндаму. Говорят, там есть человек по имени Занги-кула, и у него пятьсот собак; я хочу уговорить его затравить этого хряка.

На-улу-матуа сказал:

— Очень хорошо.

Вусо-ни-лаве взял бесценные зубы кашалота и отправился в путь. Прошел Саро-ваинга, прошел На-мбити, миновал Мата-и-лекуту, перескочил Нда-кеке, перешел через горы, что в глубине, спустился и поспешил в Рара-леву².

Вусо-ни-лаве знал, что никто не может просто так подойти к самому дому, где живет хозяин тех собак. Сначала надо крикнуть ему, а тогда только можно идти. Он подошел совсем близко, забрался на кокосовую пальму и крикнул:

— Занги-кула, я иду к тебе!

Занги-кула усмирил своих собак, а Вусо-ни-лаве слез с пальмы и пошел к дому. Почтительно приветствовал он хозяина, вошел в дом, протянул ему зубы кашалота и воскликнул:

— Это мой дар тебе!

А Занги-кула вскричал:

— О-о!

— Я путешествую, иду из Сиетура. Целый год ужасный хряк опустошает наши земли. Я слышал о тебе: говорят, ты держишь здесь пятьсот собак. Вот почему я принес тебе эти дары.

Так закончил он свою речь. И Занги-кула принял дары:

— Я принимаю эти тамбуа³. Да настанет процветание в твоем доме, да настанет процветание в моем доме. И пусть сгинет тот хряк, что губит ваши участки в Сиетура.

С этими словами Занги-кула вышел из дома, вырвал из земли побег янгоны и подал Вусо-ни-лаве. Вусо-ни-лаве тут же принял дар, и сразу была приготовлена янгона. Занги-кула сказал:

— Тебе надо собираться, утром ты отправишься обратно в Сиетура⁴.

И вот уже были опорожнены чаши, готова пища. Они поели и легли спать. С первым криком петуха Занги-кула поднялся, вырвал из земли побег янгоны, подал его Вусо-ни-лаве и сказал:

— Пока пекутся бананы, пусть будет приготовлена янгона.

Приготовили янгону, сели пить ее. Опорожнили чаши, а тут и еда испеклась. Они поели, и Занги-кула сказал:

— Теперь ступай. Я же отправлюсь послезавтра. Берегом я не пойду, пойду по дороге в глубине острова. Вдоль берега слишком много поселков, собаки мои могут кого-нибудь покусать, и тогда мне придется плохо. Я пойду дорогой духов.

На этом они простились, и Вусо-ни-лаве пошел домой. А Занги-кула поспешил на свои поля и принес множество ямса. Весь ямс он сложил у печей, а сам пошел за хворостом. Собрал хворост, подготовил печи, вывел из загона три десятка свиней, забил, опалил, вытащил уголья из печей, положил туда свиные туши и ямс, закрыл печи. Затем отправился за корнем янгоны, приготовил янгону и разом выпил.

Опорожнив чашу, он открыл печи, вынул готовую пищу и сложил ее всю в одну кучу. Затем позвал собак и разделил все между ними. Собаки поели и уснули.

А Вусо-ни-лаве прибыл в Сиетура и сразу направился в дом На-улу-матуа.

— Завтра Занги-кула отправится сюда! — крикнул он.

На-улу-матуа сказал:

— Очень хорошо. Пусть утром приготовят печи и пусть каждый в Сиетура принесет по сто разных блюд. И к этому надлежит приготовить десяток свиных туш.

Утром Занги-кула проснулся, поднял своих собак, направился в глубь острова и ступил на дорогу духов. К вечеру он уже был в Сиетура и сразу пошел в дом На-улу-матуа. На-улу-матуа тут же ввел его к себе. А собаки Занги-кула остались на улице, вот так. И На-улу-матуа сказал:

— Надлежит объявить в поселке, что ни одна женщина, ни один ребенок не смешеет выходить из дома. Здесь Занги-кула с собаками, и эти собаки могут кого-нибудь покусать.

И тут же эти слова были переданы в поселке.

Мужчины Сиетура собрались и сели пить янгону с Занги-кула. На-улу-матуа взял зуб кашалота, покачал им перед Занги-кула и сказал:

— Это мой дар тебе! Нам известно о том, что ты идешь сюда из На-ви-ндаму. Все люди в Сиетура исстрадались, потому что уже год хряк опустошает наши земли. Из-за этого пришлось тебе пуститься в путь, и вот ты здесь.

Занги-кула тут же принял подношение:

— Я принимаю этот ваш тамбуа. Утром хряк, целый год поедавший все, что растет на ваших землях, погибнет.

Он произнес это, а тут подоспела янгона. И они испили ее с На-улу-матуа. Когда чаши были пусты, принесли кушанья. Всю пищу сложили в Коро-ни-ява-кула, доме На-улу-матуа. И На-улу-матуа воскликнул:

— Вот наше скучное угощенье, Занги-кула! Отведав его, ты останешься на ночлег в Сиетура.

Занги-кула тотчас раздал пищу своим собакам, те набросились на нее, а когда ничего не осталось, Занги-кула сказал:

— На-улу-матуа, прежде чем будет приготовлена утренняя трапеза, я схожу с Вусо-ни-лаве на ваши поля и огороды, посмотрю на того хряка, что сгубил все счастье в Сиетура.

И с этими словами они разошлись и легли спать. Утром Занги-кула ударил ножом о наконечник копья, и все пятьсот собак тут же сбежались. Вусо-ни-лаве тоже пришел, и все вместе пошли к границе поселка, а оттуда двинулись к возделываемым землям. Как раз в это время там рылся в земле тот хряк. На спине у него рос огромный баньян. И Занги-кула сказал:

— Это хряк, хряк, не иначе,— и тут же кликнул своих собак.

С жутким лаем помчались они за хряком — лай их стоял над Сиетура и был слышен даже в Дрекети.

А хряк тут же бросился прочь, к наветренному берегу.

Занги-кула же бежал за собаками, бил в ладоши и кричал: «Ату, ату его!»

Так добежали они до Ваи-леву. Сто собак пали замертво, а остальные четыреста продолжали гнать огромного хряка. Когда они достигли мыса Унду, еще сто собак пало. Тех, что остались, Занги-кула гнал вперед, прихлопывая в ладоши и покрикивая на них. И вот уже хряк и собаки побежали в обратную сторону, по подветренному берегу. У Дрекети пало еще сто собак, осталось всего две сотни. А хряк тем временем достиг Сиетура и вновь принялся подниматься вверх, собираясь перебраться на наветренный берег. Занги-кула же не стал бежать к Сиетура, срезал часть пути по горам за Дрити и помчался вниз к На-савусаву. Там-то и столкнулся он с ужасным хряком и всадил в него копье. Но хряк мчался дальше. Они снова достигли Ваи-леву, и только там хряк приостановился. Вмиг собаки окружили его, а Занги-кула подбежал и добил.

Занги-кула вернулся в Сиетура и сказал:

— С хряком покончено. Он лежит в Ваи-леву.

И На-улу-матуа сказал на это:

— Очень хорошо.

Тут же были позваны Вусо-ни-лаве и Кули-ни-вутуна-ва, им было велено идти в Ваи-леву, привести оттуда хряка.

Они дошли до места, где лежал поверженный хряк, и Вусо-ни-лаве решил его там и опалить. Они стали рубить башмаки, что рос у хряка на спине, целый день трудились, и наконец дерево отделилось от спины. Они сгребли его ветки, подожгли и на этом огне опалили тушу хряка. А потом взвалили ее на плечи и понесли в свой поселок. Там нагрели печь и сразу испекли ее. А На-улу-матуа объявил всем в Сиетура:

— Пусть каждый приготовит полную печь угощений и пусть каждый приготовит по десять свиней и по два зуба кашалота в дар Занги-кула за его подвиг. И пусть каждая женщина даст по две циновки. Завтра состоится наш праздник.

Пришла ночь, все уснули. А на рассвете жители Сиетура поспешили к своим земляным печам, набрали хвороста, приготовили печи, заполнили их кореньями, закололи свиней. Когда все было готово, послали сказать об этом в Коро-ни-ява-кула. Всем было велено нести приготовленное угощение и складывать его в одном месте. Женщинам тоже был отдан приказ приготовиться. Наконец На-улу-матуа позвал их и велел нести дары.

А сам На-улу-матуа поднес Занги-кула три сотни зубов кашалота и сказал так:

— Это мое подношение. Все мы, люди Сиетура, теперь счастливы. Хряк, что принес нам столько бед, убит. Никто не мог осилить его, но наконец тебе это удалось. Пусть же больше никаких страданий не падет на людей Сиетура.

Он закончил свою речь, и Занги-кула сказал:

— Больше никогда свиньи не станут губить урожай людей Сиетура.

Так сказал он, и затем начался пир. Те две сотни собак, что остались в живых, тут же были накормлены. Настала ночь, все отправились спать. А утром Занги-кула поспешил к себе в На-ви-ндаму, взвалив на плечи тяжелый груз своих циновок и зубов кашалота.

А в Сиетура открыли печь — там лежала туша огромного хряка — и раздали его мясо всем в поселке. И еще послали мясо всем в поселках, которые подчинялись Сиетура. Так было навсегда покончено с огромным хряком, что так долго губил урожай жителей Сиетура.

99. [Ндаку-ванга]

О На-улу-матуа. Однажды он велел Вусо-ни-лаве приготовить со-леву для жителей Ротума в благодарность за спасенную ими команду лодки. А было так. Сиетура ходили войной на На-нгай-кула и уже возвращались к родным берегам, когда их лодка пошла ко дну. В это время ротуманцы проплывали мимо: они везли дары в Вату-ндири-ндунга. Заметив лодку из Сиетура, они подобрали гребцов и доставили их на Ротума.

Так вот, Вусо-ни-лаве согласился приготовить со-леву; он сказал:

— Хорошо. Я пойду скажу в поселке.

Вышел от На-улу-матуа и сразу пошел к себе. Там он протрубил сигнал к сбору, и все жители Сиетура сошлись к нему.

Вусо-ни-лаве сказал:

— Я пришел из Коро-ни-ява-кула, из дома На-улу-матуа. Он велел приготовить для ротуанцев со-леву в память о нашем спасении тогда, когда мы плавали в На-нгай-кула. Скажите об этом всем женщинам в деревнях, что подчиняются Сиетура. Каждая должна принести по две ци-

новки. И из каждого квартала этих деревень должны принести по одному зубу кашалота¹.

Вот что он сказал. И тут же слушавшие его люди отправились к вождям тех деревень. Прошел день, и они вернулись к Вусо-ни-лаве сказать, что скоро все будет готово.

На-улу-матуа приказал:

— Пусть все, что пойдет для нашего со-леву, будет готово завтра. А послезавтра мы отправимся в путь. Идите и скажите людям Сиетура: «Утром из всех деревень, покорных нам, должны принести все надлежащее для со-леву ротуманцам. Соберите провизию; надо принести тысячу кореньев дикого перца, он очень нужен в открытом море. Все приготовьте, и все должно ждать нашего отплытия. А отплываем мы послезавтра».

Прошел еще день, и На-улу-матуа сказал:

— Отплываем.

Они погрузились на лодку На-мата-сава-раава и на вторую лодку, На-драу-ни-мбуа.

На ночлег же они остановились на острове На-нуя. Там правил сын На-улу-матуа, и звали его вождь Дроми-ни-вула. Там они заночевали.

Но вождь На-улу-матуа не сошел с палубы; только Вусо-ни-лаве сошел на берег, и с ним люди Сиетура. Вождь Дроми-ни-вула тут же стал готовить им угощение. Приготовили янгону, и люди из Сиетура сели пить ее.

Настала темнота, и тогда только сошел на берег На-улу-матуа. Он сразу отправился к уединенному домику, где лежала жена вождя Дроми-ни-вула; а она ждала ребенка. На-улу-матуа притворился, что ищет, из чего бы ему свернуть самокрутку. Когда он появился там на пороге, жена Дроми-ни-вула заметила его, и он тут же поспешил обратно к своей лодке.

Вскоре вождь Дроми-ни-вула пришел к домику, где лежала его жена, беременная.

Она сказала ему:

— Здесь был На-улу-матуа. Не знаю, зачем он приходил сюда. Может, искал, из чего сделать самокрутку? А потом опять пошел к своей лодке.

Вусо-ни-лаве стоял там, не подалеку от дома. Он слышал, как говорила жена Дроми-ни-вула, и решил, что На-улу-матуа согрешил со своей невесткой, с женой вождя Дроми-ни-вула.

И Вусо-ни-лаве тут же поспешил к своим, сказав им так:

— Возвращаемся в лодки. Отплываем сейчас же. Пусть ночь, пусть темно — надо плыть на Ротума².

Все люди Сиетура поднялись, а вождь Дроми-ни-вула стал уговаривать Вусо:

— Вусо-ни-лаве, будь добр, позволь людям из Сиетура хоть немного выспаться.

Но Вусо-ни-лаве сказал:

— Это невозможно. Наша земля в смятении. Мы отплываем сейчас же.

И они тут же погрузились в лодки и уплыли.

А наутро вождь Дроми-ни-вула достал завернутый в тапу зуб кашалота и пошел прямо в Мбенау, к Ндаку-ванга. Просить же он его хотел вот о чем: когда люди Сиетура станут возвращаться с Ротума, пусть ни один из них не останется в живых.

Итак, он пошел в Мбенау и спросил там:

— Где старик?

Они отвечали:

— Он в Левука, но сегодня вернется.

Вождю пришлось ждать недолго. Вот появился старик Ндаку-ванга, вышел на берег и пошел в свой дом. Сразу спросил:

— Что случилось на острове На-нуя, что привело тебя сюда?

Тут вождь Дроми-ни-вула достал свой тамбуа, преподнес его духу и сказал.

— Вот маленький зуб для тебя, Ндаку-ванга. Люди из Сиетура сейчас плывут на Ротума с со-леву. Они заходили на На-нуя, и На-улу-матуа был в моем доме. Я не знаю наверняка, что он делал там. Пришел же я к тебе с тем, чтобы ты съел их всех, когда они будут возвращаться с Ротума. Горе мое велико, и я пришел к тебе с ним тотчас же, сегодня.

Ндаку-ванга принял подношение и сказал:

— Я беру твой тамбуа³. Никто из людей Сиетура не останется в живых. Хорошо. Возвращайся в На-нуя.

Прошел день, и вот Ндаку-ванга узнал, что люди из Сиетура собираются в обратный путь. Тогда он поспешил за остров Яндуа и стал поджидать их там.

А на Ротума как раз кончились торжества, и люди Сиетура пошли домой. За Яндуа же их поджидал Ндаку-ванга.

Они все спали: слишком долго пришлось им бодрствовать на Ротума. А уж Ндаку-ванга не дремал. Хвост его был под водой, голова высоко над водой, и вот он открыл

рот, и все волны устремились туда. Обе лодки понеслись по волнам прямо в пасть Ндаку-ванга. А все, кто плыл там, спали. Спали и не просыпались, так что лодки неслись сами по себе. И так поплыли они прямо в пасть Ндаку-ванга. Ндаку-ванга проглотил их, тотчас же захлопнул пасть и отправился назад в Мбенау.

Но, отплывая на Ротума, люди Сиетура отнесли дары благородному и знатному Ингоинго-а-вануа; он заметил и принял их. И он видел, как лодки попали прямо в пасть Ндаку-ванга.

Итак, Ндаку-ванга вернулся в Мбенау, а благородный Ингоинго-а-вануа взял сотню зубов кашалота и попес их Тама-ни-нгео-лоа в Саро-ванга, чтобы рассказать ему о случившейся беде: Ндаку-ванга проглотил людей Сиетура. Он пошел прямо к Тама-ни-нгео-лоа и сказал:

— Я пришел просить тебя: останови Ндаку-ванга.

И Тама-ни-нгео-лоа сразу сказал:

— Хорошо, я пошлю своего Ува-созала в Яндуа, он скажет обо всем Воливоли-и-яндуа, и тот пойдет и заберет Ндаку-ванга в Мбенау.

И вот уже Воливоли-и-яндуа отвечал:

— Хорошо, хорошо, утром я отправлюсь за Ндаку-ванга.

Утром Воливоли отправился в Мбенау. Едва он миновал На-савусаву, как Ндаку-ванга сказал своим:

— Вы все оставайтесь здесь, а я пойду в Левука. Здесь мне жарко, а в Левука я хоть глотну свежего воздуха.— И ушел.

А тот, с Яндуа, вскоре явился туда и стал спрашивать тамошних жителей.

— Где Ндаку-ванга?

Они в ответ:

— Он ушел в Левука. Говорит: «Здесь мне жарко, а в Левука я хоть глотну свежего воздуха».

Тогда дух с Яндуа тотчас отправился в Левука. Вот он уже достиг Мако-нгай, и Ндаку-ванга сказал:

— Лучше мне пойти в Суву. В Левука жарко. Отправлюсь-ка в Суву, может, там глотну свежего воздуха.

И вот дух с Яндуа прибыл в Левука, а Ндаку-ванга там уже нет. Он спросил:

— Куда пошел Ндаку-ванга?

И жители Левука ответили:

— В Суву.

Тотчас же дух с Яндуа отправился в Суву. Вот он уже оказался близ На-солаи, и тут Ндаку-ванга сказал:

— Отправлюсь-ка я на Тонга. В Суве жарко. А на Тонга мне удастся глотнуть свежего воздуха.

Тем временем Воливоли-и-яндуа прибыл в Суву и не застал там Ндаку-ванга. Стал спрашивать, где он, и услышал:

— Он отправился на Тонга.

Тотчас же пустился он за Ндаку-ванга, на Тонга, прибыл на Тонга и спросил:

— Где Ндаку-ванга?

А на Тонга отвечали:

— Он вернулся на Фиджи.

Тут Воливоли-и-яндуа подумал, подумал и решил не возвращаться в Мбенау, а сразу отправился к себе на Яндуа.

Пропал день, а на второй Воливоли-и-яндуа приготовил крепкий канат в сто саженей длиной и поспешил к Мбенау. Едва он достиг На-савусаву, как Ндаку-ванга в Мбенау решил:

— Отправлюсь-ка я опять в Левука. Здесь слишком жарко. А в Левука я, может, глотну свежего воздуха.

Но Воливоли-и-яндуа и не собирался в Мбенау. Он направлялся на остров Коро. Когда он уже почти достиг берегов Коро, он заметил Ндаку-ванга: тот тоже двигался туда. И Воливоли сказал себе: «Это он, это точно Ндаку-ванга».

Так они сошлись там, и дух с Яндуа крикнул:

— Здравствуй, друг мой!

Они поболтали немного, а потом дух с Яндуа сказал:

— Я обязан арестовать тебя, я беру тебя под стражу именем вождя.

Ндаку-ванга сказал:

— Я повинуюсь тебе.

Дух с Яндуа сказал:

— Мы отправимся в Сиетура,— и с этими словами связал Ндаку-ванга той самой веревкой, что припас. Так они отправились в Сиетура. Прибыли в Сиетура, а там как раз все собирались судить Ндаку-ванга. Его осудили и обязали работать до самой смерти за его преступление.

Но Ндаку-ванга сказал:

— Мне не исполнить этого. Лучше я верну вам людей Сиетура.

И главный судья решил:

— Очень хорошо.

Ндаку-ванга рыгнул с ужасной силой, и прямо на землю Сиетура вышли из его пасти обе лодки.

Главный судья сказал:

— Очень хорошо. Мы благодарим тебя. Ты вернул нам людей Сиетура, потому что не смог бы вынести наше наказание. Вот ты и выплюнул обе наши лодки.

На этом все разошлись.

А если бы не раскаяние Ндаку-ванга, люди из Сиетура точно погибли бы.

Ндаку-ванга вернулся в Мбенау. А те люди из Сиетура продолжали жить в добром здравии. Но если бы на его месте был кто-нибудь еще, не Ндаку-ванга⁴, они бы точно погибли.

100. [Мба-ни-сину, Зоке-ни-веси-кула, Сау-ни-коула]

У сиетура был один вождь, звали его Мба-ни-сину¹. Однажды пошел он в лес ловить голубей. Взял с собой сто силков и все установил на дереве, было это мали. Ждал он, ждал, уже ночь пришла, а все ни одного голубя. Он собрался домой, отправился. Прибыв к себе в Сиетура, он услышал голоса в одном из домов: там не спали. Назывался тот дом Мбуре-ни-вотуа², и был это дом Зоке-ни-веси-кула³ и его сестры, госпожи Сау-ни-коулы⁴. Мба-ни-сину подошел к тому дому, чтобы узнать, отчего его хозяева не спят; но в дом не стал входить. И вот он услышал, как Зоке-ни-веси-кула говорит госпоже Сау-ни-коуле:

— Почему ты не замужем?

Сестра в ответ:

— В Сиетура нет ни одного человека, которого бы я могла полюбить. Из всех, кто родился здесь, нет ни одного, за кого мне хотелось бы выйти замуж!

Тут Зоке рассердился, встал, взял свой свиток тапы с полки и вышел вон. Схватив свиток за край, он позвал Сар-ке-и-вую⁵.

— Будь милостив, о дух, ниспошли мне вихрь!

И Сарс послал ему вихрь, что развернул свиток тапы и поднял его вверх.

А Зоке-ни-веси-кула сказал:

— Будь добра, Сау-ни-коула, взойди вверх по этой тапе⁶.

И она стала подниматься, а когда была уже высоко, тапа разорвалась, и Сау-ни-коула улетела на куске тапы, а где опустилась па землю — неизвестно.

Тут Мба-ни-сину поспешил к себе, принялся искать зубы кашалота. И нашел их сто. Отнес их в Мбуре-ни-воту, показал их Зоке-ни-веси-кула и сказал:

— Это мои дары, а пришел я просить тебя о том, чтобы Сау-ни-коула стала моей женой.

Зоке же ответил ему:

— Прошу тебя, забери все эти тамбуа. Госпожи Сау-ни-коулы здесь нет; она поднималась по моему поясу из тапы, а он не выдержал. И теперь я не знаю, куда она упала, жива ли она или уже умерла.

На это Мба-ни-сину сказал:

— Пусть так — тогда брось эти зубы на землю: вход в твой дом будет выложен ими.

И Мба-ни-сину ушел, снова отправился к себе — а его дом носил название На-се-кула — и снова занялся поисками зубов кашалота. Нашел еще сто и снова понес их к Зоке-ни-веси-кула, в Мбуре-ни-воту. И опять отдал ему зубы кашалота с такими словами:

— Это мои дары; я хочу получить в жены госпожу Сау-ни-коулу.

И Зоке снова ответил:

— Прошу тебя, забери все эти зубы кашалота.

Мба-ни-сину же сказал:

— Пусть так — брось эти зубы на землю: вход в твой дом будет выложен ими.

И снова Мба-ни-сину ушел, снова отправился к себе, в Насе-кула, снова занялся поисками кашалотовых зубов. И сумел пойти еще пятьдесят. Их тоже преподнес Зоке-ни-веси-кула, и тогда тот сказал:

— Хорошо же. Теперь я дам тебе надежду. Иди и ищи Сау-ни-коулу. Найдешь ее, она станет твоей женой, не найдешь — не станет⁷.

И Мба-ни-сину согласился:

— Будь так.

Он вышел и поспешил домой. Там он взял свой нож, а затем углубился в заросли и срезал сто сухих стеблей тростника. А затем поспешил туда, где растут ндакуа, наполнил эти стебли смолой и вернулся к себе⁸.

Солнце уже садилось, и он заторопился в Ндама, к устью реки. Уже стемнело, он зажег тростниковый факел, осветил речку, пропел ее всю, до истока, но ничего не нашел⁹. Он пошел обратно и как раз к восходу солнца дожел до На-лово-калоу. Оттуда поспешил он к устью речки, что в Мбуа, и там проспал весь день. А когда солнце село и стало темно, он зажег другой тростниковый факел

и осветил всю речку в Мбуа. Дошел до ее истока, но ничего не нашел.

Пошел обратно и как раз к восходу солнца достиг тропы в Ваи-леву; поспешил к устью речки, в Вотуа, и там проспал весь день. Когда солнце село и стало темно, он зажег новый тростниковый факел и осветил им всю речку в Вотуа. Дошел до ее истока, но ничего не нашел.

Пошел обратно и как раз к восходу солнца достиг тропы в На-дра-саусау-алева; поспешил к устью речки, что в Саро-вапга, и там проспал весь день. Когда солнце село и стало темно, он зажег новый тростниковый факел и пошел на поиски вдоль речки в Саро-ванга. Дошел до истока, но ничего не нашел.

Пошел обратно и как раз к восходу солнца достиг тропы в Ндакуа-ни-вакадрау-ки-ра, поспешил к устью речки, что в Дрекети, и там проспал весь день. Когда солнце село, он зажег новый тростниковый факел и попал на поиски вдоль речки в Дрекети. Дошел до истока, но ничего не нашел. Тогда он направился в глубь острова, прямо к главному поселку, к Сея-нгаса¹⁰, что лежит возле горы Ва-лили¹¹.

Тут он увидел свет из-за острова Коро и решил: «Наверное, это лодка плывет в На-савусаву».

Но через какое-то время он заметил, что свет остается на месте, никуда не движется: все время там, на одном месте. «Это не лодка. Будь это лодка, она бы двигалась. А свет этот неподвижен,— подумал он.— А вдруг это и есть госпожа Сау-ни-коула?!»

Бросив свои тростниковые светильники, он поспешил в Ваи-леле, что в местности На-се-кава. Вбежал в воду и поплыл прямо к Коро, туда, где горел свет. Когда же он подплыл совсем близко к тому месту, откуда шел свет, света вдруг не стало. Тогда он пырнулся — а там под водой был риф, и он ударился головой о красный коралл. Потом он вошел внутрь рифа и сразу оказался на дороге. Поспешил вперед по ней и вскоре увидел большой дом. Подойдя к дому, он произнес слова приветствия, и благородная госпожа в том доме проснулась. А Мба-ни-сину вошел в дом, и там они повстречались.

И та госпожа спросила:

— Ты знаешь, кто я?

Мба-ни-сину ответил:

— Привет тебе, госпожа Сау-ни-коула.

Она же сказала:

— Хорошо. Вернемся в Сиетура.

Мба-ни-сину тут же вышел из дома, а Сау-ни-коула сказала:

— Зоке-ни-веси-кула, помоги мне сегодня, протяни эту дорогу до самого Сиетура, чтобы Мба-ни-сину не пришлось дважды плыть по океану.

Вот Мба-ни-сину дошел до берега, а там его ждала дорога. Он пошел прямо по ней и достиг Сиетура. Там же он поспешил в тот дом, в Мбуре-ни-вотуа.

И Зоке-ни-веси-кула вскричал:

— Приветствуя тебя, Мба-ни-сину! Нашел ли ты госпожу Сау-ни-коулу?

Мба-ни-сину ответил:

— Я видел ее.

Вскоре туда прибыла сама госпожа, и Зоке-ни-веси-кула велел ей:

— Ступай сейчас же в На-се-кула, в дом Мба-ни-сину.

А Сау-ни-коула ответила:

— Это невозможно.

Зоке же сказал:

— Свиина и прочие яства свадебного пира немного значат¹² — посмотри на зубы кашалота, вон они лежат. Вот это важно. Ступай же; это будет хорошо.

Пришла ночь, и супруги легли спать вместе. На рассвете госпожа Сау-ни-коула уже была в тягостях, а когда солнце взошло высоко, родила¹³. Родился у нее мальчик. Мба-ни-сину поспешил к Зоке-ни-веси-кула со словами:

— Госпожа Сау-ни-коула родила сына.

Зоке же сказал:

— Хорошо. Возвращайся к себе. Подойдешь к дому — скажи: «Проснись, Зина-и-ваи-сали¹⁴».

И тот юноша поспешил к Мба-ни-сину¹⁵ и пошел спать к нему в дом. Утром же Мба-ни-сину приготовил пир по случаю рождения сына. Этот пир закончился только к вечеру, и Сау-ни-коула позвала:

— Мба-ни-сину, приди. Давай ляжем вместе.

Утром же она была в тягостях, а когда солнце взошло высоко, родила. Родился у нее мальчик. Мба-ни-сину поспешил к Зоке-ни-веси-кула со словами:

— Госпожа Сау-ни-коула родила сына.

Зоке же сказал:

— Хорошо. Возвращайся к себе. Подойдешь к дому — скажи: «Проснись, А-кело-ни-тамбуа¹⁶».

И этот юноша поспешил к Мба-ни-сину и попал спать к нему в дом. Утром же Мба-ни-сину приготовил пир, пир по случаю рождения сына.

А вечером Сау-ни-коула позвала его:

— Мба-ни-сину, приди. Давай ляжем вместе.

Утром она была в тягостях, а когда солнце взошло высоко, родила дочь. И Мба-ни-сину поспешил к Зоке-ни-веси-кула со словами:

— Госпожа Сау-ни-коула родила дочь.

И Зоке-ни-веси-кула сказал:

— Хорошо. Возвращайся в Насе-кула. Там позови ее: «Вставай, Мира-ласе-кула».

И девушка эта тоже вышла и пошла спать в дом Мба-ни-сину.

Утром же Мба-ни-сину приготовил пир, пир по случаю рождения дочери. А вечером Зоке-ни-веси-кула пришел к ним и сказал:

— Я пришел остановить вас: у вас уже довольно детей. Каждому я дам теперь дело. Пусть госпожа Сау-ни-коула останется в Мбуре-ни-вотуа и пусть занимается духами только что умерших людей. Что до Зина-и-ваи-сали, он будет приносить нам рыбу; А-кело-ни-тамбуа будет собирать хворост, а Мира-ласе-кула — готовить пищу¹⁷. Мы же с тобой будем главными предками и покровителями Сиетура.

И так остается по сей день.

101. [Кали-ни-вутунава и Ндаку-ванга]

Жили Кали-ни-вутунава с женой, благородной госпожой Ливата-драна.

Раз Кали-ни-вутунава сказал жене:

— Приготовь красного ямса и красного цыпленка к нему¹. Пока ты будешь готовить, я выйду пройтись. А когда вернусь, мы сядем есть.

И так, он вышел и пошел на наветренный берег. Прешел Ваи-нупу, миновал Ндава, Нгангу, прошел Мосе-ндава, перешел ручей и двинулся через На-се-кава².

Так вот, попал я в На-мба-лемба-ни-ванга³. Огляделся, вижу: а в На-мба-лемба-ни-ванга множество людей. Стал думать: «Отчего столько людей собралось в На-ндуру-ванга? Может быть, они готовят священную янгону, священный напиток для Ндаку-ванга? Пойду-ка прямо туда⁴».

А у входа в общинный дом стояли два человека, и у каждого в руках по топору. На любого, кто пытался прервать торжество у Ндаку-ванга, бросались они с топором.

Но Кали-ни-вутунава попросту промчался мимо них и влетел в дом. Они даже ничего не смогли сделать.

Так он оказался в доме, и все тут же прекратили пить из своих чаш и уставились на Кали-вутунава. Ведь Ндаку-ванга приказал убивать всякого, кто посмеет потревожить священное пиршество! А Кали-ни-вутунава стоял цел и невредим перед ними, на самой середине дома!

Ндаку-ванга тогда отдал приказ:

— Налейте янгоны и подайте ее Кали-ни-вутунава.

Кали-ни-вутунава сел пить, опорожнил свою чашу, а глаза его все время смотрели на балку того дома⁵. Ндаку-ванга сказал:

— Ты наказан, Кали-ни-вутунава. И вот какое наказание тебя ждет: ты должен пойти и разрушить Януяну-лала.

И Кали-ни-вутунава пошел к себе в Сиетура. Вернулся, а жена все еще готовит.

Наконец они сели есть, а едва поели, пришел Вусо-ни-лаве и спросил:

— Где ты был, Кали-ни-вутупава? Я обошел множество мест и нигде не мог тебя найти.

Кали-ни-вутунава в ответ:

— Я не могу тебе сказать: я в тягостях!

Вусо-ни-лаве сказал:

— Пусть же скорее родится твой ребенок, я буду заботиться о нем.

Кали-ни-вутунава в ответ:

— Боюсь, что, когда он родится, ты сбросишь его со скалы.

Вусо-ни-лаве сказал:

— Когда он родится, я буду носить его на плечах⁶.

— Что ж, хорошо. Сегодня я гулял по берегу, дошел до На-идуру-ванга и попал к Ндаку-ванга на торжество, где пили янгону. И мне назначено наказание: я должен разрушить Януяну-лала.

Вусо-ни-лаве сказал:

— Хорошо, иди и готовь нашу лодку, нашу Вата-ни-руве-кула.

Когда все было собрано для плавания, они отправились, взяв с собой своих товарищей, и было их две тысячи. Три ночи и три дня плыли они, и вот Вусо-ни-лаве решил позвать Ва-друа-вон-кула⁷:

— Заберись наверх, посмотри вперед.

Ва-друа-вон-кула забрался на мачту — лез он головой вниз, ногами вперед⁸, — уселся на ней и стал смотреть

вперед. И наконец он увидел что-то крохотное, похожее на песчинку или на муху, так это было далеко.

— Там вдали дымящий парус⁹.

Все, кто плыл на этой лодке, стали пристально смотреть вдаль, но ничего не увидели. Еще три дня минуло, и наконец все увидели то, что заметил Вадруа-вонокула.

Вусо-ни-лаве спросил:

— Откуда эта лодка, с какой земли?

Вадруа-вонокула отвечал:

— Эта лодка? Эта лодка с Януйян-лала. Называется она На-ванга-вануа¹⁰.

Тогда Вусо-ни-лаве сказал:

— Очень хорошо. Пересчитай, сколько на ней человек, и посмотри внимательно, что вообще на ней есть.

Вадруа-вонокула сказал:

— Я знаю, как зовут людей, плывущих на этой лодке. Капитан ее — Нданда-ума. Помощник его — А-идурумбуамбуа, кормчий — А-дре-васуа, стрелок Соро-а-вуравура, а впередсмотрящий Вороворо-друа.

Вусо-ни-лаве сказал:

— Хорошо. Поплывем вдоль борта На-ванга-вануа.

Нданда-ума крикнул:

— Откуда ваша лодка?

Вусо-ни-лаве сказал своим:

— Я один буду отвечать, вы все молчите, — и прокричал: — Наша лодка из Кели-а-вула! Мы плыли в Суву, хотели торговать там кокосами! Тут налетел ураган и сбил нас с пути!

Вороворо-друа спросил:

— А вы знаете о Сиетура?

Вусо-ни-лаве отвечал:

— Сами мы не знаем Сиетура. Слух о том, что там живут могучие люди, что подвиги их приводят в трепет всех других, до нас доходил, но сами мы никогда не видели этого поселка.

На это Нданда-ума сказал:

— Надо же! А мы как раз плывем в Сиетура, чтобы захватить в плен Ингоинго-а-вануа, чтобы сделать Наулу-матуа прислужником в кухонном доме, чтобы заставить Вусо-ни-лаве таскать хворост. Пусть солнце и дождь сделают их замарашками.

Вусо-ни-лаве сказал:

— Что ж, очень хорошо. А нельзя ли мне взойти на палубу На-ванга-вануа?

Нданда-ума сказал:

— Конечно, поднимайся.

Вусо-ни-лаве взял с собой А-кело-ни-тамбуа. Когда они приблизились к лодке, Вусо-ни-лаве сказал:

— А-кело-ни-тамбуа, ты должен проникнуть под палубу На-ванга-вануа и узнать, что там внутри.

А сам поднялся к капитанской каюте. Вошел, встал там и стал спрашивать:

— Что это?

Нданда-ума в ответ:

— Это румпель.

— А это?

— Это компас.

Так Нданда-ума показал ему все, и Вусо-ни-лаве сказал:

— Все это замечательно, но я ведь полный невежда, так что покажи мне, как управлять На-ванга-вануа. Я умею управлять только обычной двойной лодкой.

Нданда-ума согласился:

— Хорошо, идем.

И он стал учить его:

— Вот компас. Корабль плывет туда, куда показывает компас.

<...>

Вусо-ни-лаве сказал:

— Благодарю, теперь я все понял.

Нданда-ума пошел к себе, лег на койку и стал читать газету. А в той газете как раз было написано о Сиетура, о том, как сильны тамошние люди, о том, что в Сиетура целых две тысячи великих и могучих воинов.

А Вусо-ни-лаве позвонил в колокол и стал переговариваться с А-кело-ни-тамбуа:

— Как там у тебя? Ты понял, как там все устроено? Понял, как работает печь?

А-кело-ни-тамбуа отвечал:

— Я уже все понял, понял, как загружать печь, как разжигать ее.

А тут как раз появился Соро-вуравура. Он был очень недоволен: печь оказалась нагрета очень плохо и корабль весь тряслось. Подскочил А-кело-ни-тамбуа, налетел на него, и уже между ними началась схватка. Сражались они яростно, но наконец А-кело-ни-тамбуа удалось схватить Соро-вуравура. Он затолкал его в печь и пакрепко запер дверцу.

А Вусо-ни-лаве там, наверху, почуял дух Соро-вуравура. Он снова позвонил в колокольчик и спросил:

— Что там, А-кело-ни-тамбуа?

А-кело-ни-тамбуа сказал:

— Это Соро-вуравура. Я убил его и затолкал в печь.

А тут Вороворо-друа стал спрашивать:

— Что это так хорошо пахнет, Вусо-ни-лаве?

Вусо-ни-лаве отвечал:

— Может быть, уже обеденное время и кок готовит что-то вкусное.

Вороворо-друа отвечал:

— Прекрасно, идем обедать. Наберемся сил перед нападением на Сиетура.

Тут Вусо-ни-лаве приказал отвязать Вата-ни-руве-кула, выйти на ней в открытый океан и там ждать пушечных выстрелов. Когда раздастся два пушечных выстрела, надо возвращаться. А до тех пор все плывущие на Вата-ни-руве-кула должны ждать в открытом океане.

И тут я напал на Нданда-ума, лежавшего в своей каюте, и отбросил его прочь. Вот мое подношение тебе, благородный господин Ингоинго-а-вануа! Помоги мне разрушить На-ванга-вануа...

С этими словами он выбежал из каюты на палубу, схватил А-ндуру-мбуамбуа, схватил А-дре-васуа, схватил Вороворо-друа, связал их троих. А потом связал всех, кто плыл там,—их было две тысячи — и привязал к ним этих троих. Всех их он запер на нижней палубе.

Тут выстрелили из пушек, и эти выстрелы были услышаны на Вата-ни-руве-кула. Услышав два выстрела, Кали-ни-вутунава сказал:

— На-ванга-вануа побеждена. Возвращаемся!

Они быстро поплыли обратно, и вскоре все были на палубе На-ванга-вануа. Пустились в путь, доплыли до Нданда-ума и оказались там как раз тогда, когда Нданда-ума не было дома. Он ушел на свой водоем купаться. И они поплыли к нему туда.

Нданда-ума спросил:

— Что за лодка, откуда вы?

Тут Кали-ни-вутунава показал ему вуб кашалота и сказал:

— Нданда-ума, этот тамбуа — тебе. Это за то, что недавно я нарушил твое торжество, где пили янгону.

Нданда-ума сказал:

— Я принимаю твой тамбуа. Да будет процветание в твоем доме, да будет процветание в моем доме. Да будет благословенно имя Сиетура. Теперь твоя напасть кончилась.

Кали-ни-вутунава сказал:
— Хорошо. Сойдем на берег.
Но Вусо-ни-лаве возразил:

— Нет, нет. Мы возвращаемся в Сиетура. Нас очень ждут там, мы там нужны. А если ты надумаешь что-то, так уж потом.

102. [Как был построен дом для Вале-лоа]

Был в Сея-нгаса вождь. Звали его Вале-лоа. Однажды он решил:

— Отправлюсь в Сиетура, попрошу На-улу-матуа, чтобы его люди построили мне дом.

Проснувшись на рассвете, он отправился в Сиетура. С собой он взял два десятка зубов кашалота. Под вечер он достиг Сиетура и сразу направился в Коро-ни-ява-кула.

На-улу-матуа сказал:

— Привет пришедшему из Сея-нгаса. Что нового?

Вале-лоа протянул ему зубы кашалота и сказал без обиняков:

— Я пришел сюда, потому что наслышан о вашей славе: вы умеете строить дома. Я пришел просить, чтобы твои люди поставили мне дом.

На-улу-матуа взял зубы кашалота и сказал:

— Я принимаю твой дар. Будет тебе дом, с опорными столбами из стволов веши, с крышей, устланной листьями макита.

<...> Наутро Вале-лоа сказал:

— Я пойду к себе.

На-улу-матуа согласился:

— Хорошо. Мы соберемся на совет, примем решение, а потом к тебе придут и сообщат, когда мы выйдем к тебе, чтобы начать строительство.

Вале-лоа поднялся и поспешил в Сея-нгаса.

А На-улу-матуа вышел из дома, поднес к губам свою поющую раковину и протрубил в нее. И вот уже люди Сиетура собрались в Коро-ни-ява-кула. Все мужчины пришли туда. На-улу-матуа взял зубы кашалота и сказал:

— Вчера ко мне приходил Вале-лоа из Сея-нгаса; сейчас он уже вернулся к себе. Вот тамбуа — их он привнес. Он просит нас построить ему дом. Я сказал ему, чтобы он возвращался в Сея-нгаса: мы примем на совете решение и обо всем ему сообщим.

Он договорил, и собравшиеся тут же стали решать, кто чем должен заняться. Людям Сиетура надлежало изготавливать опорные столбы, продольные и коньковые балки. Крышу, с коньком и поперечными балками, должны были сделать жители Коро. Жители На-ву-ни-вануа должны были сплести циновки и веревку для строительства, а еще — изготавливать украшения для конька. Класть крышу надлежало жителям Ваза-калау. Каждая женщина в Сиетура и во всех поселках обязана была сплести циновку для нового дома Вале-лоа.

Когда все было решено, они разошлись и сразу принялись за работу.

Итак, люди Сиетура начали готовить опорные столбы. А один из них, Тама-ни-ломбуа, был послан в Сея-нгаса. Он сказал Вале-лоа:

— Через два дня наши будут здесь.

Вале-лоа тут же стал готовиться к встрече, стал собирать пищу. Собрал десять тысяч клубней ямса и десять тысяч клубней таро.

Люди Сиетура, вытесав опорные столбы, отправились в Сея-нгаса. Приготовили основание для будущего дома, разровняли пол, поставили опорные столбы, положили коньковые балки. Тут пришли из На-ву-ни-вануа, и вскоре крыша была готова. Они же украсили ее. За ними пришли люди Ваза-калау, покрывшие крышу листьями макита. Наконец пришли женщины, выстелили пол нового дома циновками.

Вале-лоа начал пир, и все сиетура получили подарки. Потом раздали еду. Поев, они легли там спать, а наутро отправились домой.

103. [Сиетура и Сея-нгаса]

В Сея-нгаса был вождь по имени Мба-ни-ндакуа-друа. Он был наслышан о Вусо-ни-лаве. Как-то он сказал себе: «Что за человек Вусо-ни-лаве? Надо пойти и посмотреть на него, велик он или мал. О нем столько говорят...!»

Наутро он собрался, расстелил у себя в доме кусок тапы, взял бамбуковый сосуд с черной краской, вылил краску и вывалился в нее. Когда кожа его стала совсем черной, он надел набедренную повязку, взял топор и отправился в путь². Шел он на запад. К вечеру он достиг Сиетура и пошел в дом На-улу-матуа. На-улу-матуа спросил его:

— Откуда ты, благородный вождь?

— Из Сея-игаса.

— Что привело тебя сюда?

— У себя в Сея-игаса я много слышал о Сиетуре.

Я хочу увидеть лучшего из ваших. Его зовут Вусо-ни-лаве.

На-улу-матуа сказал на это:

— Его сейчас нет. Он, паверное, ушел в горы.

Но вскоре послышался странный шум — такой, словно на поселок летит ураган. На-улу-матуа сказал:

— Это он, его голос слышен.

И еще На-улу-матуа сказал тому вождю, что ему стоит выйти из дома, чтобы увидеть, как Вусо-ни-лаве во всем блеске возвращается в Сиетура.

И вот появился Вусо-ни-лаве. Мба-ни-ндакуа-друа сказал:

— Все, что я слышал о Вусо-ни-лаве, истинная правда. Он настоящий мужчина, равных ему нет.

А На-улу-матуа отдал такой приказ:

— Вусо-ни-лаве, пойди и вырви из земли корень янгоны. В На-ву-ни-вануа растет лучший побег дикого перца — его отдал, подариł мне А-кело-ни-тамбуа. В моем доме сидит вождь, пришедший посмотреть на нас, и для него надлежит приготовить янгону.

Вусо-ни-лаве отправился туда. А с тех пор как А-кело-ни-тамбуа отдал побег янгоны верховному вождю, прошло десять лет. Вусо-ни-лаве вырвал побег из земли и тотчас же понес его в Сиетура. На-улу-матуа велел готовить янгону, которую надлежало поднести Мба-ни-ндакуа-друа.

Вусо-ни-лаве разжевал кусочки корня и положил кашницу в Нгило-ни-сиетура. Потом встал, выломал сучок из опорного столба того дома — тотчас хлынула вода, полилась в чашу. Когда все было готово, Вусо-ни-лаве подал чашу Мба-ни-ндакуа-друа. И тот вождь из Сея-игаса пил первым. А На-улу-матуа пил из той чаши лишь после него. Когда же они опорожнили чашу, Мба-ни-ндакуа-друа сказал:

— Все, что я слышал о Сиетуре, истинная правда. Два дива славят Сиетура, сила необычайного и сила мужества.

Затем они подкрепились и легли спать. На-улу-матуа же сказал Вусо-ни-лаве:

— За эту ночь надо приготовить побольше яств. Пусть все в Сиетура испекут угощенье для Мба-ни-ндакуа-друа.

И они приготовили кушанья, а наутро поднесли их Мба-ни-ндакуа-друа. Тот сказал:

— Вы принесли мне невероятно много, я ведь здесь один. Мы разделим это угощение, На-улу-матуа, мы разделим его между людьми Сиетура.

Когда Мба-ни-ндакуа-друа закончил есть, На-улу-матуа сказал:

— Возвращайся в Сея-нгаса. В прежние времена люди Сиетура ни перед кем не склоняли головы. И сейчас мы тоже непобедимы. А все потому, что мы получили силу при исходе из Верата³. Роко-ма-уту дал нам эту силу, и она живет по сей день. На многих землях вступали мы в сражение и никогда не бежали из боя. Мы готовы умереть в битве, но не сдаемся никогда.

Беседа их закончилась, и Мба-ни-ндакуа-друа отправился к себе.

В Сея-нгаса он стал рассказывать:

— Все, что говорят о Сиетура, — правда. Нет ничего, в чем были бы они слабы или неловки.

И Друа-са-меке-наки, вождь из Ва-лили, сказал:

— Среди предков, что есть на Фиджи, предки сиетура выше и лучше всех. Люди Сиетура превосходны и наводят на всех трепет, ведь они искони наделены непобедимой силой. Ничего не останется там, где они проходят войной. Я своими глазами видел это, сам в этом убедился. Мы сражались в Улу-и-на-ваве, против нас вышел Вусони-лаве из Сиетура. Он сровнял с землей весь поселок Улу-и-на-ваве, а нас всех обратил в бегство. В Сиетура живут самые могучие, самые мужественные люди. Никто не смеет разгневать их, никого такого я не знаю. Люди Сиетура будут непобедимы, и все будут склонять перед ними головы, пока стоит мир.

104. [Вождь из Вуя и вождь из Яндали]

В Вуя жил один вождь. Раз вспомнилось ему, как пекогда поступил с ним вождь Яндали, что в Ваи-нуну. Вспомнилось это вождю Вуя, и он вышел из дома, взял свою поющую раковину и затрубил в нее. Жители Вуя тотчас собрались, и он сказал:

— Послушайте меня. Однажды мы были в Кумбу-лау, обменивались там дарами с местными жителями. На обратном пути заночевали в Муа-ни-зула. Тамошние жители как раз готовили пищу, но Туи Яндали не угостил нас

свининой¹. Так вот, мы, жители Вуя, должны пойти туда войной.

Все, кто там был, согласились, и тогда вождь громким голосом отдал приказ:

— Послезавтра мы отправляемся.

Все вышли от него и поспешили по своим домам.

Наутро вождь Вуя приготовил надлежащие кушанья; вечером собрались жители Вуя, и начался пир. Раздали пищу, и вождь сказал:

— Завтра мы пойдем войной на Яндали. Там не должен остаться в живых никто. Мы разрушим все до основания, и с того времени одни кабаны будут носиться в лесных зарослях, что поднимутся на месте их нынешнего святилища. А их вождя мы должны взять живым. Он будет носить для меня хворост и тем заплатит за оскорбление, что нанес нам в Муа-ни-зула.

Наступила ночь, все уснули. Наутро пустились в путь. Итак, жители Вуя пошли прямо в Са-оло. А вождь Яндали из своего дома, что стоял на мысе в Яндали, увидел, как они приближаются. Тут же позвал он гонца:

— Я вижу там кое-что: сюда идет с запада целое войско. Они идут по берегу и уже дошли почти до Са-оло. Сообщи об этом в поселке. Я знаю, что это за войско: вождь Вуя идет на меня войной, чтобы отплатить мне за слова, сказанные мной тогда в Муа-ни-зула. Они шли тогда из Кумбу-лау, где обменивались дарами с тамошними жителями, и заночевали в Муа-ни-зула. Я же запретил давать им свинину. Теперь людям Яндали надо готовиться к бою. Мы примем его на берегу реки.

Итак, жители Яндали приготовились и залегли в засаде, поджидая войско из Вуя.

Тем временем жители Вуя достигли Муа-ни-зула, переплыли устье реки и стали карабкаться по другому берегу. Вождь Вуя сказал:

— Теперь мы должны разделиться. Мы будем сражаться с людьми Яндали, я же буду бороться с их вождем.

Тут он увидел вождя Яндали — тот нес на плече палицу из ава-вуна. А вождю из Вуя показалось, что вождь Яндали несет палицу, сделанную из гибискуса².

И вот началось сражение. Два вождя сошлись лицом к лицу. Вождь Яндали ударил вождя из Вуя. Трижды ударили он его, и вождь Вуя понял, что враг его вооружен настоящей боевой палицей, а не безделкой из гибискуса. И вождь Вуя сказал своим:

— Люди Вуя, продолжайте сражаться, идите мне на помощь!

А все потому, что вождь Вуя был слаб.

Они сражались до темноты, а с наступлением ночи вождь из Вуя сказал:

— Нам стоит передохнуть.

И вождь Яндали согласился:

— Хорошо, давай передохнем.

С этими словами все люди Яндали разошлись. Но вождь из Вуя говорил пустое! Не успела ночь сгуститься над землей, как он сказал своим:

— Бежим! Если наутро мы снова вступим в сражение, мне не жить. Я теперь знаю точно, что палица вождя Яндали сделана из ава-вуна, а вовсе не из гибискуса.

Они мигом перебрались через реку в Муа-ни-зула, а к восходу солнца уже миновали Са-леву.

Наутро вождь Яндали сказал своим:

— Пойдем опять на берег, посмотрим, что стало с этим вождем из Вуя.

Пришли, а людей из Вуя нет: они бежали еще ночью.

Жители Яндали разошлись по домам. Так закончилось сражение между вождем Вуя и вождем Яндали.

105. [Разрушение На-мбете-ни-ндио]

Однажды Рату Тевита из Драка-ни-ваи пришел к Рату Ионе, вождю На-мбете-ни-ндио. Пришел просить свинины. Но вождь отказал ему, не дал ничего, так что пришлось Рату Тевита возвращаться в Драка-ни-ваи ни с чем. Итак, он вернулся к себе, тотчас достал зуб кашалота и, не медля ни часа, отправился в Дрекети, к Рату Ионке. А Рату Ионке был вождь поселка Дрекети.

Пришел Рату Тевита в Дрекети — и сразу к вождю в дом. Показывает ему зуб кашалота и говорит:

— Вот мой тамбуа, Рату Ионке. Я пришел к тебе. Сегодня я был в На-мбете-ни-ндио, у Рату Ионе. Ходил просить у него свинью, своих у меня сейчас нет. Он отказал. Я вернулся в Драка-ни-ваи и сразу отправился к тебе. Вот почему я принес этот тамбуа. Сровняй этот На-мбете-ни-ндио с землей! Если ты совершишь это, земля Драка-ни-ваи будет кормить тебя — вот она, перед тобой¹. Если ты сумеешь разрушить На-мбете-ни-ндио, земля Драка-ни-ваи будет кормить тебя, вечно будет кормить тебя².

Так он сказал, и Рату Ионке хлопнул в ладоши и принял тамбуа³. И Рату Ионке сказал:

— Хорошо. Теперь возвращайся в Драка-ни-ваи. Я решу, когда выходить в поход. Ты же иди к себе и жди, ничего не делай.

Немного времени прошло, и вот Рату Ионке велел всем мужчинам Дрекети⁴ собраться у него. Люди Дрекети собрались, и Рату Ионке сказал:

— Здесь был Тевита из Драка-ни-ваи, принес в дар землю Драка-ни-ваи⁵; вот она, благородные люди Дрекети, вы все ее видите. Однажды он пошел в На-мбете-ни-дио, пошел просить всего одну свинью из стада Рату Ионе. Рату Ионе ему отказал, и Тевита вернулся в Драка-ни-ваи. А там он вспомнил о нас, вождях Дрекети. Вот откуда у меня этот тамбуа. Тевита хочет, чтобы На-мбете-ни-дио не было больше на земле. И если мы совершим это, земля Драка-ни-ваи всегда будет давать нам пищу. Вот откуда у меня эта горсть земли, вот она.

И вожди Дрекети стали думать, как действовать. Наконец Рату Ионке сказал:

— Отправляемся послезавтра. Разрушим На-мбете-ни-дио!

Так было решено. Все разошлись по своим поселкам, стали готовиться к походу. Каждый достал красивую тапу, черную краску для лица, пояс с бахромой⁶, копье, палицу, мушкет. Так подготовился каждый, и вот уже, поодиночке⁷, пошли они в поселок к Рату Ионке. Собрались в Тангата-ни-лекуту — а эта местность тоже подчинялась Рату Ионке.

А в Тавуа был вождь по имени Рату На-задра-на-синга. Едва стемнело, он отправился в На-мбете-ни-дио рассказать обо всем Рату Ионе⁸. Вот что он сказал:

— Утром здесь будут люди Дрекети, сметут тебя с лица земли за то, что ты не дал Рату Тевита из Драка-ни-ваи свинью.

Тут же Рату Ионе сказал:

— Пусть соберутся вожди На-мбете-ни-дио.

Они собрались у него, и он сказал:

— Благородные вожди, вы пришли, слушайте, что я скажу вам. У меня был вождь из Тавуа, Рату На-задра-на-синга. Он приходил предупредить: утром здесь будут вожди Дрекети. Они идут сюда, хотят разрушить наш поселок — за то, что я отказался дать свиней из своего стада Рату Тевита, что живет в Драка-ни-ваи. Из Драка-ни-ваи он дошел до Дрекети, принес Рату Ионке свой тамбуа, и

вот уже утром вожди из Дрекети будут здесь. Я вам все рассказал. Теперь будем решать, как действовать. А потом надо оновестить Воту и На-дроро.

Стали решать, как быть, наконец договорились обо всем. И вот уже послали гонца к Рату Серу, сказать Рату Серу, что люди Дрекети идут войной на На-мбете-ни-ндиио, хотят сровнять поселок с землей.

Рату Серу же сказал:

— Пусть кто-нибудь без промедления отправится в На-дроро. Надо сообщить вождю На-дроро, Иса-момо, что люди Дрекети идут войной на На-мбете-ни-ндиио, хотят сровнять поселок с землей. Как только в На-дроро все узнают об этом, пусть собираются здесь, в Воту. А отсюда мы вместе отправимся в На-мбете-ни-ндиио, там уж будем решать, что делать дальше.

И уже гонец из Вотуа поспешил в На-дроро, скорее передать тамошнему вождю, что сказал Рату Серу. Вождь На-дроро [собрал своих людей] и передал [им] слова вождя Вотуа — о том, что люди Дрекети идут войной на На-мбете-ни-ндиио, хотят сровнять поселок с землей. Потом же он сказал:

— Я вам все рассказал. Собирайтесь не медля, идем в Вотуа, а оттуда поспешим в На-мбете-ни-ндиио.

Юноши На-дроро⁹ тотчас собрались, подготовили все — красивую тапу, черную краску для лица, пояса с бахромой, копья, палицы, мушкеты. Отправились в Вотуа. А в Вотуа тоже все были готовы.

Рату Серу сказал:

— Идем в На-мбете-ни-ндиио. Нам надо договориться об одном — где поджидать воинов из Дрекети.

Итак, они поспешили в На-мбете-ни-ндиио. А там молодых воинов из Вотуа и из На-дроро уже ждало угощение¹⁰.

Прибыли в На-мбете-ни-ндиио, собрались на совет. Решено было сразу после пиршества идти в Саро-ванга, запечевать там и дожидаться людей из Дрекети.

День прошел, ночь, снова утро наступило, они же все ждали врага в Саро-ванга. Новый день пришел, яркий и светлый, без единого облачка, без дождя. Ждут они, ждут, вдруг видят — река в Саро-ванга закипела красным илом. Они изумились:

— Откуда здесь эти воды? Может, в горах прошли дожди?

Они же не могли знать, отчего на самом деле поднялась река. А поднялась она потому, что воины Дрекети

прошли в глубине острова, по горам,— не стали спускаться в Саро-ванга. Целое войско там, вдали от берега, перешло вброд реку, вот они и замутили воду. Воины Дрекети поднялись в горы и пошли там, в глубине острова, вдоль речки. Растревожили поток, и весь красный ил поднялся со дна. А дождя никакого и не было.

Воины Дрекети пошли в На-мбоу. В На-мбоу их вождь сказал:

— Не надо показывать, что мы идем с оружием. Наберем хвороста, возьмем свертки с едой, и тогда женщины На-мбете-ни-ндио хоть и увидят нас, но ничего плохого не подумают. Пусть считают, что мы просто путешествуем — так мы скорее победим.

И вот кто набрал хворосту, кто нарвал листьев, чтобы завернуть еду. Взяли все это и пошли в На-мбете-ни-ндио. Дошли до реки Тавуа, а там их увидели женщины На-мбете-ни-ндио. Увидели и решили: «Это, наверное, из Саро-ванга. Вон у них хворост, вон свертки с едой». Женщины не знали, что это люди из Дрекети.

Так они вошли в поселок и тут-то вытащили мушкеты, стали стрелять, стали жечь дома. Так впешанно напали они на На-мбете-ни-ндио. Так в На-мбете-ни-ндио поняли, что это враги. Но уже было поздно — всех женщин, всех детей убили.

Из На-мбете-ни-ндио воины Дрекети пошли по дороге, ведущей в Драка-ни-ваи. Прошли немного по ней, а потом повернули в сторону берега, дошли до Нуку-сева, а там проплыли вдоль берега, миновали устье Саро-ванга, вышли на берег восточного устья и пошли себе вдоль берега¹¹. Дошли до На-муа-ндунгу, что в Навату-мборо, а оттуда спустились в свой поселок.

Много, много лет прошло, и вот Рату Серу со своими отправился в Дрекети. Уже не было войны, был покой. И вот они приготовили со-леву для людей Дрекети. Позвал же их туда Рату Иноке — он как раз в чем-то нуждался¹². После же, обменявшихся с людьми Дрекети дарами, жители На-корока вернулись к себе. А затем жители Дрекети пошли с со-леву в Ботуа.

[Потом] Рату Иноке прибыл к Рату Серу, преподнес ему зуб кашалота и сказал:

— Вот тамбуа для тебя, Рату Серу, ведь ты принял мое приглашение и пришел в Дрекети. И вот что еще я скажу тебе, о Рату Серу. Драка-ни-ваи — тебе. Пусть всегда эта земля кормит тебя, ведь я погубил твоих людей в На-мбете-ни-ндио. Пусть в земле Драка-ни-ваи зароют их

кровь¹³. Пусть же земля Драка-ни-ваи кормит тебя, пока стоит мир.

И так остается по сей день.

106. [Ра Намоса]

I

В На-мбе-каву было четверо вождей и еще Ра Намоса. Однажды они решили отправиться в А-игоне-тангане¹. Пустились в путь. Но Ра Намоса остался в На-мбе-каву, не пошел с ними.

Итак, пришли они в поселок, а там никого нет: все люди Дрекети ушли возделывать свои земли. И они вошли в поселок, вошли и подожгли его. Поднялся дым, люди Дрекети заспешили к своим домам. Вот, увидели, пустились бежать. Вождь Дрекети² увидел — все его бегут. Велел убить врагов. Окружили тех, из На-мбе-каву.

И в На-мбе-каву раздался звук выстрелов. Ра Намоса сказал:

— Я слышу, стреляют. Точно, это ружья.

И спрашивает людей На-мбе-каву:

— Где ваши вожди?

Те в ответ:

— Вожди? Что-то их нет.

Тут Ра Намоса решил:

— Видно, они сражаются с людьми Дрекети. Я же слышу, ружья стреляют.

Вышел, взял ружье, спустил на воду лодку. Переплыл на другой берег. А его ружье называлось Не Знающее Морской Воды. Переплыл, поспешил туда, где сражаются. Видит: те из На-мбе-каву окружены со всех сторон. Деться им некуда, повсюду полчища людей Дрекети. И Ра Намоса скорее поспешил туда.

Вождь Дрекети воскликнул:

— Горе! Сюда идет этот Намо! Сегодня люди Дрекети умрут.

А Намоса шел, положив ружье на плечо. Он крикнул:

— Образумьтесь, образумьтесь все! Возвращайтесь к себе, вожди Дрекети! Я из На-мбе-каву, и в Дрекети нет никого против меня. Из всех мужчин нет никого, равного мне. И со мной мое оружие — Не Знающее Морской Воды! Образумьтесь, все образумьтесь! Возвращайтесь в свои поселки.

И вождь Дрекети сказал:

— Хорошо. Возвращайтесь к себе, все возвращайтесь.

Потому что в Дрекети нет ни одного воина, равного Ра Намоса. Когда Намоса в На-мбе-каву, никто из Дрекети не выходит в море ловить рыбу. Только когда Намоса идет в глубь острова, в На-дроро, выходят они в море за рыбой. А когда он в На-мбе-каву, никто не выходит за рыбой, и вот почему — его ведь зовут еще Не Дающий Морской Воды. А зовут его так потому, что, когда он в На-мбе-каву, люди Дрекети не выходят в своих лодках ловить рыбу. Когда же он идет в На-дроро, они выходят за рыбой³.

II

Однажды пришли из На-луву-ни-мазала в Сивоа⁴. Рассказали там об одном поселке — они стоят вокруг него осадой, а взять не могут, не хватает силы. Ра Намоса спросил:

— Что это за поселок?

Те в ответ:

— На-кенга.

И Ра Намоса сказал:

— Хорошо. Возвращайтесь туда. Я же пойду к вождю Ваи-леву. Пойду расскажу ему об этом.

Утром люди из На-луву-ни-мазала пошли обратно. Ушли они утром. А Ра Намоса поспешил в Ваи-леву.

Вождь Ваи-леву, Иса-зодро, сказал ему:

— Хорошо. Пошли одного человека в На-луву-пи-мазала. Вели им готовить для нас пир. Послезавтра мы отправимся туда.

И Ра Намоса вернулся в Сивоа, отправил посланного к просителям, велел сказать, что день пройдет и воины отправятся в путь.

На следующий день воины На-дроро стали собираться. Потом легли спать, а наутро тронулись. Пришли в На-луву-ни-мазала, а там уже все готово к пиру. Сели есть, и вот уже готова яигона. Опорожнили чаши, и вождь На-дроро, Иса-зодро, сказал:

— Завтра мы с вами пойдем на штурм На-кенга.

Выпили яигона, легли спать. Наутро выступили, дошли до скалы — а На-кенга стоял на скале. И взять На-кенга было нельзя, потому что туда вела только одна тропинка. А все остальное была сплошная скала.

Ра Намоса сказал:

— Я пойду один. Первым. А вы все пойдете за мной. Стали подниматься. Поднялись — кругом сплошной частокол, ни одного входа.

Ра Намоса сказал:

— Я один переберусь через частокол.

А вождь сказал:

— Нет. Мы подкопаем столбы и вытащим их.

Получилось. Ворвались в поселок. Только раздались первые выстрелы, появился вождь На-кенга, Рату Яси-кула. Он спросил:

— Откуда пришли к нам эти воины?

Ра Намоса сказал:

— Откуда? Не знаешь? Да мы пришли сражаться с тобой потому, что вся эта земля принадлежит нам.

Ра Намоса выстрелил, попал вождю в бедро, ранил — тот сразу сел, уже не мог стоять. Ра Намоса еще раз выстрелил, и тут один воин из На-дроро сказал:

— Всё стреляем — точно женщины!⁵

Положил свое ружье, взлетел на верхушку частокола, спрыгнул вниз, бросился на Рату Яси-кула и закричал:

— За На-дроро при свете дня!⁶

Не успел он и рта закрыть, как люди На-кенга выско-чили из укрытий, бросились бежать. А тот самый воин из На-дроро вырвал остатки частокола из земли, обнажил крепость, и все влетели в нее. Подожгли поселок и сразу пустились в обратный путь. На плечах же они несли тело Рату Яси-кула. Принесли его в осаждавший поселок. Исполнили победное меке. Все, конечно, разрушен поселок, что стоял неприступно перед людьми из На-луву-ни-ма-зала.

А наутро приготовили земляные печи для воинов На-дроро. И тем же днем ушли люди На-дроро к себе, в свои поселки, в Сивоа и в Вай-леву. А те все остались жить в покое, ведь наконец-то был повержен поселок врагов. Воевали же они с На-кенга бесконечно. И не будь воинов На-дроро, им никогда бы не разрушить На-кенга.

107. [На-зула]

Однажды жители наветренного берега решили отправиться в На-зула, в поселок, что назывался Вату-лоа. Там жили их родственники, родные по крови.

Пришли они туда, а там никого нет. Все мужчины ушли в Коро-маза — ушли они туда с дарами для Маки-ни-валу, вождя Рара-леву. В поселке остались одни женщины.

И вот пришли туда те, с наветренного берега. Женщины Вату-лоа тут же открыли крепостные ворота — они думали, это их мужья возвращаются из того поселка. Так те, с наветренного берега, вошли в поселок. Тогда только поняли женщины и дети, что пришла беда. Всех их убили. Убили и тела сложили горой. Немногим удалось тогда спастись, тем только, кто успел перепрыгнуть через частокол. Они-то и побежали к своим в Коро-маза — сказать обо всем. Когда те вернулись, уже все кончено было. Враги ушли на наветренный берег.

Много времени прошло, и опять пришли те, с наветренного берега, в На-зула, чтобы похоронить там кровь¹. Дали им место, называлось оно На-кавакава, чтобы там эту кровь похоронить. И по сей день, если наступает в На-зула голодное время, идут в На-кавакава: там растут кокосы.

А все так потому, что родные убили родных.

108. [Рату Самели]

Рассказывают, что Рату Самели жил за четыре поколения до нынешнего правителя На-корока¹. Из всех поселков На-корока и Драка-ни-ваи приходили люди на помощь к нему, когда он ставил свой великий дом в Ботуа. Дом получился такой огромный, что его было видно даже из залива Рукуруку². И из поселка в Лекуту этот дом было видно, так что Маки-ни-валу смотрел на него и исполнялся зависти к Рату Самели: в Лекуту не было ничего похожего на такой дом, как у него.

И вот Маки-ни-валу собрал всех вождей, какие были в Рара-леву, и решил идти войной на На-корока.

А Рату Самели узнал об этом и спрятался в лес, убежал туда с младенцем, своим сыном. И с тех пор то место стали называть На-кара-вале³. Дом вождя опустел.

Маки-ни-валу донесли, что Рату Самели бежал прочь. Тогда он послал зубы кацалота вождю На-дроро, зубы кацалота Рату Лала-ваиуа, зубы кацалота вождю Тавуа и всех их просил не принимать Рату Самели. А это все были могучие поселки, и в них-то Рату Самели скорее всего и должен был искать приюта. Он и стал везде проситься, но уже во всех поселках было полным-полно тамбуа, присланных Маки-ни-валу, а потому тамошние вожди уже не могли пустить к себе Рату Самели.

Так добрался Рату Самели до Вату-лаза. А там вожди отвергли тамбуа, присланные Маки-ни-валу, и приняли Рату Самели.

Маки-ни-валу же послал зуб кашалота отцу Ра Масима из Мбуа — стал просить его помощи в войне с На-корока и Драка-ни-ваи. Но один доселок в Драка-ни-ваи — он стоял на сваях, в лагуне, — остановил армию Мбуа, и никакими силами нельзя было его взять. А тем временем все воины в Драка-ни-ваи поднялись и поразили войско Мбуа. Только один человек смог спастись, добрался до Маки-ни-валу в Лекуту и рассказал ему, какая беда случилась.

Тогда Маки-ни-валу собрал свое войско и пошел походом на поселки На-корока, везде спрашивал он Рату Самели. А Маки-ни-валу был табу — табу, точно как полинезийские вожди⁴. Его всегда переносили на носилках или на возвышении: ноги его не должны были касаться земли. Так наконец достиг он Вату-лаза, а знатные и могучие люди сказали ему, что Самели укрывается в этой горной крепости.

А туда вела одна-единственная дорога, трудная, полная опасностей, укрепленная. И еще туда можно было забраться по высокой-высокой кокосовой пальме. Кокос рос прямо под главной тамошней скалой. Верхушка пальмы была согнута и крепко-накрепко привязана к крепостной ограде.

И вот пятьдесят человек из тех, что были с Маки-ни-валу, полезли по стволу. Но едва достигли они верха, как люди в крепости перерезали веревки, что скрепляли ветви и крепостную ограду. Тут же пальма выпрямилась и отбросила всех тех людышек вниз, в долину. Маки-ни-валу увидел это и приказал своим — тем, что остались, — взбираться вверх по укрепленной тропе. А сам он оставался на носилках и оттуда следил за битвой.

Дорога наверх была узкая-узкая — и два человека не могли пройти по ней плечом к плечу. Пока воины Маки-ни-валу достигли крепости, человек пятьдесят полегло. Могучие люди из Вату-лаза сказали о битве так:

— Что-то дождик капает, слабый совсем. Вот уже солнце выходит⁵.

Носильщики вождя бежали прочь, а Маки-ни-валу сидел себе, помахивая опахалом, словно ничего и не случилось. Позвал своих — не отвечают. Когда же набросились на него два воина из Вату-лаза, сказал им:

— Вы годитесь только на мбокола для меня.

Те удалились, изумленные и приниженные, а он все сидел, обмахиваясь опахалом. Тут бросился на него чужой воин — он был из какого-то поселка в Мазуата. Макини-валу и ему сказал что-то горькое, а воин отвечал:

— Ты совсем слеп, не видишь врага.

Ударил его топором и убил.

Немногие остались тогда в живых. Убежали они к себе в Лекуту и на ближайшие острова, на Тавеа и Нга-лоа. А всего тогда убито было человек триста. Тела их испекли и разослали по всем поселкам — от Тавуа, что в На-корока (ведь между людьми, живущими в Тавуа, и людьми, живущими в Вату-лаза, родство было кровное), до далеких поселков на Мазуата. И дед нынешнего жреца Тавуа, он тоже получил один такой дар и преподнес его своему вождю.

109. [Корокоро-и-вула]

Однажды, во времена правнука Рату Самели¹ — звали его Рату Серу, он отец Мбули-сиво, нынешнего вождя Вотуа, и, значит, вождя На-корока, — вождь Рара-леву прибыл в Вотуа на празднество первого урожая². Вожди эти были из одной явусы, но жили в разных местах³. У Рату Серу тогда не хватало одного тамбуа, чтобы воздать людям из пяти краев На-корока⁴, и он попросил своего брата из Рара-леву помочь. А вождь Рара-леву — звали его Корокоро-и-вула — принес не один зуб кашалота, а десять. Раз Корокоро-и-вула показал такие свои богатства, то и Рату Серу надо было бы выставить все, что у него было, устроить великий пир. Но он решил поступить иначе, показать свою силу.

Рату Серу давно желал заполучить замечательный топор, который был у Корокоро-и-вула. Топор этот был знаменитый, старинный. Корокоро-и-вула знал, как хочется Рату Серу заполучить этот топор. И когда он достиг холма, что возвышается над старым Вотуа, когда увидел внизу сотни людей из На-корока, испугался, остановился на холме. Но Рату Серу уже увидел его и послал за ним своего человека, чтобы доставить гостя в поселок. Корокоро-и-вула испугался, не хотел идти: вдруг Рату Серу потребует у него топор, и тогда ничего не поделаешь — ведь войска, что собрались в Вотуа, очень сильны. И Корокоро-и-вула отдал принесенные тамбуа посланному. Не стал брать положенных ему плодов урожая, не стал ждать пира — по-

шел назад, к себе в Лекуту. Страх от него не уходил, был с ним, и он решил отправиться в Мбуа, словно бы с меke за маси⁵. И еще с ним пошли триста человек с Нга-лоа.

Рату Серу узнал, что Корокоро-и-вула собирается в Мбуа, наверняка идет туда за помощью, за поддержкой. Тогда он запек большую свинью, вложил в нее десять зубов кашалота, послал на запад во внутренние поселки Ра-ра-леву. Это значило, что он просит тамошних людей убить Корокоро-и-вула и заполучить его топор. Сначала это подношение попало в На-зула — там у Корокоро-и-вула была родня. Потом попало в Ваи-леву — там жил один могучий воин, и он таил давнее зло на Корокоро-и-вула. А дело было так.

Вождь Ваи-леву попросил однажды своего брата, вождя Лекуту, прислать ему свинины. Тот подарил ему свинью, а Корокоро-и-вула вмешался, велел вернуть свинью и к тому же прогнал прочь того славного вождя из Лекуту. Страшно разгневались все во внутренних поселках Ра-ра-леву, особенно в Ваи-леву, восстали против Корокоро-и-вула. И тогда из Ваи-леву тоже послали свинью тушу, начиненную зубами кашалота, послали ее в Роко-ванга, чтобы тамошние люди устроили засаду на Корокоро-и-вула. Корокоро-и-вула знал: его не любят в тех поселках, а потому-то и испугался так, увидев в Вотуа множество воинов. Среди них ведь были и многие из Роко-ванга.

Дорога из Мбуа в Лекуту проходит мимо участков Ваи-леву. Тот могучий воин из Ваи-леву каждый день бессменно выходил на свои земли — поджидал, когда Корокоро-и-вула пойдет назад из Мбуа. На копье у него был наконечник из кости ската, а прятал он это копье в изгороди неподалеку. И вот наконец настал день, и он увидел — идут люди Корокоро-и-вула. Он закричал:

— Привет тебе, Корокоро-и-вула!

И как всадит в него копье!

Весь наконечник и половина древка вошли в тело вра-га. А тут из зарослей выскочили другие воины Ваи-леву.

Один из тех, что были с Корокоро-и-вула, закричал:

— Будет схватка! — и скорее бегом в лес.

Он-то и остался в живых, а с ним еще только двое. Многие же полегли в тот день, а тех, кто выжил, загнали на высокую скалу и сбросили с нее.

110. [Последнее сражение на Ваи-нууну]

Однажды захворал вождь Ваи-нууну, Рату Лала-вануа¹. И вот почему. Отец Рату Монаса — звали его Рату Луке — навел на него дра-ни-кау². И Рату Лала-вануа умер: слишком тяжелой оказалась его хворь. А в те времена еще не все верили в лоту. Только делали вид, что приняли лоту. И что приняли закон англичан³. И вот слухи о гибели Рату Лала-вануа дошли до Мбуа, до Ра Масима⁴. И уже стали говорить в Ваи-нууну, что должен прибыть один туранга-ни-лава⁵, и даже имя его называли. Рату Луке сказал:

— Люди Ваи-нууну, ступайте ждать вождя. Ждите его в На-нуку. Он будет здесь завтра.

Назавтра пошли люди Ваи-нуку на берег. Ждали до полудня. Появился туранга-ни-лава, они подняли стрельбу, он и скрылся в Мбуа.

В Мбуа он рассказал, что случилось, и Ра Масима сказал:

— В Ваи-нууну только и делают, что стреляют.

Остались в Мбуа.

А в Ваи-нууну решено было обнести одну из крепостей частоколом. Стали ставить частокол вокруг На-коро-тики. А в Мбау узнали — в Ваи-нууну ставят частокол вокруг крепости, ждут войны. Ра Масима решил:

— Пусть. Надо сказать Рату Мели⁶ из Лекуту. Пусть он скажет в Драка-ни-ваи. А Рату Тевита из Драка-ни-ваи пусть скажет Рату Иноке из Дрекети. Все должны знать: люди Ваи-нууну укрепляют свои земли, ставят частоколы вокруг крепостей.

Так было сказано. Послали одного в Лекуту, он сказал Рату Мели:

— Люди Ваи-нууну строят частокол. Велено сказать об этом в Драка-ни-ваи. А Рату Тевита из Драка-ни-ваи пусть скажет об этом Рату Иноке из Дрекети.

А Ра Масима отправился в Левука: надо было сказать вождям из Левука, что в Ваи-нууну строят частокол вокруг крепости. Итак, он тут же отплыл туда на своей лодке, прибыл в Левука и сообщил губернатору. А тот решил дать вождю две сотни фиджийских солдат⁷. [И сказал:]

— Теперь возвращайся к себе в Мбуа и готовься сражаться с Ваи-нууну.

Ра Масима вернулся, прибыл в Мбуа, отправил посланного в Лекуту — пора готовиться к войне и надо известить вождя в Драка-ни-ваи и в Дрекети. А день, когда надо собираться в Ваи-нууну, еще не был известен. И Рату Тевита

из Драка-ни-ваи решил послать кого-нибудь в Вотуа, к Рату Серу, с таким известием: «Завтра воины из Драка-ни-ваи и из Дрекети придут и станут на почлег в Вотуа».

Посланный из Драка-ни-ваи поспешил в Вотуа, сказал это Рату Серу. И Рату Серу сказал:

— Хорошо. Возвращайся к себе, скажи Рату Тевита: я согласен.

К вечеру посланный вернулся. Пришел в Драка-ни-ваи. В ту ночь пришли к ним воины из Дрекети. Заночевали в Драка-ни-ваи. А тамошние люди за ночь приготовили все для пира. Наутро подали угощение — его была целая гора — воинам Дрекети.

Сказали были речи, раздана была пища, сели есть. Тут пришел Рату Тевита, показал им всем зуб кашалота, сказал:

— Это мое подношение, мой тамбуа для вас. На почлег мы отправимся в Вотуа. Будем готовиться к сражению с Ваи-нуну.

Так он сказал, и тут же воины Драка-ни-ваи и воины Дрекети собрались в путь, направились в Вотуа. Прибыли в Вотуа, сели за пир. Произнесены были речи, и людям Дрекети было дано угощение. А от них перешло оно к людям Драка-ни-ваи. И Рату Тевита приказал разделить все, что там было. Разделили и сели есть. А потом легли спать.

А в ту же ночь в Левелеве было так. Жрец Ваи-нуну сказал:

— Завтра придет зверь. Пусть. Идите и поджидайте его на тропинке у безымянной речки.

Наутро они отправились туда и засели в засаде.

А в Вотуа всю ночь готовили в земляных печах угощение. Наутро все было готово. Подали угощение духам, а остальное Рату Тевита велел раздать воинам⁸. Окончили пир, собрались в путь. И Рату Серу решил так:

— Двоих пошлем вперед, на разведку.

Послал же он Паола и Заре.

Они пошли лесом. А на тропинке их уже поджидали люди из Ваи-нуну. А там, где они залегли, было очень узкое место. Там всего несколько человек могли пройти враз. По обеим сторонам там теснились скалы, а впереди был ручей. И вот те, из Ваи-нуну, ждали врага на другом берегу ручья.

И вот уже скоро спустились те двое, Паола и Заре, к ручью. Стали его переходить. Заре пошел первым. А Ватили-на-леву спрятался на дереве. Выстрелил в Заре, попал

ему в бок, выстрелил еще раз — прострелил его с другого бока. И Заре упал, закричал:

— Меня убили!

Сорвал с головы убор, перевязал им раны и сказал:

— Эй вы, из Ваи-нуну, разве вы мужчины?! Радуйтесь, что я ранен. Был бы я цел, никому из вас несдобровать.

Те из Ваи-нуну испугались и убежали.

Тут подошли воины из Вотуа и из Драка-ни-ваи. Смотрят: Заре сидит на земле, Паола стоит рядом. Паола крикнула им:

— Заре убили! Люди Ваи-нуну бежали!

Вожди велели делать носилки. Тут же сделали носилки, положили на них Заре и понесли его назад в Вотуа. А все остальные пошли на Ваи-нуну.

Пришли в Ваи-нуну. Все там сражались — и из Мбуа были, и из Со-леву. И еще двести человек, что губернатор Левука прислал. Обстреляли поселок, прошли его весь до конца, сбросили частокол у крепости. В крепости убили двоих — мальчишку из На-и-раи и одного мужчину из поселка.

Ночью вождь Ваи-нуну приказал своим уходить: ни еды, ни питья не осталось. Дети и женщины совсем измаялись, есть им было нечего. Была уже ночь, и они поскорее пустились прочь. Утром воины стали опять обстреливать поселок, а в ответ ни одного выстрела. И они поняли, что в поселке никого больше нет. Тогда Ра Масима приказал его поджечь:

— Сгорит поселок, и все. Расходимся по домам.

И все воины разошлись. Воины из Вотуа, и воины из Драка-ни-ваи, и воины из Дрекети — все разошлись по домам. И воины из Со-леву пошли к себе. И воины из Мбуа пошли домой вместе с Ра Масима. А фиджийские солдаты отплыли в Левука.

А люди Ваи-нуну бежали па восток ⁹.

Прошел год, и Ра Масима решил — надо их вернуть. Собрался в путь, отправился в Левука, сказал губернатору, что люди Ваи-нуну готовы покориться. И губернатор сказал Ра Масима, что он должен вернуть их, взять под свое правление. И назад Ра Масима отправился уже с солдатами. Пустились в Мбуа.

Стали па якорь в Мбуа; им было приготовлено угощение. Закопчился пир, они пошли в Со-леву. Там заночевали. Воинов из Со-леву и воинов из Наиди попросили они тоже пойти походом на восток Ваи-нуну. И так достигли

Яна-ваи. А заночевали уже близко от тех, из Ваи-нуну. И ночью связали их всех.

Наутро повели их на запад. Заночевали в Ваи-нуну, утром следующего дня пошли через горы в глубь острова. Заночевали в Дрити. А потом пришли в Мбуа, и те из Ваи-нуну остались там служить.

Прошло пять лет, укрепилась новая вера. И Роко, главный человек Мбуа, решил, что можно вернуть людей из Ваи-нуну на их родные земли. И по сей день все так. А тогда то была последняя война. С тех пор не было ни одного сражения. И на всей нашей земле теперь знают лоту.

111. [Палицы Зако-мбау]

У великого Зако-мбау было две мбоваи. Одну называли — Уви-ни-синга, Ямс Засушливых Дней. Когда стоит засушливая погода, сажают первый ямс¹. Ямс, посаженный в это время, дает очень хороший урожай. А посадишь ямс в сырую погоду — он вырастет слабым, клубни даст мелкие-мелкие. Палицу великого Зако-мбау называли Ямсом Засушливых Дней, и вот почему. Если кто-то был непокорен, непослушен, шел против слова вождя, великий Зако-мбау съедал его — так едят ямс, хороший ямс, посаженный в засушливые дни. И вот почему мбоваи великого Зако-мбау называли Уви-ни-синга, Ямс Засушливых Дней.

А другая палица называлась — Сала-ки-на-мбука, Дорога За Хворостом. Это тоже была мбоваи, и имя ее тоже было не случайным. Если только кто-то вел себя не должным образом, не чтил обычаяев Зако-мбау — его ждала дорога в огонь, а значит, Дорога За Хворостом. Хворост этот кормил земляную печь, в которой и готовили мбокола².

И все жили в страхе и трепете, трепете и страхе; никто не замышлял злого, не плел заговоров, не сеял непослушания. Мбоваи великого Зако-мбау устрашали всех. Вот так и вышло, что никто не смел перечить великому вождю, все были покорны. А установленное им живет и по сей день.

У великого господина Зако-мбау был друг, вождь Мата-дра-и-вула, прозванный еще Коро-и-кона-мало. Этот вождь был из Коро-на-калоу, что в Зау-тата. И сейчас живут там его потомки. Он был тоже великий вождь, и они с великим Зако-мбау были во всем верны друг другу. Одну из своих палиц великий вождь Зако-мбау всегда дове-

рял Мата-дра-и-вула. Обычно было так: Зако-мбау сам нес Уви-ни-синга, Коро-и-кона-мало же нес Сала-ки-на-мбука.

Так было и тогда, когда на Фиджи пришла новая вера, лоту. И везде, где побеждали мбауанцы, являлись эти две палицы. И еще были с ними две знаменитые палицы с Ваимаро — Тиви-мбута-дрока и Сулука-ндану³.

112. [О людях Мамбула]

Это случилось в первые годы английского правления, когда новая вера только пришла на эти земли¹. Благородный Самани был большим вождем на Лакемба. К тому же он считал себя отличным проповедником, а потому решил, что должен заставить жителей Мамбула принять новую веру. И вот как-то в воскресенье пришел он в Мамбула, зашел в дом, что служил тогда церковью², поднялся на возвышение и стал говорить собравшимся, что они должны принять веру, которую он им несет. Но жители Мамбула были дерзки и непреклонны, и притом он не был их вождем, а стало быть, им и незачем было его слушать.

В следующее воскресенье он опять пошел в Мамбула — правда, все друзья отговаривали его как могли, — но на этот раз взял с собой палицу. Снова поднялся на возвышение, снова обратился к собравшимся с речью, и слова они стали дерзко смеяться над ним.

Ужасный гнев завладел им, он сорвал с себя белую рубаху — ее дали ему белые священники, — схватил палицу, выпрямился во весь рост и грозно закричал:

— Люди Мамбула! Не хотите слушать слова новой веры, так слушайте слова Туи Лакемба!

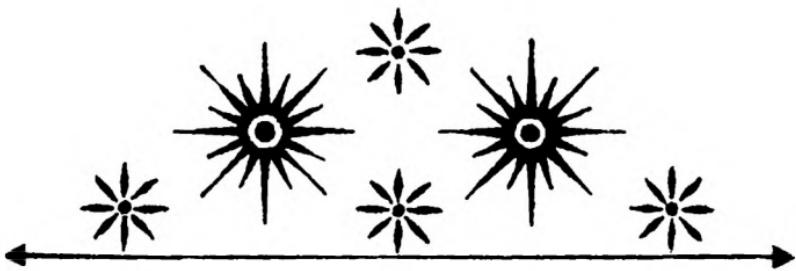
С этими словами он так ударил по кафедре, что чуть ее не сломал. Тут-то люди Мамбула испугались, примолкли и стали слушать его. С тех пор никогда не смели они смеяться или дерзить в церкви — вождь сказал, что если услышит о таком, то вернется и побьет их.

Но все равно люди Мамбула оставались беспокойными и непокорными. Когда в старые дни белые вожди стали сажать свой хлопок³ и огородили свои поля, люди Мамбула все время крушили их ограды, воровали из них проволоку. Наконец было решено проучить их. Мастер Элисони⁴ собрал всех белых, они взяли оружие, дали оружие своим работникам — те были с Танна⁵ — и окружили Мамбула. Окружив поселок, собрали всех в нем и сказали им, зачем и почему пришли туда. Выбрали трех жителей

Мамбула — эти трое чаще других крушили ограды — п выпороли их на глазах у всего поселка. А дома их сожгли. И с тех пор ничего такого не случалось.

113. [На-лоза]

В глубине Вити-леву, на север от На-моси, жили люди явусы на-лоза. В давние времена на-лоза страшно оскорбили главного вождя На-моси, и за это всей явусе было предназначено умереть. Каждый год убивали, запекали и съедали людей из какого-нибудь одного дома. Опустевший дом предавали огню, а на его месте высаживали таро куриланги¹. На следующий год таро поспевало, и это был знак: пора разрушать следующий дом, губить всех, кто живет в нем, пора сажать куриланги на новом месте. Так исчезали с земли дом за домом, семья за семьей. Наконец вождь Рату-и-мбуна, отец вождя Куру-ндуандуа², сжался над оставшимися на-лоза и позволил им умереть своей смертью. В 1860 году из всех на-лоза оставалась в живых лишь одна старуха, и жила она в Занги-на.

сказки

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

114. Необыкновенный камень

Однажды два фиджийца отправились в плавание на другие острова. Приплыв на какой-то остров, они укрепили лодку у берега, и один сказал другому:

— Ты посторожи лодку, а я пойду посмотрю, что здесь есть.

Итак, он отправился осмотреть остров и вдалеке заметил двух людей. Один из тех, увидев его, бросился прочь. Фиджиец понял, что эти существа не обычные люди — ведь остров-то был необитаемый. Тогда он ползком подкрался к тому из них, кто оставался на месте и все искал что-то в прибрежном песке, и схватил его. А тот вдруг выпрямился и стал необычайного роста — так побежал он куда-то вверх, на вершину холма. Фиджиец же висел у него на шее. На вершине холма росло дерево мафа¹; необыкновенное существо вошло в дупло этого дерева и скрылось в нем. А фиджиец в оцепенении остался стоять рядом с этим деревом. Наконец он пришел в себя и пошел к своей лодке, а потом лег спать.

А потом днем тот дух пришел к нему и велел вернуться к дереву — там он найдет камень, завернутый в кусок тапы.

И фиджиец пошел туда и нашел камень. Ночью дух снова пришел к нему и велел бережно хранить камень — а камень этот был прозрачный словно стекло.

— Никому не показывай его, — сказал дух, — а если тебе чего-нибудь захочется, просто посмотри на него — и у тебя все будет.

И этот фиджиец отплыл к себе домой. Потом же стоило кому-нибудь заболеть, как он смотрел на камень и сразу говорил тому, больному, чем можно излечиться. И так он многих избавил от разных недугов.

115. [Тамбуа, Янгона и Пуака]

Однажды благородный господин Тамбуа пришел к небольшому водоему, тому, что образует вон там на своем пути бегущий ручей¹. Он часто купался там. И вот он увидел, что вода там мутная и грязная. С негодованием спросил он:

— Кто посмел так оскорбить меня?!

А один юноша, бывший неподалеку и слышавший это, сказал:

— Это благородный господин Янгона, он купается вон там, повыше.

Тут Тамбуа воскликнул:

— Янгона, Янгона! Да что же в нем благородного — один грязный клубок изогнутых кореньев!

— Да, так это, так, — отвечал Янгона, — но когда из меня готовят прекрасное питье, когда я в огромной чаше² ожидаю вождей, что спешат вкусить меня, то они приветствуют меня криками радости.

На другой день благородный Янгона пришел к водоему и увидел, что вода в нем мутная и грязная. На вопрос о том, кто это сделал, он получил ответ, что во всем виноват Тамбуа. Искупаться ему не удалось, и он воскликнул:

— О, да кто такой этот Тамбуа! Какая-то бессмысленная безделица с острыми концами, в которых и отверстия-то проделаны лишь затем, чтобы было куда вдеть плетеную веревку!³

На это благородный Тамбуа отвечал:

— Да, так это, так, но, когда вожди собираются на свои великие и значительные торжества, они поднимают меня, да-да, возносят меня вверх, а все смотрят па меня с восхищением, с трепетом и восторгом и приветствуют возгласами: «О, о!»

[А потом купаться пришел туда благородный господин Пуака]; он тоже замутил воду, и те двое принялись честить его, называя грязнuleй, разорителем и расхитителем поселков, губителем трав и кореньев.

Он же отвечал им:

— Да, это так, но когда запекут меня целиком, положат на самый верх большой корзины, а всю ее набьют ямсом или таро, тогда нет ничего важнее на пиру, чем мое появление, и все на рара чувствуют нестерпимый голод и приветствуют меня.

116. [Ири-ни-мбуно]

Первым господином Зикомбия был Ири-ни-мбуно из Коро-и-драно. До него же землями Зикомбия управляли люди из явусы на-леле. А высокого, главного вождя среди них не было.

Говорят, когда благородная Луве-на-леле, дочь вождя, умерла, Ири-ни-мбуно заглянул в ее пустой дом ночью, увидел там свет и понял: «Там остался дух».

Он закрыл вход в дом, пошел к могиле умершей, выкопал ее тело, а вместо него положил в яму банановый черенок.

Тело девушки он отнес обратно в дом и положил там. А сам вышел и крепко-накрепко закрыл все выходы из дома: обмотал дом плетеной бечевой.

Когда все было сделано, он постучал. Дух девушки сразу проснулся. Ири-ни-мбуно приказал ему:

— Входи в тело!

Дух ответил:

— Не могу, не могу, противно: уж очень мерзко оно пахнет.

Но Ири-ни-мбуно был непреклонен:

— Входи в тело!

И дух повиновался приказу, а Ири-ни-мбуно, дав ему время, спросил:

— Что, вошел ли ты в тело?

— Да.

Тогда Ири-ни-мбуно открыл дверь, зашел в дом и принялся изо всех сил тереть тело умершей. [И она ожила.]

Прошло два месяца. Ири-ни-мбуно послал за своими родителями. Он им показал молодую женщину и сказал:

— Это дочь вождя явусы на-леле. Я прошу вас дать мне зубы кашалота, чтобы я мог передать их в дар ее отцу и матери.

Та женщина отнесла зубы кашалота своим родителям и сказала:

— Это я встала из мертвых. Если не верите — откройте мою могилу.

Они пошли и увидели там внутри банановый черенок. И они разрыдались от радости, что их умершая дочь вернулась к жизни.

А потом она простилась с родителями, сказав:

— Я отправляюсь к Ири-ни-мбуно.

Через пять дней после этого умер отец Ири-ни-мбуно. Его похоронили, и тогда-то в явусе на-леле решили, что

только одним могут воздать они за его ушедшую жизнь — сделать Ири-ни-мбую высшим вождем Зикомбса. А вождю на-леле надлежало быть вторым после него.

117. Васу-ки-ланги

Однажды у вождя Ван-ни-кели родился ребенок. А одна женщина- дух решила взять его к себе. Она пребралась ночью в дом и выкрадла ребенка, савшего рядом с матерью.

Мать проснулась утром, а ребенка нет. Она стала горевать: ведь ей неведомо было, кто унес ребенка. И она сказала мужу, что, наверное, это была та женщина- дух.

А та женщина- дух назвалась бабкой младенца, завела ему пяньку и кормилицу. Младенец же раз повернулся, тут же пополз, а потом вскочил и побежал. Бабка обомила все фиджийские земли и из каждого поселка отобрала по два человека, чтобы прислуживать ребенку. Один из них стал при нем посланным, и звали его Тамбутамбу.

Вот ребенок совсем вырос, пришел к той женщине и спросил:

— Бабушка, чем занимались мои далекие предки?

— Плавали по океану, метали дротик, ловили птиц, играли в веи-вана-зоро-здраву¹.

На это он сказал:

— Из всего названного тобой надлежит оставить только последнее.

Бабка отправилась в поселок, привела оттуда двоих, они причесали длинные волосы ее воспитанника. И он сказал:

— Пойдем в край, где живет моя мать.

И они отправились туда.

А там все в это время ушли ловить рыбу. Дом осталась сторожить сестра того юноши. Он попросил ее причесать его, но она отказалась: прикасаться к голове веи-нгане-ни² нельзя. А потом она сказала:

— Я знаю, что мы веи-нгане-ни, но все же подойди, расчеши меня.

Он взялся расчесывать ей волосы, и тут хлынул страшный ливень. Луб, которым вытирались их мать, смыло потоком в море, и мать, ловившая там рыбу, велела гнать к берегу, бросив все. Прибежала дочь и видит: те двое расчесывают друг другу волосы! Мать стала укорять их и

сказала, что они согрешили друг с другом. Тогда юноша, обожженный этими словами, бросился к бабке.

Та стала спрашивать, отчего он плачет, и он все молчал, но потом все же сказал, рассказал все. И спросил у нее, как попасть на небо. Она сказала, что туда ведут два пути. На одном путника подстерегает множество духов. Они его обязательно съедят. По второму же пути можно пройти невредимым.

И так, он простился с бабкой, с родителями и пошел на небо. А сестра, зная, что пойдет он той самой дорогой, на которой путника подстерегает множество духов, бросилась за ним со словами, что никогда не покинет его, а если надо, то и умрет с ним вместе.

И они пошли. По почам сестра спала, а брат сторожил. Духи решили съесть их и принялись пугать, но ничего не вышло. Так продвигались они вперед, день за днем. И наконец дошли до того места, где жили две женщины: они были духи, самые страшные людоедки. Брат выкрасился в черный цвет; теперь духи не узнают его, а к тому же поймут, что он готов к сражению³. Оба они пошли вперед и оказались перед изгородью, составленной из тел пойманных людей. Они вытащили несколько тел и вошли туда. Брат сел на одно бревно — а это был убитый человек, — сестра на другое, это тоже был убитый. Духи испугались и стали готовить угощение. А пока они грели печь, брат налетел на них с палицей и зарубил. Потом он отпустил всех, стоявших в изгороди, и отправил домой.

А после этого он сказал, что ему надо проспать ровно столько, сколько до сих пор он провел без сна. Он уснул и спал очень долго. Сестра никакой силой не могла его разбудить и решила, что он умер. Горю ее не было предела.

Она отрубила себе один палец⁴, положила его на грудь брата, которого считала умершим, а сама пошла дальше на небо.

А путь свой она все время метила капельками масла, чтобы брат, если он все же воспрянет от сна, знал, что она ушла вперед.

Шла она несколько дней и паконец дошла до водоема, а на берегу того водоема росло самшитовое дерево. Цветы его были табу для всех, кроме жителей Основания Небес и Края Небес⁵. Они украшали себя его цветами, когда состязались в метании дротика. Она забралась на это дерево. А женщины из Края Небес пришли туда купаться, увидели в воде ее отражение, решили, что это — дух, и в

страхе убежали. Они рассказали о виденном у себя в поселке, и тогда жена вождя пошла к водоему, спросила:

— Кто здесь, дух или человек?

Узнав же, что это ее внучка, она заплакала от радости и повела ее к себе в поселок⁶.

А брат спал десять дней и десять ночей, а проснувшись, увидел отрубленный палец сестры и загоревал, зрыдал. Он тоже решил идти на небо, а по капелькам масла, оставленным сестрой, узнал, как шла она.

Подошел к тому поселку, услышал: кто-то плачет. Догадался, что это его сестра горюет. А она увидела его и тут же утешилась.

Вождь Края Небес велел бить в лали, созывать всех. И еще велел готовить гостям пир.

Брат с сестрой прожили там несколько дней, и вот было объявлено, что состоится состязание в метании дротика. И брат сказал про себя: «Ах, если бы здесь была бабушка! Она бы сделала мне лучший дротик, и было бы у меня каукау⁷!» Не успел он подумать так, как услышал бабкин голос: «Я здесь». Он рассказал ей, чего ему хочется. Она же отправилась, приготовила ему деревянные наконечники дротиков, потом принесла несколько плодов, вынула из них косточки, а вместо них поставила небольшие раковины каури, белые. Все это принесла ему и еще дала крашеное маро, чтобы опоясаться на состязании. И повязка эта была окрашена молнией.

Наконец все жители Основания Небес и Края Небес собрались на пира. И среди зрителей были две красавицы, дочери вождя, правившего Краем Небес. Началось состязание, и тут все увидели — от набедренной повязки их гостя отлетают молнии! Проходя по пира, он разбрасывал во все стороны идава, а внутри вместо косточек были раковины каури! Когда же он метнул свой дротик, тот улетел дальше всех. Обе красавицы захотели узнать, кто он, направились к нему, и вдруг он скрылся в дымке и совсем исчез.

Они пошли к себе, чтобы рассказать отцу, что один из метателей дротика совершенно завладел их сердцами. Тогда вновь забили в барабан, и было оглашено, что один из метавших дротик поразил сердца тех прекрасных девушки. Было приказано повторить состязание, чтобы девушки могли указать на того, кто им полюбился. Каждый из метавших там дротик решил, что это он и есть. Снова началось состязание, и каждый входил на пира, а девушки говорили:

— Это не он.

Новые люди шли, а желанного удальца все не было. Но наконец он появился. Тут же девушки воскликнули:

— Это он! — бросились к нему с протянутыми руками, а он снова исчез, исчез непостижимо.

Несколько дней прятался он, но все же его нашли, и он решил взять в жены старшую сестру. Невиданные дары он принес: в поселок доставили все сокровища тех двух духов, что он поразил. Там были и необыкновенные раковины каури, и дивная материя из луба. Носильщики сгибались под тяжестью всех этих даров. А из всего съестного, что было в земле тех двух духов, приготовили великий пир.

После свадьбы молодые поселились у его бабушки. И там у них родился сын, Васу-ки-ланги.

А в одном сражении его отец отправился на помощь своим, те приняли его в свое войско, и он пал в бою.

Сестра же, не покидавшая его в тяжком пути на небо, очень горевала, когда узнала, что жену свою он любит больше, чем ее.

118. Мата-индуа

Был некогда Туи Тонга, свирепый и дикий духом человек. Больше всего он любил воевать и убивать людей, и на всех островах его боялись, а не любили его никто. Даже женщины в его собственном доме не любили его. А женщины в его доме было очень много. Он никогда не брал себе жен так, как должно вождю брать жену, но зато забирал к себе силой всех красивых девушек, когда покорял края их отцов. А некрасивых убивал. И еще он уводил жен от мужей, отнимал дочерей от отцов. Ничего и никого он не боялся — ведь он был высокий и могущественный вождь, и за ним шли многие. При нем были все самые безумные и злые удальцы, они везде были с ним, всегда помогали ему побеждать врагов.

Однажды случилось такое. Вождь вышел в океан на своей огромной драу, и вдруг в небе показалась страшная туча, а из нее вылетел внезапный и дикий ветер. Ветер бросился прямо на лодку, сорвал с нее парус и унес его. Тут же все успокоилось.

Вождь сказал:

— Ужасный ветер! Хорошо еще, что он пас оставил в живых. Но вот паруса нам не вернуть. Ну, люди, беритесь за весла: возвращаемся к земле.

Они спустили мачту и стали грести, вычерпывая к тому же воду из лодки. Плыли они очень медленно, ведь лодка была огромная, тяжелая, и людей на ней было множество. Ночь пришла, а они все еще были в океане, проплыли совсем мало. Всю ночь гребли, не останавливаясь, и уже слабость с усталостью принялись их донимать. Утро пришло, а земля все еще была далеко. Тут поутихли их духи, видя, в какую беду они попали. И люди стали говорить:

— Мы хотим есть, мы уже совсем без сил. Больше мы не можем грести.

Подняли весла и сели молча. А лодка медленно покачивалась на волнах.

И тут вождь сказал:

— Надо поесть. Что у нас осталось из еды?

Один юноша сказал:

— Ничего, мой господин. Вчера, еще до этого страшного ветра, мы съели наш последний ямс.

И вождь сказал снова:

— Мы должны поесть. Никто не может работать без пищи. Идите и посмотрите, не осталось ли на зама¹ банановых черенков².

Эти слова имели другой смысл. Ведь на зама всегда сидят женщины, им не подобает сидеть на ката³. И потому, раз вождь сказал: «Идите посмотрите, не осталось ли на зама банановых черенков», — это означало: «Убейте какую-нибудь из женщин, и мы ее съедим».

Один юноша взял палицу и пошел к женщинам. А те уже столпились на зама в ужасе, ведь до них долетели слова вождя. Юноша высмотрел Талинго⁴, дочь Такапе, подозревал ее налицей и сказал:

— Идем, Талинго, тебя зовет вождь.

Она встала, прижимая к груди младенца, и медленно-медленно пошла на корму, где сидел вождь. Вот уже поднялась над ней палица — и тут с громким криком она спрыгнула в океан и скрылась под водой вместе с младенцем.

Вождь приказал:

— Копье, копье! Подать мне копье! На этот крючок рыбка и попадется! — захохотал дико, потряс копьем и ступил вперед, к самому борту. Стал высматривать ее в воде: вот-вот покажется.

А она нырнула под лодку, схватилась за крестовину между зама и ката и замерла, скрытая между корпусами лодки.

Те в лодке ждали, ждали, а потом решили:

— Акулы ее съели. И ее, и младенца. Так что она не вынырнет никогда.

А Талинго решила прятаться до темноты. Из укрытия услышала она свист и стук палицы, слышала последний крик жертвы, слышала, как юноши переговаривались, пока готовили мбокола. А было так. Тот юноша, Фаха, спросил вождя:

— Что же нам теперь делать, кого еще выбрать? Эту женщину съели акулы, а мы по-прежнему голодны.

Тут вождь посмотрел на него гневно и закричал:

— Да, голодны. И съедим мы тебя! Это ты упустил ее, ты дал ей уйти.

С этими словами он прошил его своим копьем, а потом еще и еще раз воинил в него острие копья. Тут-то Талинго и услышала предсмертный крик и удар жуткой палицы.

Когда стемнело, она неслышно выплыла, поплыла, а с собой взяла балансир лодки. Никто не заметил этого: все были заняты едой. Она положила дитя на балансир, сама уцепилась за его стержень, и вот уже волны понесли ее в темноте неизвестно куда.

Четыре дня и четыре ночи держалась она на волнах, все время плакала, горевала, но исправно кормила младенца. Над ними кружили огромные птицы, она отгоняла их, и все же одна задела клювом ребенка и вырвала ему глаз. Четыре дня и четыре ночи несло их по волнам, а на рассвете пятого дня выбросило на риф у берега Оно. Тут Талинго собрала все силы, поднырнула под буруны и выплыла в лагуне. Проплыла через всю лагуну и выползла на берег близ Оно-леву. Держа младенца, она рухнула на землю под пальмой.

А в том поселке жил старик по имени Таусере. У него была жена Се-ни-рева. Дом их стоял пустой: у них не было детей. Тем самым утром они сошли на берег, собирались спустить на воду лодку и плыть за рыбой и тут увидели Талинго: она лежала под деревом и держала у груди младенца. Таусере наклонился над ней, воскликнул: «Кто это?!» — и тут же заплакал, потому что увидел: бедная женщина умерла, а младенец, которого она все прижимала к груди, спит себе спокойно.

— Се-ни-рева, жена, посмотри, как грустно, — плакал Таусере, и жена заплакала вместе с ним. Потом жена сказала:

— Это чужестранцы. С Тонга. Тонганская лодка по-

гибла, а их вынесло сюда. О горе, горе! Она такая молодая, такая красивая. А ребеночек! Правду ты сказал, муж, грустно. Что делать, надо выкопать могилу и похоронить их.

Не успела она договорить, не успели они с мужем до-плакать, как ребенок открыл глаза и улыбнулся им. Тут сердце женщины загорелось счастьем, она радостно вскрикнула, бросилась к ребенку и взяла его. Прижала к груди и засмеялась, а потом опять заплакала. И сказала так:

— Мой сын, мой сын. Настоящий сын, ты будешь мне настоящим сыном, ведь тебя послали мне духи. Посмотри, муж, на нашего сына. Нам не придется больше горевать, что наш дом пуст. Духи пожалели нас!

И тут она заплакала от радости.

Талинго похоронили на берегу, к которому она стремилась до исхода сил и к которому живым доставила свое дитя. А мальчика отнесли в поселок. Все пришли, стали спрашивать, откуда он, чей, а супруги всем отвечали одно:

— Это наш сын, наш настоящий сын. Духи прислали его нам по волшам,— и больше ничего не говорили.

Мальчик стал расти, вырос красивый лицом, ловкий на руку, скорый на погу, добрый духом. С каждым днем он все больше радовал приемных родителей, и они благодарили духов за дар, принесенный океаном. Назвали они его Мата-ндуа, что значит Одноглазый; ведь одного глаза у него не было.

А Талинго лежала в могиле на берегу, и в сильный прилив волны накрывали ее. Часто по почам, когда поднимался северный ветер, жители Оно слышали с берега горький плач и дрожали от страха. Когда этот скорбный звук долетал до дома супругов, мальчик начинал метаться и стонать во сне и по его щекам струились слезы.

Однажды, когда так было, старуха взяла его за руку и разбудила. Он проснулся в страхе, а плач прекратился.

Он посмотрел вокруг в ужасе и закричал:

— Где же эта госпожа?! Где она?!

Приемная мать вся задрожала и спросила:

— Какая госпожа, сынок?

Он сказал:

— Матушка, неужели это все был сон? Я ее видел, слышал, как она плачет, и ее слезы лились мне на щеки дождем. Матушка, посмотри, щеки не высохли! Значит, это был не сон!

И он смахнул слезы со щек.

Она сказала, успокаивая его:

— Это твои слезы, сынок. Ты плакал во сне, вот я тебя и разбудила. Что за госпожа приснилась тебе?

Он воскликнул:

— Она была, я видел ее! Высокая, благородная, самая знатная госпожа, из тех, какие только бывают. У тебя волосы каштановые, курчавые, а у нее черные, прямые, густые-густые. И кожа у нее светлее, чем у тебя. Она была вся мокрая, так, как будто долго купалась. Стояла надо мной, заламывала руки и плакала. Матушка, скажи мне, кто эта госпожа. Мне кажется, я ее раньше видел. Как подумаю о ее печальных глазах, сердце во мне жжет горем.

Старуха сказала:

— Откуда же мне знать, сынок? Откуда мне знать? Во сне мы видим много неизвестных людей. Ложись и спи, мой дорогой, спи и не тревожь себя снами.

Мальчик лег и заснул. Но когда приемные родители снова взглянули на него, то увидели, как по его щекам опять катятся слезы.

И старик сказал шепотом:

— Это была его мать. Это была его мать! Его дух узнавал ее. Смотри, мальчик опять плачет. Давай ему все расскажем.

— Молчи,— зашептала сердито жена,— молчи! Он ничего не должен знать. Разве я ему не мать? Что, я не ходила за ним день и ночь? Да родная мать не могла бы сделать для него больше, не любила бы его больше, чем я! А ты теперь говоришь: «Давай ему все расскажем». Это слова глупца! Его мать умерла. Теперь я его мать, и он не должен знать никого, кроме меня.

Так они и решили. Илла по-прежнему поднимался в ночи, но они уже больше никогда не будили мальчика: он стонал и плакал во сне. А наутро забывал свои сны, и днем никогда не было слышно того плача.

Прошло время, он стал взрослым юношем, высоким, сильным, нужным своим людям. К тому же он был кроток, добр со всяким и очень любил своих родителей. Они к этому времени одряхлели и ослабли, и им воздалось все добро, что они отдали прежде приемному сыну. Они остались одни из всего своего матаингали. Остальные, мужчины, женщины, даже дети, погибли в великой войне с людьми из явусы идои. Если бы с супругами не было их приемного сына, им было бы очень плохо, одним среди чужих матаингали в поселке. Никто не стал бы о них заботиться.

А вот тамошние молодые люди ненавидели Мата-ндуа. Ненавидели они его за то, что он не ходил с ними, не помогал им в их плохих делах. Он всегда говорил так:

— Ступайте, делайте, как хотите, никто вам не указ. В ваших матангали много людей, за вашими стариками найдется кому ухаживать. А нас очень мало. Все ваши погибли, и я один должен присматривать за всем.

Сначала они все дразнили его. Но он не сердился, смеялся и повторял только:

— Ступайте, делайте как хотите. Я же останусь с отцом и с матерью.

И еще они опасались его: ведь он был силен и искусен в делах войны.

Однажды Янго-леву, сына Туи Оно, решил рассердить, поддразнить Мата-ндуа. Он ударил отца Мата-ндуа, Таусере, палицей прямо по голове, и тогда Мата-ндуа бросился на обидчика со страшным криком и свалил его ударом кулака. А потом схватил палицу — она тоже упала на землю, — стал размахивать ею в воздухе и с гневом посмотрел на молодых людей. Их там было много.

— Кто еще хочет ударить?! — закричал он.

Голос его разнесся над всем островом, в поселке все услышали его и помчались на берег — они стоял там.

— Я жду! Кто еще хочет ударить? Туи Оно, ты должен слышать мои слова! И вы, вожди, услышьте! Он ударил моего отца, старого, седого, слабого. Без всякой причины ударил старика!

И Туи Оно сказал:

— Довольно. Опусти палицу, Мата-ндуа. Послушай, что я скажу. И вы все, юноши, слушайте. Вы разве жаждете смерти? Мата-ндуа поступил верно. И теперь кто ударит, обидит его — тот ударит, обидит меня. Кто пойдет войной на него, пойдет войной на меня. Это говорю я, повелитель Оно.

Итак, они боялись его — из-за силы, из-за смелости, из-за слов, сказанных Туи Оно. Боялись и ненавидели все больше и больше. И все время думали, как бы хитростью убить его. Они боялись идти против него открыто и все делали исподтишка — и они, и разные вожди, любившие их. А Туи Оно был уже старик, ленивый и бесчесчный, оживавший только, если кто-нибудь ужасно прогневит его. Когда распределяли работы, погившему матангали, из которого был Таусере, задавали делать столько же, сколько всем остальным — а ведь один только Таусере и оставался. И все равно Мата-ндуа раньше всех справлялся с рабо-

той. От этого они сердились и буйствовали еще больше. Надо было наловить рыбы для торжественного пира — его садки всегда были полны, у них же в садках было пусто. А это все Талинго помогала сыну: гнала рыбу из их садков в его. Надо было свалить дерево — огонь, которым он сушил ствол, делал свое дело за одну ночь: ведь этот огонь поддерживала Талинго⁵. А у них уходило по многу дней и ночей. И так случалось с любым делом. Но вот однажды жрец созвал всех людей и сказал, что надо поставить новый мбуре-калоу, лучше и больше прежнего. И тут враги Мата-инду возликовали. Они стали говорить:

— Наконец-то. Наконец-то нашлось то, что ему не под силу.

Разделили работы, и Таусере досталось построить целую стену. В слезах пошел он к себе, а дома жена как раз причесывала Мата-инду, натирала его ароматным маслом. Плача, Таусере рассказал им, что случилось. Старуха тоже стала плакать:

— Что же это! Целая стена! Они думают, что мы духи, а не люди! Где взять столько бечевы⁶, как дотащить бревна? И кто поможет нам во всем этом?

— Никто, — ответил Таусере. — Никто. Даже дети не придут нам на помощь. Вожди поселка ненавидят нас. Они просто хотят нас погубить. Так уж лучше умрем сразу, и все будет кончено, а вожди останутся довольны. Пожалей нас, Мата-инду, задуши нас обоих. Мы уже стары, слабы, и пользы от нас никакой.

И жена тоже сказала:

— Верно, верно. Послушай отца, сынок, задуши нас, дай нам умереть.

Но Мата-инду сказал:

— Нет! Вы будете жить. Попытаемся исполнить положенное, а если увидим, что нам это не под силу, убежим отсюда. Если мы уплывем прочь, то можем утонуть. А в чужом kraю нас могут убить тамошние люди. И значит, смерть все равно придет. Но спачала попробуем исполнить положенное.

И Таусере сказал:

— Хорошо. Попробуем. Ничего у нас не выйдет, но давайте попробуем еще раз. Идем за кокосовым волокном, пора плести веревку.

Итак, они уселись в доме и принялись плести веревку. Сплели одно звено — вышла целая сажень плотной веревки. В изумлении и восторге стали плести они свою бечеву: было ясно, что им помогает какой-то дух.

Ночь еще не сошла на землю, а весь пол в их доме был покрыт кольцами прекрасной веревки, и была она всех цветов.

Таусере сказал:

— Довольно,— и они скрутили ее в большой тяжелый моток.

А когда Мата-идуа уснул, Таусере шепнул мене:

— Что за чудо, настоящее чудо! Что это, жена? Ничего похожего никогда не было.

Старуха отвечала:

— Это его мать. Точно, точно, она. Кто еще из умерших станет заботиться о нем?

Муж сказал:

— Наверное, ты права. Но кто бы это ни был, его мать или кто-нибудь еще, ясно только, что в хороший день мы нашли ребенка на берегу. А сейчас давай спать: уже поздно, а на завтра у нас еще много работы, и нелегкой.

Наутро они пошли за лесом для опорных столбов. Нашли хорошие деревья, только собрались обжигать их у основания, как налетел страшный ветер, снес все деревья и бросил к их ногам. В мгновение ока оказались они на земле, без единой ветки — можно было вытесывать столбы. А когда они подняли их, чтобы нести, изумились еще больше: огромные бревна оказались не тяжелее охапки сучьев. Они отнесли их в поселок и сбросили там, где надлежало построить мбуре-калоу. Все изумились, стали спрашивать друг у друга:

— Что же это за дерево, если даже Таусере может его поднять?

Решили тоже попробовать, оказалось: даже два силача вместе едва могут приподнять за край самый маленький столб.

И так было во всем: любая работа была легка для Таусере и Мата-идуа. Они первыми закончили то, что должны были сделать, и еще долго ждали, пока завершат свое все другие матангали.

Тут тамошние юноши стали говорить:

— Все, что мы подстраиваем, все зря. Мы должны сами убить его.

Так и решили. Для начала вырыли огромную яму. Яму эту накрыли ветками, дерном, так что ничего не было видно. Теперь оставалось заманить его туда, он упадет в яму и погибнет. Очень довольные, возбужденные, отправились они назад в поселок. Уже солнце ушло под воду, уже вышла луна, яркая и светлая. Вдруг на тропинке показалась

неизвестная женщина. Она была чудесной красоты и по всему была похожа на тонганку. Кожа у нее была мокрая, как будто она только что купалась, и капли в волосах сверкали, зажженые лунным светом. В руке у нее был большой балансир. Вот какая женщина показалась на тропинке.

Янго-леву прокричал ей:

— Кто ты?! Кто ты?! Что ты молчишь? — а женщина не произнесла ни слова.

Янго-леву поспешил к ней, и тут она повернулась и убежала в лес.

Сын Туи Оно бросился за ней, крича:

— Ловите ее, держите! — и все остальные побежали следом с громкими воплями.

Женщина мчалась по лесу, кружила, путала след, наконец выскочила на ту же тропу, оказалась у них за спиной, обогнала их и побежала к яме, что они вырыли. Миновала ее, словно никакой ямы у нее под ногами и не было, а была твердая почва. Они бросились за ней, вот-вот схватят — и забыли про эту яму! И тут по всему лесу разнесся жуткий смех, громкий, гневный, звенящий — а Янго-леву и десять его одногодков, значит, всего одиннадцать юношей, упали, как один, в ужасную яму, ту самую, что они вырыли для Мата-ндуа. Только один из тех, бежавший последним, уцелел, остался жить и с воплями ужаса бросился назад в поселок.

Туи Оно узнал, что случилось, и зарыдал:

— О горе, горе, мой сын умер! Ужасный день, горе, горе!

Он собрал много своих, и все пошли в лес. Подошли к яме и услышали тягостный стон, услышали предсмертный крик. А случилось так: трое юношей умерли в одночасье, а остальные лежали израненные — ведь на дне ямы они наставили острых кольев, чтобы большее была смерть Мата-ндуа. Один из тех кольев так прошил в колене ногу Янго-леву, что тот навсегда охромел. С тех пор люди стали звать его не Янго-леву, Силач, а Локилоки, Хромой.

В ту ночь много слез было пролито па Оно. А Таусере, когда узнал обо всем, сказал тихонько жене:

— Это была его мать. Посмотри, как она его охраняет!

И супруги были довольны. А среди ночи, когда луна забралась на самый верх небес, с берега послышалось пение, как будто кто-то пел грозную неукротимую песнь победы, и, кажется, пел по-тонгански. И Мата-ндуа смеялся во сне и тряс кулаком, в котором виделось копье.

Никто па Оно не знал этой песни, не понимал ее, никто, кроме одного человека. Звали его Латуи, и он был родом с Вавау⁷. На Оно он попал давно, много лет назад, когда могучие волны прибили к здешним берегам большую тонганскую лодку; он один уцелел в ту бурю. Тогда он был молод, крепок духом, силен телом, а теперь стал стар, слаб и совсем ослеп. Целыми днями безучастный Латуи сидел в доме Туи Оно, ничего не слышал, ничего не видел, ничего не говорил. А когда первые звуки страшной песни долетели до ночного поселка, он вдруг вскочил, закричал безумно и остался стоять. Слепые глаза его вышли из орбит, весь он дрожал, и смотреть на него было страшно. И он вскричал глухо:

— Кто умер в поселке?! Что за смерть, чья кровь пролилась?! Горе, горе, горе этой земле! Горе, я слышу песнь, приносящую горе! Это ужасная песнь, я знаю ее! Я уже слышал ее, и это было в кровавый день, когда враги взяли нашу крепость и всех наших погубили. Они пели эту песнь, когда волокли мертвые тела к своим очагам! Слышите, это песнь смерти!

И это были последние слова Латуи, ему не суждено было сказать еще хоть слово. Изо рта у него пошла кровь, он упал на циновки, люди подбежали, а он уже умер!

Ужасный страх пришел тут ко всем. Те юноши тоже испугались и не стали больше замышлять зла против Мата-идуа.

Прошло еще много дней, и вот что случилось. Юноши отправились на За-кау-лала ловить морских черепах к пиру, на котором вождям Лакемба подносили положенные дары. Вожди Лакемба каждый год прибывали на Оно за этими дарами. Целый день ждали юноши добычи, но поймали всего одну черепаху. Тогда решили поставить лодки у рифа, переночевать там, дождаться утра. В отлив все собирались в лодке Туи Оно, пели и рассказывали о делах прошлого — такой у них был обычай. Один только Мата-идуа остался у себя и лег спать на палубе своей лодки.

Совсем стемнело. Хромой Янго-леву со своими одногодками пришел к той лодке, увидел, что ненавистный враг спит один на палубе, и возликовал. Тихонько подобрался он к якорным кольям, вогнанным в риф, и отпустил веревки⁸, а его спутники вытащили из лодки весла и вынули балансир! Лодка тотчас ушла в темноту океана — ведь тогда был отлив и к тому же ветер дул от берега.

Янго-леву дико захочотал и крикнул:

— Прощай, Мата-ндуа!

И все захотали вместе с ним.

— Прощай, Мата-ндуа! Доброго тебе ветра, счастливого плавания!

Но Мата-ндуа ничего не слышал, он спал крепко.

Он спал и видел сон. Снилось ему, что волны несут его в открытый океан и что он не может найти весел — их нет! Смотрит он, и вот — о горе! — земля уже далеко, а вокруг него волны и волны — справа, слева, спереди, сзади.

Ему страшно беспредельно, и вдруг он видит: черная точка пляшет на гребне дальней волны. Он смотрит на нее, а она все ближе, ближе, и его дух взволнован, непонятно отчего. Он думает: «Кажется, человек плывет», но тут видит еще большее чудо. Он видит во сне: к нему плывет женщина, светлокожая, красивая, как никто, — плывет и толкает перед собой большой балансир, а на балансире лежит дитя, и лицо у него все в крови, кровь идет из глазницы, а глаза нет. Вот уже женщина у самой его лодки, вот нырнула и скрылась. И вдруг откуда-то из-под лодки, словно бы из самой ее середины слышится громкий плач. Он хочет подняться и заглянуть туда, но чувствует, что не может пошевелиться, старается изо всех сил, до пота — и не может. Так он лежит неподвижно, в испуге и волнении, и вдруг слышит — грустный голос зовет его по имени: «Мата-ндуа, Мата-ндуа! О мой сын, сын мой, Мата-ндуа!» Изумленный, он спрашивает: «Матушка, Се-ни-рева, это ты?» А голос в ответ: «Нет, сынок, это не Се-ни-рева, это я, мой любимый, твоя настоящая мать — Талинго». Тут он говорит: «Я точно знаю твой голос, я его слышал! Но что это, что ты говоришь! Разве Се-ни-рева мне не мать, а Таусере не отец? Ведь я всю жизнь прожил с ними». И голос отвечает со всей страстью: «Нет, сынок, нет. Я твоя мать. Эти супруги очень хорошие люди, и я люблю их за то, что они так любят тебя. Но твоя мать я, Талинго. Теперь слушай, я тебе все расскажу». И она начинает с пачала, с того дня, как ее, молодую девушку, взял силой жестокий вождь, тот самый, что убил ее отца, и рассказывает, как она прыгнула с лодки, когда ее хотели съесть, и как их прибило к берегу Оно, и как она охраняла его день и ночь, помогала ему в работе, берегла от опасности, спасала от смерти. Все это узнает во сне Мата-ндуа.

Потом голос говорит: «Знай, мой сын, что лодку твою нарочно отпустил Янго-леву. Тебе больше нельзя оставаться там, где он живет. Имя Туи Оно уже произнесено в Земле Духов и уже послано за ним оттуда: гонец в пу-

ти⁹. Когда Туи Оно умрет, новым вождем станет его сын, твой враг. Поэтому послушай слова матери — это слова любви. Последний раз вернись на Оно. Весел у тебя на самом деле нет, но вот тебе балансир. Он поможет тебе достичь берега, и в это время они на своих лодках еще не вернутся с охоты за черепахами. Возвращайся на Оно, забирай тех двоих, что так любят тебя, поднимай парус и возвращайся на землю, где ты родился, на Тонга. Не бойся ничего. Ветер будет попутный, и никакого худа с тобой не случится: ведь я охраняю тебя. А сейчас просыпайся, сын, просыпайся скорее и не забудь то, что я тебе сказала». Тут она берет балансир и стучит им о борт лодки.

Мата-ндуа тотчас проснулся, потому что услышал громкий стук. Перегнулся за борт и увидел, что между корпушами лодки появился балансир. А больше он не увидел ничего. Тут он стал звать:

— Матушка, дорогая матушка! Почему ты ушла? Матушка, дорогая матушка, позовь мне хотя бы раз заглянуть в твои глаза!

Но в ответ не услышал ни голоса, ни звука, только волны с шорохом подбегали к лодке. Но балансир, за который он ухватился рукой, уже заработал, и так он понял, что Талинго велит ему плыть. Плача, усился он на корме и стал рулить тяжелым балансиром. Балансир и вправду был большой и тяжелый, но в руках у Мата-ндуа был легким, как маленькое веслышко. Лодка шла по волнам, как при хорошем ветре. Мата-ндуа сказал сам себе: «Это мать помогает мне!»

Долго придется рассказывать, о чем говорил он со старыми супругами, как поведал им о своей матери, приплывшей по волнам, чтобы снова спасти его от верной смерти. как плакала Се-ни-рева, сколько просила его не верить снам, как клялась, что он ее сын, что она его носила, она родила его на свет... Так она говорила, пока ее не остановил муж.

Таусере сказал строго:

— Довольно, женщина. Не надо больше обманывать мальчика. Сын, Талинго говорит правду, говорит правду. Она твоя мать, она. Но и мы любим тебя. С того дня, как мы нашли тебя на берегу, мы полюбили тебя и всегда были хороши с тобой. Ты тоже был нам хорошим сыном. Не плачь, жена, да и что плакать? Вот, он знает правду, но любит нас по-прежнему.

А Мата-ндуа сказал:

— Я люблю вас еще больше!

Много еще было сказано слов, но наконец они собрали все необходимое и уселись в лодку. Задул попутный ветер, и три дня они плыли по океану, а затем увидели вдали берега Тонга. В последнюю ночь их плавания юноше приснился новый сон. Ему снилось, что в лунном свете выходит к нему мать — не плывет, как прежде, а твердой поступью идет по гребням волн, и только босые ноги сверкают среди белой пены. Так приходит она к нему, наклоняется над ним, смотрит на него своими печальными глазами и рассказывает ему об обычаях Тонга, о том, как ему надо поступать. И все это им очень нужно — ведь они все трое чужие на Тонга, не знают ни островов, ни рифов, ни проливов, ничего не знают, потому что они чужестранцы, ступающие на чужую землю.

Когда наутро белой полосой вышли перед ним буруны, с берега полетела к ним навстречу маленькая зеленая птичка¹⁰, села юноше на голову — а он правил лодкой, — потом поднялась и полетела к другому острову, правее, еле заметному. Прошло немного времени, и птичка вернулась. И так много раз.

Юноша сказал:

— Отец, приспусти парус. Не будем подходить к этому берегу, поплыем за птичкой.

Таусере приспустил парус, и, когда нос лодки уже смотрел на нужную землю, маленькая птичка устроилась на макушке Мата-идуа и заснула. А когда лодка подошла к бурунам, проснулась и полетела перед ними, показывая, каким проходом идти. Юноша повел лодку за птичкой и вот уже прошел риф, вышел в тихие воды лагуны и пристал к песчаному берегу.

Остров, на который они прибыли, был Тонга-тамбу, Священный Тонга, и совсем близко от того места, где они пристали к берегу, стоял великий поселок — в нем жили Туи Тонга. Они пошли туда, чтобы явиться к вождю, но вдруг увидели — в поселке пусто и тихо, земляные печи давно остывли, дома вот-вот упадут и все заросло сорной травой.

Таусере сказал:

— Враги всех убили, — и его жена заплакала.

Но Мата-идуа сказал:

— Нет. Где это видано, чтобы враги убивали людей, а дома их не предавали огню? Здесь не было никаких врагов. Здесь случилось какое-то другое несчастье. А ведь это был край вождей. Посмотрите, какие здесь дома, все большие, хорошие, сколько их. Видно, здесь была какая-то

хворь, многих погубила, а кто выжил, бежал прочь, оставив мертвых.

Женщина стала просить:

— Уйдем отсюда за ними вслед. Я не могу оставаться в этом пустом поселке. Страшно оставаться с мертвыми. Смотри, сынок, вот та птичка, что вела нас до сих пор. О дух, мы попали в дурное место. Здесь одни мертвцы. Пожалей нас, дух, прошу тебя, отведи куда-нибудь к живым!

Так говорила, причитала бедная женщина, вся в слезах; подняв голову, смотрела она на птичку, а та кружилась над ними, и, когда Се-ни-рева договорила, улетела прочь.

Мата-ндуа сказал:

— Идем за птичкой.

Они последовали за ней, пропали через поселок, вышли в заросли, прошли через задние ворота в крепостном валу, прошли по могучей горе, спустились в долину — и тут птичка взмыла вверх с громким криком и полетела к густым зарослям деревьев по другую сторону ручья, что бежал по дну долины. Они переплыли поток, подошли к тем зарослям, и тут им открылось ужасное зрелище: там сидели люди, убитые голодом и горем, изможденные, несчастные. Они сидели кругом на траве и смотрели пустыми глазами на одного из своих — умирающий, он лежал в середине круга. Он был очень-очень старый; он лежал на траве, воздуха ему не хватало, его седые волосы, все в нечистотах, торчали во все стороны ¹¹.

Но Мата-ндуа, когда вошел в круг и паклопился над умирающим вождем, смотрел гневно и неумолимо. Он ведь знал, кто это, знал потому, что все ему было поведано во сне в последнюю ночь плавания, когда его мать пришла к нему, ступая по волнам.

Он смотрел гневно, неумолимо, а старик, с хрипом ужаса, привстал и испуганно смотрел — только не на самого Мата-ндуа, а на птичку, что уселась у него на макушке. Он закричал в ужасе:

— Уберите ее! Утащите ее отсюда!

Старик весь скрючился, дрожал, и на губах у него выступила пена.

— Хватайте ее за руку! Оттащите ее от балансира! Она убьет меня этим балансиром!

Тут он стал молить о прощении:

— Почему ты хочешь убить именно меня, а, Талинго? Ведь это был не я. Это был тот юноша, Фаха. И я убил

его за это. Я проткнул его копьем. Пожалей, пожалей, меня, Талинго, я стар, слаб, немощен.

И опять он захрипел в отчаянии, поднял руку, словно собираясь отвести удар,— и умер.

Юноша посмотрел на мертвое тело и сказал:

— Он был мне отцом. Плохим отцом. Я хотел убить его, потому что он погубил мою мать, Талинго, но вот духи увели его от меня.

Старик с седой бородой спросил:

— Как, ты — сын Талинго? Талинго, дочери Такапе? Неужели ты ее сын? Когда она утонула, ее единственный сын был грудным младенцем; они оба тогда погибли. Я сам это видел, я, Анга-тону¹².

Мата-индуа ответил:

— Я и есть единственный сын Талинго, а это лежит мой отец. Послушайте же меня, тохганцы, вы должны знать, что с нами было.

И он все рассказал им. А когда умолк, старик проговорил:

— Удивительный рассказ. Удивительный рассказ услышали мы сегодня. Мне следовало бы приветствовать вас по нашему обычаю, следовало бы сказать: «Хорошим было ваше плавание», но это будет насмешкой. Ведь ты видишь, земля наша погибла. Нас совсем мало, только те, кто здесь, остались в живых. Вот и вождь наш умер. Ты его сын, ты должен наследовать ему, но зачем? Воины убиты, все съедены, остались одни женщины.

Сын Талинго воскликнул:

— Что ты говоришь?! Что за горестные слова! Почему никого нет в поселке? Почему вы прячетесь здесь в лесу? Где все ваши?

Старик ответил со вздохом:

— Погибли, все погибли. Вожди и простолюдины, юноши и старики,— никого не осталось. Остались мы одни, да еще женщины. Но и их увели прочь от нас.

Тут все, кто там был, зарыдали в голос. Когда плач стих, Анга-тону продолжал:

— Прошло восемь месяцев, с тех пор как явилась к нам беда. Мы жили здесь в довольстве и достатке, и тут, ступая по океану, к нам пришел ужасный великан. Он пришел по океану и редко где пускался вплавь — все больше он шел, ступая по океанскому дну, а голова и плечи у него поднимались над волнами. Мы не знаем, откуда он пришел. Лицо у него светлое, он знает наш язык, но говорит на нем, как чужестранец. Когда он вышел на берег,

мы бросились на него, но он только смеялся над нашими палицами и дротиками, смеялся и отгонял их прочь, как мы отгоняем москитов. Самым сильным из нас удавалось лишь проколоть его шкуру. Он стал убивать наших — душил их одной рукой, растаптывал пятками. Ужасные смерти! Мы бежали от него. А он взял наших женщин и увел с собой. Построил себе крепость, живет там, а при нем все наши женщины — жены, дочери; все они его наложницы. Каждый день рыщет он по лесу, убивает кого-нибудь из наших и ест. Вот почему мы прячемся здесь. Ты видишь, как нас мало, как мы несчастны. Мы боимся выходить на риф за рыбой, не то великан увидит нас и убьет. Мы едим одни коренья, то, что растет в лесу. И их мы должны есть сырыми: ведь если мы разведем огонь, он заметит дым и найдет нас. И еще у великана живет злой дух, принимающий обличье белой летучей лисицы. Эта лисица тоже людоедка. Дух помогает ему, охраняет крепость, пока великан нет, стоит на дозоре ночью, когда великан спит¹³. Сначала мы пытались подкрасться к крепости, звали своих женщины, но этот дух всегда всех замечал. Многие так погибли. Поэтому беги, беги, пока великан не знает, что ты здесь. Если он узнает, тебе не миновать смерти. Возвращайся вместе со своими спутниками к лодке, бегите из этого края зла, пока живы. Может, вы сжалитесь и над кем-нибудь из этих несчастных, возьмете и их с собой, возьмете столько, сколько увезет ваша лодка. А я сам уже стар и ни на что не годен. Я останусь здесь. Разве плохо будет, если я последую за своим господином, сегодня ли, завтра или послезавтра?! Я всегда шел за ним, в войне и в мире, в океане и на земле. Мы вместе сражались, вместе сидели на пиру, и смерть пусть возьмет нас вместе. Мы ляжем в одну могилу. Он был грозный человек, жестокий. Но что из того? Он был моим господином, всю жизнь я служил ему. Я все сказал, я, Аинга-тону.

Все долго молчали, а потом заговорил Мата-идуа:

— Да, печальные, горестные слова. Теперь послушайте меня. Я решил сразиться с великаником. Если погибу — умру, и на этом все кончится. Но если я останусь жив — будете мне верны, дадите мне то, что со смертью отца принадлежит мне по праву?

Старик сказал:

— Мы будем верны тебе, — и все подхватили:

— Мы будем верны тебе.

Но Аинга-тону спросил:

— Зачем ты идешь на смерть? Если ты отправишься

к великану, смерти не миновать. В тебе одном течет кровь Туи Тонга, ты один остался. Зачем же тебе искать смерти? Отправляйся на какой-нибудь другой остров, пережди тяжелое время. Великан не вечен, ты сможешь вернуться сюда, привезешь своих детей, заселите эту землю, когда великан не будет. Беги, пока не поздно, прошу тебя, беги, пока не погас совсем огонь Тонга. Встань, мой сын, Кало-фанга, встань иди за своим господином. Служи ему так же, как я служил его отцу, будь для него тем же, кем я был для его отца. Возьми его жизнь и охраняй ее. Пусть твои глаза будут его дозором, твоя рука — его палицей, твое тело — его щитом. И вы все, вы тоже идите, идите за своим господином в другой край. Охраняйте его, берегите, а потом, когда великан не станет, возвращайтесь сюда, и ваш господин станет вождем в земле своих отцов. А мои дни прошли, дела мои совершены. Я отправляюсь за своим вождем, вот он лежит перед вами.

Так сказал Анга-тону. Кало-фанга поднялся с земли, склонился перед новым вождем, припал к его руке и сказал:

— Господин мой, я с тобой, отныне и навсегда я буду тебе верен.

И другие поднялись, всего сорок семь человек, и все поклялись верно следовать за Мата-идуа повсюду. Одни старики остались сидеть. Они сказали:

— Мы умрем вместе с Анга-тону.

Тут заговорил молодой вождь. Он поднял руку, глаза его горели, голос был громким и звенящим, как в тот день, когда он обращался к юношам Оио, когда стоял перед Янго-леву, которого сбил ударом кулака с ног.

Мата-идуа воскликнул:

— Я не стану никуда бежать! Разве может сын Туи Тонга бежать прочь, как последний трус, оставить своих людей в беде?! Даже дети трусливых глупцов будут смеяться надо мной! И зачем вообще слова? Сейчас не до них. Идем, Кало-фанга, веди меня к губителю моих людей.

И они вдвоем пошли через лес, а те все остались в густой чаще, и Таусере с Се-ни-ревой остались с ними. Мата-идуа шел молча, ни слова не сказал, пока не увидел вал великановой крепости. Тут он приказал Кало-фанга:

— Оставайся здесь и жди. Если великан убьет меня, вернешься к отцу и расскажешь ему об этом. Если я убью великана, мы вместе вернемся с победой.

Он уже собрался идти, но Кало-фанга схватил его за руку и вскричал:

— Нет, мой господин, нет! Я пойду с тобой. Не отказывай мне в этом, мне будет стыдно, если ты пойдешь один.

Но молодой вождь высвободил руку и приказал:

— Оставайся здесь, делай, как я говорю. Оставайся здесь и жди исхода схватки.

Кало-фанга сел под высоким деревом и заплакал:

— Горе, горе! Он идет на смерть. А я, я никогда не вернусь к отцу. Как можно вернуться и сказать, что мой господин ноги, а я в это время не был с ним рядом?

А молодой вождь смело подошел к крепостной ограде и вошел в крепость. Тут он увидел на вершине высокой пальмы летучую лисицу, питающуюся человеческой кровью, огромную, совершило белую ¹⁴. С ужасным криком она взмыла в воздух и полетела к берегу. Тут из домов высыпали женщины, множество женщин, и среди них были женщины того острова, их силой увел с собой великан.

Они увидели в крепости незнакомца и беспредельно изумились. Столпились вокруг него и стали уговаривать его скорее бежать прочь. До того хотелось им спасти незнакомца, что они даже не стали спрашивать, откуда он. Одна говорила:

— Беги, беги, пока еще есть время!

Другая причитала:

— Великан тебя убьет!

Третья говорила:

— Лисица уже донесла ему, что ты здесь.

Тут еще одна женщина закричала:

— Вот он! Идет!

Тотчас все женщины разбежались, и Мата-ндуа остался один посреди крепости.

Тут показался великан, сердитый и запыхавшийся. Он спешил с берега — там на рифе он охотился за морскими черепахами; земля у него под ногами дрожала.

— За смертью пришел! — зарычал он и бросился на молодого вождя. Великан ринулся на Мата-ндуа, тот отскочил в сторону, и тотчас его палица ударила великана по сухожилиям под коленом! Громадный враг упал ничком, а молодой вождь изо всей силы ударил его в это место еще раз, потом еще раз, пока великан не поднялся. А сухожилие под коленом было у великана уязвимым местом. Об этом тоже сказала спящему сыну Талинго, когда приходила к нему в последнюю почь плавания.

Великан зарычал, поднялся наконец на ноги и опять бросился на смельчака. Вдруг раздался страшный крик:

из леса выскоцил Кало-фанга; огромными прыжками приближался он к крепости, размахивая над головой палицей, и кричал:

— Я здесь, я здесь! Я не могу больше оставаться там, мой господин! Мы умрем вместе!

Мата-идуа крикнул:

— Колени! Колени! Бей его под коленом, Кало-фанга, сзади под коленом!

Так их стало трое. Это была ужасная схватка! Великан рычал и хрюпал, бросался то на одного, то на другого. Они же сновали у него между ног и все время били в одно и то же место. Наконец он снова упал на землю, и они испустили победный клич, потому что думали — ему настал конец.

Но великан, падая, схватил большое дерево, пригнул его к земле, пока летел вниз, и вырвал с корнем. Снова сумел подняться, схватил дерево, как палицу, и одним махом свалил их обоих — они не успели даже отпрянуть. Мата-идуа и Кало-фанга упали и запутались в ветках дерева.

Великан захохотал, крикнул:

— О! Ну, попались оба! — и уже хотел их схватить, но тут на него налетела маленькая зеленая итичка и впилась ему клювом прямо в глаз! Он завопил, закрыл лицо руками, а оба его врага выбрались из силка, проворно подобрались к нему, обошли его сзади, пока он топал и хрюпал от боли, и еще два раза ударили в уязвимое место. Больше и не надо было, великан свалился поперек ствола того дерева и уже не поднимался.

Молодой вождь крикнул:

— Веревку! Веревку! Веревку принесите!

Выбежали из домов женщины, приволокли толстый канат от сети на черепах, и молодой вождь обвил этим канатом шею врага, Великан сопротивлялся, но ничего у него не вышло. Тут уже стало ясно, что схватке конец: Мата-идуа и Кало-фанга схватились за разные концы каната и задушили великан. Так не стало этого чудовища, губившего и пожиравшего людей. А летучая лисица, что следила за схваткой с дерева, поднялась в воздух, горестно плача, и улетела прочь. Никогда не видели ее на Тонга.

Тем временем Анга-тону и все другие, а с ними Таусере и Се-ни-рева сидели в зарослях. Всем было страшно, головы они опустили, боялись смотреть друг другу в лицо: каждый знал, что в глазах у него — одно отчаяние. То и дело раздавался какой-то шорох, словно с северо-востока дует ночной ветерок: это они вздыхали — один, другой,

третий. Они сидели в тягостном молчании и ждали гибельных вестей. Вдруг Се-ни-рева подняла голову, прислушалась и с радостным криком вскочила.

— Жив! Жив! Это его голос!

Издалека, из-за леса, послышалось множество голосов. Звук приближался, и вот уже все услышали песнь, известную каждому тонганцу. Аинга-тону сказал:

— Это песнь смерти! Значит, он жив, он победил великана!

Все вскочили и тоже запели. Тут показались Мата-идуа и Кало-фапга: они шли по гребню холма и высоко над собой несли голову великана, насаженную на гарпуны. За ними шли женщины, и лес звенел от их поющих голосов. А над всем этим висел густой дым: он поднимался от сожженою крепости. В этой крепости, обложенное столбами из крепостной ограды, горело тело ужасного великана.

Так на Тонга не стало этого ужасного чудовища. А привел его туда гнев духов.

В тот же день все вернулись в оставленный поселок, начали поднимать дома, работали день и ночь, неустанно. А потом совершили прекрасные обряды, и молодой вождь был провозглашен Туи Тонга. Так он наследовал своему отцу, а того вождя погребли на выступе скалы, обращенном к океану.

Так стал править новый Туи Тонга. В жены он взял Тауки, самую красивую из тамошних девушек. И вскоре уже в самом большом доме поселка на циновках брахтались детишки. У Мата-идуа так и осталась одна жена. Как-то его приемная мать сказала:

— Господин мой, тебе надо взять других жен, и тогда у тебя будет много хорошей тапы.

Он же покачал головой, улыбнулся и сказал:

— Тапа — это хорошо, но мир и покой в доме лучше.

И еще разные женщины родили много детей от того великана. Из этих детей выросли могучие люди, на которых держался тот край.

Немного лет прошло, и поселок стал тесен для живущих в нем. Решили разделиться на три поселка. Тогда-то и построили два новых поселка, Муа и Хихифо ¹⁵.

А задолго до этого, когда только стало известно, что великана больше нет, люди с Вавау, с Хаапаи, с других островов забыли про рознь и объединились, чтобы пойти войной на Тонга-тамбу, отомстить тамошним воинам за все их прежние дела. И говорили на этих островах так:

— У них осталось совсем мало людей, мы победим их. Страх поселился на Тонга-тамбу, и уже многие готовили дары, чтобы купить мир, и собирались склониться перед новыми победителями. Но Туи Тонга не слушал их, верил, что его палица сокрушит любого, кто пойдет на него войной, заставит любого просить только пощады. Так утешал Туи Тонга своих людей.

И вот враги высадились. Он напал на них с тыла — они в это время беспечно, разобщенно двигались к его поселку. Они и не думали, что он решится на такое: ведь у него было мало воинов, а у них — множество. Когда задние ряды пали, поднялся страшный крик, и враги исполнелись беспокойства. Сердца у них стали словно вода. Они бросали оружие и побежали в разные стороны и падали, сраженные воинами Туи Тонга. Даже женщины вышли из поселка, и каждая убила по воину. Те, кто остался жив, бросились к лодкам, по Туи Тонга заранее выволок их на берег. Стало ясно, что им не убежать, и они сели и заплакали в отчаянии, ожидая смерти.

Он сказал:

— От живых людей, пока они живы, много пользы. А что за польза от мертвых? Их убьют, съедят, вот и все. Не смеите никого больше убивать.

Так он остановил дело смерти. Тех, кто остался в живых, он отоспал в родной край; остались только те, кто хотел. И он велел из каждой земли приносить ему раз в год дань.

Прошел год, и нашлись вожди, что восстали против него: укрепив свои поселки, они отказались нести ему дань. На таких он повел своих воинов, и непокорные погибли ужасной смертью, укрепления их нали, а поселки сожрал огонь. А покорным он всегда был хорошим вождем, не угнетал никого и не давал угнетать другим. Даже бывшие враги стали его друзьями, и все острова покорились ему. Дважды завоевал он их — однажды оружием, другой раз мудростью.

Приемные родители Туи Тонга дожили до глубокой старости. Он по-прежнему любил их, чтил и был им послушным сыном. Когда же они умерли, он похоронил их вместе с вождями, и все оплакивали их.

И старый Анга-тону тоже жил еще долго после смерти великана. В тот день радости он решил не следовать за своим господином, старым Туи Тонга. Он стал потом таким же слепым и немощным, как Латуи (человек с Вавау, попавший в бурю на Оно), но разум его оставался ясен до

смерти. Никогда не уставал он рассказывать молодым о делах прошлого, и больше всего он любил рассказ об одноглазом Мата-ндуа.

Итак, Туи Тонга жил превосходно. А успех во всех предприятиях шел к нему от советов Талинго; ведь она продолжала приходить к нему во сне, предупреждала об опасности, говорила, как поступить в важном деле.

И Кало-фанга всегда был с ним, днем и ночью, дома и в чужих краях, на земле и в океане. Он держал клятву, данную в тот день, когда он склонился перед вождем, присягал к его руке и говорил: «Господин мой, я с тобой! Отныне и навсегда я буду тебе верен». И он всегда помнил наказ отца, данный в тот день: «Пусть твои глаза будут его дозором, твоя рука — его палицей, твое тело — его щитом». Всегда был он верен этому наказу.

Так прошло много лет, дети Туи Тонга выросли в прекрасных мужчин и женщин, и вот к нему пришло великое желание — отправиться на Фиджи, павестить могилу матери. Он созвал вождей, рассказал им о своем замысле и поставил править до своего возвращения старшего сына. С собой он взял Кало-фанга, несколько отборных воинов, и они отплыли на Оно.

Там правил уже младший сын Туи Оно. Янго-леву давно умер от старой раны в колене: она вновь открылась, загноилась, и он умер в ужасных мучениях. Три месяца пробыли тонганцы на Оно и жили в мире с тамошними людьми, заключили с ними союз, который дошел и до нашего времени. С Оно они отплыли на другие острова и в конце концов достигли На-и-раи. На На-и-раи Туи Тонга велел проверить лодку, потому что решил возвращаться на Тонга. Но духи решили иначе, и он уже никогда больше не увидел Тонга.

Нет, его не убили враги, не свалило несчастье, не унесла злая болезнь. Случилось так. Уже все было готово к плаванию, и последнюю ночь он лег спать в большом доме в На-тау-тоа — это главный поселок на На-и-раи. И снова пришла к нему во сне Талинго. Прежде, когда она приходила к нему, глаза ее были печальны, а в эту ночь она смотрела светло и радостно. Она ничего не сказала ему, а только поманила его рукой.

Кало-фанга проснулся в испуге и услышал, как Туи Тонга тихо сказал:

— Прощай, Кало-фанга. Я ухожу. Талинго зовет меня, — и умолк.

Кало-фанга сказал:

— Мой господин разговаривает во сне.

Утром он проснулся и увидел: Туи Тонга лежит на боку, холодный, мертвый, и на лице у него счастливая улыбка.

Они не стали погребать его в чужой земле, а решили уложить под палубой лодки; на палубе они собрали груду песка, чтобы сберечь его тело. Когда с громким плачем несли его тело к лодке, Кало-фанга поддерживал его голову. Когда тело уложили, он наклонился, хотел еще раз припасть к руке вождя, и слезы дождем полились на лицо мертвца. Тут Кало-фанга упал рядом с телом Туи Тонга, без стона, без муки. Так ушел дух этого верного воина, ушел вслед за духом того, кого он так любил. Даже духи их были вместе на пути в Мбулу.

Оба тела покрыли слоем песка, что лежал на палубе, подняли парус и отплыли на Тонга. Ветер был попутный, и на третий день они уже были дома.

Туи Тонга похоронили рядом с его отцом, а Кало-фанга положили у ног его господина.

Так без боли и хвори умер Мата-идуа, лучший из высоких вождей, смелый в войне, мудрый в мире, ужасный для врагов, верный друзьям, любящий и добрый со всеми.

119. Сын Солнца

В старые времена был на Тонга вождь — имени его никто не помнит. У вождя была дочь. Имя ее теперь забыто, все зовут ее просто Зизи-мата-и-ла, Мать Ребенка, Рожденного от Солнца.

Дочь вождя выросла необыкновенно красивой, и отец стал прятать ее от людских глаз. Ни один мужчина не должен был видеть ее: ведь никого, достойного стать ей мужем, вождь не знал.

У берега в том краю огородили место, поставили забор, сплошной, высокий. Туда, к огороженному берегу, спускалась Зизи-мата-и-ла, там купалась. Каждый день ходила она купаться в соленой воде, и волосы у нее выросли удивительной красоты и длины. Среди всех дочерей человеческих не было ни одной, которая могла бы сравниться красотой с Зизи-мата-и-ла. Искупавшись, девуника ложилась за своей оградой на белый песок — отдыхала, сушила волосы и грелась на солнце. Так случилось, что Солнечный Диск стал все чаще смотреть на нее и полюбил ее. Прошло время, и она родила дитя, назвала его Сын Солнца.

Ребенок вырос, стал большим, складным и сильным. Был он очень дерзок, любил задирать и бить ровесников — как будто он сын высокого вождя. Однажды все дети в поселке сопились играть на рара, играли, играли и чем-то не угодили Сыну Солица. Тот схватил палку и стал их дубасить — пока у него не заболела рука, а они не застопали от боли.

И тут-то дети возроптали и стали попрекать его:

— Кто ты такой, ребенок, зачатый от Солнечного Диска, как ты смеешь нас бить? Мы-то знаем, кто наши отцы, а вот ты нет, у тебя нет отца, ты подкидыш, ублюдок, дитя дороги!

Страшная ярость овладела мальчиком. Он бы и рад был накинуться на них — всех бы убил! — но от гнева не мог даже сдвинуться с места. В горле застыл комок, а в глазах стояли бешеные слезы.

Так вот он замер неподвижно, смотрел на них, смотрел и вдруг закричал и бросился прочь. Прибежал домой. Мать была там. Он к ней. Схватил ее за руку и завопил:

— Что это говорят мальчишки в поселке, что говорят? Что они мне говорили! Кто мой отец?

Закричал и тут же заплакал, горько-горько. А мать сказала:

— Не надо, сынок. Здешние мальчишки лгут. Пусть дух твой не умалеется: ведь ты сын великого вождя, более грозного, чем их отцы.

Тут он опять спросил, весь еще в слезах:

— Кто же мой отец?

Мать засмеялась и сказала с презрением.

— Кто они такие, эти мальчишки, чтобы презирать моего сына?! Они дети людей, ты же — дитя Солнечного Диска, вот кто твой отец. — И она все ему рассказала.

Сын Солица обрадовался, смахнул слезы и воскликнул:

— Дети людей! Они ничто для меня! Ни говорить, ни жить с ними никогда не буду! Прощай, мать, я ухожу к отцу.

Гордым шагом пошел он прочь. Мать стала звать — даже не обернулся. Она все смотрела ему вслед, пока он не скрылся в лесных зарослях... С тех пор она никогда уже не видела его.

А юноша пошел густым лесом, выбрался на берег, где стояла его лодка, сел там, сплел себе парус, дождался прилива, спустил лодку на воду и отплыл к своему отцу, Солнечному Диску.

На самом рассвете поднял он парус и поплыл на восток, туда, где уже вставало солнце. Но пока он плыл туда, Солнечный Диск стал подниматься все выше и выше. Юноша кричал ему, кричал, но отец его не слышал. Пришлось повернуть — лодка пошла на запад, туда, куда направлялся Солнечный Диск. Ветер был славный, крепкий, но все же лодка опоздала: Солнечный Диск уже ушел под воду, и сын не успел заговорить с ним. Так он остался один-одинешенек в океане.

И он решил: «Отец выходит из воды на востоке. Поплычу обратно, дождусь его там». Всю ночь добирался он до восточного края земли, а раним утром увидел перед собой Солнечный Диск — тот только собрался подняться над волнами. Юноша крикнул:

— Отец, отец! Я здесь!

По Солнечный Диск поднимался все выше и выше. Он спросил сверху:

— Кто ты?

Юноша отвечал:

— Я Сын Солица. Ты должен знать меня. Я твой сын. Моя мать осталась на Тонга. Повремени немножко, не уходи, поговори со мной.

Но Солнечный Диск поднимался все выше и выше.

— Мне нельзя останавливаться, — сказал он. — Дети земли уже заметили меня, и теперь я уже не могу задерживаться здесь, не могу поговорить с тобой. Если бы ты пришел хоть немножко раньше! А сейчас прощай, мой сын, мне надо уходить.

Тогда юноша крикнул:

— Останься, это совсем просто! Ничего, что дети земли видели тебя. Спрячь лицо в облако и тогда сможешь спуститься ко мне.

Солнечный Диск рассмеялся, довольный, и сказал:

— Да ты умен, мой сын. Мудрость твоя велика, а ведь ты еще ребенок.

Он позвал облако, зашел за него и так соскользнул вниз. Там приветствовал сына, расспросил его о матери, рассказал ему много хорошего и полезного. И мы могли бы знать это хорошее и полезное, если бы не непослушный нарыв Сына Солица...

Наконец отец сказал, что ему пора идти. И еще он сказал сыну:

— Сын, послушай, что я тебе скажу. Оставайся здесь, подожди пока на океан спустится ночь, и тогда увидишь свою тетку, мою сестру Луну. Когда она поднимется из

воли, позови ее и попроси у нее одно из двух сокровищ, которыми она владеет. Одно называется мелаиа, другое — монуиа¹. Проси мелаиа, она отдаст его тебе. Запомни мои слова и передай ей все так, как я говорю. Тогда все у тебя будет хорошо. А окажешься непослушен — сам увидишь, добра не выйдет.

Солнечный Диск взлетел над плотным облаком, поднялся в небо, и все на земле обрадовались. Но все же в тот день дети людей говорили друг другу:

— Сегодня Солнечный Диск идет медленнее, чем обычно.

Сын Солица тем временем спустил свой парус, расстелил его на две лодки, улегся в складках паруса и так проспал до вечера. Проснулся, поднял парус и помчался к тому месту, где должна выходить из воды Луна. Тетушка еще не успела подняться над волнами, а он уже был там. Оказался он прямо перед ней, и она закричала.

— Тише, тише, дитя земли! Тише, иначе нос твоей лодки проткнет мне щеку!

Сын Солица чуть отвел лодку веслом, а потом опять проплыл у самого лика Луны, так, что чуть не коснулся его бортом. Вдруг он повернул лодку, оказался у самой Луны, сбоку, крепко схватил ее и сказал:

— Я не дитя земли. Я сын твоего брата, Солнечного Диска, — вот я кто! Меня зовут Сын Солица, и я твой племянник.

Луна изумилась и спросила:

— Как, ты сын Солнечного Диска?! Удивительно, удивительно. И все же осторожнее, племянник, мне больно. Юноша сказал:

— Если я отпущу тебя, ты уйдешь. А тогда я не смогу получить у тебя то, о чем говорил мне отец.

Луна сказала, не таясь:

— Я никуда не уйду, сын моего брата. Я рада тебе. Только не держи меня так крепко, мне же больно.

Сын Солица отпустил руку. Луна спросила:

— А что же отец велел тебе просить у меня?

Уже тогда решил Сын Солица, что сделает все не так, как сказал отец. У этого юноши в характере была одна дерзость — да, да, ведь он вырос непослушным и упрямым. Итак, он сказал:

— Отец велел мне просить у тебя монуиа.

— Монуиа! — вскричала Луна. — Монуиа! Не забыл ли ты чего-нибудь, мальчик? Подумай, может, отец сказал «мелаиа»?

Тот отвечал упрямо:

— Нет. Он сказал, что мелана останется у тебя. А я должен взять монуна.

Луна задумалась и сказала:

— Удивительно, удивительно.

Про себя же она сказала так: «Солнечному Диску не за что непавидеть мальчика, не с чего желать его смерти. Но я должна делать как приказано». И она сказала:

— Хорошо. Я дам тебе монуна. Видишь, она совсем маленькая, вот она, завернута в материю. Сейчас я ее еще раз заверну и перевяжу бечевкой, обвязжу сверток много раз, чтобы не раскрылся. Бери этот сверток, племянник, но запомни, что я скажу тебе. Не смей снимать веревку, разворачивать сверток, пока будешь плыть по океану. А сейчас поднимай скорее парус, гони лодку на Тонга. Пристанешь к берегу, тогда и смотри на свою монуна. Но не пытайся сделать это раньше, иначе случится огромное и ужасное зло.

Она простилась с ним, поднялась в небо, и все плывущие в ночи обрадовались и сказали:

— Вот наша спутница Луна. До чего она хороша! Только мы, ночные мореходы, можем понять это.

Девушки и юноши в ночных поселках выбежали из своих домов и громко закричали:

— Луна, Луна! Идем танцевать и петь на площади!

А Сын Солнца поднял парус и поплыл на Тонга. Всю ночь он плыл, весь день плыл, всю вторую ночь плыл и только утром следующего дня увидел землю. Тут уж ему стало немоготу ждать, ведь он был нетерпелив и своеволен. Он взял сверток со дна лодки, развязал на нем бечеву. Снял один слой материки, другой, наконец все снял, и монуна оказалась у него на ладони. Это была раковина, раковина необычайной красоты. Она была не белая, как раковины в нашем краю, а огненно-красная. Таких не было нигде никогда, и ни один человек таких не видел. Сердце у Сына Солнца подпрыгнуло — он представил, как будут завидовать ему юноши в поселке, когда он придет туда с этой раковиной на шее. В восторге смотрел он на раковину и тут услышал за спиной шум и всплески. Оглянулся, а к нему мчатся рыбы, великое множество разных морских созданий — киты, акулы, черепахи, камбалоты, всякие рыбы без числа! Все сразу бросились на него — хотели схватить его монуна, — и в тот же миг его лодка ушла под воду, а акулы разорвали его на куски.

Так настал конец Сыну Солнца.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

120. [Кокосы Туи Тонга]

Раз задумали в явусе манумапу¹ приготовить кушанье, запечь себе ужин в земляной печи. Но не было у них кокосов. Решили украсть кокосы у Туи Тонга, чтобы было с чем запечь клубни таро.

А вождем у них был благородный и знатный господин, Мотылек. Он приказал сделать так: господин Муравей должен собрать кокосы, благородный кустарник Ндока² очистит их, Булыжник расколет их на части, Ракушка измельчит большие куски, Банановый Лист соберет всю мелочь, а Таро вывалиается в этих кусочках.

Сам же Мотылек поднялся в воздух, долетел до вершины кокосовой пальмы, стал пританцовывать и петь:

Тонганские кокосы сорву я с черенков,
В большую труду сложит
Их Черный Муравей,
Очистит славный Ндока,
Булыжнику отдаст,
Булыжник их расколет,
Ракушка измельчит.
Банановые Листья
Кусочки соберут,
Придут большие Таро,
Чтоб вывалиться в них!
О да, о да, о да!
О да, о да, о да!

Туи Тонга услышал это и сказал:

— Мои кокосы крадут! Что это за подонки подобрались к моим кокосам?!

Схватил топор и побежал в рощу. А там как раз собрались все те. Только он захотел схватить Муравья, как тот превратился в маленькую-маленькую букашку. Кинулся на благородного Ндока, а тот кустарником застыл у него под рукой. Схватил Ракушку — она стала створкой самой обыкновенной раковины, каких множество на морском берегу. Набросился на Банановый Лист, а тот превратился в обычный лист, что есть на каждом шагу. Налетел на Таро — в руках у него оказался простой клубень. Один Мотылек остался. Сидел он на самой верхушке кокосовой пальмы. Туи Тонга велел ему спускаться, но тот и не думал слушать: ведь в руках у Туи Тонга был громадный топор! Принялся вождь рубить пальму, на которой сидел Мотылек. Вот уже она накренилась, и тут Мотылек затянул такую песню:

Срубиши эту,
Прыгну на другую,
Свалиши ту,
На третьей окажусь!
Будет только так,
Будет только так!

И правда, ни одной пальмы у Туи Тонга не осталось. А Мотылек все же спасся от него.

Туи Тонга же очень горевал, что все его кокосы погибли.

121. [Черепаха и ящерица]

Жили на свете вождь черепах и вождь ящериц. Жили они в разных местах: дом черепашьего вождя был в океане, а домик вождя ящериц стоял на суше. Однажды они встретились, повстречались в очень славном месте. Увидели, что неодалеку лежит большая витая раковина и решили пойти за ней. По дороге завязался разговор о том, кто где живет. Ничего хорошего не вышло из этого разговора, потому что предводитель черепах стал говорить своему спутнику разные обидные слова:

— Вы, горцы, едите одну траву, а вот мы, жители морей, едим и моллюсков, и рыбу, и водоросли!

Вождь ящериц рассердился и сказал, что если так, падо устроить состязание: раковина достанется тому, кто перетянет ее на свою сторону. А в час смерти того, кто побе-

дит в состязании, в эту раковину протрубыт, и все узнают: умер вождь ящериц или умер вождь черепах.

Предводитель черепах согласился, и началось состязание. Каждый тянул раковину к себе. Вождь ящериц ухватился за край раковины лапами — вот откуда пошли черные полоски на отверстии витых раковин. Они видны и сейчас. А вождь черепах просунул в отверстие раковины с другой стороны свой член. С тех пор закручивающийся конец раковины весь в полосках и прожилках — как черепашний член.

Так они боролись, боролись, и предводитель черепах победил. Раковина досталась ему, он унес ее в свой предел, и с тех пор в час смерти черепашьего вождя трубят в эту раковину.

122. Госпожа Лысуха и госпожа Крыса

Жили на свете два создания, Лысуха и Крыса. Пошли они вдвоем как-то и видят — висит кисть башапов. Лысуха говорит:

— Я полезу за этими башапами, а ты стой внизу.

Забралась на дерево, падлась башапов, а потом бросила кожуру Крысе. А тут Крыса и говорит:

— Пойдем вместе на риф.

Пошли, а там оказалась большая раковина. Крыса предлагает Лысухе:

— Давай возьмем все, что у нее внутри.

Лысуха засунула ногу внутрь, а раковина возьми да закрой свои створки. У Лысухи ноги оказались в плену. Стала она причитать:

— Ой, горе мне, госпожа Крыса, помоги мне, я умираю!

А Крыса в ответ:

— Это тебе за башапы. Ты съела в них все, что было хорошего, а мне достались одни очистки — и мне было обидно, грустно. Теперь оставайся здесь, и тебя пакроет приливом. А я посижу на берегу, и со мной уж ничего не случится.

123. [Земляной Червь и Свинья]

Раз приготовили животные ямс и таро и собрались на совет, чтобы решить, кого из них надо испечь в добавок к этим кушаньям, Решили, что Собаку, по тут Земляной

Червь сказал, что Собака всем хороша, кроме одного: когда ее испекут, на морде у нее застынет неприятная ухмылка. И вместо Собаки Земляной Червь предложил испечь Свинью — а сам скорей уполз в землю.

И по сей день свинина — лучшее угощение на пиру. Когда свинья лежит в печи, это красиво и на нее приятно смотреть. А земляные черви никогда не живут там, где ходят или роются свиньи, потому что с тех пор, как их предок дал тот совет другим животным, они и свиньи стали заклятыми врагами.

124. [Крыса и Пес]

Раз собрались животные на совет, чтобы решить, как им построить лодку. Вождем у них был Филин. Это он хотел, чтобы у них была своя лодка. А Крыса пошла и увидела спящего Пса. Увидела и стала звать:

— Идите все сюда! Вот готовая лодка. В ней уже все есть, даже балансир уже есть, и есть куда крепить его.

А Пес лежал на спине, раскинув лапы.

Филин сказал, что его надо стащить к воде — так, как стаскивают бревна. Звери принялись тащить его, а Крыса шла за ними и распевала:

Тащат деръмо, тащат деръмо,
Пёсье деръмо к воде волокут...¹

Потом Крыса сказала:

— Это лодка вождя, так что подтащить ее надо вон к тем мангровам.

На самом же деле Крыса думала об одном — как бы ей улизнуть.

Те потащили Пса, а Крыса опять затянула:

Тащат деръмо, тащат деръмо,
Пёсье деръмо к воде волокут.
На воду стащат собачье деръмо!

С этими словами Крыса засунула лапу Псу в задний проход. Пес разозлился и сожрал всех, кто там был. Одна только Крыса успела вскочить на самую верхушку мангров — так она осталась жива.

125. [Цапля и Кустарница]

Госпожа Цапля и госпожа Кустарница были в дружбе. Раз пошли они гулять, и Цапля сказала:

— Приходи ко мне, благородная госпожа Кустарница. Я приготовлю угощение, и мы сядем пировать с тобой.

Итак, Цапля приготовила кушанья и набила ими свои калебасы. Все было готово, пришла Кустарница, и Цапля сказала:

— Идем садиться за угощение. Все готово.

Кустарница была очень довольна:

— Прекрасно, давай садиться за угощение.

Цапля подала ей калебасу, сама взяла себе другую, и они принялись за еду. Цапля свой клюв легко просунула в калебасу, а Кустарнице это никак не удавалось: клюв у нее был слишком велик, а отверстие калебасы — слишком мало.

Итак, Цапля легко просунула клюв в отверстие калебасы и тут же принялась есть. А у Кустарницы ничего не получалось, она только пощипывала горлышко калебасы, а попасть клювом внутрь не могла никак. Горлышко было для нее слишком узким.

И вот Цапля сказала:

— Пойдем в дом. Трапеза окончена.

Кустарница ответила ей:

— Благодарю, я сыта, а еда еще осталась.

С этими словами она поднялась — а ведь она осталась совсем голодной, потому что не могла есть вовсе: клюв у нее был слишком велик, отверстие калебасы — слишком мало.

Они еще поговорили о разном, а потом Кустарница сказала:

— Теперь пора прощаться. Я пойду к себе, а ты завтра приходи, встретимся в моем доме.

И Цапля согласилась:

— Прекрасно!

А Кустарница думала только об одном — как отплатить Цапле за то, что та с ней так обошлась.

Тут Цапля сказала:

— Будь благоразумна, госпожа Кустарница, оставайся у меня, а домой пойдешь поутру. Оставайся, заночуешь здесь, ведь на земле уже ночь.

Кустарница согласилась:

— Хорошо.

Стали готовиться ко сну. Цапля принесла два подго-

ловника. Один назывался кали-ни-лоло, другой — кали-ни-вока¹. Цапля спросила гостю:

— Какой подголовник ты возьмешь, кали-ни-лоло или кали-ни-вока?

Кустарница сказала:

— Давай я возьму кали-ни-лоло, а тебе останется кали-ни-вока.

Они легли спать, Цапля тут же уснула, а Кустарница никак не могла заснуть. Ей казалось все время, что она не лежит вовсе, а сидит, выпрямив спину.

Прошла ночь, настало утро. Кустарница встала вся разбитая, тело у нее ныло, и к тому же она всю ночь не сомкнула глаз. Она сказала Цапле:

— Я пойду, а ты приходи ко мне вечером.

Поспешила к себе — готовить угощение. Приготовила все, разложила на листе дикого таро. А вскоре пришла и Цапля. Кустарница сказала:

— Можно приниматься за еду.

Цапля же отвечала:

— Превосходно!

Итак, перед каждой оказался лист дикого таро с разложенным на нем угощением; стали они есть.

Сколько ни старалась Цапля подобрать своим клювом угощение с листа таро, ничего у нее не выходило. Клюв у нее был слишком длинен, и она только дырявила им лист — а в рот ей ничего не попадало. И она раскидала все угощение вокруг.

А госпожа Кустарница тем временем подобрала все, что у нее было. Так закончилась эта трапеза. Кустарница спросила:

— Ты сыта, благородная госпожа Цапля?

Цапля сказала:

— Благодарю, я сыта, а еда еще осталась.

С этими словами она поднялась. А ведь она ничего не съела, вся еда осталась раскиданной вокруг по земле.

Цапля сказала:

— Мне пора идти, дома меня ждут.

Это была ложь — просто она осталась голодной. И домой она спешила только с тем, чтобы там поскорее подкрепиться.

Кустарница же сказала:

— Хорошо, ступай. И помни — отныне дружбы между нами нет.

126. [Попугай и Летучая Лисица]

Летучая Лисица и Попугай были большими друзьями. Раз Летучая Лисица говорит:

— Друг мой, на острове Коро растут замечательные плава!

Попугай в ответ:

— Летим же туда, друг мой, съедим и мякоть, и косточки, ничего не оставим.

Летучая Лисица согласилась:

— Прекрасно, летим сейчас же.

И они полетели туда. Лисица летела низко, над самыми волнами. А Попугай летел очень высоко. Летели они, летели, и Попугай устал. Стал звать свою спутницу:

— Лисица, Лисица, я уже еле дышу, крылья у меня очень устали.

Летучая лисица в ответ:

— Ничего, друг мой. Спускайся, полетим низом, над волнами, — я помогу тебе.

А Попугай уже совсем не мог лететь, стал камнем падать вниз. Летучая Лисица крикнула:

— Спускайся на меня, я тебя спасу!

Когда Попугай был совсем близко, Лисица раз — и подобрала свои крылья. Попугай упал в океан, и тут же скаровая рыба¹ налетела на него и съела.

Клюв попугая и морда скаровой рыбы совершенно одинаковые. И еще крылья у попугая совершенно такие же, как плавники у скаровой рыбы.

127. [Угорь и Рак]

Однажды Рак и Угорь отправились возделывать землю. Принялись за работу, стали полоть. А солнце тогда очень припекало. Наконец Рак сказал:

— Вот несчастье! Угорь, уж очень палит солнце! Меня так напекло, что я сейчас умру.

Угорь сказал:

— Хорошо, дойдем до этого каштана, закончим полоть и пойдем купаться.

Добрались до каштана, но купаться не пошли, а продолжали полоть. Словом, не стали отдыхать.

Рак застонал:

— Ох, несчастье! Угорь, меня так напекло, что я сейчас умру.

Угорь же сказал:

— Хорошо, дойдем до этого ндои, закончим полоть и пойдем купаться.

Стали полоть дальше, добрались до ндои, и тут Угорь сказал, что надо бы выполоть весь участок. Когда наконец все было сделано, он сказал:

— Прекрасно, теперь идем купаться.

Они пришли к ручью, и Рак сказал:

— Входи первым, Угорь, ты длинный, тебе легче поглять, глубоко ли здесь.

Но Угорь сказал:

— Нет, Рак, входи ты первым.

Рак нырнул первым и выставил над водой свою клешню. Угорь нырнул и напоролся на эту клешню, она вошла ему в задний проход, и он тут же умер.

128. [Журавль и его жена]

Вот рассказ о Журавле. Жена его, благородная госпожа Ндоли¹, понесла. Журавль стал ее спрашивать:

— Чего бы тебе хотелось съесть?

Она отвечала:

— Мне хочется самой середки большого таро.

Журавль пошел на свой участок — а там побывали свиньи, все разорили. Тогда Журавль пропел:

Видел я клубень огромный,
Клубень дикого таро,
Выскребу в нем середину,
В клубень сверну кожуру я,
Так, только так, так, только так.

И пошел домой. Жена увидела, как он возвращается, несет таро — по это было не настоящее таро, а скрученная кожура дикого таро.

Госпожа Ндоли запела:

Вот идет умелый вождь,
Умелый вождь идет, о да!

Но когда она съела принесенное им, поняла, что ошиблась. В положенное время она родила и стала петь своему сыну песню, в которой поносила Журавля. Тот рассердился и убежал прочь. С тех пор и перестал он жить на воде, переселился на сушу.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

129. [Как фиджиец съел кошку, которая была табу]

В старые времена, когда все были язычниками, мы, жившие на Тонга, увидели, как большая лодка пристала к берегу на одном острове в Хаапаи¹. Наши отцы собрались на совет, чтобы решить, как убить этих людей и забрать себе их лодку. И вот уже готов замысел, коварный и верный. И уже всех приплывших считали мертвыми, и женщины смеялись и говорили:

— Вон погибшие бродят по берегу. Завтра они будут лежать в земляных печах.

Все было готово, но ночью лодка отплыла. Ужасен был гнев наших, когда утром они встали и увидели, что берег пуст. Ужасна была их ярость, громок их сердитый разговор: они обвиняли друг друга в том, что кто-то предупредил чужестранцев. А от слов перешли к драке, и пачалось ужасное побоище, и многие пали. Та ночь была почью великого плача на Хаапаи.

А утром жрец пошел на святилище говорить с духом, узнать, отчего тот разгневался на наших людей. Все собрались и сидели в молчании и печали на святилище, ожидая услышать слова Алоало, духа Хаапаи². Ждать пришлось недолго: вскоре жрец выбежал опрометью из дома и сел среди них. Он весь дрожал страшной дрожью. И настало великое молчание, и всех объял страх, и чувствовали все, что произошло что-то удивительное.

— Вот мои слова, — сказал он наконец тихо. — Слушайте, люди Хаапаи, сегодня случилось великое — вот этими глазами я сам смотрел на Алоало. Вот, вот! Смотрите, он идет!

И тут из дома вышла кошка. Она уселась на край возышения, на котором стоял дом Алоало, и уставилась на людей.

Нет сомнения, что кошка убежала с того судна. Но наши отцы впервые видели кошку и очень испугались, решили, что она прибыла с неба. И ей оказали великие почести. И многие пиры устроили в ее честь.

А потом одна из наших лодок вернулась с Фиджи и привезла много наших, они помогали воевать жителям Лакемба³. И среди них был фиджиец по имени Ндау-лаваки, человек, сильный духом и лишенный страха; он ни во что не верил и думал лишь о себе.

И вот увидел он кошку, и его желудок возжелал ее. Днем и ночью думал он только о том, как заполучить ее в пищу. Но он боялся украдь ее: ведь люди поклонялись ей как духу. Ничего он не мог придумать, чтобы исполнить свое желание.

Наконец однажды ночью, когда все спали, в доме Алоало раздался громкий крик и все кинулись к святилищу, спрашивая: «Что это? Что это значит?»

Но жрец сказал:

— Спокойствие, люди Хаапаи. Послушаем. Быть может, дух будет говорить.

И они застыли в молчании, а из дома раздался грозный голос. Трижды прозвучал он и смолк. И вот что за слова произнес он: «Отдайте кошку фиджийцу, чтобы он съел ее». Тогда наши отцы в благоговении разошлись по домам. А вожди собрались на совет вместе со жрецом. Утром же ударили в барабан, и все собрались на святилище. Вожди, старейшины и жрец сидели посередине. Принесли кошку, уже связанную, и положили к их ногам. Тут поднялся жрец и позвал Ндау-лаваки:

— Приблизься, — сказал он.

Ндау-лаваки приблизился и тоже сел посередине святилища, а жрец сказал:

— Мы думали сегодня ночью, что за великое, удивительное тут случилось. И мы не можем понять этого. Алоало говорил с нами, со своими людьми. Но отчего он говорил с нами на чужом языке? Мы — люди Тонга, он — дух Тонга. Отчего же он говорил с нами языком фиджийцев? Может быть, он разгневан на нас и хочет покинуть нас? Что мы сделали? Чем и когда обидели мы его? Сердце мое сжалось, о люди Хаапаи. Может быть, дух голоден? Он велик, и многие поклоняются ему. Может, мы мало приносим ему даров? Так вот, беритесь за дело, готовьте ему вели-

кий пир, чтобы он сжался над нами и не оставил нас. Ведь вы же знаете, что он дает нам дождь, солнце, плоды земли. Пусть же с сегодняшнего дня краше будут его пирсы, и тогда он останется на Хаапаи и будет хорош с нами. Но ясно одно — мы должны повиноваться. Встань же, Ндау-лаваки, убей кошку Алоало, приготовь ее в печи и съешь, как трижды повелел дух сегодня ночью.

И жрец сел.

Тогда Ндау заговорил, дрожа, как бы от страха:

— Пощадите меня, вожди, пощадите! Я не могу убить священную кошку, иначе со мной случится несчастье.

Но вожди грозно смотрели на него.

— Кто ты такой, — вскричали они, — чтобы оспаривать приказ духа?! Ешь или умри!

— Жизнь сладка, — сказал Ндау-лаваки. — Дайте мне нож, и пусть юноши готовят печь.

И вот он убил священную кошку, испек и съел — остались только кости и череп. Их люди Хаапаи торжественно похоронили посреди святилища. А тогда Ндау-лаваки стал просить вождей отпустить его в его родную землю.

— Я боюсь духов Тонга, — говорил он. — Не я ли съел священную кошку?

Тогда вожди велели приготовить ему двойную лодку, и он отплыл на Лакемба, откуда и был родом. Три ночи плыли они, и на четвертое утро показалась земля, и все, кто плыл с ним, радовались, потому что до того времени плыли в великом страхе, что Алоало будет преследовать их из-за Ндау-лаваки.

Ндау-лаваки был очень осторожен и ни слова не говорил о кошке, пока не высадился на Лакемба. Там же он рассказал своим, как обманул всех на Хаапаи, как спрятался ночью на святилище и выкрикивал слова, которые они приняли за слова духа.

— И верно, — говорил он, — я боялся, что они уличат меня: ведь я, не зная их языка, говорил как фиджиец. Но они трусы, эти люди с Хаапаи.

И он рассказывал всем, как изобразил страх, когда ему велели съесть кошку, и как они тогда стали пугать его смертью за непослушание. И все хохотали и говорили:

— Да, прав Ндау-лаваки, жители Хаапаи все трусы.

Ужасен был стыд и гнев тонганцев, которые привезли его на Лакемба. Даже дети бегали за ними с криком: «Отдайте кошку фиджийцу, чтобы он съел ее!» И в гневе они уплыли прочь.

А Ндау-лаваки уже никогда не показывался на Хаапаи.

130. Война, начавшаяся из-за рыболовного крючка

Было некогда три брата, три богатых и знатных человека, владевших многими землями, имевших при себе множество людей. И вот старшему брату вроде бы удалось захватить необыкновенным рыболовным крючком; говорили, что это был перламутровый крючок, совершенно особенный. Из всех троих старший брат был самым великим и могучим. Среднему же брату тоже захотелось иметь такой крючок. Он пошел к старшему и попросил у него необыкновенный крючок. Тот же сказал, что отдал бы его охотно, но вот беда: еще раньше ему пришлось отдать этот самый крючок другому человеку. Средний брат понял, что это ложь, но ничего не сказал и ушел.

Спустя некоторое время старший брат пришел к младшему — принес ему зуб кашалота. И сказал ему:

— Мне не нравится, как ведет себя наш средний брат. Он хотел забрать у меня мой рыболовный крючок, который ему вовсе не надлежит иметь. И вообще ему хочется заполучить все, все. Надо бы проучить его.

Младший брат согласился, и они дали знать среднему брату, чтобы готовился к обороне: они идут на неговойной, идут, чтобы разрушить его поселок, заколоть его свиней, надругаться над его женщиными, сжечь его дома, так что пусть укрепляет свои земли.

Тот приготовился к приходу врагов, но ничего не помогло: люди его были разбиты, дома сожжены, свиньи заколоты и тут же съедены; над его женщинами надругались, а самому ему пришлось бежать. Он спрятался в густых зарослях. А братья потом опомнились, решили, что он уже достаточно наказан, позвали его и помогли все устроить заново.

А потом средний брат пришел к старшему и сказал:

— Ты прав, брат, ты мог обидеться на меня за то, что я попросил у тебя чудесный крючок. Я верю, что он должен принадлежать одному тебе, а не всем нам. И не мне решать это, и дело уже прошлое. Но отчего пошел на меня наш младший брат? Ведь я не сделал ему никакого зла, и ему не за что было на меня сердиться. Теперь же он стал великим вождем. Так поступим и с ним так, как вы поступили со мной.

И старший брат сказал:

— Хорошо, пусть будет так.

И они дали знать младшему брату, чтобы он готовился

к обороне: они идут на него войной, идут, чтобы разрушить его поселок, заколоть его свиней, надругаться над его женщинами, сжечь его дома, так что пусть укрепляет свои земли. И вот они пошли на него войной, и люди его были разбиты, и ничего не осталось там, а самому ему пришлось бежать и скрываться в лесных зарослях.

Но прошло время, и братья пожалели о нем, позвали его, построили ему новые дома, наделили его добром.

Все было хорошо, но вот младший брат пришел к среднему и сказал:

— Да, ты по праву пошел на меня войной; но скажи, что плохого сделал я нашему старшему брату? Ничего, совершенно ничего. Он мог рассердиться на тебя — ведь ты хотел отобрать у него тот замечательный крючок. Но я, я, который во всем помогал ему, в чем я виноват? Он стал слишком надменным и гордым. Мы должны проучить его. И кто знает, может, нам удастся теперь получить его крючок?

И они решили пойти на старшего брата войной и дали ему знать об этом. И еще велели передать ему, что если он вовремя покинет свои земли, то они только сожгут его дома и забьют его свиней. Но он не должен ничего уносить оттуда.

Старший брат так и поступил: он бежал прочь, а те двое пришли на его земли и разорили их.

А потом они позвали его к себе и сказали:

— Хорошо, теперь все мы равны. Можешь возвращаться, и мы поможем тебе построить новые дома. Свиней твоих не вернуть, мы их съели. Скажи же теперь, где твой замечательный рыболовный крючок?

И тогда старшим братом овладела робость, и он сказал:

— О горе, горе! Вот правда: у меня никогда не было никакого крючка. Однажды, опьяненный янгой, в порыве хвастовства, в пылу самодовольства, придумал я эту историю про чудесный крючок. А на самом деле его вовсе не было.

И тогда, после всех испытаний, они вспомнили, что их связывает кровное родство, и примирились с тем, что у них нет и не будет чудесного крючка.

131. [Две сестры]

Один вождь взял себе в жены двух сестер¹. Одна родила ему детей, и он очень ее любил. У другой же детей не было, и вождь совсем не обращал на нее внимания. В кон-

де концов от ревности и от тоски она решила расстаться с жизнью².

Спит госпожа Ваве-друса,
Сон ее покоен или грустен?
Голова лежит в изголовье.
Спи, женщина, спи —
Ты любовь мужа украла.
Ты забыла сестру, совсем забыла,
Больно быть при муже забытой,
Больно — словно моли щиплет кожу³,
Больно — словно ракушки ноги режут.
Возьму для лица краску, возьму красивую
лику⁴,

Прочь пойду — по широкому долу,
Прочь пойду — по горам высоким,
Прочь пойду — перейду реку,
У берега двое детишек сиетура⁵,
Это дети Мба-ниси-кулу.
Сойду с тропинки, обсаженной лемба,
Открою корзинку с краской,
Черным раскрашу веки,
Пятна краски на щеки лягут.
Достану цветную лицу,
Достав, разверну, раскрою,
Ее повяжу на пояс,
Так затяну, что дыханье стянет.
Так затяну, что чихать стану⁶.
К чему бы это, что это значит?
Что это — день ли моей смерти?
Стану лицом к кокосовой пальме.
Руки смочив, на нее взбираюсь.
До середины ствола забравшись,
Остановилась. Смотрю на землю.
Грустно смотреть на родную землю.
Сиетура прекрасен там в отдалении.
Вдали заметны родные крыши.
Вдали — поток, мне жизнь даривший.
Ракушки белые по краю лодки⁷
Вдали мелькают с ярким блеском.
Руки я разжимаю,
Жизнь от меня уходит.
И я ухожу — прощайте.

Сначала второй сестре было просто одиноко, она не могла найти сестры. Потом же она стала догадываться,

что случилось. Сестры нигде не было, а прошло уже два дня. Госпожа Ваве-друса стала горевать. Она решила: «Пойду к мужу. И еще возьму свою яркую лику». Пошла к мужу, сказала ему:

— Побудь с ребенком, позабочься о нем, а я буду через два дня.

И пошла прочь по долине. А ребенок помахал ей вслед ручкой. И она вернулась поцеловать его. Снова сказала мужу:

— Позабочься о ребенке. Я вернусь через два дня.

Пустилась в путь, по тут ребенок снова помахал ей вслед ручкой. И снова она вернулась поцеловать его. И снова сказала:

— Я вернусь через два дня.

Пошла по долине, прошла висячие камни, перешла реку Ндолундолу. В реке плескались и играли двое детей Мба-ниси-кулу. Госпожа Ваве-друса спросила их:

— Никто не проходил здесь два дня назад?

Они сказали:

— Ты, наверное, спрашиваешь про очень красивую женщину, самую красивую на свете, такую же красивую, как ты. Волосы у нее спадают вниз на два локтя. Она проходила здесь два дня назад.

Она пошла дальше и под красным лемба увидела сестрину корзинку для краски. Корзинка была раскрыта. Она взяла краску, зачернила ею один глаз. На щеки она положила черные пятна. Развернула набивную лику и обвязалась ею. Обвязалась, и так туго, что чихнула. Отчего? Не день ли ее смерти пришел?

Она повернулась к кокосовой пальме, смочила ладони и стала вазираться на нее. Добралась до середины ствола, остановилась и посмотрела вниз. И что же она увидела? Длинные волосы госпожи Се-ни-кумба, мертвое тело сестры.

Ваве-друса вскричала:

— Неужели сестра умерла?!

Еще раз она осмотрелась, увидела вдали прекрасные земли Сиетура, дымчатые дома в отдалении, песчаную отмель, по которой они ходили с сестрой.

И тут она разжала руки и вскричала:

— Мы обе прощаемся с жизнью!

Тела их остались лежать вместе.

132. [Об одной супружеской измене]

У жены одного вождя завелся возлюбленный. Он приходил к ней в дом, но не через вход, а через узкую щель в задней стене. Он подарил госпоже гребень, а она ему — деревянный подголовник, украшенный костью. Когда муж вернулся, он спросил:

- Где твой подголовник?
 - Подголовник? Его сейчас чистят и трут.
 - А чей это гребень?
 - Гребень? Да какой же это гребень? Этой деревяшкой я раздвигаю полоски луба, когда плету циновки.
 - А чьи это волосы в стекном проеме?
 - Волосы? Мои, я зацепилась за бамбук, когда выходила.
 - Твои? Это не твой цвет. Эти волосы какие-то желтоватые, курчавые и жесткие. А у тебя волосы мягкие, как у тонганки¹. Это точно мужские волосы, волосы Ра-вула!
- А в отместку за это вождь соблазнил жену Ра-вула.

133. [Каи-се-вау]

Раз отплыли жители Кендекенде (неизвестно, были они тупуа или нет) на На-иау. А там жили птицы каи-се-вау; от их гомона им никак не удавалось уснуть. Когда те люди уже стали собираться в обратный путь, Туи Лакемба сказал:

— Люди На-иау, пойдите, наловите каи-се-вау.

А на На-иау тогда было очень много жителей.

Они пошли, наловили птиц, положили их в корзины и с этим грузом пристали к берегу Лакемба в Ванга-талаза. Вождь ждал их на берегу. Своим людям он отдал приказ выкопать печь. Сделали две ямы, большую и поменьше,— они до сих пор видны на некотором отдалении от Ванга-талаза.

Когда вождю доложили, что печи выкопаны, он приказал готовить их. Он думал, что люди На-иау опустят в печи птиц прямо в корзинах, но те открыли корзины, и все птицы тотчас разлетелись. За это Туи Лакемба многих с На-иау прогнал прочь. Теперь они живут на Тонга.

А жители Лакемба, глупцы, вырыли большую печь, думая, что каи-се-вау — большая птица. А это совсем маленькая птичка, так что труд их пропал даром.

ПРИМЕЧАНИЯ *

№ 1. [39], 40-е годы XX в., о-в Вити-леву, с англ.

Нденгей — один из наиболее популярных персонажей фиджийской мифологии, известный повсеместно на о-ве Вити-леву, в меньшей степени на о-ве Вануа-леву и северо-восточных островах архипелага (ср. № 46); рассказы о нем не имеют хождения только на о-вах Лау и, возможно, на о-вах Ясава (сделать какие-либо окончательные заключения здесь не удается из-за отсутствия достаточного материала). На о-ве Вити-леву образ Нденгей прошел эволюцию от духа местности Ракираки на северо-востоке острова (ср. № 8), где он, по-видимому, издавна почитался как дух-предок и дух-покровитель, до символа творения, вечного духа. Другое имя Нденгей — Кото-и-на-игара, Живущий В Пещере.

¹ См. Вступительную статью и № 83.

№ 2. [97], 60-е годы XIX в., о-в Вити-леву, с англ.

В тексте представлен наиболее распространенный сюжет рассказов о Нденгей (ср. № 3, 46), неоднократно привлекавший внимание европейских фольклористов, ср. его прозаическую версию [36, с. 27—32] и поэтическую [23, с. 181—185; 42, с. 737—740; 97, с. 359—360].

Упоминаемый в тексте поселок На-саро — мифический или легендарный: на современных картах Фиджи его уже нет.

¹ Ср. в № 1 совершенно иной перечень сыновей Нденгей.

² Очень характерный океанийский этиологический мотив, ср. [12, с. 19]. В других версиях этого сюжета Нденгей посыпает на землю двух своих постоянных гонцов, старцев Тонга-вуга, или одного посланного — Уто (Уто либо старец, либо, как в № 3, сын Нденгей, и в этом последнем качестве он, по-видимому, совпадает с Роко-ма-уту, ср. № 68). Там, где посланные идут по земле, получаются скалы и долины, а там, где ложатся отдыхать, — песчаные берега.

³ На Вити-леву Рокола почитался именно как патрон плотников, строителей домов и лодок.

⁴ По ряду сюжетов, Кау-самба-риа пе сын, а брат Рокола (ср. № 3, где он выступает под более полным именем Кау-сале-мба-

* За исключением особых случаев, в примечаниях принятая следующая форма записи. За номером текста в квадратных скобках дается указание на источник, из которого он взят (полное название и выходные данные см. в списке литературы), время записи текста, место записи (известно не для всех текстов) и язык, с которого переведен текст.

риа). Сверхъестественные сиамские близнецы — популярный образ океанийской мифологии, ср. [12, № 44—46; 18, № 153].

⁵ Фиджийцы получали огонь методом выщакивания, используя для этого одну большую палочку и одну маленькую (так называемый «бегунок»).

⁶ Туру-кава — священный голубь или петух, живущий на дереве возле жилища Нденгей.

⁷ Уже в XIX в. лук и стрелы не использовались как реальное оружие: они являлись атрибутами некоторых ритуалов и использовались в играх детей. Рассказ о том, что в давние времена, когда не было палиц, копий и дротиков, оружием служил лук со стрелами, в принципе имел хождение среди фиджийцев. Неясно, является ли упоминание здесь лука намеком на древность описываемых событий или оно скорее подчеркивает, что преступление совершают дети.

№ 3. [36], 70—80-е годы XIX в., о-в Лакемба, с англ.

Версия того же сюжета, что в № 2, по птицу Нденгей убивают его дети, вполне взрослые люди (устойчивый образ двух братьев-преступников представляет собой помимо всего прочего и некоторую трансформацию близнецовых мифов).

¹ Съедение врага считалось одновременно и высшим проявлением военной доблести, и наибольшим над ним глумлением.

№ 4. [97], 60-е годы XIX в., о-в Вити-леву, с англ.

№ 5. [100], 60-е годы XIX в., о-в Вити-леву, с англ.

¹ По фиджийским правилам, вождь имел несколько жен, из которых одна (реже несколько) была главной, знатного рода, а остальные были скорее не женами, а наложницами. Большое число жен приумножало значение вождя.

² Ср. № 17.

№ 6. [23], конец XIX — начало XX в., о-в Вити-леву, с англ. (то же в [92]).

Сюжет явно испытал библейское влияние, что явствует уже из того, что речь идет не о духах, а именно о богах, хотя в ряде мест текста и Иегова и Нденгей называются также и духами.

¹ Здесь очевидно влияние библейского сюжета о Вавилонской башне (Быт. II, 1—9); ср. № 11.

² Такая последовательность для океанийских мифологий не типична — следовало бы ожидать обратного: сначала вожди, затем простолюдины.

№ 7. [100], 60-е годы XIX в., о-в Вити-леву, с англ.

№ 8. [99], 1840 г., о-в Вити-леву, с англ.

¹ В данном случае имеется в виду белая, «вождеская» тапа; полоску тапы повязывают вокруг головы, как тюрбан, другая полоса белой тапы образует набедренную повязку, на которой спереди прикрепляются две-три длинные (до земли) ленты из такой же тапы. Такой наряд означает, что Нденгей — вождь чрезвычайно высокого ранга.

² Довольно редкое для рассказов о Нденгей приписывание ему функций военного духа. Подчеркивание здесь роли Верата и пре-восходство Верата над Рена здраво отражает то соперничество, которое разделяло в начале XIX в. два эти вождества, в XVIII в., по-видимому, действительно значимых, но во время записи текста уже тесненных Мбау (см. также Вступительную статью, с. 52).

№ 9. [99], 1840 г., о-в Ова-лау (г. Левука), с англ.

По-видимому, текст записан Ч. Уилксом от тонганца, постоянно жившего на Фиджи. Несомненно, на рассказ оказали некоторое

влияние библейские сюжеты Бытия и Исхода, с которыми жители Ова-лау уже были знакомы из устных рассказов миссионеров.

¹ Вити — фиджиец; Тонга — тонганец, который по происхождению, благородству ставится выше фиджийца; Папаланги (от тонганского *parālangi* «европеец») — белый человек.

² Возможно, здесь происходит «разделение» одного и того же персонажа, ср. № 2, 3.

³ Игали-ндува-маи-ки-ланги — образное наименование вождей Мбенга; букв. означает «покорные только небу» (о игали см. Глоссарий).

№ 10. [98], 90-е годы XIX в., о-в Вануа-леву, с восточнофиджийского.

¹ Большой Вануа — о-в Вануа-леву.

² Большой Вити — о-в Вити-леву; Сомосомо — о-в Тавеуни, он же За-кау-ндрофе (название Сомосомо о-в Тавеуни носил в XIX в. потому, что так назывался поселок вождей острова).

³ О плаваниях Мауи и вылавливании им земель из-под воды см. [18, с. 21—24 и № 227; 12, № 6, 88].

№ 11. [100], 60-е годы XIX в., о-в Вити-леву, с англ.

Ср. № 9.

№ 12. [97], 60-е годы XIX в., о-в Вити-леву, с англ.

№ 13. [56], 20-е годы XX в., о-ва Лау (?), с англ.

Остров Камбара действительно каменистый и гористый, плодородной земли на нем немного, и она ценится очень высоко.

Заимствование земли и последующее создание либо парашепио из нее острова — характерный океанийский мотив, и многие этиологические мифы именно таким образом толкуют появление островов, ср. [12, № 1, 2].

¹ Подразумевается, что печение было окончено и землянную печь открыли.

№ 14. [23], конец XIX — начало XX в., о-в Вануа-леву, с англ.

Мазанга — местность в глубине о-ва Вануа-леву.

¹ Подразумевается, что Ронго-ванга и Роко-уа — сверхъестественные существа; Ронго-ванга, по представлениям горцев Вануа-леву, патрон мореплавания.

² Перечисляются местности в восточной части Вити-леву.

³ Имеется в виду один из островков в зал. Мбуя.

№ 15. [90], 10-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

Точное соответствие фиджийскому уава не установлено. Речь идет о глубоководной рыбе, которая живет далеко от берега и заметна тем, что часто «подпрыгивает» над волнами. Фиджийское уава соотносится с тонганским 'ava.

Ср. № 16.

№ 16. [52], 20-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

¹ Лау-зала — местность на о-ве Тавеури, см. № 15.

² Матанги — два духа, являющиеся людям в образе незнакомых белокожих женщин или, реже, местных красавиц (неугодным Матанги являются в облике омерзительных старух). Мужчинам, которые не повинуются их желаниям, Матанги приносят смерть.

Считалось, что Матанги обладают властью над некоторыми травами и пресноводными рыбами, что объясняет их упоминание здесь.

№ 17. [36], 70—80-е годы XIX в., о-в Лакемба, с англ.

Хотя в тексте идет речь о самоанцах, имена героев — тонганские.

¹ Имена значимы. Имя жены — тонганское *fa'e* 'i *ruaka* «роди-

тельница свиней». Имя мужа — *kai'lū-fā-he-tu'unga-и*, поговорка, в значении рус. «Не было ни гроша, да вдруг алтын».

² Принесение зуба кашалота знаменует, в частности, какое-то важное событие (независимо от его положительной или отрицательной оценки).

³ По-видимому, имя означает «свой; напарник».

⁴ См. здесь № 29.

№ 18. [23], конец XIX — начало XX в., о-в Вити-леву, с англ. Ср. № 19.

№ 19. [23], конец XIX — начало XX в., о-в Вити-леву, с англ. Рассказ записан А. Брустером в явусе мбоу-мбузо, члены которой живут в горных районах центра Вити-леву.

№ 20. [23], конец XIX — начало XX в., о-в Вити-леву, с англ.

Похожие рассказы имеются в западнополинезийском фольклоре, ср. у самоанцев [12, № 44—46]. О татуировке у фиджийцев см. Вступительную статью, с. 35—36.

¹ В ряде мест на северо-востоке о-ва Вити-леву Вила-и-васа считается покровительницей татуировки. Повсеместно на Фиджи знание тайн татуировки составляло прерогативу женщин-посвященных. Женщины-духи в образе старух являются девушкам, достигшим зрелости, и учат их узорам и правилам татуировки. Считается, что, посмотрев на покрытые татуировкой губы и подбородок женщины, мужчина скорее захочет ее поцеловать.

№ 21. [23], конец XIX — начало XX в., о-в Вити-леву, с англ.

Нанга — каменные святилища особой конструкции и связанные с этими святилищами обряды. Нанга, обнаруженные на о-ве Вити-леву, рано привлекли внимание европейцев и получили некоторую известность благодаря этнографической литературе, которая, как кажется, преувеличила роль панга в жизни фиджийцев. На самом деле нанга (называвшиеся в других диалектах о-ва Вити-леву мбаки, а в диалекте Мбау лонга или ланга, «ложе») сооружались, видимо, только в районах провинций Западная и Восточная Золо о-ва Вити-леву; соответствующие обряды, вероятно, также не имели широкого хождения.

Нанга представляет собой прямоугольную площадку, обнесенную по периметру камнями и обсаженную деревьями или пахучими кустами. Внутри этой площадки на равном удалении от каждой из ее коротких сторон располагаются два или четыре каменных алтаря. За площадкой, на некотором отдалении от нее, находится дом духа. Особенно поражает в нанга их сходство с мараэ (малаэ) — святилищами западнополинезийского типа. Это сходство слишком велико, чтобы быть случайным совпадением. Однако, например, У. Риверс [75, с. 214] считал, что панга развились независимо, и, опираясь на фольклорную традицию (в духе приведенного текста), доказывал, что умение сооружать панга было привнесено на Фиджи темпокожими низкорослыми людьми, т. е. меланезийцами, и с запада.

Вероятно, панга были связаны с культурами каких-то полутайных обществ (с не очень ясными функциями), а также с инициацией юношей и началом фиджийского нового года, приходившегося на ноябрь — декабрь. На о-ве Вити-леву начало нового года называлось церемонией со-леву-ни-вила-боу, принесением даров урожая (на наступление времени со-леву указывало цветение *Egutūgina* sp.).

Большую роль в культурах нанга играли также обряды освящения новой площадки. Святилище могли строить только посвящен-

ные (вере и ву-ни-лоло), а подлежащие инициации — вила-воу — готовили им пищу, дары. Когда панга было построено, вила-воу песли приготовленные ими подношения на святилище. Принимая дары, один из вере говорил:

Привет вам! Пусто это ложе,
Стоит без хозяина этот приют.
Гости мои, о гости мои дорогие,
Где же хозяева этого ложа?
Может, ушли на Тумба-леву?
Не знаю, куда ушли, не знаю.
Может, ушли на Тонга-леву?
Услышав это меке, придите.
Идут! Идут! Идут сюда!
Как хорошо, хорошо!
Вы, те, кто нашей песни не знает,
Знаете ль пляску?
Спляшите, и я увижу.
Спляшите танец путников,
Спляшите танец пропавших *.
Старинную пляску, пляску братьев,
Спляшите.
К земле склоняйтесь!

Подробное описание панга дается в [59], где приведен практически весь материал, содержащийся и в [34]. См. также [23].

В [1, с. 303] описываются похожие на панга сооружения, обнаруженные археологами на о-ве Вануа-леву. В фольклоре никаких упоминаний о каменных коридорах о-ва Вануа-леву нет.

¹ Однозначно истолковать имена вере, ву-ни-лоло и вила-воу не удается. Вере может быть связано либо с веге «заговор, искушение, искус; заговорщик, искушенный» (тогда вере — «посвященные»), либо с веге — названием трав *Smythea pacifica* или *Columbina asiatica*. Ву-ни-лоло можно интерпретировать как «первоначало роста» или как «корень, начало *Ficus vitiensis*». Наконец, вила-воу, «новичок», может восходить к *vilawa-vou*, где *vilawa* — фиджийское название травянистого растения *Ipomea peltata*, а *vou* «молодой, незрелый». Если толкования выдержат проверку временем, их можно считать дополнительным указанием на осмысление обрядов панга как связанных с культом плодородия.

² В действительности это означало, что «последователи» Висина и «последователи» Рукуруку совершали новогодний ритуал по очереди, т. е. раз в два года.

³ Со-леву-ни-вила-воу — букв. «большое подношение, [сделанное] вила-воу».

№ 22. Прозаический текст из [54], где он дается со ссылкой на анонимную публикацию в фиджийской газете «Na Mata» за 1913 г.; стихотворный текст из [52], также со ссылкой на «Na Mata» за 1913 г.; оригинальная запись сделана в На-тева, на востоке Вануа-

* Намек на то, что Висина и Рукуруку потеряли свой курс в океане и так попали на Фиджи. Переведено по [59, с. 269].

леву. Прозаический текст — с английского, стихотворный текст с восточнофиджийского.

В тексте представлен очень популярный в Океании вариант универсального этиологического мотива «растение на могиле».

¹ Тинитини — «множество»; в названии явусы, таким образом, скрыто указание на многочисленность ее членов.

² Здесь имеется в виду За-кау-ндрофе не в узком смысле (поселок Сомосомо и весь остров Тавеуни, иногда тоже называвшийся Сомосомо по имени главного поселка), а За-кау-ндрофе как вождество: весь о-в Тавеуни, п-ов На-тева, южный берег о-ва Вануа-леву (до Ваи-леву). К середине XIX в. За-кау-ндрофе (тогда еще без На-тева) возвышается почти так же, как Мбау (см. Вступительную статью), и эти два «молодых» вождества начипают противопоставляться более старым, претендующим на своего рода древнее дворянство, вождествам Верата, Вуна, Лау-зала. Таким образом, прославление За-кау-ндрофе в устной традиции, как, например, в данном случае (вождству приписывается приоритет в обретении янгоны), становится существенным.

³ Считается, что первые четыре дня после смерти дух бродит вокруг бездыханного тела, то удаляясь, то возвращаясь назад. На четвертый день он убеждается, что тело уже не оживет, и после этого совершают первый поминальный обряд — мбонги-ва, букв. «четвертая ночь». В тот момент, когда дух навсегда уходит от тела, с ним можно поговорить: если он остался доволен угощением на мбонги-ва, он может сказать причину смерти человека.

⁴ Имеются в виду женщины, обычно их две (см. ниже в тексте — Се-ни-кумба и Нгануя), разносящие чаши с янгоной. Мифологические персонажи, разносящие янгопу, — две знатные госпожи, часто сестры Матапги (см. № 16 и примеч. 2 к нему; № 46 и примеч. 2 к нему).

⁵ Здесь и выше янгона означает именно корень *Piper methysticum*.

⁶ Вождь-оратор, ведущий вместе с жрецом ритуал янгоны.

⁷ Т. е. называя все местности, где живут кровные родственники или свойственники данной явусы, и желая своему дому и их домам благополучия.

⁸ Волокна, служащие фильтром для процеживания янгопы.

№ 23. [97], 60-е годы XIX в., о-в Мбенга, с англ.

Здесь, как и в № 24, описывается происхождение обряда хождения «по костру», имеющего параллели у многих народов мира (см., например, «Folk-lore». 1894. Vol. 5, где содержится краткая заметка А. Хэддона об индийских аналогах фиджийского обряда вилавила-рево). Ср. также [18, № 94].

¹ Угорь — постоянное «вместилище» духа, охраняющего остров Мбепга; культ угря на этом острове особенно развит (по сравнению с другими островами Фиджи).

№ 24. [57] (текст из фиджийской газеты «Na Mata», 1885), 1885, о-в Мбенга, с англ.

См. сходный текст в [18, № 94]; ср. здесь № 23.

¹ Туи Нгуалита — вождь явусы нгуалита, занимавший ведущее положение среди территориально-родственных группировок о-ва Мбенга. Это дает вождю определенные права на весь остров (хотя формально централизованной власти на Мбенга не было).

² Намбу — «плата за рассказ», нечто ценное или необычное, отдаваемое человеку, чьим ремеслом является рассказывание неординарных историй (чаще всего преданий) в общепринятом мужском

доме или на рара. Нередко поднесение намбу означает заказ на новое повествование.

³ Савау, по-видимому, ошибка в записи. За этим названием может скрываться либо тоングанско-Савау (ср. примеч. 7 к № 118), либо, что менее вероятно, самоанское Саваи (один из крупных островов архипелага Самоа). Для океанийской мифологии чрезвычайно характерны рассказы о чужеземных лодках, вместе со всей командой превращенных волею духов в камень (ср. [12, № 34]). — это часть более обширного свода мифологических рассказов и фантастических преданий о необычайных скалах, горах, камнях. Наличие необыкновенного камня в данной местности придает вес и ей как таковой, и ее жителям.

⁴ Местное название корня кордилины (см. Глоссарий), из которого готовят в земляной печи традиционное кушанье.

⁵ Один из поселков, подчиненных Нгуалита: жители Воло обязаны были приносить жителям вождеского поселка дары.

№ 25. Первая часть — [55], 20-е годы XX в., о-в Мавана, с англ.; вторая часть — [52], 20-е годы XX в., о-в Матуку, с англ.

Ср. сходный мотив в № 71.

Как указывает А. Хокарт, тапа служит для «улавливания» духов природы и для сохранения духа человека. Полоски тапы вешали в домах духов — они символизировали путь, которым дух сходил к людям. Ср. также восхождение Сины-ни-коулы по тапе (№ 100). Использование полосок тапы в различного рода инаугурациях и инициациях служило закреплению связи между человеком и духом.

¹ Туи Ярои — вождь поселка Ярои (и одноименной местности, включающей этот, главный, поселок и прилегающие к нему маленькие поселки и хутора), считавшегося одним из важнейших на о-ве Матуку. Высокое положение поселка давало его вождю некоторые права на весь остров, хотя формально главного вождя о-ва Матуку никогда не было.

² Игату-ни-вануа — букв. «тапа земли (общины)».

³ Возможно, трансформация сюжета о Туру-кава (см. № 2, 3, 46).

№ 26. [52], 20-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

Традиционно на о-ве Лакемба существовало следующее территориально-политическое деление: На-токалау (север острова) и На-вуда-ира (юго-запад острова). Район На-вуда-пра, в свою очередь, делился на район Тумбоу и район Вазивази; последний же подразделялся на местности Тару-куа и Ваи-тамбу.

№ 27. [52], 20-е годы XX в., о-в Онеата, с англ.

Ср. № 28.

¹ Кекева (в диалекте о-вов Лау — кеокео) — крупный съедобный моллюск с односторончатой витой раковиной. Встречается только на о-ве Онеата и о-ве Камбара.

№ 28. [36], 70—80-е годы XIX в., о-в Онеата, с англ.

Записано Л. Файсоном со слов Туи Онеата, верховного вождя о-ва Онеата. Ряд слов явно зафиксирован в диалектном произношении, ср. кекева. Ва-куликули в № 27 и кеокео, Фа-куликули здесь.

¹ Имеется в виду луб дерева *Broussonetia papyrifera*, из которого делают тапу, и кора гибискуса, из которой плетут циновки.

² Шторы, закрывающие стенные проемы, представляют собой плотные, тесного плетения циновки. В дневное время их держат поднятыми, а на ночь опускают.

³ См. примеч. 1 к № 27.

⁴ В фольклоре о-вов Лау мати-п-сай — явуса вождей-правителей, что согласуется с ее названием («порождающая сай»).

⁵ См. № 2, 3.

⁶ Головешкой подпаливали дерево, а затем, когда доска или брусков становились в нужном месте тоныпе, острисем раковины проделывали отверстие.

№ 29. [36], 70—80-е годы XIX в., о-в Лакемба, с англ.

Записано Л. Файсоном со слов Туи На-шау, главного вождя Лакемба.

Рассказ имеет типологические и прямые содержательные параллели с тонганскими историями о черепахе Саингоне, ср. [18, № 150]. Сюжет о Лека-пай и покинутой им черепахе представляет собой вариант распространенного сюжета «путешествие Каэ», ср. [12, № 12, 64, 96; 18, № 170, 235].

Имена персонажей, как и в № 17, тонганские, хотя они и приписываются самоанцам.

¹ Лека-пай — букв. «короткопалый».

² Тамба-кау — широкая прямоугольная циповка, сплетенная из листов кокосовой пальмы, разрезанных на полосы.

№ 30. [52], 20-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

Для понимания коллизии, на которой основывается даллый текст, необходимо иметь в виду общекеанский представление о мане и табу. Украшения Тока-и-рамбе даны ему его духом-покровителем и являются источником особой, сверхъестественной силы. Крадя их, «чужой» дух лишает Тока-и-рамбе части его маны, а кроме того, оскорбляет покровителя Тока-и-рамбе. Тем самым вмешательство «своего» духа необходимо: «чужой» дух нарушает табу, наложенное Туи Вуту, и должен быть наказан, но не человеком — которому это не под силу, — а другим духом.

¹ По-видимому, речь идет о каком-то вождe Лакемба.

² Дух За-кау-ндрофе (наиболее известный под именем На-тавасара) — устрашающий человека дух: он ловит людей и, как указывает его имя («режущий на куски»), тут же расчленяет добычу. А. Хокарт замечает [52, с. 193], что На-тавасара может быть также отождествлен с духом Кумбоа-вануа, почитаемым на о-ве Моала.

³ Туи Вуту — дух явусы ту-варе, всегда живший на о-ве Лакемба. По поверью, сначала он жил в стволе старинного баньяна в Вуту (отсюда его имя — вождь Вуту); нередко из этого баньяна раздавалось посвистывание: это свистел Туи Вуту.

⁴ Здесь подразумевается характерное для океанских мифологий представление о том, что социальная единица (в данном случае явуса), объединяющая обычных, смертных людей, имеет некий аналог в социальной структуре мира сверхъестественного, передко (как и в этом случае) под тем же названием.

№ 31. [97], 60-е годы XIX в., о-в Ясава (?), с англ.

¹ Имеется в виду местность на о-ве Яндуа; одно из имен почитаемого на Ясава и Яндуа духа в образе акулы — Мореход с Яндуа. Подразумевается, что после прибытия в край духов провинившийся человек тоже становится младшим духом и, значит, обречен на длительное, если не вечное, наказание.

№ 32. [71], 1935 г., о-в Вануа-леву, с англ.

¹ Подразумевается, что дух-предок Воувоу воплощается в угре. Преображая Воувоу, он и его делает «отчасти духом», т. е. уже постоянно сопутствует ему.

² По замечанию Б. Квейна [71, с. 199], подсматривать за купа-

ющимися женщинами — величайшее унижение для мужчины; это означает, что он уже не способен получить половое удовлетворение обычным путем.

³ Сугубо женское занятие.

№ 33. [52], 20-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

Герой этого рассказа — очень популярный в фиджийской мифологии дух. Как Туту-матуа он известен на о-вах Лау; на Вануалеву он называется Ндау-зина (ср. № 34); в других местностях Вити-леву его называют Тонга-вуту; наконец, на о-ве Тавеуни и в ряде местностей о-ва Вануа-леву он носит имя Ндаку-ванга (см. № 99, 101).

¹ Для рассказов о духах очень характерен мотив смерти партнера после совокупления с героем (героиней): это служит доказательством необычной мужской силы или великой женской страсти духа (ср. № 69, 70).

№ 34. [90], 10-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

¹ Ндау-зина называют также «хозяином лунной дорожки на воде», «повелителем мерцания» и т. п. Его другое имя, Тонга-вуту или Тонга-вуту (см. примеч. к № 33), может быть истолковано как «свет с Тонга». Связь Ндау-зина со светом объясняет его изменчивость, неуловимость; по некоторым версиям, Ндау-зина никогда не воплощается ни в каком живом существе, растении, камне, по другим — может воплощаться только в человеке (как в данном тексте).

У фиджийцев имели хождение рассказы о светящемся заде Ндау-зина, который отпугивает всех его врагов (рассказы, как таковые, не зафиксированы; в них можно предположить тонганское влияние, ср. [12, № 71, 73]).

² Имеется в виду остров Вануа-мбалаву, являющийся, по-видимому, родным для рассказчика этого текста и выступающий как географическая точка отсчета (многие из описываемых событий к тому же происходят на самом Вануа-мбалаву).

³ Имеется в виду пролив между о-вом Малата и соседними с ним мелкими островками.

⁴ Туи Яро — главный вождь поселка Муа-леву (старое название поселка — Яро).

⁵ О выделке тапы см. Вступительную статью.

⁶ Т. е. на о-ве Малата.

⁷ Коро-имбо — дух-хранитель о-ва Муниа, его «хозяин». Ср. № 42.

№ 35. [52], 20-е годы XX в., о-в Вануа-вату (о-ва Лау), с англ.

№ 36. [52], 20-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

Аива — остров с весьма своеобразными очертаниями к юго-востоку от о-ва Лакемба. В тексте перечисляются разные местности о-ва Лакемба, жители которых претендовали на о-в Аива. Изначально, как замечает А. Хокарт [52, с. 214], земля Аива принадлежала жителям Тару-куа, а затем люди из Вазивази силой забрали себе часть острова.

Ср. также № 37.

№ 37. [52], 20-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

Вариант сюжета, представленного в № 36: духи из разных местностей Лакемба борются за соседний остров.

¹ Земля принадлежит духу, и соответственно люди из его поселка имеют на нее права.

² Главный вождь (роко-сая, или сая «(господин) правитель») — Туи На-иау, вождь, которому принадлежит высшая власть над

о-вом Лакемба. Вожди о-ва Лакемба не носили титула Туи Лакемба, поскольку, согласно традиционным представлениям, Туи Лакемба — не человек, а дух, покровитель острова. Как правило, главный вождь избирался из одной из двух когнатио-родственных групп — мата-и-лакемба и вату-ванга. Переход острова к главному вождю означает, таким образом, что Аива становится принадлежностью одной из названных групп (какой именно, неясно, поскольку не уточняется, о каком из известных в истории о-ва Лакемба главных вождей идет речь).

№ 38. [52], 20-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

Этот же рассказ, но в беллетризованной форме приводится в [90].

¹ Имеется в виду тонганское завоевание о-вов Лау в конце XVIII в. В это время на о-вах Лау было основано много тонганских поселений. Подробнее см. [31, с. 70 и сл.; 32, с. 25 и сл.; 76, с. 5—7; 77, с. 18—26].

² Тунгуа — реальный тонганский остров, ср. в [18, № 145] рассказ о скале возле о-ва Тунгуа.

№ 39. [52], 20-е годы XX в., о-в Лакемба, с англ.

Мбати-ни-нгаке считается предком местности Наро-заке на о-ве Лакемба. Этому духу приписывается живой интерес к возделыванию земли; он покровительствует всему растущему и цветущему. С этим согласуется данное в тексте название святилища и дома духа (Дом трав).

№ 40. [54], 20-е годы XX в., о-в Тавеуни, с англ.

А. Хокарт отмечает [54, с. 67—68], что явуса вуна, члены которой живут в одноименной местности на о-ве Тавеуни, возводится к горе Кау-вандра и, значит, происходит от Нденгей. Ср. также [40, с. 21].

№ 41. [29], 10-е годы XX в., о-в Оно, с восточнофицийского и с англ.

Очень близкий текст приведен в [30, с. 47—52].

¹ Ср. тот же сюжет в № 45.

² Английское название — гора Вашингтон.

³ Боевой клич воинов Оно, означающий начало военных действий, призыв к оружию.

№ 42. [90], 10-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

¹ Восточнофицийское татакага имеет несколько значений; здесь, вероятно, идет речь о высоком и крепком лесном дереве *Kleinhowia hospita*. Деревья обычно растут компактными рощами, и при ветре их листья громко шелестят (см. ниже в тексте о вздохах Коро-имбо).

² Почти сферические плоды и косточки полинезийской сливы (идава) служат шариками в детских играх.

³ На о-вах Лау больше, чем в других районах Фиджи, были популярны сюжеты о соперничестве отца и сыновей. Возможно, здесь сказалось и тонганское влияние; ср. аналогичные сюжеты тонганского фольклора в [12, № 78, 87].

⁴ Коро-имбо — «хозяин» о-ва Муниа. См. выше, № 34 и примеч. 5 к нему.

№ 43. [83], конец 50-х годов XIX в., Рева (о-в Вити-леву), с англ.

¹ Ра-вово-ни-за-кау-нгава в ряде мест о-ва Вити-леву почитался как покровитель мореплавателей.

² На о-ве Вити-леву, прежде всего в Рева, считалось, что Ван-руа (вариант — Ван-друа) живет в одном из источников, находя-

щихся в долине На-моси на юго-востоке этого острова. Когда вода в источнике бурлит, вскипает — Ван-руа недоволен, и надо поскорее задобрить его.

³ Здесь Роко-уа — дух местности На-и-зомбозомбо на о-ве Вити-леву.

⁴ Существует правило, по которому всех мореплавателей (если только они не идут заведомо с войной) следует встречать дарами, в которые обязательно входят куски (или хотя бы один кусок) тапы, один или несколько тамбуа, ямс или таро, свинина. Только после того как местные жители спускаются к лодке с такими дарами, ее команда, «отдарайвшись», может выходить на берег.

⁵ Ва-туту-лали — барабан, отбивающий взятие побежденного поселка и добычу мбокола.

⁶ Подразумевается, что из местности, подвластной вождям главного поселка в Рева (ее жители стоят ниже жителей Рева в социальной иерархии), посылаются дары, здесь — пища, вождям Рева. В данном случае, как выясняется затем из слов Роко-уа, этой местностью является Мо-ни-са (также на о-ве Вити-леву).

⁷ Одно из тягчайших оскорблений — наказание, равносильное низведению человека до раба.

№ 44. [100], 60-е годы XIX в., о-в Вити-леву, с англ.

Сюжеты «птица, уносящая человека» и «птица-людоед» широко распространены в Центральной и Восточной Океании. Ср. первый сюжет в [12, № 96]. Тонганское имя огромной птицы, Ка-ни-вату, и одно из приводимых здесь имен, Нга-ни-вату, означают букв. «утка скалы»; в названии заключена аллюзия к сюжету о превращении убитой утки в камень. Совпадение фиджийского и тонганского имен объясняется скорее общностью образа, чем заимствованием. См. также № 44. Сюжет «птица-людоед» представлен в № 93.

¹ Ср. № 43.

² На островах Океании были в равной мере популярны два представления об устройстве космоса. По одному из них, реализующемуся в этом тексте, небо лежит на некотором основании (опоре) — им может быть либо скала-прадорительница, либо широкие листья некоторых трав, расположенные под прямым углом к стеблю. По второму, менее ясно выражаемому представлению, небо смыкается с землей на линии горизонта (ср. в № 22 «к небу стремится, спешит к горизонту»).

№ 45. [54], 20-е годы XX в., о-в Вануа-леву (?), с англ. (с незначительными уточнениями).

По некоторым версиям, На-улу-ваву и Танову (см. № 41) — один и тот же персонаж.

№ 46. [52] (с незначительными уточнениями на основании [23; 42],) 20-е годы XX в., о-ва Лая, прозаич. текст с англ., стихотворные строки с восточнофиджийского.

Во второй части текста описывается ритуал принесения даров духам Луве-ни-ваи; как представляется, в нем есть некоторые рефлексы инициационных обрядов.

Луве-ни-ваи (букв. «дети воды») — духи леса, хранители лесных богатств. Луве-ни-ваи входят в число калоу-рере (букв. «страшные духи»; в [42, с. 747; 52, с. 202] дан неадекватный перевод «устрашающие духи») — избегающих человека, а потому, как считается, робких «хозяев леса», живущих в стволах деревьев (здесь обиталищем Луве-ни-ваи называется дерево коури, или каури, по-видимому, *Crytocarpus fusca*). Ср. гимн калоу-рере в Приложении.

А. Хокарт [52, с. 201] справедливо сравнивает Луве-ни-ваи с эльфами европейского фольклора. У восточных фиджийцев представления о Луве-ни-ваи довольно распространены — на них указывают А. Брустер [23], А. Гордон [42], Дж. Уотерхаус [97] и др. По некоторым из представлений, Луве-ни-ваи — женщины-духи, по другим, только дети. В [71, с. 233] они называются детьми, а для имени Луве-ни-ваи предлагается перевод «дети снадобья, лекарства» (на том основании, что восточнофиджийское *wa* может обозначать любую жидкость, а не только воду). Действительно, представления о Луве-ни-ваи подразумевают помимо всего прочего их способность «излечивать» воду (в водоемах, реках), а последователи культа Луве-ни-ваи обычно занимались знахарством. Как указывает в цитированной работе Б. Квейн, в На-муа-воивои куль Луве-ни-ваи скорее связан именно со знахарством, чем с водой. Тем не менее интерпретация имени, предлагаемая Б. Квейном, не объясняет представления об этих духах, известные на других островах.

В приводимом здесь тексте Луве-ни-ваи скорее отождествляется с духами мужского пола (ср. упоминание На-кау-самба-риа в № 2, 3, где он сын либо внук Нденгсеи). По-видимому, во всех случаях значимым является низкий рост Луве-ни-ваи — они четко связываются с другими малорослыми хтоническими существами, в частности малютками вели (ср. упоминание о явусе вели в этом тексте).

¹ Начало жизни — стандартная метафора, описывающая кокос.

² Ялева (букв. «женщина, женщины») — местное название вождей (мужчин), ответственных за подготовку к совершению ритуала (сбор даров, здесь — только пищи) и само осуществление ритуала.

³ Туи Тумбоу — вождь местности Тумбоу на западе Лакемба (см. примеч. к № 26).

⁴ Здесь под калоу-рере понимаются жрецы (или один жрец), устами которых говорят Луве-ни-ваи. Ср. примеч. к № 21, где описан более полный ритуал сходного характера.

⁵ Указание на Хозяйку Луны (старуху с Луны) не совсем ясно; впрочем, Хозяйка Луны, как и Луве-ни-ваи, связывается с хтоническими силами. В других вариантах здесь упоминается не Хозяйка Луны, а Матанги — два духа женского пола, постоянно путешествующие из местности в местность, покровительствующие ритуальным пирам, и в частности янгоне (ср. их под именами Сепи-кумба и Нгануя в № 22 и см. № 16, примеч. 2 к нему, а также примеч. 2 к № 22).

⁶ Имеется в виду местность па Вапуа-леву. А. Хокарт предполагает, что под жителями Вуя подразумеваются именно калоу-рере.

⁷ Возможно, их приход и дальнейшие действия — часть обряда инициации.

⁸ То есть калоу-рере оставили свое обиталище (может быть, на время перейдя в юношей-неофитов).

№ 47. [97], 60-е годы XIX в., о-в Вити-леву, с англ.

¹ На-нгай — сын Нденгсеи, тоже дух. Из последнего предложенного текста явствует, что он, как и отец, живет в Ракираки.

² Улу — короткая палица с небольшой шипковидной головкой (отсюда ее название, букв. «голова»), используемая именно для метания. То, что На-нгай делает улу из целого железного де-

рева (ср. ниже в тексте), свидетельствует о его сверхъестественной силе.

№ 48. [90], 10-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

В [52, с. 198] указывается, что представления об Улу-пока (Улу-поко) распространены в основном в поселке и местности Тумбоу на о-ве Лакемба; в Тару-куа Улу-пока соответствует очень похожий на него по описанию дух Улу-на-вале (букв. «только голова»). По-видимому, уже в момент записи текста Улу-пока был изведен до персонажа детских страшных рассказов.

№ 49. [90], 10-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

В этом и следующем рассказах фигурирует край духов Мбуроту (Мбулату, Мбулу). Развитые представления о подводном крае, в котором живут «настоящие» духи и в котором оказываются после смерти духи высоких вождей, имелись, по-видимому, только на о-вах Лау. Скорее всего лауанцы заимствовали их в позднейшее время (XVIII—XIX вв.) у тонганцев и других восточных соседей, ср. сходные рассказы в [12, № 10, 74, 75; 18, № 140], хотя тождество имен Мбулату (Мбуроту) и Пулоту явно генетическое.

¹ В этом отрывке фигурируют реальные острова: Оно — о-в Оно-и-лау в группе островов Оно, Тувана — либо о-в Тувана-и-ра, либо о-в Тувана-и-золо. Для мифологии восточной окраины Фиджи характерно соотнесение двух последних островков с краем духов — Мбуроту (ср. в связи с этим песню, которую поют духи детям, в № 64, 65).

² Ср. № 42.

³ Духи боятся света Солнца, и наступление дня означает конец их проделок.

⁴ Однорукий дух, пожалуй, самый значительный персонаж мифологии о-вов Лау; возможно, аналог Ндау-зина (ср. № 51).

⁵ История Сангасанга-вале рассказывается в № 57.

⁶ Красный цвет — цвет вождей и духов и, кроме того, цвет смерти.

⁷ То есть лодка с балансиром, построенная из дерева *Afzelia bijuga*.

⁸ На самом деле фиджийцы знали и знают до сих пор несколько родов лодок, каждый со своим назначением: лодки-долбленики (о которых идет здесь речь как о транспорте людей низшего сорта) для коротких плаваний вдоль берега и для речных перегонов; однокорпусные лодки с балансиром, очень маневренные, для более далеких плаваний и выходов в открытый океан; большие двухкорпусные друа (см. о них во Вступительной статье). Помимо лодок пользовались и плотами, ср. [95, с. 62—98]. Здесь, однако, скрыт и другой смысл: на о-вах Лау почти не растут веши, их приходилось привозить с Камбара, что и делало лодки из дре-весипы привилегией вождей. Ср. № 57.

⁹ Лека — «маленький».

№ 50. [52], 20-е годы XX в., о-в Оно (о-ва Лау), с англ.

Как указывает А. Хокарт [52, с. 210], Туи-лику либо обычный человек (ср. № 49), либо дух.

¹ О Туту-матуа см. № 33 и примеч. к нему.

№ 51. [97], 60-е годы XIX в., о-в Вити-леву, с англ.

№ 52. [99], 1840 г., о-в Вити-леву, с англ.

Туа-ле-ита (по-видимому, «дорога [для] благородных») — тропа мертвых. Великан с палицей (здесь она, видимо, заменена на топор волей Ч. Уилкса, записывавшего текст) — фиджийский страж

потустороннего мира. О «второй смерти» у колен Нденгени (эмбазимба) см. Вступительную статью.

№ 53. [97], 60-е годы XIX в., о-в Вити-леву, с англ.

Самби почитался на о-ве Ова-лау и на восточном — юго-восточном побережье о-ва Вити-леву как дух моря, являющийся людям в образе черепахи (ср. в этом тексте).

¹ Традиционный способ поиска на рифе моллюсков и других продуктов моря после отлива: собиратели освещают себе путь факелами или гирляндами из засушенных и промасленных плодов свечного дерева.

² Духи преображаются, чтобы обмануть внимание других духов, которые могли бы им помешать.

³ Белые, без пятен и полос, раковины каури высоко ценились на Фиджи и в ряде мест имели хождение как примитивные деньги. Многочисленные белые раковины украшали в домах духов выступающие из-под крыши опорные балки и конек (ср. описание мбуре-калоу в [99, с. 54]), а также борта вождеских лодок.

⁴ То есть принести ему дары, и в частности долю от каждого улова.

№ 54. [97], 60-е годы XIX в., о-в Вити-леву, с англ.

Характерный океанийский вариант сюжета «чудесная жена» — женщина-альбинос из подземного мира, убегающая в конце концов от своего обычновенного мужа. Имя Ко-и-драу-на-марама («с лицом [светлым, как] луна») указывает на ее необычный облик.

¹ Дж. Уотерхаус отмечает, что речь идет о ночном сборе продуктов моря при свете факела, ср. № 53 и примеч. 1 к нему.

² Это означает, что, вынув тростник из земли с корнем, они открывали спуск в подземный мир.

№ 55. [97], 60-е годы XIX в., о-в Вити-леву, с англ.

Тава-ки-тини — дух, почитаемый в Виони, о-в Вити-леву. Функции, приписываемые ему, неизвестны.

¹ О Ко-и-драу-на-марама см. № 54 и примеч. к нему.

№ 56. [97], 60-е годы XIX в., о-в Вити-леву, с англ.

Камбуя — дух, воплощающийся только в камне. По некоторым версиям, имя местности на Вити-леву, в которой ему поклоняются, происходит от его имени; но в этом рассказе как будто бы наоборот.

№ 57. [90], 10-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

¹ О социальной значимости барабанов лали см. Вступительную статью. Утрата барабана наносила урон социальному положению и самосознанию территориально-политической единицы.

² Здесь красный цвет дерева — цвет, наиболее подобающий вождям.

³ Здесь: сильный юго-восточный ветер.

⁴ О Линга-идуа см. также № 49.

№ 58. [52], 20-е годы XX в., о-в Вакано (о-ва Лау), с англ.

¹ Хотя возделывание чужих земель является наказанием, по окончании работы чужестранцам должен быть устроен пир и возданы дары.

² Женщины понимают, что отсутствие настоящего угождения знаменует враждебность и злой умысел хозяев, и поэтому спешат бежать от беды.

№ 59. [52], 20-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

На о-ве Ломалома Нди-май-ланги почиталась как дух войны. Ср. иную трактовку этого персонажа в № 60.

№ 60. [90], 10-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

¹ Другое имя Маи-ланги — Серая Крыса (см. ниже в тексте).

² Имеется в виду специальная циновка для сна, служащая одновременно и постелью и одеялом.

³ Власть многих духов не распространяется за пределы строго определенной местности («их» земли). Туи-мерике ищет спасения, зная, докуда простирается сила Маи-ланги.

⁴ Подразумевается, что Маи-ланги отомстила ему.

№ 61. [89], конец 30-х годов XX в., о-в Вити-леву, с англ.

¹ Мбито (здесь) — небольшой дом, в котором останавливаются путешественники. У нескольких домов в рамках одного матаангали для приема своих гостей был один мбито.

№ 62. [97], 60-е годы XIX в., о-в Вити-леву, с англ.

Рату-маи-мбулу — змеиный дух, сопоставляемый с Нденгеи, но более четко, чем Нденгеи, связываемый с подземным миром (ср. само имя духа «господин из Мбулу [потустороннего мира]»).

Традиционно Рату-маи-мбулу почитался как дух урожая; на юге о-ва Вити-леву, на о-ве Мбау и на о-ве Мбенга месяцы осенне-го урожая — октябрь и ноябрь — даже носили название «время Рату-маи-мбулу». Считалось, что в это время дух выходит из-под земли, где живет все остальные месяцы, и дает наказ всему растущему на этой земле плодоносить как можно щедрее. Люди должны делать все, чтобы не потревожить явившегося на землю духа, иначе он уйдет в свой подземный мир до времени, и земля не принесет желанных плодов.

№ 63. [52], 20-е годы XX в., о-в Зизиа (о-ва Лая), с англ.

¹ По достижении знатной девушки зрелости ее отец устраивал пир, приносил дары духам. Скрываться в доме Сину заставляют, для того чтобы ее кожа была как можно светлее.

² Большой остров — о-в Вити-леву.

³ Ндау — знаток какого-либо дела, мастер, здесь — мастер-рыболов. Подразумевается, что вновь прибывшим предназначено стать рыболовами, хранителями тайн ремесла, при вождях Лакемба.

⁴ Подразумевается, что до этого вождь ничего не ел в знак траура.

⁵ Имеется в виду обряд, знаменующий окончание путешествия. По его совершении можно возвращаться домой.

⁶ Здесь Матанги — духи леса, ср. их с Луве-ни-ваи (см. № 46 и примеч. к нему).

⁷ Любопытная черта, возможно (если здесь нет ошибки в записи) отличающая подобных духов леса от всех других сверхъестественных существ, которые не отбрасывают тени.

⁸ Военная пляска. Перо в волосах вождя символизирует вождеский военный убор, обязательно из перьев.

⁹ Тувана-и-золо, Тувана-и-ра — реальные острова (об их открытии см. Вступительную статью). На-сали — вымышленный остров (возможно, он каким-то образом соотносится с мысом На-сали на северо-востоке о-ва Вануа-леву). Мбуроту — подводный край духов, ср. № 49—50.

¹⁰ Т. е. дети явились левука на о-ве Лакемба.

№ 64. [36], 70-е годы XIX в., о-в Лакемба (о-ва Лая), с англ.

Рассказ представляет собой вариант сюжета, приведенного в № 63. Записан Л. Файсоном со слов фиджийца Иноке Ванга-кеle. В записи (и соответственно в переводе) сохранено диалектное произношение некоторых имен, ср. общефиджийское левука (как в № 63), но ли фука в этом тексте.

¹ Здесь — клич, знаменующий признание поражения в войне.

² Здесь к чисто территориальной характеристике примешивается и некоторая пренебрежительность: селиться на побережье считалось более престижным.

³ Имеется в виду способ ловли рыбы с края рифа острогой или стрелой из лука, как здесь.

⁴ Прорицание, но фиджийским представлениям, обязательно сопровождается конвульсиями.

⁵ О набивке тапы см. Вступительную статью.

⁶ Ср. Сина-те-ланги в № 63.

⁷ Ср. № 43. Гости исполняют меке во имя Роко-уа как водителя лодок — в благодарность за счастливое окончание их плавания.

⁸ Ноги особо знатного и благородного человека не должны касаться земли, и здесь расстеленная тапа возвышает госпожу Ланги над землей. Ср. связанный с этим обычай переносить вождя на носилках или на особом возвышении; фиджийцы, однако, толковали его как чуждый им, полинеазийский, см. № 108.

№ 65. [52], 20-е годы XX в., о-в Лакемба, с англ.

Ср. сюжет об утраченной рыбе, которая была табу, в № 63, 64.

¹ При разделе большой рыбы ее головная часть и обязательно сама голова (как средоточие магии) отходили вождю. Ср. ниже в тексте о других привилегиях Тумбоу.

² Ср. примеч. 3 к № 60.

№ 66. [90], 10-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

¹ Действие происходит на западном берегу о-ва Лакемба.

² Т. е. по правилам захоронения вождя. См. ниже.

³ Мбонги-драу (букв. «согтая ночь») — ритуал поминовения вождя или знатного человека и тризпа по нему, совершаемые на сотый после его смерти день. Мбонги-драу является третьим, заключительным, поминальным обрядом: ему предшествуют поминальные обряды четвертого дня (мбонги-ва, см. № 22 и примеч. к нему) и десятого дня (мбонги-тини).

⁴ Калоу-леву (букв. «большой дух») — дух, которому подчиняются другие духи и которого должны чтить все.

⁵ Идакай (букв. «лук») здесь — короткая палица, особенно удобная для метания, называемая также «летучей» (отсюда аналогия со стрелой, пущенной из лука). Палицы делались, в частности, из древесины *Afzelia bijuga*, ср. ниже в тексте вымышленный топоним На-веси-идакай «дерево веши [для] идакай».

⁶ Vinaka «хорошо, славно», возглас одобрения.

№ 67. [97], 60-е годы XIX в., о-в Вити-леву, с англ.

¹ Реальное устройство земляной печи следующее. В земле выкапывается яма с нешироким отверстием, на дно укладываются дрова (хворост), на них — камни или коралловая крошка, нагревающиеся и затем дающие жар. На них укладывается нища, завернутая в листья, поверх которой располагается плотный слой листьев и «крышка» из дерна. При менее распространенном способе (как здесь) на дне печи, поверх слоя листьев, укладывается нища, сверху кладутся раскаленные камни, и все это покрывается дерном и листьями.

² «Человечико» здесь равнозначно «простолюдин». Подразумевается (как печто совершенно естественное), что героям рассказа благородные люди. Ср. о каиси («человечико») во Вступительной статье.

№ 68. [54], 20-е годы XX в., о-в Вапуа-леву, с англ.

¹ Поскольку Верата — издревле прославленная и по «благородству» стоящая высоко над другими местность, возведение к ней возвышает Ра-маси-леву над другими духами. На знатность и благородство духа призвано указывать само его имя. Господин Большое Маси, т. е. вождь, имеющий много тапы и богато ею украшенный.

² Как указывает А. Хокарт [54, с. 140], легенды о Роко-ма-уту (вариант имени — Роко Моуту) распространены на востоке (и особенно северо-востоке) Фиджи повсеместно. В ряде мифов Роко-ма-уту (Ма-уту) — сын Нденгей (см. № 2, 46).

³ Неясно, имеется ли в виду запад о-ва Вануа-леву или западные фиджийские острова.

⁴ На востоке Фиджи ту-ни-ндау широко известен как патрон рыболовства. Ср. «Меке о Зако-мбау» в Приложении.

⁵ Танги-зи-вону — букв. «плач (крик) по морской черепахе». Поднесение духу этого зуба кашалота было призвано обеспечить рыбакам богатый и разнообразный улов.

⁶ И-узу-ни-лава — букв. «при вытягивании сети». Задобренный этим зубом кашалота дух должен был хранить сети и помочь рыбакам сохранить весь свой улов.

⁷ Черепашье мясо — табу, и первый кусок принадлежит духу-покровителю. Заговор произносится, чтобы вызвать духа.

⁸ Зашифрованный приказ готовить янгону.

⁹ В англ. тексте — *his ship is...* Это указывает на то, что в оригинале было слово *waqa* («судно» — «сосуд»). Ср. о «сосуде духа» во Вступительной статье и [12, с. 39].

№ 69. [71], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

Ср. также № 70.

¹ См. в глоссарии мадраи; мадраи делается в том числе и из маниоки, введенной на Фиджи лишь в прошлом столетии и очень быстро распространившейся на островах.

№ 70. [71], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

№ 71. [52], 20-е годы XX в., о-в Матуку (о-ва Лая), с англ.

Действие происходит на о-ве Матуку. О значении культа змеи для фиджийцев см. Вступительную статью и ср. № 1—8, 62.

¹ Попав стрелой в могилу, человек растревожил обитателей потустороннего мира — края духов.

² Маси-ни-вануа — дух, оберегающий людей. Значимость его имени («тапа земли, общины») объясняется охранительными функциями, приписываемыми тапе, ср. примеч. к № 25 и аналогичное имя (из другого диалекта) Нгату-ни-вануа. Встреча с таким духом — благой знак.

№ 72. [52], 20-е годы XX в., о-в Матуку, с англ.

На-токалау — местность и поселок на о-ве Матуку, Упду — местность и поселок на соседнем о-ве Тотои.

№ 73. [100], 60-е годы XIX в., о-в Мбау, с англ.

Сомосомо, или За-кау-идрове, — о-в Тавеуии. В первой половине XIX в. вождество Мбау, За-кау-идрове (Сомосомо) и Вупа возвысились (во многом благодаря европейскому оружию) и начали соперничать друг с другом, оттеснив при этом все прочие политические силы на задний план. Возможно, отголосок этого соперничества — приводимый рассказ.

Ср. также № 74, 75.

№ 74. [54], 20-е годы XX в., о-в Тавеуи, с англ.

Ср. № 73.

№ 75. [54], 20-е годы XX в., о-в Вануа-леву, с англ.

¹ Здесь палица — знак, отличающий вождя от простолюдинакаиси. Сохранение палицы подразумевает, что дух с Мбау не попадает в прямую зависимость от второго духа, но одно только то, что он оказывается повержен, принижает его перед соперником.

№ 76. [54], 20-е годы XX в., о-в Намука, с англ.

¹ Вануа-вата (букв. «земли вместе») — породненные земли, две или более территориально-политические группировки; долг людей из каждой такой группировки — оказывать партнерам гостеприимство, принимать их сторону и соответственно помогать им в военных действиях (ср. в связи с этим № 109 об объединениях поселков во время войны).

№ 77. [56], 20-е годы XX в. (?), место записи неизвестно, с англ.

№ 78. [56], 20-е годы XX в. (?), место записи неизвестно, с англ.

Этот текст, как и № 72, показывает, что основанием для объяснения связей, установленных в социуме, могли быть самые разные, отнюдь не только положительные отношения между духами.

№ 79. [54], 20-е годы XX в., о-в Вануа-леву, с англ.

Вожди провинции Мазута считали своей прародиной небольшой остров Зикомбия у северо-восточного побережья о-ва Вануа-леву.

¹ Отбитое и распущенное покрытие кокосовых орехов используется в плетении.

² Основания для такой связи явления неясны.

³ Речь идет о выгороженном у океанского берега «загоне» с соленой водой. Такие искусственные водоемы обычно устраивали в месте впадения реки или ручья в океан.

⁴ Игали-веи-тамба-ни — местность (поселок, группа поселков), жители которой (которого) признают себя подчиненными кому-то и обязаны регулярно приносить дань вождям местности, стоящей над ними. От этого значения происходит второе — отношение подчинения между двумя местностями (поселками), «победившим, взявшим верх» и «побежденным», «приниженным».

№ 80. [23], конец XIX — начало XX в., о-в Вити-леву, с англ.

Действие происходит на востоке о-ва Вити-леву, где и живут на-мборо.

¹ Имена братьев содержат компонент м о к о «ящерица», что может указывать на тотемное животное явусы на-мборо. Ср., однако, ниже в тексте о предке — духе-птице.

№ 81. [55], 20-е годы XX в., о-в Камбара (?), с англ.

¹ О Мбе-рева-лаки см. также № 13 и примеч. к нему.

² Тотемное дерево, которое следовало переносить с собой при смене места, ср. № 86.

³ Как указывает А. Хокарт [55, с. 190], мбули-вануа, или тули-вануа (букв. «делать (складывать) землю»), — обряд, состоящий в насыпании небольшого холмика или даже пригорши земли над некоторым освященным местом и сопровождаемый произнесением заговоров. Хокарт локализует обряд на западе Вануа-леву и указывает, что совершаются он нерегулярно — его приурочивают к наречению нового вождя и к молению о хорошем урожае в голодные времена. Несомненно, обряд дублирует акт творения.

№ 82. [36], 70—80-е годы XX в., о-в Лакемба, с англ.

Записано со слов Туи На-иау. Произношение имен отражает особенности диалекта о-вов Лау, ср. Тупоу вместо Тумбоу, Фатифати вместо Вативати и др.

О титуле Туи На-нау см. примеч. 2 к № 37.

¹ Ндеруа — ритм, отбиваемый на лали при вносе победителями в родной поселок мертвых тел, предназначаемых для съедения.

² Великий Змей — Иденгей.

³ Рату-маи-на-коро — другое имя Рату-маи-мбулу, ср. № 62.

№ 83. [94], 90-е годы XX в., о-в Вити-леву, прозаический текст с англ., стихотворный текст с восточнофицикского.

Текст записан на языке оригинала фиджийцем Илаи (Элиасом) Мото-ни-зозока. Представляет собой одно из наилучшим образом сохранившихся преданий о заселении островов Фиджи.

¹ О Иденгей, Луту-на-сомбасомба и их соотношении см. Вступительную статью. Традиция, связанная с Ваи-зала-на-вануа, неизвестна; возможно, она просто не сохранилась.

² О Рокола — патроне плотников см. № 2, 3.

³ Вола-суй-ни-заказака — букв. «навсегда записанные правила», вола — «значки; записи; начертания». В начале века это предание навело многих ученых на мысль о том, что предкам фиджийцев действительно была известна письменность и что писали они на камнях. Предполагалось, что Луту-на-сомбасомба вез с собой камни или каменные таблички с записью либо генеалогии, либо каких-то священных текстов и тайн ремесла (последнее согласуется с внутренней формой слова вола-суй-ни-заказака). См. также Вступительную статью и рис. на с. 17.

⁴ Вуароро (букв. «начало времени [холода]») — порывистый северо-западный ветер; раву-и-ра (букв. «прибывающий к земле») — шквалистый западный ветер.

⁵ Вунда можно перевести как «наше первоначало»; таким образом, здесь это имя значимо.

⁶ Впередсмотрящий на Кау-ни-тони.

⁷ Яса-ява (западнофицикское) «далекая земля» — популярная народная этимология имени Ясава.

⁸ Название складывается из части произнесенного мореплавателями предложения: Tiko¹ mada² la³ e⁴ kē⁵ «Останемся¹⁻² здесь³⁻⁵».

⁹ Большая земля — здесь о-в Вити-леву.

¹⁰ Народная этимология Кау-вандра — «дерево панданус».

№ 84. [95], 60-е годы XX в., о-в Вити-леву, с англ.

¹ Имеется в виду о-в Кандаву.

² По-видимому, имеется в виду одноименный ручей Сузсуэ.

³ Здесь и выше перечисляются поселки на о-ве Кандаву.

⁴ В названии лодки («плывущая по небу» или «небесное плавание») заключено указание на сверхъестественность и самой лодки, и ее гребцов.

№ 85. [23], конец XIX — начало XX в., о-в Вити-леву, с англ.

Действие рассказа происходит на о-ве Вити-леву. Ноэмалу — одна из явус фиджийских горцев, приобретших в начале века известность благодаря исследованиям А. Брустера, А. Уэбба и др.

¹ Эмалу (Малу) — по-видимому, вымышленное название; приводимое ниже толкование слова «ноэмалу» также неочевидно.

² Роко Туи Вуна — Благородный Правитель Вуна. Таким образом, сын Нгиза-тамбуа возвышается до вождя большой и значимой области на о-ве Вити-леву, ср. о Вуна № 73 и примеч. к нему.

№ 86. [65], 900-е годы, о-в Вити-леву, с франц.

Действие происходит на о-ве Вити-леву.

¹ Подразумевается, что члены этих группировок восходят к Иденгей (см. Вступительную статью).

² Лово-ни-ванге — «земляная печь, [наполненная] молодым таро». В названии святилища скрыто указание на изобилие, которым люди обязаны духу и за которое обязаны должным образом платить ему.

³ В действительности это разные деревья. Нгуму — *Acacia richii*, распространённое дерево, из которого получали темную краску для лица и волос (см. ниже в тексте). Ванваи — *Adenanthera pavonina*, красивое дерево с пышной листвой, желтыми пахучими цветками, яркими семенами почти в форме сердечка: из семян делают ожерелья, браслеты.

⁴ Черной краской раскрашивали лицо (реже тело) перед сражением, а также в ряде ритуалов, связанных с военными действиями.

⁵ Характерный пример народной этимологии географических названий. Река, о которой идет речь, в действительности называется Вай-ману. Если же рассматривать данную форму с метатезой, то можно заметить вероятную, но отнюдь не обязательную связь второго компонента с глаголом пами «жевать и проглатывать» (таким образом, в имени как бы скрыто указание на место, где был сделан привал). Кеу действительно разновидность ямса с изогнутыми клубнями. Мала — «кусок, кусочек».

№ 87. [90], 10-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

¹ О тама см. Глоссарий.

² Здесь каиси понимается расширительно — люди, стоящие ниже кого-либо (в данном случае ниже жителей Малата) в социальной иерархии.

№ 88. [52], 20-е годы XX в., о-в На-иау (о-ва Лау), с англ.

Ср. с № 89 и [12, № 122].

Мами — распространенная разновидность банана с плодами средней величины в ярко-желтой кожуре.

¹ Какой моллюск называется этим именем, неясно.

² Ср. № 29.

№ 89. [90], 10-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

№ 90. [94], 90-е годы XIX в., о-в Вапуа-леву; почти буквально повторяется в [54].

№ 91. [23], 900-е годы, о-в Вити-леву, с англ.

№ 92. [52], 20-е годы XX в., о-в Тотоя, с англ.

Записано со слов вождя о-ва Тотоя.

¹ Желтой краской из корневища куркумы растирают новорожденного до трех месяцев и в гигиенических целях (порошок куркумы — аналог современной детской присыпки), и для защиты от духов (куркума — оберег, а ее желтый цвет — цвет благородства).

² Вуа-ни-рева — букв. «плод рева». Возможно, речь идет о дереве *Cerbera odollam* (его мбауанскому названию *vasa*, см. Глоссарий, в ряде диалектов соответствует *рева*). Здесь вуа-ни-рева — тотемное дерево, оно дает название явусе (см. ниже в тексте).

³ Ра-маси (букв. «господин [в] маси») — вождь высокого ранга, состоящий при главном вожде и помогающий вождю-оратору во время церемоний. Туи Тумбоу — более конкретный титул, вождь местности Тумбоу на о-ве Лакемба. На-рева-ндаму (букв. «увенчивающий красным», ср. ниже в тексте; красный — цвет благородства и знатности) — специфичный для о-вов Лау титул вождя-церемониймейстера.

⁴ Ср. примеч. к № 26 и [52, с. 7—32].

⁵ Ср. № 25 и примеч. к нему.

⁶ Ср. № 81 и примеч. к нему.

№ 93. [99], 1840 г., о-в Ясава, с англ.

Этот сюжет почти дословно пересказан в [74; 96].

№ 94. [71], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

¹ Говоря так, Серу-маты-идука подразумевает, что в его поселке царит мир и процветание.

² Главный вождь в героическом эпосе сиетура — На-улу-матуа. Он же, как следует из текста (см. ниже), является предком сиетура (Кали-ни-втунаава напоминает Вусо-ни-лаве, что они оба восходят к На-улу-матуа).

³ По остроумному замечанию Б. Квейна [71, с. 127], после взаимных заверений в бесстрашии можно переходить к прозаическим конкретным планам.

⁴ Неписаный кодекс фиджийского воина подразумевал, что победа без оружия неизмеримо ценнее и благороднее вооруженной победы (ср. также № 95, 101). Это убеждение еще более укрепилось с проникновением на Фиджи огнестрельного оружия, ср. № 108, 109.

№ 95. [71], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

В этом рассказе, как и во многих других, записанных Б. Квейном, появляются различные атрибуты современной, европеизированной жизни (бумага, письмо, ружье и др.).

¹ Подразумевается, что Мусу-па-нгила-друа уже замыслил заколдовать лодки и двенадцать месяцев их ожидания в море — его собственный произвол.

² Ингоинго-а-вануа дает Мусу-па-пгила-друа сверхъестественную силу, но только с тем, чтобы тот остался в Сиетура, т. е. дух делает его «своим».

№ 96. [71], 1935—1936 гг., о-в Вапуа-леву, с англ.

¹ Вата-пи-руве-кула (краткая форма На-руве-кула), букв. «рукоятка красного тесла», легендарная лодка воинов Сиетура, главным в которой является Кали-ни-втунаава. Ср. также № 101.

² Ва-друа-воно-кула — впередсмотрящий на лодке Вата-ли-руве-кула.

³ Высматривание земли в океане — ритуал и одновременно испытание, и Ва-друа-воно-кула одевается подобающим образом.

⁴ Лодка героев Сиетура мыслится такой огромной, что Ва-друа-воно-кула свободно умещается в «гнезде» на мачте, через которое проходят канаты, прикрепляющие парус к этой центральной мачте.

⁵ Название тапы указывает не только на ее необычный цвет (голубой), но и на связь этой важной реликвии, хранимой сиетура, с миром сверхъестественного. Ср. здесь № 25, примеч. к нему, а также [55, с. 70—110]. Ср. также № 100, где Сау-ни-коула также восходит по полосе тапы.

⁶ Лодка из Вати-идири-идунга действительно больше лодки, плывущей из Сиетура, но в устах врагов сравнение последней с банановым черенком означает неприкрытое глумление.

⁷ Соко-и-васа — «настоящее», низовое имя вождя На-улу-матуа, ср. ниже в тексте. Не подчиняясь На-улу-матуа и не считая нужным оказывать ему должные знаки уважения, вражеский вождь называет его так, словно бы он был обычным человеком.

Интересно, что в этом тексте, как и в других, весьма точно записанных Б. Квейном от информантов, имеются непоследовательности: сначала вожди как бы знают, кто является к ним, затем же, после поражения, спрашивают воинов, откуда они (не-

смотря на то, что и сами герои из Сиетура не таясь называют себя).

⁸ См. № 94 и особо — примеч. 4 к нему.

⁹ Дерево, о котором идет речь (оно упоминается и в других текстах, например в № 97), необычно: оно растет у дома великого духа и, подобно ему самому, является табу.

№ 97. [71]. 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

1 Вусо-ни-лаве-дра — сын (по другим версиям, младший брат) Вусо-ни-лаве, любимого героя эпоса явусы Сиетура.

² Квейн замечает [71, с. 148], что его информант Соломони, возможно, стал столь подробно описывать перенос бревен из леса лишь «для вящей пользы этнографов», поскольку его стилю это в принципе не присуще.

³ Камень, на который должен подняться всякий, кто приходит к духу без злого умысла. Подразумевается, что, если помыслы пришедшего чисты, камень издаст какой-то звук (ср. здесь — Инго-инго просыпается, разбуженный звуком), если же нет — камень молчит.

⁴ Ночное путешествие опасно сверх меры: в темноте человека везде подстерегают злонамеренные духи, поэтому только очень серьезная необходимость не позволяет отложить поход до света.

⁵ По замечанию Квейна [71, с. 150], у Кали-ни-вутуапава ничуть не больше прав на благословенность Ингоинго-а-вануа, чем у А-ке-ло-ни-тамбуа; естественно, что пристрастный дух хочет избежать встречи с тем, кого он обошел в своих непостоянных привязанностях.

⁶ О глашатаях и вождях-ораторах см. [46].

⁷ О взаимоотношениях духа и человека см. Вступительную статью. Ср. также № 2, 3, 62 и [9, с. 80—86; 12, № 99].

⁸ Здесь описана традиционная подготовка к военным действиям, а отнюдь не подготовка к обычному состязанию.

⁹ Важным знаком поражения и одновременно знаком утверждения победителей является символический захват земли врага. Этую землю переносят к себе (ср. во Вступительной статье о мане), как здесь, либо, реже, оставляют там, где она и была (ср. № 107), считая при этом «своей», землей победителей. Главным же является получение с этой земли даров и плодов, что объясняет заговор, произносимый А-ке-ло-ни-тамбуа над землей Сиетура. Естественно, что земля со святилища врагов обладает наибольшей ценностью для победителей.

№ 98. [71], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

¹ Как отмечает Квейн [71, с. 155], в первой трети прошлого века свиньи стали наносить серьезный ущерб полям и урожаям фиджийцев, поэтому бедствие, описываемое здесь, пусть и преувеличено, но отнюдь не выдумано.

² Вусо-ни-лаве движется на северо-восток о-ва Вануа-леву.

³ Принятие даров означает, что Занги-кула согласен исполнить то, о чем его просят.

⁴ Фиджийские правила подразумевают указывать гостю, когда он должен уйти и каковы вообще должны быть его действия; см. ниже в тексте, где На-улу-матуа, хозяин, предписывает Занги-кула запечевать в Сиетура.

№ 99. [71], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

Один из главных героев этого рассказа — дух Ндаку-вапга, «фиджийский Нептун» [97, с. 373]. Ндаку-вапга является людям в облике акулы с замысловатой татуировкой на брюхе. Культ этого

духа был широко распространен на Фиджи (об акульих духах см. также во Вступительной статье) и особенно поддерживался рассказами об акуле — спасительнице потерпевших крушение в океане (один из таких рассказов о жителе Мбау, спасенном Ндаку-ванга, к которому несчастный стал своевременно взывать, приводится у Дж. Уотерхауса [97, с. 373—374]). С культом Ндаку-ванга был связан запрет на акулье мясо (для ряда разновидностей акул).

По-видимому, в позднейшее время Ндаку-ванга начинает ассоциироваться также с человеком (стариком) — как в данном тексте, где в целом образ духа чрезвычайно профанирован и модернизирован (ср. особенно сцену ареста Ндаку-ванга).

См. также № 101.

¹ Подчиненные деревни — нгали (см. Глоссарий). Квартал поселка соответствует здесь одному матангали.

² Ср. примеч. 4 к № 97.

³ Ср. примеч. 3 к № 98.

⁴ Подразумевается, что злодеем мог бы оказаться более злой и непреклонный дух, дух-людоед.

№ 100. [71], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

¹ Как указывает Б. Квейн [71, с. 112], представления об этом вожде у самих сиетура довольно туманные: известно лишь, что он жил «в старинные времена», был современником и, возможно, ровесником На-улу-матуа.

² Мбуре-ни-вотуа — «дом Вотуа», где Вотуа — издревле населенная местность на о-ве Вануа-леву, упоминаемая также в № 108, 109. Мбуре-ни-вотуа — постоянное для рассказов сиетура позвание дома, в котором живет герой Зоке-ни-веси-кула.

³ Б. Квейн переводит Зоке-ни-веси-кула как «снятие веток с greenheart tree». Вероятно, более адекватной будет интерпретация имени как «появление веток на [дереве] веси-кула» (веси-кула — разновидность *Afzelia bijuga*, с красноватой древесиной и красными прожилками листьев). Веси-кула, в силу своей окраски, считается деревом вождей (ср. примеч. 6 к № 49), средоточием особой магии; таким образом, в имени героя заключено указание на его связь со сверхъестественным. Рассказы информантов Квейна о Зоке-ни-веси-кула разноречивы [71, с. 112]. Один из рассказчиков утверждает, что Зоке-ни-веси-кула был отмечен великим предком, хранителем Сиетура — Саро-ванга-ке-и-вуя — как его преемник. Став таковым, он принял имя Ингоинго-а-вануа (ср. № 97—99). Но mentionию другого информанта, Ингоинго-а-вануа и Зоке-ни-веси-кула — разные лица и Зоке-ни-веси-кула не дух, а человек, герой прошлого.

⁴ Квейн переводит Сау-ни-коула как «власть золота» и считает в связи с этим, что имя претерпело позднейшие фонетические изменения (до колонизации золото на Фиджи известно не было). Скорее значение имени — «громогласная, крикливая» (букв. «ответ с криком»), и в самом нем может быть скрыто указание на строительный характер Сау-ни-коулы.

⁵ Саро-ке-и-вуя — сокращение от Саро-ванга-ке-и-вуя (см. примеч. 3). Несомненно значимая в этом эпизоде связь великого духа со священной тапой; ср. также № 25 и примеч. к нему, № 96 и примеч. 5 к нему.

⁶ Вероятно, здесь восхождение по тапе означает, что Сау-ни-коула должна приобщиться тайнам сверхъестественного и благодаря этому найти себе мужа. В то же самое время подчеркивается, что Сау-ни-коула, только что сама отвергшая мужей из Спе-

тура, превосходит их по благородству и не ступает по земле (ср. № 63, где Сина-те-ланги идет от лодки к дому по расстеленной вдоль дороги тапе).

⁷ Эпизод «торга» между Зоке-пи-веси-кула и Мба-ни-сину очень показателен. Тамбуа — величайшая ценность, и, принося Зоке при сватовстве сто (!) зубов кашалота, Мба-ни-сину подчеркивает и знатность невесты, и самое свое желание взять ее в жены. Отказ Зоке принять аузы кашалота означает, что, по его мнению, их недостаточно (только получив двести пятьдесят зубов, Зоке-пи-веси-кула уступает). Следующий на это ответ Мба-ни-сину (пусть зубы кашалота останутся у порога дома) — свидетельство его неоступности и одновременно высшей щедрости.

⁸ Ндакуа — смолистое вечнозеленое дерево, *Dammara vitiensis*. Наполния стебли смолой, Мба-ни-сину готовит себе светильники, чтобы двигаться в темноте.

⁹ Подразумевается, что дух Сау-ни-коулы временно мог воплотиться в каком-то речном создании (рыбе, ракке и др.). Причины этого превращения неясны. Квейн полагает, что Сау-ни-коула связана именно с акульими духами [71, с. 115], однако прямо это и откуда не следует.

¹⁰ Поскольку здесь, как и в других рассказах героического эпоса снетура, описывается время расцвета вождества (см. Вступительную статью), естественно, что вождество занимает большую территорию и имеет столицу (главный поселок).

¹¹ Ва-лили — гора высотой ок. 1,2 км; служила естественной крепостью для жителей Сея-игаса.

¹² Как отмечает Б. Квейн, невозможность для Мба-ни-сину сразу отвести девушку к себе объясняется здесь тем, что он не подготовился должным образом к свадебному пиру. Для нее же, с ее строптивым правом, это — свидетельство несостоятельности того, кто ее домогается. Зоке-пи-веси-кула закрывает глаза на неготовность жениха к свадьбе (понимая, что зубы кашалота ценнее) и в то же время получает повод не вносить своего, положенного ему, вклада в свадебные расходы.

¹³ Скорость, с которой Мба-ни-сину и Сау-ни-коула зачинают и производят на свет своих детей, — знак их сверхъестественной сущности, а к тому же свидетельство необычной мужской силы Мба-ни-сину (которая тоже связывается со сверхъестественным началом: духи, сами обладающие ею в сто крат больше, чем человек, могут прибавить ее человеку или отнять ее у него).

¹⁴ Имена детей (здесь и ниже в тексте) Мба-ни-сину и Сау-ни-коулы (соответственно «факел над потоком», «изгиб зуба кашалота» и «затерянная в красном коралле») отражают историю сватовства Мба-ни-сину. В имени Зипа-и-ваи-сали помимо этого заложено указание на предначертанное ему занятие, см. ниже в тексте.

Называя детей, Зоке-ни-веси-кула показывает, что берет их под свое покровительство.

¹⁵ Дети Мба-ни-сину и Сау-ни-коулы не только переживают чудесное рождение, но и проходят сверхъестественное развитие: младенец тотчас же превращается в юношу.

¹⁶ По-видимому, это тот же А-кело-ни-тамбуа, который уже вполне взрослым героем появляется в других рассказах, ср. № 96, 97.

¹⁷ По-видимому, речь идет об относительно частном распределении занятий: других рассказов о Сау-ни-коуле как «хозяйке ду-

хов» или Мире-ласе-куле как стряпухе нет, а А-кело-ни-тамбуа — воин, но не дровосек. Зина-и-ваи-сали мог почитаться как один из патронов рыболовства, однако в целом это женское занятие (см. также Вступительную статью).

№ 101. [71], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

О Ндаку-ванга см. вводное примеч. к № 99. Здесь Ндаку-ванга — дух-вождь (см. также примеч. 5).

¹ Красный цвет пищи указывает на высокое положение тех, для кого она должна быть приготовлена.

² Кали-ни-вутунаава движется на восток, причем уже во времена Б. Квейна точное расположение ряда упоминаемых поселков и местностей было неизвестно.

³ На-мба-лемба-ни-ванга — поселок (или крепость) Ндаку-ванга. По Квейну [71, с. 170], этот поселок может быть отождествлен с Мбенау, упоминаемым в № 97.

⁴ Курсивом выделена речь, проговариваемая информантом от лица самого Кали-ни-вутунаава. Имеется ли у этого приема, в прозаических текстах, по-видимому, не распространенного, своя особая нагрузка, неясно.

⁵ Перед Ндаку-ванга как перед великим, сильным и могущественным вождем вся кому надлежит опускать глаза. Кали-ни-вутунаава делает прямо противоположное, тем самым недвусмысленно показывая, что он не считает Ндаку-ванга великим. Это оскорбление усугубляет не меньшее нарушение правил человеческого общения — вторжение на церемонию янгоны.

⁶ Разговор между Вусо-ни-лаве и Кали-ни-вутунаава — характерный пример «зашифрованной» речи, в которой сообщается, что случилось нечто, не терпящее отлагательств (Кали-ни-вутунаава), предлагается помочь (Вусо-ни-лаве), подчеркивается трудность предприятия (Кали-ни-вутунаава) и подтверждается готовность помочь (Вусо-ни-лаве).

⁷ Призанный впередсмотрящий на лодке воинов Сиетура, ср. № 96 и примеч. 2 к нему.

⁸ Ва-друа-воно-кула известен тем, что может перевоплощаться в ящерицу, и в описании его способа карабкаться вверх обыгрывается сходство с ящерицами.

⁹ Дымящий парус — метафора для обозначения европейского парохода. Ср. ниже и примеч. 10.

¹⁰ На-ванга-вануа (букв. «лодка-земля») — стандартное название европейского судна. Здесь, при употреблении этого имени как собственного, несомненно, важна внутренняя его форма, поскольку лодка врагов описывается как что-то неизмеримо великое.

№ 102. [71], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

Помимо героических подвигов жители Сиетура прославили себя как лучшие плотники на о-ве Вануа-леву и хранители тайн этого ремесла.

По-видимому, в рассказе описывается традиционный для о-ва Вануа-леву тип жилища, вытесненный затем так называемым тонганским типом (ср. Вступительную статью). Подробнее см. примеч. 2 к № 108.

№ 103. [71], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

¹ По замечанию Б. Квейна [71, с. 181], сооружение дома для Вале-лоа (см. № 102) заставило весь о-в Вануа-леву с удвоенной силой говорить о рождестве Сиетура и тем увеличило и без того значительный интерес к его героям.

² Здесь чрезмерно подробно отписывается обычная процедура

сбора в путь. Квейн считает, что это способ высмеять жителей Сея-нгаса, которые в фольклоре Сиетура подвергаются постоянным насмешкам.

³ Сиетура возводят себя к древнейшему фиджийскому вождеству Верата (см. Вступительную статью).

№ 104. [71], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

¹ Тем самым вожди Япдали показывает, что не хочет принимать людей из Вуя как гостей. Ср. № 42, где приплывшим духам не выносят никакого угощения.

² Палицы из гибискуса использовались только в ритуалах, поскольку древесина гибискуса очень непрочная. Очищенный от коры гибискус имеет такой же желтоватый оттенок, как прочное ава-вuna, что и объясняет зрительную ошибку вождя Вуя.

№ 105. [72], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

¹ Сказанное означает, что часть всякого урожая, собираемого на землях Драка-ни-ваи, будет отходить к Рату Иноке. В знак своей клятвы Рату Тевита приносит Рату Иноке завернутую в лист пальмы горсть земли Драка-ни-ваи (см. ниже в тексте).

² Произнесение клятвы во многом похоже на произнесение заговора, и формульная повторяемость здесь — одна из важнейших черт. Повторы сопровождаются ритмичным хлопанием в ладони.

³ Здесь хлопанье в ладони и согласие взять зуб кашалота означают обещание помощи.

⁴ Здесь имеется в виду не один поселок Дрекети, главный в вождестве, а все одноименное вождество. Рату Иноке — вождь поселка Дрекети, что делает его первым человеком и во всем вождестве.

⁵ Слушатели Рату Иноке понимают, что это означает обещание приносить в Дрекети часть всякого урожая (ср. примеч. 1).

⁶ В ряде местностей Фиджи (особенно на востоке) длинные плетеные пояса (изготовленные из перьев, волос, растительных волокон) составляли особое украшение воинов. Пояс, много раз оборачивавшийся вокруг талии, ценился тем больше, чем длиннее и ярче он был.

⁷ Воины приходят поодиночке, чтобы не привлекать внимания врагов.

⁸ Вождь из Тавуа, по-видимому, связал отношениями родства или свойства с Рату Ионе.

⁹ В больших, наиболее важных поселках данной местности одному или нескольким высоким вождям подчиняются вожди низшего ранга. В малых («вассальных») поселках вождю, занимающему менее высокое положение, подчиняются только молодые воины.

¹⁰ Обязательный ритуальный пир перед началом военных действий; необходимой частью такого пира является задабривание духов-покровителей, духов войны.

¹¹ Так воины из Дрекети обманывают врагов (при этом неожиданным образом выясняется, что они знают о засаде). Они выходят на северо-западное побережье о-ва Вануа-леву западнее поселка Саро-ванга, обходят по прибрежным водам устье р. Саро-ванга, высаживаются восточнее, чтобы затем, двигаясь дальше на восток уже по берегу, спокойно вернуться в Дрекети.

¹² Со-леву и является способом получить то, что нужно вождю.

¹³ Кровь — это вместилище большой жизненной силы (см. во Вступительной статье о мане). Чтобы мана не была обращена против родственников погибших, надо спрятать кровь — похоронив ее

в своей земле. Здесь, поскольку со времени падения На-мбете-ни-идио проходит много лет, захоронение крови, по-видимому, должно посить символический характер.

№ 106. [72], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

№ 106—110 записаны Б. Квейном в местности На-корока в центральной части о-ва Вануа-леву от местных вождей.

¹ Поселок вождества Дрекети в Мазуата.

² Вождь Дрекети здесь — Рату Ипоке, см. о нем также № 110.

³ Здесь Ра Намоса явно отождествляется с каким-то духом океана, «хозяином рыбы».

⁴ Как указывает Б. Квейн [72, с. 43], Сивоа — часть (квартал) поселка На-дроро. По-видимому, Ра Намоса выступает в рассказе помимо всего прочего как вождь этого квартала (т. е. вождь матангили, живущего в нем).

⁵ Прибегая к огнестрельному оружию, воины как бы умаляют и даже подвергают сомнению свою собственную силу. Ср. № 94 и примеч. 4 к нему.

⁶ Воинский клич жителей На-дроро, ср. № 41. Обычно в клич входит имя родного поселка (местности).

№ 107. [72], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

В тексте очень много неясностей; очевидно, уже информант Б. Квейна рассказывал его со значительными пропусками.

¹ Имеется в виду кровь их жертв, в которой, по фиджийским представлениям, сосредоточена большая мана.

№ 108. [72], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

¹ Под «нышнним» вождем подразумевается Мбули-сиво (см. № 109), действительно управлявший поселком Вотуа и всей местностью На-корока в середине 30-х годов XX в.

² Залив Рукуруку, на западном побережье пров. Мбуа, лежит примерно в 20 км от На-корока, однако отделен от внутриостровной местности высокими горами. Поэтому со стороны залива, замечает Б. Квейн, можно увидеть только неестественно высокий дом. По мнению Квейна, дом Рату Самели, описываемый здесь, был старой фиджийской конструкцией: высокие опорные столбы паверху круто загибались внутрь и сходились к срединной коньковой балке.

³ На-кара-вале — букв. «только приветствие», т. е. приветствие без ответа. При приближении к дому человека, занимающего высокое положение в обществе, должно быть произнесено некоторое фиксированное приветствие. Хозяин или кто-то другой вместо него должен ответить на приветствие и пригласить путников в дом. Молчание в ответ на приветствие — позор для дома (ср. [72, с. 38]).

⁴ Подразумевается, что почести, воздававшиеся священной особе Маки-ни-валу, превосходили все знаки внимания, положенные фиджийским вождям (полипезийцы достигли в культе своих вождей гораздо большего, чем другие народы Океании).

⁵ Иносказательная оценка врагов («слабый дождь») и предварение скорой победы («выходящее солнце»).

№ 109. [72], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

¹ О Рату Самели см. № 108.

² Имеются в виду празднества, связанные со сбором первого ямса и таро в марте — апреле по европейскому календарю. В целом же традиционный фиджийский хозяйствственный календарь был следующим:

январь — сбор раннего ямса, высаживание бананов (старые бананы плодоносят, исходят тантяпский капитан и падава);

февраль — посадки сахарного тростника, сбор ндава и таитянского каштана; охота на морских черепах;

март (месяц грозовых дождей) — созревание ямса, начало его сбора, приуроченное к этому строительство хранилищ для ямса; сбор цитрусовых; охота на морских черепах;

апрель — активный сбор ямса; сбор цитрусовых и плодов малайской яблони; строительство новых домов

(февраль — апрель назывались месяцами дождя, март — апрель назывались также «месяцами земли», т. е. месяцами интенсивной ее обработки);

май — окончание сбора ямса, подготовка новых полей; заготовка аррорута; ловля рыбы сетью; строительство домов;

июнь — сбор фруктов;

июль — распределение полей под вторую посадку ямса

(июнь — июль — «холодные месяцы»);

август — сентябрь — вторая посадка ямса, сладкого картофеля, каваи; много цветов и фруктов

(август — сентябрь — вулаи-тейтеи «время, [когда все] сажают в землю»);

октябрь — посадки каваи, второй сбор плодов малайской яблони и хлебного дерева; цветение таитянского каштана;

ноябрь — сбор крупных (поздних) плодов малайской яблони и плодов хлебного дерева; сбор дикого ямса; ср. также примеч. к № 62;

декабрь — посадки бананов (по [100, с. 101]).

³ О структуре явусы см. Вступительную статью.

⁴ Вождество На-корока складывалось из пяти местностей, каждая из которых называлась по главному поселку: Вотуа, На-дроро, Мбулене, Тавуа и Роко-ванга. Ср. [72, с. 30—80].

⁵ Здесь речь идет о распространенном фиджийском обычаяе. Молодые люди отправлялись в чужой поселок и начинали петь и танцевать на рара, воспевая, в частности, то ценнейшее, за чем они пришли. Поскольку тапа (маси) составляла одно из важнейших в традиционном обществе богатств, походы за тапой были часты и дали общее название обычая (букв. «пение и танец для получения тапы»; другое название этого же обычая — «меке за зубы кашалота»). Если хозяева поселка не отдавали желаемого гостям добровольно, ценности отбирались силой. Ср. [72, с. 40].

№ 110. [72], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

По Б. Квейну [72, с. 45—46], действие рассказа происходит около 1870 г.

¹ Квейн отмечает, что этот Рату Лала-вануа — иной, чем упоминаемый в № 108, 109.

² Дра-ни-кау (букв. «лист дерева») — колдовство, гомеопатическая магия, состоящая, в частности, в том, что из зеленого листа (обычно из листа кокосовой пальмы или банана) вырезают фигуру человека, против которого направлено колдовство, обертывают ею ствол ассоциируемого с ним дерева и произносят нужный заговор.

³ Имеется в виду переход Фиджи под опеку Великобритании (см. Вступительную статью).

⁴ О Ра Масима см. [72, с. 45 и сл.]. Этот вождь, наполовину тоиганец, подчинил себе и христианизовал всю провинцию Мбуа на о-ве Вануа-леву.

⁵ Туранга-ни-лава (букв. «вождь закона») — представитель исполнительной власти, прикрепленный к каждой провинции. На на-

чальном этапе введения английских законов все турнга-ни-лава были фиджийцами.

⁶ Внук Маки-ни-валу, см. № 108.

⁷ В начале английского администрирования фиджийскую полицию, о которой идет здесь речь как о войске «солдат», составляли мбауанцы и левукаанцы с о-ва Ова-лау (Ра Масима отправляется в Левуку на Ова-лау).

⁸ Имеет место совершенно необходимый ритуал вызывания к своим военным духам перед походом. Раздавая воинам то, что остается от угощения для духов, Рату Тевита увеличивает ману каждого: новая мана заключена в освященной пище.

⁹ Восток Ваи-нуу пе был подчинен вождю Мбуа, и беглецы могли чувствовать себя там в безопасности.

№ 111. [95], 60-е годы XX в., о-в Вити-леву, с англ.

¹ Ср. примеч. 2 к № 109. Подразумевается, что ямс взойдет плохим, если посадить его в дождливые месяцы (март — апрель), не дождавшись сухих и холодных июня и июля.

² О приготовлении мбокола в земляной печи см. Вступительную статью и [99, с. 151—182].

³ Тиви-мбута-дрока — «улавливающая и пропеченное, и недопеченное», т. е. палица, бьющая без промаха. Сулуга-ндаму — «красная (огненная) сулуга», в имени — намек на силу и скорость палицы.

№ 112. [90], 10-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

¹ Действие происходит на о-ве Лакемба в конце 60-х годов XIX в. Под новой верой подразумевается христианство (методицизм).

² Подразумевается, что христианская церковь еще не была сооружена, и богослужения отправлялись в специально отведенном для этого доме обычной конструкции.

³ Важный этап экономического освоения островов Океании, в том числе Фиджи, был связан с выращиванием на них хлопка (со второй половины XIX в.).

⁴ Мастер Элисони — искаженное «мисгер Эллисон»; вероятно, прапитатель.

⁵ Уроженцы о-ва Тапиа — законтрактованные рабочие с новых Гебрид (к началу 70-х годов XIX в. на Фиджи трудилось уже около двух тысяч рабочих с различных островов Океании).

№ 113. [83], 1860—1861 гг., о-в Вити-леву, с англ.

¹ Кури-ланги — разновидность культивируемого таро, *Colocasia antiquorum*.

² Куру-ндуандуа — вождь местности На-моси на о-ве Вити-леву; был вождем в 60-е гг. прошлого века, наследовал своему отцу Рату-и-мбула, правившему в 40—50-е гг. XIX в.

№ 114. [58], 10-е годы XX в., место записи неизв., с англ.

Сказка записана со слов миссионера-фиджийца, работавшего на о-вах Д'Антркасто. Вероятно, информант Д. Дженнеса происходил с о-вов Лау; на это указывает произношение названия дерева (лауанскому [f] повсеместно на Фиджи соответствует [v]).

¹ Мафа, по-видимому, тропическое дерево *Macaranga thalictroides* или *Alectryon grandifolius*.

№ 115. [23], конец XIX — начало XX в., о-в Вити-леву, с англ.

Персонажи сказки — персонифицированные ценности традиционного фиджийского общества: зуб камалога (тамбуа), напиток из корня *Piper methysticum* (яигона) и свинина (пуака), являющаяся

привилегией людей высокого положения и раздававшаяся во время потлачевидных пиров.

¹ А. Брустер не уточняет конкретного места о-ва Вити-леву, в котором был записан данный текст. Можно только предполагать, что под бегущим ручьем подразумевается какой-нибудь из небольших притоков р. Рева на юго-востоке острова (Брустер много работал в этой части о-ва Вити-леву).

² Огромная чаша — тапоа, см. Вступительную статью и Глоссарий.

³ Зубы кашалота хранили в связках, сложенных в специальные корзины либо ящички; ожерелья или единичные пронизки из зубов кашалота подвешивали на шею — это было знаком власти, силы, богатства.

№ 116. [54], 20-е годы XX в., о-в Зикомбия, с англ.

№ 117. [97], конец 50-х годов XIX в., о-в Вити-леву или о-в Мбоя, с англ.

¹ Веи-вана-зоро-драву — метание дротика в мишень.

² Веи-нгапе-ни — люди, находящиеся в классификационных отношениях брата и сестры (либо один из членов такого отношения). На востоке Фиджи брат и сестра считались табу друг для друга и обязаны были избегать друг друга (см. Вступительную статью). Отсюда второе значение веи-нгане-ни — обычай избегания братом и сестрой друг друга.

³ В черный цвет раскрашивали лицо и тело воины перед сражением (ср. примеч. 4 к № 86 и 103).

⁴ В знак скорби по умершему высокому вождю выбивали себе зуб или отрубали мизинец (ср. Вступительную статью и № 118). По отрубленному пальцу сестры герой понимает, что она считает его умершим (тем не менее, надеясь на его возвращение к жизни, она метит свой путь вверх капельками масла, см. далее в тексте).

⁵ Основание Небес, Край Небес — запредельные, недоступные человеку миры, населенные великими духами. По ряду фиджийских представлений, в эти потусторонние края отправляются после смерти духи больших вождей и легендарных героев. Из небесных миров ведут свое происхождение культурные растения (мотив, более популярный в восточной части Океании, ср. [12, № 7, 8, 70]). Попасть в небесные края можно, по разным версиям, следующим образом: взобравшись по достигающему неба дереву (например, № 118); по тропе духов (как в данном тексте); доплыv до горизонта, откуда уходит вверх основание небес (ср. № 44). В целом в фиджийской мифологии более распространены представления о подземном (подводном), а не о небесном, потустороннем мире, ср. № 49—53. Ср. также следующее примечание.

⁶ Подразумевается, что бабка девушки умерла и ее дух попал не в Мбуруту (Мбулу), как можно было бы ожидать (ср. № 49—51), а на небо. Знатное происхождение женщины делает ее в краю высоких духов достойной тамошнего вождя.

⁷ Каукау — совокупность даров, приносимых в со-леву (см. Глоссарий). Кроме того, под каукау понимаются дары, приносимые вновь избранному вождю в знак признания его власти и могущества. Здесь, вероятно, соединяются оба звучания: бабка должна принести юноше каукау и как признание его восхождения к власти (в ближайшем будущем), и как то, чем он сможет отдать вождей небесного края. Особый дротик, необычные плоды,

отличающиеся от привычных ндава, также указывают на высокое положение их обладателя.

№ 118. [36], 70-е годы XIX в., о-в Лакемба, с англ.

Рассказ записан Л. Файсоном со слов Соко-ту-ки-веи, уроженца о-ва Мбау. В тексте чувствуется несомненное влияние тонганского фольклора.

Одноглазый дух или герой — популярный персонаж океанийских сказок, ср. здесь № 49, где Мата-ндуа — одно из имен Туилику. Наряду с гиперболой и преуменьшением (т. е. приемами, связанными с изменением масштаба описываемого) упоминание какого-либо очевидного физического недостатка (один глаз, одна рука — ср. Линга-ндуа в № 49, 50, 57) — простой и часто используемый способ показать необычность персонажа.

¹ Фиджийская двойная лодка имеет асимметричные корпусы, больший и меньший. Меньший корпус выполняет функцию балансира (восточнофиджийск. зама, см. в тексте); больший, несущий корпус называется ката (по-видимому, от англ. cutter «катель»; раннее название неизвестно).

² На меньшей палубе двойной лодки размещались худшие, низшие по положению из плывущих на ней, в данном случае женщины. Вождь иносказательно, но вполне прозрачно отдает приказ убить и съесть одну из них, что и разъясняется ниже в тексте (возможно, само это разъяснение введено информантом в расчете на менее осведомленного, чем любой его соотечественник, европейского миссионера).

³ См. примеч. 1 и 2.

⁴ Значение имени неясно. Л. Файсон переводит его как «забытая», что сомнительно.

⁵ Перед тем как свалить дерево, его опаливали, снимали кору и насколько возможно — ветки.

⁶ Веревка нужна Таусере, чтобы скреплять поперечные балки и опорные столбы, а также сплетать вместе бамбуковые стебли, образующие простенки.

⁷ Вавау — северная группа островов в архипелаге Тонга.

⁸ Океанийцы не знали якорей. Лодку укрепляли у берега на веревках, обмотанных вокруг вогнанных в землю вертикальных якорных колец (как правило, ставили три кола, образующие вершины треугольника).

⁹ Духи в Мбуроту предначертывают знатному человеку умерть и, чтобы его дух благополучно достиг загробного мира, посылают за ним проводника или гонца.

¹⁰ В птичке воплощается дух Талинго.

¹¹ Ср. почти тождественное описание встречи одноглазого Муни со своим отцом в тонганском фольклоре [12, № 90].

¹² Анга-тону (тонганск. «справедливый; верный, преданный») — вождь-оратор при Туи Тонга; как и подобает вождю-оратору, он произносит длинные, витиеватые речи (см. ниже в тексте).

¹³ Ср. о противнике Муни великане Пунга в [12, № 90].

¹⁴ Животное-альбинос связывается со сверхъестественными силами.

¹⁵ Муа — поселок верховных вождей Тонга (Туи Тонга) на о-ве Тонгатапу (крупнейший остров тонганского архипелага). Хи-хифо (букв. «запад») — название западной части о-ва Тонгатапу, где и находился поселок Муа, являвшийся с XI по XVII в. настоящей столицей Тонга.

№ 119. [36], 70-е годы XIX в., о-ва Лакемба, с англ.

Дитя (Сын) Солнца — распространенный океанийский мотив, ср. [12, № 1, 43; 15, с. 29 и сл.; 18, с. 19—25; 70, с. 81 и сл.].

По-видимому, здесь эти два слова ничего не значат, хотя «мелаиа» может быть связано с тонганским *mele'ia* (*mela'ia*) «ущербный; скверный», а «монуиа» — с тонганским *monu'ia* «счастливый». Если слова все-таки небесмыслены, становится более понятным, почему Сын Солнца, следя за их значению, идет наперекор воле отца (см. ниже в тексте).

№ 120. [71], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

¹ Мануману (букв. «животные») — вымыщенная явуса.

² Ндоко (или ндока-ни-мбу) — кустарник, *Psychotria dentata*, Rubiaceas.

№ 121. [52], 20-е годы XX в., о-ва Лау, с англ.

№ 122. [35], 70-е годы XIX в., о-в Мбау, с восточнофиджийского.

Повторено с уточнениями в [21], запись 40-х годов XX в.

Текст представляет собой вариант популярнейшего океанийского сюжета «ссора двух животных», ср. [12, № 136; 18, с. 17].

№ 123. [71], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

Сходный текст приводится в [23]; он записан А. Брустером на о-ве Вити-леву, что указывает на широкое распространение сюжета.

№ 124. [71], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

¹ Ср. образцы меке, исполняемых при переносе лодки, во Вступительной статье и в [37, с. 15, 22 и сл.; 78; 79, с. 45].

№ 125. [71], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

Фиджийский вариант сказки о лисе и журавле.

¹ Подголовники называются собственными именами, и эти имена значимы. Кали-ни-лоло — «подголовник прилива», т. е. высокий деревянный подголовник; кали-ни-вока — «подголовник отлива», т. е. низкое сооружение для сна. Выбирая высокий подголовник, кустарница, сама того не зная, обрекает себя на бессонную ночь (см. ниже в тексте).

№ 126. [83], 1860—1861 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

Повторено в [92]; практически тот же текст дается в [71] (ср. русск. перевод в [18, № 89]).

¹ Скаровая рыба называется также рыбой-попугаем, ср. [18, с. 201, 623].

№ 127. [71], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

№ 128. [71], 1935—1936 гг., о-в Вануа-леву, с англ.

¹ Ндоли, или ндолиндоли, — прибрежная птица небольших или средних размеров, *Heteroxejus incanus*.

№ 129. [36], 70-е годы XIX в., о-в Лакемба, с англ.

До колонизации кошки на Фиджи известны не были и первое время после своего появления на островах действительно приводили местных жителей в трепет.

¹ Под большой лодкой имеется в виду европейский корабль. Хаапаи — центральная группа островов в архипелаге Тонга. Вероятнее всего, здесь речь идет о расположеннном в этой группе о-ве Лифука, с которым фиджийские левуканцы (лифука) связывают свое далекое прошлое, ср. № 82.

² Алоало — тонганский дух, хозяин ветра и погоды, патрон мореплавателей. Свидетельств какои-либо особой связи Алоало с о-вами Хаапаи в тонганском фольклоре нет.

³ Здесь дается популярное объяснение того, как тонганцы попали на Фиджи (а именно на о-ва Лау); они служили у фиджий-

цев паемпами солдатами (вполне вероятно, что в этой версии есть доля истины).

№ 130. [61], конец 90-х годов XIX в., о-в Мбау или о-в Вити-леву, с англ.

Записано со слов губернатора Фиджи сэра Джона Серстона (состоял на этом посту в 1888—1897 гг.). Рассказ-анекдот интересен с точки зрения трактовки фиджийских правил поведения с врагом: противника предупреждают о нападении, дают ему скрыться, и важнейшим в отношениях с ним является нанесение материального ущерба. В связи с этим см. также Вступительную статью.

131. [42], 80-е годы XIX в., о-в Вануа-леву (?), с англ.

В рассказе описывается самоубийство из-за несчастной любви. Религиозное мировосприятие океанийцев, фиджийцев в частности, не относило самоубийства к противоестественным поступкам. Ср. также [12, № 119, 128].

¹ Имена сестер — Ваве-друса (любимая жена) и Се-ни-кумба (нелюбимая). Ср. второе имя в № 22. Возможно, данный рассказ о сестрах — редукция мифологического рассказа о сестрах-духах (Матанги, ср. примеч. 5 к № 46).

² Следующие стихотворные строки — речь оскорбленной сестры.

³ Моли — обобщенное (родовое) название цитрусовых.

⁴ Се-ни-кумба уже решила умереть и готовится к смерти, сакральпейшему событию; ее убор и одежда должны соответствовать торжественности совершающегося независимо от причины, ведущей к самой смерти.

⁵ Имеется в виду поселок группы сиетура (На-муа-воивои), описанный Б. Квейном в [71]. Ср. № 94—105.

⁶ Чиханье и кашель рассматривались как предзнаменования (знаки, подаваемые яло — духом человека), причем этим знаменятия могло быть приписано самое разное содержание.

⁷ Это означает, что Се-ни-кумба видит лодку вождя (своего мужа), украшенную по бортам белыми раковинами каури, ценившимися очень высоко (ср. примеч. 3 к № 53).

№ 132. [42], 80-е годы XIX в., о-в Вити-леву (?), с англ.

¹ Тонганки считались на Фиджи красивее фиджийских женщин, ср. также описание Талинго в № 118.

№ 133. [52], 20-е годы XX в., о-в Лакемба (о-ва Лау), с англ.

Кай-се-вау — небольшая птица *Ptilotis* sp. либо *Leptornis viridis*.

ГЛОССАРИЙ

А в а - в у п а (правильно в а - в у п а, букв. «паидапус Вуна») — разновидность пацдануса (см.), дающая особенно прочные и толстые волокна, которые ценятся в плетении.

А и д и см. Н д и.

А р р о р у т — корневища марантовых (а также сами растения) и крахмал, получаемый из них.

Б а л а н с и р — двуплечий рычаг, располагающийся вдоль борта лодки с внешней стороны; совершая качательные движения относительно неподвижной оси, проходящей вдоль поперечной осевой линии лодки, балансир передает усилие всему корпусу лодки.

Б а н а н (*Musa*) — род многолетних растений семейства банановых. Одна из важнейших культур Океании. Представляет собой гигантскую траву с большим питательным корневищем и коротким стеблем. На одном стебле может развиваться до нескольких сотен плодов. На Фиджи традиционно насчитывалось около сорока разновидностей банана.

Б а нъя н (*Ficus obliqua*) — большое дерево с развивающимися из ветвей воздушными корнями, которые подпирают раскидистую крону. Сок используется в народной медицине. Баньян считался у фиджийцев деревом духов и был табу.

В а з у (правильно в а с у) — 1) племянник по материальной линии; 2) отношения между дядькой и племянником по материальной линии, обеспечивающие последнему преимущественные права на все богатства и привилегии старшего. Подобные отношения имели реальную силу только в восточных районах Фиджи.

В а л а и — 1) лиана (*Entada scandens* и *Entada gigas*, *Leguminosae*). Очень распространенное на Фиджи растение, прочный стебель которого используется как веревка. Из толченых и жеванных листьев валай изготавливают растирания. В засуху валай — спасительное растение, так как длинные стебли лианы подолгу сохраняют сок, являющийся тонизирующим и освежающим напитком. 2) Любая прочная веревка, канат.

В а с а (*Serbera odollam*, *Serbera lactaria*) — дерево, достигающее в высоту до 12 м, с красивыми белыми цветами (из которых плетут женские гирлянды) и мягкой древесиной.

В е с и (на о-вах Лая — Феси, *Afzelia bijuga*) — дерево с очень прочной древесиной, которая широко использовалась в строительстве лодок, традиционных жилищ, изготовлении барабанов (см. лали) и саркофагов вождей. Веси считалось деревом

вом табу, и срубить его мог, по совершении особого обряда, только посвященный. Фиджийцы знали до двадцати разновидностей веси.

Т у — 1) первоначало, начало, основа; исток, корень; центр. В фиджийской мифологии образ первоисходного, нетварного существа или прямо происходящего от него сверхъестественного существа. 2) Дух-предок родственной группировки (см. также **калоу-у**).

Г а р д е н и я (*Gardenia*) — вечнозеленые кустарники семейства мареновых с крупными душистыми цветками белого, желтого, красновато-розового и лилового оттенка.

Г и б и с к у с (*Hibiscus tiliaceus*) — древовидные растения семейства мальвовых. Кора гибискуса, разделенная на полоски или отдельные волокна, широко используется в плетении.

Д р а ц е н а (*Dracaena*) — древовидное растение семейства агавовых, с широкими плотными листьями различных цветов (от ярко-зеленого до красного) и соцветиями в виде метелок.

Д р у а (букв. «два») — двойная лодка, «фиджийский катамаран», самое крупное и мощное из фиджийских судов, способное преодолевать большие расстояния и перевозить большое число людей и грузов. Имеет асимметричные корпусы, соединенные общей палубой. Над большим, несущим корпусом располагается крупный треугольный парус; на палубе над этим корпусом ставится закрытый или выполненный в форме павеса палубный дом. Меньший корпус выполняет функцию балансира (см.), на палубе, наведенной над ним, хранятся съестные припасы.

Ж е л е з н о е д е р е в о (восточнофиджийск. ноконоко; *Casuarina equisetifolia*) — листопадное дерево семейства гамамелидовых, достигающее в высоту 25 м. Твердая и сверхпрочная древесина железного дерева использовалась при изготовлении оружия, посохов, служила строительным материалом.

З с м л я н а я п е ч ь — важнейший и, по-видимому, наиболее древний у фиджийцев очаг. Представляет собой неглубокую яму с отверстием малого диаметра (до 50 см). На дно печи закладываются дрова, хворост, поверх — камни или коралловая крошка, при нагревании дающие жар. На раскаленные камни (кропику) укладывается пища, завернутая в листья. Накрывающий пищу слой листьев и дерна служит «крышкой» печи.

К а в а п — одна из наиболее широко распространенных на Фиджи разновидностей ямса, *Dioscorea aculeata*, составлявшая важную продовольственную культуру в традиционном фиджийском обществе.

К а з у а р и н а (*Casuarina*) — дерево или кустарник с прямым стволом и прочной светлой древесиной. Насчитывается до тридцати разновидностей, некоторые из них являлись табу и почитались как деревья духов.

К а и к и — береговой краб, живущий в песке. Мясо кайки ценилось очень высоко.

К а л е б а с а — выдолбленная и высушеннная тыква-горлянка, служащая сосудом для хранения различных жидкостей, реже — пищи.

К а л о у — родовое название духа, носителя сверхъестественного начала, противопоставляемого человеку.

К а л о у - в у — дух-предок, дух начала, дух с функциями демиурга.

Калоу-рере (букв. «пугливый дух», обычно в собирательном значении) — духи леса, «фиджийские эльфы», выступающие в мужском и женском облике. Скрываются от человеческих глаз, боятся света. Для человека не опасны, если только он не потревожит без надобности деревьев, в которых они обитают и которые находятся под их охраной. Калоу-рере приписывалось также необычайное целомудрие и боязнь брака.

Камелия (*Camelia*) — вечнозеленое дерево или кустарник семейства чайных, с широкими плотными листьями.

Каури (*Monetaria moneta*, *Monetaria annulus*) — морской брюхоногий моллюск (семейства ципрей) с красивой блестящей раковиной. Повсеместно в Океании высоко ценились ярко-белые раковины каури, игравшие роль примитивных денег. Накопление этих раковин было престижным занятием.

Каштан, таитянский каштан (*Inocarpus edulis*) — дерево семейства буковых со съедобными плодами и прочной древесиной, хорошо противостоящей гниению.

Киту — круглый узкогорлый глиняный горшок для воды.

Кокосовая пальма, кокос (*Cocos nucifera*) — пальмовое дерево, произрастает преимущественно по побережью. Съедобные плоды (кокосовые орехи), достигающие в диаметре до 50 см, содержат так называемое кокосовое молоко и питательное масло (до 30—50% зрелого плода). Кокосовые орехи — важнейшая хозяйственная культура, широко используются в традиционной кухне. Древесина кокосовой пальмы применяется в строительстве, волокнистое опущение плодов и листья — в плетении, листья служат также кровельным материалом.

Кордилина (фидж. и гаи-кула; *Cordyline*) — дерево или кустарник семейства лилейных. Корень кордилины, приготовленный в земляной печи, является сытым и питательным блюдом, традиционно использовавшимся в океанийской кухне.

Кура (*Morinda citrifolia*) — древовидное растение со съедобными плодами; из коры получают красную краску, из корневища — желтую (для окраски волос, тапы). Кура широко применялась в народной медицине — измельченные листья прикладывались, как компресс, к разного рода воспалениям, опухолям. Кура рассматривалось также как растение, оберегающее человека от духов умерших: считалось, что могильщик, выкопав свежую могилу, должен сразу съесть лист кура, иначе его ждет беда.

Кулик — небольшая длинноногая птица (подотряд ржанкообразных), водится на скалах у берега и в редких лесах.

Куркума (местные названия за го, реренга — букв. «желтая»; а веа; *Cucuma longa*) — травянистое растение семейства имбирных. Из корневища получают ярко-желтую краску, используемую для окраски волос, раскраски тела, в гигиенических целях. Отвар корня куркумы используется в народной медицине для лечения желудочных заболеваний. Толченый корень куркумы — важнейший ингредиент приправы карри. Куркума высоко ценилась на Фиджи, выменивалась на гончарные изделия, плетения, тапу. Считалась священным растением.

Кустарница — небольшая птица семейства тимелевых с коротким широким клювом.

Лали — фиджийский барабан (описание см. во Вступительной статье).

Лангакалл (*Aglaia edulis*, *Aglaia samoensis*) — дерево с ярко-

красными пахучими листьями, считалось священным растением.

Лемба (*Eugenia neurocalyx*) — небольшое дерево. Из цветов и плодов лемба плетут гирлянды, ожерелья, из плодов получают пахучее масло, добавляемое в кокосовое.

Летучая лисица (*Pteropus*) — тропическое животное отряда рукокрылых. Морда заостренная, уши небольшие, голова действительно напоминает голову лисы или собаки. Летучие лисицы живут в кронах деревьев, питаются древесными листьями и цветами. Летучая лисица, особенно светлая, считалась воплощением сверхъестественных сил и была объектом поклонения.

Лику — женская набедренная повязка, представляющая собой пояс с передничком из волокон гибискуса. Ношение лику было знаком зрелости.

Лоту (от тонганского *lotu* «почитать; молить(ся)») — на востоке Фиджи — христианство.

Лысуха — небольшая птица семейства пастушковых, объект промысла.

Мадраи (*mandrai, marai*) — фиджийский «хлеб», плоды, клубни, корневища или корнеплоды, заквашенные в герметичном подземном или полуподземном хранилище, с добавлением различных вкусовых трав. В зависимости от основного ингредиента различается мадраи-ндало (из клубней таро), мадраи-вунди (из бананов), мадраи-иди (из корневища кордилины) и др. В современном употреблении слово мадраи обозначает обычный европейский хлеб.

Макита (*Parinarium laurinum*) — дерево высотой около 15 м с длинными, прямыми ветвями и темно-серой древесиной, используемой в строительстве домов и лодок. Макита считалось священным деревом, и в традиционном фиджийском обществе его листьями покрывали только крыши домов духов и жилищ вождей.

Макосои (реже — макасои; *Canaga odorata*) — дерево, широко известное на Востоке как иланг-иланг. Цветы макосои дают ценное ароматическое масло, листья и кора используются в народной медицине.

Малайская яблоня (восточнофиджийское название ка вика или кавика-нда мундаму; *Eugenia malaccensis*) — дерево семейства мirtовых; плоды, действительно напоминающие яблоки, съедобны. На Фиджи произрастает две разновидности малайской яблони, белая и красная (по окраске цветков); красная яблоня ценится выше.

Мали (в диалектах о-ва Вануа-леву; в диалектах о-ва Вити-леву ему соответствует кау-нда мундаму) — древовидное растение *Myristica castanofolia*.

Мало — диалектная форма слова маро (см.).

Мапа — сверхъестественная сила, заключенная во всем живом и особым образом актуализируемая в некоторых людях, объектах природы, предметах; может утрачиваться и приобретаться.

Мангровы, мангры — труднопроходимые заросли вечнозеленых деревьев и кустарников с наземными воздушными корнями (*Rhizophora mucronata*, *Bruguiera gheedii* и др.); обычно встречаются вдоль берега.

Маниока, или маниок (*Manihot gen.*) — травянистое растение семейства молочайных, из корневища которого получают пита-

тельную пищу (тапиоку). Маниока завезена на Фиджи европейцами, получила распространение с середины XIX в., в настоящее время является, наряду с традиционными пищевыми культурами (ямсом, таро), одной из главнейших в рационе населения архипелага.

М а р о — мужская набедренная повязка из тапы. Ношение маро составляло привилегию взрослого мужчины.

М а с и — 1) в ряде восточнофиджийских диалектов — название тапы, в особенности тапы тонкой выделки. 2) *Broussonetia* rugifera, дерево, из коры которого преимущественно делают тапу. 3) В ряде восточнофиджийских диалектов — мужская набедренная повязка из тапы (см. маро).

М а т а и г а л и — родственная группа, восходящая к единому предку, локализованная на одной территории и объединенная правами коллективной собственности на землю, водные источники, места морского рыболовства и др.

М а т а - и - в а н у а, или **и а - в а н у а** — вождь-оратор, главный советник большого вождя, его глашатай и посланный, центральная фигура, связывающая вождя с общиной и общину с вождем. В обязанности вождя-оратора входило произнесение речей, регулирование церемоний, встреч, ритуалов.

М б о в а и — палица с шишковидной головкой и толстой длинной рукоятью; использовалась преимущественно для нанесения прямых ударов.

М б о к о л а — тело убитого в бою врага, подлежащее ритуальному съедению; человеческое мясо, пища на каннибалистическом пиршестве.

М б у р е - к а л о у — дом духа, небольшое сооружение на святилище (обычно у самого края святилища). Конструкция мбурекалоу существенно отличается от архитектуры обычного дома: дом духа располагается на высокой платформе (иногда эта земляная или каменная платформа вдвое превышает высоту самого домика), в плане представляет собой квадрат, имеет довольно высокие стены и высокую, обычно двускатную, крышу. Из-под основания крыши выведены наружу продольные несущие балки, на которых развешиваются подношения духу (раковины каури, зубы кашалота и др.). Мбурекалоу считается постоянным или временным обиталищем духа, покровительствующего данному локусу. Мбуре не имеет дверей, поскольку считается, что дух входит в него своими, скрытыми от человека путями.

М е к е — песня и танец с элементами драматического представления, важнейший компонент художественного творчества фиджийцев. Насчитываются до двадцати видов меке; некоторые исполняются под аккомпанемент лали (см.), гонга, поющей раковины (см.). Во многих меке ритм отбивают в ладоши сами исполнители. Сакрализованные меке исполняются в специально отведенном месте на рака (см.), обычно прямо перед домом духа. «Профессиональные» меке и меке-заговоры исполняются при начале той или иной работы. Исторические меке обычно исполняются в общепринятом мужском доме.

Н га и - к у л а с м. кордилина.

Н га ли (от восточнофиджийск. *qali* «сгибаться, склоняться, вставать на колени») — территориально-политическая или родственная группировка, подчиненная некоторой другой, платящей ей дань (обычно — плоды первого урожая), обязанный

выполнять на ее землях хозяйственые работы и связанная с ней обязательствами помочи на период военных действий.

Н г а т у — большой, обычно квадратный лоскут тапы. В ряде диалектов крайнего востока и юго-востока Фиджи — общее название тапы.

Н г у м у (*Acacia richii*) — дерево с крупными, пахучими, кремового оттенка цветками. Из коры получают черную краску для лица.

Н д а в а (*Pometia pinnata*) — «фиджийская слива», дерево с мягкими, мясистыми, сладкими плодами. Из древесины изготавливают ящики, коробки, весла лодок.

Н д а м е (пдамоли; *Adenosma triflora*) — травянистое растение с лиловыми цветками и удлиненными, заостренными на концах листьями; листья издают характерный терпкий запах.

Н д а у - н и - в у с у — профессиональный сочинитель меке.

Н д е л е — род меке, исполняемый женщинами поселка при встрече воинов-победителей, несущих в родную деревню добытые в бою тела врагов.

Н д и, или А п д и (букв. «госпожа») — гонорифический показатель при женском имени.

Н д о и (*Alphitonia excelsa*) — кустарник, произрастает в прибрежных районах.

Па и да н у с (*Pandanus*) — древовидное растение семейства пандановых, достигающее в высоту 10—15 м. Имеет придаточные воздушные корни, отходящие от нижней части ствола и ветвей. Прочные волокна коры и листьев пандануса используются в плетении; древесина почти у всех разновидностей мягкая, пористая. Плоды некоторых разновидностей съедобны.

По ю щ а я раковина — рог тритона (*Tritonus*) и раковина моллюска *Cassis* sp., издают характерный протяжный звук, что позволяет использовать их и как сигнальную трубу, и как духовой музыкальный инструмент. Раковины встречались достаточно редко и обычно имелись только у людей, занимавших в обществе высокое положение, располагавших большими богатствами.

Р а (букв. «господин») — гонорифический показатель перед мужскими и женскими именами. В отличие от **Р а т у** (см.) и **Н д и** (см.) употребление **Р а** не зависело от реального положения человека в обществе и его вождеских привилегий. В сказках о животных наименование **Р а** служит также для персонификации героев.

Р а к и, ракообразные. Беспозвоночные животные типа членистоногих. На Фиджи насчитывается до ста видов раков, из них не менее тридцати являются объектом промысла.

Р а р а — открытая прямоугольная площадка в центре фиджийского поселка, обычно ограниченная по своим длинным сторонам рядом жилых домов. На одном конце рара располагается дом вождя, на другом — дом духов (в современных поселках — церковь). В некоторых фиджийских местностях рара обнесены невысокой изгородью или выложены по периметру небольшими камнями. Первоначально на рара отправлялись только ритуалы, в которых участвовали все члены территориальной или родственной группировки; постепенно функции церемониальной площадки расширились, и теперь это — место всех общественных предприятий и событий, происходящих в поселке (коро).

Р а т у (букв. «господин, вождь») — во многих случаях гонорифический префикс при мужском имени, указывающий на привилегированное положение его носителя. Рату, как и Нди (Анди, ом.), распространяется в диалектах востока Фиджи из диалекта области За-кау-идрове.

Р о к о — вождь-правитель, носитель власти. На севере — северо-востоке Фиджи — обращение к человеку высокого положения («господин»).

Р о к о - т у и (букв. «господин вождь») — вождь территориально-политической группировки. На современном Фиджи — исполнительная должность, член совета, стоящего во главе каждой провинции государства.

С а м ш и т о в о е д е р е в о (*Thespia populnea*) — фиджийский самшит (восточнофиджийск. виривири), дерево семейства мальвовых с очень прочной, противостоящей воздействию сырости древесиной, которая используется в изготовлении коробок, ящиков. Листья сердцевидной формы, на ярком свету меняют окраску с желтовато-зеленой на розоватую.

С а н г а (*Caranx* sp.) — крупная морская рыба, объект промысла.

С а н д а л о в о е д е р е в о, с а н д а л (*Santalum yasi*) — вечнозеленое дерево семейства санталовых с ароматной древесиной.

С а у — вождь-правитель территориально-политической группировки, обычно выборный (в разных районах Фиджи выбирался сау на разный срок; обычно срок не превышал одного-двух лет).

С а у - в а п г а — животное, растение, объект неживой природы (чаще всего камень, скала), артефакт (сосуд, корзина, плетение), реже — определенный человек, в которых может временно воплотиться тот или иной дух.

С в е ч н о е д е р е в о (*Aleurites moluccana*) — дерево, из плодов которого получают масло. Высущенные плоды, содержащие до 70% масла, хорошо горят и использовались для освещения, что и объясняет бытовое название дерева.

С е в у с е в у (и-севусеву) — ритуал, состоящий в поднесении вождю либо духу-покровителю корня янгоны (см.), перед каким-либо ответственным предприятием или в знак начала сбора урожая.

С и н у — родовое название ряда кустарников *Drymispermum* (*Thymeliaceae*).

С и н у - с а н г а - л е к а (сину-идина, сину-идаму; *Drymispermum burretianum*) — невысокий кустарник с красивыми, белыми, пахучими цветками, которые дают затем ярко-красные блестящие плоды.

С к а р о в а я р ы б а (рыба-попугай; *Scaropis reggico*) — морская и океанская рыба.

С о в и с о в и — фиджийский жасмин, общее название ряда кустарников с бело-розовыми, мелкими, пахучими цветками.

С о р о — дары, приносимые в знак раскаяния в неблаговидном поступке, покаянные дары; возмещение за нанесенный моральный или материальный ущерб. Обычно в соро входил один (реже — несколько) тамбуа (см.), корень янгоны, плетения (циновки, корзины), рыба, плоды и т. д.

С о - л е в у (букв. «большое собрание людей») — ритуальный обмен дарами; сам набор даров, подлежащих передаче «чужим».

С у л у к а — самокрутка, свернутая из высущенных банановых листьев.

Т а б у — священное, запретное. Система запретов, в том числе запреты на совершение тех или иных действий и предписания относительно определенных людей, животных, объектов неживой природы (считающихся священными). Нарушение табу, по традиционным представлениям, карается сверхъестественными силами.

Т а м а — фиксированная совокупность возгласов, выражавших почтение лица или группы лиц низшего положения при встрече с человеком более знатным, богатым, наделенным властью.

Т а м б у а — зуб кашалота (зубатого кита), являвшийся в традиционном фиджийском обществе большой ценностью. Подношения тамбуа делались в следующих случаях: для получения в обмен на них каких-то иных ценностей; при сватовстве к девушке высокого положения; при рождении ребенка (в этом случае тамбуа подносили духам-покровителям); при смерти жены — тестю; по окончании строительства дома — плотникам; при походах в чужой поселок — его вождям в знак просьбы о помощи; в качестве с о р о (см.); в знак привета высокому гостю; в знак моления о благосклонности — духу.

Т а н о а (из тонганск.) — большая чаша, в которой готовят я п г о н у (см.). Обычно таноа представляет собой полусферический сосуд на трех или четырех коротких ножках.

Т а п а — материя из отбитого луба шелковицы бумажной (*Broussonetia papyrifera*), реже из коры некоторых других деревьев (см. также м а с и, н г а т у).

Т а р о (*Colocasia esculenta*) — тропическое многолетнее растение, одно из древнейших культурных растений, важнейшая культура Океании. Крупные клубни таро достигают в весе до 5 кг. Фиджийцы высушивали клубни, запекали в земляной печи, в измельченном виде готовили в горшках на открытом огне.

Т а у в у (букв. «из одной осповы») — 1) группы людей или индивиды, не находящиеся в кровном родстве, связанные взаимными обязательствами и обмене, распределении и перераспределении продуктов и иных богатств, а также в военных действиях. Каждая группа (индивиду) почитает «своего» духа, однако признает силу и могущество другого духа (духов), почитаемого второй стороной. 2) Отношения между такими группами (индивидуами) — «фиджийское кумовство». Как правило, группы (индивиду), связанные отношениями тауви, живут в разных местах, однако это не является обязательным условием.

Т о м б и (т о м б е) — «кудри девственности» (у девушек). Локоны или неллиные, тонкие косички, начинающиеся на висках и спускающиеся к плечам.

Т у и (из полинезийск.) — в ряде местностей на востоке Фиджи титул высокого вождя, стоящего во главе территориального или политического объединения.

Т у п у а (из полинезийск., употребляется в основном на о-вах Лая) — дух (ср. к а л о у).

У г о рь м о р с к о й (*Congridae*) — название костистых рыб, образующих 22 семейства. Угорь — одна из главных и древнейших промысловых рыб Океании. Обитает на мелководье, может прятаться в расселинах скал и трещинах рифов, в вырытых в грунте норах.

У з п (*Evodia hortensis*) — травянистое растение, фиджийская горечевица, с крупными пахучими цветками.

У л у (у л а) — короткая палица с круглой или луковичной головкой, предназначенная для метания.

Х л е б н о е д е р е в о (*Artocarpus* gen.) — дерево семейства тутовых, с крупными плодами, достигающими в весе до 30 кг. Плоды употребляются в пищу в печеном виде, а также заквашиваются (для длительного хранения).

Я в у с а — родственная группа, объединенная общностью происхождения (члены явусы возводят себя к одному легендарному предку, к некоторой прародине), общностью тотемных растений и т. п. (см. Вступительную статью). Члены явусы, независимо от их расселения, связаны друг с другом взаимными обязательствами.

Я л о (калоу-яло) — дух человека.

Я м с (*Dioscorea*) — важнейшее культурное растение Океании, насчитывающее до ста разновидностей. Помимо культурного ямса фиджийцы использовали в своей традиционной кухне и дикий ямс.

Я п г о п а — напиток, изготавливаемый из разжеванного (растолченного) корня *Piper methysticum*; обладает слабой алкогольностью, имеет тонизирующее действие. Лвлялся священным напитком фиджийцев, употребление которого всегда было связано с каким-либо ритуалом.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ *

А-пгоне-тангане — поселок в Мазуата (о-в Вапуа-леву), в прошлом относился к вождеству Дрскети.

Аива — остров в группе Лау.

Алева-калоу («женщина- дух») — скалистый островок к востоку от о-ва Насава.

Ва-лили — гора и примыкающая к ней местность в центральной части о-ва Вапуа-леву (на границе Мазуата и За-кау-идрове).

Ва-тика — в прошлом поселок на северо-востоке о-ва Лакемба.

Ванау — северная группа островов в архипелаге Тонга.

Ваза-калау — небольшой поселок на юго-востоке о-ва Вануа-леву.

Вазивази — местность и поселок на юго-западе о-ва Лакемба.

Ваи-леву — поселок в северо-западной части о-ва Вануа-леву.

Ваи-лека — ручей и местность на восточном побережье о-ва Вити-леву.

Ваи-леле — местность на юго-западном побережье о-ва Вануа-леву.

Ваи-ливалива — небольшая река и прилегающая к ней местность в предгорьях северо-западной части о-ва Вапуа-леву.

Ваи-лоа — река на востоке — юго-востоке о-ва Вити-леву, приток р. Ваи-пи-мала.

Ваи-мапу — река на юго-востоке о-ва Вити-леву.

Ваи-маро — небольшой остров у восточного берега о-ва Вити-леву, севернее о-ва Мбайу.

Ваи-на-и-лува — небольшая река и прилегающая к ней местность на востоке — юго-востоке о-ва Вити-леву.

Ваи-ни-кели — местность и поселок на северо-западе о-ва Вити-леву.

Ваи-ни-мала — река на востоке о-ва Вити-леву (в горной части пров. На-ита-сири); местность по течению реки (на востоке — юго-востоке о-ва Вити-леву).

* Существенную трудность для интерпретации ряда текстов представляет большая повторяемость топонимов (например, Ваи-леву встречается на карте Фиджи 22 раза, На-сава — 10 раз и т. п.). В указателе дается только та локализация, которая значима для понимания приведенных текстов. Этимология топонима упоминается тогда, когда она может быть существенна для толкования текста. Названия вымышленных локусов приводятся в указателе собственных имен.

Географические названия выверены по картам Фиджи и по изданию: Fiji, Tonga, and Nauru. Official standard names gazetteer. US Board on geographic names. Wash., 1974.

- Ваи-ни-маси («ручей тапы») — ручей и прилегающая местность в глубине о-ва Матуку.
- Ваи-ни-мбука — река и прилегающая к ней местность на востоке о-ва Вити-леву.
- Ваи-ни-моси — небольшая река и прилегающая к ней местность в северо-восточной части о-ва Вити-леву.
- Ваи-ни-янгу — небольшая река (ручей) на юго-востоке о-ва Вити-леву.
- Ваи-нуну — местность и ее главный поселок на юго-западе о-ва Вануа-леву; залив у берегов этой местности.
- Ваи-руа — небольшая река и местность на юго-востоке о-ва Вити-леву.
- Вакано — местность и поселок на севере о-ва Лакемба.
- Вама-луту — местность во внутренних районах центральной части о-ва Лакемба.
- Вамбеба — местность на северо-восточном побережье о-ва Капдаву.
- Вамбули — местность на северо-востоке о-ва Вити-леву.
- Ванга-талаца — местность и поселок на западе о-ва Лакемба,
- Вандра-на-синга — местность и поселок на крайнем западе о-ва Вити-леву.
- Вануа-вату — остров в группе Лау.
- Вануа-мбалаву — остров в группе Лау.
- Ватоа — остров на крайнем юго-востоке архипелага.
- Вату — риф у берегов о-ва Нуку-и-ра, лежащего к северо-востоку от о-ва Вануа-леву.
- Вату-и-ма — местность на юге о-ва Тавеуни (в глубине острова).
- Вату-лаза — риф у западной оконечности о-ва Вануа-леву.
- Вату-леле — небольшой остров к юго-западу от о-ва Вити-леву.
- Вату-лоа — местность и поселок на западе о-ва Вануа-леву (в глубине острова).
- Вату-сосоко — местность в горах северной части о-ва Лакемба.
- Вату-ураура — местность на восточном побережье о-ва Вити-леву.
- Ватука-лове — местность на западе о-ва Лакемба.
- Верата — местность в центральной части о-ва Вити-леву, в прошлом (XVIII — начало XIX в.) могущественное вождество.
- Виони — главный поселок о-ва Нгай, расположенный на северо-востоке острова.
- Витонго — поселок, холм и ручей на северо-западном берегу о-ва Вити-леву (расширительно Витонго — название всей прилегающей местности на побережье).
- Воло — небольшой поселок на востоке о-ва Мбенга.
- Вотуа — 1) небольшая река и поселок на западе о-ва Вануа-леву (в глубине острова, в местности На-корока); 2) альтернативное название поселка Лекуту.
- Вы-и-нанди — местность на юго-западном берегу о-ва Вануа-леву.
- Вы-ни-ката-вату («начало каменного балансира (?)») — местность на побережье о-ва Тувана-и-ра или о-ва Тувана-и-золо, точная локализация неизвестна.
- Вы-и-нгава — внутренний район о-ва Камбара.
- Вуна — местность и поселок на юго-востоке о-ва Тавеуни.
- Вунда — река и прилегающая к ней местность на западном побережье о-ва Вити-леву.
- Вуя — местность на юго-западе о-ва Вануа-леву.
- Драво (Ндраво) — местность и поселок на юго-востоке о-ва Вити-леву.
- Драву-валу — поселок в северной части о-ва Кандаву.

Драка-ни-ваи (Дреке-ни-ваи) — местность и поселок на юго-востоке о-ва Вануа-леву.

Дрекети — река, район и крупный поселок этого района в западной — северо-западной части о-ва Вануа-леву (в Мазуата).

Дрити — поселок на юго-западе о-ва Вануа-леву (недалеко от истока р. Ндама).

Друэ — поселок на юго-востоке о-ва Кандаву.

За-кау-лала — риф у берегов о-ва Оно-и-лау.

За-кау-ндро — крупный район (совр. провинция), включающий южную — юго-восточную часть о-ва Вануа-леву, о-в Тавеуни и мелкие островки между этими двумя островами; в прошлом как синоним За-кау-ндро употреблялось Сомосомо, иногда — Тавеуни.

За-кова — поселок на северо-востоке о-ва Мбала.

Занги-на — местность на юго-востоке о-ва Вити-леву.

Зау-мборо — холм на о-ве Намука.

Зау-тата — местность и поселок в юго-восточной части о-ва Вити-леву.

Зизиа (диалектн. варианты Титиа, Фиафиа) — остров в группе Лау.

Зикомбия — 1) остров к северо-востоку от о-ва Вануа-леву; 2) сокращение от Зикомбия-и-лау (остров в группе Лау, соседствует с о-вом Вануа-мбалаву).

Зоко-ва (Зока-ва) — небольшая река на северо-востоке о-ва Вити-леву и прилегающая к ней часть северо-восточного побережья.

Кавула — поселок на западе о-ва Вануа-леву (в отдалении от берега).

Камба — небольшой остров у юго-западного побережья о-ва Вити-леву.

Камбуя — местность на востоке о-ва Вити-леву, во внутренней части острова.

Камбара — остров на юго-востоке архипелага.

Каназеа — остров на востоке архипелага, северо-западнее о-вов Лау.

Кандаву — остров на юге архипелага.

Кау-вандра — см. На-кау-вандра.

Кели-а-вула — местность и небольшой поселок на юго-западе о-ва Вануа-леву.

Кендекенде — внутренний район о-ва Лакемба.

Кетеи — самый крупный (вождеский) поселок на о-ве Тотоя.

Коро — остров в центральной части архипелага, в одноименном море (компонент коро «поселок» входит во многие фиджийские топонимы, которые затем могут сокращаться до Коро; в № 91, 102, 126 подразумевается, однако, именно остров).

Коро-вуса — местность на юге о-ва Лакемба.

Коро-и-драно — местность и поселок на севере о-ва Зикомбия (см. Зикомбия в знач. 1).

Коро-маза — поселок на северо-западе о-ва Вануа-леву (в глубине острова).

Коро-мба-санга — местность на юго-западе о-ва Вануа-леву.

Коро-на-калоу — поселок в юго-восточной части о-ва Вити-леву, в прошлом вождеский квартал поселка Зау-тата.

Корокоро-коти — местность в глубине о-ва Вануа-мбалаву.

Кумбу-лау — мыс и полуостров на юге о-ва Вануа-леву.

Кумбуна — местность и поселок на юге о-ва Вити-леву.

Ланга-теа — поселок на юго-западе о-ва Лакемба (в местности Тару-куя).

Лау-зала — небольшой остров на востоке архипелага.
Левелеве — поселок в западной части о-ва Вануа-леву, расположен в глубине острова, у склона горы в местности Ваи-нуну.
Левука — 1) местность и поселок на юге о-ва Лакемба; 2) главный поселок (ныне город) на о-ве Ова-лау.
Левука-и-ндаку — поселок на юго-востоке о-ва Матуку.
Лекуту — местность и поселок на северо-западе о-ва Вануа-леву.
Лелеу-вия — небольшой остров у восточного берега о-ва Вити-леву, к северу от о-ва Мбау.
Лили-ки-на-ува — местность на юго-западе о-ва Вануа-леву, на некотором отдалении от берега.
Ломалома — местность на юго-востоке о-ва Вануа-мбалаву; современный город, «столица» о-ва Вануа-мбалаву.
Ломати — поселок на юге о-ва Камбара.
Мавана — поселок на о-ве Вануа-мбалаву, в местности Муа-леву.
Мазанга — местность в глубине о-ва Вануа-леву, в центральной его части.
Мазуата — 1) крупный район (совр. провинция) на севере — северо-востоке о-ва Вануа-леву; 2) небольшой остров у северного побережья о-ва Вануа-леву, легендарная прародина высоких вождей севера о-ва Вануа-леву.
Май-мбула — гиперкорректная форма топонима Мамбула.
Мако-нгаи — остров в центральной части архипелага, к северу от о-ва Ова-лау.
Малаке — остров в северо-западной части архипелага.
Малата (вариант На-малата) — небольшой остров к западу от острова Вануа-мбалаву.
Малоло — небольшой остров у западного побережья о-ва Вити-леву.
Малуа — гора на северо-западе о-ва Вити-леву.
Мамбула — поселок в горах о-ва Лакемба.
Масомо — небольшой островок у восточного побережья о-ва Вануа-леву.
Мата-и-лекуту — лесистая местность в западной части о-ва Вануа-леву, за поселком Лекуту.
Мата-ни-вия — ручей и прилегающая к нему территория на о-ве Оно-и-лау.
Матамата-калоу — местность на северо-восточном побережье о-ва Моала.
Матасо — местность и поселок на северо-западе о-ва Капдаву.
Мато-кано — в прошлом главный поселок о-ва Оно-и-лау, названный, согласно устной традиции, в честь одного из местных вождей.
Матуку — остров на юге архипелага.
Мауми — местность в глубине о-ва На-иау (в настоящее время поселка в Мауми нет).
Мба — обширный район (совр. провинция) на северо-западе о-ва Вити-леву; река, пересекающая этот район; один из поселков на реке.
Мбенау — местность на юге о-ва Вануа-леву (на п-ове На-тева).
Мбоу-мбузо — возвышенная местность на юго-западе о-ва Вануа-леву.
Мбуре-се (Мбуре-са) — местность на северо-восточном побережье о-ва Вити-леву.
Мбую-и-ярои («путь в Ярон») — дорога и прилегающая к ней местность в центральной части о-ва Матуку.

Мо-ни-са — местность на крайнем юго-востоке о-ва Вити-леву, входила в вождество Рева.

Моала — остров на юго-востоке архипелага.

Моме-идава — поселок на юго-западе о-ва Вануа-леву.

Монгоидро — местность в горах запада о-ва Вити-леву.

Моту-рики — пролив между северным побережьем о-ва Вити-леву и несколькими небольшими островками, один из которых также называется Моту-рики.

Муа-и-риси — местность на северо-западном побережье о-ва Лакемба.

Муа-леву — местность на северо-западе о-ва Вануа-мбалаву; главный поселок этой местности.

Муа-ни-вату — горный район на северо-западе о-ва Вити-леву; главная гора этого района.

Муа-ни-зула — поселок на юге о-ва Вануа-леву (в районе п-ова Кумбу-лау).

Мунуа — остров на окраине восточной части архипелага, к югу от острова Вануа-мбалаву.

На-ваи — небольшая река в районе северо-восточного побережья о-ва Вити-леву.

На-ваиава — поселок на северо-западном побережье о-ва Вити-леву.

На-вату — 1) местность на юге о-ва Вити-леву; 2) небольшой остров на северо-восточной окраине архипелага (в близком соседстве с о-вом Зикомбия); 3) риф между о-вом Тотоя и о-вом Вануа-вату.

На-вату-мборо — местность на северо-западе о-ва Вануа-леву.

На-вен-яраки — небольшой поселок в горах северо-запада о-ва Вити-леву.

На-ви-ндаму — местность и поселок на юго-востоке о-ва Вануа-леву.

На-во-лау — местность и поселок на севере о-ва Вити-леву.

На-ву-ваи — местность во внутренней (горной) области о-ва Лакемба; в предгорьях На-ву-ваи расположен поселок Мамбула.

На-ву-ни-вануа (букв. «первоначало земли (общины)») — вождеский поселок Сиетура, находившийся, по-видимому, в юго-западной части о-ва Вануа-леву.

На-ву-тоха — местность на северо-восточном побережье о-ва Лакемба.

На-вуа — небольшая горная река на юго-востоке о-ва Вити-леву.

На-вувату — поселок на восточном побережье о-ва Кандаву.

На-дра-саусау-алева — местность на северо-востоке о-ва Вануа-леву (в глубине острова).

На-дроро — поселок на западе о-ва Вануа-леву (в глубине острова, в местности На-корока).

На-зи-лау — мыс на северном побережье о-ва Вити-леву.

На-зо-вадра — долина на северо-западе о-ва Матуку.

На-зула — местность и ее главный поселок во внутреннем районе западной части о-ва Вануа-леву.

На-и-вака — полуостров на северо-западе о-ва Вануа-леву (в пров. Мбуа).

На-и-вуке — поселок на западе о-ва Вануа-леву.

На-и-зомбозомбо — мыс на западе о-ва Вануа-леву; на мысе, по преданию, живет дух-патрон мореплавания.

На-и-лува — поселок в северной части о-ва Вити-леву (расположен на некотором отдалении от берега).

- На-и-пгоро — пролив между о-вом Кандаву и о-вом Опо.
- На-и-раи — 1) небольшой поселок в юго-западной части о-ва Вануа-леву; 2) небольшой остров к юго-западу от о-ва Вануа-леву.
- На-и-таумба — остров на востоке архипелага, юго-восточнее о-ва Тавеуни.
- На-и-урууру-ванга — местность на северном побережье о-ва Вити-леву.
- На-иау — остров в группе Йау.
- На-иау-куму — местность на юге о-ва Ова-лау.
- На-ита-сири — крупный внутренний район (совр. провинция) на юго-востоке о-ва Вити-леву.
- На-ка-ни-ваи — участок юго-восточного побережья о-ва Вануа-мбалаву.
- На-кавакава — местность и небольшой поселок на юго-западном побережье о-ва Вануа-леву (на берегу залива Ван-нуну).
- На-каи — поселок на о-ве Матуку.
- На-каса-лека — поселок на северо-западе о-ва Кандаву.
- На-кау-вандра (Кау-вандра, Кау-вадра) — горный район на северо-востоке о-ва Вити-леву; одноименная гора в этом районе, в которой, по поверьям, живет дух Нденгей.
- На-кау-ки-ланги — местность в горах северо-востока о-ва Вити-леву.
- На-кело — местность и поселок на крайнем юго-западе о-ва Вити-леву.
- На-кенга — небольшой горный поселок в центральной части о-ва Вануа-леву.
- На-корока — местность и ее главный поселок в глубине западной части о-ва Вапуа-леву, в прошлом отдельное вождество.
- На-курукуру-рака-тини — местность на крайнем юго-востоке о-ва Вити-леву, по течению р. Ваи-ману.
- На-лека — местность на юго-востоке о-ва Вити-леву (в предгорьях).
- На-леле — местность на западном побережье о-ва Вануа-мбалаву.
- На-лово-калоу — по-видимому, местность на севере о-ва Вануа-леву, точная локализация неизвестна.
- На-луу-пи-мазала — поселок на северо-западе о-ва Вапуа-леву (в глубине острова).
- На-мандра — поселок в северной части о-ва Кандаву.
- На-малата — 1) см. Малата; 2) поселок на северном побережье о-ва Кандаву.
- На-мау-руру — местность и поселок в северо-западной части о-ва Вити-леву.
- На-мба-лемба-ни-ванга (букв. «павес для лодок из дерева лемба») — по-видимому, образное название Мбенапу.
- На-мба-нгеле — местность на западе о-ва Лакемба.
- На-мбе-каву — маленький остров в дельте р. Дрекети, поселок на этом острове.
- На-мбете-пи-идио — в прошлом самостоятельный поселок в На-корока, между р. Вотуа и Тавуа.
- На-мбити — местность на западе о-ва Вануа-леву.
- На-мборо-кула — по-видимому, поселок на юге или юго-западе о-ва Вануа-леву, точная локализация неизвестна.
- На-мбоу — местность в горах на западе о-ва Вануа-леву (в На-корока).
- На-мбоу-валу — 1) местность и гора на о-ве Оно; 2) местность и поселок на крайнем юго-западе о-ва Вануа-леву.

- На-мбу-ке-леву (полное пазвапие Пдела-и-на-мбу-ке-леву) — самая высокая гора на о-ве Кандаву (г. Вашингтон).
- На-моси — крупный район (совр. провинция) на юге о-ва Вити-леву, главный поселок этого района.
- На-мотуту (На-мату) — небольшой островок у западного побережья о-ва Вити-леву.
- На-муа-воини — поселок на юго-западе о-ва Вануа-леву, современное место расселения явусы сиетура.
- На-муа-на-и-ра — местность на юго-востоке о-ва Вити-леву.
- На-муа-идунгу — участок северо-западного побережья о-ва Вануа-леву.
- На-муа-апа — поселок на северном побережье о-ва Кандаву.
- На-нану — небольшой остров к северу от о-ва Вити-леву.
- На-нгатангата — поселок на западе о-ва Вити-леву.
- На-нге-леву — локализация пеясна (на основании данных о географии полевых исследований А. Хокарта можно предположить, что это местность на одном из северо-восточных островов Фиджи).
- На-идава — местность на южном побережье о-ва Лакемба.
- На-идаранг — небольшая речка и прилегающая к ней местность на крайнем востоке о-ва Вануа-леву.
- На-идои — поселок на юго-востоке о-ва Вити-леву (в пров. Рева).
- На-идоро-каву — местность на о-ве Вити-леву (?); точная локализация неизвестна.
- На-идрау — небольшая река на северо-востоке о-ва Вити-леву.
- На-идури — главный поселок пров. Мазуата, расположен на северном побережье о-ва Вануа-леву.
- На-ицуку — местность на юго-западе о-ва Вануа-леву (на побережье залива Ваи-ицуу).
- На-иуя — небольшой остров к северо-западу от о-ва Вануа-леву.
- На-рава — местность и мыс на северном побережье о-ва Вити-леву.
- На-саву — 1) местность и небольшая речка на северо-востоке о-ва Вануа-леву; 2) местность на западе о-ва Вануа-леву, недалеко от залива Мбуа.
- На-савусаву (Савусаву) — местность и поселок на южном побережье о-ва Вануа-леву; залив у южного побережья о-ва Вануа-леву.
- На-санга-лау — местность и поселок на севере о-ва Лакемба.
- На-се-кава — местность на южном побережье о-ва Вануа-леву (у берегов залива На-савусаву).
- На-си-лаи (диалектн. вариант На-солаи) — местность на юго-восточном побережье о-ва Вити-леву (к востоку от Сувы); крупный маяк в этой местности.
- На-соки — поселок на востоке о-ва Моала.
- На-солаи — см. На-си-лаи.
- На-тавеа — местность на крайнем юго-востоке о-ва Вити-леву.
- На-тау-тоа — в прошлом вождеский поселок на о-ве На-и-раи.
- На-тева — полуостров на юго-востоке о-ва Вануа-леву (входит в За-кау-идрове); крупный поселок на этом полуострове.
- На-тока-и-мало — поселок в горной области востока о-ва Вити-леву.
- На-токалау — местность и поселок на северо-востоке о-ва Матуку.
- На-ло-тава — местность и поселок на северо-западе о-ва Вити-леву.
- Намука — остров в группе Лау.
- Нга-лика-руа — поселок на о-ве Матуку.
- Нга-лоа — небольшой остров у северо-западного побережья о-ва

Вануа-леву; с островом связана легенда о птице, питавшейся человеческим мясом (букв. значение Нга-лоа «черная утка»; ср. № 44).

Нгангу — местность на юго-западном побережье о-ва Вануа-леву.

Нграу — остров в центральной части архипелага (в море Коро).

Нгесиа — местность в глубине о-ва Матуку.

Нгига-на-таигане — проход между рифами, ведущий в бухту о-ва Онгеа.

Нда-кеке — небольшая горная река в западной части о-ва Вануа-леву.

Ндава — местность и поселок на юго-западном побережье о-ва Вануа-леву.

Ндаку — 1) местность на западе о-ва Вануа-мбалаву (в глубине острова); 2) поселок на о-ве Матуку.

Ндакуа-ин-вакадрау-ки-ра — местность в западной части о-ва Вануа-леву (в глубине острова, на границе Мазуата и За-каундроев).

Ндама — река, прилегающая к ней местность и поселок на западе — юго-западе о-ва Вануа-леву (у побережья залива Мбуа).

Ндела-и-рара-муа — холм на о-ве Вануа-мбалаву.

Ндонго-туки (Ндонга-туки) — местность и поселок на северо-восточном побережье о-ва Вануа-леву (в Мазуата).

Ндра-бу-валу — местность на юге о-ва Тотоя.

Ндра-вуни — небольшой островок к северу от о-ва Оно (Оно-леву).

Ндрау-ни-ниви — местность и поселок на крайнем севере о-ва Вити-леву.

Нозо — местность по течению р. Рева.

Нуку-и-лаилаи — местность на юго-западном побережье о-ва Вити-леву (в пров. Рева).

Нуку-оло — местность на юге о-ва Оно (Оно-леву).

Нуку-сева — местность в западной части о-ва Вануа-леву, в глубине острова (по этой местности протекает р. Саро-ванга).

Нукунуку — 1) местность и поселок на востоке о-ва Лакемба; 2) поселок на северо-востоке о-ва Кандаву.

Нумбу-таутау — местность на западе о-ва Вити-леву, отделенная от побережья горами.

Олои — поселок на о-ве Вити-леву, точная локализация неизвестна.

Онгеа — остров в группе Лау; главный поселок этого острова.

Онеата — остров в группе Лау.

Оно, Оно-леву («большой Оно») — остров на юге архипелага, рядом с о-вом Кандаву; название «большой» призвано отличать его от небольших островов группы Оно, или Оно-и-лау, расположенных к юго-востоку от группы о-вов Лау.

Ра — крупный район (совр. провинция) на севере — северо-востоке о-ва Вити-леву.

Ракираки — 1) часть северо-восточного побережья о-ва Вити-леву; 2) рифы у этого побережья.

Рамби — пролив между о-вом Вануа-леву и о-вом Рамби (Рамбе), лежащим к западу от о-ва Вануа-леву.

Рара-леву — местность (в прошлом отдельное вождество) в северо-западной части о-ва Вануа-леву (расположена к западу от На-корока, включает поселок Лекуту).

Рева — крупный район (совр. провинция) на юго-востоке о-ва Вити-леву, крупная судоходная река, пересекающая этот район с севера на юг.

Рири-на-ика — река и местность на северо-западе о-ва Вити-леву (на некотором отдалении от побережья).

Роко-ванга — поселок в западной части о-ва Вануа-леву (в глубине острова).

Ротума — остров к северу от архипелага Фиджи, административно относится к Восточному округу Фиджи.

Рукуруку — залив у западного побережья о-ва Вануа-леву.

Са-оло — местность и поселок на юго-западном побережье о-ва Вануа-леву (в районе залива Ваи-нуну).

Сава-и-лау — пещера в скалах на о-ве Ясава.

Сава-ики — местность на севере о-ва Нгау.

Савату — местность на северном — северо-западном побережье о-ва Вити-леву (в пров. Мба).

Саро-ванга (На-саро-ванга) — река, местность и поселок на северо-западе о-ва Вануа-леву.

Серуа — небольшой остров к юго-западу от о-ва Вити-леву.

Сея-игаса — местность в горах севера — северо-запада о-ва Вануа-леву (внутренний район пров. Мазуата), в прошлом вождество.

Систура — местность на юго-западе о-ва Вануа-леву, в прошлом легендарное вождество.

Со-леву — поселок на юго-западной оконечности о-ва Вануа-леву.

Соло — местность и мыс на северной оконечности о-ва Кандаву.

Соло-маидраи-вуиди (букв. «подношение из заквашенных бапаинов») — скалистое образование в Соло.

Сомосомо — поселок на о-ве Тавеуни, в прошлом главный (вождеский); в ряде случаев Сомосомо употребляется как синоним Тавеуни или За-кау-идрове.

Соко — местность на западном берегу о-ва Мбау.

Сува-ни — местность на юго-востоке о-ва Вити-леву, западнее совр. г. Сува.

Суасуз — местность и протекающая по ней небольшая река на севере о-ва Кандаву.

Таваки — местность и поселок на северо-западе о-ва Вануа-леву.

Тавса — небольшой остров у северо-западного побережья о-ва Вануа-леву.

Тавуа — поселок в западной части о-ва Вануа-леву (в глубине острова).

Тавуки — залив у южного побережья о-ва Кандаву; прилегающая к нему прибрежная территория.

Тавуя — местность на востоке о-ва Вити-леву.

Тала-тавула — местность на западе о-ва Вити-леву.

Тапгата-ни-лекуту — местность в Дрекети, на значительном отдалении от берега.

Тару-куа — местность и главный поселок этой местности на юго-западе о-ва Лакемба.

Тилива — местность и поселок на северо-востоке о-ва Кандаву.

Томбе-руа — островок у юго-восточного побережья о-ва Вити-леву.

Тонга-тамбу — фиджийское название главного острова Тонга (Тонгатапу).

Тонго-вере — гора и поселок в районе юго-восточного побережья о-ва Вити-леву.

Тотоя — остров в группе Лая.

Туву-кей — местность в глубине о-ва На-иау.

Тувуза — остров в группе Лая.

Тумбоу — местность и поселок на юге о-ва Лакемба.

Туну-лоа — локализация неясна (на основании данных о географии полевых исследований А. Хокарта можно предположить, что это местность на одном из северо-восточных островов Фиджи).

Узу-ита-вуа — приток р. Ваи-ни-мала.

Улу-и-на-ваве — поселок на севере о-ва Вануа-леву, недалеко от На-идури, в прошлом, по-видимому, представлял собой крепость.

Унду — 1) местность на востоке о-ва Вити-леву; 2) местность на западе о-ва Вануа-мбалаву; 3) местность на юге о-ва Тотоа.

Уру-оне — местность и поселок на о-ве Вануа-мбалаву.

Фатифати — диалектная форма топонима Вазивази.

Фиафиа — диалектная форма топонима Зизиа.

Фуланга — остров в группе Лау.

Хаапаи — центральная группа островов в архипелаге Тонга.

Ява — местность и поселок на крайнем северо-востоке о-ва Вануа-леву.

Язата — остров в группе Лау.

Якита — поселок на востоке о-ва Кандаву.

Яла-тина — горный поселок на западе о-ва Вити-леву.

Яле — поселок на юго-востоке о-ва Кандаву.

Япа-ваи — поселок на юге о-ва Вануа-леву (у западной границы За-кау-идрове).

Яндали — поселок на юго-западе о-ва Вануа-леву, в районе залива Ваи-нуну.

Яндрана — поселок в северной части о-ва Лакемба, восточнее Вакано.

Япдуа — остров недалеко от западного побережья о-ва Вануа-леву.

Ярови — часть поселка Ланга-теа, занимаемая одноименной родственной группой.

Ярои — поселок на о-ве Матуку.

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА *

- А-дре-васуа (№ 101) — «тянущий, пока не оторвется (?)», т. е. «сильный, упорный»; другое толкование (по [71]) «лоб, [как] створок раковины», т. е. «твердолобый».
- А-кело-ни-тамбуа (№ 94, 95, 97, 100, 101, 103) — «изгиб зуба кашалота (?)».
- А-мото-ни-мба-на-мбула (№ 95) — «пегнущееся копье, [отирающее] жизнь».
- А(-)ниди-маи-ланги (№ 60) см. Ма-ланги.
- А-ндуру-мбуамбуа (№ 101) — «опорный столб из мбуамбуа» (мбуамбуа — фиджийский самшит, дерево с очень прочной древесиной, из стволов которого действительно вытесывали опорные столбы домов), т. е. «несгибаемый, надежный».
- А-паи-тиа (№ 60) — «прочная ограда», диалектная форма (диалект о-вов Лаяу).
- Алоало (№ 129) — значение неясно; тонганское имя духа ветра, хозяина погоды.
- Анга-тону (№ 118) — «прямой, справедливый, несгибаемый» (тонганское имя).
- Ва-друа (№ 8) — «удерживающий лодки (?)».
- Ва-друа-воно-кула (№ 96, 101) — «скрепляющий красные доски лодок (?)», т. е. имеющий отношение к лодкам вождей (красный — цвет власти и богатства).
- Ва-куликули (№ 27) — «с кожей не как у всех», т. е. благородный человек.
- Ваве-друса (№ 131) — «испекавшая пищу [в земляной печи] зря (?)».
- Ваи-зала-на-вануа (№ 83) — «рассеивающий (покоряющий) земли».
- Ваи-пуну (№ 110) — «пыряльщик» или «вода, [в которую] пыряют».
- Ваи-руа (№ 43) — «река с двумя рукавами (?)».
- Вале-зо (№ 39) — «дом трав».
- Вале-лоа (№ 102) — «черный дом».
- Ванга-мбаламбала (№ 1, 83) — «лодка, стоящая у берега [на приколе]».

* Указатель содержит имена персонажей, названия лодок, жилищ и т. п. Перед толкованием указывается в скобках номер текста, в котором встречается данное имя. Гипотетические толкования помечаются знаком вопроса.

- Ванда (№ 77) — значение имени неясно.
- Вандаму (№ 77) — возможно, сокращение от Вандандаму «красный».
- Васу-ки-ланги (№ 117) — «васу небес» (о васу см. Глоссарий и Вступительную статью).
- Вата-ни-руве-кула (№ 96, 101) — «возвышение [для ловли] красного копья» (красное копье — принадлежность высокого вождя).
- Вату-лаза (№ 108) — «неприступная скала» (легендарная крепость, на которую ходили войной вожди сиетура; неясно, соотносится ли она с реальным одноименным рифом).
- Вату-мудре (№ 73) — «холодный [как] камень».
- Вату-ндири-ндуна (№ 96) — «одиноко возвышающаяся скала» (крепость и вождество в легендах сиетура, по-видимому, вымышленные).
- Ватуту-лали (№ 43) — «барабан победы» (туту — ритм, отбиваемый на лали при взятии вражеского поселка или смерти врагов).
- Велу-тамата (№ 95) — «пллюющийся людьми» (дух, от плевка которого появляется множество воинов).
- Веро (№ 1) — «хитроумный (?)».
- Вила-и-васа (№ 20) — значение имени неясно.
- Висина (№ 21) — возможно, сокращение от Виа-сина(и), «желающий изобилия, полноты».
- Вокти-вуравура (№ 96) — «обходящий мир», т. е. путешественник.
- Волау-ланги (№ 84) — «плывущая небом, [по] небу».
- Воливоли-и-яндуа (№ 99) — «кружящий у [острова] Яндуа».
- Вороворо-друа (№ 95, 101) — «разбивающий надвое» или «пожирающий лодки».
- Воувоу (№ 32) — «юнец (?)».
- By (№ 88), вариант — Буву — «начало, начипатель, прародитель».
- By-пи-драу (№ 24) — «начало растений (букв. листьев)».
- Вуа-ни-рева (№ 92) — «плод рева» (рева — *Serbera odollam*).
- Буву (№ 89) см. By.
- Вуки-па-вануа (№ 86) — «переворачивающий земли».
- Вусо-ни-лаве (№ 94—99, 101, 103) — «*egrectio penis*» (толкование «кончик пера», предлагаемое в [71], кажется сомнительным).
- Вусо-ни-лаве-дра (№ 97) — «*egrectio rubri penis*» (ср. Вусо-ни-лаве; дра «кроваво-красный»).
- Дроми-пи-вула (№ 99) — «заход луны».
- Друа-са-меке-паки (№ 103) — «гребцы лодки, [плывущей] исполнить меке» (о походах за подарками, сопровождавшихся исполнением меке, см. Вступительную статью).
- Зако-мбау (№ 111) — вероятно, от Зака-мбау, «творящий Мбау» (в [97] дается народная этимология «плохой, злой»).
- Занги-кула (№ 98) — «красный ветер».
- Зизи-мата-и-ла (№ 119) — «мать ребенка, [зачатого] от солнца».
- Зина-и-ваи-сали (№ 100) — «свет у водного потока; факел над потоком».
- Зипги-пи-вула (№ 95) — «достигающий луны (?)».
- Зири-кау-моли (№ 2), вариант — На-зири-кау-моли — «плавание лимонного дерева (?)».
- Зову (№ 90) — «пробивающий отверстия».
- Зози (№ 1) — «курносый» или «с заячьей губой».
- Зоке-пп веси-кула (№ 100) — «распускающееся красное веси» (о веси см. Глоссарий).
- Зуриаки (№ 70) — значение имени неясно; возможно, «подвергшаяся вхождению (coitu)».

- И-ваи (№ 1) — «[живущий] у воды».
- Ингоинго-а-вануа (№ 94—97, 101) — «страж земли (общины)».
- Ири-ии-мбуло (№ 116) — «обмахивающий опахалом в жару», т. е. «спасающий от жары».
- Иса-зодро (№ 106) — «бранившийся (?)».
- Иса-момо (№ 105) — «раскалывающий на куски [врагам] на горе», т. е. «безжалостный».
- Каи-лу-фа-хе-туунга-у (№ 17) — тонганское имя-поговорка, в значении рус. «Не было ни гроша, да вдруг алтын», т. е. «счастливчик».
- Кали-ии-вутунава (№ 94, 95, 97, 101) — «подголовник, убранный цветами».
- Кало-ни-ялева (№ 92) — «стреляющий в женщин (?)».
- Кало-фанга (№ 118) — «стреляющий в лодки», диалектная форма (диалект о-вов Йау).
- Катаката-и-мосо (№ 91) — «способный идти до изнеможения», т. е. «неутомимый, крепкий».
- Кау (№ 32) — «уводящий; соблазнитель» или «деревяпый».
- Кау-ни-тони (№ 1, 83) — «несущая(ся) по глубоким водам (?)».
- Кау-сале-мба-риа (№ 3), варианты — На-кау-самба-риа, Кау-самбариа — «глупец (?)».
- Ко-и-драу-на-марама (№ 54, 55) — «луноликая».
- Кова (№ 44) — «беспокойный (?)».
- Коли (№ 66) — «победитель» (коли — титул, присваиваемый воину, убившему много врагов).
- Коли-матуа-каи-косо (№ 92) — «победитель-предок [явусы] каи-косо (?)» (каи-косо — моллюск, тотемное животное).
- Коро-и-кона-мало (№ 111) — «[из] поселка вождей» (ко-на-мало, букв. «с тапой [вокруг руки]», образное название вождя).
- Коро-ика (№ 62) — «с рыбьей головой (?)» или «из числа поклоняющихся рыбей».
- Коро-имбо (№ 34, 42) — «из числа поклоняющихся имбо (?)» (имбо — большой морской моллюск, тотемное животное, мясо имбо — редкое лакомство).
- Коро-ни-ява-кула (№ 96, 98, 99, 102) — «поселок [обиталище] [человека] с красивыми ногами».
- Корокоро-и-вула (№ 109) — значение имени неясно; вула «бледный, светлокожий» (светлая кожа — признак благородства).
- Кулу-на-ндакау (№ 91) — значение имени неясно.
- Кумбу-ни-вапуа (№ 38) — «далекий, удаленный (?)».
- Куру-лова (№ 1) — «изливающий воду в реки».
- Куру-мунду (№ 91) — «гром [и] радуга», т. е. «переменчивый».
- Куру-идуандуа (№ 113) — «несравненный гром».
- Лава-и-паки (№ 29) — «прилететь и коснуться» (тонганское имя; в имени заключено прямое указание на то, что случилось с персонажем).
- Лали-ига-воки (№ 66) — «молчящий лали».
- Ланги (№ 64) — «небесный; небесная» (сокращенный вариант ряда имен, например Сина-те-ланги).
- Латуи (№ 118) — возможно, имя связано со словом латуи «ястреб».
- Лау-фита (№ 92) — значение имени неясно.
- Лева-тини (№ 91) — «[говорящий] последнее слово».
- Лева-ту-момо (№ 61) — «[когда] злая [бывает] на куски разрывает».
- Лева-яниту (№ 91) — «власть духа (духов)».
- Леве-и-ваву (№ 91) — «уклоняющийся от оружия (?)».
- Лека (№ 1) — «маленький, малыш».

- Лека-паи (№ 29) — «короткопалый (?)», диалектная форма (диалект о-вов Лая).
- Лемба-на-занги (№ 1) — «лемба на ветру (?)» (о лемба см. Глоссарий; здесь подразумевается не обычное, а священное лемба, росшее, по преданию, у дома Нденгей в горах Кау-вандра).
- Лива-ини-вула (№ 95) — «блеск луны».
- Ливата-драна (№ 101) — «с сияющими (блестящими) волосами».
- Линга-идуа (№ 49, 50, 57) — «однорукий».
- Лингау-леву (№ 79) — «большерукий, сильный».
- Линди-а-мбука (№ 96) — «всыхивающий хвост».
- Локилоки (№ 118) — «попавшийся в ловушку» (толкование «хромой», данное в тексте № 118, неверно).
- Луве-на-леле (№ 116) — «дитя [явусы] на-леле».
- Луту-на-сомбасомба (№ 1, 83) — «появление (букв. падение) тумана».
- Ма-уту (№ 46) — сокращенный вариант имени Роко-ма-уту.
- Маи-ланги (№ 59, 60), варианты — (А(-))иди-маи-ланги — «госпожа, [упавшая] с неба».
- Маи-мбула (№ 66) — по-видимому, искаженное Маи-мбулу, см. Рату-маи-мбулу.
- Мап-соро-ни-ака (№ 73) — «[несущий] покаянные дары (?)».
- Маки-ни-валу (№ 107, 108) — «искушенный в бою».
- Малани (№ 28, 92) — сокращение от Маи-ланги, «[происходящий] с неба».
- Мами (№ 88) — имя происходит от названия разновидности банана.
- Манду (№ 1) — «сухой; крепкий; спелый».
- Маси-ни-вануа (№ 71) — «тапа земли (общины)», т. е. тапа-оберег.
- Мата-валу (№ 78, 92) — «восьмиглазый».
- Мата-дра-и-вула (№ 111) — «красные глаза белого-белого человека [альбиноса]».
- Мата-и-драса (№ 97) — «с удивленными глазами (?)».
- Мата-идуа (№ 49, 118) — «одноглазый».
- Мата-се-лиа (№ 66), вариант — Мата-лиа — «умеющий менять свой облик».
- Матанги (№ 16, 63) — значение имени неясно; возможно, сокращение от Мата-ни-иги «лицо (глаза) травы».
- Мауи (№ 10) — значение имени неясно; герой многих океанийских мифологий (для Фиджи мифы о Мауи не характерны).
- Мба-ни-ндакуа-друа (№ 103) — «ветвь раздвоенного пдакуа» (нда-куа — дерево *Dammara vitiensis*).
- Мба-ни-сину (№ 95, 100) — «ветвь сину» (сину здесь, по-видимому, *Drymispermum burnettianum*).
- Мба-ниси-кулу (№ 131) — возможно, сокращение от имени Мба-ни-сину-кула, «ветвь красного сину».
- Мбака-идроти (№ 1) — значение имени неясно; мбака — «красный коралл».
- Мбати-ни-игака (№ 39) — «крабья клешня; с клешнями краба (?)».
- Мбе-рева-лаки (№ 13, 27, 81) — «дерзающий подниматься высоко (?)».
- Мбека (№ 83) — «летучая мышь», т. е. «быстрый».
- Мби (№ 76) — «водоем для разведения морских черепах», т. е. нечто ценное и тщательно хранимое.
- Мбонги-лека (№ 1) — «короткая ночь».
- Мбуи-весе (№ 2) — «закручивающийся хвост (?)».
- Мбули-сиво (№ 109) — «побитый зад».

- Мбулу (№ 51) — «скрытый» (подводный потусторонний мир) см. Мбуроту (названия распределены по диалектам).
- Мбуре-ни-вотуа (№ 100) — «дом Вотуа» (о Вотуа см. указатель географических названий).
- Мбуроту (№ 49, 53) — «скрытый в глубинах (?)».
- Мира-лесе-кула (№ 94, 100) — «затерянная в красном коралле» или «разбрасывающая красные кораллы» (последнее толкование, приводимое в [71], кажется менее вероятным).
- Моко-вутувутуа (№ 80) — «косматая ящерица».
- Моко-лоалоа (№ 80) — «черная ящерица».
- Муа-леву (№ 92) — «нос лодки».
- Мусу-на-игила-друа (№ 95) — «разрушающий палубные домики».
- На-ва-сара (№ 92) — «зоркий; проницательный (?)».
- На-ванга-вануа (№ 101) — «лодка [величиной с] землю».
- На-ви-идулу (№ 91) — «высокое ви» (ви — дерево, *Spondias dulcis*).
- На-драу-ни-мбуа (№ 99) — «дерево (лист дерева) из Мбуа».
- На-задра-на-синга (№ 105) — «солнце [стоит] высоко».
- На-зирин-кау-моли (№ 46) см. Зирин-кау-моли.
- На-и-миламила (№ 43) — «скребок; гребень для счесывания болячек».
- На-и-онга-мбуи (№ 43) — «приставленная [следить за] мбуи» (мбуи — длинная лента из тапы, прикреплявшаяся спереди к мужской набедренной повязке; см. Вступительную статью).
- На-и-сема-ни-вити-леву (№ 1) — «новое достояние Вити-леву».
- На-кара-вале (№ 108) — «шест, [подгоняющий лодку] к дому».
- На-кау-ки-ланги (№ 11) — «достигающая небес».
- На-кау-самба-риа (№ 2, 46) см. Кау-сале-мба-риа.
- На-коротики (№ 110) — «[глава] квартала в поселке».
- На-мата-сава-раава (№ 99) — «ширина прибрежного песка» (в наименовании скрыто указание на большие размеры лодки: ее палуба сравнивается с пляжем).
- На-мбуна (№ 64) — «быстрая; торопливая (?)».
- На-игаи (№ 4, 47) — «корень кордилины; кордилина».
- На-игаи-кула (№ 99) — «красный корень кордилины» (название легендарного вождества, соперничавшего с Сиетура; точная локализация вождества неизвестна).
- На-идуру-ванга (№ 101) — «опорные столбы — лодки» (т. е. в доме Ндаку-ванга опорными столбами служат целые лодки).
- На-се-кула (№ 100) — сокращение от На-касе-кула «красный мох» (название дома Мба-ни-сину).
- На-тава-сара (№ 30) — «глядящий в оба (?)».
- На-улу-ваву (№ 45) — «глава [явиусы] ваву».
- На-улу-матуа (№ 94, 96, 98, 99, 101—103) — «глава-предок; старший из вождей; старейший».
- На-ялояло-друа (№ 94) — «двойной привет» (приветствие двумя руками, знак высшего гостеприимства).
- Нга-лulu-валу (№ 79) — «хранящий молчание (?)».
- Нга-ни-вату (№ 44) — «утка скалы; каменная утка».
- Нгадри-кау (№ 84) — «голодный; охочий до [человеческого] мяса».
- Нгала (№ 78) — «великодушный (?)».
- Нгануя (№ 22) — значение имени неясно.
- Нгиза-тамбуа (№ 85) — «сжимающий в кулаке зуб кашалота» (зуб кашалота выступает здесь как оберег).
- Нгила-и-со (№ 92) — «палубный дом, [вмещающий] всех».
- Нгила-и-тангане (№ 41) — «крыша палубного дома, предназначенная для мужчин».

- Нгила-и-ялева (№ 41) — «крыша палубного дома, предназначенная для женщин».
- Нгило-ни-сиетура (№ 103) — «оплот сиетура».
- Нгураи (№ 73, 74) — возможно, сокращение от Нгу-ки-раи «стремящийся увидеть».
- Нгуту-леи (№ 44) — «пасть с зубами кашалота (?)» (одно из имен Нга-ни-вату).
- Ндаку-ванга (№ 99, 101) — «корма лодки (?)».
- Ндаку-пуси (№ 49) — «с кошачей спиной», т. е. горбун (имя содержит заимствованное через тонгапский английское слово *pussy* «кошка»).
- Нданда-ума (№ 101) — «непробиваемый (?)».
- Ндау-зипа (№ 34) — «господин [с] факелом; господин [мерцающего] света».
- Ндау-лаваки (№ 129) — «мастер обмана; хитрец».
- Ндау-ни-восавоса (№ 83) — «мастер изысканных речей».
- Нде-лани-коро (№ 92) — «небесная опора поселка (?)» (название легендарного поселка духов — предков вождей о-ва Лакемба).
- Ндела-и-ву-на-нгуму (№ 86) — «высший [главный] в явусе ву-на-нгуму».
- Ндела-и-вунга-леи (№ 92) — «высший [главный] в явусе вунгалии».
- Нденгей (№ 1—9, 20, 46, 47, 52, 80, 83) — значение имени неясно.
- Нди-маи-ланги (№ 59) см. Май-ланги.
- Ндила-нгила-и-лоу (№ 83) — «высший [главный] в палубном доме [на лодке] вождей (?)» (лоу — очень длинная, до 20 м, тапа, знак большого богатства и высокого положения).
- Ндрау-са (№ 91) — «сто спутников, помощников».
- Ндуи-восавоса (№ 1) — «говорящий на ином наречии».
- Ндунгу-ни-веси-кула (№ 96) — «дупло в красном весп».
- Ниу-мата-валу (№ 92) — «неиссякаемый кокос».
- Нку-зере-вука (№ 95) — «летящий песок (?)» (название легендарного вождества, соперничавшего с Сиетура; локализация вождества неизвестна).
- Пуака (№ 115) — «свинья».
- Ра Масима (Масима) (№ 108, 110) — «господин Мэксим (Максим)» (имя заимств. из англ.).
- Ра Намоса (Намоса) (№ 106) — «господин Намоса» (сокращенная форма этого имени — Намо).
- Ра-вово (№ 53) — значение имени пеясно; возможно, вово — название растения, точно определить которое не удается.
- Ра-вово-ни-за-кау-нгава (№ 43) — «господин глухой (непроницаемый) риф».
- Ра-ву-ни-са (№ 92) — «господин предок дома».
- Ра-вула (№ 132) — «господин луна», т. е. «светлокожий».
- Ра-маси-леву (№ 68) — «господин с большой тапой».
- Ра-ни-вия (№ 92) — «господин (хозяин) таро».
- Ра-сики-лау (№ 42) — «господин воин, [падающий из] за-сады (?)».
- Ра-соло (№ 92) — значение имени неясно.
- Ра-сува-ки (№ 1) — «господин, [идущий] в Суву (?)».
- Рамба (№ 69) — «широкий (?)».
- Рату Ипоке (Ипоке) (№ 105, 110) — «господин Инок (Энок)» (пмя заимств. из англ.).
- Рату Лала-вануа (Лала-вануа) (№ 108, 110) — «господин Лала-вануа («опустошающий земли»)».

- Рату Луке (Луке) (№ 110) — «господин Льюк (Лука)» (имя заимств. из англ.).
- Рату Мели (Мели) (№ 110) — «господин Мели» (имя заимств. из англ. (?)).
- Рату Монаса (Монаса) (№ 110) — «господин Монаса».
- Рату Самели (Самели) (№ 108, 109) — «господин Сэмюэль» (имя заимств. из англ.).
- Рату Серу (Серу) (№ 105, 109) — «господин Серу».
- Рату Тевита (Тевита) (№ 105, 110) — «господин Дэвид» (имя заимств. из англ.).
- Рату Яси-кула (Яси-кула) (№ 106) — «господин Яси-кула («красное сандаловое дерево»)».
- Рату-и-мбуна (№ 113) — «господин местности Мбуна».
- Рату-маи-мбулу (№ 62), варианты — Маи-мбулу, Маи-мбула — «господин из Мбулу [потустороннего мира]».
- Рату-маи-на-коро (№ 82) — «господин из [главного] поселка».
- Роко-вака-ола (№ 38) — «господин, дающий жизнь (радость)».
- Роко-ма-уту (№ 2, 62, 103) — значение имени неясно; вариант Роко-моуто указывает на возможное толкование «господин наук» (наук символизирует цикличность жизни; ср. примеч. к № 62).
- Роко-уа (№ 14, 43—45, 64) — «господин, [повелевающий] океанскими волнами».
- Рокола (№ 2, 3, 9, 46, 83) — «господин востока (?)» (ср. Рокора).
- Рокора (№ 9) — «господин запада (?)».
- Ронго-ванга (№ 14, 45) — (букв.: громыхание лодки) «громящая лодка».
- Рукуруку (№ 21) — «поднебесный (?)».
- Са-и-па-ванга (№ 76) — «команда лодки».
- Сала-ки-на-мбука (№ 111) — «дорога за хворостом».
- Самби (№ 53) — искаженная форма имени Самбе «с непущимися ногами».
- Сангасанга-вале (№ 49, 57) — «стремящийся в [родной] дом (?)» (народная этимология «пустые труды» неверна).
- Сари-леву (№ 1) — «широкогрудый».
- Саро-ке-и-вую (№ 100) — сокращенная форма имени Саро-ванга-ке-и-вую «гонящий лодки к берегам Вуя».
- Сау-ки-ята (№ 91) — «правитель в Ята».
- Сау-ни-коула (№ 100) — «крикливая, громогласная (?)».
- Се-пи-кумба (№ 22, 131) — «цветок кумба» (кумба — травянистое растение).
- Се-ни-рева (№ 118) — «цветок рева» (рева — *Serbera odollam*), ср. Вуа-ни-рева.
- Серу-мата-идука (№ 94) — «гребень в грязных волосах».
- Сивоки (№ 92) — «отпущеная; отправленная прочь».
- Сина-те-лапги (№ 63) — «Сина небесная» (Сина — образ прекрасной, совершенной женщины).
- Соко-и-васа (№ 96) — «плывущий океаном» (одно из имен На-улуматуа).
- Соро-а-вуравура (№ 101) — «получающий дань со всего света (?)».
- Сулуга-идаму (№ 111) — «красное (огненное) курево».
- Тава-ки-типпи (№ 55) — «стремящийся к завершению дела».
- Тавуки (№ 41) — «перевернувшийся [в лодке]».
- Тадрау (№ 92) — «насмешник (?)».
- Тази-ни-лау (№ 95) — «младший брат».

- Такала (№ 53) — по-видимому, имя связано с именем парицательным, имеющим значение «глава явусы, подчиняющийся другому, более высокому вождю».
- Такапе (№ 118) — значение имени неясно. Форма имени либо диалектная (диалект о-вов Лау), либо тонганская.
- Тали-аи (№ 90) — «добычливый воду».
- Талинго (№ 118) — тонганское имя, значение неясно.
- Тама-ни-ломбуа (№ 102) — «родитель диких зарослей».
- Тама-ни-нгено-лоа (№ 99) — «родитель черной акулы» (на о-ве Вануа-леву — акулий дух, обитель которого, по поверьям, находится неподалеку от поселка Саро-ванга).
- Тамбуа (№ 115) — «зуб кашалота».
- Тамбутамбу (№ 117) — «священнейший».
- Танову (№ 41) — значение имени неясно.
- Таронга (№ 1) — «вопрошающий (?)».
- Тауки (№ 118) — искаженная форма имени Таукеп «местная жительница».
- Таусере (№ 118) — «спускающий парус (?)».
- Таутау-мо-лау (№ 41) — «подношение пищи старшему».
- Тиви-мбута-дрока (№ 111) — «улавливающая (непропускающая) и пропечченное, и недопечченное».
- Тина-ни-вату (№ 53) — «мать скалы».
- Тока-и-рамбе (№ 30) — «житель о-ва Рамбе (Рамби)».
- Томба-яве-ни (№ 91) — «залив покоя (?)».
- Ту-вара (№ 28) — значение имени неясно.
- Туа-пико (№ 82) — «изогнутая спина» (диалектная форма имени, диалект о-вов Лау).
- Тувоу (№ 91) — значение имени неясно.
- Туи Вуту (№ 30) — главный вождь Вуту.
- Туи Лакемба (№ 92) — главный вождь о-ва Лакемба.
- Туи Моли-ваи (№ 24) — вождь явусы моли-ваи.
- Туи Нгуалита (№ 24) — вождь явусы нгуалита.
- Туи Нуку-нава (№ 84) — главный вождь Нуку-нава.
- Туи Яро (№ 34) — главный вождь Яро.
- Туи-заразара-сала (№ 91) — в имени игра слов: «вождь, очищающий дороги» и «вождь, крадущий [женщин] с дороги».
- Туи-ланги (№ 29, 82) — «пебесный вождь (правитель)».
- Туи-ле-куту (№ 92) — «вождь лесов».
- Туи-лику (№ 49, 50) — «вождь, [ищущий] недоступного».
- Туи-ндела-и-нгау (№ 67) — главнейший вождь на [о-ве] Нгау».
- Туи-сала (№ 92) — «вождь дороги».
- Тупа-мбанга (№ 1) — «испражняющийся камнями».
- Туру-кава (№ 2, 28, 46) — значение имени неясно.
- Туту-вазивази (№ 44) — «с лопатками-плавниками».
- Туту-матуа (№ 33, 34, 50) — «благородный предок» (одно из имен духа Ндау-зина).
- Туру-кава (№ 2, 28, 46) — значение имени неясно.
- Уви-ни-синга (№ 111) — «ямы засушливых дней».
- Улу-и-лакемба (№ 92) — «глава о-ва Лакемба».
- Улу-пока (№ 48), вариант — Улу-поко — «только голова» (диалектная форма имени, диалект о-вов Лау).
- Уто (№ 2, 4) — «хлебное дерево».
- Фа-куликули (№ 28) — диалектная форма (диалект о-вов Лау) имени Ва-куликули.
- Фаха (№ 118) — «глупец (?)» (тонганское имя).

Фаэ-и-пуака (№ 17) — «(пра)родительница свищей» (тонганское имя).

Хоанга (№ 17) — «из числа делающих добро (?)» или «напарник (?)» (тонганское имя).

Яле (№ 41) — «рвущийся вперед».

Янго-леву (№ 118) — «силач».

Янгона (№ 115) — «папиток из корня *Piper methysticum*» (см. Глоссарий).

Япуяну-лала (№ 101) — «пустой остров» (название крепости на скалистом острове, по-видимому вымышленной; соотношение этого острова с реальным островком Януяну у северного побережья о-ва Вануа-леву неясно).

Ясава-и-лау (№ 93) — «Ясава на ветру».

ЯВУСЫ

Вала-кева (№ 66) — «живущие высоко (?)».

Вату-сила (№ 6, 91) — «крепкая (?) скала».

Вели (№ 46) — «крошки, малютки (?)».

Ву-на-нгуму (№ 86) — «происходящие [от] *Acacia richii*».

Ву-ни-сеа (№ 68) — «происходящие от дерева *Parinarium insularum*».

Ву-ни-эву (№ 69) — «происходящие от бамбука».

Ву-ни-рева (№ 92) — «плод(ы) [дерева] *Cerbera odollam*».

Иви-ла-на-ката (№ 24) — «плоды таитянского каштана, собранные вместе».

Левука (№ 63) — «[живущие] в середине (?)» (сами левука возводят себя к тонганскому острову Лифука).

Лифука (№ 84) — диалектная форма названия левука (диалект о-вов Лау).

Ломалома (№ 59) — «[живущие] внутри, в глубине».

Ма-сая (№ 74) — «[живущие] при сау (вождь-правителе)».

Мата-и-сая (№ 28) — «лучшие; знатнейшие».

Мата-ни-кау (№ 46) — «лик леса» или «происходящие от дерева».

Мата-ни-ниу (№ 46) — «лик кокоса» или «происходящие от кокосовой пальмы».

Мбу-тони (№ 63, 64) — значение неясно.

Моли-ваи (№ 24) — «[происходящие от] дикого лимона (*Citrus vulgaris*)».

На-вава-кена (№ 86) — «победившие чужих (?)».

На-вута (№ 86) — значение неясно.

На-и-зомбо (№ 68) — «[живущие] у высоких гор».

На-и-корокоро (№ 84) — «[живущие] в [главном] поселке».

На-и-мбили (№ 66) — «[живущие] на окраине».

На-иви (№ 90) — «[происходящие от] таитянского каштана».

На-иви-ки-ламо (№ 60) — «таитянский каштан в расчищенном лесу».

На-леле (№ 46, 116) — «[происходящие от] птицы *Halcyon sanctus*» (повсеместно на Фиджи эта птица считалась табу) или «[происходящие от] дерева *Abrus precatorius*»; народная этимология названия на о-вах Лау («летящие») согласуется с первым толкованием.

На-лоза (№ 113) — значение неясно; возможно, соотносится с на-лозолозо «[происходящие от] *Alpinia* sp.» (с растениями этого вида связаны многочисленные поверья и запреты, в частности считается, что над ними имеют власть и в них могут вселяться лесные духи вели).

- На-мборо (№ 80) — «[происходящие от] растений *Solaquum* sp.».
- На-нгэ-леву (№ 78) — «мастера [сочинять и исполнять] меke».
- На-ро-ясо (№ 91) — «повелевающие акулами (?)» (находящиеся под покровительством акульих духов).
- На-уто (№ 60) — «[происходящие от] хлебного дерева».
- Нгома (№ 92) — значение неясно.
- Нгоне-сай (№ 22) — «ловкие; удачливые».
- Нгуалита (№ 24) — значение неясно.
- Ндои (№ 118) — «[восходящие к] растению *Alphitonia excelsa*».
- Но-и-коро (№ 6, 91) — «[живущие] в поселке».
- Ноэмалу (№ 85) — «[происходящие из-под одной] крыши (т. е. из одного дома) (?)».
- Онгса (№ 90) — значение неясно.
- Сиетура (№ 94—104) — значение неясно; возможно, «[обращающие в] бегство [чужих] вождей» (по [71, с. 235—236]).
- Тава-вено (№ 46) — «вытесывающие доски, плотники (?)».
- Тинитии (№ 22) — «многочисленные».
- Ту-варе (№ 30) — «устанавливающие порядок (?)».
- Тупу-лоа (№ 78) — «[живущие в] лесной хижине (?)».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беллвуд П.* Покорение человеком Тихого океана. М., 1986.
2. *Беллинсгаузен Ф. Ф.* Двукратные изыскания в Южном Ледовитом Океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 гг., совершенные на шлюпках «Восток» и «Мирный». М., 1960.
3. Второе кругосветное плавание капитана Джемса Кука. Плавание к южному полюсу и вокруг света в 1772—1775 гг. М., 1964.
4. *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
5. [*Ж.-С. Дюмон-Дюрвиль.*] Всеобщее путешествие вокруг света, содержащее извлечение из путешествий известнейших доныне мореплавателей, как то: Магеллана, Тасмана, Дампиера, Аисона, Байрона, Валлиса, Картерета, Бугенвиля, Кука, Лаперуза, Блея, Ванкувера, Антркасто, Вильсона, Бодена, Флиндерса, Круzenштерна, Портера, Коцебу, Фрейсине, Беллинсгаузена, Галля, Дюперре, Паульдинга, Бичея, Литке, Диллона, Лапласа, Морелля и многих других, составленное Дюмон-Дюрвиллем, капитаном французского королевского флота... М., 1837.
6. *Крюков М. В.* Полинезийские системы родства как этногенетический источник.— Австралия и Океания. История, экonomика, этнография. М., 1978, с. 119—135.
7. *Кулланда С. В.* Некоторые аспекты отношений общины и государства на Яве (I тыс. н. э.).— Региональная и историческая адаптация культур в Юго-Восточной Азии. М., 1982, с. 25—33.
8. *Лебедева Н. Б.* Фиджи. История и современность. М., 1981.
9. *Леви-Строс К.* Как умирают мифы.— Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985, с. 77—88.
10. *Мелетинский Е. М.* Мишологический и сказочный эпос меланезийцев.— Океанийский сборник. М., 1957, с. 174—212.
11. Мифы, предания и легенды острова Пасхи. Сост. И. К. Федоровой. М., 1978.
12. Мифы, предания и сказки Западной Полинезии. Сост. М. С. Полинской. М., 1986.
13. Океания. Справочник. М., 1982.
14. *Путилов Б. Н.* О героическом эпосе фиджийцев.— Основные проблемы африканистики. М., 1973, с. 119—128.
15. *Путилов Б. Н.* Песни Южных морей. М., 1978.
16. *Пучков П. И.* Формирование населения Меланезии. М., 1968.

17. Пучков П. И. Этническая ситуация в Океании. М., 1983.
18. Сказки и мифы Океапии. М., 1970.
19. Belshaw C. S. Under the Ivi tree. Society and economic growth in rural Fiji. L., 1964.
20. Biggs B. Fijian riddles.—JPS. 1948, vol. 57, № 3, c. 342—348.
21. Biggs B. Fijian fable.—Journal of Austronesian studies. Norfolk, 1953, vol. 1, № 1, c. 116—117.
22. Brewster A. B. Circumcision in Noikoro, Noemala, Mboumbutho (Fiji).—JRAI. 1919, vol. 49, c. 309—325.
23. Brewster A. B. The hill tribes of Fiji. N.Y., 1967 (1922).
24. Capell A., Lester R. Local divisions and movements in Fiji.—Oceania. 1941/1942, vol. 12, № 1, c. 21—49.
25. Capell A., Lester R. Kinship in Fiji.—Oceania. 1944/1945, vol. 15, c. 171—200; 1945/1946, vol. 16, c. 109—143, 234—253, 297—318.
26. Codrington R. The Melanesians. Studies in their anthropology and folklore. New Haven, 1957 (1891).
27. Coulter J. W. Fiji: Little India of the Pacific. Chicago, 1942.
28. Davidson J. W. Legend of the *vilavilarevo* of the island of Benga.—JPS. 1918, vol. 29, c. 91—94.
29. Deane W. Tanovu, the god of Ono.—Transactions of the Fijian society for 1908—1910. Suva, 1925 (1911), c. 22—25.
30. Deane W. Fijian society, or the sociology and psychology of the Fijians. L., 1921.
31. Derrick R. A history of Fiji. Vol. 1. Suva, 1950.
32. Derrick R. The Fiji islands. Geographical handbook. Suva, 1951.
33. Fison L. On Fijian riddles.—JAI. 1881, vol. 11, c. 406—410.
34. Fison L. The nanga, or sacred stone enclosures of Wainimala, Fiji.—JAI. 1884, vol. 14, c. 14—30.
35. Fison L. Specimens of Fijian dialects.—Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft. 1885, Bd. 2, c. 193—208.
36. Fison L. Tales from Old Fiji. L., 1904.
37. Geddes W. R. Deuba, a study in Fijian village. Wellington, 1945. (Polynesian Society Memoir 22.)
38. Geraghty P. The history of the Fijian languages. Honolulu, 1983. (Oceanic Linguistics Monograph 19.)
39. Gifford E. M. Fijian mythology, legends and archaeology.—Publications in Semitic philology. University of California. [1947], vol. 10, № 14, c. 167—177.
40. Gifford E. M. Tribes of Viti Levu and their origin places. Berkeley.—Los Angeles, 1952. (University of California. Anthropological records, 13:5.)
41. Golson J. Agricultural origins in South-east Asia: a view from the East.—Misa W. N., Bellwood P. (eds.). Recent advances in Indo-Pacific prehistory. Proceedings of the International Symposium held at Poona, Dec. 19—21, 1978. Leiden, 1985, c. 307—314.
42. Gordon A. On Fijian poetry.—Transactions of the 9th International Congress of Orientalists. Vol. 2. L., 1893, c. 731—754.
43. Hocart A. M. Pierres magiques au Lau, Fiji.—Anthropos. 1911, vol. 6, № 5, c. 724—727.
44. Hocart A. M. On the meaning of Kalou and the origin of Figian temples.—JRAI. 1912, vol. 42, c. 437—449.
45. Hocart A. M. The Fijian custom of Tauvu.—JRAI. 1913, vol. 43, c. 101—108.
46. Hocart A. M. Fijian heralds and envoys.—JRAI. 1913, vol. 43, c. 109—118.

47. *Hocart A. M.* On the meaning of the Fijian word *turanga*.—Man. 1913, vol. 13, c. 151.
48. *Hocart A. M.* Notes on Fijian totemism.—*Anthropos*. 1914, vol. 9, № 5/6, c. 737—739.
49. *Hocart A. M.* The dual organisation in Fiji.—Man. 1915, vol. 15, c. 27.
50. *Hocart A. M.* Early Fijians.—*JRAI*. 1919, vol. 49, c. 42—51.
51. *Hocart A. M.* Fijian chiefs, a recantation.—Man. 1921, vol. 21, c. 122.
52. *Hocart A. M.* Lau Islands. Honolulu, 1929. (Bernice P. Bishop Museum, Bulletin 62.)
53. *Hocart A. M.* Alternate generations in Fiji.—Man. 1931, vol. 31, c. 203.
54. *Hocart A. M.* The Northern states of Fiji. L., 1952. (Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Occasional publ. 11.)
55. *Hocart A. M.* Kingship. Oxf., 1969 (1927).
56. *Hocart A. M.* The life-giving myth and other essays. L., 1970 (1952).
57. *Jackson A.* A Fijian legend of the origin of the «vilavilarevo», or «fire ceremony».—*JPS*. 1894, vol. 3, c. 72—75.
58. *Jenness D.* The magic mirror, a Fijian fable.—*Folk-lore*. 1913, vol. 24, c. 233—234.
59. *Joske A.* The nanga of Viti-Levu.—*Internationaler Archiv für Ethnographie*. 1889, Bd. 2, c. 254—271.
60. *Kirtley B.* A motif-index of traditional Polynesian narrative. Honolulu, 1971.
61. *La Farge J.* A Fiji festival, the story of the war of the fishhook.—*Century*. 1903/1904, vol. 67, c. 518—528.
62. *Lester R. H.* Kava drinking in Viti-Levu, Fiji.—*Oceania*. 1941/1942, vol. 12, № 3, c. 226—254.
63. *MacNab R.* Historical records of New Zealand. Vol. 1. Wellington, 1908.
64. *Marzan P., de.* Le totémisme aux îles Fiji.—*Anthropos*. 1907, vol. 2, № 3, c. 400—405.
65. *Marzan P., de.* Histoire de la tribu de vunaqumu (Viti Levu, Fiji) et son totem arbre.—*Anthropos*. 1913, vol. 8, № 6, c. 880.
66. *Nayacakalou R.* The Fijian system of kinship and marriage.—*JPS*. 1955, vol. 64, № 1, c. 44—55.
67. *Nayacakalou R.* The Fijian system of kinship and marriage.—*JPS*. 1957, vol. 66, № 1, c. 44—59.
68. *Parham H. B.* Fiji native plants with their medicinal and other uses. Wellington, 1943. (Polynesian Society Memoir 16.)
69. *Pawley A., Sayaba T.* Fijian dialect divisions: eastern and western Fijian.—*JPS*. 1971, vol. 80, № 4, c. 405—436.
70. *Poignant R.* Oceanic mythology. L., 1967.
71. *Quain B.* The Flight of the Chiefs. Epic poetry of Fiji. N. Y., 1942.
72. *Quain B.* Fijian village. Chicago, 1948.
73. *Raven-Hart R.* Yasawa island dialect.—*JPS*. 1953, vol. 62, № 1, c. 33—56.
74. *Raven-Hart R.* A village in the Yasawas.—*JPS*. 1956, vol. 65, № 2, c. 95—154.
75. *Rivers W. H. R.* History of Melanesian society. Vol. 1—2. London—Cambridge, 1914.
76. *Roth G. K.* Fijian way of life. Melbourne, 1953.
77. *Roth G. K.* The story of Fiji. Melbourne, 1960.

78. *Rougier S. M.* Danses et jeux aux Fijis (îles de l'Océanie).—*Anthropos*. 1911, vol. 6, № 3/4, c. 466—484.
79. *Sahlins M. D.* Moala. Culture and nature on a Fijian island. Ann Arbor, 1962.
80. *Schütz A.* Sources for the study of Fijian dialects.—*JPS*. 1963, vol. 72, № 3, c. 254—260.
81. *Schütz A.* The languages of Fiji. Oxf., 1972.
82. *Seemann B.* Flora vitiensis: a description of plants of the Viti or Fiji islands, with an account of their history, uses and properties... L., 1865.
83. *Seemann B.* Viti: an account of a government mission to the Vitian or Fijian islands. 1860—1861. Folkestone — London, 1973 (1862).
84. *Sharp A.* The ancient voyagers in Polynesia. L., 1957.
85. *Sharp A.* The discovery of the Pacific islands. Oxf., 1960.
86. *Sharp A.* The voyages of Abel Janszoon Tasman. Oxf., 1968.
87. *Smythe S. M. B.* Ten months in the Fiji islands. Oxf., 1864.
88. *Snow P. A.* A bibliography of Fiji, Tonga and Rotuma. Coral Gables, 1969.
89. *Spencer D. M.* Disease, religion and society in the Fiji islands. N. Y., 1966 (1941). (American Ethnological Society Monograph 6.)
90. (St) *Johnston T. R.* The Lau islands (Fiji) and their fairy tales and folk-lore. L., 1918.
91. *Thompson L.* Southern Lau, Fiji, an ethnography. Honolulu, 1940. (Bernice P. Bishop Museum. Bulletin 162.)
92. *Thompson L.* Fijian frontier. N. Y., 1972 (1940).
93. *Thompson S.* Motif-index of folk-literature. 6 vols. Bloomington, 1955—1958.
94. *Thomson B.* The Fijians. A study of the decay of custom. L., 1968 (1908).
95. *Tippett A. R.* Fijian material culture. A study of cultural context, function and change. Honolulu, 1968. (Bernice P. Bishop Museum. Bulletin 232.)
96. *Vogan A. J.* Recent archaeological discoveries in the Western Pacific.—*JPS*. 1937, vol. 46, № 1/2, c. 99—104.
97. *Waterhouse J.* The king and people of Fiji. Containing a life of Thakombau... L., 1866.
98. Whence the Fijians?—*Transactions of the Fijian Society* for 1911. Suva, 1912, c. 25—27.
99. *Wilkes Ch.* Narrative of the United States exploring expedition during the years 1838, 1839, 1840, 1841, 1842. Vol. 3, Philadelphia, 1845.
100. *Williams Th. [and Calvert J.]* Fiji and the Fijians. L., 1870.
101. *Yen D. Y.* Wild plants and domestication in Pacific islands.—*Misa W. N., Bellwood P. (eds.)*. Recent advances in Indo-Pacific prehistory. Proceedings of the International Symposium held at Poona, Dec. 19—21, 1978. Leiden, 1985, c. 315—326.

Сокращения

JPS — The Journal of the Polynesian Society.
J(R)AI — Journal of the (Royal) Anthropological Institute of Great Britain and Ireland.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ

Составлен на основе общего указателя сюжетов С. Томсона [93] и указателя Б. Кертли [60], в котором довольно подробно представлены типичные австронезийские сюжеты. Мотивы, являющиеся вариациями соответствующих типовых (по [93]), помечены звездочкой.

- № 1 — A 132.1; A 151.1; A 151.12; A 168; A 284; B 91; F 423; F 547.3.1.
- № 2 — A 960; A 962; A 967; A 970; A 1010; A 1021; A 1445.1; A 1445.2; *A 1453.8; A 1610; B 172; *C 920; C 923; *C 941.12; F 523; Q 211.6.2; *T 539.
- № 3 — A 132.1; *A 955.18; A 1010; A 1021; A 1445.1; A 1445.2; B 91; B 172; *C 841.12; C 923; H 1562; Q 211.6.2.
- № 4 — A 705.1; A 913; A 1440; A 1610; A 2490.
- № 5 — A 1517; G 10; G 11.10.
- № 6 — A 1210; A 1610; H 1576; U 540.
- № 7 — A 1222; A 1270; A 1404; A 1414.4; A 1423.
- № 8 — A 132.1; B 91; C 220.
- № 9 — A 1010; A 1021; A 1270; A 1610; A 1650; A 1653.
- № 10 — A 955.8; A 955.9; *A 958; *A 1210; S 220; D 965.
- № 11 — A 1610; A 1650.
- № 12 — A 1335.
- № 13 — A 955; A 962; A 970.
- № 14 — *A 955.2; D 1122.
- № 15 — *A 2139; *R 211; T 10.
- № 16 — A 901; *A 2139; K 309.
- № 17 — F 480; G 15; T 596.2.
- № 18 — A 1516.
- № 19 — A 1516.
- № 20 — A 1465.1.
- № 21 — A 1480; A 1544; A 2684; U 112.
- № 22 — A 1514.1; *A 2611.8; A 2686.3.1; *P 682.
- № 23 — *A 1542.3; D 173; *M 221.
- № 24 — *A 1542; *M 221.
- № 25 — B 91; D 1051; *P 17; *P 19.5.
- № 26 — *A 941.5.9; K 300.
- № 27 — A 2034; A 2584.1; K 100; *K 139.2; *M 292.
- № 28 — A 1021; A 1445.2; A 2034; A 2584.1; *K 139.2; *M 292.
- № 29 — A 1610; F 10; *F 77.6; *F 403.2.3.9; Q 281; Q 285.1; *R 211; W 154.9.

- № 30 — *F 403.2.3.15; F 404.2; H 1562; *L 311; N 813; R 261; *U 540.
 № 31 — *A 169.2; F 136.2; Q 220; *Q 433; Q 552.12.
 № 32 — K 1200; K 1310; Q 244.
 № 33 — A 983; T 471.
 № 34 — *A 493; A 955.10; F 401.2; *F 401.3.11; F 404.2; F 423.
 № 35 — *A 941.5.9; A 970; F 404.2; *K 329.
 № 36 — A 955.3; *H 1562.
 № 37 — A 955.3; *H 1562.
 № 38 — A 941.0.1; T 75.
 № 39 — A 972; R 261.
 № 40 — B 65; D 178.
 № 41 — A 901; A 920.2; A 955.11; *A 955.18; A 964; A 967; A 970;
 D 1172.2; *D 1982.2.1; *F 813.5.2.
 № 42 — A 2681; *F 402.1.15.3; K 100; S 11.3; T 111; T 585.
 № 43 — F 403.2; F 432; F 835.2; F 841; K 1500; K 1836; Q 411; Q 433;
 Q 552.14; R 10.1; R 211; T 11; T 15.
 № 44 — A 920; B 33; F 112; F 134; L 311; R 13.3.
 № 45 — F 621; *F 813.5.2; F 841.
 № 46 — A 32; A 1010; A 1021; A 1445.2; *A 1667.1; B 91; F 216; F 251;
 F 260; F 441.
 № 47 — D 1051; D 2105; F 621; F 835; H 1141.
 № 48 — D 1641.7.1; F 511.
 № 49 — *A 2421.9; *A 2635; F 133; F 153; F 383.4; F 402; F 403.2;
 F 512.2; *F 516.1.2.
 № 50 — *A 2635; F 133; F 403.2; F 725.3.3; Q 266; Q 411.
 № 51 — E 481; F 133; F 701.
 № 52 — B 91; E 481; E 750; F 531; *L 311.
 № 53 — *D 193; F 101; F 133; *F 401.3.12; F 725; S 142; T 111; T 145.
 № 54 — F 92.1; F 402.1.11; *Q 221.1; T 111.
 № 55 — C 331; *C 943; H 1252; S 301.
 № 56 — *A 2793.10; F 945; W 813.
 № 57 — *C 939.13; D 1211; *F 531.1.6.7; F 742; F 1021; Q 266.
 № 58 — E 234.3; E 268; E 593.5; *F 402.1; *J 1794.5.
 № 59 — *F 401.3.13; F 403.2.1; F 499.1; M 221; W 813.
 № 60 — *F 401.16; *F 402.1.4.2; F 544.2.2; *G 363.6; *G 415; R 22.1.
 № 61 — *F 401.16; F 402.1.11.2; G 11.6.
 № 62 — B 91; *H 1576; Q 221.
 № 63 — A 955.3.2; *D 1982.6; D 2136; *D 2153.4; *E 401.0.2; F 402.6.1;
 F 441.2; K 730; Q 325; R 13.3; *R 111; *R 228; *U 1.6.1.1.
 № 64 — A 955.3.2; A 1630; *C 929.7; D 2151.3.1; *D 2153.4; F 133;
 F 441.2; Q 325; R 13.3; *R 228.
 № 65 — *A 959; A 1617; A 1640; *K 329.
 № 66 — A 1617; B 30; *C 526; D 2061; E 232.1; *E 329.2; F 495.
 № 67 — *D 1147.1; *D 2105.10; F 403.2.1; F 531; F 557.
 № 68 — C 221; F 401.3.7; F 403.2.
 № 69 — A 930; A 941; A 1470; A 1534; *P 311; *P 320; T 471.
 № 70 — A 974; F 547.3; F 547.5.
 № 71 — A 972.1; A 1650; *F 401.13; F 403.2.1.
 № 72 — A 1470; A 1534; *A 2836; *K 329; *P 311; *P 320.
 № 73 — A 1641; A 1689.11; D 493; *F 401.3.14; K 100; K 1200.
 № 74 — A 1689.11; D 493; *F 401.3.14.
 № 75 — A 1689.11.
 № 76 — A 1689.11; K 1715.
 № 77 — A 1470; A 1534; K 148; *P 311; *P 320.
 № 78 — *A 958; A 1470; A 1534; *F 401.12; *P 311; *P 320.
 № 79 — A 1587; A 1689.11; B 91.

- № 80 — F. 401.3.7; *F 401.3.13; Q 281; S 112.
 № 81 — A 2871; F 403.2
 № 82 — A 1587; A 1640; *A 1650; A 1653; B 91; C 564; D 482.1;
 D 1094; F 54.1; F 531; H 1252.1; H 1381.2.2.1; Z 10.
 № 83 — A 1445.2; A 1617; A 1630; H 1386.
 № 84 — A 1630.
 № 85 — A 1630.
 № 86 — A 1617; A 1630; U 1.7.
 № 87 — A 1689.11; J 1811; J 1849; P 682; *X 680.
 № 88 — *A 920.1.10.1; A 1470; A 1534; *F 403.2.2.1.1; F 911.4; F 912.2;
 *P 311; *P 320.
 № 89 — A 1470; A 1534; F 403.2.1; F 911.4; F 913; *P 311; *P 320.
 № 90 — A 1470; A 1534; *P 311; *P 320; Q 111.8.
 № 91 — A 1470; A 1534; D 950; H 411; K 1399.5; *P 311; *P 320;
 Z 71.16.2.
 № 92 — D 1812; F 1071; M 300.
 № 93 — A 1617; G 353.
 № 94 — F 403.2; F 610; R 151; *U 10; U 202.
 № 95 — D 10; D 1001; D 2072.0.3; F 610; R 10; U 50; U 202.
 № 96 — D 197; D 1051; D 1121; D 1520; F 610; H 900; *R 272; *U 10;
 U 50.
 № 97 — *F 839.8; H 1591.1; *U 202.
 № 98 — B 16.1.4; *F 401.3.10; F 610.
 № 99 — F 403.2; *F 911.8; * 913; Q 241; T 481; *U 202.
 № 100 — A 1653; D 1520; D 2188; F 725.3.3; H 310; H 322; T 573;
 T 615; U 50.
 № 101 — F 610; F 628.2.5; F 841; H 1562; Q 326; Z 141.
 № 102 — F 675; F 770.
 № 103 — F 610; F 632; F 816.2.
 № 104 — H 1591.
 № 105 — H 1591; *M 150; *M 203; Q 111.
 № 106 — D 2151; F 403.2; *F 423; F 610; F 628.2.5.
 № 107 — E 631; *S 75; S 110.
 № 108 — F 610; *U 10.
 № 109 — F 837.
 № 110 — *A 1533; *J 218.
 № 111 — F 835; *U 10.
 № 113 — G 13.1.
 № 114 — D 931; D 2161.
 № 115 — Z 139.
 № 116 — E 38.1; E 421.3; *Q 115; *Q 135.
 № 117 — C 984.3; D 1051; D 1093; F 10; F 57; F 564.3; G 512; H 331;
 H 1381.2.2; R 10.3; R 14; T 615.
 № 118 — *B 31.4.1; *B 291.4.6; *D 1564.10; D 1652.1.10; E 323; E 410;
 E 425.1.3; *E 425.4; E 613; F 512; F 531; F 610; *L 311;
 *N 813; P 272; Q 285; Q 411; R 215; S 11; S 62; S 350.
 № 119 — *A 722.7.2; A 736.1.2; F 611.3.2; H 1381.2.2.1; Q 341; Q 415.9;
 T 521.
 № 120 — D 965; *K 329; K 500.
 № 121 — *A 2365.2.2; *B 176.2; *B 298.4; *H 1562.15.
 № 122 — A 2281; A 2494.13.4; K 730.
 № 123 — A 2281.
 № 124 — A 2281; *B 295.2; *K 449.
 № 125 — A 2281.
 № 126 — *A 2341.1; K 800.
 № 127 — K 800.

- № 128 — *A 2433.
 № 129 — K 1971.
 № 130 — X 1060.
 № 131 — T 81.2.1; T 145.
 № 132 — Q 241; Q 421; T 481.
 № 133 — *X 680.

Сводный регистр

A 32—46. A 132.1—1.3.8. A 151.1—1. A 151.12—1. A 168—1. *A 169.2—31. A 284—1. *A 493—34. A 705.1—4. *A 722.7.2—119. A 736.1.2—119. A 901—16, 41. A 913—4. A 920—44. *A 920.1.10.1—88. A 920.2—41. A 930—69. A 941—38, 69. A 941.0.1—38. *A 941.5.9—26, 35. A 955—10, 13. *A 955.2—14. A 955.3—36, 37. A 955.3.2—63, 64. A 955.8—10. A 955.9—10. A 955.10—34. A 955.11—41. *A 955.18—3, 41. *A 958—10, 65, 78. A 960—2. A 962—2, 13. A 964—41. A 967—2, 41. A 970—2, 13, 35, 41. A 972—39. A 972.1—71. A 974—70. A 983—33. A 1010—2, 3, 9, 46. A 1021—2, 3, 9, 28, 46. A 1210—6. *A 1210—10. A 1222—7. A 1270—7, 9. A 1335—12. A 1404—7. A 1414.4—7. A 1423—7. A 1440—4. A 1445.1—2, 3. A 1445.2—2, 3, 28, 46, 83. * 1453.8—2. A 1465.1—20. A 1470—69, 72, 77, 78, 88, 89, 90, 91. A 1480—21. A 1514.1—22. A 1516—18, 19. A 1517—5. *A 1533—110. A 1534—69, 72, 77, 78, 88, 89, 90, 91. *A 1542.3—23, 24. A 1544—21. A 1587—79, 82. A 1610—2, 4, 6, 9, 11, 29. A 1617—65, 66, 83, 86, 93. A 1630—64, 83, 84, 85, 86. A 1640—65, 82. A 1641—73. A 1650—9, 11, 71. *A 1650—82. A 1653—9, 82, 100. *A 1667.1—73. A 1689.11—73, 74, 75, 76, 79, 87. A 2034—27, 28. *A 2139—15, 16. A 2281—122, 123, 124, 125. *A 2341.1—126. *A 2365.2.2—121. *A 2421.9—49. *A 2433—128. *A 2490—4. A 2494.13.4—122. A 2584.1—27, 28. *A 2611.8—22. *A 2635—49, 50. A 2681—42. A 2684—21. A 2686.3.1—22. *A 2793.10—56. *A 2836—72. A 2871—81. B 16.1.4—98. B 30—66. *B 31.4.1—118. B 33—44. B 65—40. B 91—1, 3, 8, 25, 46, 52, 62, 79, 82. B 172—2, 3. *B 176.2—121. *B 291.4.6—118. *B 295.2—124. *B 298.4—121. C 220—8, 10. C 221—68. C 331—55. *C 526—66. C 564—82. *C 841.12—3. *C 920—2. C 923—2, 3. *C 929.7—64. *C 939.13—57. *C 941.12—2. *C 943—55. C 984.3—117. D 10—95. D 173—23. D 178—40. *D 193—53. D 197—96. D 482.1—82. D 493—73, 74. D 931—114. D 950—91. D 965—10, 120. D 1001—95. D 1051—25, 47, 96, 117. D 1093—117. D 1094—82. D 1121—96. D 1122—14. *D 1147.1—67. D 1172.2—41. D 1211—57. D 1520—96, 100. *D 1564.10—118. D 1641.7.1—48. D 1652.1.10—118. D 1812—92. *D 1982.2.1—41. *D 1982.6—63. D 2061—66. D 2072.0.3—95. D 2105—47. *D 2105.10—67. D 2136.6—63. D 2151—106. D 2151.3.1—64. *D 2153.4—63, 64. D 2161—114. D 2188—100. E 38.1—116. E 232.1—66. E 234.3—58. E 266—58. E 323—118. *E 329.2—66. *E 401.0.2—63. E 410—118. E 421.3—116. E 425.1.3—118. *E 425.4—118. E 481—51, 52. E 593.5—58. E 613—118. E 631—107. E 750—52. F 10—29, 117. F 54.1—82. F 57—117, *F 77.6—29. F 92.1—54. F 101—53. F 112—44. F 133—49, 50, 51, 53, 64. F 134—44. F 136.2—31. F 153—49. F 216—46. F 251—46. F 260—46. F 383.4—49. F 401.2—34. F 401.3.7—68, 80. *F 401.3.10—98. *F 401.3.11—34. *F 401.3.12—53. *F 401.3.13—59, 80. *F 401.3.14—73, 74. *F 401.12—78. *F 401.13—71. *F 401.16—60, 61. F 402—49. *F 402.1.1.1—58. *F 402.1.4.2—60. F 402.1.11—54. F 402.1.11.2—61. *F 402.1.15.3—42. F 402.6.1—63. F 403.2—43, 49, 50, 68, 81, 94, 99, 106.

F 403.2.1--59, 67, 71, 89. *F 403.2.2.1.1--88. *F 403.2.3.9--29.
*F 403.2.3.15--30. F 404.2--30, 34, 35. F 423--1, 34. *F 423--106. F 432--
43. F 441.2--63. F 441--46. F 441.2--64. F 480--17. F 495--66.
F 499.1--59. F 511--48. F 512.2--49. *F 516.1.2--49. F 523--2. F 531--
52, 67, 82, 118. *F 531.1.6.7--57. F 544.2.2--60. F 547.3--70. F 547.3.1--
1. F 547.5--70. F 557--67. F 564.3--117. F 610--94, 95, 96, 97, 98, 101,
103, 106, 108, 118. F 611.3.2--119. F 621--45, 47. F 628.2.5--101, 106.
F 632--103. F 675--102. F 701--51. F 725--53. F 725.3.3--50, 100.
F 742--57, 63. F 770--102. *F 813.5.2--41, 45. F 816.2--103. F 835--
47, 97, 111. F 835.2--43. F 837--109. *F 839.8--97. F 841--43, 45, 101.
F 911.4--88, 89. *F 911.8--99. F 912.2--88. F 913--89. *F 913--99.
F 945--56. F 1021--57. F 1071--92. G 10--5. G 11.6--61. G 11.10--5.
G 13.1--113. G 15--17. G 353--93. *G 363.6--60. *G 415--60. G 512--
117. H 310--100. H 322--100. H 331--117. H 411--91. H 900--96.
H 1141--47. H 1252--55. H 1252.1--82. H 1381.2.2--117. H 1381.2.2.1--
82, 119. H 1386--83. H 1562--3, 30, 101. *H 1562.15--121. *H 1562--
36, 37. H 1576--6. *H 1576--62. H 1591--104, 105. H 1591.1--97. *J 218--
110. *J 1794.5--58. J 1811--87. J 1849--87. K 100--27, 42, 73.
*K 139.2--27, 28. K 148--77. K 300--26. K 309--16. *K 329--35, 65, 72,
120. *K 449--124. K 500--120. K 730--63, 122. K 800--126, 127. K 1200--
32, 73. K 1310--32. K 1399.5--91. K 1500--43. K 1715--76. K 1836--43.
K 1971--129. L 311--44. *L 311--30, 52, 118. *M 150--105. *M 203--
105. M 221--59. *M 221--23, 24. *M 292--27, 28. M 300--92. N 813--
30. *N 813--118. *P 17--25. *P 19.5--25. P 272--118. *P 311--69,
72, 77, 78, 88, 89, 90, 91. *P 320--69, 72, 77, 78, 88, 89, 90, 91. P 682--
87. *P 682--22. Q 111--105. Q 111.8--90. *Q 115--116. *Q 135--116.
Q 211.6.2--2, 3. Q 220--31. Q 221--62. *Q 221.1--54. Q 241--99, 132.
Q 244--32. Q 266--50, 57. Q 281--29, 80. Q 285--118. Q 285.1--29.
Q 325--63, 64. Q 326--101. Q 341--119. Q 411--43, 50, 118. Q 415.9--
119. Q 421--132. Q 433--43. *Q 433--31. Q 552.12--31. Q 552.14--43.
R 10--95. R 10.1--43. R 10.3--117. R 13.3--44, 63, 64. R 14--117.
R 22.1--60. *R 111--63. R 151--94. R 211--43. *R 211--15, 29. R 215--
118. *R 228--63, 64. R 261--30, 39. *R 272--96. S 11--118. S 11.3--42.
S 62--118. *S 75--107. S 110--107. S 112--80. S 142--53. S 301--55.
S 350--118. T 10--15. T 11--43. T 15--43. T 75--38. T 81.2.1--131.
T 111--42, 53, 54. T 145--53, 131. T 471--33, 69. T 481--99, 132.
T 521--119. *T 539--2. T 573--100. T 585--42. T 596.2--17. T 615--
100, 117. *U 1.6.1.1--63. U 1.7--86. *U 10--94, 96, 108, 111. U 50--95,
96, 100. U 112--21. U 202--94, 95. *U 202--97, 99. U 540--6. *U 540--30.
W 154.9--29. W 813--56, 59. *X 680--87, 133; X 1060.1--130. Z 10--82.
Z 71.16.2--91. Z 139--115. Z 141--101.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. МЕКЕ *

1. [Песнь янгоны]

Вставай, вставай скорее,
Вставай скорее, собирай силы.
Иди, из земли вырви
Корень дикого перца.
Тащи па святилище,
Чтобы готовить,
Там разольют янгону.
Кто разливает янгону?
Из Лотиа старший
Ее разливает.
Намука — земля плохая,
Каму ее презирает.
Но сам слепотой умирает.
Горло мое пересохло!
Горло просит янгоны,
Кореньев разжеванных просит!
Раковина пропорубила.
Вставай, вставай же скорее,
Свои собирай силы.

2. [Песнь янгоны]

Входит в дом вождь На-токе.
Входи и позволь мне стоять у входа.
На спину тапу набрось.
На ней понесу коренья¹.
Капают росы в Ма-кава.

* Большинство фиджийских меке не поддаются переводу вообще или поддаются ему крайне мало; необходимость в толковании меке для самих фиджийцев объясняет большое число существующих прозаических «экзегез». По-видимому, уже в начале XIX в. многие меке были темы для носителей языка. Ниже приводятся несколько типичных меке, сохранившихся, однако, довольно ясный смысл и структуру. Следует помнить, что большинство коротких меке представляют собой редуцированные варианты более архаичных текстов.

Таро растет в Санга-раи.
Мы отдохнем в Камбута,
Но ноги несут нас в Веси.
Спускаемся мы в На-нгара,
Две госпожи² нас встречают:
Привет беглецам, входите.
Но парус поднят на мачте,
Мы отплываем дальние,
Чтоб в теплой воде искупаться,
В свежей воде водопада.
На-нгара наполнилась шумом.
Шумит водопад Урата.
В него мы купаемся водах.
В океан выхожу я.
На мачте цветы расцветают,
Цветы украшают крепость.
Судно мое Лово-ванга,
Мачта моя — Вито-кара.
Я отплыву из На-нгара —
Судно мое На-то-ванга,
Палуба — крыша моря.
С цветами плыву я по морю.
Схожу я в море с отливом,
Плыву ловить рицдориндо³,
За мной, со мною, скорее!

3. [К калоу-рере]

Ревадра идет, соперник Ра-и-севу¹.
Духом посланный, дух выходит⁴.
О, боящийся взгляда,
Исполни то, что прошу я.
Кормчий, дом твой в краю далеком,
В дальнем Ву-ни-веси-мула.
До берега слово твое долетает.
Красные волны ко мне стремятся³,
Травою горячей ночь освещают.
Дрожит полоса огня и жара,
Змеей вдоль берега проползает.
Явись, господин Ваказамбе⁴,
Явись, господин Вакавондо⁵,
Наполни силою меньших,
Меньших своих, идущих морем.
О, исполненный страха,
Страх дающий — явись.
Явись, приблизься.
Исполни то, что прошу.

4. [Меке для идущих на рапа]

Дремал я в тени сандала,
Но, стон барабана услышав,
За палицу твердой рукою
Взялся и бросил на рапа —

Святилищу в самое сердце.
Стучит барабан неизменно,
За брошенной палицей мчусь я
С ней на плече подымаюсь.
О моя палица, Ндава ¹.

5. [Ра-нембанемба]

Ра-нембанемба, старший брат ¹,
Член его земли достигает,
Намерили в нем пять саженей,
На берег его доставят
Женщины. К берегу сносят.
Снесли на берег, па воду спустили,
На воду спустили, на нем расселись,
Уселись, как на бревне яниты ²,
В дом его отнесли, целовали,
В дом отнесли, обернули тапой,
Тонкой циновкою киакия ³,
К девушке потом обратились,
Девушке, не знающей солнца ⁴,
«Теперь получу, что надлежит мне».
И так случилось.

6. [Военная песня]

Зовут к оружью, зовут собираться,
Зовут, и слышно во всех поселках,
Слышно в На-сау, и все в молчанье:
Их вызывает военный тамбуа ¹.
Все, кто в На-сау, стоят на рара,
Вождь поднимается со словами:
«Знак нам дан, что погибнут люди».
Вот уже идут в Мбулу-кара,
Вот поднимаются по Явула,
Вот спускаются в Вату-матаи,
Вот проходят по Вату-калоло,
Мбулумбулу-ни-ваи минут.
Собираются в Ката-ва-лала,
Громко кричат, беспокойно плачут.
Васу Верата ² речь начинает:
«Только одно сказать вам хочу я».
Снова все они в Драу-мала.
То туда, то сюда переходят,
В своих походах дома разрушают.

* * *

Вот проходят люди Ловони,
Лома-и-ма-лulu минут,
Вы-ни-валу является в спешке ³:
«Дайте мне для них приношенье».
Связку тамбуа он забирает:
«Это вам. Об одном прошу я:

Всех уложите, и подвиги ваши
Меня порадуют и прославят».
Радостный ветер дует, восточный,
Ветер, что лодки несет в Мазуата,
Ветер, что лодки двойные губит.
Уже прошли берега Мока-ндранга,
Уже Вату-ира остался за бортом.
Лодки — у берега На-мбоу-валу,
Надо готовить для плаванья пищу.
Утром опять поднимают парус,
К берегу пристают в Лилива.
В Мбуа строятся цепью длинной,
Вождь великий стоит перед ними,
Им приносит прекрасный тамбуа:
«Это вам, благородные люди,
Знак нашей дружбы и знак приязни,
Просят о помощи слабые Мбуа,
Очень уж мало нас осталось.
Мой отец удалился навеки,
И остаемся мы только с братом».
Утром опять поднимают парус,
Одолеть бы залив Тинадро:
Волны страшные рвутся в лодку.
Со скалы На-и-зомбозомбо
Сын Нденгей⁴ их вопрошает:
«Знатные люди, куда плывете?»
Те в ответ: «Плывем в Мазуата».
И На-ванга⁵ их вопрошает.

На ночлег — к берегам На-и-мбаку,
Люди усталые спят в пещере,
Снова утро, и поднят парус.
Мчатся лодки, дрожит Мазуата,
Мазуата рушится с треском,
Предан огню Мата-и-на-мбулу-леву.
Свежий ветер дует в проливе,
Дует и дует свежий ветер,
Южный ветер выводит волны.
Вы опоздали, люди Мокуни,
Плыть вам теперь через На-мена,
Плыть к далекой земле Матука.
Женщины вплавь догоняют лодки,
Вслед им голубки плачут.
С острова гулкий звук океану:
Лодка священная сходит в волны,
Неистребимые всходят на борт.
Отмель песчаную одолевают,
Красные листья ропя на землю.
Красные листья Нуку-се-драу
Беснокийное море уносит.
Вот уже волны стали в Ле-куту,
На ночлег пришли в Толутолу.
Дома нет покоя Ва-сунга:
«Что за волны к нам подходят?»
Взят поселок На-ниуа,
Красные птицы взлетают к небу⁶.

7. [Меке войны]

Утром с рассветом подняли мы копья свои на врага.
Флаги, как у тонганцев¹, тряхнем за древко.
Спят они тихо, а мы подошли к ним близко,
Что там за мертвых выносят с поля?
Сыщут они стук наших палиц
И с трепетом прочь убегают.
Даже ручей перешли, на спасенье надеясь.
Вот уже женщины наши тащат убитых —
Тело тащат за телом².
Руки и ноги отсечены, грязью покрыты.
Солнце, горячее солнце встает,
Свежий подул ветерок.
Мы переходим ручей и в погоню за ними.
В луже любой они попытаются скрыться,
Словно безмозглые рыбы.
Только больших оставим, а мелочь бросим.
Так, паглотавшись яду, вверх всплывает рыбешка.
Печи готовьте — сегодня нас пир ожидает.

8. [Меке гости]

Я шел к Мбу-лекалека.
О, незваный вылетел ветер!
Задул ветер, к берегу путь занавесил,
И лодка за ветром, с ветром
Плынет в Ву-ни-вау-зева.
Там к берегу лодка пристала.
С берега женщины — вплавь, настала
Пора приплывших встретить приветом.
«Каких цветов, ожерелий каких хотите?
На сину-санга-лека ль попьститесь?»¹
«Мне белых васа надобно и к тому же
Гардений красных и желтых пахучих узи» —
Так говорила послушным ей² — «Собраны будут»³.

9. Меке Малоло

Спешите, лодка идет берегами Малоло,
В среду отплыли они от дома родного.
На палубе — связка каури Малоло¹,
Плынут увидеть владения Малоло.
К рассвету вернутся,
Пристанут к берегу скоро.
Двое на тонкой циповке в красивых уборах²
Уже уселись, сидят, и за ними
Гребцы на лодку восходят гордо.
Доставлены весла, поставлены мачты,
Все к плаванию готово.
Испита янгона, с тем отошли от Малоло.

10. Коро-и-тама

I

Плачет и плачет Меола:
«Мой господин благородный,
Умрешь ты достойно, со славой,
Умрешь за своих, опальных».

Медлит с ответом, но все же ¹:
«Меола, вождь благородный,
Двое пас, Томба рожденных.
Ты — матери сын любимый,
Я — матери сын погибший.
Ждет меня палица злая.
Нет от вождя покоя:
Теснит меня, изгоняет.
Было мне в Ра укрытье —
Недолго, опять опала.
Был мне приют на Мбенга —
Недолго, опять опала.
Смерть ждала на Кандаву,
Когда б не Маза-ни-ваи,
Спаситель, укрывший в Рева.
Но в Рева я вечный пленник,
Изнывший на суще без лодки,—
Муку терплю, и нет силы
Больше страдать на суще.
В зарослях Куру-ки-ланги
От века растет ноконоко ² —
Оно мне палицей станет!
Призван Коро-ву-эта ³:
«Из ноконоко вырежь
Палицу, да покрепче,
Чтоб далеко летела,
Чтоб из засады била».

Вот уж я ⁴ в Нуку-зангива,
Над палицей в дальнем покое
Склонился, ее натираю.
Увидят в ближнем покое
Палицу — меньшие в страхе:
«Вождю — умереть сегодня».

Лодкам пе выйти в море:
Навесы огнем объяты.
Опоясанный тапой,
С рака зовет правитель ⁵:
«Коро-и-тама! Лодки
Нам сбереги от пожара.
Пусть доживут до мира.
Навес же новый поставим!»

Неслышно я ⁶ подбираюсь,
Крадусь, у черты замираю,
И вверх оружье взмывает,
Вверх над вождя головою.

Взмывает первым ударом,
Вторым ударом взлетает —
Падает вождь высокий.

II

Я рапил его, я рапил!
Но — поднимается снова,
Я же — в Мбуреку, что в Рева.
Нет мне в Рева спасенья:
«Прочь из Рева, Коро-и-тама!»
Спешу к берегам На-сали.
Там дом, Мбуту-раки назван.
Вхожу — разбегаются бабы,
Зовут Мбати-вуака.
«Не дашь ли немного маси,
Одеться, иду в Токатока.
Иду безоружный, раздетый ⁷,
Войско чужое миную».
Они: «Одинок, как месяц ⁸,
Духа злого страшнее!»

Уходит прочь ⁹, покидает
Злую, чужую землю,
Проходит Туа-ни-нгио,
Минует Мбуре-мба-санга.
Вот уж На-суз-кау,
Виден уже Нуку-толу —
В доме своем Сезаке ¹⁰:
«Кто идет по дороге?»
(Не знает, что Коро-и-тама).
«Стань нам вождем высоким,
Крепость сейчас же поставим!»
А в Рева вожди решили:
«Пусть сгинет Мата-и-тини!»

Настигло меня ¹¹ в Токатока
Оружье жестокое вражье.
Чуть жив, и высокие волны
Меня к берегам Савани
Несут — умирать в Кати-куа.
Поверженный в час отлива,
Волнам безучастным предан —
То тонят, то вверх выносят.
И путь мой назавтра — в Рева,
Из Друса волнам жестоким
Меня уносить в безмолвье,
Горюют все в Ву-ни-моли.
Вокили ¹², бездонное море
Пусть плачет ¹³ и вторит громко
Ему причитанье в доме.
Жена, над тобой, усопшей,
Никто уже не заплачет,
Нет у тебя ни дома,
Нет ни пищи насущной,
Ни помощницы верной.

Уходит дух, уходить не хочет.
Прочь уходит, в За-кау-ява ¹⁴.
Нгей ¹⁵ рыдает в доме,
Пучина бездонная плачет:
«Дитя ¹⁶ с неведомым лицом,
Губы прекрасней каури,
Лоб — убор ярко-алый,
Точеное дерево ноги!»

11. [Гибель явусы на-кело]

Первый ямс приготовлен,
В Лома-и-нуку сложен —
Ямса могучие груды
Вождя ожидают в Лома.

Всех зовут в состязанье:
Юноши, в беге сразитесь.
Вот уже убегают,
Мчат до Мбуре-мба-санга,
Там отдыхают в полдень.
Слух прилетает страшный:
Убиты дарители ямса,
Ни одного не осталось.
А на вершине груды
Мертвых тел — Кутукуту,
Сам вождь Кутукуту!

Женщины плачут в На-лупа:
«Выживем ли сегодня!
Лучше пуститься в Драво,
Там поискать укрытия.
Может, хоть там спасемся...»
Уже состязавшихся толпы
Окружены токатока,
Уже в побоище страшном
Падает тело за телом.
Прочь бежит Кутукуту,
Прячется в На-нголо-валу;
В страхе Васу Вутый ¹ —
Берет он лучший тамбуа,
С вождями, засветло — в Рева ².
Ждет даров Ра-кания ³,
Спешит Онга-сая-за-лева,
Приносит ему тамбуа:
«Это от побежденных —
Пятнадцать всего осталось».
Вождь непреклонен: «Погибнут!»
Уходят вожди оттуда,
С плачем домой возвращаясь.
Спрашивает побежденный:
«О чём рыдаете горько?» —
«Плачом о побежденных».
Дают им пестрые ткани:
«В горе оденьтесь красиво».

«Черным раскрасим кожу,
Опояшемся тапой
Пестрой. Выходим скоро».
Выходят — все в восхищенье ⁴;
На смерть уходят не медля.
Плачет Ра Кутукуту:
«Умрет со мной Кати-куа ⁵,
Где спит другой Кутукуту ⁶.
Я ж упываю за солнцем ⁷».

12. [Меке о Зако-мбау] (отрывок)

Духи Мбау в волпенни, в гневе ¹,
Сходятся в Дреке-и-селеселе.
Зако-мбау словно не знает,
Замысел свой хранит безмолвно.
Те же сходятся и таятся,
И корят своего, Вале-заву,
Что пощадил Лоалоа-драву ².

Лодку готовит себе Зако-мбау,
Вяжет из досок Туи-на-иау ³ —
Полбк, на котором силки разложит,
Силки, что расставит он, Ву-ни-валу ⁴.

Хлопают крыльями его птицы ⁵;
Силок затянутся в Ласа-кай ⁶.
Еще Ту-ни-идау ⁷ на острове Мбау
Храбрятся и поют Мбутако-и-валу ⁸
Янгоной ⁹ — да сгинет Заузау ¹⁰!

13. [Песня о восстании 1876 г. в горах Вити-леву]

Кто вождь в Веи-таватава?
В Веи-таватава — Ле-вати-акана.
Что сказал Ле-вати-акана?
«Будем сильны, отбросим лоту,
Я правитель На-иую-коро!»
Кто великий вождь в Мата-валу?
В Мата-валу — На-пгусу-драдра.
Что сказал На-пгусу-драдра?
«В горы мы англичан не пустим».
Их отбил он в Коро-и-сата.
Кто вождь в На-веи-яраки?
В На-веи-яраки — Катаката-и-мосо.
Что сказал Катаката-и-мосо?
«Прогоним белых из На-сау-зоко».

Теперь вожди пред судом в ответе,
В тюрьме им слушать эту песню.
Кормят их сырыми бобами,
Туи-ти-мбидри их тюремщик.

Их связала сеть из валай,
На побегах валай тащили,
Тащат по скалам — боль нестерпима,
Чуть отдохнут в Ваиваи и дальше,
Тащат через хребет Вату-токо,
Тащат в На-ванга, а там уж вечер.
Ждут корабля, чтоб плыть в Левука,
Плыть в Левука, в каменоломни.
Плачут они: «Мы погибли, погибли».
Им — в Левука, в каменоломни.
«Мы погибли, погибли, погибли».

14. [Любовная песня]

До рассвета спал я спокойно.
Встало солнце, я с ним поднялся и вышел.
Быстро набрал охапку цветов пахучих —
С веток стряхнул их.
С ношкою сладкой пришел к дому любимой.
Лишь подошел, как, меня увидев, сказала:
«Что за птица летит поутру над домом?»
«Юноша славный, а никакая не птица», — ответил.
Потом же прибавил:
«Но, точно птица, я одинок и покиупут».
С шеи сняла ожерелье, мне подарила.
Гребень отдать ей решил. Бросил ей гребень.
Горе! Прямо в прекрасную щеку он впился!
«Вижу, создан ты из коры, не из мяса!» —
Вскричала
И в гневе прочь удалилась.

ПРИМЕЧАНИЯ

№ 1. Перевод с восточнофицийского по [54]. Место записи — о-ва Лая, 20-е годы XX в.

№ 2. Перевод с восточнофицийского по [54]. Место записи — о-ва Лая, 20-е годы XX в.

¹ Корни *Piper methysticum* — табу, и их нельзя переносить просто на спине: обязательно должна быть подстелена освященная белая тапа (в ряде местностей имеется выражение «тапа янгоны»).

² Две госпожи — духи в женском облике, покровительницы ритуала янгоны (ср. № 22 и примеч. к нему).

³ Риндориндо — мелкий осьминог.

№ 3. Перевод с английского по [42]. Место записи неизвестно (возможно, северо-восток о-ва Вити-леву или юго-запад о-ва Вануа-леву), ок. 90-х годов XIX в.

Калоу-рере — «пугливый дух» (см. Глоссарий, № 46, примеч. к нему и примеч. к № 21). Меке представляет собой вариант многочисленных и весьма разнообразных молений перед плаванием, однако интересно тем, что здесь обращение адресовано не духу океана, а хтоническому духу леса (возможно, это объясняется тем, что он покровительствует просящему как индивидуальный дух).

¹ Значение имени Ревадра непонятно; Ра-и-севу (букв. «господин первых даров урожая») — вероятно, дух, покровительствующий земледелию. Возможно, здесь он противопоставляется Ревадра как духу странствий, однако окончательно это неясно.

² Подразумевается, что калоу-рере подчиняется некоему высшему духу (посылающему его к человеку).

³ Красная волна и красный цвет в целом — символы сверхъестественного, великого и благородного (красный — цвет духов и вождей, ср. № 49, примеч. 6 к нему; [12, № 66]).

⁴ Господин Ваказамбе (здесь — одно из обращений к Ревадра) — Господин, Дающий Всего в Избытке.

⁵ Господин Вакавондо (здесь — обращение к Ревадра) — Господин, Наполняющий Дарами Лодки. Это и предшествующее обращение к духу раскрывают суть того, о чём просит человек: он ищет удачи в плавании и богатых даров.

№ 4. Перевод с восточнофицийского по [78]. Место записи — юг о-ва Вити-леву, 10-е годы XX в.

¹ Ндава — букв. «фицийская слива» (см. Глоссарий). В этом названии палицы содержится указание на ее форму — у нее круглая, как плод ндава, верхушка (короткие палицы с круглыми и шишковидными верхушками предназначаются для метания; см. Предисловие).

№ 5. Перевод с восточнофицийского по [54]. Место записи — о-ва Лау, 20-е годы XX в. Меке описывает поездку за новой женой вождя.

¹ Старший брат — (здесь) высокий вождь.

² Янита — название неизвестного дерева (в диалекте о-вов Лау).

³ Киакиа — циновка из белой тапы очень тонкой выделки, в традиционном фицийском обществе считалась большой ценностью. Одна или несколько киакиа, в зависимости от богатства партнеров, обязательно входили в брачные дары (здесь именно эта аллюзия).

⁴ Девушка, не знающая солнца, — та, которую тщательно охраняют от людских глаз, посагательств мужчин и действительно от лучей солнца (загар — признак низкого положения в обществе), т. е. девушка очень высокого положения, достойная Ра-нембанемба.

№ 6. Перевод с английского по [42]. Место записи — о-в Вити-леву, ок. 90-х годов XIX в. Какие именно военные действия описываются в этом меке — неясно.

¹ Вожди, уже участвующие в войне, приносят зубы каппалота в дар вождям На-саяу: подношение равнозначно просьбе вступить в войну на стороне этих вождей. Согласие принять тамбуа означает, что вожди На-саяу становятся союзниками воюющей стороны.

² Васу Верата — вождь, связанный отношениями васу с главным вождем Верата; кто именно подразумевается здесь, неясно.

³ Вождь приходит за тамбуа к себе в дом (цепности, тамбуа в том числе, хранились в специально отведенном месте в дальнем покое дома, сложенные в особую, плотного плетения, корзину).

⁴ Сын Нденгей — здесь, по-видимому, Роко-уа, дух, связанный с мысом На-и-зомбозомбо па о-ве Вану-леву, патрон мореплавания (ср. № 43, где, впрочем, ничего не говорится о его связи с Нденгей).

⁵ На-вапга — дух океана, «хозяин волн», ср. Ндаку-вапга (№ 99, 101).

⁶ Красные птицы — языки пламени: поселок предан огню, и, звучит, враги потерпели полное поражение.

№ 7. Перевод с английского по [42]. Место записи — юго-восток о-ва Вити-леву (?), ок. 90-х годов XIX в.

¹ У тонганцев были распространены небольшие треугольные флаги из раскрашенной тапы. Они насаживались на копье или на длинное древко. Вероятно, речь идет о подобных флагах.

² Женщины тащат тела убитых врагов, чтобы приготовить их в земляной печи (см. Вступительную статью).

№ 8. Перевод с восточнофицийского по [78]; записано на о-ве Вити-леву в конце XIX — начале XX в.

¹ Слова приплывших, отвечающих на привет «хозяек земли».

² Женщины, приплывшие встречать лодку, передают гребцам слова главной жены вождя, при которой они состоят («послушны ей»).

³ Гости соглашаются выполнить приказ госпожи и таким образом показывают, что выйдут на берег, имея самые мирные намерения.

№ 9. Перевод с восточнофицийского по [78]; меке записано, по-видимому, на о-ве Вити-леву в конце XIX — начале XX в.

¹ Белые раковины каури украшают вождя, т. е. вождь поднимается на палубу лодки.

² Двое, сидящие в лучшем месте на палубе лодки, — высокий вождь и состоящий при нем вождь-оратор.

№ 10. Перевод с восточнофицийского по [97]. Место записи — о-в Вити-леву, середина XIX в. (Дж. Уотерхаус указывает, что меке сложено в конце XVIII — начале XIX в.).

Для понимания текста существенно, что он рассчитан на нескольких исполнителей (это отличает его от предшествующих приведенных здесь меке, существенно редуцированных).

Предыстория и сюжет меке таковы. У вождя Рева было несколько жен, и одну из них, уроженку о-ва Кандаву, он особенно любил. У нее было два сына, Меола и Коро-и-тама (которого называли также Мата-и-тини, «младший»). Когда у вождя появилась новая жена, мбауанка, которой он начал отдавать явное предпочтение, женщина с Кандаву почувствовала себя покинутой и застала обиду. Она начала настраивать сыновей — сначала против мбауанки и ее детей, а потом и против отца. Коро-и-тама рос в постоянных конфликтах с отцом и в конце концов, уже молодым человеком, был изгнан из главного поселка Рева, а затем и из самого вождества. Некоторое время молодой вождь скитался, затем осел на родине матери, но по просьбе своего сводного брата Мазиниван был возвращен в Рева. Здесь, однако, его ждала участь, не достойная высокого вождя (ср. в тексте «В Рева я вечный пленник»). Поводом для очередной ссоры с отцом стали сборы в военный поход на о-в Кандаву: было объявлено, что Коро-и-тама не участвует в походе, а остается охранять поселок вождя. Молодой вождь решил убить отца. Была приготовлена особая палата. В день нападения Коро-и-тама поджег навес для лодок, чем привлек внимание высокого вождя — тот вышел из дома посмотреть, в чем дело, и тут сын подкрался сзади и ранил его. Думая, что отец убит, Коро-и-тама намеревался остаться в поселке, но один из вождей посоветовал ему бежать. Он был принят в Токатока, где его собирались провозгласить главным вождем (ср. в тексте слова Сезаке). Узнав же, что его отец жив, местные вожди отказались от своего решения. Было задумано убить Коро-и-тама. Смертельно

раненный, он бежал из Токатока, достиг На-кело, где и был убит. Отец его умер через несколько дней.

¹ Далее следуют слова Коро-и-тама.

² Ноконоко — фиджийское название железного дерева.

³ Коро-и-тама вызывает искусственного мастера.

⁴ Коро-и-тама.

⁵ Отец Коро-и-тама.

⁶ Коро-и-тама.

⁷ Мбати-вуака отказывает Коро-и-тама в помощи.

⁸ Сравнение с месяцем многозначно: воинов поражает и необычное одиночество путника (путешествовали всегда группами, так безопаснее), и его светлая кожа, свидетельствующая о его знатности.

⁹ В этом отрывке повествование ведется от лица рассказчика.

¹⁰ Один из вождей Токатока.

¹¹ Коро-и-тама. Здесь повествование вновь ведется от лица Коро-и-тама.

¹² Советник Коро-и-тама.

¹³ Плач моря может означать, что Коро-и-тама находился под покровительством духов моря, которые теперь горюют по нему.

¹⁴ За-кау-ява — местность на западе Рева, откуда, по поверью, распространенному в Рева, духи героев отправляются в подводный мир.

¹⁵ Жена Коро-и-тама?

¹⁶ Намек на безвременную гибель Коро-и-тама.

№ 11. Перевод с английского по [97]. Место записи — о-в Вити-леву, середина XIX в. Меке описывает реальные события, происходившие в начале 20-х годов XIX в. в вождестве Рева. Тогдашний главный вождь, Томба-и-валу, был коварным и жестоким правителем, беспощадно расправлявшимся со своими врагами. Причина расправы, учиненной им над явусой на-кело, неизвестна (можно только предполагать, что он искал случая разделаться с вождем Кутукуту, в котором видел сильного соперника). Внешняя же сторона самой трагедии, описанной в [97, с. 36—37], такова. Томба-и-валу приказал членам явусы на-кело прибыть в На-тонгадраву для принесения даров первого урожая. На-кело явились, на них бросились из засады воины вождя и уложили «тьму людей». Тела убитых были потом съедены.

¹ Васу Вутиа — образное имя вождя местности На-нголо-валу (ниже в меке дается его подлинное имя — Онго-сау-за-лева).

² Вождь несет дары Томба-и-валу, чтобы вымолить у него пощаду для немногих на-кело, оставшихся в живых.

³ Ра-кания — «господин, поедающий [людей]»; в этом эпитете Томба-и-валу заключено указание на его устрашающее людоедство.

⁴ На-кело готовятся к смерти, как к сражению; это призвано показать, что они умирают непобежденными.

⁵ Дом Кутукуту.

⁶ По-видимому, подразумевается сын или племянник вождя.

⁷ Плавание за солнцем (за горизонт, к закатной черте) — характерный океанийский образ смерти.

№ 12. Перевод с восточнофиджийского по [97]. Место записи — юго-восток о-ва Вити-леву или о-в Мбау, середина XIX в. «Меке о Зако-мбау» — самое образное в представленном здесь корпусе текстов, и поэтому оно, конечно, много теряет в переводе. Приведенный отрывок, как кажется, наименее «темен» для нефиджийского читателя.

В меке описываются заговоры вождей против Зако-мбау и тайные планы самого Зако-мбау (они сравниваются с силками: когда все задуманное осуществляется, силок затягивается). Для понимания меке существенно, что Зако-мбау и другие вожди считаются носителями сверхъестественного начала, существами, подобными духам.

¹ Духи Мбау, покровительствующие вождям острова, недовольны непокорным и самонадеянным Зако-мбау, который противопоставляет себя другим вождям.

² Лоалоа-драву — одно из образных имен Зако-мбау (букв. «черный, как зола», т. е. устрашающий в бою: перед сражением лицо и тело специально чернили).

³ Здесь Туи-на-иау — название палубного дома на лодке Зако-мбау; в действительности Туи На-иау — титул вождей о-ва Лакемба, и в меке, таким образом, имеется скрытый смысл: Зако-мбау покорит все острова, и вожди Лакемба, а значит, и фиджийские тонганцы будут служить ему.

⁴ Ву-ни-валу — на о-ве Мбау титул главного вождя; таким образом, Ву-ни-валу — это Зако-мбау.

⁵ Одновременно образ судна, поднимающего парус, и воинов с флагами на древках копья: Зако-мбау готов к сражению и отплывает на о-в Вити-леву.

⁶ Ласа-кау — местность на востоке о-ва Вити-леву, где Зако-мбау одержал одну из побед над вождями восточной части острова.

⁷ Ту-ни-идау — дух(и), патрон(ы), рыболовства. Здесь, по-видимому, образ старых, благородных вождей, противопоставленных «выскочке» Зако-мбау.

⁸ Мбутако-и-валу («грабящий»?) — дух, покровитель военных действий.

⁹ Вожди задабривают духа перед сражением.

¹⁰ Заузу (букв. «легкий ветер») — одно из образных имен Зако-мбау.

№ 13. Перевод с английского по [42]. Место записи — о-в Вити-леву, ок. 90-х годов XIX в.

После присоединения Фиджи в 1874 г. англичане начали интенсивное освоение островов, внутренние территории которых были им по большей части неизвестны. Помимо освоения новых земель и поиска полезных ископаемых, они преследовали цель получить новую рабочую силу, притом дешевую (население облагалось денежным налогом, выплачивать который можно было, только работая по найму). Во многих случаях европейцы сгоняли фиджийцев с их обжитых земель, иногда сливали поселки, не принимая во внимание исторически сложившиеся взаимоотношения. По-видимому, ряд таких акций, усугубившихся насилиственной (в ряде горных районов) христианизацией населения, послужил поводом к восстанию 1876 г. Вожди внутренних (горных) районов юго-востока о-ва Вити-леву составили временное объединение и даже смогли на некоторое время остановить продвижение англичан. Восстание было быстро подавлено (этому немало способствовали разногласия между самими вождями и предательство), вожди, руководившие им (см. их имена в тексте меке), были осуждены на каторжный труд в каменоломнях о-ва Ова-лау.

№ 14. Перевод с английского по [42]. Место записи — о-в Вити-леву, ок. 90-х годов XIX в.

II. ЗАГАДКИ *

Все плююсь, плююсь, плююсь, так до Тонга доберусь.—Чер-
пак лодки.

(В открытом море постоянно приходится
следить за тем, чтобы в лодке не было
воды.)

Все стою, стою, стою, так до Тонга доплыву.—Мачта лодки.
До самого Тонга в воде мокну.—Балансир.

(Балансир вынимают из воды, только ког-
да плавание окончено.)

На Фиджи нырну, на Тонга вынырну.—Балансир.

Две рыбы в одной воде плавают. Одна в два рта ест, другая
одним глотает.—Двойная лодка (друа) и европейский корабль.

Живет на свете малыш. Человек вырастает, пойдет пырять —
и малыш с ним. Человек под водой задохнется, а малышу хоть бы
что.—Вошь.

Сидит священник в черной рясе. Придут на него посмотреть,
а он рясу скинет.—Каури.

(Когда опасности нет, моллюск темного
цвета распластывается по своей белой ра-
ковине, а с появлением опасности сразу
скрывается в ней.)

Кто несет с собой тарелку, в которой его и съедят? — Таро.

(Листья таро отваривают на пару, а запе-
ченный клубень заворачивают в пих.)

Двадцать молодцов в белых уборах.—Пальцы рук и ног.

Что за остров — в руке сожмешь, исчезнет, разожмешь руку,
появится? — Губка.

Домик найду — с собой унесу.—Рак-отшельник.

Кто такой силач, что свой дом на себе носит? — Рак-от-
шельник.

В озере вода лежит. Белое облако на середину упадет, всю
воду выпьет, из облака ствол подымется, листья вырастут.—Ко-
косовый орех.

(В спелом кокосе молоко сгущается.)

Госпожа Трава вокруг господина Камня, господин Камень во-
круг госпожи Пищи.—Кокосовый орех.

(Волокнистая оболочка, твердая скорлупа
и ядро-пища.)

* Перевод с восточнофиджийского по [20]; часть приведенных
загадок дается по-английски в [33].

Родится — не плачет, растет — не плачет, вырастет взрослым — не плачет, состарится — заплачет.— Кокосовый орех.

(Кокос начинает пропускать молоко, когда испортится.)

Малышом одет, стариком раздет.— Бамбук.

(Стебель молодого бамбука покрыт зеленой оберткой, которая высыхает и отваливается с ростом бамбука.)

С одного бока войду, с другого выйду.— Трава иги.

(Эта трава прорастает сквозь клубень ямса, как бы протыкая его насквозь.)

Живут двое. Сражаются с утра до ночи, на почь затихнут, наутро — в схватку.— Глаза.

Справа белая пена, слева белая пена, черная волна посередине.— Глаз.

С одного края белая вода, с другого края белая вода, а между ними омут.— Глаз.

От Мбулу до Ланги (*т. е. от подземного мира до небес*).— Пробка, которой закрывают глиняный сосуд.

За морской водой пойдет — шумит, обратно идет — молчит.— Киту.

(Выдолбленная скорлупа кокоса, которую используют как сосуд для соленой воды; подразумевается, что в пустую скорлупу залетает ветер и она «поет», а наполненная водой, она уже не издает звуков.)

Вождь заговорит — птицы, свиньи, люди — все на землю падут.— Ружье.

Маленький мальчик туда-сюда бегает. Сначала туман приведет, потом солнце выведет.— Нита.

(Коротенькая палочка, которой «выпахивают» огонь из большей палочки.)

На совете вожди сидят. Простолюдин придет — всех разберет.— Шест, которым помешивают в земляной печи.

(Когда камни в печи — «вожди» раскаляются, их переворачивают и равномерно укладывают на дне шестом — «простолюдином».)

Три рыбы одна на другой лежат: акула внизу, скат посередине, а сверху кефаль скачет.— Приготовление луба для тапы.

(Доска, на которой раскладывают луб, — акула; луб — плоский скат; колотушка, которой отбивают кору, — скачущая кефаль.)

Для на полбк карабкается, на верхний заберется, а на нижний не попасть.— Кисть руки.

(Кисть может прикоснуться к плечу, но не к запястью этой же руки.)

Чужеземец на Фиджи приплывет, брюхо набьет, месяц за месяцем не евши сидит. К себе вернется — все из брюха вынет.— Мешок с копрой.

Дом стоит едой набит, до того набит, что вход закрыт. Вдруг еда оживает, весь дом занимает. Потихоньку дом откроет, выйдет наружу, дом порушит.— Яйдо и вылупившийся цыпленок.

Живут двое, сражаются без конца. То один победит, то друг-

гой. Потом один заснет крепко-крепко, тяжелым пологом накроется, враг придет и на него усядется.— Человек и сорняки.

(Пока человек жив, он гонит сорную траву со своих полей, а когда он умирает, эта трава вырастает на его могиле.)

Что за короб — сколько ни клади, никогда не наполнишь? — Дух человека (букв.: *дух, желания, помыслы и потребности человека*).

Двое есть на свете: сколько ни проси у них, всегда дают не жалея.— Вода и земля.

Утром на четырех ногах, днем на двух, вечером на трех (*вариант: вечером ползком*).— Человек в детстве, зрелом возрасте и старости.

Корни отнять — листьями покроется.— Ананас.

У кого листья и снизу и сверху растут? — Ананас.

Ребенком — зелено, постареет — покраснеет, совсем состарится — багровым станет.— Малайское яблоко.

У кого радость на заду видна? — У собаки.

(Когда собака довольна, она виляет хвостом.)

С одной стороны на лали стучит, с другой — меке играет.— Собака.

(Собака одновременно лает — стучит в барабан и виляет хвостом — танцует.)

Кто кричит не умолкая, день-ночь, день-ночь? — Волны, разбивающиеся о риф.

Кто, как ветер задует, меке играет? — Листья на дереве.

Лежит земля: черные люди живут, красные люди живут, потом белые придут и всю землю отнимут.— Волосы человека, седющие к старости.

Такое брюхо, что все в нем видно.— Садок для ловли рыбы.

Из всех помощников кто самый сильный? — Огонь.

Кто еду в лотке носит, а как много наберет, лоток бросит? — Банан.

(Красноватая оболочка, покрывающая плод с кожурой, спадает, когда банан созреет.)

Что за посланный такой — куда ни отправишь, не вернется, если только сам не приведешь? — Дротик.

Живет на свете воин, из тела копья торчат. Кто это? — Еж-рыба.

III. ПОСЛОВИЦЫ *

1. Смерть легка,
Жизнь же — что в ней?
Смерть — от трудов избавленье.
2. Только шепни [дома] —
Громче горящих поленьев
Станут в Бева трещать.
3. Что ни получишь, глазу все мало:
Велит руке, чтоб больше хватала.
4. Большая у тебя лодка —
Большие будут и хлопоты.

* Перевод с восточнофицийского по [92]; пословицы записаны в конце 30-х годов XX в. на о-ве Вити-леву.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. С. Полинская. Вступительная статья</i>	5
ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ МИФЫ	
Мифы о Нденгей	
1. [Нденгей и его сыновья]	78
2. [Нденгей и его сыновья]	79
3. Как фиджийцы научились строить лодки	80
4. [Дела Нденгей]	83
5. [Как Нденгей перестал есть человечье мясо]	84
6. [Сотворение мира]	84
7. [Первые люди на земле]	86
8. [Нденгей]	86
Прочие этиологические мифы	
9. [Происхождение людей]	87
10. [Откуда пошли фиджийцы]	87
11. [На-кау-ки-ланги, или Как люди расселились по всем островам Фиджи]	88
12. [Почему люди смертны]	88
13. Мбе-рева-лаки	89
14. [Мазанга]	89
15. [Как появилась рыба ява]	90
16. [Ява]	90
17. Как у самоанцев появились спины	91
18. [Как фиджийцы стали есть человечье мясо]	95
19. [Как фиджийцы стали людоедами]	96
20. [Почему на Фиджи татуировка у женщин, а на Тонга у мужчин]	97
21. Откуда пошли обряды панга	97
22. [Как в На-тева установился обычай пить янгону]	99
23. [Дух-держатель острова Мбенга]	101
24. Как фиджийцы узнали обычай вилавила-рево	101
25. [Тапа вождей]	103
26. [Почему в Тару-куа нет воды]	104
27. [Почему на Онеата летают москиты]	105
28. Как на Онеата появились москиты	105
29. Как на Фиджи появились тонганцы	112

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ О ДУХАХ

Духи и их приключения

30. [Украшения Тока-и-рамбе]	120
31. [О духе с острова Янду]	121
32. [Кау и Воувоу]	121
33. [Туту-матуа]	122
34. [Ндау-зина]	122
35. [О духе с На-иау и духе с Вануа-вату]	123
36. [Аива]	124
37. [Аива]	124
38. [Как дух похитил воду с Моала]	125
39. [Мбати-ни-нгака]	126
40. [Дух в облике акулы]	126
41. Танову	126
42. [Ра-сики-лау]	129
43. [Роко-уа]	131
44. [Нга-ни-вату]	135
45. На-улу-ваву	136
46. [Луве-ни-ваи]	137
47. [На-нгаи]	138
48. [Улу-пока]	139

Земля духов и путешествия туда

49. [Туи-лику]	141
50. [Туи-лику]	147
51. [Мбулу]	149
52. [Туа-ле-ита]	149
53. [Самби]	150

Духи и люди

54. [Кои-драу-на-марама]	152
55. [Тава-ки-тини]	153
56. [Камбуя]	153
57. [Сангасанга-вале]	154
58. [Духи Вакано]	156
59. [Госпожа Маи-ланги]	157
60. [Маи-ланги]	158
61. [Лева-ту-момо]	161
62. [Рату-маи-мбулу и Коро-ика]	162
63. [Сина-те-ланги]	163
64. Как люди лифука оказались на Лакемба	171
65. [Вожди Лакемба]	181
66. [Маи-мбула и Коли]	182
67. [Туи-ндела-и-нгау]	186

Духи-предки

68. Ра-маси-леву	189
69. [Рамба]	190
70. [Зуриаки]	190
71. [Как жители На-каи стали знатными людьми]	191
72. [На-токалау и Унду]	191
73. [Мбау, Вуна, Сомосомо]	192
74. [За-кау-ндрофе и Мбау]	193
75. [Как поспирели духи, повелевавшие Мбау и Вуна]	194
76. [Намука и Мбау]	194

77. [Вандаму и Ванда]	195
78. [Как явуса туну-лоа и явуса На-нгэ-леву стали тауву]	195
79. [Мазуата и Зикомбия]	196
80. О духах-предках на-мборо	196
81. [Почему жители Камбара связаны с жителями Олои]	198
82. Почему вожди Лакемба называются Туи На-иау	199

ПРЕДАНИЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

83. [Происхождение предков]	206
84. [О предках на-и-корокоро]	210
85. [Происхождение явусы нозмалу]	210
86. [Явуса ву-на-нгуму и ее дерево]	210
87. [Жители Язата и журавль]	212
88. [Мами]	212
89. Как Нозо и На-иау, что в Лая, стали тауву	214
90. На-иви и онгеа	214
91. Тувоу из На-нгатангата	214
92. [Ра-соло]	219
93. [Птица, поедавшая людей]	223
94. [Сражение в На-мборо-кула]	223
95. [Сражение между Сиетура и Нуку-зере-вука]	227
96. [Вусо-ни-лаве и вожди из Вату идири-ндунга]	234
97. [О состязании между жителями Сиетура и На-ву-ни-вануа]	238
98. [Занги-кула]	243
99. [Ндаку-ванга]	247
100. [Мба-ни-сику, Зоке-ни-весп-кула, Сау-ни-коула]	252
101. [Кали-ни-втунаава и Ндаку-ванга]	256
102. [Как был построен дом для Вале-лоа]	261
103. [Сиетура и Сея-нгаса]	262
104. [Вождь из Вуя и вождь из Яндали]	264
105. [Разрушение На-мбете-ни-ндиио]	266
106. [Ра Намоса]	270
107. [На-зула]	272
108. [Рату Самели]	273
109. [Корокоро-и-вула]	275
110. [Последнее сражение на Вануа-леву]	277
111. [Палицы Зако-мбау]	280
112. [О людях Мамбула]	281
113. [На-лоза]	282

СКАЗКИ

Волшебные сказки

114. Необыкновенный камень	284
115. [Тамбуа, Янгона и Пуака]	285
116. [Ири-ни-мбуно]	286
117. Васу-ки-ланги	287
118. Мата-ндуда	290
119. Сып Солнца	312

Сказки о животных

120. [Кокосы Туи Тонга]	317
121. [Черепаха и ящерица]	318
122. Госпожа Лысуха и Госложа Крыса	319
123. [Земляной Червь и Свинья]	319

124. [Крыса и Пес]	320	
125. [Цапля и Кустарница]	321	
126. [Попугай и Летучая Лисица]	323	
127. [Угорь и Рак]	323	
128. [Журавль и его жена]	324	
Бытовые сказки		
129. Как фиджиец съел кошку, которая была табу	325	
130. Война, начавшаяся из-за рыболовного крючка	328	
131. [Две сестры]	329	
132. [Об одной супружеской измене]	332	
133. [Каи-се-вау]	332	
Примечания		333
Глоссарий		366
Географические названия		375
Собственные имена		385
Явусы		394
Литература		396
Типологический указатель сюжетов		400
Приложение		
I. Меке	406	
II. Загадки	420	
III. Пословицы	423	

Мифы, предания и сказки фиджийцев. Составление, перевод с английского, французского и восточно-фиджийского языков, вступительная статья и примечания М. С. Полинской. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. — 427 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

ISBN 5-02-016560-3

Широкая публикация повествовательного фольклора автохтонного населения островов Фиджи. Сопровождаются вступительной статьей и примечаниями.

Рассчитана на взрослого читателя.

4703050000—006
М 013(02)-89 116-89

ББК 82.33(83Фи)

**Литературно-художественное
издание**

**МИФЫ, ПРЕДАНИЯ
И СКАЗКИ ФИДЖИЙЦЕВ**

Редактор И. Л. Елевич

Младшие редакторы

А. В. Бодянская,

Н. О. Хотинская

Художник Л. С. Эрмав

Технический редактор

З. С. Теплякова

Корректоры

М. В. Малькова

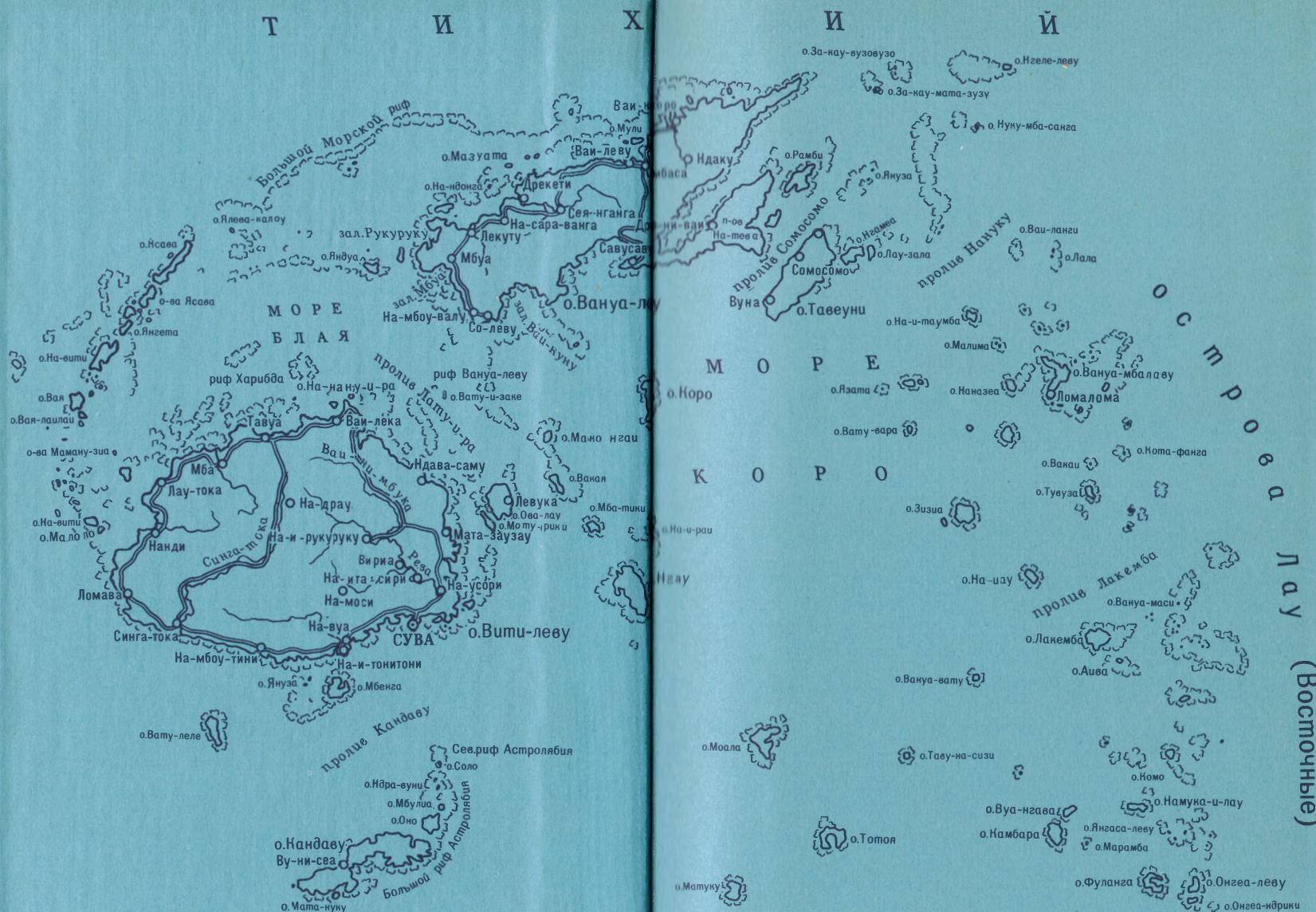
и Л. И. Письман

ИБ № 16255

Сдано в набор 18.04.88. Подписано к печати 25.10.88. Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 22,68. Усл. кр.-отт. 23,10. Уч.-изд. л. 26,05. Тираж 75 000 экз. Изд. № 6523. Зак. № 3747. Цена 2 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Ордена Ленина
тиография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, II-473, Краснопролетар-
ская, 16.

- Столица государства
- Прочие населённые пункты
- Безрельсовые дороги
- Коралловые рифы

275 0 275 550